UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00278074 0

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

purchased from the
FORD FOUNDATION GRANT

for

EAST EUROPEAN STUDIES

LIBRARY
MAR 25 1976
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3095
S55
1909a
t. 1
vyp. 2
no. 2

735724 Part 2

„Ни съ чѣмъ не можно сравнить замѣшательство, которое имъ причинилъ видъ мой. Молодой человѣкъ, коего лицо представляло смятеніе; печальное платье увѣряло ихъ, что я лишенъ драгоцѣнности; Юнгъ открылъ имъ мое имя... Долгое время стояли всѣ мы неподвижно; никто не зачиналъ говорить... Наконецъ, я рѣшился"...

„Извините меня, сударыня"... Любовь поправила слова мои. Я повторилъ: „извините меня, божественная Роза!.. Клянусь вамъ... не намѣренъ я былъ прерваться упражненіе ваше... Пріятность времени — грусть — вселили въ меня желаніе прогнать скуку мою чтеніемъ... Услыша неподалеку отъ себя голосъ... Любопытство вселило въ меня дерзость... Признаюсь... Я слышалъ ваши разговоры... Боготворя Юнга... Желая вамъ угодить... пропустилъ я его сквозь вѣтвія"... [415]

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ интересной дѣвицей Милонъ узналъ, что передъ нимъ — дочь того графа Д*, который былъ другомъ его покойнаго отца.

Между тѣмъ, въ письмѣ къ Вѣтрогону, въ отвѣтъ на исповѣданіе имъ его вѣры, Милонъ заявляетъ, что міросозерцаніе Вѣтрогона „повергло его въ ужасъ".—

„Я не узнаю тебя, Вѣтрогонъ—продолжаетъ онъ—ты непостояненъ, но честенъ! развратное общество, въ которомъ, по богатству твоему, играешь ты непослѣднее лице, привычка, лесть—вотъ, страшныя причины, претворившія тебя въ толь славнаго знатока испорченныхъ нравовъ".

„...не пуговицами пріобрѣтешь почтеніе, но сдѣлавшися другомъ несчастныхъ! Не щеголяй, уловляя бѣдную невинность,—облегчай горести, осушай слезы тебѣ подобныхъ, основаніемъ дѣлъ своихъ полагай должность помогать ближнему. Вотъ, кажется, правила честныхъ людей!" [416]

Далѣе Милонъ нападаетъ на городскую жизнь, на ложь высшаго „свѣта"; съ негодованіемъ рисуетъ длинный рядъ порочныхъ лицъ, которыми окруженъ Вѣтрогонъ и восклицаетъ:

„Разсмотри себя, что̀ сдѣлалъ ты для отечества? что̀ сдѣлалъ для себя? ничего хорошаго, множество худого!.. Совѣстно мнѣ, но долженъ тебѣ сказать, что дотолѣ не возвращу тебѣ имени друга моего, доколѣ не узнаю, что ты попалъ на прямой путь" [417].

Кончаетъ Милонъ свою проповѣдь указаніемъ, что презирать „мужичковъ" Вѣтрогонъ не имѣетъ права.

„Они, въ глазахъ моихъ, говоритъ Милонъ, гораздо почтеннѣе презрѣннаго питомца счастія" [418].

Въ письмѣ къ Честону Милонъ подробно разсказываетъ о своемъ первомъ визитѣ къ графу Д*. Самъ хозяинъ очень понравился ему своимъ добродушіемъ и привѣтливостью: Милонъ особенно восхваляетъ его за гуманное отношеніе къ крестьянамъ: у него нѣтъ такихъ дорогихъ прихотей, какъ у

многихъ другихъ помѣщиковъ: не устраиваетъ онъ, на счетъ своихъ мужичковъ, парковъ, съ прудами и роскошными мостами. Оброкъ онъ беретъ хлѣбомъ,—при чемъ платитъ деньги „по справочнымъ цѣнамъ"; онъ устроилъ у себя въ деревнѣ судъ сельскій и ввелъ самоуправленіе...

Не понравилась Милону графиня, — женщина, отравленная сословными предразсудками и любящая деньги. —

„Графиня, услыша, что за мною только сто душъ, загибала каждую рѣчь холоднымъ и ничего не значущимъ словомъ: „сударь". Она—изъ тѣхъ барынь, у которыхъ денежныя достоинства въ бо́льшей цѣнѣ, нежели душевныя" 419.

Милонъ разсказываетъ, какъ неловко чувствовалъ онъ себя за обѣдомъ, въ присутствіи обожаемой имъ Розы.

Графъ завелъ разговоры на литературныя темы, и къ нему обращался, какъ къ лицу авторитетному, съ вопросами, въ родѣ слѣдующихъ: „какіе романы могутъ быть даны въ руки дѣвицамъ?",— „полезно-ли благороднымъ играть комедіи?" и пр. На первый вопросъ Милонъ отвѣтилъ, что чтеніе надо приноравливать къ характеру читающихъ: такъ, дѣвицамъ, „находящимъ пищу въ размышленіи", — онъ рекомендовалъ чтеніе „Юнга, Вертера и Грандисона".

„Вотъ, ихъ утѣшеніе! можетъ быть, пристрастіе управляетъ моими мыслями, и, признаюсь вамъ, что я влюбленъ въ Юнга" 420.

Затѣмъ Милонъ съ жаромъ защищаетъ „чувствительность" и „слезы"—показатель сердечности:

„Я иду смѣло противу твердыхъ нравовъ, приписывающихъ плачъ слабости"—заявляетъ онъ.

„Увидя погибающаго, кто прольетъ на скорбь его лестную сію отраду,—тотъ, имѣя способы, конечно, первый устремится облегчить его участь. Слабость-ли ощущать сожалѣніе? слабость-ли раздѣлять горесть? слабость-ли человѣку быть человѣкомъ?" 421

Роза оказалась талантливой пьяницкой и привела своей игрой Милона въ совершенный восторгъ. Въ заключеніе письма, онъ описываетъ подробно ея костюмъ и наружность—

„Пюсовой левитъ, подпоясанный золотой цѣпью,—вотъ, все ея украшеніе. Висящіе локоны, продернутая въ волосахъ ленточка—вотъ, ея уборка!.. Нельзя не описать, съ какой прелестью она танцуетъ. Какая легкость! какая во всѣхъ движеніяхъ благопристойность! Въ минуэтѣ видна была величественная красавица; въ контрдансѣ—быстрая птица, въ пляскѣ... Ахъ, Честонъ!.. тутъ превзошла она всякое воображеніе! Какая живость! какое искусное выраженіе?.. Короче: она меня обворожила! Милонъ—или будетъ счастливъ; или... или умретъ!" 422

Роза въ письмѣ къ подругѣ своей Прелестѣ высказала пред-

положеніе, что Милонъ влюбленъ въ нее, но Прелеста, въ отвѣтномъ письмѣ, оказывается дальновиднѣе своей подруги, — она замѣчаетъ, что Милонъ влюбленъ не въ нее, а въ Розу; высмѣиваетъ она затѣмъ князя Вѣтрогона, который тоже появился въ ихъ кругу. Прелеста считаетъ его „хвастуномъ“ и „пустымъ лгуномъ“.

Между тѣмъ, пріѣздъ князя Вѣтрогона вскружилъ голову старой графинѣ Д*, и она стала прочить свою Розу за этого столичнаго щеголя. Довольный собою, сообщаетъ онъ объ этой новой своей удачѣ Милону—

„Вотъ, милостивой государь, и въ деревнѣ намъ удивляются!.. Свѣтской человѣкъ, какъ Протей, принимаетъ на себя разные виды. Цвѣтки лести для всякаго пріятны. Графиня души во мнѣ не знаетъ, а Графъ, по неволѣ, въ угодность своей дражайшей жены, оказываетъ мнѣ тысячи ласканій. Хвалятъ мои пѣсенки; всѣ ихъ списываютъ. Лишь растворю я ротъ,—всѣ хохочутъ. Все у меня кстати: возьмусь лишь за галстухъ, выставлю ногу, посмотрю на часы, выну табакерку,—всѣ говорятъ, что я развязанъ, умѣю съ пріятностью ходить, сидѣть, стоять, пѣть“ [423] и пр.

Предложеніе князя было принято—и Роза сдѣлалась его невѣстою.

Съ ужасомъ повѣствуетъ Милонъ Честону о случившемся: Роза,—„сія несчастная жертва корыстолюбія матери“, — никогда не будетъ принадлежать ему!

„Жизнь человѣческая, игралище случая, подобна океану, который волнуется и въ самую тишину!.. Вчерашній день солнце радости освѣтило духъ мой; вчерашній день восторгъ мой превышалъ границы... Суди же сего дня... пагубная вѣсть!.. Роза выходитъ замужъ! и за кого?.. [424]

Милонъ разсказываетъ затѣмъ, какъ низко палъ кн. Вѣтрогонъ: „всегда онъ былъ вѣтренымъ, но никогда нечестнымъ“, но, за пять лѣтъ со дня ихъ разлуки, онъ сдѣлался неузнаваемымъ! Сообщаетъ далѣе Милонъ, что его сестра выходитъ замужъ и что онъ отдаетъ ей все свое имѣніе,—ему самому ничего не надо: „гробъ, вотъ, мой чертогъ!“—восклицаетъ онъ.

Прелестѣ онъ пишетъ отчаянное письмо: признаваясь въ любви къ Розѣ, въ самыхъ черныхъ краскахъ рисуя Вѣтрогона, онъ заканчиваетъ свое письмо патетическими возгласами:

„...о, гробъ! вотъ, чертоги, которые воздвигну я ему и себѣ!.. Такъ, сударыня, я рѣшился... Мученія мои превосходятъ понятія, духъ стѣсненный... Злая фурія отчаянія раздираетъ мою душу... Смерть, вотъ пристань, къ которой направляю я корабль свой... Все слабо... вѣра!.. И ты, геенна самая, сноснѣе, нежель жизнь...“ [425]

Такое же отчаянное письмо, къ той же Прелестѣ, пишетъ Роза: она узнала, что Милонъ ее любитъ, и сама признается своей подругѣ въ своихъ чувствахъ къ нему —

„Такъ, любезная Прелеста, злополучный Милонъ счастливъ: я его люблю. Никогда не узнаетъ онъ своей побѣды. Пагубный союзъ полагаетъ между нами непреоборимыя преграды. Вы — совершенный Вертеръ!.. Я дрожу!.. Удалитесь отъ меня, страшныя мысли! Играй, рокъ, долею стенящей Розы!“ [426]

Между тѣмъ, ликующій Вѣтрогонъ все продолжаетъ поддразнивать Милона, не подозрѣвая того, что тотъ влюбленъ въ Розу.

„Зеркало мое меня не обмануло; по чести я не глупъ собою... вотъ и доказательство: Роза—моя!.. Ловкость моя увѣнчана лаврами. Что̀ возьмешь, господинъ рифмоткачъ, сочинить стихи на мою свадьбу?“ [427]

Заканчиваетъ онъ свое письмо увѣреніемъ, что нисколько не любитъ невѣсты.

Между тѣмъ, Честонъ пишетъ длинное посланіе, въ которомъ старается успокоить Милона и доказываетъ, что онъ не имѣетъ права лишать себя жизни. Онъ взываетъ къ его мужеству, къ его принципамъ...

Во время бракосочетанія Розы Милонъ захворалъ. Вѣтрогонъ упрекаетъ его за то, что, своею внезапной болѣзнью, онъ омрачилъ его свадьбу, и кстати сообщаетъ въ шутливомъ письмѣ, что его супруга оказала ему на первыхъ же порахъ столько холодности, что онъ рѣшилъ съ ней развестись. Его нисколько это не огорчаетъ.

„Ето дурачество влюбиться въ жену!.. И у мѣщанъ, благодаря просвѣщенію, такая глупость выводится!“ [428]

— восклицаетъ онъ.

Роза пишетъ Прелестѣ грустное письмо, въ которомъ разсказываетъ, какъ она, противъ воли, уступила родителямъ, какъ произошла ея первая размолвка съ супругомъ, и какъ легко онъ примирился съ ея холодностью... Видя, что она не желаетъ оказывать ему супружескихъ ласкъ, онъ сказалъ ей:

„Успокойтесь, Ваше Сіятельство!.. повѣрьте, мы останемся друзьями; не думайте, чтобъ я былъ ребенокъ и, плача, упрашивалъ васъ быть ко мнѣ благосклонною. Завтра мы ѣдемъ въ деревню; вы будете совершенная госпожа своего поведенія. Ежели вамъ будетъ угодно... я—вашъ покорной слуга; ежели же нѣтъ,—актриса моя, право, васъ прекраснѣе!.. Не будьте только ревнивы; ето—страшной порокъ!.. Мы будемъ украшаться спокойно рогами“.

„Вы видите, что я жить умѣю. Ловите молодчиковъ въ свои сѣти,— я буду удить голубокъ...“ [429]

Въ письмѣ къ подругѣ она упрекаетъ своихъ родителей за то, что они погубили ее:

„о, родители! страшитесь предпочитать родъ и богатство благородной душѣ!“ 430.

Между тѣмъ, Милонъ пишетъ отчаянныя письма Честону,— его горе выражается все болѣе и болѣе бурно... Онъ разсказываетъ, какъ ночью, съ пистолетами въ рукѣ, отправился онъ на кладбище, чтобы тамъ, на могилѣ родителей, покончить съ собою.

„Казалось, слышалъ я голосъ, исходящій изъ земли: „умри, несчастный!“... Душа моя пріобрѣла нѣкоторое успокоеніе... Густая вязовая роща, объемлющая гробъ, тихимъ шумомъ листвы внимала мои страданія... Жалобный стонъ кукушки, карканье ворона раздѣляло мою горесть... Отвсюда окружала меня смерть, разбросанныя кости... Пистолеты, лежащіе у ногъ моихъ... Я простиралъ вокругъ себя раздраженные взоры... Природа вся глубокимъ молчаніемъ ободряла предпріятіе мое. Луна, зерцало красоть дневнаго свѣтила, возмущала духъ удрученный... „Отврати лице свое отъ преступника“, говорилъ я дрожащимъ голосомъ, „освѣщай путь благоденствующаго...“ Облако покрыло чело ея... Звѣзды надавали блескъ томный... Морскія волны, клубясь, разбивались о камень... Все наводило на меня священный ужасъ!.. Вынимаю карандашъ и пишу на бѣлой страницѣ твоего письма: „Свергаю рубище тлѣнное персти .. Отхожу въ вѣчность... Софья! не жалѣй, но благослови память мою... Не я, но бѣдствія мои исчезли... Прости!“... Нѣтъ, Честонъ! презрѣніе людей меня не тревожитъ... Небеса правосудны... Я уже наказанъ... Жестоко наказанъ... Пагубною любовію... Роза! такъ... свершилось... Я долженъ умереть... Ты, свѣтильникъ истины! средоточіе круга сокровенныхъ! прими духъ мой... Онъ истекаетъ отъ тебя... Ты—его стихія.. Никогда я не осквернилъ его злыми дѣлами... Ты очистилъ испытаніями совѣсть мою... Мученія мои велики... Слѣпу въ чертогъ твой... Преступаю за рубежъ жизни... Вхожу въ предѣлы вѣчности... Гробъ... Хладный прахъ... Составъ разрушится... Нѣтъ, сердце мое повѣряю я божественной Розѣ... Перестаю писать... беру дрожащею рукою пистолетъ... Силы мои изнемогаютъ... Твердость приходитъ въ истощеніе...“ 131

Въ самый критическій моментъ являются на кладбище сестра, его зять и Прелеста; они удерживаютъ его руку, а Прелеста даетъ ему понять, что Роза его любитъ... Розѣ она пишетъ успокоительное письмо, которое заканчивается словами: „миновала буря... Вертеръ живетъ“.

Часть вторая романа начинается перепиской кн. Вѣтрогона съ его бывшей любовницей, актрисой Зоразой. Эта героиня— подъ пару ему: тотъ же цинично-жизнерадостный взглядъ на жизнь, та же беззаботность относительно вопросовъ морали. Жа-

луясь на свою Розу, „самую заунывную пташку", за ея холодность, онъ зоветъ къ себѣ въ деревню Заразу.

„Ты смазлива, проворна, хитра, умна, ловка; все умѣешь мастерски...“ 432

— посылаетъ онъ ей комплименты. Затѣмъ онъ живо представляетъ себѣ, какъ весело проводитъ время безъ него его бывшая любовница. При вѣсти объ его бракѣ, она, навѣрно, притворно упала въ обморокъ —

„Кто нибудь изъ дежурныхъ волокитъ помогаетъ разстегивать шнуровку, палуетъ груди и увѣряетъ, что онъ счастливъ, ежели жертва кошелька его угодна твоему сердцу... Подаютъ воды.. Ты приходишь въ себя... открываешь плутовскіе свои глаза... Вздыхаешь... бросаешь умильные взоры.. Протягиваешь руку... Роландъ ее лобызаетъ... становится на колѣни... Летитъ въ объятія и... етого я не могу выговорить; я не ревнивъ, однакожъ... однакожъ досадно... Отпусти его въ отставку!..“ 433

Затѣмъ онъ дерзко подтрунываетъ надъ нѣкоторыми, довольно существенными, дефектами ея наружности, вспоминаетъ съ удовольствіемъ, какъ обманывали они другъ друга и другихъ. —

„Помнишь-ли, какъ Хитрана-танцовщица, ты и я играли въ жмурки, и какъ умѣлъ я съ нею отъ тебя спрятаться, когда тебѣ завязали глаза и ты цѣлые полчаса насъ ловила?.. Признайся, и я непромахъ!.. Нашла коса на камень!.. Обманамъ нашимъ нѣсть числа!.. Суди жъ, могу-ли я жить съ етою горемычною кукушкою?.. 434

Зараза отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ своему поклоннику. Она, прежде всего, спѣшитъ ему сообщить, чтобы онъ не обольщался мыслями, будто его свадьба ее огорчила.—

„Здѣсь Вашихъ Сіятельствъ, благодаря Бога, довольно,—хоть прудъ пруди!“ 435.

—развязно заявляетъ она. Поэтому утѣшиться ей, даже въ случаѣ горя, нетрудно:

„Стоитъ увидѣть во снѣ, что Вѣтрогону измѣнила, — посмотришь, сбылось и на яву!.. У насъ есть такіе добренькіе стряпчіе,—какъ скоро очистится вакансія, то тотчасъ и балотируютъ на убылое мѣсто какого нибудь щедраго осла. Намъ такой и надобенъ. Мы мастерски высасываемъ денежную кровь“ 436.

Затѣмъ она сообщаетъ своему другу о своихъ сценическихъ успѣхахъ; иронизируетъ надъ своими драматическими талантами, выражаетъ презрѣніе къ суду публики, которая ея красоту ставитъ выше всего.

Въ то время, какъ эти два жизнерадостныхъ героя мѣняются циничными письмами, несчастная Роза заполняла теперь все свое одинокое существованіе музыкой, рисованіемъ и чтеніемъ Юнга

и Вертера. Она въ письмахъ твердитъ о Вертерѣ, а Милонъ въ это время добросовѣстно разыгрываетъ этого героя. Другу своему онъ пишетъ:

„Сердце мое стѣсненно. Мысли стремятся къ одному предмету; чтеніе питаетъ задумчивость мою. Мрачное отчаяніе не возмущаетъ духъ мой. Каждое утро выхожу я рано въ лѣсъ,—тамо предаюсь размышленіямъ“ [437].

Онъ завидуетъ поселянамъ, въ жизни которыхъ нѣтъ неравенства, разлучающаго любящихъ. Онъ нападаетъ затѣмъ на сословные предразсудки, на Вѣтрогона — человѣка, недостойнаго Розы и, тѣмъ не менѣе, ему предпочтеннаго.

Кн. Вѣтрогонъ, все еще ничего не подозрѣвая о взаимной любви Милона и Розы, приглашаетъ его къ себѣ погостить.

„Пріѣзжай къ намъ поскорѣе; княгиня моя пособитъ тебѣ плакать— и вы дадите мнѣ заунывный дуетъ... Признаться, мы и дѣла то еще не дѣлали... Самые стоическіе супруги!“ [438]

Затѣмъ Милонъ разсказываетъ въ письмѣ къ Прелестѣ, о трогательномъ свиданіи, которое произошло у него съ Розой.

„...вошелъ въ гостиную комнату безъ доклада, и что̀жъ я увидѣлъ? Божественная Роза, читая Юнга, утопала въ слезахъ... Я упалъ къ ногамъ ея... Долго не могла она опомниться; наконецъ, бросивъ на меня взоръ страшный, сказала: „что̀ вы дѣлаете? развѣ вы позабыли, что оскорбляете симъ меня и друга своего?“ [439]

Она признается ему въ любви.

„...узнай, я люблю тебя! Любовь моя превосходитъ воображеніе, но, со всѣмъ тѣмъ, Сракъ довольно силенъ удержать слабость“... [440].

Ея признаніе воскресило его... Потомъ началась игра на клавесинѣ... Но въ это время, некстати, явился Вѣтрогонъ, нарушивъ ихъ поэтическое настроеніе своими беззаботными циничными пѣсенками, остротами и шалостями...

Однажды онъ засталъ Милона на колѣняхъ передъ Розой. Высмѣявъ Милона, онъ изгналъ его изъ дому. Оскорбленный и взволнованный, Милонъ пишетъ несвязное письмо къ Вѣтрогону, въ которомъ угрожаетъ ему и, въ то же время, умоляетъ не мучить Розы...

Между тѣмъ, задѣтая за живое остротами князя, Зараза мститъ ему своими насмѣшками, предсказываетъ ему въ скоромъ будущемъ появленіе „роговъ“ и, въ заключеніе, сообщаетъ, что пріѣхать не можетъ, такъ какъ, совершенно неожиданно для себя, оказалась въ интересномъ положеніи,—при чемъ сама не знаетъ, кто отецъ ея будущаго ребенка: четверо мужчинъ „бьются объ закладъ и каждой споритъ“, что онъ — „причина этой болѣзни“,

откровенно разсказываетъ она. Въ отвѣтномъ письмѣ попробовалъ, было, и кн. Вѣтрогонъ себя причислить въ число кандидатовъ на званіе „отца", и даже брался воспитывать будущаго ребенка, но получилъ отъ Заразы слѣдующую отповѣдь:

„Пишешь ты, что имѣешь великое участіе въ моей беременности,—столькоже точно, какъ въ построеніи Сухаревой башни!.. Твое ли дѣло быть отцемъ!.. Замысловатой простачокъ, богатой бѣднякъ, страстной рогоносецъ, знатная шестерка, ученой Вральманъ, ловкой Митрофанъ, несчастливой хватъ, какъ можешь ты воспитать дѣтей! Повѣрь мнѣ, ежели будетъ у тебя сынъ, или дочь, божись смѣло, что не твой; я за тебя порука... Пріѣзжай сюда, полно ѣсть овесъ!" 441

Въ это же время Прелеста выходитъ замужъ за Честона; ихъ любовь спокойна и уравновѣшенна. Честонъ, напримѣръ, объясняется въ любви въ такихъ выраженіяхъ:

„Вздыхать, рваться, стонать, бросаться на колѣни, пускать страстные взгляды... Не могу я пріучить себя къ трагическимъ симъ уловкамъ. Нѣтъ, сударыня, не подражаю я романамъ" 442.

Между тѣмъ, въ сердцѣ Милона разыгрывается буря... Слуга его Усердъ разсказалъ, какъ Милонъ, въ порывѣ отчаянія, побѣжалъ къ рѣкѣ,—какъ онъ, Усердъ, умолялъ его вернуться домой,—силой хотѣлъ его удержать, и какъ Милонъ готовъ былъ пронзить его шпагой, и какъ, вырвавшись, бросился онъ въ рѣку...

„И такъ исчезъ другъ человѣчества!—писалъ Честонъ Розѣ.—Нѣтъ! онъ живетъ въ душахъ нашихъ!" 443

Даже Вѣтрогонъ былъ нѣсколько смущенъ этой вѣстью, и Заразѣ своей писалъ слѣдующее:

„Всѣ ваши Англинскія трагедіи —ничего передъ нашею. Милонъ—опасной человѣкъ... Мало ему было Княгини,—влюбился въ морскую богиню, и захотѣлъ Нептуна сдѣлать рогоносцемъ! Пускай кушаетъ живыя стерляди. Я участи его не завидую: Признаться, любилъ я мудреца, да вольно ему волочиться за моею женою!"

„...Что ни говори, однакожъ мысли мои бродятъ, какъ увѣчные старики. Чѣмъ же, съ позволенія вашего, госпожа-совѣсть, я виноватъ?" 444

Пробуетъ онъ шутить, но шутки ему не удаются, и онъ опять впадаетъ въ минорный тонъ:

„Нѣтъ, что-то не шутится,—Милонъ не выходитъ изъ ума!.. Роза опасно больна, и я чувствую, что тѣнь друга танцуетъ въ головѣ моей. Несчастной!.. Ежели бы зналъ я, что ты сталишь, не выгналъ бы тебя изъ дома... Княгиня съ лишкомъ добродѣтельна... Однакожъ любовь качаетъ горами, а Роза—не гора... Глупинькой! для чего прежде женидьбы не объявилъ мнѣ, что ты подстрѣленъ красотою Линданы (прозвище Розы), я отдалъ бы тебѣ ее съ придачею, а то теперь вотъ, что́ вышло!.. Не смѣйся Зараза, я плачу!" 445

Мысли о смерти приводятъ его духъ въ унылое расположеніе:

„Страшно при томъ сыграешь на театрѣ роль буфона — опустится

занавѣсъ... ужасная неизвѣстность! Какъ твердъ ни будь — манжеты затрясутся!" [416]

„О, сколь дорого бы я заплатилъ, ежели бы кто могъ меня успокоить: нѣтъ, никакія сокровища, кромѣ добродѣтели, не сильны доставить человѣку душевныя тишины"... [417] восклицаетъ онъ.

Между тѣмъ, Милонъ вовсе не утопился: онъ просто перебрался на другой берегъ, прошелъ въ усадьбу князя Вѣтрогона и поступилъ къ нему садовникомъ. Въ саду произошло его свиданіе съ Розой... Потомъ свиданія повторялись часто, и Милонъ былъ счастливъ... Честонъ предупреждаетъ Милона, что онъ сдѣлалъ слишкомъ рискованный шагъ, что онъ можетъ погубить Розу,—„вонзить въ ея грудь мечъ пороковъ"... Честонъ готовъ даже отказаться отъ дружбы съ Милономъ, если онъ будетъ и впредь такъ рисковать именемъ своимъ и честью Розы. Опасенія его оказались справедливы... Одно изъ свиданій окончилось паденіемъ Розы... И Вѣтрогонъ застигъ своего друга и супругу на мѣстѣ преступленія... Герои обмѣнялись пощечинами. Роза писала Прелестѣ объ этомъ слѣдующее:

„Прелеста! ты содрогаешься... Такъ, подруга души моея! щека злополучнаго,—жилище красоты и честности—осквернена рукою раздраженнаго варвара!.. Бѣшенство овладѣло Милономъ... „Играй, свирѣпая страсть страданіями горестнѣйшаго изъ смертныхъ! иду лить кровь!.. Вѣтрогонъ, вотъ — росписка!"... Щека тиранна, — жилище подлости и злобы,—украсилась мщеніемъ обиженныя добродѣтели!" [418]

Письмо Розы заканчивается рядомъ несвязныхъ фразъ (bavardage de la fièvre).

„О, Боже мой! вижу ліющуюся кровь!.. Слышу послѣднія слова умирающаго... Лице его покрыто блѣдностію... Простираетъ ко мнѣ руку... Произнесъ мое имя... Такъ, нѣтъ уже тебя на свѣтѣ!.. Помедли, Милонъ!.. Я слѣдую за тобою... Насыться, хищный тигръ, симъ зрѣлищемъ; вонзай орудіе въ грудь твоей супруги... Мечта ужасная... Прости... послѣдній разъ, конечно, послѣдній разъ пишу къ тебѣ... [419] и пр."

Въ письмѣ слуги-Усерда къ сестрѣ Милона разсказывается о томъ, что Милонъ раненъ на поединкѣ. Начинается письмо съ осужденія дуэлей. Разсказываются подробности поединка; оказывается, между прочимъ, что кн. Вѣтрогонъ былъ очень потрясенъ, когда увидѣлъ сраженнаго имъ Милона.

Письмо Милона къ Честону, написанное безсвязными фразами (фигура умолчанія—bavardage de la fièvre), представляетъ собою бредъ умирающаго, сквозь который, однако, проглядываетъ примирительная мысль о неизбѣжности смерти...

Роза умерла съ горя. Это скрыли отъ больного Милона, но онъ случайно, изъ окна, увидалъ погребальное шествіе, и, узнавъ, что

это хоронятъ ее,—сорвалъ повязки и умеръ. Князь Вѣтрогонъ, потрясенный всѣмъ происшедшимъ, отравился. Всѣ трое похоронены были подъ однимъ камнемъ, и памятникъ, воздвигнутый на ихъ могилѣ, былъ украшенъ соотвѣтствующею надписью.

Романъ заканчивается предсмертнымъ письмомъ князя Вѣтрогона къ нѣкоему Бездѣльникову, котораго онъ обвиняетъ за то, что тотъ сознательно развратилъ его своимъ „нигилизмомъ".

„Вождь, знаменитый утопающаго въ роскоши юношества! вкуси плодъ, достойный неусыпныхъ трудовъ твоихъ!.. ...Сколько развращено тобою молодыхъ людей, могущихъ быть подпорою отечества! Сколько несчастныхъ дѣвицъ впали тобою въ распутство! сколь многихъ семействъ разстроилъ ты согласіе! сколько супруговъ нарушили тобою вѣрность брака!"

„Нѣтъ ничего у тебя священнаго! Честь почитаешь ты мечтою; ревность къ служенію—глупостью; самая Вѣра, питательница душъ, именуется тобою политическимъ узломъ, связующимъ слабые умы"..[450]

И затѣмъ князь Вѣтрогонъ разсказываетъ о своемъ чистомъ дѣтствѣ, проведенномъ въ обществѣ добродѣтельныхъ родителей, о своей юности, загрязненной и исковерканной, благодаря проискамъ Бездѣльникова...

Уже изъ подробнаго пересказа этого романа ясно видна сложность его литературнаго состава. Вліяніе Ричардсона сказалось на чертахъ князя Вѣтрогона,—передъ нами герой, нѣсколько напоминающій Ловласа и не встрѣчающійся ни у Руссо, ни у Гёте. Правда, этотъ образъ у Н. Эмина смягченъ чертами русской дѣйствительности; кромѣ того, въ него внесены черты того вольтерьянства, котораго былъ совершенно чуждъ Ловласъ, и которое, въ то же время, характерно для русской жизни XVIII-го столѣтія. Но, съ другой стороны, авторъ, повидимому, хотѣлъ своему герою придать и черты свѣтскаго льва,—побѣдоноснаго покорителя женскихъ сердецъ *). Какъ Ловласу только одна Кларисса—такъ Вѣтрогону только Роза оказываетъ сопротивленіе: надъ нею обаяніе его безсильно...

Вліяніе романа Руссо сказывается также въ обрисовкѣ двухъ другихъ героевъ романа—Милона и Честона... Въ первомъ, впе-

*) Объ его „успѣхахъ" можно судить изъ словъ его письма къ Милону: „ты знаешь, чѣмъ я пожертвовалъ этой кукушкѣ?.. Княгиня С., думаю, въ горячкѣ; баронша Г..., вѣрно, сошла съ ума; Графиня Ф., принуждена взяться за стараго своего душеньку; совѣтница Р... рѣшилась, конечно, жить съ своимъ мужемъ; миленькая Секретарша В... лишена, безъ сомнѣнія, всѣхъ рессурсовъ". Уподобляясь „охотнику" Ловласу, себя онъ тоже сравниваетъ съ „ловцомъ" женскихъ сердецъ („удить голубокъ" выше стр. 467).

чатлительномъ и чувствительномъ, узнаемъ мы знакомыя намъ черты С.-Прё,—во второмъ, уравновѣшенномъ и спокойномъ — лорда Бомстона: Прелеста напоминаетъ Клэръ. Героиня романа совершенно безцвѣтна: это — чувствительная, сентиментальная дѣвушка, увлекающаяся Вертеромъ и Юнгомъ — образъ, не выдержанный въ психологическомъ отношеніи: она, безъ борьбы подчиняется родителямъ и выходитъ замужъ, не любя; потомъ она такъ же легко подчиняется чувству любви и измѣняетъ мужу. Повидимому, совершенно безвольное существо, она, однако, въ отношеніяхъ къ супругу, вдругъ проявляетъ большую силу сопротивленія. Такимъ образомъ, это—не Кларисса и не Юлія. Не похожа она и на героиню „Вертера"...

Съ „Вертеромъ" произведеніе это сближается сходствомъ трагической развязки: герой срываетъ повязки и истекаетъ кровью. Состояніе его души послѣ дуэли, когда онъ, тяжело раненый, ждалъ смерти, самый стиль его тогдашнихъ писемъ,—все это опять заставляетъ вспомнить Вертера. Съ другой стороны, смерть другихъ главныхъ лицъ (Розы и Вѣтрогона) напоминаетъ развязку ричардсоновскаго романа „Кларисса" (смерть Клариссы и Ловласа). Во всякомъ случаѣ, надо признать, что въ психологической разработкѣ главныхъ героевъ авторъ все же обнаруживаетъ нѣкоторую самостоятельность, — ни одинъ изъ героевъ не представляетъ собою *полнаго списка* съ лицъ, дѣйствующихъ въ романахъ Ричардсона, Руссо и Гёте.

Можно думать, что русская жизнь смягчила и видоизмѣнила типичныя черты иностранныхъ героевъ, передѣлавъ ихъ нѣсколько на иной ладъ. И такое видоизмѣненіе заимствованныхъ литературныхъ героевъ въ зависимости отъ русской дѣйствительности составляетъ несомнѣнный интересъ романа Н. Эмина: я говорилъ уже, что изъ русскихъ романистовъ ему *первому* удалось намѣтить характерныя черты одного изъ самыхъ типичныхъ „героевъ своего времени": Вѣтрогонъ, это — легкомысленный, свѣтскій шалунъ, щеголь-вертопрахъ, осмѣянный и русскими журналами, и русскими комедіями: въ сущности, у него доброе сердце, которое лишь снаружи испорчено „свѣтомъ" и тлетворнымъ вліяніемъ модной философіи того поверхностнаго вольнодумства, которое носило у насъ наименованіе „вольтерьянства"... Этотъ живой образъ повторится неразъ въ другихъ романахъ этого вѣка,— онъ неоднократно попадется намъ на глаза и при чтеніи „мемуаровъ" XVIII-го вѣка.

Героиня романа, Роза напоминаетъ собою пушкинскую Татьяну

и многихъ подобныхъ русскихъ женщинъ, о которыхъ тоже много разъ говорятъ намъ и мемуары, и романы съ 80-ыхъ годовъ XVIII-го столѣтія до середины XIX-го столѣтія *). Милонъ—„прекраснодушный“ юноша-идеалистъ, прообразъ Ленскаго,—тоже образъ живой; къ изображенію его неразъ обращались наши романисты XVIII-го вѣка...

Если въ обрисовкѣ главныхъ героевъ разбираемаго произведенія мы встрѣтились съ значительными отклоненіями отъ основныхъ типовъ „англійскаго романа“, то въ общемъ характерѣ произведенія, въ настроеніи, въ литературныхъ пріемахъ творчества, замѣчается полная аналогія съ типичными произведеніями этой группы.

„Любовь“ въ этомъ произведеніи не представляетъ собою той высшей награды, какою вѣнчали своихъ героевъ авторы старыхъ авантюрныхъ романовъ: „любовь“ здѣсь—„начало трагическое“. И если героями повѣсти побѣда надъ этимъ чувствомъ во имя нравственныхъ принциповъ не одерживается,—то 1) все же ея трагическая развязка просвѣтляетъ сердце Вѣтрогона; 2) эта развязка, какъ и въ „Клариссѣ“, доказываетъ святость правъ сердца, надъ которымъ не имѣютъ никакой власти такія силы, какъ желаніе родителей, сословные предразсудки, судъ общества... Такимъ образомъ, какъ въ „англійскомъ романѣ“, такъ и здѣсь, эта любовь есть чувство, осложненное борьбой съ такими побужденіями и воздѣйствіями чисто-внутренняго характера, какихъ не зналъ еще старый романъ...

Герои въ русскомъ произведеніи—„обыкновенные, средніе люди“; они близки къ намъ по своему общественному положенію, по своимъ интересамъ и стремленіямъ... Поэтому романъ Эмина, въ такой же мѣрѣ, можетъ быть названъ „идеально-реалистическимъ“, какъ и всѣ характерныя произведенія группы „англійскаго романа“. Идеалы героевъ, общественные и моральные, еще неясные въ началѣ произведенія, затуманенные сложными и запутанными отношеніями, реальной жизни, проясняются по мѣрѣ того, какъ эти герои, постепенно выходятъ изъ сферы этихъ реальныхъ отношеній, освобождаясь отъ гнета случайныхъ обстоятельствъ жизни и ложныхъ человѣческихъ отношеній... По манерѣ письма, русскій романъ является „реалистическимъ“, какъ типичные „англійскіе“: представлена дѣйствительность русской жизни, легко опредѣлимая въ отношеніи из-

*) См. мою работу: „Пушкинъ, жизнь и творчество“ („Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна“).

вѣстнаго времени и мѣста; бытовыя черты русской жизни намѣчаются довольно ясно,—и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, и въ обрисовкѣ условій быта...

Въ романѣ Эмина точно такъ же нѣтъ широкихъ географическихъ горизонтовъ: una domus sufficit... Это характерное художественное требованіе новаго романа въ полной мѣрѣ выдержано русскимъ романистомъ: не заноситъ онъ своихъ героевъ въ отдаленные края свѣта, не подвергаетъ ихъ шаблоннымъ авантюрамъ стараго романа... Вслѣдствіе этого въ его произведеніи авантюры отличаются исключительно-внутреннимъ психологическимъ характеромъ...

Форма романа — тоже новая: передъ нами—„письма" главныхъ и второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ. „Стиль" этихъ писемъ тоже мало общаго имѣетъ съ своеобразнымъ языкомъ стараго романа: приведенныя выше цитаты, я думаю, прекрасно подтверждаютъ мою мысль.

Автору удалось: 1) индивидуализировать свой стиль: каждое дѣйствующее лицо его въ романѣ говоритъ своимъ языкомъ; 2) онъ сумѣлъ, при помощи стиля, изобразить мѣняющіяся настроенія дѣйствующихъ лицъ: отъ шутки веселой и жизнерадостной, его герои переходятъ къ спокойному, созерцательному настроенію, которое, порою, повышается до тяжелой, предсмертной тоски, до отчаянья...

Природа въ романѣ представлена сочувствующей герою:

„Вся природа внимаетъ стонамъ моимъ и изнемогаетъ, лишась красотъ своихъ" [452]

—разсказываетъ онъ. Онъ любилъ предаваться созерцанію на ея лонѣ, и для этого отправляется въ лѣсъ... Но за то, когда дѣло доходитъ до описаній красотъ природы, этотъ „любитель натуры" оказывается совершенно безпомощнымъ—его „описанія" лишены и красокъ, и силы...

Напр.:

„Величественный холмъ, гордяся надъ равниной, принималъ въ объятія тѣнистой рощицы утомленнаго отъ зноя путешественника. Сошедъ съ лошади, пустилъ ее гулять по лугу на холму. Юнгъ, утѣшитель несчастныхъ, напоялъ душу мою радостными восхищеніями. Прекрасный день представлялъ взору моему великолѣпное торжество. Деревья, наклоняя обремененныя плодами вѣтвія, приглашали наслѣдника земныхъ на пиръ, пріуготовленный щедрою природою. Соловей, витія пернатыхъ, управлялъ пѣніемъ нѣжныя зяблицы и страстной малиновки. Казалось, разумѣлъ я содержаніе ихъ пѣсней: порхая съ куста на кустъ, взмахивая крылышками и обращаясь къ солнцу, конечно, благодарили они свѣтило сіе и славили лѣто. Здѣсь покрытый потомъ пахарь, благословенный обильною жатвою, повергаясь въ объятія

земли, повѣрялъ ей смѣло новыя сѣмена. Тамо хитрый рыболовъ уловлялъ искусствомъ простоту и съ трудомъ вытягалъ сѣти, плѣнниками его обремененныя...“

„Вдали стекловидное море, опасаясь укоризны звѣзднаго Царя, кроткою рукою вело корабли, спѣшащія сокровищами иныхъ странъ удовлетворить корыстолюбіе смертныхъ... Тамо прекрасный Тирсисъ увѣрялъ безпокоющуюся Дафну и клялся любимою ея овечкою...— (Конецъ:) Я простерся предъ Свидѣтелемъ дѣлъ человѣчества, и, проливая радостныя слезы, возсылалъ въ безмолвіи усердныя къ Творцу міровъ молитвы“... [453] —

„Личность“ героевъ занимаетъ вполнѣ самостоятельное мѣсто въ этомъ романѣ: дѣйствующія лица—уже не игрушки въ рукахъ „судьбы“, — они сами отвѣтственны за свои дѣянія. Между прочимъ, любопытна, въ психологическомъ отношеніи, одна деталь: уравновѣшенный Честонъ, — личность котораго менѣе сложна, болѣе опредѣленна и ясна, въ своихъ письмахъ только одинъ разъ упоминаетъ слово: „судьба“, — Милонъ-же, надѣленный индивидуальностью болѣе сложной и менѣе опредѣленной, въ жизни котораго, вслѣдствіе этого, гораздо меньше устойчивости и ясности,—находится въ бо́льшей зависимости отъ всякихъ случайностей жизни, — нѣсколько разъ упоминаетъ о власти „судьбы“, или даже, по старому, взываетъ къ ней съ упреками и жалобами [454]. Напримѣръ:

„Чувствую, что судьба готовитъ мнѣ новыя бѣдствія“ [455].

„Судьба обратила на меня всю злобу“ [456].

Фабула этого романа очень несложна: за счетъ содержанія внѣшняго разрослось внутреннее: поднялся интересъ къ вопросамъ, касающимся выясненія характерныхъ особенностей души человѣческой. Въ связи съ этимъ, явилась возможность рисовать разнообразіе человѣческихъ характеровъ...

Другое произведеніе того же Н. Эмина: „*Игра судьбы*“ (Спб.-1789)—произведеніе, совершенно аналогичное первому.

Содержаніе этого романа слѣдующее:

Всемилъ, герой романа, удалился въ деревню, разочаровавшись въ культурѣ и городской жизни: сплошную ложь представляетъ собою, въ его глазахъ, „свѣтъ“. Онъ восхваляетъ свою тихую, созерцательную жизнь,—на лонѣ натуры, въ обществѣ мирныхъ и честныхъ поселянъ... Чтеніемъ романовъ питаетъ онъ свое чувствительное сердце:

„читаю часто и романы,—плачу и не стыжусь. Напрасно всѣ вы кричите, что романы портятъ нравы!.. Примѣть: они—пища чувствительности; примѣть: кто сострадаетъ вымышленнымъ страданіямъ, тотъ первый изливаетъ на скорбь ближняго отрады“ [457].

Но уже второе письмо того-же Всемила проникнуто отчаяньемъ и представляетъ собою, по стилю, — bavardage de la fièvre.

„Жалѣй о мнѣ... Нѣтъ, постой... Я еще и самъ незнаю... можетъ быть... Несчастный! все погибло!.. Радуйся!.. есть еще надежда... Разсудокъ!.. Нѣтъ, я его не имѣю... не хочу имѣть... Боже мой! что со мною дѣлается?.. Ѣду въ городъ... узнаемъ... завтра... О, день ужасный" [458] и т. д.

Оказывается, онъ влюбился въ Плѣниру. Это произошло слѣдующимъ образомъ: въ общественномъ саду усѣлся онъ однажды съ сочиненіемъ Геснера въ рукахъ; и вдругъ услышалъ невдалекѣ отъ себя два женскіе голоса... Заинтересованный подслушаннымъ разговоромъ, онъ сталъ подсматривать, и сразу плѣнился красотой одной изъ бесѣдующихъ... Когда онѣ ушли, онъ нашелъ потерянную ими записную книжку.

Когда онъ сталъ ее разсматривать онъ увидѣлъ въ ней портретъ поразившей его красавицы, что привело его въ страшное волненіе:

„Прежде всего, попалась мнѣ пѣсенка, нѣсколько вышивныхъ рисунковъ, письмо къ какому то графу С., пукъ Ассигнацій, пюсовый снурокъ и... что я увидѣлъ!.. Нелестъ! да, таинственныя черты моей мучительницы!.. Какъ преступникъ, котораго достигаетъ наказаніе, стремглавъ побѣжалъ я изъ сада, бросился въ коляску и ускакалъ въ деревню. Заперся въ кабинетъ, тысячу разъ цѣловалъ и тысячи слезъ омывали идолъ мой... Поставилъ у кровати... снялъ... заперъ въ шкатулу... вынялъ... незналъ, куда положить... Наконецъ, навязалъ пюсовый снурокъ и повѣсилъ на грудь стѣсненную... Пусть придетъ кто и покусится отнять у меня даръ небесъ!.. И прежде вырветъ изъ него душу!"... [459]

Спустя нѣкоторое время, онъ узналъ, что его героиня была замужемъ, и былъ такъ потрясенъ всѣмъ пережитымъ, что сразу же сталъ думать о самоубійствѣ.—

„Любовь! Богъ-ли ты міра сего, или дочь адскаго изступленія? Скоро, Нелестъ, да, скоро... Скорѣе, чѣмъ ты думаешь, Ангелъ предопредѣленія вычеркнетъ дни мои изъ книги временъ!.. Уже отверзаются съ скрыпомъ аспидныя врата, хранилища порочныхъ существъ... Скоро духъ мщенія, стражъ зла, заключитъ меня, оставя собесѣдницею неукротимую совѣсть въ страшную темницу раскаянія и броситъ адамантовый ключъ въ Океанъ неизвѣстности"... [460]

Страсть, самая бурная, овладѣла имъ: другу своему по этому поводу онъ писалъ слѣдующее:

„Нелестъ!.. у ногъ твоихъ прошу... Клянусь... Тщетны всѣ совѣты. Не надѣйся на быстрый полетъ свѣдѣній... Возьми и мой бренный умъ... Возьми и всѣ добродѣтели и дай свободу волнамъ воспаленнаго воображенія моего! Клубиться, пѣниться, разбиваться о камень

страстей и вновь раждаться... Буря сія тогда минетъ, когда алмазный скиптръ судебъ коснется и превратитъ въ ничто храмину мою и меня" [461].

Пятое письмо Всемила написано въ такомъ же стилѣ „bavardage". Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Нелестъ, его городской пріятель, изображаетъ ему въ сатирическомъ освѣщеніи послѣднія городскія событія: здѣсь передъ нами—осмѣяніе щеголей, городскихъ мотовъ, пустыхъ свѣтскихъ дамъ, носящихъ трауръ по околѣвшемъ попугаѣ... Отчасти повторяя черты Ханжахиной, героини комедіи императрицы Екатерины, онъ изображаетъ, между прочимъ, ханжу-дворянку Лжесвяту, которая—

„удивительно расположила свое время: по утру служитъ молебны, торгуется съ мясниками, потомъ сѣчетъ безъ милости слугъ и бьетъ по щекамъ служанокъ. Послѣ обѣда читаетъ чети-менеи, вечеръ посвящаетъ карточной игрѣ, ужинъ—Бахусу, а ночь — отставному капитану Драбантову" [462].

Такая характеристика разнообразныхъ типовъ, вложенная въ уста Нелеста, рисуетъ его человѣкомъ трезвымъ, холоднымъ, настроеннымъ критически, даже скептически... Онъ не щадитъ и своего увлекающагося друга—Всемила: прежде всего, онъ доказываетъ ему незаконность его удаленія въ деревню, гдѣ можно „лежать подъ грушею, съ которой падаютъ прямо въ ротъ плоды", и ничего не дѣлать для людей; онъ говоритъ о безнравственности такого „ничего-недѣланія" и существованія на счетъ тѣхъ крестьянъ, которые трудятся до „кроваваго пота"... Затѣмъ онъ осуждаетъ скороспѣлую страсть своего друга и, не безъ юмора, говоритъ о тѣхъ „трагическихъ цвѣткахъ", которыми изобилуетъ его письмо... Бурной страсти своего друга онъ понять не хочетъ: по его мнѣнію, это—„не любовь, а адъ".

„Послушай меня, брось романы свои въ печь, пріѣзжай сюда" [463]—

—зоветъ онъ друга, въ заключеніе своего письма.

Рѣзко отвѣчаетъ Всемилъ на это спокойное, насмѣшливое, „охлаждающее страсти", письмо друга:

„Вѣтрану, Лжесвяту, Глупова, Мотова и всю ету сволочь повѣсь на первой осинѣ!" [464]—

— раздраженно начинаетъ онъ свое отвѣтное письмо.

„... какъ смѣете вы, стальныя души, налагать оковы на склонности? Кто далъ вамъ власть опредѣлять сердечнымъ чувствіямъ мѣру и границы?" [465]—

— восклицаетъ этотъ бурный герой, повторяя рѣчи Вертера, такъ же рѣшительно осуждавшаго „холодныхъ мудрецовъ" (стр.

396). Надъ „любовью“, о которой говорилъ ему Нелестъ, онъ потѣшается:

„Любовь твоя, съ нѣжными вздохами, съ тихими стонами и съ сложенными ручками—не что иное есть, какъ жалкая плакса“ [166].

Далѣе онъ сообщаетъ, что поступаетъ въ домъ плѣнившей его красавицы на должность лакея; по его словамъ, „романы вложили“ въ него эту счастливую мысль, но совращать „съ пути чести“ свою возлюбленную, — этого „ангела красоты и добродѣтели“,—онъ отнюдь не собирается.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ его нанимали; говоритъ о своей „горячности“, о томъ, какъ у ногъ графини, онъ чуть-чуть, сразу не пронзилъ своего сердца...

Однажды ночью онъ игралъ на скрипкѣ, и Плѣнира, незамѣченная имъ, долго слушала его игру. Потомъ она похвалила его, разговорилась съ нимъ и „билась объ закладъ, что онъ влюбленъ“. На утро она приказала ему придти въ бесѣдку... Въ ожиданіи чего то особеннаго, что́ тамъ должно было его ожидать, онъ страшно волновался.—

„Предсталъ другъ твой предъ судъ страшный; дыханіе спиралось... Я блѣднѣлъ, и рѣки слезъ охлаждали пламень страсти“ [167].

Она сказала ему, чтобы онъ не скрывался передъ ней: она догадалась, что онъ—не настоящій лакей, что онъ почему-то лишь принялъ на себя званіе, ему чуждое...

„Скажи: любовь, или бѣдность, лишили тебя спокойствія“, — говорила она. „Ежели первое,—пролей скорбь въ нѣдра дружества“ [168] и т. п.

Взволнованный такимъ выспрашиваніемъ, онъ сперва отказывается говорить что-либо; но когда Плѣнира, обиженная его недовѣріемъ, хотѣла уже уйти,—онъ съ паѳосомъ признался ей, что онъ влюбленъ:

„Постой, вскричалъ я, удержавъ Плѣниру, отверзай гробъ злополучнѣйшему изъ смертныхъ!... Обнажимъ грудь, раздираемую фуріями изступленія!.. Такъ, я влюбленъ, вотъ—безсмертныя, вотъ адскія черты, претворившія меня въ слугу лютой страсти!..“ [169]

—и онъ хотѣлъ, было, уже отдать Плѣнирѣ ея портретъ, и сказать, что влюбленъ именно въ нее, но во-время удержался... Плѣнира тронута была его волненіемъ, его откровенностью и стала его утѣшать...

„Домъ нашъ,—сказала она—избранъ тобою убѣжищемъ отъ гоненій враждебнаго рока,—воля твоя исполнена! будь камердинеромъ графа и—другомъ Плѣниры“. [170]

Въ отвѣтъ на разсказъ объ этомъ приключеніи, Нелестъ не

сдерживаетъ больше своей насмѣшливости и, въ перемежку съ шутками, указываетъ другу на возможность серьезныхъ и опасныхъ послѣдствій его рискованной любовной авантюры.

Въ письмѣ десятомъ вступаетъ въ романъ новое лицо—Милена. Это—остроумная свѣтская вѣтреница, не особенно строгая (на словахъ) въ моральномъ отношеніи: она вышучиваетъ свою сентиментальную подругу, которая засѣла въ глухой деревнѣ, забавляется только романами, „арфой да клавесиномъ".*) и, вѣроятно, отчаянно скучаетъ со своимъ супругомъ,—„шестидесятилѣтнимъ Адонисомъ".

„Что̀ ты ни говори, — пишетъ она,—ловкой мущина, для нашей сестры, лучше всѣхъ твоихъ ручейковъ, рощей и соловья!"[471].

Говоря о себѣ, она заявляетъ, что ей любовь не страшна,—такъ какъ она вообще чувствуетъ неглубоко,—

„легко могу водить за носъ плутишку-Амура... А ты берегись! съ томною твоею масочкою, съ голубыми страстными глазками, которыя, какъ кажется, таютъ и умираютъ всякую минуту,—съ чугунными вздохами, ты,—нѣжная моя Англичанка,—лишь влюбишься,—то и прощайся съ золотою волею и съ серебряною тишиною"... [472]

Затѣмъ высмѣиваетъ она скуку грубой деревенской жизни и спрашиваетъ, „нѣтъ-ли въ окружности пригоженькаго Романа Романыча"; въ заключеніе, потѣшается надъ пустотой городской жизни, хотя, всетаки, этой жизни на деревенскую мѣнять она не станетъ.

Плѣнира, въ отвѣтномъ письмѣ, говоритъ, что любитъ и уважаетъ стараго мужа, что ей ничего больше не надо, такъ какъ жизнь ея полна: она все время занимается музыкой, пѣніемъ и чтеніемъ. Далѣе она говоритъ въ шутку:

„Ежели-бы я расположена была питать романическія чувствія, то есть здѣсь прекрасный Колинъ, которой бы непостоянную и быструю Милену въ два дни превратилъ въ какую нибудь Юлію Детанжъ". [473]

Слѣдуетъ характеристика Всемила, свидѣтельствующая о томъ, что онъ заинтересовалъ собой Плѣниру, хотя сердца ея еще не затронулъ,—она говоритъ о немъ просто, даже слегка шутливо—

„Надобно его только увидѣть—и, вѣрно, простишься съ пріятною своею рѣзвостію. Какой основательный умъ! какая скромность! Любимъ (такъ назвался Всемилъ) говоритъ мало, но каждое слово имѣетъ свой вѣсъ и даръ проникать до самыхъ скрытыхъ сгибовъ нѣжности. Какъ играетъ на скрипкѣ! Какой вкусъ! Какой голосъ! Какое выраженіе!.. Не спѣши, жизнь моя, ты ужъ тотчасъ и закричала, что и Плѣнира

*) Сравни музыкальныя развлеченія героевъ Руссо (письмо XLVIII) и Гёте (см. выше стр. 391).

подноситъ ему въ жертву честь и свободу! Узнай, Любимъ—нашъ камердинеръ!" 474

Она подшучиваетъ надъ своей романической дружбой съ этимъ Всемиломъ, и потомъ заявляетъ, что ясное сознаніе супружескихъ обязанностей—есть „щитъ противу ударовъ коварной страсти"... Кончается это шутливое письмо разсказомъ о непонятной тревогѣ, овладѣвшей ея сердцемъ.

„Уединеніе умножило задумчивость,—иногда плачу, и не знаю, чего желаю. Все упреждаетъ мою волю, со всѣмъ тѣмъ чего-то ищу, чего-то недостаетъ твоей Плѣнирѣ"... 475

Въ письмѣ двѣнадцатомъ Всемилъ передаетъ Нелесту длинное повѣствованіе престарѣлаго мужа Плѣниры объ его бурной молодости: легкомысленнымъ юношей вступилъ онъ въ жизнь; начались мотовство и развратъ; безсердечно относился онъ къ людямъ, особенно нуждающимся. Но друзья и любовницы недолго водили его за носъ (подробно и живо разсказана сцена его обольщенія одной ловкой профессіоналкой—Пролазой; разсказывается, между прочимъ, ея исторія),—скоро долговой тюрьмой кончились его приключенія въ свѣтѣ. Здѣсь, сидя въ заключеніи, онъ имѣлъ достаточно времени одуматься и раскаяться. Отецъ Плѣниры его выручилъ изъ тюрьмы; и вотъ, получивъ свободу, онъ занялся самообразованіемъ. Въ поискахъ жизненнаго пути испробовалъ онъ и литературное поприще (реально изображенъ издатель-Плутовичъ, съ его „угольной рожей"); испробовалъ и педагогическую работу: нанялся у купца въ учителя къ его сыну и дочери (разсказъ, характеризующій купца и купчиху, см. выше вып. I, стр. 181): здѣсь, въ купеческомъ домѣ, особенно тяжела была жизнь его,—нищаго аристократа: дѣти были тупы, вліяніе глупой матери парализировало всѣ его старанія,—въ результатѣ, очень скоро ученикъ его—

„Вася сдѣлался совершенною повѣсою: пилъ исправно, бранился лучше всякаго извощика и къ ревизіи доставилъ лишнихъ душъ съ десятокъ. Настя столь непонятна была къ наукѣ, что не умѣла счесть, сколько горячностей оказала она старостину племяннику Игнашкѣ и сколько нянюшкину сыну, башмачнику Антипкѣ. Обвороженной поясъ цѣломудрія не могъ сдержать натуги страстей,—порвался и прежде, нежели успѣли родители замѣтить приращеніе чрева, Настасья Панкратьевна брикъ имъ на руки внучку... Вся бѣда пала на Игнашку; сковали добраго молодца, повели въ отдаточную и забрили лобъ, а благополучной Антипка продолжалъ спокойно воздѣлывать тучную пашню". 476

Изъ этого купеческаго дома его извлекъ опять отецъ Плѣ-

ниры, снова поставилъ его на ноги и, чувствуя близость смерти, вручилъ ему Плѣниру.

„Дочь моя, такъ началъ рѣчь свою Правомыслъ, скоро ударитъ на часахъ дней моихъ полночь. Уже стрѣла судьбы показываетъ мнѣ, что наступаетъ таинственная минута". 477

Милена, въ отвѣтъ на письмо Плѣниры, разражается шутками, довольно вольными... Она сразу догадывается, что интересный переодѣтый лакей явился въ домъ Плѣниры ради нея; спрашиваетъ, сколько она ему платитъ; совѣтуетъ сдѣлать старому мужу подарокъ—„рога"; наконецъ, освѣдомляется, не чешется-ли лобъ у старика и пр. О любви она разсуждаетъ свободно:

„Любить—вотъ, законъ женщинъ, а любви цѣль извѣстна. Прочти всѣ романы и увидишь, какъ ни различны обстоятельства, а развязка все одна. Сперва станетъ герой дѣлать сахарные глазки, тамъ, по порядку, будетъ пускать нѣжные вздохи, божиться, что честь твоя для него всего дороже. Уронишь опахало... Поднимутъ, поцалуютъ руку... Рука дрожитъ и отвѣчаетъ дрожанію сердца любовника... бросятся на колѣни... дойдетъ очередь до объявленія, а тутъ непримѣтно подкрадутся утѣхи, и дѣло сдѣлано".

„Для меня ужесть какъ жалки и смѣшны эти брюзгливыя Лукреціи, — онѣ кричатъ безпрестанно, что дѣвушкѣ должно убѣгать всякаго подозрѣнія и что нѣтъ ничего легче, какъ сохранить невинность" 478 —

И она доказываетъ, что эта мысль—невѣрна, что всякую женщину, все равно,—поздно, или рано,—ждетъ паденіе—и „рѣзвая кокетка" гораздо надежнѣе отстаиваетъ свою невинность, чѣмъ „трагическая твердость"... Далѣе слѣдуетъ характеристика мужчинъ, которые всѣ пользуются разными способами, чтобы соблазнять женщинъ:

„Каждый молодецъ на свой образецъ ловитъ красавицъ—и, какъ ни хитри, а чему быть, того не миновать!" 479

Она увѣрена, что, въ концѣ концовъ, то же ждетъ неизбѣжно и Плѣниру.

„Пригожинькій слуга на скрыпкѣ, прекрасная госпожа на клавесинѣ, Амуръ на плутовской своей флейтѣ, а Графу, видно, придется надувать волынку!" — 480

Въ слѣдующемъ письмѣ Плѣнира съ ужасомъ сообщаетъ подругѣ, что узнала настоящее имя своего камердинера, узнала его чувства къ себѣ и... свои къ нему... Письмо патетическое, въ духѣ посланія Юліи... Съ ужасомъ она представляетъ себѣ, что онъ ее забудетъ:

„...зри у ногъ твоихъ гордое сердце, которое презирало законы чувствительности, не вѣрящій его ни мнѣ, ни себѣ"—

—такъ, въ письмѣ къ подругѣ мысленно разговариваетъ она съ нимъ, повторяя мысли Юліи (см. выше 133).

„Будь Ангелъ-хранитель мой... Тираннъ! для чего ты столь любезенъ! для чего меня,—меня, супругу другого, избралъ ты мучить, терзать адскими своими пріятностями?.. Тигръ! Василискъ!.. бойся мщенія, раздраженнаго отчаянія, бѣги отъ глазъ моихъ!.. Вижу, и за рубежъ гроба прострешь лютыя гоненія!.. Милена, ты знаешь, сколь опасенъ, сколь прелестенъ, сколь добродѣтеленъ извергъ сей!. Всемилъ имѣетъ даръ плѣнять, раздирать спокойствіе слабаго пола!" 481

Раскрылась тайна Всемила случайно. Плѣнира читала съ супругомъ „Новую Элоизу" на французскомъ языкѣ... Всемилъ слушалъ это чтеніе, и, вдругъ „блѣдный, поверженный въ смертную тоску", сталъ испускать „тяжкіе стоны". Потомъ она нашла любовные стихи, ей посвященные; и, наконецъ, въ рощѣ она разъ наткнулась на спящаго Всемила; грудь его была открыта, и на его шеѣ увидѣла она свое изображеніе, висящимъ на цѣпочкѣ.

Онъ проснулся, и сперва, отъ волненія, лишился чувствъ, а потомъ открылся ей въ любви... Сцена ихъ объясненія кончилась очень „сильно",—онъ воскликнулъ:

„Плѣнира! стихія моего бытія! свѣтъ души моей! демонъ лютый! прости, прости, любезная мучительница!"—и съ сими словами исчезъ стонающій Всемилъ. „Тираннъ! вскричала я, постой! гдѣ ты!.. зри меня мертвою у ногъ твоихъ!" Въ бѣшенствѣ бѣжала я за извергомъ" 482.

Потомъ она упала въ глубокій обморокъ и пришла въ себя въ комнатѣ.. Всемилъ былъ здѣсь, „отчаянный"... Волосы его были растрепаны—

Мучимый раскаяньемъ, состояніе своей души изображаетъ онъ такими словами:

„фуріи мщенія грызутъ огорченную супругу... Совѣсть, честь, - все предано тобою въ жертву подлому намѣренію... Злодѣй! бѣги отъ мѣстъ сихъ, или бойся раздраженныя невинности" 483.

Письмо пятнадцатое—первое посланіе Всемила къ Плѣнирѣ. Онъ увѣряетъ ее, что честь ея ему дорога, проситъ не выгонять его изъ дому, умоляетъ позволить ему остаться около нея въ качествѣ „слуги".

Не получивъ отвѣта, Всемилъ пишетъ уже письмо отчаянное,—тамъ встрѣчаются, между прочимъ, такія слова:

„Клянусь адскою твоею холодностію, клянусь мученіями моими... Одна минута—и сраженный, изступленный Всемилъ низвергнется въ пропасть мрака... Тогда въ чашу злобы почерпну я изъ геенны кипящаго мщенія (?); умирающая тѣнь моя ежечасно будетъ пламенникомъ ужаса опалять звѣрское твое сердце. Буду раздирать, терзать духъ твой, буду сосать кровь твою... Внемли изнемогающей страсти! уже рокъ предсталъ предъ мною съ урною, уже все готово" 484.

Она отвѣчаетъ ему двумя строками:

„Кто прямо любитъ, тотъ не боится жить. Ежели ты не льстецъ, живи—и удались“ [485].

На грустное письмо Всемила съ вопросомъ, куда ему удалиться, чтобы сердце его навсегда успокоилось, она пишетъ ему страстное признаніе:

„Варваръ! торжествуй... узнай... Мучитель! бѣги отъ недостойной Плѣниры! Куда? Увы!.. Душа моя вездѣ съ тобою... Не могу болѣе писать... Довольно, супруга вѣроломная, чтобъ оплакивать вѣчно бѣдственное дерзновеніе... Крокодилъ!.. Смѣйся... Радуйся... Гордись утѣхами злодѣйскаго пера своего... Удались... Нѣтъ... Всемилъ... Не знаю, что̀ сказать!.. Несчастной... Останься...“

Въ письмѣ восемнадцатомъ Всемилъ сообщаетъ другу печальную вѣсть объ опасной болѣзни Плѣниры. По ея адресу онъ расточаетъ восторженныя наименованія: „жизнь сердца моего, рай души моей“—напоминающія рѣчи S.-Preux.

Въ отвѣтномъ письмѣ Милена, оказывается, еще раньше влюбившаяся во Всемила, пытается шутками „сквозь слезы“ разсѣять трагизмъ положенія своего и Плѣниры, поставленной въ столкновеніе съ долгомъ супруги и съ чувствомъ дружбы,—

„Шучу надъ Любимомъ твоимъ и ни мало не думаю, что смѣюсь сама надъ собою. Получаю отъ тебя пречорную Елегію, и чтожъ я прочла! *Всемилъ*—слугою у твоего старичка... Ахнула, заплакала, разсмѣялась, запѣла, сказала: „ч(ортъ) его возьми!“—и начала жалѣть о тебѣ, горестная подруженька“! [486]

Между шутками, поддразниваніями, она, очевидно, обезпокоенная судьбой своей подруги, даетъ совѣтъ ей устроить, хотя на нѣсколько лѣтъ, отъѣздъ Всемила изъ ихъ дома.

Въ письмѣ двадцатомъ Нелестъ пишетъ, уравновѣшенное, спокойное письмо Всемилу, съ перечнемъ тѣхъ опасностей, которыми грозитъ ему и Плѣнирѣ его чувство, его близость къ любимой женщинѣ.

„Уже вонзаешь ты въ грудь, плѣненную тобою, кинжалъ разврата... Юноша недостойный! не внятны тебѣ впечатлѣнія чести; рабъ сладострастія, чѣмъ отличаешься ты отъ лютаго злодѣя?“ [487].

— энергично укоряетъ онъ Всемила... Онъ рекомендуетъ ему убить себя, чтобы не сдѣлаться безчестнымъ „извергомъ человѣчества“, соблазнителемъ чужой жены... Затѣмъ онъ обращаетъ патетическую рѣчь къ женщинамъ,—къ „полу слабому и прелестному“; указываетъ, сколько горя ждетъ ихъ, когда они неблагоразумно бросаются въ житейское море, чтобы „плыть въ бурю и спорить съ волнами“... Его ужасаетъ положеніе друга, который, обуреваемый страстями, „ползаетъ и лобызаетъ преступленіе“ [488]...

Въ письмѣ двадцать-первомъ Плѣнира съ горестью разсказываетъ, что она совершенно обезображена оспой... Потрясенная своимъ несчастіемъ, она посвящаетъ „любви“ такой гимнъ:

„О, ты, коей скипетръ — душа, и престолъ—природа! царица мира, жизнь радостей, рай вселенныя, другъ нѣжный, поражающій кротостью преступленіе; зная, что сердце смертнаго не можетъ вмѣщать величества твоего, предстаешь ты предъ взоръ онаго въ порфирѣ, сотканной изъ отрады, вздоховъ, утѣхъ и стенаній! чудная смѣсь сія впечатлѣній вооружаетъ чувство и питаетъ нѣкимъ священнымъ восторгомъ склонности: любовь, отдай мнѣ слабыя прелести!“ [429].

Теперь сердце ея волнуется не только вслѣдствіе происходящей въ немъ борьбы любви съ чувствомъ долга, но и отъ тревожной мысли, что Всемилъ ее разлюбитъ.

Въ письмѣ двадцать второмъ Всемилъ пишетъ Нелесту, что Плѣнира потеряла свою красоту, но что это нисколько не уменьшаетъ его любви *):

„Душа, исполненная добродѣтелей, сердце нѣжное, чувствительное,—вотъ, красоты, которыхъ болѣзнь не смѣетъ поражать“ [430].

„Не наружность, а душа и сердце“ — вотъ, истинные „предметы любви“... — восклицаетъ онъ. Затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ, по просьбѣ старика-мужа, пѣли они, вдвоемъ съ Плѣнирою, дуэтъ: „Свѣтъ очей моихъ“,—какъ оба они при этомъ волновались... Когда супругъ удалился изъ комнаты, ихъ музыка кончилась объясненіемъ, при чемъ она его назвала: „мой любезный“... Слѣдующее письмо написано Всемиломъ изъ его деревни... Онъ покинулъ домъ Плѣниры... Съ отчаяніемъ повѣствуетъ онъ о своемъ новомъ горѣ другу:

„...уже все свершилось! все открылось! не Любимъ къ тебѣ пишетъ, слуга любви и царь восторговъ,—Всемилъ, рабъ изступленія“ [431]...

Оказывается, Плѣнира рѣшительно удалила его изъ дома. Въ слѣдующемъ письмѣ Всемилъ сообщаетъ удивительную вѣсть Нелесту: старый мужъ Плѣниры, узнавъ объ ихъ любви, благородно уступаетъ ему сердце молодой жены съ тѣмъ, чтобы онъ женился на ней послѣ его смерти. Въ своемъ письмѣ старый графъ говоритъ, что долго присматривался къ своей молодой женѣ и Всемилу, и, видя, что „величественное сраженіе любви и добродѣтели“ въ ихъ сердцахъ кончается побѣдой добра, проникся къ нимъ уваженіемъ, придя къ убѣжденію, что оба они достойны счастья. Благородный старецъ писалъ въ заключеніе—

*) Безразличіе къ внѣшности—характерная черта новаго романа (см. выше 320 стр. и 457).

„...пріѣзжай къ намъ. Будь супругъ сердца супруги моей, будь другъ ея супруга; будь сынъ Слабосила“ 492.

Плѣнира, по этому поводу, пишетъ своей подругѣ восторженное письмо: въ ея сердцѣ радость, восторгъ борются съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ старому мужу. Это чувство мѣшаетъ ей предаться всецѣло эгоистичной радости.

„Любовь есть жизнь и смерть вселенныя!“ восклицаетъ она. „Ненавижу и поклоняюсь скипетру ея!“ 493.

Послѣднее письмо I-ой части романа написано Нелестомъ: онъ тоже восхищается поступкомъ стараго графа.

„...вотъ человѣкъ, вотъ мужъ, вотъ истинный философъ! Среди весны жизни своей пороченъ, въ осень разимъ бѣдами, въ зиму дней, когда древность простерла сребристый блескъ на главу его, когда древность коснулась свинцовымъ жезломъ своимъ до величественнаго чела его и напечатлѣла знаки времени, когда начиналъ онъ вкушать утѣхи,— тогда судьба, играющая стонами, отъемлетъ наглою рукою послѣднее сокровище, лишаетъ его сердца и при томъ какого сердца!—тогда духъ мудрый, умѣя презрѣть гоненія рока, умѣлъ самое зло обратить въ отрады“ 494...

Онъ убѣждаетъ Всемила пощадить честь благороднаго, великодушнаго графа и помнить о правилахъ порядочности.

„Смѣло спорю, соблазнитель не можетъ быть никогда ни гражданинъ, ни другъ, ни супругъ, ни отецъ!.. Скажи мнѣ, человѣкъ-ли онъ, человѣкъ-ли ты, Всемилъ?“ 495.

—такимъ вопросомъ заключается первая часть романа.

Въ этомъ неоконченномъ произведеніи опять таки вполнѣ ясенъ въ творчествѣ автора поворотъ отъ романовъ старыхъ къ Ричардсону, къ „Новой Элоизѣ“ и „Вертеру“... Съ произведеніемъ Руссо нашъ русскій романъ близокъ по своему замыслу: очевидно, вторая *ненаписанная* часть его должна была изобразить счастье трехъ героевъ, умиротворившихъ свои страсти... На это встрѣчаемъ мы ясные намеки въ заключительномъ письмѣ Нелеста.

Съ „Вертеромъ“ сближается это произведеніе своимъ трагическимъ колоритомъ, — не сентиментальныхъ людей, а страстныхъ, и порывистыхъ хотѣлъ изобразить авторъ въ лицѣ главныхъ героевъ. Насколько это удалось ему—вопросъ другой! Въ дѣйствующихъ лицахъ узнаемъ мы опять черты героевъ романа Руссо—С.-Прё, лорда Бомстона, Юліи и Клэръ...

И въ этомъ произведеніи, какъ въ романѣ Ѳ. Эмина „любовь“ играетъ служебную роль по отношенію къ морали,—побѣда одерживается надъ нею во имя нравственныхъ принциповъ; харак-

теръ любви такой-же сложный, — и испытывается эта любовь не внѣшними авантюрами, а борьбой внутренняго характера: голосъ совѣсти, сознаніе долга жены и друга,—вотъ, что стоитъ на пути героевъ къ счастью..

Этотъ романъ точно такъ же, какъ предыдущій, можетъ быть названъ „реально-идеалистическимъ“: жизнь въ немъ представлена самая обыкновенная, будничная; бытовыя картины (напр., купеческая жизнь и типы) обрисована ярко, колоритно. Герои—обыкновенные люди, не безъ слабостей — словомъ, не идеальные въ началѣ, но къ концу романа проясняющіе свое міросозерцаніе побѣдой надъ собою, надъ своими страстями, надъ своимъ эгоизмомъ...

Психика дѣйствующихъ лицъ выяснена довольно удачно и не лишена тонкости: особенно удался автору, на мой взглядъ, живой образъ Милены,—дѣвушки бойкой на языкъ, свободно-мыслящей,—живой и смѣлой, даже нѣсколько-циничной, но, въ сущности, доброй и нравственной, откровенной и благородной... Хорошо обрисована и героиня: автору удалось выяснить, какъ отъ простого любопытства къ „интересному“ лакею, перешла она къ жалости, потомъ къ симпатіи и, наконецъ, къ живой любви, которую побѣдить она, однако, оказывается въ силахъ. Слабѣе обрисованы мужскіе образы въ романѣ... Таковъ, напримѣръ, самъ герой, совершенно неожиданно изъ сентиментальнаго меланхолика-пессимиста дѣлается страстнымъ любовникомъ, выкрикивающимъ дикія, патетическія фразы, которыя, очевидно, должны были иллюстрировать всю силу титаническихъ страстей его взволнованной, бурной души *).

И это произведеніе совершенно свободно отъ „космополитизма“, столь характернаго для стараго романа: ubi domus sufficit—принципъ, выдержанный и здѣсь. И, по „формѣ“ своей, этотъ романъ, сочиненный „въ письмахъ“, тоже относится къ группѣ „англійскаго романа“. „Стиль“ романа, мѣстами живой, и простой, разговорный, изрѣдка, однако, переходитъ въ холодный паѳосъ, присущій старому роману...

Такимъ образомъ, какъ это ни странно, это второе произведеніе Н. Эмина, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, уступаетъ его первому,—тамъ главные всѣ герои были проще: любовь ихъ не подымалась на такіе градусы, какъ въ этомъ второмъ произведеніи,—оттого, конечно, и языкъ ихъ писемъ въ этомъ первомъ

*) „Дай свободу волнамъ воспаленнаго воображенія моего! Клубиться, пѣниться, разбиваться о камень страстей и вновь раждаться!“—вотъ, о чемъ мечтаетъ этотъ герой 136.

произведеніи оказался менѣе вычурный... Очевидно, на этотъ разъ, авторъ оказался не въ силахъ справиться съ поставленной имъ, болѣе трудной, задачей—изобразить страданія мощной, титанической натуры,—и оттого всѣ такія страшныя слова, какъ, напримѣръ, „василиски", „крокодилы", „изверги естества", на которыя щедръ герой этого романа въ минуты паѳоса, мало трогаютъ читателя... Такимъ образомъ, подняться до паѳоса героевъ Руссо и Гете, И. Ѳоминъ, при всемъ своемъ желаніи, не сумѣлъ...

Кромѣ того, авторъ обнаруживаетъ большую наклонность къ „олицетвореніямъ",—пріему, который тоже характеренъ для стараго романа.

Напр.:

„Повсюду окружало меня преступленіе. Потрясая и звуча оковами, изрыгало оно противу неба страшныя клятвы. Стонъ, ударяя въ своды темницы, поражалъ слухъ и раздиралъ сердца. Унылая невинность, преданная судьбою въ челюсти злобы, погруженная въ томное забвеніе, роптала въ тишинѣ на жестокость пристрастія. Наказаніе поглощало издыхающія жертвы пороковъ" 497 и пр.

Кромѣ того, въ стилѣ этого романа не хватаетъ часто простоты, напримѣръ—

„...по прелестямъ, помрачающимъ всходъ солнца, катились Діамантовые перлы и падали на счастливый миткаль. О, сколь дорого бы заплатилъ я, чтобы имѣть драгоцѣнный сей платокъ. Ежечасно орошалъ бы урну нѣжности слезами любви и ручьями воспламененныя крови запечатлѣлъ лютыя мученія!" 498

Какъ въ первомъ его романѣ, такъ и во второмъ, обнаружилъ И. Ѳоминъ слабое пониманіе настроеній природы: это отразилось и на стилѣ этихъ описаній, и на бѣдности самого выбора картинъ,—

Привожу примѣръ:

„Вчера вечеръ былъ наипріятнѣйшій. Луна, окруженная звѣздными своими подругами, прогуливалась по сафирному горизонту; деревья, обнимая листвіями другъ друга, желали спокойнаго сна; птицы висѣли (sic!) на вѣтвіяхъ и пѣли благодарственную пѣснь правителю вселенной; рыбы выпрядали на поверхность водъ и, страшася хитрыя сѣти, ныряли въ кристальныя свои жилища. Кроткій Зефиръ рѣзвился съ цвѣтами, прятался за кусты и тихонько подкравшись, измялъ платье у неосторожной лилеи. Меленонъ подъ сѣнію гордаго дуба дремалъ спокойно; близь его лежали свирѣль, посохъ и шляпка, на которую Филиса наколола ленточку. Вѣрныя собаки стерегли стадо. Простосердечныя овцы лежали на травѣ и тихимъ блеяніемъ возвѣщали въѣздъ (sic) ночи. Безчеловѣчная противу самой себя и Меналька, Эльмира идетъ запирать шалашъ, но Меналькъ, схвати ее въ объятія, прижимаетъ къ томной груди, цѣлуетъ безъ счета—и, прежде, нежели пастушка опомнилась, Меналькъ умѣлъ воспользоваться минутою смущенія: Эльмира вздохнула, и Меналькъ уже благополученъ..."

„Трудолюбивый купецъ, сочтя честныя свои пріобрѣтенія, допивалъ бокалъ Мартовскаго пива и приготовился раздѣлять постелю съ тучною хозяйкою. Вельможа сыгралъ послѣ великолѣпнаго ужина, четыре роберта въ вистъ, откланялся, надѣваетъ шлафрокъ: шутъ дурачится; Вельможа зѣваетъ, вскочнулъ на пышной одръ; предъ нимъ предстоитъ другъ Морфея, который уже другой годъ оканчиваетъ повѣсть Франца Венеціана. Блистательная его половина на своей половинѣ повторяетъ съ секретаремъ супруга Венеріны экстракты... Граціи въ розовыхъ платочкахъ топчутъ съ гордостію по улицамъ алмазы и ловятъ на перехватъ щедрыхъ и смѣлыхъ прохожихъ. Трепещите, несчастныя! похотливый Купидонъ предастъ васъ въ челюсти Эскулапа, и свирѣпый Меркурій накажетъ слѣпое дерзновеніе! Здѣсь ревностныя Созіи растворяютъ чашу жизни, окружаютъ двухъ Геркулесовъ, у которыхъ карамболь рѣшитъ денежную брань. Всѣ дожидаются въ безмолвіи рокового удара. Уже направлено страшное орудіе и—„сорокъ восемь!“ и—все свершилось! звукъ стакановъ и радостные клики возвѣщаютъ побѣду [499].

Это—совершенно фальшивое „описаніе вечера“, которое явилось результатомъ самыхъ различныхъ пріемовъ описывать природу (отъ псевдо-классиковъ взятъ пріемъ вводить „олицетворенія“; отъ Лесажа—сатирическія тенденціи—ср. описаніе ночи въ „Хромомъ бѣсѣ“,—отъ авторовъ пасторалей—наклонность къ идилліи; отъ Гёте (также Юнга) — лунные пейзажи), — свидѣтельствуетъ, въ концѣ-концовъ, о совершенномъ безсиліи автора самостоятельно войти въ настроенія природы... Вотъ почему герой, который вдохновляется подъ вліяніемъ природы и, играетъ на скрипкѣ,—совершенно психологически несвязанъ съ этой пестрой и противорѣчиво-написанной картиной ночи.

Такъ же неудачно описаніе наружности героини:

„Глаза подобны двумъ свѣтильникамъ жизни: милая улыбка соединяетъ въ себѣ важность Паллады, кротость Авроры и хитрость Венеры: сферы нѣкія священныя роскоши поддерживаетъ станъ, посрамляющій размѣръ Пигмаліона; благопристойность и вкусъ неподражаемый шьютъ ей одежды: Граціи, укравъ башмачокъ Плѣниринъ, старалися попеременно надѣть, разсердились и божились честью, что стыдно имѣть такую дѣтскую ножку *)“ [500] и пр.

Безжизненность, даже фальшь такихъ описаній, особенно бьетъ въ глаза, по сравненію съ живыми реалистическими описаніями, которыя мы встрѣчаемъ въ этомъ же романѣ. Напоминаю, для примѣра, хотя бы, описаніе русской купеческой четы (см. выше вып. I, стр. 181).

---

*) Миѳологическій элементъ вообще очень силенъ въ романѣ; разсказъ графа Слабосила объ его жизни пестритъ наименованіями боговъ.

„Личность“ въ этомъ романѣ тоже играетъ первенствующую роль: въ зависимости отъ человѣческихъ темпераментовъ, отъ воли, побѣждающей страсти, или страстямъ порабощенной— устраивается жизнь дѣйствующихъ лицъ. „Судьба“-„рокъ“, хотя и упоминается въ романѣ изрѣдка[501], но роли, въ сущности, никакой не играетъ.

Привожу примѣры:

„...раза два сказала, что судьба, давъ мнѣ толь низкое происхожденіе, исправила свою ошибку, одаря меня рѣдкою красотою“ [502].

„Судьба, сжалясь надъ моею глупостію, вырвала въ одинъ день неоцѣненныя слова“ [503].

„Скоро узнали, что рокъ кинулъ мнѣ жернакъ“ (?). [504]

„Рокъ немилосердый подобралъ всѣ случаи къ паденію невинности [505]...

„...пустите громъ клятвъ на свирѣпую судьбу, для чего играетъ жестокая вашими горестями!“ [506]

Обращаюсь теперь къ послѣднему крупному русскому роману этого типа. Передъ нами: *„Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки“*, сочиненіе Павла Львова, 2 ч. (Спб. 1789).

Содержаніе этого любопытнаго произведенія заключается въ слѣдующемъ:

Молодой дворянинъ Викторъ, отъ природы хорошій юноша, получившій прекрасное образованіе и воспитаніе,—двадцати двухъ лѣтъ отъ роду потерялъ своего разумнаго отца и съ матерью поѣхалъ въ столицу. Здѣсь онъ закружился въ вихрѣ столичныхъ развлеченій: подпалъ подъ вліяніе дурныхъ друзей, которые развратили его ложью и лестью. Но долго „чувствительность, съ дѣтства въ него вкорененная“, заставляла его бороться съ искушеніями столичной жизни...

—„что ясно доказывало, сколь владычествуютъ надъ душею хорошія, или дурныя правила, преподаваемыя намъ въ юности“ [508]

—морализуетъ по этому поводу авторъ.

Однако, въ концѣ концовъ, попавъ въ компанію молодыхъ аристократовъ, „кои думаютъ, что все на свѣтѣ сотворено для ихъ удовольствія, и всѣ люди родятся для ихъ услугъ“—Викторъ не устоялъ—„совсѣмъ перемѣнился и походилъ на совершенное исчадіе природы“.

„Вотъ, сколь ядовиты необузданность и дурныя общества для молодаго человѣка, и вотъ, сколь много дурные примѣры его развращаютъ!“ [509]

—вырывается у автора патетическое восклицаніе.

Викторъ на лѣто отправился въ свое имѣніе. Съ нимъ поѣхалъ его другъ, г. Плуталовъ, главный учитель его „въ вертопрашествѣ“. Этотъ Плуталовъ представляетъ собою типъ россійскаго вольтерьянца и, въ то же время, „паразита“ при богатомъ дворянчикѣ. Онъ—

„подлымъ таканіемъ, презрительнымъ шутствомъ, дерзкими словами, кои въ свѣтѣ называются иногда *бомо*, снискалъ себѣ во многихъ домахъ благосклонность... Онъ имѣлъ въ себѣ довольно пріятностей и хитрыхъ уловокъ. Будучи краснорѣчивымъ наставникомъ порока, умѣлъ содѣлывать плѣняющими всѣ тѣ матеріи, о коихъ онъ судилъ, или говорилъ“.— 510

— онъ легко завладѣлъ душою Виктора.

Однажды, во время охоты, Викторъ заблудился въ лѣсу. Послѣ долгихъ плутаній добрался онъ до одной избушки; дерзко и надменно спросилъ онъ старика, вышедшаго изъ избы: „чей ты мужикъ?“. Старикъ оказался „однодворцемъ“, и узнавъ, что юноша —сынъ его покойнаго барина Честона, съ умиленіемъ сталъ вспоминать, какимъ хорошимъ человѣкомъ былъ покойный. Викторъ расчувствовался и заплакалъ отъ волненія.

„...Вашъ батюшко, продолжалъ однодворецъ, былъ добродѣтельной человѣкъ,—онъ далъ мнѣ хлѣбъ насущный, онъ записалъ сына моего въ службу; онъ посѣщалъ меня; дрожащія руки мои нерѣдко прижимали его къ моей изсохшей груди. Позволь (сквозь слезы говоря) позволь, любезное дитя, мнѣ и тебя также обнять. Возбужденная въ Викторѣ чувствительность повергаетъ его въ объятія плачущаго старца, со слезами коего онъ и свои слезы соединяетъ, и образъ почтеннаго его родителя наполняетъ всю душу его“. 511

Этотъ однодворецъ, по имени Филиппъ, представлялъ собою интересный типъ „природнаго мудреца“—

„сей однодворецъ былъ человѣкъ съ почтенными правилами природнаго философа, и онъ простое, или по свѣтски „низкое“, свое состояніе содѣлывалъ совершенно благороднымъ“. 512

Викторъ былъ пораженъ красотою его дочери—

„Марія (такъ было ея имя) была подобна небесному существу, нисшедшему на землю; доброта души ея сіяла на ея невинномъ челѣ; пріятная застѣнчивость воспламеняла розы ея ланитъ; всѣ прелести, собравшись вмѣстѣ, украшали ея алыя уста; неописанная бѣлизна разливалась по ея груди; по плечамъ ея извивались кудрями свѣтлорусые ея волосы, глаза ея сверкали огнемъ поразительной прелести,— довольно того сказать, что на Марію не можно было смотрѣть безъ испытанія вдругъ двухъ сильнѣйшихъ чувствованій: во первыхъ, удивленія, а потомъ—и самаго пламени любви“. 513

Каждое слово ея было разумно и „метало огненную стрѣлу въ сердце Виктора“. Немудрено, что послѣ краткаго разговора съ

поселянкой, „надменный г. Викторъ“ сдѣлался „покорнымъ рабомъ“ ея. Онъ переночевалъ въ избѣ Филиппа, но безпокойна была ночь, имъ здѣсь проведенная—онъ то плакалъ, вспоминая отца, то дивился Филиппу, то зажигался любовью при мысли о Маріи...

Прощаясь съ Филиппомъ и дочерью его, Викторъ ее поцѣловалъ.

„Ахъ! сей поцѣлуй одержалъ надъ его сердцемъ полную побѣду!“— 514

—восклицаетъ авторъ.

Вернулся домой Викторъ „самъ не свой“,—вмѣсто обстоятельнаго разсказа о своихъ приключеніяхъ, у него вырываются только безсвязныя восклицанія: „Марія“... „старикъ“... Плуталовъ, уже мечтавшій, въ случаѣ смерти друга, кое чѣмъ попользоваться изъ его имущества, высмѣиваетъ влюбленнаго друга... Но Викторъ на этотъ разъ устоялъ противъ ироніи Плуталова,—онъ твердилъ восторженныя рѣчи о красотѣ Маріи, объ ея добродѣтели и о своей любви; Марію онъ называлъ „своею владычицей“... Узнавъ, что Марія—крестьянская дѣвушка, Плуталовъ высмѣиваетъ вкусъ Виктора. Но тотъ и на этотъ разъ ему не уступаетъ—и возражаетъ:

„...развѣ любовь есть порокъ, другъ мой? Развѣ склонность къ прекрасному творенію природы постыдна? — Неужто люди гнушаются нѣжными и безвредными своими чувствіями?“ — „Красавица низкаго состоянія столь же любезна, сколько и самая прелестная царевна“. 515

И Викторъ продолжаетъ восхищаться своими воспоминаніями—

„ахъ: она—совершенное ангельское подобіе! какой станъ! какой видъ! какіе глаза! какой звукъ голоса!.. О, мой другъ, ея ангельской голосъ вѣчно будетъ раздаваться въ моей груди“— 516

Далѣе онъ говоритъ, что умретъ, если она не будетъ принадлежать ему.

Плуталовъ рекомендуетъ попроще смотрѣть на вещи, и совѣтуетъ своему другу, безъ всякихъ церемоній, распорядиться, чтобы силою привели Марію на барскій дворъ. Викторъ возмутился: его любовь пробудила все заснувшее въ немъ благородство. Плуталовъ издѣвается надъ его идеализмомъ, называетъ его „Роландомъ“ и затѣмъ рекомендуетъ другое средство, болѣе мягкое: сторговать Марію у ея отца: „Филиппъ—

„еще тебѣ благодаренъ будетъ, что ты, изъ милости, заплатишь ему за его дочь“— 517

—говоритъ онъ. Викторъ оскорбляется такимъ цинизмомъ, и разражается горячею рѣчью въ защиту правъ крестьянскихъ:

„Жалко очень, прервалъ Викторъ, что ты не былъ тогда на свѣтѣ когда Богъ творилъ Міръ, а то бы ты могъ ему присовѣтовать, чтобы большихъ баръ сотворилъ онъ нѣмыми, слѣпыми и глухими, дабы они не унижали себя тѣмъ, что смотрятъ на бѣднаго мужика, говорятъ съ нимъ и слышатъ то, что иной земледѣлецъ умнѣе разсуждаетъ иногда самаго знатнѣйшаго вельможи; да, правду, сказать, что ты бы тогда и присовѣтовать сего не могъ, ибо Богъ сотворялъ только добродѣтельнаго человѣка, а не знатнаго и гордящагося самимъ собою барина; тогда ты бы еще и не зналъ, будутъ ли Цари, будутъ ли господа, будутъ ли мужики, будешь ли ты самъ!“ 518

Затѣмъ Викторъ распространяется о самолюбіи и себялюбіи; по этому поводу самъ авторъ разсуждаетъ о томъ, что такое хорошее воспитаніе,—для него, простая дѣвушка Марія лучше воспитана, чѣмъ другія образованныя дворянскія дѣвицы.

„Обращая взоръ мой на Марію, я въ ней нахожу хорошо-воспитанную дѣвицу. Это не значитъ, чтобъ я ее находилъ болтающую по Французски, по Англински и Италіански, прыгающую въ контръ-танцахъ и брянчащею на фортопіянѣ, или перебирающую струны Арфы; но я въ ней вижу совершенное воспитаніе,—т. е. нѣжное сердце, добрую душу, благонравіе, хорошее о вещахъ сужденіе и непритворныя чувствованія... Доброй Филиппъ, сей разумной поселянинъ, зналъ, что истинное воспитаніе состоитъ въ душевной красотѣ, а не въ наружныхъ приманкахъ“. 519

Плуталовъ, видя, что чистая любовь Виктора къ Маріи пошатнула его авторитетъ въ глазахъ друга, старается развратить его циничными разговорами о ней...

Между тѣмъ, наступилъ день памяти покойнаго отца Виктора, и крестьяне рѣшили, въ честь его, отслужить въ церкви службу и пригласили Виктора. Доморощенный „вольтерьянецъ“, Плуталовъ высмѣиваетъ мужиковъ и старика-камердинера,— человѣка богомольнаго, преданнаго отцу Виктора.

„Вотъ еще заблужденіе и пустосвятство сколь много владычествуютъ надъ людьми! зачѣмъ тамъ быть Виктору? Какъ будто итти на показъ и быть умному посреди дураковъ? И что его мертвому отцу въ поклонахъ его за нужда?“—„Какой грѣховодникъ!“ подхватилъ престарѣлый рабъ, ожесточась, кивнувъ головой и плюнувъ на полъ. „Ну, что ты за человѣкъ, когда ты Бога не почитаешь? Стало быть, ты никуда не годенъ,—ни себѣ, ни людямъ!... Кто противъ Бога дуренъ, такъ тотъ и для всѣхъ нехорошъ! Будь ты хоть чернокнижникъ, но только, пожалуй, господина Виктора не развращай,—онъ для насъ очень нуженъ. Ты, подлинно, та шелудивая овца, которая все стадо портитъ!“ 520

Плуталовъ, видя, что окончательно теряетъ свои позиціи, рѣшается перемѣнить тактику: онъ сочиняетъ стихи въ честь отца

Виктора, и подноситъ ихъ Виктору, но тотъ, взявъ стихи, ихъ не прочелъ, что́ окончательно взбѣсило Плуталова:

„Сей глупецъ не имѣетъ почтенія къ моимъ дарованіямъ! я его принужу мнѣ повиноваться!“ Плуталовъ, вышедъ отъ Виктора, произнесъ сіи жестокія слова громовымъ звукомъ. Молнія сверкали въ очахъ его, а лице его, подобное зраку Фуріи, ясно изображало адъ, вмѣстившійся въ его сердце“— 521

Внѣ себя отъ злобы, онъ рѣшается погубить Виктора:

Онъ заявляетъ, что оберётъ Виктора, сдѣлаетъ изъ него „чудовище“. Плуталовъ убѣжденъ въ своей силѣ,—въ томъ, „что онъ человѣками такъ играть можетъ, какъ игрушками“.

„У него было описаніе всѣмъ тѣмъ молодымъ людямъ, кои подвергли себя подъ иго его злодѣйствія, и число тѣхъ женщинъ, кои погибли отъ его поруганія, которое онъ, читая, восхищался, что умъ его владычествовать могъ надъ людьми“— 522

Во время богослуженія Викторъ былъ такъ растроганъ, что упалъ въ обморокъ, а потомъ, очнувшись, въ присутствіи всѣхъ, открылся въ любви Маріи, хотѣлъ броситься къ ея ногамъ но старый Филиппъ его отъ этого удержалъ...

Дома Плуталовъ стыдитъ его, но Викторъ ораторствуетъ на ту тему, что онъ—выше предразсудковъ.

„предразсудокъ тамъ только полезенъ, гдѣ онъ отражаетъ, или удерживаетъ зло; а тамъ онъ самъ есть зло, гдѣ сражается съ добродѣтелью. И лутче жениться на поселянкѣ да на благонравной, нежели на знатной и на богатой графинѣ, или княжнѣ, да на злонравной и на расточительной. 523

Плуталовъ споритъ съ нимъ, доказываетъ, что постоянство въ бракѣ—вовсе не достоинство, —

„Адамъ и Ева“—говоритъ онъ: „по неволѣ были другъ другу вѣрны, что ихъ только было двое“. 524

Споръ переходитъ на вопросъ о патріотизмѣ. Плуталовъ заявляетъ, что этого чувства онъ не понимаетъ:

„Для меня всякой край свѣта—мое отечество, и домъ мой тамъ, гдѣ я самъ“ 525

Убѣжденный Плуталовымъ, Викторъ рѣшается прибѣгнуть временно къ „злу“, чтобы вѣрнѣе овладѣть Маріей и потомъ загладить это зло свадьбой. Наступили деревенскіе праздники (живое описаніе, см. выше ч. I, стр. 212). Плуталовъ потѣшался надъ мужичками,—Викторъ „млѣлъ“ отъ любви, особенно, когда онъ увидѣлъ Марію въ такомъ нарядѣ:

„подъ алую ленту, украшающую ея голову, подобраны были кудрявые ея волосы, увитые веревочкою, сплетенною изъ незабудковъ, кои, вмѣстѣ съ кудрями, волновались отъ зефирнаго дуновенія. Любовь, на лонѣ ея незначительно покоющаяся, собирала близъ себя лилеи, розы

и васильки; сравнивала его цвѣты съ бѣлизною ея лица, съ алостью ея щекъ, съ лазуремъ ея жилокъ" [526].

Не справившись съ своими чувствами, Викторъ бросился къ ногамъ Филиппа и сталъ просить у него руки Маріи, но тотъ отказываетъ, ссылаясь на различіе соціальныхъ условій жизни его и Маріи, предвидя въ этомъ возможность несчастія для обоихъ въ будущемъ... Викторъ хочетъ застрѣлиться Филиппъ, вырываетъ изъ рукъ его пистолетъ и читаетъ ему нотацію... Между тѣмъ, Плуталовъ возбуждаетъ Виктора противъ Филиппа, и слабый юноша, горя пламенемъ мести, сталъ всячески преслѣдовать старика (лишаетъ его денежной поддержки, которую выдавалъ ему раньше, мнетъ его ниву собаками, отнимаетъ рощу).

Между тѣмъ, Марія заставляетъ его заниматься благотворительностью. Она однажды вызвала его письмомъ на свиданіе и просила принести денегъ.

Когда онъ явился, въ разсчетѣ на скорую побѣду надъ нею, она сказала ему, чтобы онъ шелъ за нею... Въ недоумѣніи, онъ спрашиваетъ ее: „куды она его ведетъ?" [527]—Она отвѣчала, что они идутъ по той дорогѣ, по которой одна ходитъ добродѣтель... Приведя Виктора къ нищимъ, Марія говоритъ:

„отдай имъ твой кошелекъ, и потомъ радуйся, видя себя истинно „человѣкомъ". Сего опыта щедролюбія не токмо добродѣтель, но и любовь моя отъ тебя требуетъ" [528].

Сознаніе сдѣланнаго добра доставляетъ радость Виктору.—

„Викторъ, возвращаясь домой, живо ощущалъ никогда неиспытуемое имъ внутреннее радованіе о сотвореніи добра. Для него казался тотъ день краснѣе, солнце лучезарнѣе, цвѣты пестрѣе, источники журчливѣе, птички сладкогласнѣе, вся природа прелестнѣе, Марія божественнѣе" [529].

Плуталовъ подговариваетъ двухъ слугъ сказать Виктору, что старый Филиппъ надъ нимъ потѣшается. Въ ярости Викторъ велѣлъ сжечь домъ Филиппа и силой привести къ себѣ Марію. Но ихъ не было дома въ этотъ вечеръ. По поводу всего происшедшаго, Филиппъ философствуетъ, какъ многострадальный Іовъ.

Между тѣмъ, совѣсть терзаетъ Виктора: онъ даже хочетъ убить себя. Плуталовъ потѣшается надъ „совѣстью", берется достать „Марьюшку" за деньги и, съ согласія Виктора, отправляется къ Филиппу торговаться.

„Жалостный молодой человѣкъ! Ты на сіе подлое намѣреніе соглашаешься, позволяешь самъ себя поносить, самъ подвергаешься поруганію! Вотъ, какъ юноши погибаютъ отъ дурныхъ знакомцевъ, не имѣя добрыхъ наставниковъ" [530].

—восклицаетъ авторъ, обращаясь къ Виктору.

Оскорбленный гнуснымъ предложеніемъ Плуталова, Филиппъ идетъ объясняться съ Викторомъ: онъ говоритъ молодому барину высокопарно—

„жестокой! вотъ, грудь моя, обагряй руку твою въ моей крови, рази, извлеки изъ нея мое изнывающее сердце, питайся имъ, какъ тою жертвою, коей ты давно алкалъ и тогда то уже наслаждайся моею слабосильною дочерью!“ 531.

Потомъ онъ говоритъ о чести. Викторъ былъ совершенно сконфуженъ и уничтоженъ рѣчью благороднаго старца.

Происходитъ столкновеніе Плуталова съ Филиппомъ, но Викторъ становится на сторону послѣдняго.

Между тѣмъ, отъ всѣхъ этихъ непріятностей Викторъ захворалъ... Онъ примирился съ Филиппомъ и, думая, что скоро умретъ, просилъ Марію придти къ нему проститься предъ смертью. Но она не смѣетъ ослушаться отца. Виктору она пишетъ:

„Другъ мой возлюбленнѣйшій! любовь не въ томъ состояніи, чтобъ быть смѣлымъ, скорымъ и угождать своимъ стремленіямъ; мнѣ кажется, это тотъ и достойный любви любовникъ, который остороженъ, разсудителенъ, боязливъ“ 532.

„Не унижай ни меня, Викторъ, ни себя, предлагая мнѣ богатство, роскошь, господствованіе надъ крестьянами: не думай, чтобы сіи мечты, прельщающія одни испорченныя чувства, могли меня плѣнять. Я не привыкла съ радованьемъ смотрѣть на ровныхъ мнѣ, стенящихъ подъ моимъ игомъ; я не изъ тѣхъ городскихъ госпожъ, о коихъ слыхала что они издерживаютъ на прихоти свои всѣ тѣ подати, кои кровавымъ потомъ бѣдной пахарь достаетъ, не мало не подумавъ о томъ, какимъ тяжкимъ трудомъ безчеловѣчной сей оброкъ пріобрѣтается... „Щастіе мое—въ одномъ тебѣ, прямое же богатство—въ душевномъ спокойствіи“ 533.

Она проситъ разрѣшенія у Филиппа выйти замужъ за Виктора. Филиппъ отказываетъ, опять ссылаясь на сословное неравенство ихъ состояній. Она возражаетъ:

„не ужели только по одному равенству можно любить? Неужели состоянія препятствуютъ? Вѣдь и онъ—такой же человѣкъ, какъ и я, и въ немъ та же душа, тѣ же чувства,—такъ чѣмъ же мы не ровны?“ 534

Филиппъ говоритъ ей объ „обществѣ“, объ его судѣ, о злобѣ людской, о предразсудкахъ, о лицемѣріи „общественнаго мнѣнія“, о томъ, что честныхъ людей въ городѣ найти трудно, такъ какъ они въ обществѣ слишкомъ незамѣтны; о томъ, что общество развращено, и только въ деревнѣ—„золотой вѣкъ“ и т. д.

Между тѣмъ, Викторъ умиралъ... Уступая его просьбамъ, Филиппъ привелъ къ нему Марію. Свиданіе подѣйствовало на Виктора благопріятно: онъ оживился, и сталъ умолять Филиппа дать ему разрѣшеніе на бракъ съ Маріей; этого проситъ и она сама, и

слуги. Наконецъ, Филиппъ согласился... Викторъ былъ въ полномъ восторгѣ,—онъ восклицаетъ:

„ты удержалъ во мнѣ душу мою, готовую разлучиться съ моимъ тѣломъ!“ Послѣ сего восклицанія онъ паки, какъ почти увядшій цвѣтокъ расцвѣталъ, чтó весьма удивило всѣхъ предстоящихъ“. 535

Филиппъ, словами Стародума, читаетъ наставленіе Виктору и Маріи:

„старайтесь быть болѣе друзьями, нежели любовниками; первые суть тверже, а послѣдніе перемѣнчивы“; „супругамъ не должно имѣть другъ къ другу такой любви, которая бы на дружбу походила, а надобно имѣть дружбу, походящую на любовь“.— 536

Много и долго разсуждаетъ онъ и далѣе объ истинной любви и дружбѣ.

Между тѣмъ, Викторъ отправилъ Плуталова въ городъ заложить одну изъ деревень и купить драгоцѣнностей для Маріи. Онъ просилъ Плуталова ничего не говорить объ его свадьбѣ матери, которая жила въ томъ городѣ. Послѣ его отъѣзда Викторъ увидѣлъ зловѣщій сонъ.

Тѣмъ не менѣе, Викторъ былъ счастливъ: отсутствіе Плуталова, благотворное вліяніе молодой жены и стараго тестя его и успокоило, и облагородило... Между тѣмъ, Плуталовъ деньги, данныя ему Викторомъ, потратилъ на свои нужды, а затѣмъ явился къ матери Виктора, разсказалъ ей обо всемъ случившемся и вооружилъ ее противъ сына и особенно противъ невѣстки. Мать Виктора, Гордона была внѣ себя отъ злобы и—

„бѣгала она по комнатѣ, кусала пальцы, сдернула съ головы чепецъ, била себя въ грудь и ругала немилосердо сына“. 537

Вмѣстѣ съ Гордоной, Плуталовъ создалъ планъ, какъ развести Виктора съ Маріей, и, для этого, оба рѣшили, прежде всего, вызвать его изъ деревни въ городъ. Виктору Плуталовъ разсказывалъ, что мать отъ кого-то узнала объ его свадьбѣ, что онъ, Плуталовъ, тщетно старался ее успокоить... Послѣ долгой борьбы, Викторъ рѣшился исполнить волю матери, — оставить Марію и ѣхать въ городъ.

„поѣду, пусть будетъ, Плуталовъ, по твоему!—пусть дни мои текутъ такъ, какъ судьба предоопредѣлила, а не такъ, какъ я располагалъ!“ 538.—восклицаетъ онъ.

Разлука молодыхъ была очень трогательна: патетическія восклицанія, многоточія, рядъ отрывистыхъ фразъ,—характеризуютъ состояніе ихъ смущенныхъ душъ.

Трогательно простился Викторъ и съ деревней, которая дала ему счастье —

„прощайте, любезныя мнѣ мѣста, щастливыя убѣжища покоя, гдѣ

я, искавъ пустыхъ и прихотливыхъ забавъ подъ низкою кровлею, въ хижинѣ, въ глубокомъ укрытіи, нашелъ добродѣтель, — божество, на вѣки мною чтимое и обладѣвшее". 539

Попавъ въ городъ, подъ вліяніе матери и Плуталова, Викторъ совсѣмъ оторвался отъ семьи.

Между тѣмъ, Марія тосковала въ полной неизвѣстности, не получая отъ мужа ни одного письма... У нея, въ отсутствіе мужа, родился сынъ Премилъ. Она сообщила объ этомъ Виктору. Тонъ ея письма вполнѣ выдержанъ,—передъ нами, дѣйствительно, говоритъ счастливая мать—

„какъ онъ милъ! какіе у него быстрые черные глазки!.. Какой онъ бѣлинькой, румяниинькой, полниинькой... какія у него маленькія ручки, крошечные пальчики, какъ онъ похожъ на тебя,—точной ты!.. 540

— восклицаетъ она и проситъ вернуться къ нему.

Нарочный, посланный ею, возвратился съ разсказами о развратномъ поведеніи Виктора, объ его желаніи жениться въ городѣ... Всѣ эти извѣстія подсказаны были посланному Плуталовымъ, чтобы разстроить Марію. Марія повергласъ въ полное отчаяніе; Филиппъ съ горя умираетъ, читая ей предъ смертью различныя наставленія. Совѣтуетъ ей позаботиться о двухъ своихъ сестрахъ. Оказывается, между прочимъ, что старый Филиппъ, подъ именемъ своихъ дочерей, воспитывалъ сестеръ Плуталова, чего тотъ и не подозрѣвалъ...

И вотъ, Марія, съ сыномъ и двумя „сестрами", похоронивъ отца, отправляется въ монастырь. Грустно смотрѣла она на домъ, съ которымъ разставалась, и который столько счастья принесъ ей въ прошедшемъ —

„Она обращаетъ печальные свои взоры назадъ и, видя вдали растилающуюся по зеленѣющей равнинѣ деревню Честонову,—бывшее жилище все еще любезнаго мужа, синими весенними парами застилающуюся и представляющуюся, какъ будто, подернутою, какъ бы тонкимъ покровомъ, зарыдала,—воздохнула и паки продолжала путь свой". 541

На пути захватила ихъ непогода, и они, насилу, добрались до монастыря. У воротъ его разыгралась жанровая сценка: старикъ-сторожъ долго не хотѣлъ ихъ пускать —

„непроворной притворникъ во время, какъ старался отпереть врата обители сей, досадовалъ на свое безсиліе, безпрестанно кашлялъ, бранилъ Марію, что какъ ей не стыдно было притти въ такое время, когда носу на дворъ показать нельзя, и, между прочимъ, отдыхалъ еще отъ усталости" 542.

Марія стала торопить его—но онъ сталъ ворчать:

„Куда какъ ты тороплива, моя голубка!.. Рѣшетки отворить не могу, замокла... Охъ! чтобы нелегкое побрало! и совсѣмъ впередъ скитаться не будешь въ такое ненастье!“ Сіи слова его сопровождаемы были грубымъ ворчаньемъ и бранью“ [542].

Этому „вратарю“ было уже „около вѣка“ [543]. Марія стала жить въ тихомъ уединенномъ монастырѣ. Однажды къ ней въ избу прибѣжала взволнованная молодая женщина. —

„Новопришедшая госпожа была одѣта въ бѣлое кисейное платье; станъ ея перепоясанъ былъ чернымъ бархатнымъ кушакомъ съ блестящею пряжкой. На головѣ у ней былъ кружевной покоевой чепчикъ съ розовыми лентами, изъ подъ коего упадали локанами темнорусые ея волосы, какъ будто для того, чтобы болѣе отдѣлить бѣлое ея лице, на коемъ отъ страха и румянець не блисталъ; длинныя густыя рѣсницы закрывали ея глаза, кои потуплены были въ землю и не осушались еще отъ слезъ; одною рукою она поддерживала свою голову, а другая лежала на столѣ. На маленькомъ пальцѣ сей руки былъ перстень, осыпанный дорогими каменьями, съ чьими то волосами и блестящимъ вензловымъ именемъ“ [544].

Взволнованная и потрясенная дама осталась ночевать у Маріи въ избѣ, и на слѣдующій день Марія стала просить ее разсказать свою исторію —

„Я буду весьма обрадована, ежели вы мнѣ позволите пролить о васъ нѣсколько сострадательныхъ слезъ“ [545],—заявляетъ она

Слѣдуетъ „исторія Евгеніи“.

Она родилась въ домѣ кн. Многосулова; родители ея служили у князя; она рано осталась полной сиротой и воспитаніе получила у бабушки. Та научила ее французскому языку, танцамъ, музыкѣ, и примѣромъ своей хорошей жизни заставила любить добродѣтель. Когда умерла бабушка, Евгенія просила г-жу Самолюбову пріютить ее. Тяжело было ей здѣсь жить: нравы въ домѣ были очень свободные,—мущины къ ней приставали, графъ Высокомѣровъ даже прямо предложилъ ей идти къ нему на содержаніе... Когда она, оскорбленная, заплакала,—онъ сталъ издѣваться надъ нею —

„Браво, браво!“, захлопавъ въ ладоши и захохотавъ, онъ сказалъ, „какая невиненькая!“... Когда она стала плакать, онъ сказалъ: „ахъ! сударка моя, я, право, бы тебѣ помогъ“ [546].

Г-жа Скопидомова облыжно обвинила ее въ кражѣ табакерки; Г-жа Притворова, ханжа и лицемѣрка, которая вѣчно говорила только „объ обѣдняхъ, панафидахъ и молебнахъ“, обрушилась на нее, узнавъ, что она умѣетъ говорить по-французски:

„я бы тебѣ не савѣтавала знать етатъ басурманской языкъ. Я, чай, ты прачла всево Вэлтера, етава атеиста... Онъ васъ всѣхъ, мои галубки, вскружилъ, атъ нево только что праслывешь умницею, а въ рай вить

не найдешь, но еще купишь себѣ смертельной грѣхъ! Уже черти и такъ ждутъ нынѣшнихъ разумниковъ, которые аба всемъ разсуждать изволятъ. Я рада бы тебѣ помочь, душа моя, извини меня, да со мной только одна гривна денишками—и то берегу на свѣчи" 547.—

Черезъ нѣсколько времени эту же самую богомольную даму Евгенія застала въ объятьяхъ молодого человѣка... Съ отвращеніемъ ушла Евгенія изъ этого дома, убѣдившись, что люди большого общества—другъ для друга „совершенные изверги".

Изъ заграницы вернулся князь Многосуловъ. Княгиня, его супруга, всегда была окружена молодыми людьми, которые всѣ говорили только по-французски и безпрестанно хохотали... Разсказъ Евгеніи объ ея печальной судьбѣ очень разстроилъ княгиню, — она прослезилась и сказала на французскомъ языкѣ окружающимъ:

„естьли бы я знала, что она такъ жалка, то не велѣла бы ее впускать къ себѣ,—боюсь, чтобы отъ етого мнѣ не занемочь" 548.

Тогда Евгенія стала говорить съ ней по-французски. Едва княгиня услышала звуки милаго ей языка, какъ пришла въ полный восторгъ:

„Я столько люблю Францію, что, ежели кто знаетъ языкъ сего любезнаго, веселагогосударства, то я для того готова все сдѣлать, каковъ бы онъ ни былъ!" 549.

Князь былъ такимъ же французоманомъ, какъ его супруга.—

„Князь былъ такой странной человѣкъ, что все то почиталъ святымъ, что только было французское. Онъ принималъ всегда ласковѣе французскаго комедіанта, говоруна, бездѣльника, которой, въ глазахъ его обманывалъ (что̀ онъ относилъ къ удивительной тонкости французскаго ума), нежели скромнаго, вѣжливаго и почтеннаго Россійскаго дворянина" 550.

Но и здѣсь, въ домѣ княгини, жизнь Евгеніи не была радостной.

„ничего нѣтъ скучнѣе, какъ жить въ знатныхъ домахъ. Тамъ бѣднаго благороднаго человѣка хуже почитаютъ постельной собачонки, или попугая; тамъ всегда надобно говорить противное тому, что̀ чувствуешь: дурное должно называть хорошимъ, а хорошее—дурнымъ" 551.

Въ домѣ княгини Евгенія встрѣтила Милона, и они полюбили другъ друга. Однажды она пошла въ садовую бесѣдку, захвативъ съ собой книжку, какая попалась подъ руки:

„и какъ была довольна, что нашла въ ней весьма мнѣ любезныя письма „Новой Елоизы!"... Сколь прекрасно, нѣжно они писаны, столь сладостно мнѣ было ихъ читать! столь много чувствительной слогъ ихъ раждалъ во мнѣ задумчивости, очаровающаго унынія и неизвѣстной, сладостной печали, что на всякой строкѣ, казалось мнѣ, что ето не

наставникъ къ Юліи, а Милонъ ко мнѣ писалъ, впечатлѣвая каждое слово въ отзывистое мое сердце“ [552].

Въ бесѣдку является Милонъ; и между ними происходитъ объясненіе.

Между тѣмъ, хозяинъ дома, самъ князь, сталъ сильно ухаживать за Евгеніей; когда она отвергла его предложеніе—онъ, въ присутствіи супруги, сталъ вышучивать ея скромность — супруга стала всецѣло на его точку зрѣнія—

„Цѣломудріе, какъ ето смѣшно, какъ ето пахнетъ русскимъ духомъ! да что ето значитъ? я отъ роду объ етомъ впервые слышу и не знаю, что за вещь—„цѣломудріе“ [553].

На концертѣ, который былъ данъ въ домѣ князя, Евгенія играла на роялѣ, а Милонъ пѣлъ...

Наконецъ, Евгенія рѣшилась уйти изъ княжескаго дома; ей дали провожатыхъ, которые чуть было ея не убили; она вырвалась отъ нихъ и прибѣжала къ Маріи въ избу... Въ портретѣ Милона, Марія узнала своего брата.

Между тѣмъ, Милонъ, потерявъ изъ виду Марію, отправился на войну; тамъ онъ отличился; вернувшись на родину, онъ узналъ, что за долги сажаютъ въ тюрьму Виктора. Оказывается, его окончательно погубилъ Плуталовъ,—

„которой ограбилъ его, развратилъ, былъ противъ него совершеннымъ Генслеемъ,—только тотъ былъ зараженъ завистью, а этотъ корыстолюбіемъ“ [554].

Полный благодарности къ памяти Честона, благодѣтеля ихъ семьи, Милонъ рѣшается спасти Виктора. Онъ является къ нему... Тотъ, видя офицера, пытается застрѣлиться, думая, что его хотятъ арестовать. Но пистолетъ далъ осѣчку и Викторъ остался живъ... Видъ его былъ ужасенъ.

„Вошедъ къ Виктору, онъ (Милонъ) ужасается, видя въ немъ отчаяннаго и разсѣяннаго человѣка; глаза его были мутны и сверкали тусклыми искрами страннаго огня. Половина лица его покрыта была густою и короткою бородою; волосы были растрепаны, платье было изорвано, распахнутой воротъ являлъ избіенную и багровыми пятнами покрытую грудь; два пистолета лежали подлѣ его на столѣ“ [555].

Викторъ пораженъ былъ благородствомъ и добротою Милона. Но тотъ говоритъ, что нѣтъ причины этому удивляться,—

„знайте, г. Викторъ, что Россія полна чувствительными сердцами, добродѣтельными и великими душами: въ ней сихъ божествъ найдется еще, можетъ быть, гораздо болѣе, нежели въ иныхъ Государствахъ. Россіяне, какъ прямые человѣки, рождены съ рѣдкими добродѣтелями, въ чемъ удостовѣрили цѣлой свѣтъ мудрые и великіе Россійскіе Государи, Отцы своего отечества, также и многіе сыны сей

Имперіи, прославившіеся достохвальными подвигами. Дивиться, сударь, тому не должно, что вы, будучи въ обществѣ людей себялюбивыхъ и удалившихся отъ своей цѣли, не слыхали о человѣколюбіи и благохраненіи, потому что тамъ очень много есть такихъ малодушныхъ, кои честію поставляютъ подражать Аглинскому сапожнику, Фарейтору или французскому парикмахеру, вертопраху, нежели примѣрамъ славныхъ мужей" 556.

Милону Викторъ разсказываетъ, какъ низко онъ палъ, благодаря проискамъ Плуталова.

Подъ благотворнымъ вліяніемъ добродѣтельнаго Милона, Викторъ окончательно исправляется.

Затѣмъ авторъ обращается къ Плуталову; оказывается, и для того наступило время нравственнаго обновленія,—

„Нѣтъ въ свѣтѣ ни одного преступника, самаго даже безчеловѣчнаго, которой бы не имѣлъ минутъ раскаянія и не чувствововалъ бы лютаго угрызенія совѣсти" 557—восклицаетъ авторъ.

Онъ произноситъ патетическій монологъ, съ восклицаніями, многоточіемъ и пр. Особенно разительно на него подѣйствовала страшная гроза; онъ былъ испуганъ,—

„Ахъ! чѣмъ я оглушенъ! повсюду раздался страшный грома трескъ! сверкающая молнія, сей небесный огнь ищетъ меня пожрать!" и пр. 558.

Онъ пишетъ покаянное письмо Виктору,—отказывается отъ имущества въ его пользу... Когда онъ узнаетъ, что упорно гонимый имъ Филиппъ пріютилъ и воспиталъ его сестеръ,—онъ совсѣмъ былъ уничтоженъ... Подъ вліяніемъ пережитого Плуталовъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Авторъ пользуется случаемъ для такой морализаціи:

„И такъ, вотъ сколь много торжествуетъ добродѣтель надъ людьми,—она изъ враговъ нашихъ кротостію нашею и благородствомъ побѣжденныхъ содѣлываетъ намъ друзей" 559.

Въ дѣйствіе романа вводитъ авторъ эпизодическое лицо—француза-Мандьяна, который былъ сначала камердинеромъ князя, потомъ разбогатѣлъ, завелъ собственныхъ лошадей; въ концѣ концовъ, сдѣлался богатымъ негоціантомъ и другомъ своего прежняго барина.

Является на сцену Милонравовъ, отецъ Евгеніи,—оказывается, онъ вовсе не умеръ, а заграницей разстался съ бариномъ, и долго скитался вдали отъ родины.

Слѣдуетъ „исторія Милонравова". Онъ, во время своихъ странствій, потерпѣлъ кораблекрушеніе, попалъ на островъ, гдѣ жили дикари. Они ведутъ чистую патріархальную жизнь. Управляетъ ими царь и народное собраніе; вмѣсто наказаній, дѣйствуетъ на этомъ

островѣ только „посрамленіе“. Въ лицѣ царя узнаемъ мы хорошо-знакомый намъ образъ царя-отца, патріарха—

„Окружающіе его (царя) чиновники не были лукавые челопреклонцы, низкіе великодушцы, льстивые враги, многохульные ласкатели и коварные щедротохищники, а были мужи кроткіе, любомудрые, важные безъ гордости, справедливые безъ нужды, взыскательны безъ тиранства, преданны безъ трусости, любящіе безъ корыстолюбія, добродѣтельны безъ притворства...“ [560].

Владыка относился къ нимъ, какъ „чадолюбивый отецъ“ [560].

Счастье его подданныхъ было полное; у нихъ на островѣ царитъ „златой вѣкъ“.

„Обычай ихъ былъ обычай простой, безъ малѣйшаго предразсудка и странностей,—онъ основанъ былъ на спокойствіи, свободномысліи и доброй волѣ...“ [561].

На этомъ счастливомъ островѣ „всѣ жители были философы“. „Нѣтъ тамъ богачей и нищихъ, нѣтъ огорченныхъ и обиженныхъ“. Счастіе жителей усугублялось тѣмъ, что и природа была тамъ прекрасна.

Кончается романъ благополучно для всѣхъ добродѣтельныхъ, которые находятъ награду за свою нравственную стойкость,—благополученъ конецъ и для порочныхъ, которые сумѣли отдѣлаться отъ своихъ недостатковъ.. Радостно возвращался Викторъ въ родную деревню, гдѣ ждала его жена и сынъ,—

„Викторъ на всякой перемѣнѣ лошадей, приближающей его къ его селенію, восхищался до исступленія... Сперьва прыгалъ, какъ ребенокъ, а потомъ плакалъ, какъ раздраженное дитя, но плакалъ отъ радости“. [562]

Описаніемъ трогательныхъ встрѣчъ Виктора и Маріи и другихъ дѣйствующихъ лицъ, разлученныхъ другъ отъ друга, кончается этотъ любопытный романъ.

Цѣли, которыя преслѣдовалъ авторъ, сочиняя свое произведеніе, вполнѣ опредѣленно высказаны имъ въ любопытномъ предисловіи:

„Усердіе мое и даже самая приверженность къ любезному Отечеству моему, заставили меня написать Исторію *Маріи, добродѣтельной Поселянки*, которая столько была почтенна въ поступкахъ своихъ, сколько *Памела*, писанная славнымъ *Ричардсономъ*, можетъ быть для примѣру. Я для того ее назвалъ *Россійскою Памелою*, что есть и у насъ столь нѣжныя сердца, великія души въ низкомъ состояніи и благородная чувствительность: есть *Памелы*, новыя Элоизы и имъ подобныя; какъ въ Англіи, въ Франціи, Германіи и прочихъ Государствахъ, гдѣ онѣ потому такъ громки, что гораздо рѣже встрѣчаются, нежели въ Россіи, коей нравы, хотя и перемѣнились, но не развращены еще, и предразсудокъ не столь владычествуетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Симъ, я желалъ показать всѣмъ предпочитающимъ чужія Государства своему, что въ немъ есть Герои добродѣтели, достойные почтенія и удивленія, есть благоразумные однодворцы *) (однодворецъ говорилъ рѣчь въ Тамбовскомъ Намѣстничествѣ о пользѣ наукъ), превосходящіе французскихъ Базилевъ (*Базиль*—отецъ Лауретты изъ сказокъ г. Мармонтеля). 563

Итакъ, прежде всего, *патріотизмъ* принудилъ автора взяться за перо, а затѣмъ, извѣстнаго рода, *демократизмъ*, заставившій его съ особымъ вниманіемъ и сочувствіемъ относиться къ простымъ, незнатнымъ русскимъ людямъ... Ричардсонъ, своимъ романомъ, подалъ ему мысль искать подобныхъ образовъ и сюжетовъ въ русской жизни, — и русская дѣйствительность, какъ авторъ увѣряетъ въ томъ же предисловіи, дала ему, въ этомъ отношеніи, богатый матеріалъ.

Себя онъ рекомендуетъ моралистомъ и поклонникомъ той правды „естества", которую потеряли люди, отошедшіе отъ природы,—

„Писавъ сію маленькую Исторію, я нестолько наблюдалъ краснорѣчіе, сколько повиновался моимъ чувствованіямъ, сердцу, хорошему смыслу, встрѣчающимся приключеніямъ и свойствамъ дѣйствующихъ лицъ въ семъ повѣствованіи. Хотя и страшусь я строгаго сужденія за несовершенство моего труда; но всякой увидитъ въ немъ тщаніе представить добро и зло въ тѣхъ точныхъ ихъ видахъ, въ каковыхъ они представляются свѣту... Я выписывалъ изъ отверстой предъ главами каждаго книги *хорошихъ* и *дурныхъ примѣровъ*, откуда и самый знаменитый Авторъ извлекаетъ свое сочиненіе. Природа такой источникъ, изъ коего и большой, и малой могутъ черпать и въ которомъ бываетъ, какъ чистая, такъ и мутная вода.

„...я слѣдуя истинѣ столько, сколько могъ и желалъ, ничего не сокрылъ вреднаго подъ игрою словъ и самый даже предразсудокъ, въ обществѣ столь терпимый и заблагопринятой въ иныхъ случаяхъ, называлъ „зломъ", „пустотою", „угнѣтеніемъ" природы. И тотъ, кто на оный посмотритъ безпристрастнымъ взоромъ, будетъ, вѣрно, одинакаго со мною мнѣнія!" 564

Изъ всего вышесказаннаго видно, что произведеніе П. Львова, и по замысламъ автора написать подражаніе ричардсоновской „Памелѣ"—и отчасти, по исполненію, должно быть отнесено къ группѣ „англійскаго романа".

Въ лицѣ Маріи узнаемъ мы блѣдное отраженіе героини ричардсоновскаго произведенія: она такъ же добродѣтельна, такъ же стойка въ нравственномъ отношеніи; въ такой же мѣрѣ, какъ

*) Неразъ возвращается авторъ на страницахъ своего романа къ доказательству того, что различіе сословій—недостаточное препятствіе для любви.

Памела и Кларисса, склонна къ морализаціи; ничего *русскаго*, крестьянскаго въ ней нѣтъ... Даже благотворительность ея—какая-то не-русская. Ей подстать и отецъ ея, въ чертахъ котораго узнаемъ мы и резонеровъ Ричардсона, и много-страдальнаго героя Гольсмитта, и нашего доморощеннаго мудреца-Стародума *)... Но и въ немъ, этомъ идеальномъ старцѣ, не найдемъ мы ни одной живой *русской* черты.

Гораздо правдивѣе обрисованы Викторъ и Плуталовъ. Оба эти образа вполнѣ жизненны, и конкретность ихъ нетрудно подтвердить различными мемуарами, даже русскими романами XVIII-го вѣка. (См. выше вып. I, стр. 110-4, 217).

Оба эти героя своей жизнью оправдываютъ высоко-христіанскія и гуманныя мысли автора: 1) нѣтъ въ свѣтѣ ни одного преступника, даже самаго безчеловѣчнаго, который-бы не имѣлъ никогда позыва къ раскаянію,—который бы не чувствовалъ угрызеній совѣсти, 2) что бороться со зломъ надо только при помощи добра. Вспоминая, быть можетъ, тактику Грандисона (см. выше стр. 379—380), авторъ восклицаетъ:

„...вотъ, сколь много торжествуетъ добродѣтель надъ людьми! она изъ враговъ нашихъ, кротостію нашею и благородствомъ побѣжденныхъ, содѣлываетъ намъ друзей!“ [illegible]

Я уже говорилъ, что эта новая точка зрѣнія введена въ обиходъ европейской литературы, главнымъ образомъ, „англійскимъ романомъ“,—въ старомъ романѣ (говорю о греческомъ романѣ и раннемъ псевдоклассическомъ) были идеальные герои, были совершенные злодѣи, но не было такихъ, которые бы, въ силу обстоятельствъ жизни, *измѣнялись* къ лучшему, или худшему, — подвижность и гибкость сердца человѣческаго впервые замѣтили романисты-христіане... П. Львовъ, шедшій, въ этомъ отношеніи, за ними слѣдомъ, поэтому самому долженъ быть отнесенъ къ ихъ группѣ.

Его Викторъ обрисованъ всесторонне—съ хорошихъ и дурныхъ сторонъ своей жизни. Передъ нами человѣкъ, совершенно безвольный,—одинаково-доступный вліяніямъ злымъ и добрымъ... Его злой геній Плуталовъ имѣетъ надъ нимъ власть только,

---

*) По крайней мѣрѣ, главная мысль его разсужденія о томъ, что для счастливаго брака нужна не страсть, а дружба — несомнѣнно, является отраженіемъ взглядовъ Стародума на этотъ вопросъ.

**) Въ романахъ Тургенева найдемъ мы неразъ сходные образы, хотя, конечно, обрисованные, въ художественномъ отношеніи, несравнимо выше.

пока они вмѣстѣ,—стóитъ Виктору попасть въ общество добродѣтельной Маріи, или ея отца — и онъ дѣлается инымъ: проливаетъ умилительныя слезы, забываетъ свои злыя намѣренія, — изъ „тирана“ дѣлается „послушнымъ рабомъ“...

Впрочемъ, въ замыслы автора, повидимому, и не входило дѣлать Виктора совершеннымъ злодѣемъ,—въ его уста, напримѣръ, влагаетъ онъ такія рѣчи, которыя, очевидно, были дороги ему самому (напр., о равенствѣ всѣхъ въ любви, о необходимости гуманно относиться къ крестьянамъ, о равенствѣ людей и пр.). Такимъ образомъ, „безволіе“ и отсутствіе „личности“, — вотъ, главные недостатки этого героя.

Оттого „судьба“ изъ всѣхъ героевъ романа только надъ нимъ имѣетъ власть.

„Поѣду, пусть будетъ Плуталовъ, по твоему! пусть дни мои текутъ такъ, какъ судьба предопредѣлила, а не такъ какъ я располагалъ!“ [566]

— восклицаетъ онъ

Въ его письмѣ говорится о жестокихъ опредѣленіяхъ судьбы, объ „ударахъ судьбы“ [567]... Психологически это совершенно вѣрно,— человѣкъ, жизнь котораго всецѣло зависѣла отъ воли другихъ, долженъ былъ случайности своего существованія объяснять вліяніями силъ, чуждыхъ его учету... Понятно, что и самое „исправленіе“ Виктора совершилось безъ особаго труда съ его стороны, безъ борьбы съ самимъ собой...

Гораздо труднѣе этотъ процессъ превращенія въ „новаго человѣка“ долженъ былъ произойти у Плуталова. Но справедливость требуетъ сказать, что, съ психологической точки зрѣнія, раскрыть этотъ процессъ автору не удалось,—поэтому исправленіе порочнаго героя является для читателя и неожиданнымъ, и неподготовленнымъ...

„Плуталовъ, пораженный таковымъ неожидаемымъ случаемъ, предается нѣжности, изъявляетъ чувствительное имъ благодареніе, содѣлывается совершенно другомъ ихъ истинно-преданнѣйшимъ“ [568] и т. д.

Личность Плуталова очерчена ярко и колоритно: авторъ въ теченіе всего романа (кромѣ конца) удачно выдержалъ намѣченный имъ типъ и въ его поведеніи, и въ тонѣ его рѣчей... Передъ нами—опять одинъ изъ россійскихъ низкопробныхъ „вольтерьянцевъ“: знакомый намъ по произведеніямъ Н. Эмина: какъ надлежитъ настоящему ésprit fort, онъ презираетъ обряды церкви, становятся выше „условныхъ“ чувствъ патріотизма, чести, дружбы, родства,—но съ такимъ „либерализмомъ“ мысли онъ соединяетъ самое поверхностное шутовство и низкій разсчетъ...

Какъ въ ричардсоновской „Памелѣ“, „любовь“ въ этомъ русскомъ произведеніи играетъ служебную роль,—она нужна, чтобы исправить порочнаго барина и иллюстрировать христіанство міросозерцанія героини. Борьба во имя этой любви героями ведется не съ судьбой, не съ разбойниками и бурями, а съ волей отца Маріи, матери Виктора, вліяніемъ Плуталова... Борьба усиливается вслѣдствіе столкновенія героевъ съ соціальными предразсудками...

О герояхъ этого романа говорить мнѣ уже приходилось выше,—въ лицѣ Виктора и Плуталова передъ нами герои—„обыкновенные средніе люди“, въ сердцахъ которыхъ зло, въ разной мѣрѣ, перемѣшано съ добромъ. Кромѣ нихъ, въ романѣ дѣйствуютъ и чисто-идеальная Марія, Милонъ, и старый Филиппъ, — но они, какъ я уже говорилъ, совершенно безжизненны. Есть и отрицательные образы, какъ напримѣръ, благодѣтели и знакомые Евгеніи... Въ манерѣ письма встрѣчаемъ мы такое же смѣшеніе идеализма съ реализмомъ.

Психологическіе интересы въ романѣ и разнообразны, и сложны. Къ сожалѣнію, авторъ, кромѣ новыхъ пріемовъ раскрытія души героевъ (діалогъ, письма), прибѣгаетъ и къ старымъ,—чаще всего, онъ самъ говоритъ читателю о томъ, что происходитъ въ душѣ героевъ.

Привожу примѣры:

„Душа Викторова, наполненная и симъ восторгомъ, образомъ и невоображаемымъ великодушіемъ добродѣтельной Маріи и пламенемъ ея поцѣлуя, вознося его выше человѣковъ, вѣщала ему тайнымъ гласомъ, что, сколько онъ ни жилъ, но сей день есть первый день его жизни“ [569].

„Священная совѣсть, сей строгій судья дѣлъ нашихъ, терзаетъ его сердце, подобно орлу, терзающему прометеову грудь“ [570] и т. д.

„Обмороки“, „вздохи“ и другія внѣшнія проявленія внутренней борьбы—тоже относятся къ старымъ пріемамъ и тоже использованы авторомъ довольно широко и не всегда удачно. Привожу примѣры:

„...не могши стоять отъ удручающей его горести, упадаетъ предъ Викторомъ, испускаетъ тяжелые вздохи, душу извлекающіе и раздающіеся по всей комнатѣ; отдѣляетъ отъ тяжело-вздымающейся груди своей бѣлоснѣжную и горчайшими слезами обмоченную свою бороду [571].

„Послѣ сего восклицанія онъ паки, какъ почти увядшей цвѣтокъ, расцвѣталъ,—что весьма удивило всѣхъ предстоящихъ“ [572].

„...погасъ уже въ быстрыхъ очахъ его тотъ пылкій огнь, которой, мгновенно воспаля сердце ея, навсегда остался въ немъ сильно го-

рѣть; увяли тѣ розы его щекъ и губъ, кои покрывали собою все его лицо тогда, какъ онъ на нее, бывало, взглядывалъ" [573] и пр.

Къ болѣе удачнымъ пріемамъ, какъ я сказалъ выше, относятся живые діалоги дѣйствующихъ лицъ: особенно удачно передаетъ состояніе души обоихъ героевъ восторженная рѣчь увлекающагося Виктора, перебиваемая холодными насмѣшками, или возраженіями Плуталова, которыя пронизаны цинизмомъ и скептицизмомъ. Вообще надо сказать, что автору удались только два тона рѣчи—страстный и холодный-ироническій.

„Ахъ! она—совершенное Ангельское подобіе! Какой станъ! Какой видъ! Какіе глаза! Какой звукъ голоса... О, мой другъ, ея Ангельской голосъ вѣчно будетъ раздаваться въ моей груди! ея божественный голосъ неизгладимо начертанъ въ моемъ сердцѣ! Марія вѣчно пребудетъ въ моей душѣ! Какой счастливой случай можетъ меня соединить съ ней. И я умру, ежели она не будетъ моею!"—„Что̀ ты говоришь?.. Что̀?.. ты умрешь, ежели не будетъ твоею *дочь однодворца?.. Крестьянина?...* Ахъ, бѣдной Викторъ! ты совершенно съ ума сходишь! Кто же тебѣ мѣшаетъ себя удовлетворить?... Прикажи только, чтобы ее сюда привели и потомъ наслаждайся. Она еще должна почитать себя щастливою, что могла понравиться сыну знатнаго господина и богатому барину" [574].

Рѣчь старика-камердинера (см. выше стр. 494) тоже должна быть отнесена къ наиболѣе удачнымъ мѣстамъ романа, она прекрасно рисуетъ всю душу стараго слуги, нѣсколько напоминающаго собою пушкинскаго Савельича.

Въ главной своей части романъ П. Львова чуждъ совершенно космополитизма,—вся драма раскрывается въ тѣсномъ кругу русской деревни, и лишь во II-ой его части, во вставномъ эпизодѣ экзотическія страны захвачены авантюрами отца Евгеніи. Такимъ образомъ, можно сказать, что принципъ новаго романа — „una domus sufficit" выдержанъ въ этомъ произведеніи. „Форма" романа — старая: авторъ почему-то не воспользовался, въ этомъ отношеніи, указаніями „англійскаго романа",—не облекъ содержанія своего произведенія ни въ „письма", ни въ „дневникъ"... Оттого и для психологическаго анализа пришлось ему прибѣгнуть къ помощи старыхъ пріемовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что все же діалогомъ П. Львовъ воспользовался въ такой мѣрѣ, въ какой этотъ пріемъ не наблюдался въ старомъ романѣ.

„Стиль" повѣсти неровный: авторъ удерживаетъ и старый патетическій монологъ, который „вопится" дѣйствующими лицами,—вводитъ и разговоры „вслухъ съ самимъ собою",—и патетическія молитвы... Рядомъ съ этими остатками литературной старины, введена, какъ это показалъ я выше, живая разговорная рѣчь,—

простая и даже мѣстами колоритная... Въ „описаніяхъ“ тоже нѣтъ равномѣрности: рядомъ съ сочными „бытовыми картинами“ (напр., деревенскій праздникъ, жизнь въ аристократическомъ домѣ, типы гостей),—встрѣчаются описанія, совершенно лишенныя красокъ.—(Напримѣръ, описаніе Маріи въ нарядѣ см. выше стр. 495).

Гораздо удачнѣе изображеніе Виктора въ моментъ его отчаянія (см. выше стр. 501).

Описанія природы совсѣмъ не удались автору. Напр. —

„Сребристые ручьи извивались и окропляли жемчужными своими каплями вдругъ процвѣтшіе на ней цвѣты. Подъ сплетшимися миртами цвѣли кусты алѣйшихъ розъ; а подъ тѣнью ихъ, восхищенную роскошь приманивающею, руками любви сплетены были два вѣнка и вплели на цвѣтошныхъ нитяхъ, по вѣтвямъ развѣшанныхъ. Бѣлѣющіяся тамъ вокругъ его ясмины пріятнѣйшими упоевали ароматами его обоняніе“ 575.

„...Тогда небесное свѣтило, не дождавшись вечернія зари, сокрылось въ тонкія облака, за коими, подобно густому пару, наваливали и черныя тучи, которыми покрылась одна сторона горизонта, объявляющаго на завтрѣ пасмурный день. Отъ противолежащаго края небесъ соединяющихся съ землею, вскатывалась по лазуревому покрову свѣтлая луна на самую высоту эфира, и вдругъ загорѣлося несмѣтное число звѣздъ“ 576.

Не сумѣлъ авторъ изобразить соотвѣтствіе въ настроеніяхъ природы съ настроеніями героини—хотя онъ и прибѣгъ къ этому пріему новаго романа, но сдѣлалъ онъ это недостаточно тонко:

„Послѣ Виктора оставшаяся Марія все зритъ померкшимъ въ своихъ глазахъ. Для нея вселенная взяла иной видъ. Солнце, казалося, бросало на землю тусклые лучи; зелень полей и рощъ желтѣла; цвѣты вяли, плодами отягченныя древа обнажались... Небеса, видя Марію, плачущую, сами низпускали мерзлый дождь, видя пасмурное ея чело, покрыты были всегда мрачными облаками... Марія, куда ни обратитъ свой взоръ, всюды видитъ опустошенныя мѣста, покрытыя снѣгомъ окованныя лютыми морозами. Окаменѣвшіе источники уже не журчатъ; веселая малиновка, доселѣ поющая на молодой березкѣ подъ ея окошкомъ, перестала уже пѣть, и не разгоняетъ ея задумчивости; все умножаетъ горесть ея“ 577.

Кромѣ того, произведеніе Львова удерживаетъ еще двѣ черты, характерныя для стараго романа: — a) наклонность къ морализаціи — и b) элементъ политическій.

Эта морализація выражается то въ восклицаніяхъ, идущихъ отъ лица самого автора. (Напр.—см. выше стр. 491—508).

— то эта морализація вкладывается въ уста самихъ героевъ, иногда этимъ даже нарушая правдивость образовъ: Викторъ, слабовольный и порочный, напримѣръ, такъ разсуждаетъ:

„...я такъ держусь въ семъ раздѣленіи батюшкинаго мнѣнія, которой человѣка себялюбиваго всегда почиталъ недостойнымъ, ибо онъ его полагалъ безразсуднымъ и низкимъ, которой, никогда не входя въ самого себя, любитъ себя по одной наружности; незная достоинствъ своихъ, полагаетъ всю цѣну свою въ одной лишь надменности и знаетъ добродѣтель не по опыту; а потому только, что она называется добродѣтелью; по сему то глупому высокомѣрію онъ почитаетъ подлостію глядѣть на бѣднаго и на мужика, кои тѣмъ только виноваты, что не богаты и не знатны. Самолюбивымъ же онъ называлъ всегда того, которой справедливо чувствуетъ и мыслитъ, и которой, изъ почтенія къ хорошимъ своимъ правиламъ, изъ стыдливости предъ самимъ собою и изъ любви къ себѣ не сдѣлаетъ не токмо порочнаго, но и предосудительнаго дѣла Себялюбиваго человѣка, говаривалъ онъ, оказываютъ низкія дѣла, презрѣніе къ ближнему... Должное и ограниченное самолюбіе нужно для побужденія нашего; а естьли оно преходитъ свои мѣры, то затмѣваетъ наше умозрѣніе и перерождается въ гнусное себялюбіе“ [578].

Гораздо болѣе подходитъ „морализація“ старому резонеру-Филиппу, который, какъ я уже говорилъ, и повторяетъ, почти буквально, рѣчи Фонвизинскаго Стародума—

„...старайтесь быть болѣе друзьями, нежели любовниками; первые суть тверже, а послѣдніе перемѣнчивы. Повинуйтесь въ семъ случаѣ наставленію одного благоразумнаго человѣка (Стародума?), которой говоритъ, что супругамъ не должно имѣть другъ къ другу такой любви, которая бы на дружбу походила; а надобно имѣть дружбу, походящую на любовь. Онъ весьма справедливо сказалъ. Ибо, когда сердце ощущало себя наполненнымъ чрезмѣрностію чувствованій такихъ, коихъ человѣки не всегда имѣютъ; и потомъ, когда сіи чувствованія истощатся, то чѣмъ можно наградить сію мучительную сердца пустоту?..“ [579]

Иногда эта „морализація“ сбивается на психологическія разсужденія автора. Напр.,—

„Нѣтъ въ свѣтѣ ни одного преступника, самаго даже безчеловѣчнаго, которой бы не имѣлъ никогда минутъ раскаянія и не чувствовалъ бы лютаго угрызенія совѣсти. Сама благотворная природа для пользы нашей опредѣлила быть въ душѣ каждаго человѣка сему безпристрастному его судіи. Или лутче сказать,—Богъ столько возвеличилъ человѣка, что не создалъ для него на земли никакого другого выше его существа, къ коему бы онъ могъ относиться во внутреннихъ своихъ движеніяхъ, а сдѣлалъ его же судіею самому себѣ. И какъ дурной человѣкъ ни самопристрастенъ, какъ ни преданъ своимъ слабостямъ, и какъ онъ себя въ порокахъ своихъ ни оправдываетъ, но со всѣмъ тѣмъ престрогой себѣ судія, и въ минуту своего раскаянія гнушается и мерзитъ даже самъ собою болѣе, нежели какою пресмыкающеюся тварью“ [580].

„Политическій“ элементъ сказался въ той „утопіи“, которую нарисовалъ отецъ Евгеніи, побывавшій, во время своихъ скита-

ній, на одномъ острову, гдѣ царилъ патріархальный складъ жизни [581]. Выше во 2-ой главѣ I-го выпуска мнѣ приходилось говорить о произведеніи того-же Львова: „Храмъ истины“ (ср. вып. I, 131, прим. 651),—въ „Новой Памелѣ“ онъ тоже, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, сходится съ первымъ своимъ произведеніемъ.

Теперь онъ разсказываетъ о какой-то братской общинѣ, которая отличается совершенно патріархальнымъ складомъ жизни,—жилища всѣхъ находятся подъ одной кровлей — нѣтъ заборовъ, привратниковъ и караульщиковъ: доброе и дружеское общежитіе гарантируетъ благополучную жизнь этимъ счастливымъ людямъ. Ихъ повелитель живетъ просто: его обязанности—быть „мудрымъ судьей“, „чадолюбивымъ отцомъ“; совѣтники его — мудрые и кроткіе люди (ср. I вып. стр. 136; прим. 610). Нѣтъ тамъ богачей и нищихъ.—состояніе всѣхъ равномѣрно...

Анализъ всѣхъ этихъ трехъ романовъ (два — Н. Эмина и одинъ—П. Львова) доказываетъ ясно, что всѣ эти три произведенія представляютъ собою переходныя литературныя явленія,—отъ стараго романа къ новому: всѣмъ существомъ своимъ принадлежатъ они „новому“ творчеству, заимствуя отъ „англійскаго романа“ основы содержанія, настроеніе, черты героевъ, психологію, построеніе (у Н. Эмина) и стиль, — но, въ нѣкоторыхъ пріемахъ творчества,—пріемы психологическаго анализа, морализаціи и политическій элементъ, паѳосъ, монологи, нѣкоторое, правда - ослабленное, значеніе „судьбы“ („форма“ романа—у П. Львова) примыкаютъ еще къ творчеству старому...

Такимъ образомъ, въ сочиненіяхъ этихъ предшественниковъ Карамзина, совершеннаго перелома стараго романа въ англійскій типъ еще нѣтъ,—лишь Карамзинъ, своими повѣстями, окончательно повернулъ русскій романъ на новый путь... Въ этомъ отношеніи, двѣ повѣсти его: „*Бѣдная Лиза*“ и „*Іюдоръ*“, являются произведеніями „epochenmachend“.

II.

„*Бѣдная Лиза*“—произведеніе, любопытное во многихъ отношеніяхъ. Никому изъ русскихъ романистовъ до Карамзина не удавалось сказать такъ много въ немногихъ словахъ: такъ, напримѣръ, онъ *первый* сумѣлъ нарисовать пейзажъ съ настроеніемъ, при томъ съ несомнѣнной наличностью couleur locale. Напоминаю начало повѣсти,—

„Можетъ быть, никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ

хорошо окрестностей сей столицы, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ за городомъ; никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли—куда глаза глядятъ—по лугамъ и полямъ, по рощамъ и кусточкамъ... Всякое лѣто нахожу я новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ—новыя красоты..."

„Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря... Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву,—сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра,—великолѣпная картина, а особливо тогда, когда свѣтитъ на нее солнце,—когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся!.. Внизу разстилаются тучные, густозеленые, бѣлыми, синими и красными цвѣточками распещренные луга, за которыми, по желтымъ пескамъ, течетъ прозрачная рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ... На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни, и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные... Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь. Еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣютъ Воробьевыя горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя, поля, лѣсочки, три, или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское, съ высокимъ Дворцомъ своимъ". [582]

Въ этихъ словахъ, передъ нами, нарисованъ пейзажъ, списанный съ натуры, вѣрно передающій дѣйствительность и, кромѣ того, представляющій собою несомнѣнно-реальныя душевныя переживанія автора... Вотъ почему эта картина, такъ широко нарисованная,—не „общее мѣсто", выхваченное изъ идилліи и включенное въ романъ, только ради литературнаго украшенія... Въ произведеніи Карамзина все это мѣсто имѣетъ значеніе „увертюры" къ печальной и трогательной повѣсти о молодой, нѣжной, разбитой душѣ... И автору удивительно удается выразить въ своемъ разсказѣ своеобразное и очень тонкое настроеніе: уже смягчилась въ его сердцѣ рѣзкое чувство тревоги,—остались въ немъ лишь тихо-мерцающія переживанія грустныхъ и, въ то же время, свѣтлыхъ воспоминаній... И авторъ умѣло выдерживаетъ это настроеніе: набросавъ въ приведенномъ пейзажѣ Москвы широкую картину, умиротворяющую душу,—онъ затѣмъ начинаетъ углублять колоритъ меланхоліи, усиливая тотъ субъективизмъ, который, въ началѣ этого пейзажа, только смутно просвѣчивалъ... Тихой, свѣтлой грустью окрашиваются далѣе тѣ картины, въ созданіи которыхъ глав-

ную роль играетъ его воображеніе, чисто-по-стерновски, безъ труда уносившее его въ міръ иллюзій...

„Часто прихожу я на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну: туда же прихожу и въ мрачные дни осени горевать вмѣстѣ съ природою... Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій"...

„Тамъ, опершись на развалины гробныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ—стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ!.. Иногда вхожу я въ кельи, и представляю себѣ тѣхъ, которые жили въ оныхъ—печальныя картины!.. Здѣсь вижу сѣдаго старца, преклоняющаго колѣна свои передъ Распятьемъ, и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ, ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни,—всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости.. Тамъ юный монахъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ томнымъ взоромъ, смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна своего, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха—видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ... Онъ томится, вянетъ, сохнетъ—и унылой звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его... Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся... тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами: тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества—печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые Татары и Литовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской столицы, и когда нещастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ..." 583.

Затѣмъ авторъ искусно начинаетъ подымать настроеніе читателя, постепенно уводя его изъ широкихъ, расплывчатыхъ горизонтовъ нарисованнаго въ началѣ пейзажа и фиксируя его вниманіе на той детали картины, которая особенно для него важна—

„Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монастыря воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы,—бѣдной Лизы... Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!"

„Саженяхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу... Кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ лѣтъ, за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою матерью своею" 584.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ. Онъ несложенъ и простъ,—гораздо проще, чѣмъ содержаніе романовъ Ричардсона, Руссо и Гёте. Но въ этой простотѣ была сила и въ самой краткости разсказа—большое содержаніе...

Особенно цѣнно это произведеніе въ психологическомъ отно-

шенія. Пріемы, къ которымъ прибѣгъ Карамзинъ для анализа души героевъ—самые разнообразные:

Иногда онъ, по старому, прямо разсказываетъ, что̀ переживаютъ его герои, иногда онъ раскрываетъ ихъ душу при помощи діалога, или монолога, или рисуетъ внѣшнія проявленія ихъ внутренней тревоги... Чаще всего онъ умѣло комбинируетъ всѣ эти пріемы.

„Молодой, хорошо-одѣтой человѣкъ, пріятнаго вида, встрѣтился ей на улицѣ. Она показала ему букетъ цвѣтовъ—и закраснѣлась. „Ты продаешь его дѣвушка?"—спросилъ онъ съ улыбкою.

„Продаю", отвѣчала она.—„А что̀ тебѣ за него надобно?"—„Пять копѣекъ".—„Это слишкомъ дешево... Вотъ тебѣ рубль!"—Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодого человѣка, — еще болѣе закраснѣлась, и, потупивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возьметъ рубль.—„Для чего же?.." 586.

„...А Лиза?.. Лиза стояла съ потупленнымъ взоромъ, съ огненными щеками, съ трепещущимъ сердцемъ—не могла отнять у него руки—не могла отворотиться, когда онъ приближился къ ней съ розовыми губами своими... Ахъ! онъ поцѣловалъ ее—поцѣловалъ съ такимъ жаромъ, что вся вселенная показалась ей въ огнѣ горящею!.. „Милая Лиза!"—сказалъ Эрастъ: „Милая Лиза! я люблю тебя!"—и сіи слова отозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная восхитительная музыка. Она едва смѣла вѣрить ушамъ своимъ и... Но я бросаю кисть" 586.

„Онъ меня любитъ!"—думала она, и восхищалась сею мыслію. „Ахъ, матушка!"—сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась... „ахъ, матушка! какое прекрасное утро! Какъ все весело въ полѣ! Никогда жаворонки такъ хорошо не пѣвали! никогда солнце такъ свѣтло не сіяло! никогда цвѣты такъ пріятно не пахли!" 587.

„Лиза спала очень худо. Новой гость души ея,—образъ Эрастовъ, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась.—просыпалась и вздыхала... Еще до восхожденія солнечнаго Лиза встала, сошла на берегъ Москвы-рѣки, сѣла на травѣ и, подгорюнившись, смотрѣла на бѣлые туманы, которые волновались въ воздухѣ и, подымаясь вверьхъ, оставляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ Натуры" 588.

Иногда онъ помогаетъ читателю понять душу героевъ, вводя ихъ „характеристику". Онъ, напримѣръ, такъ рекомендуетъ своего героя Эраста: это—

„...былъ довольно богатой дворянинъ, съ изрядным разумомъ и добрымъ сердцемъ,—добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтренымъ... Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ,—скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы, при первой встрѣчѣ, сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Онъ читывалъ романы, идилліи,—имѣлъ живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена, (бывшія, или не бывшія), въ которыя, по описанію поэтовъ, всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ,

цѣловались, какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами и въ щастливой праздности всѣ дни свои провождали" [589].

Иногда, для той же цѣли—облегчить читателю трудное дѣло пониманія чужой души,—онъ вводитъ и психологическія разсужденія „общаго характера".

„Онъ желалъ больше, больше, и наконецъ, ничего желать не могъ—а кто знаетъ сердце свое, кто размышлялъ о нравственной натурѣ человѣка, тотъ согласится со мною, что безъ желаній нѣтъ для насъ удовольствія!.. Лиза не была уже для Эраста симъ Ангеломъ непорочности, которой прежде воспалялъ его воображеніе и восхищалъ душу его. Платоническая любовь уступила мѣсто такимъ чувствамъ, которыми онъ не могъ гордиться, и которыя были для него уже не новы" [590].

Иногда авторъ самъ вмѣшивается въ свой разсказъ съ вопросами и восклицаніями, цѣль которыхъ—держать психологическіе интересы читателя въ постоянномъ напряженіи.

„Ахъ, Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось?.. До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ птичками, ты, вмѣстѣ съ ними, веселилась утромъ,—и чистая, радостная душа свѣтилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣтится въ капляхъ росы небесной: но теперь ты задумчива, и общая радость Природы чужда твоему сердцу!" [591].

„Она бросилась въ его объятія—и въ сей часъ надлежало погибнуть непорочности!... Эрастъ чувствовалъ необыкновенное волненіе въ крови своей—никогда Лиза не казалась ему столь прелестною... Никогда ласки ея не трогали его такъ сильно... Никогда ея поцѣлуи не были столь пламенны... Она ничего не знала, ничего не подозрѣвала, ничего не боялась... Мракъ вечера питалъ желанія... Ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ... Никакой лучъ не могъ освѣтить заблужденія... Эрастъ чувствуетъ въ себѣ трепетъ... Лиза также, не зная, отъ чего... Не зная, что съ нею дѣлается... Ахъ, Лиза, Лиза! гдѣ мать твоя? гдѣ Ангелъ-хранитель твой?.. Гдѣ твоя невинность?" [592].

„Сердце мое обливается кровію въ сію минуту. Я забываю человѣка въ Эрастѣ—готовъ проклинать его.. Но языкъ мой не движется! смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему... Ахъ! для чего пишу я не романъ, а печальную быль!" [593].

„Ее погребли близъ пруда подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянной крестъ на могилѣ ея. Тутъ часто сижу я въ задумчивости, опершись на вмѣстилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ струится прудъ; надо мною шумятъ листья..." [594].

Глубоко-правдиво, сильно, сжато и просто, изображенъ психологическій моментъ самоубійства: Лиза не пошла за Эрастомъ на войну вовсе не потому, чтобы ее удержала мысль: „у меня есть мать",—она еще вѣрила своей надеждѣ вернуть былое счастье, и только потому мысль о матери могла удержать ее. Когда же вдругъ погасла всякая надежда, и острое отчаянье разбило ея сердце—она утопилась, и теперь мысль о матери не удержала ея...

Лиза не забыла матери, но внезапный ударъ судьбы оглушилъ ее... Она растерялась до того безпомощно-жалко, что, когда „вдругъ, увидала себя на берегу глубокаго пруда",—то и бросилась въ воду... И, всетаки, въ послѣднее мгновенье передъ смертью, у полупомѣшанной отъ горя дѣвушки, очевидно, блеснуло въ головѣ смутное воспоминаніе о какихъ-то обязанностяхъ къ матери, но горе не дало ей возможности вдуматься въ эти обязанности,—она не кончила своей рѣчи отъ наплыва душевнаго волненія и бросилась въ воду... Ея самоубійство—чисто-случайное, столь же неожиданное для нея, какъ и тотъ ударъ судьбы, который обрушился на ея голову... Нельзя отрицать, что въ сценѣ, предшествовавшей самоубійству, Карамзинъ удачно выдержалъ психологическую правду и нашелъ для нея яркое и сильное художественное выраженіе.

Но необходимо оговориться: при всей ясности и тонкости психологическаго анализа, героиня этой повѣсти обрисована все же недостаточно-колоритно,—ея образъ расплывчатъ, недостаточно-индивидуалистиченъ и мало реаленъ. Даже мелкія бытовыя детали, въ родѣ, напримѣръ, такой —

„...побѣжала на погребъ—принесла чистую кринку, покрытую чистымъ деревяннымъ кружкомъ... Схватила стаканъ, вымыла, вытерла его бѣлымъ полотенцомъ, налила и подала въ окошко, но сама смотрѣла въ землю" 595.

„...Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь—*ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды* — и все сіе продавала въ Москвѣ..." 596.

— нисколько не подымаютъ жизненности этого слишкомъ отвлеченнаго образа.

Нѣсколько правдивѣе, „тѣлеснѣе", представленъ Эрастъ, совершенно не похожій на тѣхъ героевъ, съ которыми мы познакомились въ повѣстяхъ Эмина и Львова. Въ лицѣ карамзинскаго Эраста—передъ нами чувствительный, „прекраснодушный" юноша, у котораго, однако, непроченъ его поверхностный, изъ книгъ вычитанный, идеализмъ,—и оттого силъ на борьбу съ жизнью, съ реальной дѣйствительностью у него нѣтъ... И онъ губитъ отдавшуюся ему дѣвушку—губитъ безъ злого умысла, по слабости... Его прекраснодушіе Карамзинъ обрисовалъ обстоятельно:

„Эрастъ восхищался своей пастушкой—такъ называлъ онъ Лизу—и видя, сколь она любитъ его, казался самъ себѣ любезнѣе. Всѣ блестящія забавы большого свѣта представлялись ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми удовольствіями, которыми страстная дружба невинной души питала сердце его. Съ отвращеніемъ помышлялъ онъ о прежнительномъ сладострастіи, которымъ прежде упивались его чув-

ства. „Я буду жить съ Лизою, какъ братъ съ сестрою (думалъ онъ),— не употреблю во зло любви ея, и буду всегда щастливъ!“ [illegible].

Карамзинъ обрисовалъ и его сантиментальный „демократизмъ“, тоже оказавшійся непрочнымъ.

„Эрастъ цѣловалъ Лизу; говорилъ, что ея щастіе [illegible] ему всего на свѣтѣ, что, по смерти матери, онъ возьметъ ея къ себѣ, и будетъ жить съ нею неразлучно, въ деревнѣ, и въ дремучихъ лѣсахъ, какъ въ раю.—„Однакожъ тебѣ не льзя быть моимъ мужемъ!“ сказала Лиза съ тихимъ вздохомъ.—„Почему же?“—„Я—крестьянка“.—„Ты обижаешь меня!.. Для друга твоего драгоцѣннѣе всего душа—чувствительная, невинная душа—и Лиза будетъ всегда ближайшею къ моему сердцу!“ [illegible].

Но, кромѣ идейной стороны, тонко и художественно разработанной, въ повѣсти Карамзина были и другія очень любопытныя особенности. Такъ, напримѣръ, мнѣ думается, что „*Бѣдная Лиза*“ потому и была принята русской публикой съ такимъ восторгомъ, что въ этомъ произведеніи Карамзинъ первый у насъ высказалъ то „новое слово“, которое нѣмцамъ сказалъ Гёте въ своемъ „Вертерѣ“. Такимъ „новымъ словомъ“ было въ повѣсти—*самоубійство* героини. Русская публика, привыкшая въ старыхъ романахъ къ утѣшительнымъ развязкамъ, въ видѣ свадебъ, повѣрившая, что добродѣтель всегда награждается, а порокъ наказывается,—*впервые* въ этой повѣсти встрѣтилась съ горькой правдой жизни *). Конечно, интересна была и новая литературная разработка идеи: „крестьянки чувствовать умѣютъ“. Слѣдуя за Ричардсономъ, Карамзинъ въ своемъ произведеніи доказалъ, что неравенство соціальныхъ условій въ вопросахъ любви не играетъ никакой роли. Въ этомъ отношеніи, культурное значеніе „Бѣдной Лизы“, пожалуй, можетъ быть сравнимо съ тѣмъ значеніемъ, которое, въ свое время, имѣли такія произведенія, какъ „Хижина дяди Тома“ и тургеневскія „Записки охотника“. Конечно, новизна идей, вложенныхъ въ названныя произведенія, была относительной,—подобныя мысли до Тургенева и Бичеръ-Стоу высказывались неразъ и раньше, даже находили особ. литературное воплощеніе,—*новымъ* у обоихъ писателей было то

) Впрочемъ, въ маленькомъ анекдотѣ: „Самоубійца“ (напечатанномъ въ „Моск. Журн.“, въ 1791 г. I, 56—62) и вошедшемъ въ содержаніе „Писемъ русскаго путешественника“, Карамзинъ еще раньше коснулся этой-же темы, однако, не развивая ея. Содержаніе анекдота слѣдующее: въ Женевѣ аббатъ Н былъ душой общества... Всѣ любили l'aimable Abbé—за его любезность, живость... Вдругъ онъ заскучалъ,—сдѣлался томнымъ, задумчивымъ... Видѣли разъ, какъ долго молился онъ ночью... Видѣли, какимъ разстроеннымъ вышелъ онъ изъ дому: „глаза у него были красны, лице блѣдно“... Никто больше не видѣлъ Аббата,—онъ утопился отъ несчастной любви.

художественное мастерство, та проникновенность въ правду жизни, которыя сдѣлали появленіе въ свѣтъ ихъ произведеній „культурнымъ моментомъ“. Въ такомъ же положеніи оказалась и повѣсть Карамзина—и въ этомъ сила повѣсти Карамзина: идея трактовалась уже до него (напр., у Львова въ его „Россійской Памелѣ“), но художественное воплощеніе идеи было ново.

Хотя самъ Карамзинъ говоритъ, что въ основѣ его повѣсти лежитъ „печальная быль“, однако, можно думать, что весь сюжетъ „Бѣдной Лизы“ и, въ особенности, главный ея психологическій моментъ („самоубійство“), разработанъ Карамзинымъ подъ вліяніемъ „Вертера“. Тамъ, въ видѣ вводнаго эпизода, входитъ разсказъ объ одной утопившейся дѣвушкѣ:

„Я напомнилъ ему объ утопшей дѣвкѣ, найденной предъ симъ незадолго и повторилъ ему о ея приключеніи... Она сперва привыкла къ домашнимъ трудамъ, производимымъ чрезъ цѣлую недѣлю, такъ, что не знала другого себѣ утѣшенія, какъ только по воскреснымъ днямъ вытти за городъ съ подругами своими, а въ годовой праздникъ, можетъ быть, разъ пританцовать, достальное-же время переговорить съ сосѣдкою о какихъ либо спорахъ и несогласіяхъ... Но, наконецъ, почувствовала внутреннія желанія, умноженныя еще больше ласкательствомъ мущинъ; тогда прошедшія забавы становились ей, мало по малу, несносными, пока находитъ она человѣка, къ коему совсѣмъ незнакомое ей чувство тайно ее привязываетъ; она полагаетъ на него всю надежду, забываетъ все окружающее ее, ничего не слышитъ, ничего не видитъ, ничего не чувствуетъ, окромѣ его, -имъ однимъ занимается, его одного желаетъ.—Она, не бывъ испорчена удовольствіемъ непостоянной суеты, простираетъ намѣренія свои къ настоящей цѣли,—она хочетъ совсѣмъ ему предаться, хочетъ найти въ вѣчномъ съ нимъ союзѣ искомое блаженство и вкусить желаемыя пріятства... Частыя обѣщанія утверждаютъ ея надежду: дерзновенныя ласки воспламеняютъ ея желанія и плѣняютъ ея сердце; она утопаетъ въ радости предбудущихъ утѣхъ,—и въ сладчайшемъ восторгѣ простираетъ руки къ принятію его требованій... Но увы! увы!.. Возлюбленный ее покидаетъ!.. Она безчувственна, оцепенѣла, стоитъ надъ пропастью... Тьма ее окружаетъ... нѣтъ намѣренія, нѣтъ отрады, нѣтъ надежды,—ее покинулъ тотъ, въ комъ единомъ жизнь свою полагала!.. Она не видитъ предъ собою пространства цѣлаго свѣта,—не находитъ никого, кто бы могъ замѣтить ея потерю, чувствуетъ себя одну и всѣми оставленную... И такъ, ослѣпленная и угнетенная сердечною горестью, ввергается въ пучину для прекращенія своего бѣдствія“ [522].

Изъ этой выдержки видно, что, если фактъ изъ жизни („печальная быль“) могъ заинтересовать Карамзина, подсказать ему тему, то въ романѣ Гёте онъ нашелъ уже готовый, вчернѣ-разработанный сюжетъ и опредѣленно-поставленную интересную психологическую задачу,—оставалось сюжетъ разработать „на чисто“ и задачу разрѣшить,—что́ и сдѣлалъ нашъ писатель въ своей повѣсти.

Основная тенденція произведенія та же, что и въ ричардсоновскихъ романахъ: въ „Клариссѣ“, особенно въ „Памелѣ“ — 1) защита личности женщины отъ эгоистическаго къ ней отношенія мужчины-самца и—2) доказательство демократическаго принципа равенства людей, хотя бы только въ сферѣ моральныхъ отношеній...

Умѣніе рисовать пейзажъ съ соблюденіемъ couleur locale и, что особенно характерно,—съ географическою точностью (Москва, Симоновъ монастырь и т. д.)—явилось у Карамзина несомнѣннымъ результатомъ вліянія Руссо, который дѣйствіе романа точно такъ же старался всегда пріурочить къ опредѣленнымъ мѣстностямъ Швейцаріи. Воздѣйствіе Руссо сказалось еще въ томъ отношеніи, что, въ лицѣ Эраста, мы узнаемъ черты St-Preux, — то же прекраснодушіе, ту же мечтательность и восторженность, ту же слабость воли и одинаковую готовность отдаваться настроеніямъ минуты... Изъ „Вертера“, какъ я уже говорилъ, взялъ Карамзинъ трагическую развязку („самоубійство“), вѣроятно, даже самый сюжетъ, психологическую постановку темы, а также воспользовался широко примѣненными у Гёте оссіановскими мотивами при живописаніи природы...

Наконецъ, необходимо сопоставить эту карамзинскую повѣсть и съ творчествомъ Мармонтеля: манеры психологическаго анализа, въ которыхъ новые пріемы соединяются со старыми, самая литературная „форма“ произведенія (не „письма“, не „дневникъ“— а „повѣствованіе“), — все это заставляетъ насъ вспомнить вышеприведенный разборъ карамзинской „Юліи“ (вып. I, стр. 482-497) и соотвѣтствующія произведенія Мармонтеля.

Неоконченная повѣсть Карамзина: „*Іюдоръ*“, совсѣмъ съ другой стороны подходитъ къ „Вертеру“. Содержаніе ея слѣдующее: авторъ и два его друга: Агатонъ и Изидоръ,— „прекраснодушные“ юноши,—всѣ трое, своей чувствительностью, любовью къ природѣ, склонностью къ меланхоліи, умѣніемъ чувствовать Оссіана, напоминающіе Вертера,—поѣхали въ деревню „наслаждаться меланхолическою осенью“. Авторъ вспоминаетъ объ этомъ съ восторгомъ—

„Никогда не забуду я сей осени, столь пріятно нами проведенной!.. Никогда не забуду уединенныхъ нашихъ прогулокъ, когда мы, сидя на изсохшей травѣ высокаго холма, смотрѣли на поля опустѣвшія, на рѣдкія, унылыя рощи, внимали шуму порывистаго вѣтра, разносящаго желтыя листья... Чувствовали трепетъ въ сердцахъ своихъ,— и, съ краснорѣчивымъ молчаніемъ, другъ друга обнимали“ [illegible].

Всѣ они, какъ Вертеръ, имѣли нѣжную, впечатлительную душу и, въ одинаковой мѣрѣ, всѣ были такъ же воспріимчивы къ на-

слажденіямъ природой, любовью и дружбой... По этому поводу авторъ восклицаетъ:

„Щастливъ, кто имѣетъ нѣжную душу,—душу, которая примѣчаетъ всѣ движенія Природы и, вмѣстѣ съ нею, измѣняется въ чувствахъ своихъ — цвѣтетъ и увядаетъ вмѣстѣ съ нею. Все, что̀ представляется глазамъ его въ пространной области творенія, размножаетъ его бытіе и бываетъ для него предметомъ наслажденія; всякая слеза, имъ проливаемая, раждаетъ ему новую радость,—иногда тайную, неизъяснимую, но тѣмъ глубже чувствуемую и тѣмъ блаженнѣйшую радость. Но еще стократно щастливѣе сей смертной, когда найдетъ онъ подобнаго себѣ человѣка, котораго душа есть также чистое зеркало Природы. Съ чѣмъ можно сравнить быстроту того движенія, съ которымъ они, при первомъ взорѣ, бросаются обнять другъ друга и, въ глазахъ Неба, заключить на вѣки священный союзъ дружества,—союзъ, твердѣйшій основанія земли?“ [601].

Словомъ, души всѣхъ трехъ были настроены „въ униссонъ“,— оттого они не скучали въ деревнѣ и проводили свое время, наслаждаясь „оссіановскими настроеніями“.

„Болѣе мѣсяца прожили мы въ деревнѣ,—и никто изъ насъ не чувствовалъ скуки!.. Часто бурные вѣтры потрясали окончины въ ветхомъ домикѣ нашемъ, и печально выли въ трубѣ камина, передъ которымъ мы по вечерамъ сиживали... Часто поля покрывались снѣгомъ, но мы все еще въ поляхъ гуляли, не страшася ни вьюгъ, ни мятелей“ [602].

„Прекраснодушные“ юноши чувствовали себя „избранниками“, и потому съ спокойнымъ сердцемъ чуждались „толпы“ —

„Наслаждаясь Натурою и дружествомъ, сердца наши не чувствовали въ себѣ никакой пустоты,—и потому мы не искали знакомства съ сосѣдними дворянами, которое могло бы прервать теченіе пріятныхъ минутъ нашихъ и быть намъ въ тягость: но Судьба хотѣла насъ познакомить съ однимъ изъ нихъ — и память его пребудетъ для меня всегда священной!“ [603].

Однажды поутру авторъ всталъ рано и вышелъ погулять въ паркъ,—

„Вообрази мое удивленіе, когда я, подъ изсохшими вѣтьвями высокаго дуба, увидѣлъ стоящаго молодаго человѣка, въ черномъ фракѣ, совсѣмъ мнѣ незнакомаго и при томъ такого, какихъ не много встрѣчалось глазамъ моимъ въ свѣтѣ!.. Прекрасное, умное лице, большіе черные, огненные глаза,—свѣтлое зеркало великой души, — открытой, высокой лобъ, съ тремя, или четырмя ровными, углубленными чертами, которыя показывали опытность и претерпѣнныя печали — блѣдныя щеки, съ самою тонкою розовою оттѣнкою — и еще нѣчто такое, чего описать не возможно, но что̀ всего сильнѣе дѣйствуетъ на сердце...“ [604].

Словомъ—передъ авторомъ стоялъ „второй Вертеръ“—въ томъ фазисѣ своихъ „настроеній“, когда изъ всѣхъ поэтовъ любезнѣе всего сдѣлался ему Оссіанъ... Самый образъ незнакомца, взятъ Карамзинымъ словно, изъ Оссіана.

„Облокотясь на сукъ дерева, онъ казался углубленнымъ въ самого себя; сѣверной вѣтеръ развѣвалъ его русые, непапудренные волосы...“ [605]

„Интересный“ молодой незнакомецъ извинился передъ авторомъ за то, что зашелъ въ его владѣнія. И вотъ, между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

„Итакъ я стою на вашей землѣ?“—„Здѣсь въ рощѣ покоится прахъ моего дѣда!“. — „Простите же незнакомаго, которой приближился къ этому освященному мѣсту безъ вашего позволенія!“—„Онъ мнѣ знакомъ, потому что я смотрю на него!“—„И такъ, вы вѣрите физіогномикѣ?“— „Вѣрю Натурѣ и своему сердцу!“ — „Ахъ, и я вѣрю имъ!..“ Тутъ онъ обнялъ меня—и жаръ его объятія далъ мнѣ чувствовать нѣжность его сердца“. [606]

Авторъ повелъ Ліодора (имя незнакомца) къ своимъ друзьямъ,—

„Теперь вы узнаете, по крайней мѣрѣ, троихъ“, сказалъ я, „и притомъ такихъ, которые постараются усладить ваше уединеніе, не лишая васъ ни одной изъ пріятностей его! Пойдемъ-те... Въ десяти шагахъ отсюда, подъ смиренною кровлею маленькаго домика, найдете вы еще два сердца, которыя могутъ вамъ сочувствовать!..“

„Мы взялись за руки, и черезъ садъ пришли въ домъ. Изидоръ и Агатонъ съ удивленіемъ посмотрѣли на прекраснаго незнакомца, идущаго къ нимъ съ распростертыми объятіями. „Это — нашъ сосѣдъ, друзья мои!“ сказалъ я: „онъ достоинъ любви вашей“. Они обняли и... полюбили другъ друга“. [607]

Словомъ всѣ они быстро „поняли“ другъ друга,—и дружба между ними укрѣпилась сразу... Это и немудрено: всѣ трое были надѣлены особо-тонкой душевной организаціей—имѣли „die schöne Seele“, и потому, чуждаясь толпы, чувствовали инстинктивное влеченіе ко всякой „родственной душѣ“...

Ліодоръ разсказалъ новымъ друзьямъ исторію своей жизни: оказывается, онъ выросъ въ чужихъ краяхъ, путешествовалъ и, наконецъ, вернулся въ деревню, гдѣ и жилъ печальнымъ отшельникомъ въ старомъ, разваливающемся барскомъ домѣ. Этотъ домъ былъ тоже съ „настроеніемъ“, которое вполнѣ гармонировало съ душевными переживаніями юнаго хозяина:

„...на высокомъ берегу Ревы стоялъ большой деревянной домъ, построенной въ началѣ текущаго столѣтія, и весьма близкой къ своему конечному разрушенію; мохъ, трава и самыя дерева росли на его гніющей кровлѣ, подъ свѣсомъ которой гнѣздились тысячи голубей, галокъ и другихъ птицъ, составлявшихъ крикомъ своимъ всегдашній дикій концертъ и на которой, подобно башнямъ, торчало, по крайней мѣрѣ, двадцать слуховыхъ окошекъ... Комнаты были, одна другой меньше и темнѣе... Вездѣ свисталъ вѣтеръ, хлопали двери, стучали оконницы (по большой части, перебитыя), и тряслись доски, по которымъ мы шли“. [608]

Подобно Вертеру, Ліодоръ производилъ собою обаятельное впечатлѣніе.

„Ахъ, милая Аглая! какъ любезенъ казался онъ намъ въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ словѣ и въ каждомъ своемъ движеніи!.. Все, все показывало въ немъ кроткую душу, любовь и чувствительность... Все было отмѣнно пріятно въ устахъ его,—даже и тогда, когда говорилъ онъ о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, потому что слова его изливались всегда изъ сердца, и, будучи, такъ сказать, согрѣваемы внутреннимъ огнемъ души, трогали слушателей и воспаляли воображеніе самыхъ холодныхъ людей. Но Ліодоръ не только говорить умѣлъ—онъ умѣлъ еще слушать такъ, что всякой любилъ ему разсказывать, открывать свою душу, и всякой говорилъ съ нимъ лучше и краснорѣчивѣе, нежели съ кѣмъ-нибудь. Видъ его, взоры, улыбка, слезы имѣли сію удивительную силу, отвѣчая совершенно мыслямъ и чувствамъ разсуждающаго, или повѣствующаго. Всякой видѣлъ, что Ліодоръ понималъ его, даже и тогда, когда дѣло шло о тонкостяхъ Кантовой Метафизики; всякое нѣжное сердце находило въ немъ брата-сочувственника и всякой—любилъ Ліодора". [609]

Разсказъ (неоконченный) Ліодора объ одномъ любовномъ приключеніи, очевидно, очень неудачномъ для него, и долженъ былъ, повидимому, составить содержаніе повѣсти. Къ сожалѣнію, издалъ Карамзинъ только начало этой „исповѣди".

Дѣйствіе повѣсти происходило въ южномъ Провансѣ. Завязка романа, очевидно, имѣла мѣсто въ одну чудную лунную ночь, во время уединенной прогулки Ліодора...

„Въ одинъ прекрасной вечеръ отошелъ я отъ города далѣе обыкновеннаго; солнце, сіявшее на чистомъ небѣ, закатилось за зеленые пригорки и скрылось отъ глазъ моихъ; луна явилась въ серебряной своей ризѣ и тихо возвышалась на голубомъ сводѣ... Блестящія звѣзды, подобно свѣчкамъ, засвѣтились и засверкали вокругъ ее; западной вѣтерокъ разносилъ всюду благовоніе цвѣтовъ, которыми усыпаны поля и луга Провансскіе. Я лежалъ на вершинѣ холма и смотрѣлъ на зыби Средиземнаго моря, которое, минута отъ минуты, темнѣло въ глазахъ моихъ. Наступила ночь, — самая тихая и пріятная, какою только въ южныхъ земляхъ Европы наслаждаться можно". [610]

И эта уединенная прогулка, и соотвѣтствующія настроенія—совершенно въ духѣ „Вертера"... Затѣмъ авторъ, слѣдуя за Гёте, вводитъ музыкальные эффекты – Ліодоръ слышитъ женскій голосъ, поющій пѣсню; чувствительный юноша, какъ гётевскій герой, не въ силахъ бороться съ обаяніемъ музыки: онъ весь въ ея власти—

„...вдругъ нѣжной, гармонической голосъ, соединенной съ тихими звуками гитары въ вѣяніи вѣтерка, прикоснулся къ моему слуху и пріятнымъ образомъ возбудилъ душу мою къ чувствованію внѣшнихъ впечатлѣній".

„...Никогда еще, любезные друзья мои, никогда не чувствовалъ я

отъ пѣнія такого удовольствія, какое тогда почувствовалъ! Голосъ (онъ былъ женской) проницалъ мнѣ прямо въ сердце и разливалъ неопи-санную сладость по всѣмъ его фибрамъ; грудь моя томилась въ нѣжныхъ чувствахъ; я таялъ въ восторгахъ, и слезы струились изъ глазъ моихъ. Вдругъ пѣніе умолкло; я все слушалъ, — но тщетно! вездѣ царствовало глубокое молчаніе". 611

Ліодоръ пошелъ разыскивать пѣвицу и—

—„вдругъ, сквозь рядъ деревьевъ, увидѣлъ на берегу чистаго бассейна сидящую молодую Турчанку. Вы видѣли ея изображеніе, друзья мои; но оно не представляетъ ни тысящной доли ея прелестей! Естьли бы вы тогда на нее взглянули, какъ она на дерновомъ канапѣ сидѣла, устремивъ блестящіе черные глаза свои на свѣтлой мѣсяцъ, которой съ высоты лобызалъ ее своими лучами и освѣщалъ снѣжную бѣлизну лица ея!.. Алыя щеки, алыя губы, подобныя розѣ, къ которой ни дыханіе бури, ни рука Смертнаго не прикасалась! Естьли бы вы, по крайней мѣрѣ, взглянули на зыблющійся образъ ея въ кристальной водѣ бассейна,—образъ, которымъ, казалось, и самыя струи любовались!..." 61

Образъ мечтающей красавицы въ волшебныхъ лучахъ луны—эффектъ, тоже использованный Гёте въ его романѣ...

Разсказъ Ліодора заканчивается сообщеніемъ, что красавица стала купаться, а онъ отправился домой... Конца повѣсти, какъ я говорилъ, нѣтъ.

Такимъ образомъ, эта повѣсть Карамзина (быть можетъ, именно потому, что она неоконченна) осталась въ сторонѣ отъ главной детали гётевскаго романа—самоубійства, но, несомнѣнно, многимъ у него позаимствовалась—главнымъ образомъ, „настроеніями" и нѣкоторыми художественными эффектами, удачно примѣненными въ романѣ Гёте (лунные, музыкальные эффекты, сесіановскія настроенія).

Еще ближе къ „Вертеру" нѣкоторыя другія русскія повѣсти этой же эпохи.

По времени, слѣдующимъ за карамзинскимъ является произведеніе Клушина: „*Несчастный М—въ*".

Авторъ, прежде всего, знакомитъ насъ съ героемъ: это—выдающійся юноша, незнатнаго происхожденія, (сравни С.-Прё). У него прекрасная наружность и чистое сердце. Какъ Вертеръ, онъ—любитель музыки; кромѣ того, онъ—чувствительный поэтъ.

„...М—въ, воспитанный въ училищѣ, былъ однимъ изъ тѣхъ отличныхъ людей, которыхъ природа производитъ съ отмѣнными качествами. Въ цвѣтущей юности оказалъ онъ превосходные успѣхи въ наукахъ. Съ познаніемъ языковъ иностранныхъ, почерпалъ онъ свѣдѣнія въ математикѣ, метафизикѣ и философіи. Онъ не былъ жалкій

схоластикъ, педантъ еще менѣе! Красоты неподражаемыя древнихъ и новѣйшихъ писателей были для него открыты: черпая ихъ безъ пресыщенія, очищалъ онъ вкусъ, образовалъ разумъ и сердце.. Между современниковъ своихъ былъ онъ горящее свѣтило. Пламенный, парящій его разумъ не ослабѣвалъ въ своемъ полетѣ. Сотоварищи его, уважая великія его дарованія, не осмѣливались слѣдовать за нимъ, — они только удивились ему". 613

Конечно, онъ былъ очень хорошъ собой:

„Хорошій ростъ, стройный станъ, пріятный органъ голоса, взоръ открытый и проницательный, большіе свѣтло-голубые глаза, розовый румянецъ на щекахъ... Ево физическія дарованія, чувствительное и нѣжное сердце, кроткій нравъ—душевныя ево свойства... Онъ любилъ музыку и даже былъ ею страстенъ. Томное Адажіо, одушевленное вкусомъ, нерѣдко извлекало блестящіе перлы изъ глазъ его. Нѣжный стихотворецъ, во вкусѣ Сафо (у пріятелей несчастнаго, и теперь есть многія стихотворенія его, хотя они и не напечатаны. *Примѣч. Кл.*)"... Привязанный къ театру, будучи хорошимъ Актеромъ, любимъ и уважаемъ учеными..." 614

Читатель знакомится съ М—вымъ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ еще спокоенъ: его сердце еще не было встревожено ничѣмъ. Нетерпѣливый авторъ забѣгаетъ впередъ и восклицаетъ:

„Но, увы! сіе спокойствіе, — сіе душевное благо, — которымъ мы гордимся, не что иное, какъ счастливый мигъ,—возстаютъ страсти и уносятъ его на крыліяхъ вихря!" 615

Однажды М—въ, участвуя въ ученическомъ спектаклѣ, игралъ роль Ярба изъ трагедіи Княжнина: „Дидона". Игра его была такъ удачна, что онъ удостоился похвалъ со стороны зрителей... Но особенно тронулъ его комплиментъ, услышанный имъ отъ одной прекрасной дѣвицы знатнаго рода. Увидавъ М—ва, она воскликнула:

„*Ахъ! какъ Вы хорошо играли!.. Вы мнѣ очень понравились!*"... Сія откровенность, сіи слова, подобно тихому источнику, съ журчаніемъ ліющемуся и обворожающему слухъ, раздались во внутренности М—ва!". 616

Какъ для всѣхъ „чувствительныхъ" героевъ, въ родѣ С.-Прё, Вертера и др. — такъ и для него первая встрѣча съ героиней, оказалась роковой.

„Онъ кланяется, обращаетъ на нее пламенные глаза, желаетъ благодарить—и въ первой разъ въ жизни ничево сказать не можетъ!... Сердце ево вострепетало, какъ древесный листъ, отъ нѣжнаго дуновенія вѣтерка содрогающійся.. Невольный и потаенный вздохъ вылетѣлъ изъ внутренности души ево. Несчастный!.. Онъ не предвидѣлъ пагубныхъ слѣдствій перваго впечатлѣнія!"

„*Вы мнѣ очень нравитесь!*"—повторилъ онъ у себя въ комнатѣ... Желалъ толковать сіи слова тысячью различными образами; обращалъ ихъ въ свою пользу; часто улыбался,—но уже начиналъ задумываться... Вздохи слѣдовали за каждымъ ево словомъ... Не понимая ни самаго

себя, ни лестнаго своего привѣтствія, повторялъ его болѣе и, наконецъ, говорилъ безпрестанно... Гибельно первое впечатлѣніе!" 617.

„Развертываетъ книгу,—ему встрѣчаются слова Цесаря: *„я пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ"*. Прибавляетъ карандашемъ: *„Я пришелъ, увидѣлъ—полюбилъ"*... Вздохнулъ, улыбнулся, началъ на скрыпкѣ Адажіо изъ Гейдена... Чувствительное сердце его затрепетало, какъ невинная горлица, увязшая въ разставленныя сѣти. Ему нуженъ покой... Морфей бережно осыпалъ его маковыми цвѣтами... Благотворное Божество! Ты одно успокоеваешь смертныхъ посреди жесточайшаго ихъ мученія! Ты оставляешь насъ—и Гидра горестей раздираетъ слабое существо наше! Ужасно пробужденіе несчастному!" 618

„Юноша мучается любовью, хочетъ ее увидѣть... Таково пылкое сложеніе! Одно мгновеніе возбуждаетъ въ немъ страсти; одна искра раждаетъ пламень, для погашенія коего нужны года". 619

Судьбѣ было угодно, чтобы чувство его не умерло въ его душѣ. Директоръ училища рекомендовалъ М—ва отцу героини въ качествѣ домашняго учителя. Благодаря этому, М—въ оказался совершенно въ роли С.-Прё. Отецъ Софьи (имя героини)—повтореніе отца Юліи: это—человѣкъ, насыщенный сословными предразсудками. Такимъ образомъ, слѣдуя за Руссо, Клушинъ внесъ въ свое произведеніе конфликтъ чисто-соціальнаго характера.

Впрочемъ, отецъ героини, на первыхъ порахъ, снисходительно отнесся къ молодому учителю—

„Гордый духъ сего человѣка въ первой разъ въ жизни смиряется предъ достоинствами". 620—говоритъ авторъ.

Не безъ борьбы М—въ согласился быть учителемъ Софьи.

„Бѣги, несчастный!" разумъ говорилъ ему: „бѣги отсель!"—и взоры ея, и ея дуновеніе для тебя заразительны!" 621

Но „голосъ сердца" побѣдилъ, и М—въ принялъ предложеніе...

Софья обращалась съ нимъ просто, по дружески...

Психологія встревоженной души юнаго героя раскрыта при помощи вопросовъ автора,—вопросовъ, направленныхъ къ самому герою,—напр.—

„Гдѣ дѣвалась твоя бодрость духа?.. Гдѣ твое спокойствіе?—Исчезла при единомъ взорѣ, какъ тихій вѣтерокъ, теряющійся въ быліяхъ,—какъ мигъ въ безднѣ временъ!" 622

Обильные „монологи" героя также помогаютъ автору раскрыть передъ читателемъ душу его.

Иногда авторъ предается горестнымъ размышленіямъ по поводу ожидающихъ М—ва бѣдъ и нерѣдко вмѣшивается въ повѣствованіе съ восклицаніями, въ родѣ слѣдующаго:

„Заблуждайся, несчастный! боготвори идола, похитившаго твое спокойствіе, сердце, душу!.. Слезы будутъ твоею пищею... Отчаяніе—разрушеніемъ твоего блаженства, твоего существованія!" 623

Первый урокъ, данный М—вымъ Софьѣ, до того курьезенъ, что стоитъ его привести цѣликомъ,—

„М—въ началъ съ грамматики. Софья учила ее по-французски, и онъ намѣренъ былъ пройти съ нею русскую, только для того, чтобы она тверже осталась въ памяти. Изъясняетъ „имена"; отецъ оставляетъ ихъ. Дошли до „глаголовъ": „Глаголы неопредѣленнаго времени, говоритъ онъ трепещущимъ голосомъ, суть слѣдующіе: „желать," „видѣть", „ненавидѣть", „любить"! Ученица повторяетъ: „*любить*", и—останавливается.—„Но какъ,вмѣсто неопредѣленнаго, сказать въ настоящемъ?"—М—въ отвѣчаетъ робко, не смѣя посмотрѣть на нее: „люблю... люблю-съ... Къ сему присоединяются мѣстоименія единственнаго и множественнаго числа, напр.: „я"—единственнаго, „васъ"—множественнаго... Первое—винительнаго падежа, второе—родительнаго!".. Софья слушаетъ, посматтривая на него. „Но ежели вы хотите, чтобъ изо всего вмѣстѣ вышелъ полный смыслъ, то должны сказать: „я васъ люблю!" [624]

Дальнѣйшее развитіе романа ясно: взаимная любовь учителя и ученицы растетъ.

„Софья и М—въ видѣлись всечасно, предавались одинъ другому... Желаніе быть безпрестанно вмѣстѣ, говорить, иногда вздохнуть взаимно, было душею ихъ!.. Они погружались нечувствительно въ бездну любви, не понимая ея. — Любовь! Богъ ли ты, или идолъ, правящій нами?... Стрѣлы твои ужасны! Раны неизлѣчимы!" [625]—восклицаетъ авторъ.

М—въ жилъ въ уединенномъ домикѣ въ саду. Обстановка, самая „оссіановская", окрашивала его чувства и настроенія колоритомъ меланхоліи, извѣстной намъ по „Вертеру" и „Ліодору"...

„Уединеніе всегда было безцѣнною пищею М—ву, но когда основаніе его спокойствія потряслося, когда душа его вкушала жесточайшія мученія, слѣдующія за любовію, когда сердце его безпрестанно воспламенялось, какъ рождающаяся вечерняя заря,—сіе уединеніе сдѣлалось для него священнымъ. Комнаты его были осѣняемы кедровыми деревьями; въ нѣкоторомъ отдаленіи струились воды; безмолвіе царствовало на зеленыхъ берегахъ ихъ; нѣкая пасмурная дикость деревъ возраждала уныніе. Посреди кедровъ сдѣлана была терновая скамейка, унизанная цвѣтами; роскошная флора щедрою рукою разметала повсюду розы и лилеи... Здѣсь то всегда былъ М—въ... Унылъ, нерѣдко орошалъ слезами цвѣты, украшающіе мѣсто его уединенія... Юнгъ и Попе были отъ него отброшены.—„Вертеръ" и „Новая Элоиза" лежали на томящейся груди его". [626]

Стихи, имъ сочиненные въ это время, были тоже „унылые".

Здѣсь, въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, происходитъ первое свиданіе его съ Софьей и любовное признаніе его.

Но счастье молодыхъ людей оказалось непродолжительнымъ. Отецъ Софьи узналъ отъ одной старой женщины объ этой любви, убѣдился самъ въ справедливости ея словъ, выспросивъ

обоихъ наивныхъ влюбленныхъ,—и, въ концѣ концовъ, удалилъ М—ва изъ дому.

Какъ было уже сказано, старикъ былъ зараженъ сословными предразсудками и къ тому же напуганъ разсказомъ объ одной знатной дѣвушкѣ, которая, противъ воли родителей, вышла замужъ за человѣка, незнатнаго и бѣднаго,—происшествіе, вызвавшее, въ свое время, рѣшительное осужденіе въ кругахъ дворянскихъ... По этому поводу авторъ восклицаетъ:

„Жестокіе судьи! жертвы, вами порицаемыя, суть блаженны!.. Въ чемъ же ихъ преступленіе?.. Развѣ въ томъ, что они любятъ друга друга?“ [627]

Удаленный съ позоромъ отъ возлюбленной, М—въ впалъ въ совершенное уныніе.

„Мрачная задумчивость распростерла крылія по лицу его“. [628]

„Вертеръ и портретъ Софьи не выходили изъ рукъ его. Чтеніе перваго увеличивало движеніе души его и дѣлало несносными его несчастія... „Вертеръ!“ вскричалъ онъ: „ты понесъ съ собою въ гробъ ленточку Шарлотты,—портретъ Софьи драгоцѣннѣе для меня!.. Время все истребитъ: міры разрушатся, величественныя свѣтила падутъ, неизмѣримый Океанъ изсохнетъ,—любовь моя къ Софьѣ продолжительнѣе самой вѣчности!“ [629]

Въ это время умерла сестра М—ва. Потрясенный всѣми бѣдами, на него обрушившимися, онъ „сталъ ослабѣвать“.

Авторъ прерываетъ свой разсказъ восклицаніемъ:

„Смертный!“ колико мужества, твердости души потребно тебѣ, чтобъ переносить удары судьбы!“ [630]

По приказанію отца, Софья написала своему возлюбленному жестокое письмо. Прочтя письмо, онъ впалъ въ полное отчаянье— „жалъ себѣ руки,—воздыхалъ, плакалъ“.

Вѣрный старикъ-слуга утѣшаетъ его.

Въ отчаяніи, М—въ произноситъ монологъ, раскрывающій глубины его потрясенной души. [631]

Потомъ онъ приходитъ въ состояніе, близкое къ безумію.—

„Глаза его налились кровью... Вскакиваетъ съ креселъ... осматривается во всѣ стороны... идетъ къ своему комоду... шаги его робки... трепещетъ... стремительно отпираетъ комодъ и... сокровенно вынимаетъ пистолетъ... Глубокое молчаніе его окружаетъ. Онъ начинаетъ дрожащимъ голосомъ: „Орудіе, изобрѣтенное тартаромъ! — существомъ, превосходящимъ злостію самый адъ—человѣкомъ!—изобрѣтенное для истребленія себѣ подобныхъ, самаго себя—въ тебѣ всемое спасеніе!“ [632]

„Пистолетъ заряженъ: уже несчастный готовъ положить порохъ на полку... дважды насыпаетъ его... и не можетъ сдѣлать... Ненависть къ самому себѣ умножается... Свирѣпымъ голосомъ произноситъ: „все противъ меня; но ничто не удержитъ!“ Усиливается... Сердце затрепе-

тало.. тяжелые вздохи въ груди остановились... Онъ падаетъ безъ памяти на полъ... Голова его облокотилась на креслы—такимъ образомъ, провелъ онъ цѣлую ночь". 633

Чувствительный авторъ вмѣшивается въ теченіе своего разсказа съ патетическими восклицаніями, въ родѣ слѣдующаго:

„Несчастный! я проливаю слезы о тебѣ; чувствительное сердце содрогается!.. О, естьли бы я могъ отвратить ударъ—съ какою бы восхитительною радостію я бы это сдѣлалъ!".

Далѣе авторъ, подражая Гёте, ставитъ своего героя, лицомъ къ лицу, съ природой, въ которой, конечно, въ это время, царятъ „оссіановскіе мотивы".

„М—въ проснулся. Лице его подобно блѣдной тѣни, исходящей изъ густыхъ паровъ... Огненные глаза подобны двумъ звѣздамъ, во мракѣ чуть едва мелькающимъ... Содрогается—мещетъ повсюду разсѣенные взоры... Время было ужасное, возбуждающее отчаяніе: западный вѣтеръ завывалъ, ударяя съ страшнымъ стремленіемъ въ стѣны дома; дождь сильный, подобный стремленію морскихъ волнъ, разливался; безпрестанная молнія мелькала; громовые удары одинъ другаго преслѣдовали съ страшнымъ трескомъ; казалось, насталъ часъ всеобщаго разрушенія; казалось, вся природа съ мучительнымъ стономъ желаетъ исчезнуть вмѣстѣ съ несчастнымъ М—мъ!.. Онъ подходитъ къ окну, смотритъ и говоритъ: „какое величественное зрѣлище!.. все мнѣ способствуетъ!.. Сіи бурные порывы стихій, сіе всеобщее потрясеніе природы—живое изображеніе бурныхъ порывовъ страстей моихъ, потрясенія внутренности моей!" 634

Мысли его передъ самоубійствомъ выражены въ видѣ bavardage de la fièvre, — пріемъ, обычный у С.-Прё и Вертера въ минуты особой напряженности ихъ сердечныхъ переживаній—

„Я получилъ... я читалъ... какъ нарекъ?.. Я читалъ адское твое начертаніе, Софья!.. Ты желаешь—и я мертвъ!.. ты требуешь, чтобы я былъ спокоенъ,—я успокоюсь... вѣчно успокоюсь!" 635.

Героиню онъ упрекаетъ за письмо, отказывающее ему въ любви,—письмо, написанное по приказанію отца:

„Жестокая!.. что сдѣлалъ тебѣ несчастный, который боготворилъ тебя,—восхищался тобой, который видѣлъ въ тебѣ Ангела, дышалъ тобою, тобою чувствовалъ, предузнавалъ, чего желали глаза твои?.. Прежде, нежели ты почувствуешь, помыслишь,—я мертвъ... Софья не для меня живетъ! и я не для нее!.. Не стану влачить презрительную жизнь... Лучше совсѣмъ не быть, нежели быть ничѣмъ" 636.

„Ты не любила! — для чего же льстила ты нѣжному, чувствительному, пылкому сердцу моему?.." 637.

М—въ мысленно задаетъ ей рядъ вопросовъ: „для чего" она поощряла его любовь,—вспоминаетъ, какъ полюбилъ ее, какъ объяснялся ей въ любви...

„...ты—ты будешь сожалѣть о семъ... Угрызенія за тобою послѣду-

ютъ... Проклятіе изрекутъ на твои прелести, которыя стали заразительны!.. Проклятіе!.. на Софью?.. Боже! отпусти мнѣ... вазмы ли бытіе мое!.. Ненужную никому проливаю я кровь!.. Софья!.. Кровь сія струится, укоритъ тебя... Духъ мой излетаетъ изъ меня, я не могу докончить... О, есть ли бы ты знала, что я чувствую при произнесеніи единаго слова: „*самоубійство*!“ [638].

Приготовленія къ самоубійству изложены *по часамъ*, въ видѣ дневника, съ включеніемъ мелкихъ, на первый взглядъ случайныхъ и ненужныхъ, но, на самомъ дѣлѣ характерныхъ, деталей,—пріемъ, опять напоминающій романъ Гёте—ясное доказательство того, что, именно, эта точность и детальность въ соотвѣтствующихъ описаніяхъ Гёте и производили особо-сильное впечатлѣніе на тогдашняго читателя.

„*11 часовъ*. „Я кладу порохъ на полку хладнокровно... Вдругъ любезная твоя собачка, которую сердце твое мнѣ подарило, вскакиваетъ на канапе... Бросается ко мнѣ, визжитъ, лижетъ руки мои, прыгаетъ на колѣни, дергаетъ лапками своими меня за руку — я долженъ былъ успокоить ее“ [639].

Слѣдующая запись относится къ *5 часамъ утра*. Она кончается прощаньемъ М—ва съ солнцемъ и съ портретомъ Софьи:

„Софья! я воздалъ уже благодареніе Предвѣчному за всѣ его ко мнѣ милости, и предаю себя въ его волю — помолись и ты обо мнѣ!.. Сейчасъ взглянулъ я на свѣчу... Она догораетъ — догораетъ и свѣща жизни моей!“ [640].

Онъ выстрѣлилъ въ себя, но не убилъ, а только смертельно себя ранилъ.

Послѣднія минуты его жизни разсказаны со словъ очевидца,—все произошло такъ же, какъ съ Вертеромъ. Только, ради эффекта, авторъ оставилъ умирающему герою на нѣкоторое время сознаніе.

„М—въ храпѣлъ... Онъ еще живъ былъ, но рана неисцѣлима. Приподнялъ голову,—съ страшнымъ напряженіемъ увидѣлъ себя, окруженнаго зрителями... Взглянулъ... Слезы, смѣшенныя съ кровію, струились по блѣднымъ его ланитамъ—пожалъ руку своему слугѣ, который возлѣ него лежалъ... Произнесъ томнымъ и умирающимъ голосомъ: „простите!.. Софья!“—и съ симъ словомъ испустилъ послѣднее дыханіе жизни“ [641].

Авторъ не удовольствовался этимъ эффектнымъ концомъ и заключилъ свою повѣсть разсказомъ о томъ, какъ раскаялся гордый отецъ Софьи, признавшій себя виновникомъ безвременной смерти юноши: на колѣняхъ стоялъ передъ трупомъ М—ва гордый старикъ, проклиная свою гордость,—„исчадіе тартара“ [642].

Несомнѣнно, такое „униженіе“ главнаго виновника смерти было нужно автору, чтобы, хотя до нѣкоторой степени, „наказать порокъ“,—вѣдь съ этою же цѣлью и Карамзинъ сдѣлалъ своего Эраста (героя повѣсти: „Бѣдная Лиза“) несчастнымъ и кающимся....

Софья, послѣ смерти М—ва, чуть не умерла отъ тоски. Вѣрный слуга его весь остатокъ своей жизни посвятилъ заботамъ объ его могилѣ. На могильномъ крестѣ сдѣлана была широковѣщательная надпись:

„Чувствительное, непорочное сердце! Пролей слезы сожалѣнія о несчастномъ, влюбленномъ самоубійцѣ! снизойди къ слабостямъ его, какъ человѣкъ! прости его преступленіе... Обрати нѣжный взоръ къ Предвѣчному; помолись объ немъ... Брегись любви!.. Брегись сего тирана—тирана чувствъ нашихъ. стрѣлы его ужасны, раны неисцѣлимы, терпѣнія ни съ чѣмъ несравненны!“ [643].

Отецъ Софьи до конца дней своихъ мучился раскаяньемъ. Софья такъ и не вышла замужъ и каждый день ходила плакать на могилу юноши. Всѣ тѣ, кто зналъ М—ва, сожалѣли о немъ,—всѣ, вспоминая его, проливали слезы... [644]

Изъ вышеизложеннаго содержанія повѣсти видно, что оно сюжетомъ примыкаетъ къ „Новой Элоизѣ“ (сословные предразсудки, любовь учителя и ученицы), и къ „Вертеру“ (самоубійство, его психологія, всѣ подробности и детали, меланхолія, какъ одна изъ основныхъ чертъ міросозерцанія героя, оссіановскіе мотивы). По формѣ своей и нѣкоторымъ частностямъ (субъективизмъ автора) *), она не повторяетъ ни „Новой Элоизы“, ни „Вертера“,—передъ нами не романъ „въ письмахъ“, а простая повѣсть (ср. „Ліодора“), лишь конецъ ея, по формѣ (дневникъ) и содержанію, совпадаетъ съ концомъ „Вертера“.

Интересъ произведенія—по преимуществу „психологическій“. Раскрывая душу героевъ, авторъ пользуется—или старыми пріемами, непосредственно выясняя читателю, что они переживаютъ. Напр.,—

„Прекрасная Софья не видала съ самаго утра М-ва... Увы! ей скучно; несносно безъ учителя... безъ учителя, котораго уроки занимали мѣсто уже въ сердцѣ ея!.. Ожидаетъ его къ себѣ; обращаетъ поминутно взоры свои на его комнаты; замѣчаетъ малѣйшее движеніе въ саду... И все не видитъ М-ва!.. Сердце ея то замираетъ, то чувствуетъ сильный трепетъ“... [645]

„Ихъ уроки продолжались: М-въ трепещетъ, преподавая ихъ... Софья выучивала, помышляя болѣе всего о немъ... Нечаянно, нехотя, непримѣтно, встрѣчаются они глазами; безмолвіе ихъ утѣшаетъ; они очаровываются взаимно. Смотрятъ другъ на друга,—краснѣютъ... понимаютъ болѣе, нежели самыя изъясненія... Любовь—она наполняетъ ихъ сердца,—они не могутъ быть одинъ безъ другова; они умираютъ, когда не видятся...“ [646]

— или онъ, въ этихъ же цѣляхъ, пользуется общими психологическими разсужденіями.

---

*) Субъективизмъ въ повѣсти выразился въ патетическихъ восклицаніяхъ [650], въ стремленіи къ морализаціи [651], въ замѣчаніяхъ психологическаго характера [652].

„Быть безпрестанно съ тѣмъ, кому душа наша нечувствительно предается,—значитъ возрождать силу любви,—приготовлять себя къ великимъ страданіямъ... Сердце, лишенное спокойствія, потрясается; разумъ становится рабомъ страстей!“ 647.

„...Любовь! Богъ ли ты, или идолъ, правящій нами? Стрѣлы твои ужасны,- раны неисцѣлимы!“ 648.

„Влюбленный подобенъ дитяти; онъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ и для чего онъ дѣлаетъ: онъ слѣпо повинуется только чувствованіямъ своимъ и заблужденіямъ“ 649.

Пользуется авторъ однажды и старымъ пріемомъ,—вводитъ „разговоръ въ себѣ“: отецъ героини разсуждаетъ о томъ, какъ онъ долженъ вести себя по отношенію дочери и М-ва,—

„Онъ знаетъ свою должность!.. Но спокойно ли сердце ея?.. Колико мучительно душѣ великой питать гидру подозрѣнія... Ежели Софья любитъ.. Ежели М-въ—соблазнитель... Они должны... Они будутъ жертвою раздраженному сердцу!.. Несчастенъ оскорбившій меня!.. Смиримъ гордый духъ!.. Обратимъ вниманіе на ихъ поведеніе“... и пр.“ 650.

Но, рядомъ съ этими избитыми пріемами, онъ блестяще использовалъ и новые пріемы: чувства и настроенія его героевъ раскрываются изъ ихъ собственныхъ рѣчей. Особенно удаются автору живые діалоги героевъ, выясняющіе тончайшіе изгибы ихъ чувствъ и оттѣнки настроеній—

„Вы очень печальны...“ — „Ахъ! это — правда!..“ — „Можетъ ли знать ученица, что причиною?“ — „Безъ сомнѣнія, сударыня!“ — „Скажите же мнѣ, скажите; вы знаете, что я принимаю участіе“...— „Съ нѣкотораго времени.. Сударыня... Я не знаю... Сердце человѣческое... Оно слабо сопротивляется ударамъ. Оно, можетъ быть,—предвѣщаніе, предразсудокъ!..“ и не могъ договорить. „Вы очень смущены... Но не имѣете-ли причины быть кѣмъ-нибудь недовольны“?..—„Ахъ нѣтъ, Сударыня!“—„Не имѣете-ли какихъ-нибудь тайныхъ чувствованій, которыя обнажить опасаетесь?“... „Божусь, что... нѣтъ... надобно болѣе надѣяться...“ и пр.

...*Софья* (въ страшномъ движеніи). Боже мой! Встаньте... Я васъ прошу, встаньте!

М-въ (скоро). Ваше слово, или умертвитъ меня,—или возвратитъ потерянное мною спокойствіе!..

Софья (разстроенно). Встаньте!.. я...

М-въ (въ исступленіи). Договори... Софья! Богъ души моей!

Софья (запинаясь). Я васъ... люблю... Нѣтъ.. Не вѣрьте... Думайте, что вы хотите... Обманывайтесь...

М-въ (скоро). Первое впечатлѣніе, которое произвели взоры твои въ моемъ сердцѣ—огнь любви, мученіе, отчаяніе!.. Все раздирало душу мою!.. Ежели я несчастливъ—я мертвъ!..

Софья (не выдержавъ) Живите... я люблю,—буду любить, жить для тебя только... Эта рука... сердце, никому принадлежать не будутъ!..“ 651.

Еще ближе къ „Вертеру“—четвертое, по времени, произведеніе: *„Нѣсколько писемъ моего друга“*.[655] Авторъ этой повѣсти, впрочемъ, отдалъ должную дань и Карамзину, и Руссо... Вліяніе Карамзина особенно сказалось въ началѣ повѣсти.

Редакція сообщаетъ читателямъ, что печатающіяся письма сообщены какимъ-то „неизвѣстнымъ“. Авторъ писемъ—юноша, другъ этого „неизвѣстнаго“... Начинается переписка введеніемъ, которое составлено именно этимъ „неизвѣстнымъ“ лицомъ, сообщившимъ предсмертныя письма своего друга. И вотъ, все это „введеніе“ и является близкимъ подражаніемъ произведенію Карамзина: „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“,—произведенію, посвященному оплакиванію близкаго друга, преждевременно унесеннаго смертью... Напоминаетъ это введеніе и соотвѣтствующія мѣста изъ повѣсти: „Іодоръ“. Привожу, для примѣра, отрывокъ изъ такого „надгробнаго плача“, — литературнаго жанра, которому вообще посчастливилось въ русской литературѣ XVIII в... Авторы ихъ, обыкновенно, восхваляли дружбу, вспоминали свѣтлые „дни единенія“ съ друзьями и затѣмъ оплакивали ихъ смерть въ патетическихъ воззваніяхъ къ „милой тѣни“, въ обѣщаніяхъ скоро свидѣться...

Привожу отрывокъ изъ названнаго карамзинскаго произведенія.

„Кто опишетъ то несравненное удовольствіе, съ которымъ они (друзья) сообщаютъ другъ другу свои симпатическія чувства!—иногда безмолвно — однимъ взоромъ, однимъ пожатіемъ руки!.. Милосердное небо!.. въ сію минуту катятся слезы мои на бумагу слезы скорби... ахъ! нѣтъ! слезы умиленія, благодарности!.. Хотя вы, мои любезные—нѣжной Агатонъ, Изидоръ чувствительный! сокрылись отъ глазъ моихъ, подобно какъ восхитительныя мечты лѣтней ночи на зарѣ исчезаютъ,—но въ сердцѣ моемъ остался цвѣтущій вашъ образъ!.. и часто, въ вѣяніи вѣтерка, несущагося отъ могилы вашей, слышу я голосъ утѣшительный и любезный: *„одна тонкая завѣса разлучаетъ насъ,—скоро и она подымется!..“* Прости мнѣ, милая Аглая!.. Я возобновляю твою горесть, но ты сама велѣла мнѣ говорить о друзьяхъ нашихъ,—могли ли слезы удержаться въ глазахъ моихъ?“ [656].

Въ разбираемой повѣсти встрѣчаемъ мы также сходное „надгробное“ посвященіе другу, —

„Вы согласитесь со мною, что немалое благополучіе въ жизни имѣть друга! Я имѣлъ сіе благополучіе. Различные нравы наши—другъ мой былъ пылокъ и смѣлъ, а я отъ природы тихъ и робокъ—служили токмо къ утвержденію нашего союза!.. Мы были щастливы, хотя и неопытны. Немногое свѣдѣніе ограничивало наши желанія. Мы чувствовали согласно, и сего для насъ довольно было“...

„Пріятныя минуты, куда вы улетѣли? Горестное воспоминаніе, по-

что возобновляешь ты сладкой сонъ, долго льстившій моимъ чувствамъ? По что приводишь на мысль тѣ утѣшительные разговоры, которые внушала намъ природа,—тѣ блаженные вечера, въ которые мы погружались, исчезали въ чудесахъ творенія... Ихъ ужъ нѣтъ... нѣтъ!"

„Пагубная страсть моего друга разрушила и мое спокойствіе... Я лишился части самого себя,—нужнѣйшей, жившей существо мое части!.. Злополучный другъ! ты оставилъ меня — оставилъ, сорвалъ съ глазъ моихъ таинственную повязку, и показалъ мнѣ бездну, въ которую повергаютъ насъ необузданныя страсти!" 658.

„Письма сіи, которыя я вамъ сообщаю, писалъ онъ во время отсутствія моего при началѣ и въ продолженіе несчастной любви своей".

„Неизвѣстный", сообщившій въ редакцію письма друга, счелъ ихъ обнародованіе очень полезнымъ.

„Можетъ быть, они и понравятся: можетъ быть, послужатъ кому-нибудь предостереженіемъ!... Чувствительная душа и въ самыхъ злоключеніяхъ превыше всѣхъ холодныхъ душъ въ свѣтѣ; но сколь же бѣдственна иногда сія чувствительность!" 659.

Такимъ образомъ, уже изъ этихъ словъ видно, что душа умершаго автора писемъ была душа „избранная".

Начинаются письма его съ разсказа о той перемѣнѣ, которая произошла въ его жизни.

„Поздравь меня, любезный другъ, съ происшедшею во мнѣ перемѣною!.. Ты уже не найдешь того вѣтренницы, который въ разсѣянности поставлялъ свое благополучіе, - который летѣлъ отъ одного увеселенія къ другому,—занимался, по большой части, шалостями, или пустыми тонкостями,—похищалъ отъ товарищей своихъ невольное удивленіе и любовь, но какую же? любовь, съ состраданіемъ, а иногда и со скукою сопряженную" 660.

Этими нѣсколькими строчками авторъ обрисовалъ намъ своего героя съ тѣхъ сторонъ, которыя собственно для самой исторіи излишни, но которыя сообщаютъ жизненность и правдивость его образу, лишая его односторонности и однообразія... Вертеръ тоже зналъ безхитростный смѣхъ, тоже умѣлъ острить... И С.-Прё умѣлъ быть разнообразнымъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ... Въ этомъ отношеніи, карамзинскій Ліодоръ стоитъ гораздо ниже всѣхъ указанныхъ лицъ...

И въ то же время, подобно всѣмъ „избранникамъ", и герой разбираемаго произведенія чувствуетъ себя выше всѣхъ въ толпѣ: для него, какъ для Вертера, земная жизнь — лишь временной отдыхъ: съ землей онъ связанъ слабо, хотя и можетъ иногда забыться въ шумѣ суеты —

„Вообще свѣтъ сей есть гостинница, въ которой бы странники не утруждаться, но успокоиться долженствовали, представляя себѣ, что

скоро возвратятся въ небесное отечество. Мысль сія всегда плѣняла меня и ободряла, несмотря на иныя поученія важныхъ философовъ“ [661].

Онъ, какъ и его прототипы, увлекается самоанализомъ, „самопознаніемъ“... Поэтому и главный объектъ этого самопознанія— „сердце“, доставляетъ ему наслажденіе.

„Я доволенъ, когда сердце мое довольно“ [662].

Оттого къ „другимъ“ онъ готовъ относиться свысока.

„...я принялъ намѣреніе не безпокоить другихъ и заниматься болѣе собою“ [663].

„Что мнѣ нужды, какъ свѣтъ идетъ!.. Онъ и безъ моихъ плановъ и разсужденій будетъ итти своимъ порядкомъ!“ [664].

„Довольно съ меня того стремленія, чтобъ отдавать справедливый долгъ истиннымъ достоинствамъ и, при случаѣ, усладить горесть страждующаго“ [665].

Ни служить никому, ни изобличать никого онъ не хочетъ... Немудрено, что онъ среди людей себя чувствовалъ одиноко: поэтому онъ совершенно согласенъ съ одной ему знакомой дамой, которая ему—

„...съ соболѣзнованіемъ говорила, что примѣчаетъ въ окружающихъ насъ холодность къ своему существованію, несообразность и притворство въ поступкахъ, принужденность въ веселостяхъ, нечувствительность ко всему прекрасному“ [666].

Изъ всѣхъ ему извѣстныхъ людей онъ цѣнилъ только свою возлюбленную. По его словамъ, только ея сердце было чисто и вызвышенно: оттого, вѣроятно, и именно онъ понялъ это сердце и сразу его оцѣнилъ:

„О! сколь прекрасна ея Божественная душа!.. Какъ не любить ее, милой другъ!“ [667].

„О! какъ бы старался я устроить ея благополучіе, ежелибъ она со мною, а не съ другимъ, была въ обязательствѣ“ [668].

Затѣмъ, въ слѣдущемъ письмѣ, сообщаетъ онъ подробности своей встрѣчи съ Амаліей. Какъ для Вертера и для другихъ подобныхъ юношей, такъ и для него первая встрѣча оказалась роковою.

„Я опять ее видѣлъ, — ту, которой образъ не покидаетъ меня ни на минуту,—и наши души завели еще тѣснѣйшее, между собою, знакомство!.. Что мнѣ дѣлать!.. Вижу, что усугубленіе моихъ чувствованій будетъ пагубно для моего покоя; но удержать ихъ стремленія не имѣю силы...“ [669].

Она была не только прекрасна, но и чувствительна.—

„Красота, только что красота, есть вещь очень маловажная; но присовокупи къ тому живую, добрую душу,—и ты получишь совершенное понятіе о опасной борьбѣ моей“ [670] —повѣствуетъ онъ.

Охваченный разгорающейся страстью, герой, наконецъ, чув-

ствуетъ, что силъ для борьбы съ любовью у него не хватаетъ, что его единственное спасеніе заключается въ бѣгствѣ, такъ какъ для него уже „близка минута внутренняго паденія“ [671].

И вотъ, онъ проситъ совѣта у друга, который имѣетъ „права“ на его сердце... Потомъ онъ удаляется отъ своей возлюбленной,—удаляется въ деревню... Здѣсь, на первыхъ порахъ, на лонѣ тихой мирной природы онъ находитъ успокоеніе... Какъ Вертеръ, С.-Прё и другіе подобные герои, онъ—поклонникъ неприкрашенной природы,—любитель „англійскихъ“, не французскихъ садовъ:

„... бѣдное искусство всегда остается искусствомъ—принужденно, лишено величественной и поразительной простоты! Для сего я не люблю тѣхъ садовъ, которые, имѣя премножество искусно-выработанныхъ аллей, пещеръ, горокъ и фонтановъ, болѣе пышны и удивительны, нежели прекрасны!“ [672].

Поэтому самому и „простые“ люди, въ его глазахъ, выше образованныхъ [673].—оттого онъ не прочь помечтать о золотомъ вѣкѣ,—вѣкѣ патріарховъ и пастуховъ, хотя, въ то же время, онъ сознательно смотритъ на эти „мечты“,—видитъ въ нихъ только прекрасную фантазію, во имя которой нельзя идеализировать дѣйствительности; онъ признаетъ, что не все добродѣтельно и прекрасно въ жизни простого человѣка.

„не въ совершенной невинности живутъ люди въ деревнѣ, не въ совершенномъ развратѣ“—и въ городѣ [674].

Разсказывая о людяхъ, которые встрѣтились ему въ деревнѣ, онъ превозноситъ однихъ, тонко осуждаетъ другихъ, обнаруживая, при этомъ, умѣніе всматриваться въ жизнь [675].

На лонѣ „природы“ не прочь онъ и пофилософствовать, въ духѣ Вертера, о суетности человѣка [676].

Природу онъ любитъ; ея „настроенія“ умѣетъ тонко чувствовать и всей душою на нихъ откликается:

„... я иду на прудъ, которой, среди цвѣтошныхъ благовоній, покоится въ жаркихъ лучахъ золотаго солнца. Изъ за густаго синяго облака оно въ половину токмо выглядываетъ, и, улыбаясь на меня, хочетъ все погрузиться въ прудъ сей, дабы утолить нѣсколько пламень, принуждающій веселаго пастуха съ поникшимъ взоромъ искать убѣжища въ густотѣ лѣса, гдѣ самыя птицы, столь любезно встрѣчавшія свѣтило дня, наконецъ, умолкаютъ... Я ложусь подъ зеленымъ шиповникомъ и дѣлю радость съ маленькими насѣкомыми, вокругъ меня толкущимися. Я самъ дѣлаюсь насѣкомымъ и, съ ними играя, забываю на нѣсколько минутъ тягость, лежащую на моемъ сердцѣ. Сладкая дремота смежаетъ глаза мои, и я, подобно праведнику, засыпаю, между тѣмъ, какъ душа моя возносится къ солнцу и съ онымъ мирно о его благотворности бесѣдуетъ“ [677].

Подобно Вертеру, онъ готовъ слиться со всей природой.

„Все играетъ въ Натурѣ. Сердце мое бьется, и хочетъ равномѣрно играть, но алчетъ также имѣть соучастника въ своихъ радостяхъ.. О, любезная моя Амалія! прійди раздѣлить мои восторги!.. Ты чувствительна, ты съ тѣмъ рождена, чтобъ природа, какъ наилучшимъ своимъ произведеніемъ, тобою гордилась!“ [678].

Онъ мечтаетъ о временахъ, когда власть на землѣ была въ рукахъ старшихъ и опытнѣйшихъ, когда царствовала между людьми братская любовь.

„Ахъ, щастливыя времена! сказалъ я со вздохомъ: „вы, видно, опредѣлены для однихъ сказокъ“ [679].

По натурѣ, онъ — тоже меланхоликъ, и потому готовъ „хандрить“ безъ причины. Когда мрачныя мысли овладѣваютъ имъ, онъ разсуждаетъ такъ:

„Какъ скоро текутъ наши радости!... Въ моральномъ мірѣ еще болѣе мрачныхъ тѣней, нежели въ физическомъ“ [680].

Но иногда онъ не прочь и „поребячиться“, — любовь и природа дѣлаетъ его ребенкомъ:

„Мы очутились въ рощѣ... Природа, любезная природа!.. Великой Могол прыгалъ, какъ дитя посреди своихъ игрушекъ... Амалія удивилась. „Природа, говорю я, нѣжная и попечительная мать моя! я хочу быть ея маленькимъ сыномъ!..“ Пляски Могола возобновились,—сама Султанша сдѣлалась весела... Верхъ торжества моего!“ [681].

Подобно Вертеру, понимаетъ онъ и поэзію „дѣтства“ — съ сельскими ребятами онъ—другъ. Однажды, гуляя „съ задумчивостью“, забрелъ въ деревню.—

„Маленькія робята, игравшіе до того середь дороги, увидѣвъ меня, сдѣлались застѣнчивы, и смотрѣли изъ подлобья. Я принялъ веселой видъ и сѣлъ на обрубокъ. „Играйте, братцы; я вамъ не помѣшаю!“— сказалъ я. Они стали перешептываться и, между тѣмъ, взглядывали иногда на меня. „Ну, чтожъ! станемъ играть!“, сказалъ одинъ изъ нихъ, такъ что я легко слышать могъ. „Вить онъ насъ не укуситъ: чего боиться?“ [682].

Какъ Вертеръ, и онъ интересуется жизнью поселянъ. Однажды наталкивается онъ на потрясающую сцену: крестьянка жалуется на свою судьбу,—мужу ея надо идти въ солдаты, а у нея—четверо дѣтей [683]. И вотъ, младшій братъ, хотя и женатый, но бездѣтный, предложилъ идти служить за старшаго.

„Старшій братъ, жена его и дѣти бросились ему въ ноги. Я стоялъ, какъ окаменѣлой... Я, растерзанный свидѣтель его великодушія, смѣшивалъ радостныя и, вмѣстѣ, печальныя слезы съ слезами смятеннаго семейства“ [684].

Затѣмъ тонъ писемъ его повышается,—онъ возвращается къ своей любви, къ своимъ „страстямъ“,—онъ преклоняется передъ ними, любуется ими...

„Пусть я хожу съ завязанными глазами, —мнѣ пріятнѣе быть слѣпцомъ, нежели ясно видѣть все—и ничего не чувствовать!... Безъ страстей были бы мы истуканы!“ [685].

Отъ страстей, по его словамъ, исходитъ „благородная теплота“: страсти—„ангелы души нашей“—заявляетъ онъ.

„Какъ на быстрой колесницѣ несемся мы посредствомъ ихъ къ совершенству своему и совершенству всѣхъ совершенствъ! Не представляй мнѣ, что ихъ волненіе ужасно, и что нужно поставлять хорошіе оплоты!.. Я лучше хочу претерпѣть кораблекрушеніе на сей бурной стихіи существа нашего, нежели не плавать по ней“ [686].

Какъ всегда бывало со всѣми этими „Вертерами“, ихъ мрачное настроеніе всегда удивительно совпадало съ наступленіемъ „осени“. (Ср. „Новую Элоизу“, „Вертера“, „Лодора“ и др.). Картины унылой природы невольно влекли къ воспоминаніямъ о поэтѣ, ихъ воспѣвшемъ—объ Оссіанѣ,—и тотъ, „оссіановскія настроенія“ всегда, въ такіе моменты, овладѣвали душою этихъ героевъ—

„Когда смотрю на умирающую природу, вижу туманы, быстро вихремъ гонимые, слышу опустошительный свистъ его,—то какое болѣзненное, нѣмое чувство объемлетъ душу мою!.. Охладѣвшая душа сама желаетъ раздробиться, или заключена быть въ весьма тѣсные предѣлы, порѣваема тлѣніемъ... Но гдѣ укроется она отъ владычественнаго терзанія, отъ неизъяснимой скорби?—Какъ нѣжный другъ и любовникъ, стою я и пепенѣю при смертномъ одрѣ моей возлюбленной, погружаюсь въ океанъ бренности, пока достигаю ужасной тоски, пресѣкающей жизненный пульсъ. Пресѣкся онъ,—и все вмѣстилось во гробъ!... Неужли я, безпомощный сирота, долженъ одинъ биться окрестъ мертвыхъ останковъ моей матери?... Ахъ! нѣтъ! и лягу подлѣ ихъ! Что утѣшительнѣе сей мысли: „я умру“, когда самая надежда гласитъ мнѣ: „умри!“... Изъ гроба самой природы исходитъ кроткій гласъ: „умри, да со мною воскреснешь!“... Какое блаженство умереть, чтобъ, при тихомъ дуновеніи зефировъ, при гласѣ оживляющаго Ангела, возстать къ новымъ восхитительнымъ, ни съ чѣмъ несравненнымъ празднованіямъ; чтобы въ хорѣ веселыхъ существъ, при общемъ умиленіи и восторгахъ, встрѣтиться съ Амаліею, и пить нектаръ души ея!“ [687].

Когда герой возвращается въ Москву,—природа, поселяне, отвлеченныя философствованія—все отходитъ на второй планъ передъ образомъ Амаліи.

„Я былъ у нея, и—здоровъ!.. О, всеживящая сила любви!—ты и мертваго воскресить въ состояніи“ [688].

Любопытно описаніе кабинета героини:

„Но что сдѣлалось со мною, когда я началъ разсматривать украшеніе кабинета!... Какъ бы нарочно здѣсь собрано было все, что меня всегда увеселяло, что производило во мнѣ дѣтскую забывчивость, что питало мечты мои... На этой стѣнѣ развѣшаны были связки цвѣтовъ,

середину украшала или кисть золотого проса, либо осока, или павлинье перо; на другой висѣли картины, взятыя изъ природы, и въ разныхъ дѣйствіяхъ ее представляющія, тамъ лежали питающія сердце книги, а здѣсь находились пѣвцы, прославляющіе прежніе дни свободы и невинную любовь свою" 689.

Онъ говоритъ о своей любви, признается, что дальнѣйшее усиленіе этого чувства приведетъ его къ безумію, или вгонитъ его въ гробъ...

Подобно Вертеру, онъ очень впечатлителенъ къ чарамъ музыки.

„Когда я пришелъ къ ней, она играла на фортепіано... Какъ легко перебѣгали ея персты! Какіе сладкіе, растопляющіе тоны!... Жалко, что ты не слыхалъ ихъ!.. Ты бы не сказалъ мнѣ послѣ того ни одного строгаго слова,—позабылъ бы самъ всѣ философическія бредни... Но слушай!—я вошелъ тихо, когда она играла. Пораженъ, изумленъ, остановился я при самомъ входѣ съ распростертыми руками... Боюсь дышать, шевельнуться, чтобъ не прервать Ангельской игры"... 690

Увлеченная игрой, она сперва не видѣла, какъ онъ вошелъ въ комнату. Увидавъ его и замѣтивъ его волненіе, она—

„...съ нѣжной улыбкою спрашиваетъ: „видно, вы любите музыку?"— Это значило тронуть чувствительную струну души моей!—„Я люблю, что́ любите вы!"—вскричалъ я съ восторгомъ" 691.

Изъ приведеннаго отрывка видно, что и „паѳосъ" страсти ему знакомъ, какъ и его прототипамъ.

Женскій образъ въ повѣсти выдвинутъ авторомъ на видное мѣсто. Въ этомъ отношеніи онъ близокъ къ Руссо, Юлія котораго стоитъ на первомъ мѣстѣ. Амалія—такое же „прекраснодушное" существо, надѣленное всѣми тѣми же качествами души, что́ и герой. Она тоже любитъ музыку,—

„...признаюсь въ моей слабости", сказала она, „я люблю до чрезвычайности музыку! Она разгоняетъ мои печали, или производитъ, по крайней мѣрѣ, сладкую задумчивость!.. Я не могу даже безъ движенія слушать пѣнія птичекъ, и соловей, мой любимецъ, часто удерживаетъ меня въ саду, или рощицѣ, когда волшебный свѣтъ луны играетъ между тихими кустами"...—Тихой вздохъ сопроводилъ слова сіи. „И вы это называете *слабостію?*" воскликнулъ я.. „Ахъ! какъ мало вы знаете свои совершенства!" 692

„Паѳосъ" страсти особенно выразился въ томъ мѣстѣ письма, гдѣ герой говоритъ, что его возлюбленная дала ему титулъ „друга".

„Сильной пламень пожиралъ меня!... Лице мое волновалось.. языкъ не въ силахъ былъ двигаться, пока, наконецъ, пришло ему на помощь сердце, и я съ стремленіемъ произнесъ: „ахъ! Амалія!... принимаю это

драгоцѣнное имя!... Съ горячайшею благодарностью принимаю и, не щадя жизни, буду стараться заслужить его". 693.

Попавъ въ комнату Амаліи, герой былъ въ восторгѣ:

„Я плавалъ, утопалъ въ порывистыхъ струяхъ чистаго удовольствія. „Боже мой!" воскликнулъ я, наконецъ: „Амалія!" 694

Къ Амаліи явились гости. Ихъ пустая и праздная болтовня, а затѣмъ картежная игра, конечно, внесли диссонансъ въ возвышенныя настроенія героя; немудрено, что онъ замкнулся въ себя, „ушелъ внутрь себя", „сжалъ свое сердце"—и краснорѣчиво, хотя и очень невѣжливо, замолчалъ... Амалія, подобно Юліи, умѣла владѣть собой и ловко одѣла на своего возлюбленнаго маску свѣтскаго лицемѣрія, втянувъ его въ салонную болтовню.. Изъ разговора гостей герой узнаетъ, что Амалія ждетъ скоро возвращенія мужа. И вотъ, въ душѣ его начинается борьба—„распря между слабымъ умомъ и сильнымъ сердцемъ".

Пока, до прибытія супруга, влюбленные были счастливы... Они, между прочимъ, занимались литературой и, уподобляясь Вертеру и Лоттѣ, занимались чтеніемъ. Однажды Амалія произнесла любопытный судъ надъ изящной литературой: Донъ-Кихотъ ей не понравился,—

„Романъ трогательной, каково (описаніе жизни?) дѣвицы Стернгеймъ, или страданія молодаго Вертера, суть пища души моей!... Какъ часто я плачу, входя въ чувствованія страждущаго, поставляя себя на его мѣстѣ!.. Но то пріятныя слезы, и драгоцѣнныя минуты, въ которыя текутъ они!... Мы находимъ тогда самихъ себя лучшими!... Почему несправедливо иные возстаютъ противъ романовъ, разсуждая, будто они портятъ воображеніе и сердце.. Ежели терпятъ эпическія поэмы, ежели съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ отзываются о лучшихъ изъ нихъ, то для чего лишать той же чести прозаическихъ ихъ братьевъ?.. Есть худые, все увеличивающіе, принужденные, надутые, въ которыхъ сочинители хотятъ перемудрить природу, и, вмѣсто того, выставляютъ смѣсь несообразностей,—дикихъ и небывалыхъ поступокъ; однакожъ такое злоупотребленіе, производя во мнѣ прискорбныя мысли, заставляетъ вообще желать, чтобъ всѣ добрые люди были таковы, какъ въ романахъ, и чтобы всякій гнушался живыми образцами пороковъ, въ нихъ представленныхъ! Это, въ глазахъ моихъ, лучшая нравоучительная философія для молодыхъ людей!" 695

Однажды, во время чтенія, герой открылъ героинѣ свои чувства.

„Амалія покраснѣла... Я замолчалъ, и вмигъ раскаяніе о такой нескромности воспылало на лицѣ моемъ. Съ четверть часа продолжалось мучительное молчаніе; сердце мое раздиралось; она была въ глубокой задумчивости"... „Амалія съ смѣющимся уныніемъ взяла другой томъ Виланда, развернула его и, подавъ мнѣ, сказала: „прочтемъ-те что-либо въ воспоминаніе нещастной жертвы своей чувствительности!" 696

Чтеніе лирическаго стихотворенія: „Шарлотта при гробѣ Вертера“ произвело на обоихъ особо-сильное впечатлѣніе.

„Часто тяжкія воздыханія прерывали наше чтеніе. Едва оно кончилось, какъ я лежалъ уже у ногъ ея. Амалія простерла мнѣ руку... Она омочена была моими слезами и осушена жаркими поцѣлуями. „Почтимъ, сказала, наконецъ, Амалія, память нещастнаго страдальца! Видно, мы сотворены *не съ холодными сердцами*—и можемъ только плакать о слабостяхъ человѣческихъ“ [697].

Пріѣзжаетъ мужъ Амаліи,—и герой, сначала мечтавшій о дружбѣ съ нимъ, не только въ немъ разочаровывается, но даже рѣшительно заступается за грубо-притѣсняемую имъ Амалію и предлагаетъ ему стрѣляться... Сцена объясненія между героемъ и супругомъ Амаліи отличается патетичностью. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ пунктѣ фабулы авторъ вышелъ на оригинальный путь: повторивъ изъ „Вертера“ положеніе героя, сознающаго, что мужъ его возлюбленной—ничтожество, недостойное ея, авторъ пошелъ дальше,—выставивъ это „ничтожество“ коварнымъ и злымъ, заставивъ своего героя дѣйствовать наступательно...

Изъ объясненій героя ничего не вышло,—мужъ Амаліи обманулъ его, увезъ жену, которая, по приказанію мужа, запретила герою ее „спасать“. Герой былъ въ отчаяньи:

„Она меня любила... Она еще любитъ меня! — Генрихъ! — Ярость напрягаетъ изнемогшія силы! Я лечу... Постой, нещастный! Амалія запрещаетъ тебѣ... Ея гласъ, подобно далекому грому, отдается по опустѣвшему сердцу... Боже великій!... Я упадаю и обмываюсь кипящими слезами“ [698].

Словомъ, герой погрузился въ тѣ пучины „меланхоліи“, въ которыхъ перебывали въ свое время и Вертеръ, и С.-Прё, и „несчастный М-въ“, и многіе другіе.

„Что такое, другъ мой, страсти? Они—дьяволы души нашей, опредѣленные терзать сію нещастную въ подлунномъ мірѣ...! Любовь?... Любовь—змѣя подъ пріятными цвѣтами!...Какъ все для меня теперь пусто!... Амаліи нѣтъ,—нѣтъ и меня!.. Я не чувствую, по крайней мѣрѣ, что такое я!... Бытіе замерзаетъ; одни хладные мраморы, кипарисныя рощи, печальныя тѣни меня окружаютъ, и я задумчиво пріобщаюсь къ нимъ, пока, наконецъ, совсѣмъ не буду чувствовать, что къ нимъ пріобщился“ [699].

„Горесть со мною неразлучна... Я не хочу, чтобъ и разлучалась! Она составляетъ наилучшую пищу души моей, скользящей на краю бездны“ [700].

Но онъ не застрѣлился, какъ Вертеръ—онъ угасъ отъ тоски...

„Медленная, но разрушительная болѣзнь низвела] его въ могилу... О, юность! юность!“ [701].

— патетически заканчиваетъ свою повѣсть авторъ.

Приведенное изложеніе этой повѣсти доказываетъ, что она ближе къ Вертеру, чѣмъ всѣхъ вышеразобранныя русскія произведенія въ этомъ родѣ. Не только многія характерныя особенности (поэзія музыки, природы, дѣтства, близость съ простыми людьми, любовь къ замужней женщинѣ, столкновеніе съ мужемъ и пр.), но и самая форма повѣсти (романъ въ письмахъ),—все говоритъ объ этой близости. Выше отмѣтилъ я также сходство повѣсти съ произведеніями Руссо и Карамзина.

Софія, русская повѣсть, соч. Пав. Львова, представляетъ собою опять таки скрещеніе вліяній повѣстей Мармонтеля, Карамзина („Бѣдная Лиза") и вышеразобранныхъ повѣстей Н. Эмина и Львова—(„Россійская Памела"); содержаніе повѣсти слѣдующее:

„Софія, дочь богатаго помѣщика была прекрасна, какъ ясный день,—и мила, какъ весеннее солнце" [703].

Много жениховъ сваталось къ ней,—

„Умные искали ея сердца, а невѣжды искали богатства".

Здравомыслъ (таково было имя отца Софіи) почиталъ богатство ниже человѣка и выбралъ ей въ мужья „не богатаго Менандра, который превышалъ всѣхъ прочихъ только тѣмъ, что былъ добродушенъ и уменъ".

Помолвка уже состоялась, и было рѣшено черезъ годъ спраздновать свадьбу. Вдругъ пріѣхалъ въ тѣ края князь Вѣтролетъ. Онъ—

„былъ житель города, умѣлъ притворяться, умѣлъ нравиться, умѣлъ красно говорить и сладко шутить, будучи внутренно человѣкъ коварной, будучи таковъ, каковы бываютъ нынѣ люди большого свѣта" [704]

Немудрено, что „свѣтскій левъ" Вѣтролетъ сдѣлался душою „провинціальнаго" общества, и, въ глазахъ наивной Софіи, легко своимъ вертопрашествомъ затмилъ „скромность и благоразуміе" „прекраснодушнаго" Менандра.

Князь, со своей стороны, влюбился въ Софію. Онъ безъ труда обнаружилъ передъ ней свои чувства частыми вздохами, пламенными взорами и пѣніемъ нѣжныхъ пѣсенокъ.

„Сердце Софіи стало измѣняться,—Вѣтролетъ изгонялъ изъ него Менандра. Овладѣло ею непостижимое уныніе... Противъ воли катились изъ глазъ ея слезы, „и тяжелые вздохи вырывались изъ томной груди" [705].

„Присутствіе Менандра сдѣлалось ей несносно... Когда подходилъ онъ къ ней, то она уклонилась,—когда хотѣлъ поцѣловать ея руку, то съ принужденіемъ простирала ее. М., становясь предъ нею на колѣни и устремляя на нее взоры, полные любви, говорилъ ей: „Милая Со-

фія! дорогая Софія! что сдѣлалось съ тобой?... Судьба готова совершить наше щастье, а ты печалишься!... Открой мнѣ сердце свое, какъ другу, какъ любовнику, котораго улыбка твоя восхищаетъ, который съ охотою умретъ у ногъ твоихъ, только бы ты была спокойна!" — то слезы были всегдашнимъ отвѣтомъ Софіи, и она запрещала ему вывѣдывать причину своей скорби" [706].

И вотъ, бракъ Софіи и Менандра былъ отложенъ, подъ предлогомъ ея болѣзни... Она стала томиться и думать о своей судьбѣ... Образъ Вѣтролета постоянно преслѣдовалъ ее. Когда теперь она сидѣла въ саду, уже—

„не утѣшали ея пестрые и душистые цвѣточки, улыбающаяся зелень деревъ, пріятное пѣніе птичекъ и шумъ блестящихъ отъ солнца водопадовъ,—вездѣ и во всемъ казался ей Вѣтролетъ,—и вся природа была мертва для нея".

Однажды произошло между ними объясненіе:

„Вѣтролетъ, имѣя слезы на глазахъ, остановилъ ее и взялъ ея бѣлую руку; нѣжнѣйшими словами изъяснилъ ей чувства сердца своего: „Прелестнѣйшая Софія! въ тебѣ все щастіе мое!" говорилъ онъ ей волшебнымъ своимъ голосомъ: „Скажи, сокровище души моей, что чувствуешь ты ко мнѣ?—любовь, или ненависть?.. Отъ единаго слова твоего зависитъ жизнь моя!.. Ты молчишь... я нещастенъ... я долженъ умереть! но умру, боготворя тебя... Прости, жестокая Софія... Смерть есть послѣдняя отрада отчаянныхъ... Ахъ! Софія, прости!" [707].

Простодушная, неопытная Софія не сумѣла скрыть отъ него своихъ чувствъ.

„Едва коварный Вѣтролетъ узналъ свое щастье, какъ вдругъ кинулся цѣловать ея руки; потомъ осмѣлился прижать ее къ сердцу своему; потомъ осмѣлился коснуться устъ ея, пламенѣвшихъ отъ любви... Потомъ любовь покрыла ихъ таинственнымъ своимъ покровомъ,—вселенная и добродѣтель были ими забыты... Прошло изступленіе... Софія, виновная уже Софія, хотя и не разумѣла паденія своего, но жестокое угрызеніе, самой ей непонятное, поселилось въ груди ея... Она зарыдала..." [708].

Послѣ паденія Софіи Вѣтролетъ сразу охладѣлъ къ ней,— между тѣмъ, ея любовь къ нему усиливалась,—

„Но чѣмъ менѣе любилъ онъ Софію,—тѣмъ болѣе хотѣлъ наслаждаться законопреступнымъ удовольствіемъ, и—любовь доставляла имъ иногда райскія минуты,—минуты неизреченнаго восторга" [709].

Въ результатѣ, Софія забеременѣла. Тогда онъ бросилъ ее и уѣхалъ въ столицу, написавъ ей, на прощаніе, холодное письмо, въ которомъ онъ прощается съ нею, такъ какъ рѣшилъ жениться на одной знатной дѣвушкѣ.

„Правда, я не влюбленъ въ нее, но правила людей, живущихъ въ большомъ свѣтѣ, требуютъ того, чтобъ я на ней женился, тѣмъ болѣе, чтобъ поддержать чрезъ то славную мою фамилію". „Вы имѣете жениха, а я—невѣсту; слѣдовательно, мы оба спокойны!.. Прощайте, милая Софія! я сажусь въ карету, лечу въ столицу и не забуду никогда той нѣжной любви, которую питалъ къ вамъ нѣкогда" [710].

Приведя письмо Вѣтродета, авторъ теряетъ самообладаніе и восклицаетъ:

„безчеловѣчный, лютый звѣрь! чудовище, адомъ изрыгнутое!.. Небеса! и вы медлите, не поражаете громомъ сего изверга?.. Но оставимъ наказывать его Провидѣнію и обратимся къ бѣдной Софіи!"

„...Холодный потъ оросилъ ея члены, и она упала въ обморокъ. Младенецъ, испытуя терзаніе матери своей, трепещетъ въ утробѣ ея" [711].

Позоръ Софіи былъ открытъ ея родителями,—

„Мать залилась слезами, отецъ окаменѣлъ... Взоры его остановились: ужасъ покрылъ лицо его блѣдностію; поднялись сѣдые волосы его, и онъ подобенъ сталъ истукану!. Но недолго былъ онъ въ такомъ положеніи: внезапно сердце его закипѣло гнѣвомъ: глаза его засверкали, какъ молнія, и голосъ его, какъ громъ, раздался: „Умри, недостойная!"... Изрекши слова сіи, онъ поспѣшно вышелъ отъ Софіи".

Но этотъ гнѣвъ скоро смѣнился глубокой жалостью къ несчастной дочери: и авторъ, по этому поводу, размышляетъ такъ:

„Не всѣ отцы—Бруты. Налагаемыя природою узы священны и неразрушимы. Мгновенно лютый гнѣвъ его премѣнился въ лютую печаль,—шпага упала изъ рукъ его; тяжкій вздохъ, исшедшій изъ глубины сердца, выразилъ неизобразимое бореніе чувствъ его; старикъ заплакалъ и пошелъ отъ дочери, которая тщетно бѣжала за нимъ, ловила руки его, старалась обнять его колѣна и просила отъ него смерти" [712].

Авторъ опять взываетъ къ князю:

„О, князь! о извергъ! коликихъ бѣдъ ты виною!" [713].

И вотъ, печаль, „какъ мрачная туча, покрыла домъ Здравомысла".

Въ это время возвращается Менандръ, уѣзжавшій на нѣкоторое время. Онъ изумленъ, видя общую печаль въ домѣ и заставъ отца Софіи за такой молитвой:

„О, Боже, Боже, праведный! по что не прекратилъ ты дней моихъ?.. Почто допустилъ меня дожить до такого нещастія? И самыя мученія ада не столь бы были мнѣ чувствительны!" [714].

Менандръ спрашиваетъ, что случилось... Старикъ говоритъ ему:

„Бѣги отсюда, бѣги, другъ мой!.. Здѣсь все наполнено порокомъ и горестью; скоро земля разверзется подъ ногами моими,—потонитъ меня и домъ мой!" [715].

Узнавъ, въ чемъ дѣло, „великодушный“ Менандръ заступается за Софью, и старается убѣдить старика, что она чиста, непорочна,—но лишь неопытна, и потому не понимала, что̀ дѣлала... Затѣмъ онъ проситъ руки Софьи. Старикъ сперва не вѣритъ ему, потомъ, вмѣстѣ съ женой, радуется этому предложенію.

„Горесть ихъ премѣняется въ радость“—говоритъ авторъ.

— и они „слѣдующій же день назначаютъ для бракосочетанія“... Дочери своей они рѣшили не говорить ничего... Между тѣмъ, наступила ночь—

„Отчаянная Софія, предавшаяся мрачнымъ мыслямъ своимъ, часъ отъ часу, приходила въ изступленіе... Разсудокъ ея помутился... Она начала всего страшиться—нѣжной отецъ ея представлялся ей ужаснымъ тиранномъ, комната—темницею, малѣйшій стукъ—звукомъ цѣпей, самая жизнь—тягчайшимъ бременемъ“ [716].

Подавленная тоскою, она вышла въ садъ, потомъ въ поле...

„Все было тихо въ природѣ. Лѣса дремали... Покоились птички... Безмолвіе царствовало во всѣхъ мѣстахъ; только тамъ, или индѣ, томно журчалъ вдалекѣ уединенный ручей,—либо слышно было, какъ межъ кустовъ пробѣжитъ вѣтерокъ... Блѣдная Цинтія,—сей другъ нещастныхъ, величественно катилась по темнымъ небесамъ и блистала въ слезахъ Софіи...“

„Ее все пугало: и растрепанные власы ея, и развѣвающееся отъ походки тонкое бѣлое платье, и собственная тѣнь...“

„...Вдругъ она усматриваетъ большой прудъ и скользящій по немъ лунный свѣтъ“ [717]...

Она произноситъ надъ прудомъ монологъ:

„Здѣсь долженъ кончиться путь мой!“—говорила она,—„кроткая поверхность водъ сихъ сокрываетъ неизмѣримую, можетъ быть, глубину!.. Всякая струя исходитъ изъ нея и возвращается въ нее!.. Вотъ, образъ вѣчности, сего мирнаго пристанища нещастныхъ,—вѣчности, изъ коей все исходитъ, и куда все обращается!.. Тамъ нѣтъ напастей!..“ [718].

Затѣмъ она прощается со всѣми и бросается въ прудъ...

Утромъ отецъ находитъ ея трупъ... Горе старика было неописуемо:

„Какое перо можетъ описать его отчаяніе! какое сердце ощутитъ печаль его!“ [719].

— восклицаетъ авторъ. Мать ея тоже скоро умерла съ горя.

„Менандръ, омывъ слезами тѣло своей невѣсты, удалился на весь остатокъ прискорбныхъ дней своихъ въ отдаленной и пустой край, а злощастной отецъ и супругъ, предавъ землѣ тѣло супруги своей, скоро послѣдовалъ за ними“ [720].

Повѣсть заключается такимъ размышленіемъ автора:

„Вотъ, повѣсть Софіи!.. Кости ея почіютъ подъ камнемъ, мохомъ и дерномъ обросшимъ, и на коемъ неизгладимо начертаны сіи слова:

„Прохожій! взгляни на прахъ Софіи; воздохни объ ней—и бойся страстей своихъ!“.

Затѣмъ авторъ обращается къ повѣствованію о дальнѣйшей судьбѣ ея соблазнителя—

„Софія была нещастна,—но былъ ли щастливъ Князь Вѣтролетъ?... Никакъ! Провидѣніе явно карало его“ [721]...

Онъ оказался очень несчастливъ въ семейной жизни и—

„...умеръ въ неописанной бѣдности и отъ жестокой болѣзни, такъ что не въ силахъ былъ принесть и усладительнаго для христіанъ покаянія!..“

„Вотъ, какъ наказуется и здѣсь поруганіе невинности!“ [722].

— заключаетъ авторъ свой разсказъ.

Такова эта повѣстушка П. Львова, въ которой онъ замѣтно подражалъ Мармонтелю [*]). Изъ „Вертера“ „Бѣдной Лизы“—заимствовалъ онъ развязку (самоубійство героини и, при томъ, тоже въ пруду).

Если сравнить это произведеніе съ предшествующимъ романомъ того же автора, съ „Новой Памелой“,—мы должны будемъ въ немъ отмѣтить наличность уже иныхъ пріемовъ: теперь авторъ менѣе вмѣшивается въ развитіе дѣйствія повѣсти—лишь патетическія восклицанія, психологическія разсужденія (въ родѣ, напримѣръ, разсужденія о власти родственныхъ чувствъ надъ человѣкомъ) и морализація, заключающая произведеніе (тоже въ духѣ Карамзина)—выдаютъ его... За то психика героевъ обрисована тоньше: напримѣръ, вмѣсто длинныхъ объясненій въ любви, онъ иногда, какъ Карамзинъ, даетъ лишь мимическую сценку, которая, однако, оказывается очень краснорѣчивой:—

„Онъ хотѣлъ, повидимому, удалиться, какъ невинная Софія,—нѣжная и нещастная Софія,—воздохнула, кинула на него такой взоръ, который открылъ ему все состояніе ея сердца“ [723]...

Здѣсь одинъ „взоръ“ раскрываетъ всѣ тайны встревоженнаго дѣвичьяго сердца...

Фальшивымъ психологическимъ пріемомъ надо признать патетическій монологъ героини надъ прудомъ,—Карамзинъ въ „Бѣдной Лизѣ“, въ этомъ отношеніи, показалъ себя болѣе тонкимъ психологомъ.

„Судьба“ только однажды, и то вскользь, упоминается въ повѣсти [724].

„Природа“ въ этомъ произведеніи играетъ роль болѣе значительную, чѣмъ въ „Новой Памелѣ“,—на этотъ разъ автору удалось, напримѣръ, нарисовать ночной пейзажъ съ настроеніемъ, при чемъ имъ въ повѣствованіе введены „лунные эффекты“.

---

*) См. выше вып. I, стр. 494-7.

„Ростовское озеро“, — сочиненіе 2-8. (В. Измайлова) [725], по своему содержанію и по характеру, тоже принадлежитъ къ такимъ же подражаніямъ романамъ Гёте, отчасти Руссо и Карамзина... Уже самое начало его даетъ читателю ясное представленіе о настроеніи повѣсти.

Такъ, подобно Карамзину въ его „Бѣдной Лизѣ“, авторъ сразу вводитъ читателя въ соотвѣтствующія настроенія при помощи пейзажа:

„Ночныя тѣни исчезали предъ бѣлѣющимся свѣтомъ; утренняя заря сыпала блѣдныя розы по голубому небу; легкій вѣтерокъ струилъ синюю поверхность воды; вся природа пребывала въ благоговѣйномъ молчаніи, которое, отъ времени до времени, прерывалось нѣжною мелодіею жаворонка, голосами поющихъ пѣтуховъ и тихимъ звономъ колокола“ [726].

Затѣмъ, опять таки подражая Карамзину, авторъ обращается къ самому себѣ:

„Мнѣ еще не было десяти лѣтъ, а я живо уже глубоко чувствовалъ печали и радости,—ежели не свои собственныя, то чужія. Сердце мое было такъ сильно привязано къ ближнимъ моимъ, что одинъ печальной взглядъ ихъ, одно печальное слово проницало мнѣ прямо въ душу и производило въ ней нѣкоторое уныніе,—такъ какъ одна ихъ радостная улыбка была для меня неоцѣненнымъ счастіемъ въ жизни“.

„Вгляните на сихъ безпечныхъ и веселыхъ птичекъ, которыя съ громкимъ свистомъ вьются надъ головами нашими,—онѣ чувствуютъ радостное обновленіе натуры, и, вмѣстѣ съ нею, веселятся... Но зашумятъ грозныя бури, забушуютъ осенніе вѣтры—и унылой крикъ бѣдныхъ птичекъ раздастся по опустѣвшимъ рощамъ и полямъ!.. Вотъ точный обзоръ тогдашняго положенія души моей, которая, вмѣстѣ со всѣми предметами, ее окружавшими, измѣнялась въ чувствахъ своихъ!.. Я носилъ въ груди своей источникъ меланхоліи и любовь къ уединенію“.

„Въ одинъ изъ тѣхъ нѣжныхъ часовъ, когда шумъ дня теряется въ тишинѣ ночи, и животворная прохлада воздуха вливаетъ чувство въ самыя мрачныя души, когда милой богъ сердецъ, въ вѣяніи весенняго вѣтерка, нашептываетъ тайну любви всѣмъ чувствительнымъ существамъ, манитъ ихъ парами на сладострастную мураву и устилаетъ ее миртовыми и маковыми цвѣтами; когда травки и цвѣточки, ручейки и рощицы, птицы и насѣкомыя, — и все, что ни есть въ твореніи, въ одинъ тихой голосъ говоритъ: *„нѣжныя сердца, любите!“*—въ одинъ изъ тѣхъ, неизреченно-пріятныхъ майскихъ часовъ, прогуливался я по берегу Ростовскаго озера *), и, такъ сказать, окружалъ себя оными сладостными мечтами воображенія, которыми любимъ мы питать себя на зарѣ жизни.. Сердце мое, пріятно растроганное, билось отъ томно-радостныхъ восторговъ своихъ... Нѣжно-горестныя слезы капали на ту-

*) «Мимоѣздомъ прожилъ я тогда нѣсколько дней въ Ростовѣ».

манную зелень и сливались съ вечернею розою; искры электрическаго чувства, которое, на ту минуту, казалось мнѣ потрясающимъ всѣ три царства Натуры,—летѣли изъ моей груди и сверкали въ пламенныхъ моихъ взорахъ... На каждомъ шагѣ встрѣчались мнѣ прекрасныя мѣста,—романическія убѣжища блаженства..." 728.

Затѣмъ разсказчикъ предается воспоминаніямъ о Руссо и распространяется о герояхъ „Новой Элоизы"... Сидя у Ростовскаго озера, онъ мечтаетъ о Женевскомъ озерѣ, и воображаетъ себя „вторымъ Сенъ-Пріо" 729.

„Лунные эффекты", конечно, здѣсь тоже на лицо.—

„...я поднялъ глаза на полную луну, которая съ высоты лазуреваго свода, сквозь черноватой флеръ ночи, посеребрила лучами своими темнозеленую картину дремлющей натуры—поглядѣлъ вокругъ себя на всѣ ночные предметы, кои образовали нѣчто подобное безмолвной вѣчности, поглощающей жизнь человѣческую... Вздохнулъ разъ, другой, третій,—и радостное чувство души моей перемѣнилось вдругъ въ горестное уныніе" 730.

Само собою разумѣется, сейчасъ же у автора явились и соотвѣтственныя мысли—о смерти, о тлѣнности земного...

Но, какъ и въ „Іодорѣ" Карамзина, не самъ авторъ — герой романа, хотя по духу и онъ сродни Вертеру; настоящій „Вертеръ" предстаетъ передъ читателемъ сейчасъ же послѣ этого вступленія.—

„При слабомъ лучѣ мѣсяца, подлѣ стѣны Яковлевскаго монастыря, неподалеку отъ меня и берега, увидѣлъ я идущаго молодаго человѣка, въ черномъ фракѣ, съ потупленнымъ взоромъ, съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ... На худомъ и блѣдномъ лицѣ его напечатлѣны были, казалось, смертельные удары судьбы... Изъ томныхъ глазъ, отъ слезъ померкшихъ, исходили послѣдніе лучи жизни и чувства; тяжелые вздохи, отъ минуты до минуты изъ груди его вырывавшіеся, показывали стѣсненное, болѣзненное, умирающее сердце" 732.

Всегда въ такихъ случаяхъ у „чувствительныхъ" зрителей, вмѣстѣ съ сочувствіемъ, являлся и приливъ непобѣдимаго любопытства—

„Сердце мое замерло,—и слезы выступили на глаза",—чувство состраданія и нѣкоторое любопытство, возбужденное видомъ сего несчастнаго, влекло меня въ слѣдъ за нимъ... Мнѣ хотѣлось узнать судьбу его, и сердце мое говорило, что она должна быть примѣчательна для чувствительнаго человѣка" 733.

Между тѣмъ, „интересный" юноша произносилъ „несвязныя слова", которыя, въ ночной тишинѣ, прерывали „грубый отголосокъ"... Кромѣ этихъ отголосковъ, кругомъ была тишина...

„Въ стѣнахъ монастыря царствовало мертвое молчаніе: высокія его башни заслоняли ночное свѣтило... Тамъ была ужасающая темнота, сквозь которую едва прорывался тонкій лучъ огня, свѣтившагося въ монашескихъ кельяхъ" 734.

„...повсюду встрѣчались мнѣ унылыя обиталища мертвыхъ, разсѣлины надгробныхъ камней, могилы, сѣдымъ мхомъ обросшія; повсюду представлялся печальный образъ разрушенія — смерти и вѣчности... Я чувствовалъ въ себѣ необычайный трепетъ“ 735.

Между тѣмъ, молодой человѣкъ, за которымъ слѣдилъ разсказчикъ, остановился у одной могилы, —

„...изъ бѣлаго мрамора сооруженной и слабо освѣщаемой тихо-горящею лампадою. Молодой человѣкъ остановился... Грудь его сильно поднималась и опускалась... Нѣсколько минутъ стоялъ онъ неподвиженъ, устремивъ глаза свои на мѣсто, засыпанное землею... Но вдругъ зарыдалъ онъ,—зарыдалъ такъ, что самая земля послышалась мнѣ подъ нами стенящею,— бросился на колѣни предъ мраморнымъ піедесталомъ—и закрылъ платкомъ лице свое, какъ будто-бы хотя удержать чрезъ то слезы, которыя градомъ катились изъ глазъ его... Холодной потъ разлился по мнѣ... Я внималъ жалобнымъ его воплямъ, тѣмъ ужаснѣе звучавшимъ въ тишинѣ мрака,—и сердце мое содрогалось“ 736.

Авторъ подошелъ къ рыдавшему юношѣ, сталъ его утѣшать, но тотъ отвѣчалъ безсвязными фразами, въ духѣ того bavardage de la fièvre, съ которымъ познакомились мы изъ всѣхъ раньше разсмотрѣнныхъ произведеній...

Затѣмъ юноша, „въ жестокомъ обморокѣ“, „покатился“ къ „трясущимся“ ногамъ разсказчика... Очнувшись, несчастный воскликнулъ:

„Молодой человѣкъ! кто ты и на что возвращаешь мнѣ скучную, горестную и несносную жизнь?.. Мнѣ нельзя жить больше въ свѣтѣ, нельзя!.. А сегодня умереть, или завтра,—не все-ли равно?“... Тутъ, вздохнувъ еще тяжеле прежняго и смотря въ глаза мнѣ, онъ продолжалъ: „но ты не знаешь, можетъ быть, моего нещастія?.. и, вѣрно, не знаешь!.. Смотри... вдѣсь—подъ этимъ тяжелымъ камнемъ... въ нѣдрахъ сырой земли... въ тѣсномъ и мрачномъ гробѣ... лежитъ... Нѣтъ! я не могу выговорить этого ужаснаго слова!.. Не могу выговорить ея имени!.. Ахъ! ты не зналъ, какъ она мила была, умна, прекрасна!.. была... и вдругъ!.. Я рвался надъ нею,—проливалъ горючія слезы, цѣловалъ ее огненными устами, прижималъ къ пламенной груди моей,—но не могъ согрѣть холодныхъ устъ ея... студеной груди... замерзшей крови... То сердце, которое такъ нѣжно любить умѣло, которое билось разъ вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ, сдѣлалось вдругъ каменнымъ, нечувствительнымъ ко мнѣ... къ любви моей!.. А тамъ... положили ее во гробъ... гробъ опустили въ землю... завалили камнемъ и... Но, нещастной, ты не трепещешь?.. Сердце твое не обливается кровью?.. Пусти меня, по крайней мѣрѣ... пусти къ этому безчувственному праху,—и дай умереть надъ нимъ!..“ Въ ужасномъ исступленіи, онъ хотѣлъ броситься въ могилѣ...“ 737

Изъ всего этого монолога видно, что передъ нами—Вертеръ „несудавшійся“, оставшійся въ живыхъ, какъ карамзинскій Ліодоръ, и потому безнадежно-тоскующій:

„Ахъ! я и такъ гнушаюсь собою!.. Вонзите скорѣе ножъ въ мою внутренность!.. Вылейте изъ меня перегорѣвшую кровь, раскройте сердце мое,—змій, змій сосетъ его!"... Сіи послѣднія слова произнесъ онъ такимъ дикимъ голосомъ и съ такимъ свирѣпымъ взоромъ, что всѣ гробы, казалось мнѣ, потряслися!" [738].

На могильномъ монументѣ, передъ которымъ рыдалъ юноша, разсказчикъ увидѣлъ эпитафію, слова, взятыя изъ „Новой Элоизы".

Онъ сталъ утѣшать юношу, и затѣмъ предложилъ „вмѣстѣ съ нимъ плакать".

„...мы вмѣстѣ плакать будемъ!"... „Ты хочешь с[illegible]ною плакать?" перерваль онъ съ скоростью: „такъ и ты любишь [illegible]?".. — „Люблю, люблю!"—отвѣчалъ я... „Ахъ! за это и я буду любить тебя! буду во всемъ, какъ агнецъ, тебѣ повиноваться!.." сказалъ онъ—и слабая улыбка оживилась, и умерла на пасмурномъ лицѣ его, подобно быстрой молніи, которая сверкаетъ во мракѣ и скрывается въ черныхъ тучахъ" [739].

На квартирѣ юноши встрѣтилъ его и разсказчика традиціонный „вѣрный слуга"-старикъ — образъ, уже отмѣченный мною выше при разборѣ повѣсти Клушина:

„Сѣдая голова его склонилась къ колѣнямъ стоящаго господина; спина скорчилась; одна рука повисла къ землѣ,—другая держалась за полу молодаго человѣка... Сей послѣдній наклонился, и положилъ одну руку на плечо старика, которой, почувствовавъ ее на себѣ, приподнялъ голову, взглянулъ на него и, сквозь слезы, сказалъ примымъ, сердечнымъ языкомъ: „баринъ, любезной мой баринъ!"... Лица ихъ сближились... Они бросились другъ къ другу въ объятія... Слезы ихъ смѣшались и... Но я кладу перо,—и не смѣю продолжать сего слабаго описанія!... Скажу только, что въ сію минуту исчезло для нихъ человѣческое неравенство!... Забывъ всѣ общественныя различія, они обнимались, какъ человѣкъ съ человѣкомъ"... [740]

Кончается разсказъ, конечно, „исповѣдью" молодого человѣка. Оказывается, его дѣтство было очень похоже на дѣтство Людора. Онъ росъ сиротою.—

„Благодѣтельная Природа, какъ будто бы награждая меня за первые удары судьбы, была мнѣ всегда вмѣсто нѣжной матери, и сама образовала духъ мой среди сельской простоты,—между добродушными людьми, которые, будучи послѣдніе изъ моей фамиліи, любили меня, хотя, не имѣя знаній и просвѣщенія, не могли воспитать по новѣйшей системѣ" [741].

Увлеченіе природой и преклоненіе передъ простыми людьми—черты, роднящія этого героя съ его прототипами. Кромѣ того, у него, какъ и у нихъ,—„пылкое воображеніе", „чувствительное сердце", которымъ только онъ и живетъ...

„Мнѣ кажется, что человѣческое сердце можетъ осиротѣть,—мо-

жетъ все видѣть мертвымъ вокругъ себя — все, кромѣ натуры и Творца ея!" [743].

Немудрено поэтому, что прелесть „чувствительности" онъ постигъ въ такой же мѣрѣ, какъ и его образцы—С.-Прё, и Вертеръ...

„Чувствительность есть источникъ безчисленныхъ, неизъяснимыхъ удовольствій, но, вмѣстѣ, бываетъ причиною и вѣчныхъ, ни чѣмъ незагладимыхъ горестей!"—восклицаетъ онъ [744].

Уже десяти лѣтъ отъ роду умѣлъ онъ тонко чувствовать [744].

Юношей поѣхалъ онъ учиться въ московскій университетъ,— тамъ, по его словамъ, онъ образовалъ свое сердце и умъ, но постоянно грустилъ по деревнѣ... Оттого любилъ онъ, подобно Вертеру, уединенныя прогулки, —

„Часто съ книгою, или съ карандашемъ и пергаминомъ въ рукахъ, ходилъ я за городъ сидѣть подъ древесными колоссами, уныло возвышающимися поверхъ стѣнъ Андроньева монастыря... Проливалъ тамъ жаркія слезы о тлѣнности всего подлуннаго,—всего земнаго, кромѣ одной Натуры—думалъ о деревенскихъ друзьяхъ своихъ, и каждое чувство сердца своего записывалъ на бумагѣ" [745].

„Философомъ", ученикомъ „Невтона и Попе", вернулся онъ въ свою деревню, разсуждая такъ:

„...человѣкъ—точка въ пространствѣ творенія"—думалъ я—„муравей, ползающій на этой кучкѣ, которую именуемъ мы „землею". Человѣкъ долженъ презирать блескъ тщеславія, ничтожность свѣтскихъ предпріятій, лживость людскаго мнѣнія, и стараться только объ улучшеніи нравственнаго своего бытія... Служить человѣчеству и наслаждаться жизнью—вотъ, правила, въ которыхъ, по моему мнѣнію, заключается все благополучіе"! [746]

Однако скоро нѣжное, чувствительное сердце его ощутило потребность любви,—и онъ сталъ мечтать о „нѣжной подругѣ"... Онъ признается, какой идеалъ женщины созданъ былъ его воображеніемъ...

„Образъ „Новой Элоизы",—прекраснѣйшаго изъ всѣхъ существъ, когда-либо воображеніемъ произведенныхъ, обиталъ въ душѣ моей и служилъ мнѣ путеводителемъ въ моемъ исканіи" [747].

Но никого, сколько-нибудь похожаго на Юлію, между окрестными барышнями онъ долго не находилъ, и уже началъ, было, „унывать", какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно для себя, онъ нашелъ то, чего искалъ...

Однажды вечеромъ онъ гулялъ около монастырской стѣны—

„Это было въ Маѣ мѣсяцѣ, навсегда памятномъ для меня,—вчерашній день и въ тотъ самый часъ, когда вы меня встрѣтили подлѣ монастырской стѣны!.. Половина дневнаго свѣтила скрылась за шаръ земной, и послѣдніе лучи его скользили по краямъ горизонта и земли. Съ другой стороны свѣтлой мѣсяцъ возносился на голубое, воздушное пространство, и тихо потрясалъ серебрянымъ вѣнцомъ своимъ; звѣзды, подобно бриліантамъ, сыпали искры... Блѣдныя тѣни ночи... Минутная

тишина, слѣдующая за дневнымъ шумомъ... Легкое дыханіе вѣтерка, тихо шевелящаго каждую травку и каждой листочекъ... Зеленые берега озера и прекрасныя его окрестности... Блеяніе прогоняемаго стада... Пѣсни веселыхъ поселянъ, оживляющія воздухъ—все это привело меня въ какое-то неописанное восхищеніе. Оно, казалось, было предчувствіемъ близкаго щастья, и темнымъ образомъ говорило мнѣ: „здѣсь найдешь ты то, чего ищешь"... Въ глубокой, но пріятной, задумчивости приближился я къ высокимъ башнямъ Яковлевскаго монастыря" [748].

Повторяя Карамзина, который въ „Бѣдной Лизѣ" рисовалъ чувствительныя картины монастырской жизни, и этотъ герой задумался надъ жизнью монаховъ, — и въ это самое время увидалъ „ее"... Это была красивая крестьянская дѣвушка, со всѣми аксессуарами „пастушки", — даже съ вѣнкомъ на головѣ... Герой немедленно представилъ себѣ ее „альпійской пастушкой"... Какъ всѣ чувствительные люди, онъ съ перваго взгляда разсмотрѣлъ и достоинства ея сердца.

„Сквозь самой блескъ красоты ея видно было стѣсненное сердце, изнемогающее подъ бременемъ молчанія и печали. Подгорюнившись правою рукою, держала она въ лѣвой развернутую книгу (представьте себѣ мое удивленіе!), читала нѣсколько минутъ, уныло взглядывала на синія волны, вздыхала—и опять принималась за книгу" [749].

Эта первая встрѣча была для обоихъ „роковой".

„Взоръ ея встрѣтился съ моимъ взоромъ,—нѣжная краска стыдливости покрыла лице ея, и, послѣ пріятнаго поклона, за который бы отдалъ я жизнь мою, она потупила глаза, и тихими шагами отъ меня удалилась" [750].

Разсказчикъ былъ пораженъ такимъ умилительнымъ зрѣлищемъ. Онъ терялся въ догадкахъ и въ предположеніяхъ...

„Я стоялъ восхищенъ, неподвиженъ, безмолвенъ... Любовался на лицѣ ея чертами красоты и чувствительности... воображалъ себѣ вторую Элоизу"... [751]

Онъ пошелъ за нею слѣдомъ и вошелъ въ избу. Конечно, какъ въ „Бѣдной Лизѣ", изба, въ которой она обитала, оказалась „чистой", свѣтлица—„большою", скатерть на столѣ—„бѣлой"... „Она", какъ вертеровская Шарлотта, сидѣла, окруженная ребятишками... Разсказчикъ былъ приглашенъ къ столу, сталъ разспрашивать старика-хозяина, доволенъ ли онъ своею участью. Тотъ, конечно, остался доволенъ... Разговоръ перешелъ на дѣвушку. Оказалось, она—пріемышъ. Старикъ ее расхвалилъ, но отказывался ее понять:

„Одно намъ только то горе, что она всегда подъ вечеръ бродитъ по темнымъ рощамъ, сидитъ на берегу ручейковъ, грустить тамъ и часто горько плачетъ". [752].

Старуха прибавила, что она постоянно читаетъ какую-то книжку. Къ крайнему изумленію разсказчика, оказалось, что любимой книжкой дѣвушки была „Новая Элоиза“ на французскомъ языкѣ!.. Этимъ новымъ открытіемъ онъ былъ совершенно пораженъ и побѣжденъ...

Потомъ выяснилось, что Анюта (имя героини) — незаконная дочь помѣщика и крестьянки. Хорошо воспитанная отцомъ, она, послѣ его смерти, принуждена была вернуться въ деревню и сюда перенесла свои культурныя привычки.

Любопытна бытовая деталь въ описаніи внутренняго вида избы:

„паръ горячаго кушанья, дымъ догарающей лучины, мѣшаясь съ мракомъ глазъ моихъ, застилали бѣлымъ облакомъ всѣ предо мной предметы“.

Разсказчикъ разговорился съ дѣвушкой, выразилъ удивленіе, что она любитъ „Новую Элоизу“, но получилъ отъ нея въ отвѣтъ карамзинскую фразу: „чувствовать умѣетъ и всякая крестьянка!“ 753. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ нимъ, она обнаружила любовь къ природѣ и къ сельской жизни. Герой былъ растроганъ,—

„Священный жаръ, которымъ она дышала, пролился и въ мою душу,—не кровь, но пламя потекло въ жилахъ моихъ и во глубинѣ сердца далеко отзывался ея божественной голосъ!.. Мнѣ нельзя уже было противиться влеченію какой-то неизъяснимой силы; забывъ все — все, кромѣ стоящаго передо мною божества, бросился я на колѣни и воскликнулъ: „ты овладѣла душею моею... и я—твой навѣки!“—Она затряслась, вскричала: „Боже мой!“—хотѣла уйти, но ноги ея подкосились“ 754.

Любовь доставила ему счастье.

„Всѣ предметы вокругъ меня дышали нѣжностью и безпрестаннымъ о ней напоминаніемъ,—питали тайной огонь въ душѣ моей. На каждой травкѣ, на каждомъ листочкѣ видѣлъ я голубые глаза, черные волосы... Чувства моего сердца летѣли по слѣдамъ красавицы и пламенною рѣкою изливались передъ той блаженной хижиной, гдѣ она заключалась“ 755.

Между молодыми людьми произошло вскорѣ и любовное объясненіе:

„Она упала на мои руки и, послѣ минутнаго молчанія, сквозь теплой ручей катящихся слезъ, произнесла прерывающимся голосомъ: „*люблю тебя*!“

„Милосердой Творецъ!.. въ эту минуту душа моя наслаждалась небеснымъ блаженствомъ,—утопала въ морѣ сладостей!.. Я заключилъ въ свои объятія любезную—на сердцѣ моемъ слышно было біеніе ея сердца... Каждой вздохъ ея влеталъ въ грудь мою и вырывался оттуда съ моимъ вздохомъ!.. Ея и мое имя, попеременно, умирало то на ея, то на моихъ устахъ!“ 756.

Они поженились, но она вскорѣ умерла, родивъ мертваго младенца [757]... И печальный вдовецъ-разсказчикъ—восклицаетъ:

„Съ тѣхъ поръ исчезла для меня вселенная! люди, чужды моему сердцу,—и жизнь тяжкимъ бременемъ тяготитъ душу мою!.. Я брожу уныло по рощамъ и лугамъ, на зарѣ дня и во мракѣ ночи“ [758].

Онъ хотѣлъ, было, лишить себя жизни, но старикъ-слуга упросилъ его жить. Онъ сказалъ безутѣшному юношѣ...

„Ахъ! будемъ жить, пока мы полезны на землѣ хоть одному человѣку!“

Этими словами закончилась исповѣдь „молодого несчастливца“,—онъ—

„...замолчалъ и, погрузился въ мрачное уныніе. Я глядѣлъ на него, и обливался слезами“ [759].

На ряду съ цѣлымъ рядомъ положеній и пріемовъ, взятыхъ изъ „новаго романа“, встрѣчаемъ мы здѣсь нѣсколько разъ и упоминаніе о „рокѣ“, и фигурныя описанія внѣшности героевъ при помощи миѳологическихъ образовъ...

„*Отрывокъ*“ Арк. Столыпина [760] тоже представляетъ собою близкое подражаніе „Вертеру“. Передъ нами—письма юноши, писанныя имъ къ другу въ минуты отчаянія. Издатель журнала, печатая лишь „отрывокъ“ изъ этихъ писемъ, счелъ нужнымъ сдѣлать, по этому поводу, слѣдующую оговорку:

(*Примѣч. изд.*). „Первые шесть отрывковъ, найденные въ записной книжкѣ нещастнаго молодаго человѣка и писанные въ первые дни его отчаянія, почти прочесть нельзя.. Умъ его, казалось, былъ совсѣмъ тогда помѣшанъ, и столько занятъ своимъ предметомъ, что картина мрачнѣйшаго отчаянія возмутила бы чувствительную душу, которая будетъ читать сіи печальные отрывки. Издатель разсудилъ за благо опустить ихъ“.

Такимъ образомъ, читатель знаетъ не начало романа, а оказывается въ самой его серединѣ. Авторъ письма влюбленъ въ какую-то Шарлотту, которую отецъ увезъ отъ него. И вотъ, герой, подавленный горемъ, погружается въ оссіановскія настроенія...

„...Природа была мрачна, подобно душѣ моей, и печальна, какъ мои мысли!.. Вѣтры, казалось, хотѣли испровергнуть мое уединенное убѣжище, но два престарѣлые дуба, въ тѣни коихъ я молюсь каждое утро Всевѣчному и оплакиваю мою Шарлотту, обороняли меня отъ нихъ“ [761].

Слѣдуетъ описаніе бури —

„Бой вѣтровъ и шумъ на тоскующую душу дѣйствуютъ, какъ прелестнѣйшая музыка... Я открылъ окно... Облака, покрывавшія горизонтъ, колебались, какъ волны океана въ бурный день,—быстрѣе молніи летѣли они надъ головой, гнали другъ друга, сталкивались,

раздроблялись и, утекая на края горизонта, показывали мнѣ лазуревое небо".

„Луна смѣшивала иногда блѣдный свѣтъ свой съ окружавшимъ меня мракомъ, потомъ скрывалась въ густую и темную тучу, подобную той, которая носилась до сотворенія міра надъ безднами хаоса".

Настроеніе его души было приподнято. Онъ идетъ гулять въ бурю, и сердце его „увеселялось страхомъ и ужасомъ" [762].

„Вѣтръ бушевалъ въ долинѣ, и съ ужаснымъ шумомъ нападалъ на косогоры... Я прежде содрогался отъ него, но теперь чувствовалъ удовольствіе, потому что буря, бушевавшая въ душѣ моей, была еще страшнѣе!.. Естьлибъ стихіи положили въ сію минуту разрушить вселенную, то сердце мое и тогда бы не тронулось,—оно увеселялось страхомъ и ужасами!"... [763].

Онъ идетъ къ старому, запущенному замку... Смерть и забвеніе царятъ въ немъ; ночныя птицы наполняютъ развалины своимъ зловѣщимъ крикомъ...

„Дневное свѣтило не смѣетъ пропускать туда пріятныхъ лучей своихъ, и безмолвіе смерти царствуетъ надъ сею обширною кучею развалинъ... Иногда упадаетъ токмо давно-висѣвшій сводъ, и влечетъ съ собою гнѣздо, гдѣ печальная сова только что положила свои яйца" [764].

Онъ рѣшился отдохнуть въ „разсѣлинѣ ивы", у ручья—

„Медленное и мирное его журчаніе нечувствительнымъ образомъ успокоило мою душу, и вскорѣ почувствовалъ я, что щеки мои взмокли отъ слезъ" [765].

Здѣсь, вдали отъ людей, онъ предается меланхоличнымъ настроеніямъ:

„Я поднялъ глаза и глядѣлъ вокругъ себя... Тишина возвратилась... Нѣкоторые остатки облаковъ носились еще тамъ и сямъ въ пространствѣ воздуха, не препятствуя мнѣ видѣть во всей обширности звѣздную твердь, надъ коей луна простерла меланхолическую, но пріятную завѣсу... Въ двухъ шагахъ отъ меня, ночная птица медленно качала гибкую вершину высокаго тополя... Она привѣтствовала возвратившійся мѣсяцъ и звала своимъ крикомъ заблудившуюся подругу" [766].

Въ такой обстановкѣ онъ размышляетъ о суетѣ человѣческой жизни,—о непрочности земного благополучія...

„О, щастіе! кроткое успокоеніе души!.. гдѣ ты обитаешь?.. въ хижинѣ ли бѣднаго, или въ позлащенныхъ чертогахъ богача?.. Произведеніе ли ты нашего воображенія, или существуешь, дѣйствительно, въ насъ, и для насъ?.. Человѣкъ, одаренный бо́льшею чувствительностью и потому живѣе чувствующій бѣдствія своего бытія, всегда-ли будетъ проливать о судьбѣ злополучныхъ своихъ братьяхъ горячія слезы, которыхъ не отрешь ты утѣшительною рукою?" [767].

Оказывается, онъ былъ счастливъ лишь до тѣхъ поръ, пока его

не разлучили съ Шарлоттою... И вотъ къ ея милому образу обращается онъ мысленно съ такою рѣчью:

„ты мнѣ казалась Богомъ, животворящимъ природу!.. Я тебя видѣлъ,—чувствовалъ во всемъ томъ, что дышитъ! Но послѣ жестокаго дня, въ который тираннъ-отецъ осудилъ мою Шарлотту страдать далеко отъ меня,—подъ чуждымъ небомъ,—очарованіе исчезло!.. Раздралась толстая завѣса, скрывавшая отъ меня истинну,—и я увидѣлъ... Такъ, я увидѣлъ, что человѣкъ, сіе слабое существо, стѣсненное между двумя вѣчностями, означаетъ здѣсь краткій путь свой и жалкое бытіе одною горестью, муками и смертью!..“ [768]

Въ отрывкѣ VIII-омъ восхваляется ночь и ея красоты... Впадая въ тонъ Юнга, воспѣваетъ юноша гимны въ честь ночи —

„О, ночь, какъ ты прекрасна! какъ торжественна, когда блѣдные лучи мѣсяца играютъ въ темныхъ кровахъ, коими ты облекаешься!.. Токмо злой человѣкъ тебя страшится,—дрожитъ среди величественныхъ мраковъ“... [769]

Далѣе раскрываетъ онъ психологію преступнаго человѣка, который боится ночи,—

„Воображеніе, устрашенное черною картиною пороковъ и злодѣйствъ, творитъ привидѣнія изъ каждаго пня, изъ каждаго утеса... И онъ бѣжитъ, преслѣдуемый самимъ собою... Но другъ природы, другъ человѣчества, чтитъ, обожаетъ тебя; въ твоихъ то нѣдрахъ его умъ, который любитъ тишину и спокойствіе, помышляетъ о щастіи своихъ братьевъ, которые его гонятъ...“ [770] и т. д.—

Затѣмъ юноша забирается въ какое-то сокровенное мѣсто, гдѣ поставлена урна... Около нея растутъ два печальные кипариса. Онъ произноситъ здѣсь патетическіе монологи:

„Горестныя воспоминанія, терзающія больше, нежели сколько я наслаждался щастіемъ!.. Прелести взаимной любви... Сладкія изліянія двухъ добродѣтельныхъ сердецъ... Нѣжность! неужъ ли я невозвратно васъ лишился?.. Увы!.. Они исчезли... Ужасное страшилище заступило ихъ мѣсто,—оно именуется „отчаяніемъ!“... Взоры его мещутъ молніи, уста изрыгаютъ богохульство!.. Какъ оно прицѣпляется къ своей добычѣ! съ какимъ ревомъ удовольствія терзаетъ ее!.. а смѣхъ... сей гнусный смѣхъ... Шарлотта! возвратись въ объятія своего любезнаго!.. Твоя улыбка, твой поцѣлуй на всегда оное прогонитъ!.. Но, нѣтъ, не возвращайся!.. ахъ! не возвращайся!.. Пребудь въ объятіяхъ своего супруга!.. Развѣ не видишь ты отца?.. сего жестокаго человѣка?.. Онъ держитъ кинжалъ надъ твоею головою... Еще одинъ шагъ,—и онъ вонзитъ его въ грудь твою!..“ [771].

Его монологи переходятъ порою въ bavardage de la fièvre... Онъ плачетъ и, въ концѣ концовъ, засыпаетъ около урны до утра...

Въ каждомъ новомъ отрывкѣ отчаяніе его растетъ, и, вмѣстѣ

съ тѣмъ, паѳосъ его писемъ все увеличивается... Наконецъ, онъ, подобно Вертеру, задумывается о самоубійствѣ...

„Проходя мимо стараго дуба, гдѣ ты часто меня встрѣчала, гдѣ мы обнимали другъ друга, оживляемые чистою, небесною радостію,—удѣломъ любви добродѣтельной,—проходя мимо сего дерева, я почувствовалъ дрожь, подобную лихорадкѣ, которая только что меня оставила... Чело мое облилось холоднымъ потомъ, и я удвоилъ шаги, не смѣя оглянуться на сей предметъ утѣхъ и страха... О! ужасная мысль, которой не можетъ перенести сердце мое, и умъ постигнуть!.. Жестокая мысль, которая, подобно неистовому, гладному чудовищу, всюду меня преслѣдуетъ, давитъ и, кажется, медленно веселится разрушеніемъ бытія моего“... [772]

„Небо!.. другой получилъ ее у подножія олтаря!.. Жестокая! какъ ты могла произнести страшную клятву,—клятву, чтобъ не быть больше моею!.. Но что я говорю!.. Шарлотта!.. Ахъ! прости... Я слышу громовый голосъ твоего отца, повелѣвающій быть тебѣ нечувствительной... (далѣе онъ ругаетъ ея отца „подлымъ человѣкомъ“, „ястребомъ...“).

„Ахъ! умремъ, умремъ, милой другъ!.. Жизнь есть наказаніе, когда не можно проводишь ее съ тѣмъ, кого любишь!“ [773]

„Умереть!..“ неужели такъ трудно разстаться съ существованіемъ,—возвратиться въ нѣдра общей матери? разорвать тягостныя оковы? предать сей божественный духъ Великому, все въ себѣ заключающему Существу, отъ Котораго онъ проистекъ?.. Когда осталось потерять только жизнь, то развѣ преступленіе—освободиться отъ нея?“ [774].

Кончается это произведеніе рѣшеніемъ автора ѣхать на поиски возлюбленной. Такимъ образомъ, герою этихъ „отрывковъ“, повидимому, суждено было только пережить предсмертныя настроенія Вертера и этимъ ограничиться...

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что произведеніе это—не повѣсть: она представляетъ собою концентрацію самыхъ патетическихъ элементовъ повѣсти, въ духѣ „Страданія Вертера“ — здѣсь и настроенія героя въ зависимости отъ природы, и оссіановскіе пейзажи, и Юнгъ, съ его „Ночными размышленіями“, и философствованія, въ духѣ размышленій Вертера, съ его крайнимъ индивидуализмомъ и пессимизмомъ — и, наконецъ, аналогичныя мысли о самоубійствѣ...

Къ разряду подобныхъ же произведеній относится повѣсть Каменева: *Софья* [775]. Начинается она съ изображенія картины той мѣстности, съ которой связано дѣйствіе.

„При подошвѣ утесистыхъ горъ извивается величественная Волга... Жемчужныя струи ея сверкаютъ между златопесчаными брегами... Мирныя жилища въ безпорядкѣ разсыпаны по хребтамъ, а многочисленныя стада ихъ пестрѣютъ по утесамъ“ [776].

Дѣйствіе происходитъ въ приволжскомъ селѣ Хлѣбородовѣ. Тамъ, на берегу Волги, стоитъ древняя, полуразрушенная хижина.

„Кровля ея разломана, окны безъ ставней, безъ стеколъ, вороты заперты длиннымъ рычагомъ... При входѣ, на узенькой тропинкѣ, лежитъ гранитный камень, обросшій сѣрожелтымъ мхомъ — вмѣсто скамьи. Унылый горный вѣтеръ свиститъ сквозь разщелявшуюся избу... Онъ завываетъ—и робкій путешественникъ цепенѣетъ отъ ужаса... Сова, свивъ себѣ здѣсь гнѣздо, пускаетъ томные вздохи по открытому пространству... Часто, часто слышалъ я во время глухой полночи вскомъ повторяемый ея голосъ!“

Тѣмъ не менѣе, авторъ любитъ здѣсь гулять—здѣсь было легко предаваться безпричинному чувству „сладкой меланхоліи“

„Слезы согрѣвали сердце... Я начиналъ плакать неутѣшно—не зная совсѣмъ причины... Причины?— Ахъ, какъ нерѣдко мы, влекомы единымъ побужденіемъ, дѣлаемъ и не вѣдаемъ что!.. Такъ! струны сердца звенятъ иногда по неволѣ,—строгой разумъ молчитъ!“ [777]

Около избушки находилась чья-то гробница. Она была окружена растущими цвѣтами. Надпись на гробницѣ была стерта, и часто авторъ задавалъ себѣ вопросъ, кто здѣсь погребенъ...

Однажды вечеромъ онъ пришелъ къ этому печальному, но любезному его сердцу мѣсту.

„Солнце закатилось. Я видѣлъ, какъ оно въ послѣдній разъ улыбалось сквозь златый флеръ тумановъ. Румяная заря еще не потухла. Луна выставила серебреные свои роги на лазуревомъ сводѣ. Отдаленіе почернѣло... Вѣтры, мало по малу, засыпали, и Волга, дремая, едва-едва сверкала...“ [778]

Авторъ восхищается вечерней природою и порицаетъ людей, нечувствительныхъ къ красотѣ природы.

„О, ночь! милая подруга чувствительныхъ душъ,—сладкое прибѣжище добродѣтельныхъ, утѣшительница нещастныхъ, отрава порочныхъ, казнь злодѣевъ!.. Освѣщай мнѣ путь, мнерстница ночи, стыдливая Цинтія!“—взываетъ онъ къ „ночи“, подражая и варіируя Юнга [779].

Неожиданно на знакомой таинственной могилѣ увидалъ авторъ „одѣяннаго въ бѣлое платье“ старца, который вздыхалъ и плакалъ... Отъ него авторъ и узналъ печальную тайну интересовавшей его могилы.

Оказалось, что этотъ старикъ знавалъ еще отца автора; на войнѣ онъ отличился,—дослужился до офицерскаго чина, вышелъ въ отставку и вернулся въ родныя мѣста. Его умирающій другъ Варфоломей поручилъ его попеченію свою пятнадцатилѣтнюю дочь Софью (рѣчь умирающаго старца трогательна). Старикъ обѣщалъ другу замѣнить ей отца. Когда онъ умеръ, Софья была неутѣшна.

„Тщетны были всѣ мои утѣшенія!.. Да и кто утѣшить можетъ въ семъ случаѣ? Природа дѣйствуетъ—сердце потрясается!“ восклицаетъ старикъ [781].

Софья была красавицей и общею любимицею въ селѣ.

„Всѣ молодые мущины заглядывались на нее; всѣ молодыя дѣвушки завидовали ей... Легкое платье, обтянутое около стройнаго стана, вѣнокъ изъ цвѣтовъ, извивающійся на темнорусыхъ распущенныхъ волосахъ, подъ плечомъ соломенная корзинка, посохъ съ розовою лентою—вотъ, ея всегдашніе уборы, когда ходила поливать въ саду деревья, или пасла наше стадо по горамъ!..“ [782]

Старикъ съ Софьей зажили тихо и были счастливы вдвоемъ, но—

„щастье перемѣнчиво!“,—горестно повѣствуетъ онъ—„колесо его вертится непрестанно,—ось то на верхъ подымается, то въ низъ упадаетъ.—то богаты, то нищи; то веселы, то печальны; то спокойны, то смущаемся!“ [784]

Однажды вечеромъ погода была особенно хороша:

„Багровое солнце, спускаясь вонъ за ту гору, освѣщало послѣдними лучами мою хижину!.. Сизыя облака, плавая по небу, накидывали завѣсу на заходящее свѣтило. Природа показалась мнѣ величественною!.. Какія небесныя чувствованія колебали тогда мою душу! какою благодарностью пламенѣлъ я къ Создателю!.. Я воспѣлъ гимнъ вечерній!“ [785]...

Вдругъ онъ замѣтилъ, что Софья бесѣдуетъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ просто.

„Алый румянецъ, игравшій на его щекахъ, показывалъ его крѣпость и здоровье. Росту былъ онъ больше средняго, широкъ въ плечахъ, статенъ и притомъ едва подбородокъ его начиналъ еще опушаться мягкими волосами“ [786].—

Старику показалось, что его Софья нѣсколько смущалась, когда ея взоры встрѣчались со взглядами этого юноши...

„Невинная, нѣжная, младая въ первой разъ въ жизни почувствовавшая нѣчто необыкновенное въ сердцѣ своемъ, Софья трепещетъ, незная, что дѣлать. Сидѣть—не можетъ; бѣжать назадъ—не въ состояніи“ [787].—

Онъ просилъ у ней дать ему напиться; она подаетъ ему кружку съ водой —

„Румянецъ выступаетъ на щекахъ ея Румянецъ совсѣмъ не такой, какъ у васъ въ городѣ“ [788]—замѣчаетъ авторъ.

Потомъ „чернобровый дѣтина“, поблагодаривъ ее за воду, ушелъ, но долго еще оглядывался на нее... Она тоже слѣдила за нимъ глазами...

И вотъ, она влюбилась въ него, и въ сердцѣ ея началась новая жизнь. Старикъ-разсказчикъ благосклонно отнесся къ этому новому чувству дѣвушки. (Авторъ даетъ психологическое объясненіе любви и причинъ ея).

„О, любезный Стернъ! чувствительный философъ!“ — восклицаетъ онъ.—„ты умѣешь рѣшить такія загадки!.. ты—мастеръ проникать въ сокровеннѣйшіе изгибы сердца; ты знаешь причину слезъ Софьиныхъ!“ [789].

Однажды незнакомецъ вернулся, и былъ старикомъ приглашенъ въ домъ. Незнакомца звали Иваномъ; пообѣдавъ, онъ ушелъ, а Софья опять загрустила на нѣсколько дней... По этому поводу авторъ опять дѣлаетъ отступленіе,—онъ оспариваетъ общепринятое мнѣніе, будто любовь приноситъ радость.

Между тѣмъ, любовь все росла въ сердцахъ молодыхъ людей; они были счастливы, въ особенности, когда назначенъ былъ день ихъ свадьбы.

Но однажды къ помѣщику пріѣхалъ изъ Москвы его родственникъ и привезъ съ собою дворянина-Евгенія. Этотъ юноша —

„былъ золъ, высокомѣренъ и распущенъ".—[790]

Онъ сталъ нахально приставать къ Софьѣ (Живой діалогъ)[791].

Онъ пытался сперва прельстить ее картиной веселой городской жизни,—но она не поддалась его лукавымъ рѣчамъ: со словъ старика-разскащика она твердо усвоила убѣжденіе, что въ городѣ живутъ—„людоѣды".

Тѣмъ не менѣе, этотъ разговоръ съ Евгеніемъ Софью испугалъ и смутилъ ее,—ночью она безпокойно спала.

Тогда Евгеній прибѣгнулъ къ иному средству, - однажды онъ силой увезъ Софью... Авторъ такъ потрясенъ былъ этимъ разсказомъ старика, что прервалъ его повѣствованіе восклицаніемъ:

„О, Боже! Мститель невинныхъ!.. Почто онѣмѣлъ громъ твой? Почто молніи потухли?.. почто десница твоя не покарала изверга?"— Слезы сверкнули въ очахъ моихъ. Я увидѣлъ блескъ ихъ при полномъ сіяніи луны... Густая капля остановилась на щекѣ печальнаго отца... Я отеръ ее платкомъ моимъ—потомъ свою... Еще выкатилось по слезинкѣ... Я опять стеръ ихъ... Мнѣ показалось, что луна трепещетъ, вертится— и я вышелъ изъ смятенія... Друзья мои! друзья мои!.. Слезинка, остановившаяся въ глазу моемъ, сдѣлала сію оптическую ошибку".—[792].

Дѣйствіе повѣсти съ этого момента развивается быстро. Отчаяніе Ивана было безгранично, когда онъ увидалъ лежащія на берегу Волги вещи Софьи,—онъ рѣшилъ, что она утопилась, и самъ бросился въ рѣку...

Горе старика было тоже ужасно... Вдругъ является Софья; оказывается, она убѣжала отъ Евгенія. Узнавъ о смерти Ивана, она упала на его тѣло безъ сознанія и—умерла.

Съ тяжелымъ чувствомъ тоски простился авторъ съ собесѣдникомъ, и долго, до трехъ часовъ ночи, не спалъ онъ и смотрѣлъ изъ окна на далекую избушку и печальную гробницу,—

„смотрѣлъ—и горестная меланхолія накрыла меня чернымъ своимъ крепомъ... Сонъ окрестъ меня разсыпалъ маковые цвѣты... Я почувствовалъ свинцовый скиптръ на вѣждахъ моихъ и—успокоился. [793]

Въ повѣсти „*Филонъ*“ [794] тоже есть вставной эпизодъ, заставляющій вспомнить о Вертерѣ: молодые путешественники на одной изъ почтовыхъ станцій встрѣчаютъ юношу-Леванта, который своимъ видомъ сразу ихъ заинтриговалъ:

„странная задумчивость съ его стороны, прерываемая недоканчиваемыми словами,—словами безъ понятій... Судорожныя, вмѣсто отвѣтовъ, его движенія служили приступомъ къ нашему знакомству... Надлежало быть сердцу крайне-сжатому, чтобъ быть въ такомъ положеніи!“

„Спустя нѣсколько, ударивъ себя въ грудь—возможно ли?“—вскричалъ онъ... Мы уважили отчаянную его [illegible] и ожидали, доколѣ сердце его не расширится для разговора [illegible]... „Тиранъ!..“ закричалъ онъ опять“. [795].

Уже изъ этого приступа видно, что передъ нами—герой, опять близкій по настроенію къ Вертеру. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ, подобно Ліодору и другимъ такимъ же юношамъ, сразу началъ исповѣдь своего тоскующаго сердца. Оказалось, онъ любилъ какую-то Меланію, и она любила его. Во время его отъѣзда опекунъ Меланіи на ней женился... Разсказъ Леванта объ этой любви прерывается патетическими восклицаніями, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „лютыя мечты!“, „милыя уста!“, „ахъ, злодѣй!“ и проч... Когда юноша дошелъ въ своемъ разсказѣ до этого событія,—

„слезы заступили мѣсто словъ... Казалось, Фуріи, раздиравшія внутренность его, при сей громовой вѣсти, въ сердце его возвратились... „Небо!“—прервавъ въ бѣшенствѣ молчаніе, продолжалъ онъ,—„небо! что тогда надлежало мнѣ почувствовать?.. Но надежда меня еще не оставляла... Я еще ласкаюсь... съ яростью вбѣгаю въ залъ... втираюсь въ толпу злодѣевъ... ищу жертвы...“ Рыданія прервали его рѣчь“ [796].

Юные „чувствительные“ путешественники принялись его утѣшать,—но, въ то же время, они были счастливы: для нихъ было—

„сладко раздѣлять и самыя жестокія другихъ несчастія!“ [797]

Недаромъ въ одномъ мѣстѣ повѣсти встрѣчаемъ мы восклицаніе:

„О, чувствительность! мало ли ты имѣешь мученуновъ на свѣтѣ? и все, однако-же, прибѣгаютъ къ твоимъ жертвоприникамъ!.. Ты—мать нашихъ удовольствій, нашихъ горестей“ [798]

Несчастный юноша не лишилъ себя жизни, по его словамъ, только потому, что двѣ какія-то женщины, встрѣтившіяся ему ночью на пути, просили его о помощи. Онъ имъ помогъ, не всматриваясь въ ихъ лица: и вотъ изъ этихъ двухъ женщинъ одна оказалась его возлюбленной Меланіей, убѣжавшей отъ опекуна,—другая—ея прислугой... Встрѣча влюбленныхъ была самая потрясающая:

„...казалось, на нѣсколько минутъ души ихъ оставили тѣла ихъ и

сліялись во едино"... Громкое „ахъ!", произнесенное ими въ одно время, вывело ихъ изъ изступленія... Меланія въ безсиліи упала на облучокъ... Левантъ заключилъ ее въ объятія, и долгое время они казались лишившимися жизни... Всѣ мы онѣмѣли... Олимпъ и я стали подлѣ нихъ, опустивъ руки и дыша чистѣйшею эѳирною нѣжностію: а по другую сторону рогатки караульные, разинувъ ротъ, не зная причины сему происшествію..." II 798.

„Послѣ Омирова молчанія, слезы полились ручьями изъ глазъ нѣжнѣйшей четы; участіе, удивленіе, какой-то священный ужасъ, или, я не знаю что, обнялъ все наше существо!... Перлы покатились изъ очей нашихъ на головы нещастныхъ... Мы чувствовали всю сладость участія и, несмотря на текущія слезы, сердце наше тайно восхищалось, видя себя къ тому способнымъ!" 800.

Характерны заключительныя слова этого трогательнаго повѣствованія.

„...Дѣти! послушайте меня, съ робостію говорящаго къ вамъ,—послушайте желающаго быть вашимъ другомъ!.. Вы приготовляете себя для общества, для *человѣка*... Ежели вы, или ваши воспитатели, были столько осторожны, что кисть разврата не успѣла еще ни одной линіи провесть на вашемъ сердцѣ,—повѣрьте мнѣ, для нравственной вашей жизни, довольно только чувствовать, поражаться... Ищите трогательныхъ явленій,—принудьте себя быть оныхъ свидѣтелями!.. Часто нужно бываетъ избѣгать сухого моралиста, а о поражающихъ насъ приключеніяхъ, сожалѣть никогда!.. Часто изъ школы угрюмаго учителя выходимъ мы съ пустымъ хладнымъ сердцемъ, а на лицѣ нещастнаго читаемъ наставленіе, которое печатлѣется глубоко въ нашемъ чувственномъ составѣ!" 801.

„Дѣти!.. Не забудьте Стерна, Стерна и—Карамзина!" 802.

Очень также близка къ „Вертеру" повѣсть кн. Д. Горчакова: *„Пламиръ и Раида"* 803. Герой повѣсти, Пламиръ,—человѣкъ, выдающійся въ обществѣ: онъ красивъ, даровитъ, хорошо образованъ, надѣленъ „пламеннымъ сердцемъ", воображеніемъ и даромъ поэтическаго творчества,—„бѣдственныя выгоды для существа, гонимаго судьбою!" — заключаетъ авторъ перечень достоинствъ своего героя. Онъ рано разочаровался въ дружбѣ и любви, рано овдовѣлъ и, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, пріѣхалъ въ губернскій городъ, гдѣ и занялся самообразованіемъ и воспитаніемъ сына. Отъ всѣхъ —

„онъ удалялся, испытавъ всю непрочность привязанности человѣковъ—онъ хотѣлъ быть зрителемъ на театрѣ міра, и думалъ, что успѣлъ въ томъ совершенно" 804.

Авторъ, сочувствуя своему герою, восклицаетъ:

„Нещастной! „усталость" почиталъ онъ „безчувствіемъ", а „онѣмѣлость" сердца—„равнодушіемъ" 805

Собою онъ былъ очень интересенъ: особенно—

„...томная меланхолія,—слѣдствіе претерпѣнныхъ имъ горестей,—вмѣсто того, чтобъ погасить остатки красоты, дѣлала его еще болѣе привлекательнымъ“ [806].

Златимъ, богатый дворянинъ просилъ Пламира заниматься съ его дочерью. Хотя Пламиръ и далъ на это свое согласіе, но за новое дѣло взялся неохотно, — онъ произнесъ даже наединѣ, безъ слушателей, („самъ въ себѣ“) цѣлый монологъ, въ которомъ жаловался, что люди нарушаютъ его философское уединеніе... Но уже при первой встрѣчѣ со своею ученицею онъ былъ пораженъ:

„Величественной ростъ и красота лица сей дѣвицы остановили его. Большіе томные глаза, въ коихъ чувствительность души изображалась, какъ въ зеркалѣ, небеснымъ взглядомъ своимъ пронзили до внутренности его сердце, и внесли въ оное смущеніе раждающейся страсти. Пламиръ не отгадываетъ сего,—и чувство нѣжнѣйшаго пламени пріемлетъ за удивленіе видѣть въ отдаленномъ городѣ особу, толикихъ пріятностей исполненную“ [807].

При прощаніи—

„...послѣдній его взглядъ, устремясь невольно на Раиду, встрѣчаетъ взглядъ ея... Она краснѣетъ.. Огонь, оживотворившій щеки ея, проницаетъ въ душу Пламира, и зажигаетъ ее навѣки!.. Пламиръ уже страстенъ, а ниже о томъ сомнѣвается; уходитъ—но сердце его остается у ногъ Раиды“ [808].

Словомъ, опять повторяется исторія С.-Прё и Юліи,—отчасти Вертера,—такъ какъ Раида была уже невѣстой Блескара, пустого болтуна; Раида его не любила, но дала свое согласіе на бракъ, уступая желанію отца.

Пламиръ часто бывалъ у Раиды. Разъ онъ засталъ ее за книгой:

„...она читала „Вертера“, которой тогда только лишь вышелъ“.

„Я вамъ помѣшалъ, сударыня?“,—сказалъ онъ.—„Ни мало... напротивъ, я очень рада вашему пріѣзду!“—отвѣчала она.

„Однако, эта книга такъ занимательна,—вы изъ вѣжливости ее оставили?“.

„Этому можно помочь, и отъ васъ зависитъ сдѣлать мнѣ еще больше удовольствія“. — „Какимъ образомъ?“ — „Вы такъ хорошо читаете!.. Я могу васъ слушать“.—

И вотъ, Пламиръ взялъ „Вертера“ и началъ читать... Читалъ онъ мастерски,—съ выраженіемъ...

„Пламенной слогъ автора получалъ новую душу въ устахъ Пламира... Всѣ оттѣнки чувствованій были выражены со всею точностію. Пламиръ находилъ подлинникъ сей книги въ сердцѣ своемъ, а сердце выражать умѣетъ!.. Раида сидѣла возлѣ него. Нечувствительно голова ея почти наклонилась на плечо Пламира; локоть ея касался его локтю;

взоры на него устремлялись; его голосъ проницалъ ей до внутренности сердца, и она чувствовала такъ, какъ онъ выражалъ... Дыханіе ея становилось тягостно... По окончаніи одного періода, гдѣ авторъ изображалъ весь огнь пылающей любви, Пламиръ остановился, взглянулъ на Раиду... Взоры ихъ встрѣтились,—и взаимное чувство, подобно электрической искрѣ, мгновенно изъ одного въ другаго переселилось, и сотрясло сердца ихъ... „Повторите это мѣсто!"—сказала трепещущимъ голосомъ Раида.—„Которое, сударыня?"—Голосъ уже исчезъ на устахъ ея,—и она молча указала на книгу... „Вотъ, гдѣ я его повторить долженъ!",—сказалъ Пламиръ, бросаясь къ ногамъ ея... „Божественная Раида!.. сколь слабы всѣ рѣчи автора для изъясненія того чувства, которое въ меня ты вселила!.. Ему-ль... ему ли, хладному писателю, выражать огнь, пожирающій сердце мое?.. Я люблю тебя, Раида!.. больше жизни моей люблю! и есть ли взаимное чувствіе не наполняетъ сердца твоего,—нѣжный, отрадный Пламиръ погибъ!" [810].

Раида едва вырвалась изъ объятій Пламира.

„Что я дѣлаю!"—вскричала она. „Ахъ! мнѣ нельзя быть твоею!"—„Нельзя быть моею?"—сказалъ Пламиръ. „Какая власть, какой Богъ можетъ отнять у меня Раиду, если она сама мнѣ отдается?... Нужна ли для того вся кровь моя, вся жизнь моя?.. Я ими жертвую съ охотою!.." [811].

Оказывается, Раида до этого момента еще ничего не сказала Пламиру о томъ, что она сговорена... И вотъ, разсказавъ патетическую сцену объясненія, авторъ разражается восклицаніями о всемогуществѣ любви [812]...

Затѣмъ, Раида, въ длинномъ монологѣ, выражаетъ тоску своей взволнованной души,—она хочетъ открыться отцу, и не рѣшается это сдѣлать.

„Она видѣла, что ея любовникъ—необыкновенной, что пламенныя чувства, всегдашніе спутники дарованій, исключали его изъ числа тѣхъ хладныхъ волокитъ, кои за должность почитаютъ не подходить къ женщинѣ, безъ объясненія расхожей любви своей, и коихъ мертвенное сердце никогда не принимаетъ участія въ вытверженныхъ наизусть привѣтствіяхъ. Пламиръ или не глядѣлъ на женщину, или боготворилъ ее.. Чувствительность души его не могла иначе развернуться, какъ съ чрезмѣрностію: она была ничтожна, или—огнь, всепожирающій"...

Раида „нашла въ немъ душу, своей соотвѣтствующую, и рѣшилась погибнуть, или быть его" [812].

Она дала ему свой портретъ.

„Все время, которое (онъ) не былъ съ Раидою, любовался онъ ея портретомъ, — лобызалъ его, прижималъ къ сердцу,—иногда, въ изступленіи поклонялся ему, какъ нѣкоему божеству!.. Каждой день отыскивалъ новыя совершенства въ чертахъ своей любовницы; соображалъ ихъ съ душевными ея качествами,—и новый Лаватеръ находилъ между обѣими совершенное сходство" [813].

„О, сколько онъ любилъ ее!.. Каждой день больше и больше!.. Онъ не могъ жить минуты безъ нея, или безъ ея изображенія!.. Съ какою нетерпѣливостію, жадностію онъ ожидалъ минуты, долженствующей рѣшить его судьбу... Она настала, сія ужасная минута... О, вы, которые, получа отъ небесъ чувствительную душу, будете читать повѣсть сію!.. вы, конечно, почтите слезою своею жребій нещастныхъ, достойныхъ лучшей участи!“ [814].

Раида сказала отцу о своей любви къ Пламиру. Но отецъ рѣшительно возсталъ противъ выбора дочери. Происходитъ патетическая сцена... Отецъ проявляетъ всю свою ярость, и дочь падаетъ въ обморокъ...

Тогда отецъ увезъ Раиду въ деревню и обвѣнчалъ „подъ пистолетомъ“, угрожая убить ее и себя въ случаѣ ея отказа... Пламиръ, бывшій въ неизвѣстности, гдѣ скрыта Раида, произноситъ патетическіе монологи, въ духѣ С.-Прё и Вертера. Узнавъ о свадьбѣ возлюбленной, онъ „окаменѣлъ“ отъ горя —

„Онъ не стеналъ, не плакалъ, даже не думалъ ничего... Чрезмѣрныя нещастія совершенно отнимаютъ у насъ на нѣсколько времени способность мыслить,—въ тотъ часъ не имѣешь никакого намѣренія, не дѣлаешь никакого предпріятія; почти бытія своего не ощущаешь. Таковъ былъ Пламиръ... Пріѣхавъ домой, какъ истуканъ, входитъ въ комнату... Съ стороны онъ показался бы спокойнымъ... Сіе было спокойствіе смерти...“ [815].

Въ это время сынъ его захворалъ; разгорѣвшіяся щеки младенца поразили Пламира своимъ видомъ.

„Что! ты, мой другъ?“—„Голова болитъ, папинька“.—„Отчегожъ, мой милой?“—„Не знаю, папинька“.—Сей послѣдній вопросъ довольно показываетъ, странностію своею, разстройку его мыслей“ [816]

Оказывается, ребенокъ заболѣлъ оспой... Заботы отца о спасеніи его жизни не помогаютъ,—и ребенокъ умираетъ [817]. Оставшись одинокимъ, Пламиръ задумался о самоубійствѣ...

„Самоубійство представляется уму его единственнымъ прибѣжищемъ; но правила, съ младенчества имъ принятыя, отражаютъ мысль сію... Однако-же жить ему не можно,—всѣ узы, къ жизни его привязующія, прерваны; всѣ связи съ міромъ разрѣшены; нѣтъ во вселенной предмета, которой бы не былъ ему ножемъ, въ сердце вонзеннымъ!. Онъ всѣмъ и самъ собою гнушается“ [818].

„Умремъ!“—сказалъ онъ, кровавый вздохъ испустя изъ глубины растерзаннаго сердца... „Умремъ... но не какъ подлый невольникъ, украдкою бѣгущій отъ господина своего... умремъ такъ, какъ мы жили!.. съ пользою кому-нибудь!“ [819]

И вотъ, онъ уѣзжаетъ за границу и поступаетъ въ полкъ, идущій на войну...

Передъ отъѣздомъ онъ пишетъ прощальное письмо Раидѣ.

„Я ѣду умереть!.. Ты будешь довольна... На что жизнь мнѣ безъ тебя?.. безъ тебя, которой я посвятилъ всѣ чувствія души моей... безъ тебя, которой небесныя дарованія почиталъ я основанными на чувствительности сердца!.. Увы! онѣ были орудіемъ гибели моей... Ранда!. ты могла мною пожертвовать!.. ты!.. съ такою жестокостію!.. и кому?.. я не вымолвлю его... Прости .. все для меня погибло... все, кромѣ пламенной къ тебѣ страсти, которая въ раздранномъ тобою сердцѣ до послѣдняго издыханія пребудетъ!“ — 821

Выѣзжая изъ города, Иламиръ прощается съ нимъ:—

„возводитъ на небо томные взоры... Всплескиваетъ руками... „Городъ, возопилъ онъ, городъ, гдѣ я, усладя горести мои, начиналъ, было, наслаждаться покоемъ!.. я выѣзжаю изъ тебя тьмократно нещастнѣе, нежели въ тебя въѣхалъ!.. Прости! . ты больше не услышишь стенанія моего!.. земля твоя не окропится болѣе моими слезами, и имя мое изгладится вовѣкъ изъ памяти жителей твоихъ!.. О! естьли бъ я никогда не въѣзжалъ въ тебя!“—и повергся полумертвый въ коляску, а колокольчикъ полнымъ звономъ своимъ возвѣстилъ, что въ О. сдѣлалось меньше однимъ нещастнымъ“ 822.

Въ это время Ранда умирала отъ чахотки... Отецъ былъ въ отчаяньи и жалѣлъ о томъ, что, въ свое время, не исполнилъ ея желанія.

Иламиръ на войнѣ былъ смертельно раненъ, при чемъ пуля попала въ портретъ Ранды, висѣвшій на его груди... Онъ умеръ съ мыслями о ней. Между тѣмъ, медленно-угасавшая Ранда вела несчастную жизнь и тоже умерла, узнавъ объ его кончинѣ —

„и страстная душа ея въ жилищѣ праведныхъ соединилась уже съ душою вѣрнаго своего Иламира“ 822.

— такъ заканчиваетъ авторъ свой разсказъ.

Такимъ образомъ, общая схема этого романа болѣе приближается къ „Новой Элоизѣ“, лишь съ нѣкоторымъ отличіемъ въ деталяхъ и въ развязкѣ: герой—вдовецъ съ малолѣтнимъ сыномъ, и умираетъ на полѣ брани; героиня выдана замужъ и умираетъ съ горя... Такъ смягчаетъ авторъ суровость развязки „Вертера“— тамъ несчастный герой умираетъ и при томъ отъ собственной руки, — а героиня остается счастливой... Такимъ образомъ, изъ романа Гёте взята печальная развязка (хотя смягченъ ея характеръ: вмѣсто „самоубійства“—смерть на войнѣ—и, главнымъ образомъ, заимствованы „настроенія“ вертеровскаго характера... Совмѣстное чтеніе, значеніе портрета героини, отчаяніе героя, — наконецъ, исканіе смерти на войнѣ, въ сущности, равное „самоубійству„—все это тоже, правда, въ разной мѣрѣ, напоминаетъ „Вертера“...

Въ этой повѣсти психологическіе пріемы, при помощи кото-

рыхъ авторъ раскрываетъ душу героевъ, отчасти примѣняются старые, — то авторъ самъ разсказываетъ, что́ происходитъ въ душѣ героевъ. Напр.,—

„Ядъ, влившійся въ сердце его, начиналъ дѣйствовать, и первое онаго слѣдствіе была скука, которую стало наносить ему уединеніе. Упражненія его сдѣлались ему тошны, а нѣжныя ласки сына въ тягость“ 823.

„О! сколько онъ любилъ ее!.. каждый день больше и больше!.. Онъ не могъ жить минуты безъ нея, или безъ ея изображенія... Съ какою нетерпѣливостью, жадностію, онъ ожидалъ минуты, долженствующей рѣшить его судьбу!“ 824

—иногда онъ заставляетъ героевъ вслухъ, въ разговорѣ наединѣ, „съ самимъ собою“, раскрывать свои чувства:

„что́ будетъ со мной?“—говорила, оставшись одна, Раида. „Какъ перемѣнить судьбу мою?“

„Какъ умягчить непреклоннаго, строгаго отца?.. Есть-либъ время!... Но оно такъ коротко!“

— иногда, по старому, вводитъ онъ патетическіе монологи,— напр.,—

„Нѣтъ! я не оставлю дома твоего, жестокосердый человѣкъ!“—вскричалъ Пламиръ. „Я умру у ногъ твоихъ,—или получу Раиду!.. Кто таковъ сей Блескаръ?.. По крайней мѣрѣ, любить онъ больше меня не умѣетъ!.. Я пойду оспаривать у него невѣсту мою на край вселенныя... въ адъ!“ 826.

Широко воспользовался онъ и новыми пріемами: напр., онъ удачно, при помощи живыхъ „діалоговъ“ (при чемъ усложняетъ этотъ пріемъ старымъ: характеризуя, при помощи внѣшнихъ проявленій—состояніе взволнованной души)—раскрываетъ сердца обоихъ:

„Не правда ли Раида“, сказалъ Златимъ, „что мы нечаянно встрѣтили здѣсь прекрасное знакомство?“—„Да, батюшка!“—„Пламиръ очень любезенъ!“... „Кажется“...—„Знаешь-ли, что онъ—человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ...“—„Я-съ это слышала...“—„А не примѣтила?“—Раида почти закраснѣлась... Онъ продолжалъ: „Ты въ обществѣ его много занять можешь, и тѣмъ болѣе полюбиться Блескару“... Тутъ Раида стремительно отвернулась, чтобы скрыть блѣдность, которую смертный хладъ, объявшій сердце, распростеръ на лицѣ ея... Нещастная!“

„Наконецъ, онъ пріѣхалъ!“—кричитъ старикъ. „Кто, батюшка?“— сказала трепещущимъ голосомъ Раида, какъ бы предчувствуя ударъ, долженствующій сразить ее... „Блескаръ“—Раида поблѣднѣла, затрясшись... „Что́ съ тобою сдѣлалось?“—спрашиваетъ отецъ ея. „Батюшка... онъ!..“—„Ну! онъ... чтожъ?.. онъ пріѣхалъ для окончанія свадьбы!“ — „Никогда!..“—и повергласъ безъ памяти къ ногамъ Златима“ 827.

Характеренъ также тотъ субъективизмъ, который, мѣстами, ярко окрашиваетъ эту повѣсть, въ видѣ, напримѣръ, такихъ восклицаній, идущихъ отъ лица автора:

„О, вы, которые, получа отъ небесъ чувствительную душу, будете читать повѣсть сію!.. вы, конечно, почтите слезою своею жребій нещастныхъ, достойныхъ лучшей участи!“ [828].

Въ 3-ей части сборника сочиненій кн. Шаликова: *„Плодъ свободныхъ чувствованій“* [829] (3 ч. М. 1798) помѣщенъ разсказъ: *„Темная Роща, или памятникъ нѣжности“*.

Начинается повѣсть съ „прелюдіи“, въ которой нетрудно примѣтить оссіановскія настроенія, хорошо знакомыя намъ по всѣмъ предшествовавшимъ произведеніямъ. Авторъ сразу вводитъ читателя въ эти „настроенія“, сразу опредѣляя этимъ тонъ всей повѣсти.

„Шумите уныло, березы и осины! шумите для симпатическаго удовольствія чувствительной души!“.. Рука любви изображала на корѣ вашей безцѣнное имя своего предмета! Тѣнь ваша освѣжала томное сердце любезнѣйшей изъ женщинъ,—вы были единственными свидѣтелями ея слезъ, ея надежды, ея щастья!.. Дремлющія сосны! вы, которыя мрачными сводами густыхъ, вѣчно-зеленыхъ вершинъ своихъ осѣняете трогательный памятникъ нѣжности—шумите для сладкой скорби друзей меланхоліи!“ [830].

Затѣмъ слѣдуетъ патетическое воззваніе автора къ человѣческому „сердцу“:

„О, сердце! какъ покорить тебя подъ свинцовой скипетръ рока!.. какъ располагать движенія твои по его мановенію!“ [831].

Затѣмъ уже онъ приступаетъ къ самому разсказу. Нина страстно любила Эраста и пользовалась, съ его стороны, взаимностью. Любовь ихъ была въ „новомъ вкусѣ“ — въ духѣ любви С.-Прё и Вертера.

„Время и пламенная страсть Эраста къ Нинѣ довели пылкую душу его до того *періода* чувствованія, гдѣ разрываются всѣ *оплоты*“ [832].

Конечно, у нихъ были и сердца особыя, „избранныя“, и, къ тому же, родственныя:

„Никогда два сердца одно для другаго не были сотворены совершеннѣе: кажется, природа раздѣлила одно сердце на двѣ половины, и положила одну въ грудь Нины, другую—въ грудь Эраста, съ тѣмъ, чтобы они составили его со временемъ опять... Но судьба!.. ахъ! сама природа слаба передъ нею!“ [833].

Нина жила въ деревнѣ; Эрастъ – въ городѣ. Нина любила бродить въ темной рощѣ, и вездѣ на корѣ вырѣзывала его имя —

„романическія воображенія мѣшались съ мыслями о предметѣ любви ея... Чувства ея настраивались къ неизъяснимымъ сладости мечтаній“ [834].

Но родители Нины совсѣмъ не понимали ея романическихъ настроеній:

„Отецъ и мать ея были изъ числа этихъ, весьма обыкновенныхъ, отцовъ и матерей, которые предназначаютъ цѣну дочерямъ своимъ, какъ какой-нибудь вещи“.

Вотъ почему они мечтали о томъ, чтобы выдать ее за богатаго...

„у Эраста, по нещастью, была только одна его собственная прекрасная душа. Нѣжное, доброе сердце, Музами образованный разумъ; Достаточныя знанія составляли остальное его богатство!“

Эрастъ не завидовалъ людямъ „богатымъ“, и вообще „баловнямъ счастья“. Однажды онъ сказалъ Нинѣ:

„Знаешь-ли, милая... что я никогда не желалъ быть „любимцемъ щастья“! Эти „любимцы“ мнѣ очень... очень не нравятся!—и не безъ причины... я нашелъ, что люди съ истинными достоинствами, съ дарованіями рѣдко, или никогда, не попадаютъ въ милость къ этой своенравной богинѣ вселенной... Фавориты ея всегда легкомысленны, невѣжи, ни къ чему не интересны, ни къ чему не способны—однимъ словомъ: дрянь!“ 836.

Въ тихихъ радостяхъ раздѣленной чистой любви, проходили дни, недѣли, мѣсяцы ихъ молодой жизни...

Однажды вечеромъ они встрѣтились—

„Это былъ тотъ часъ, когда романическія красоты природы кажутся еще болѣе романическими отъ таинственнаго сумрака, которой, сгущая тѣни зеленыхъ рощей и опуская занавѣсъ въ половину на отдаленные предметы, даетъ воображенію всю волю бродить въ кучѣ предметовъ, имъ самимъ сотворенныхъ—бродить въ химерическомъ, чудесномъ, очаровательномъ свѣтѣ... Для горестной души есть какое-то удовольствіе во мракѣ вечера“... 837.

Они предавались сладкимъ мечтамъ на лонѣ природы, и немудрено, что случайная встрѣча привела ихъ сразу къ патетическому объясненію.

„Небо будетъ свидѣтелемъ чистыхъ наслажденій любви нашей, а сердце—порукою за ненарушимость невинности ихъ!“ — сказалъ Эрастъ... „Мы можемъ быть удостовѣрены, что насъ не увидятъ здѣсь“—сказалъ Эрастъ—и пламенные, электрическіе поцѣлуи склеили уста ихъ, потрясли душу, сердце—все существо ихъ!.. Какое положеніе!.. Какая минута!.. ахъ, съ вами ли Ангелъ, Хранитель невинности вашей?“ (восклицаетъ встревоженный авторъ). ...Они пылали, млѣли... свѣтъ исчезалъ передъ ними!—все умолкло для нихъ,—одни чувства были вселенною и закономъ ихъ!.. Но вдругъ внезапный сильный ударъ грома, угавшій подлѣ упоенныхъ любовниковъ, остановилъ ихъ на краю бездны... Эрастъ и Нина содрогнулись... Какъ пораженные, отступили другъ отъ друга въ ужасѣ,—добродѣтель отозвалась на гласъ неба въ сердцахъ ихъ—и восторжествовала“! 838.

Авторъ восклицаетъ по этому поводу:

„Ахъ! кто можетъ отвѣчать за чувства свои! кто можетъ утвер-

ждать, что строгой разсудокъ всегда удержитъ надъ ними владычество свое?" [839].

Затѣмъ онъ размышляетъ самъ съ собою о силѣ случая въ жизни человѣка, о власти природы и, въ заключеніе, обращается къ героинѣ:

„Нина! нѣтъ такого твердаго зданія, ни въ физикѣ, ни въ морали, которое бы устояло противъ руки Природы"! [840].

Между тѣмъ, заботливые и практичные родители нашли, наконецъ, своей дочери подходящаго жениха. Узнавъ объ этомъ, взволнованная Нина произноситъ патетическій монологъ на тему—или Эрастъ, или монастырь... Свою рѣчь она заканчиваетъ такими словами:

„Небо будетъ свидѣтелемъ... ежели не Эрасту отдамъ руку мою—такъ какъ я отдала ему мою душу, мое сердце—то никто на свѣтѣ!.. и монастырь будетъ тихою пристанью отъ бури, возставшей на зарѣ моей жизни!" [841].

Затѣмъ она опять произноситъ монологъ, взываетъ къ злой судьбѣ, выражаетъ опасенія, что Эрастъ лишитъ себя жизни, если узнаетъ, что она рѣшила уйти въ монастырь...

Узнавъ о рѣшеніи Нины, Эрастъ тоже пришелъ въ неописанное волненіе,—онъ рѣшился отказаться отъ такой жертвы со стороны дѣвушки.

„Нѣтъ, Нина! такая жертва ужаснѣе для меня всего на свѣтѣ!.. Послушай, милая!"—продолжалъ онъ послѣ мрачнаго молчанія: „многимъ непонятно, и знаю, что любовь могла быть безъ всякаго эгоизма; чтобъ мы могли любить предметъ любви нашей болѣе самихъ себя,—то-есть, чтобы могли отказаться отъ собственнаго наслажденія для нѣкоторой его выгоды" [842].

—и вотъ онъ хочетъ явить на себѣ примѣръ такой безкорыстной любви,—и великодушно возвращаетъ ей ея слово; но она отказывается его брать. Растроганный, онъ—

„бросился къ ногамъ ея... рыдалъ... клялся умереть съ сильнѣйшею любовью къ ней на свѣтѣ... „Что бы ни предназначала мнѣ судьба моя"—сказалъ онъ съ огнемъ страсти: „но обожать тебя будетъ сладостнѣйшимъ чувствомъ души моей до гроба!" [843].

Когда Нина рѣшительно заявила родителямъ о своей любви къ Эрасту, отецъ очень разсердился и сказалъ:

„у тебя набита голова модными химерами, романами!.. О, эти романы! нѣсколько лѣтъ назадъ, когда не знали дѣвицы и имени романа, родительская воля была для нихъ и умомъ, и сердцемъ,—не умѣли говорить о женихѣ, котораго отецъ и мать предлагали имъ: „онъ мнѣ не нравится", „онъ не любезенъ"... Онъ богатъ, чиновенъ,—и болѣе ничего!" [844].

Въ отвѣтъ на это, Нина устроила родителю цѣлое предста-

вленіе, съ монологами въ стилѣ bavardage... Въ концѣ концовъ, отецъ увезъ ее въ монастырь... Эрастъ, узнавъ объ ея мѣстопребываніи, ворвался въ монастырь и кричалъ тамъ „дикимъ голосомъ, со свирѣпымъ взоромъ“.

И на слѣдующій день послѣ этого онъ уже вполнѣ вошелъ въ роль Вертера.

Проведя безсонную ночь, —

„имѣя съ разсвѣтомъ онъ вышелъ изъ кабинета въ шляпѣ, съ палкой, съ блѣднымъ лицомъ, съ распухлыми глазами и пошелъ поспѣшно за городъ“ [845].

Онъ направился въ любимую рощу Нины,—тамъ „цѣловалъ каждое дерево“,—мечталъ о смерти, падалъ въ обморокъ... Цѣлый день до ночи бродилъ онъ въ рощѣ... Домой вернулся больнымъ: „ужасная тоска и бредъ“ его мучили. Скоро онъ умеръ... Смерть его описана авторомъ въ такихъ словахъ:

„лекарь находитъ его въ страшномъ горячкѣ... Предлагаетъ ему бросить кровь... Эрастъ противится, и черезъ два дня хладныя объятія смерти замараживаютъ кипящую кровь его!... Отираю слезы мои“! [846].

Всѣ въ городѣ жалѣли его, но думали, что Нина, узнавъ объ смерти возлюбленнаго, все же скоро утѣшится и выйдетъ замужъ. По этому поводу авторъ восклицаетъ:

„Безчеловѣчные люди! какъ худо извѣстно вамъ, что есть нѣжное, чувствительное сердце,—что есть истинное глубокое чувство!.. Вы судите по собственному своему сердцу... по собственному сердцу!.. Нѣтъ, нѣтъ! вы не имѣете совсѣмъ его... или бы оно внушило вамъ сколько-нибудь любви, состраданія!.. Камень лежитъ, вмѣсто сердца, въ груди вашей!“ [847].

Узнавъ о смерти возлюбленнаго, Нина упала въ обморокъ, потомъ заболѣла и вскорѣ умерла, произнеся передъ смертью трогательный монологъ.

Раскрывая душу героевъ, авторъ пользуется и старыми пріемами и новыми.

Такъ неразъ онъ самъ повѣствуетъ о томъ, что́ происходитъ въ сердцахъ дѣйствующихъ лицъ. Напр.,—

„время и пламенная страсть Эраста къ Нинѣ довели пылкую душу его до того періода чувствованія, гдѣ разрываются всѣ оплоты,—гдѣ никакая сила не можетъ остановить быстраго стремленія сердца; гдѣ закрываются глаза наши на будущее,—и мы видимъ въ немъ одну пріятную картину блаженства“ [848].

„Кто можетъ описать, что̀ сдѣлало съ нимъ это извѣстіе?—Для такихъ описаній языкъ не имѣетъ выраженій, природа—цвѣтовъ, воображеніе—образовъ... Бѣжать съ пистолетами къ отцу ея.. прострѣлить ему сердце... и потомъ прострѣлить свое—было желаніе перваго движенія души его!“ [849].

Иногда онъ дѣлаетъ психологическія „отступленія“ и высказываетъ сентенціи, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей:

„любовь умѣетъ находить утѣшеніе; надежда—вѣрнѣйшая ей подруга; она никогда—никогда не оставляетъ ее!“ [850]

По старому онъ, при помощи патетическихъ монологовъ, раскрываетъ души героевъ въ моментъ ихъ подъема: напр.,—

„Какъ приметъ это извѣстіе Эрастъ?“—думала она; „что сдѣлается съ нимъ!.. Онъ услышитъ страшный приговоръ свой къ жестокой казни.. Онъ умретъ отъ горести... О, злобная судьба!.. Но я удержу жизнь его увѣреніемъ, что никакая власть на свѣтѣ не принудитъ меня принадлежать другому; что жизнь моя будетъ сопряжена съ нимъ, или монастырь... Монастырь!“ [851]

Для раскрытія затаенныхъ чувствъ героя и героини прибѣгаетъ онъ также къ помощи изображенія внѣшнихъ признаковъ внутренняго волненія. Напр.,—

„Разсѣянное молчаніе, нѣжный взглядъ, вздохъ, слезы—довольно этотъ отвѣтъ объяснилъ ему участь его—участь, которую нельзя промѣнять на всѣ короны міра!“ [852]

Кромѣ этихъ обычныхъ способовъ раскрывать душу дѣйствующихъ лицъ, вводитъ авторъ и раскрытіе души героевъ при помощи пейзажа, окрашеннаго извѣстнымъ колоритомъ соотвѣтствующаго настроенія. Напр..—

„особливая пріятность Майскаго вечера, тихой закатъ солнца, глубокое безмолвіе природы, величественный видъ дикой рощи, послѣдніе гимны пернатыхъ ея обитателей, томное расположеніе души его, живое чувство контраста между мирнымъ состояніемъ природы и волненіемъ его сердца—все это настроило воображеніе и чувства его къ такимъ мечтамъ и восторгамъ, которыя дѣлаютъ насъ въ эти минуты совсѣмъ другими людьми... Быстрыя необыкновенныя мысли, тонкія, нѣжнѣйшія ощущенія сердца развиваютъ новыя способности въ душѣ нашей... Самый разумъ очищается тогда отъ всякаго ложнаго понятія, отъ всякаго случайнаго предубѣжденія, и сіяетъ—подобно лучезарному солнцу—надъ мракомъ заблужденій... Какія минуты для образованія ума и сердца—для узрѣнія темныхъ, великихъ истинъ!.. Щастливъ тотъ, кто умѣетъ пользоваться ими!“— [853]

Вводитъ авторъ два раза „судьбу“, разъ „фортуну“, какъ верховную вершительницу дѣлъ человѣческихъ...

Конецъ повѣсти представляетъ собою патетическое воззваніе автора къ героинѣ.

„Нина, Нина! ты лучшей участи была достойна!.. Природа хотѣла щастія твоего! она дала тебѣ разумъ—сердце Эраста... Но ахъ! бѣдственный предразсудокъ человѣческій отнялъ у тебя всѣ дары ея прежде, нежели ты могла воспользоваться ими!.. О, Нина, Нина!—“ [854]

Небольшая повѣсть неизвѣстнаго автора *„Флейта“* [855] тоже примыкаетъ отчасти къ „Вертеру“, отчасти къ „Новой Элоизѣ“.

Содержаніе повѣсти слѣдующее: авторъ, большой любитель природы, заѣхавъ въ одинъ русскій провинціальный городъ, отправился гулять, любуясь его окрестностями, и забрелъ на кладбище. Здѣсь онъ предался соотвѣтствующимъ настроеніямъ:

„Ахъ! какое прелестное сіе мѣстоположеніе, когда я, пришедши, разглядѣлъ его!.. Земля со всѣхъ четырехъ сторонъ скатами; на самомъ возвышеніи стоитъ небольшая каменная церковь; два ряда состарившихся вязовъ ограждаютъ сіе смирное убѣжище; внизу, вокругъ почти всего пространства, обтекаетъ маленькій ручеекъ... Меланхолическая тишина придаетъ красоту освященному мѣсту сему,—лишь тихое помаваніе вѣтвей древесныхъ, какъ нѣкій таинственный глаголъ, проницало мою душу: „останься здѣсь, усталый странникъ...“ [856]

Вдругъ вниманіе его было привлечено видомъ какого то тоскующаго господина—

„Шаги его были шаги печальнаго. . Я скоро догналъ его... Нѣкое тайное влеченіе души моей сближало меня съ симъ огорченнымъ незнакомцемъ, - и я полюбилъ его, и за непремѣнное положилъ свесть съ нимъ знакомство“ [857].

Авторъ долго наблюдалъ за нимъ, пока тотъ горевалъ на одной могилѣ, а потомъ пошелъ за нимъ слѣдомъ, чтобы узнать, гдѣ онъ живетъ.

Затѣмъ, на слѣдующій день, авторъ явился къ несчастному. Обстановка его комнаты была самая печальная.

„Но что всего больше меня удивило, и остановило на себѣ глаза мои—это стоящая на окнѣ флейта, обвитая такъ же, какъ и портретъ, чернымъ флеромъ“.

На флейтѣ были написаны слова:

„Какъ я люблю слушать эту флейту!.. какъ я люблю его!“ [858]

Авторъ началъ съ того, что самъ разсказалъ незнакомцу свою печальную исторію и затѣмъ сталъ, въ свою очередь, выспрашивать его о причинахъ его горя—

„...Ничто такъ скоро не сближаетъ сердца людей, какъ сходство нещастій!“ [859]—

— объясняетъ авторъ свое неожиданно-быстрое сближеніе съ незнакомцемъ.

Дѣйствительно, тотъ оказался очень откровеннымъ, и, выслушавъ разсказъ автора, сейчасъ же началъ свою исповѣдь въ такомъ патетическомъ тонѣ:

„Ахъ! какая разность между твоимъ жребіемъ и моимъ!.. Ты—нещастливъ теперь, это—правда; но лучъ надежды, сей бальзамъ страждущихъ сердецъ, не озаряетъ ли иногда души твоей?“ [860]

Оказывается, онъ съ дѣтства былъ мечтательнымъ, меланхоличнымъ ребенкомъ, и больше всего на свѣтѣ любилъ чтеніе... Выросъ онъ тихимъ, чувствительнымъ юношей... Отецъ женилъ его, противъ его воли, на богатой дѣвицѣ, которая, впрочемъ, оказалась вполнѣ добродѣтельной и искренне его полюбила. Десять лѣтъ прожили они относительно-счастливо. Такъ какъ дѣти ихъ всѣ перемерли, то супруга взяла на воспитаніе дѣвочку-Софью. Когда эта Софья подросла, онъ влюбился въ нее, она—въ него. Признаніе ихъ произошло слѣдующимъ образомъ: однажды онъ вошелъ въ свой кабинетъ—

„Софья, въ величайшемъ углубленіи, сидѣла, облокотясь на бюро; лѣвая рука поддерживала склоненную ея голову, правою писала она карандашемъ на флейтѣ моей... Нѣжное умиленіе много-участвующей души и изображалось на лицѣ ея... Я вошелъ немедленно... Приходъ мой заставилъ ее взглянуть... Взоры наши встрѣтились... Софья оторопѣла... Прелестный румянецъ въ одно мгновеніе покрылъ ея щеки... Писавшая рука вдругъ остановилась,—и флейта, отъ сильнаго ея движенія, покатилась къ ногамъ моимъ".

„Великій Боже!.. Какъ возможъ пережить тотъ счастливый моментъ— а я читалъ, что вы давича читали!.. „Она меня любитъ... любитъ!"— вскричалъ я, наконецъ,—и не могъ ничего выговорить больше,—огненные поцѣлуи мои ссыпали безцѣнное сіе начертаніе... Кто самъ любилъ и былъ любимъ взаимно,—пусть онъ вспомнитъ о той минутѣ, въ которую узналъ о своемъ щастіи!" [861]

„Съ сего времени душа моя сдѣлалась хаосомъ блаженства и отчаянія,—восторговъ и упрековъ!" [862]

Борьба долга со страстью, завладѣвшая тихимъ сердцемъ разсказчика, обстоятельно изображена въ его повѣствованіи. Жена его, будучи въ это время безнадежно-больной, замѣтила ихъ взаимную любовь, и сама предложила мужу, послѣ ея смерти, жениться на Софьѣ... Но—

„Рокъ собиралъ надо мною грозную тучу, — насталъ день, въ который разразилась она" [863]

— продолжаетъ свою печальную повѣсть разсказчикъ. Софья умерла отъ оспы. Впечатлѣніе отъ разсказа и на самого разсказчика и на его слушателя было потрясающимъ...

„Послѣднія слова замерли на его устахъ... Сердце у меня ныло... слезы полились изъ глазъ моихъ".—„О, Юнгъ!" подумалъ я тогда: „безсмертный Юнгъ! какъ справедливо сказалъ бы тогда: „Qu'un coeur sensible est un cruel present de la Divinité!"

„Милая тѣнь! прости мнѣ, что я осмѣлился слабымъ перомъ моимъ описать нещастія твои!" [864]

Изъ пересказа, сдѣланнаго мною, видно, что вліяніе Руссо и Гёте сказалось не столько на содержаніи, сколько на характерѣ

этого произведенія,—на его стилѣ, на психологической его сторонѣ: изображеніе страсти, переходы страсти въ грусть, борьба долга съ любовью... Кромѣ того, своеобразный «сентиментальный паѳосъ» разсказа, наличность живыхъ діалоговъ,—все это должно быть отнесено къ особенностямъ, на которыхъ сказалось сильное вліяніе всѣхъ означенныхъ писателей...

Настроенія „вертеровскія" встрѣчаются также въ маленькой повѣсти: „*Переславское озеро*" К—ы С—вой [865] (Сушковой?). Въ этой повѣсти писательница выступаетъ въ той роли, въ какой мы видѣли Карамзина (въ „Ліодорѣ"): она—„прекраснодушная" дѣвица, надѣленная „чувствительностью" и непреодолимымъ интересомъ къ трогательнымъ событіямъ... Почти во всѣхъ предыдущихъ повѣстяхъ мы всегда встрѣчали такихъ же „чувствительныхъ" авторовъ, которымъ „Вертеры" охотно пишутъ письма, отдаютъ свои дневники, или откровенно разсказываютъ о страданіяхъ своихъ разбитыхъ сердецъ... Писательница такъ рекомендуетъ себя:

„Я не привыкла углубляться въ метафизическія идеи,—ни вымышлять чрезвычайныхъ происшествій; но когда зашумятъ крылья скуки, и уныніе готово овладѣть моей душою, то привожу себѣ на память какое-нибудь пріятное зрѣлище—и тѣмъ стараюсь возстановить свое спокойствіе" [866].

И вотъ, однажды, въ мечтательномъ настроеніи, въ поискахъ „трогательнаго", и „пріятнаго зрѣлища", писательница отправилась въ уединенную прогулку; это было—

„...въ одинъ изъ оныхъ дней, въ которые Природа облекается въ трауръ—можетъ быть, сострадая со своими любимцами и друзьями, или и по кончинѣ ихъ" [867].—

Она прогуливалась—

„по берегамъ Переславскаго озера... Видѣла, какъ солнце, въ уклоняющемся великолѣпіи, сіяло на сафирномъ небѣ, и, кажется, любовалось еще своей красотою въ зеркалѣ струящихся водъ" [868].

Подражая Карамзину, любившему широкіе русскіе пейзажи, съ зелеными полями и лѣсами и съ монастырями на заднемъ планѣ,—писательница восхищается Переяславскимъ озеромъ:

„На каждомъ шагу встрѣчала, какъ бы, новые для души моей предметы,—предъ собой обширную поверхность струй, горѣвшихъ въ лучахъ солнечныхъ, вдали луга, испещренные разными цвѣтами, лѣса и горы; на другой сторонѣ башни и стѣны монастырей, возвышающихся кругомъ города" [869].

Опять-таки, слѣдуя за тѣмъ же Карамзинымъ, предается она историческимъ воспоминаніямъ (о Петрѣ Великомъ, объ его ботикѣ...).

Между тѣмъ, наступила ночь съ ея лунными эффектами... И вотъ подходя къ Александровской горѣ, она вспомнила карамзинскія описанія швейцарскихъ горъ.

Наконецъ, она пришла на свое любимое мѣсто и—

„утомившись, сѣла на зеленомъ лугу,—между цвѣтами, въ облакѣ благоуханія" [870].

„Все вокругъ меня было тихо и спокойно" [871]—разсказываетъ она.

Тогда она стала думать о жизни человѣческой,—объ ея радостяхъ и печаляхъ...

„Великія горести—есть сѣмя къ высокимъ и чистымъ наслажденіямъ"—философствуетъ она.

Затѣмъ мысли ея переходятъ на бытъ крестьянъ,—она настроена на идиллическій ладъ и превозноситъ ихъ жизнь.

„Просты и непринужденны ихъ забавы,—самая работа имъ въ утѣху!.. Они живутъ спокойно,—въ объятіяхъ любезныхъ супругъ и честнаго семейства,—не сокращаютъ тока дней своихъ праздностію, или вредными для здоровья занятіями,—не бѣгаютъ за славою, пышностію, чинами, богатствомъ,—не заботятся о своихъ нарядахъ и экипажахъ" [872].

И вотъ, словно, чтобы открыть ей глаза, выступаетъ передъ нею сама „правда" жизни... Не печальный юноша-Вертеръ, а молодая женщина встрѣтилась ей,—дочь московскаго купца, выданная замужъ за переяславскаго.

„Я захотѣла узнать, довольна ли она своею судьбою: но бѣдная опустила голову; на лицѣ ея изобразилась горесть. „Ахъ, сударыня, сказала она, какъ мнѣ быть довольной!.. Я еще такъ молода,—жила всегда хорошо, не знала никакой печали, а теперь заключена въ маленькомъ городѣ, далеко отъ моихъ родныхъ"... „Зачѣмъ же ты шла замужъ?"—спросила я, предполагая, что это было въ ея волѣ.—„Въ моей волѣ, сударыня?.. вить это у баръ отдаютъ по волѣ, а у насъ, купцовъ,—не смотря на нашу волю!.. Какъ отецъ да мать согласны, да скажутъ: „поди"—такъ и нечего говорить!" [873].

Въ этихъ безхитростныхъ, печальныхъ словахъ, очевидно, нѣтъ художественной лжи,—нѣтъ „вертеровскаго" паѳоса,—и это очень любопытно: въ произведеніе, которое навѣяно литературными реминисценціями изъ романовъ съ „настроеніями", ворвалась живая струя неприкрашенной правды...

И авторъ восклицаетъ:

„*Принуждать волю*"... Какъ это больно!.. Молодость часто бываетъ слѣпа; но надобно щадить и слѣпоту сію,—не дѣлать человѣка на вѣкъ нещастливымъ!" [874].

Заканчивается повѣсть опять въ духѣ Вертера и „Новой Элоизы":

„Красота природы, мало по малу, стала затмѣваться въ глазахъ моихъ,—и цѣпь прискорбія гнала съ губъ улыбку веселія, какъ показалась группа крестьянокъ, идущихъ съ работы... Онѣ поютъ... счастливы!.. „Какъ люди, думала я, несогласны въ своихъ чувствахъ!.. Что одного утѣшаетъ, то другого погружаетъ въ уныніе!.. Самыя прелести Натуры одного приводятъ въ восхищеніе,—для другого покрыты мрачнымъ флеромъ горести!.. Спокойствіе человѣческое—жертва нашего нрава, иногда непроизвольнаго расположенія духа, но болѣе внѣшнихъ обстоятельствъ, ты подобна мечтѣ, съ пробужденіемъ исчезающей!“ [875].

Для показанія вліянія „Вертера“ на русскую литературу очень любопытно также сочиненіе нѣкоего Іакова Галинковскаго: „*Часы задумчивости*“ [876], по характеру и содержанію, напоминающее также „Утренники влюбленнаго“ (См. выше стр. 454 и д.). Передъ нами — дневникъ „прекраснодушнаго“ юноши, родственнаго по духу С.-Прё и Вертеру.

Любопытно предисловіе къ этому произведенію:

„Естьли читатели не найдутъ въ сочиненіи моемъ той нѣжности,— того выраженія, той привлекательности, которыми прославились новѣйшіе наши сочинители, то пускай припишутъ разсѣянности и образу моего состоянія, которое слишкомъ удалено отъ спокойствія кабинетной музы!... Часто, въ безпрерывномъ шумѣ, въ какомъ нибудь уголкѣ, а иногда и на колѣнѣ, остановя на минуту теченіе разсѣянныхъ мыслей, на особыхъ лоскуткахъ бумаги, писалъ я каждой часъ, давъ волю чувствамъ моимъ безъ плану и цѣли“ [877].

„Дѣйствіе происходитъ въ городѣ П*... Мѣсто, гдѣ живетъ прекрасная, назначаю въ замкѣ Та**... А молодой человѣкъ бродитъ въ задумчивости своей по берегамъ Е*** К****— [878].

Такимъ образомъ, авторъ „точно“, хотя и иниціалами, обозначаетъ мѣсто дѣйствія своего романа...

Въ первой части влюбленный авторъ мечтаетъ о счастьи; во второй—объясняется въ любви и разсказываетъ о томъ, какъ терпитъ неудачу. Потомъ счастье ему опять улыбается и, наконецъ, совсѣмъ отъ него отворачивается... Весь дневникъ посвященъ изображенію различныхъ „настроеній“ его сердца, оттѣнковъ жизни его души, тонкихъ переливовъ одного чувства въ другое... Преобладающими въ этомъ произведеніи являются „настроенія оссіановскія“.

Чувствительный юноша начинаетъ свой дневникъ со „вздоховъ“:

„Молодой человѣкъ, влюбленный въ прекрасную дѣвушку, въ часы своей задумчивости, ввѣряетъ вздохи печали своей безмолвной природѣ и остановляетъ чувствительное сердце на всѣхъ предметахъ, его окружающихъ, которые, кажется, принимаютъ участіе въ его горести... Но отъ чего же вздыхаетъ молодой влюбленный человѣкъ?—„Безъ

любви нѣтъ щастія!"—говоритъ онъ... Однакожъ онъ нещастливъ - онъ нашелъ несклонную любви его, которой сердце, отдавшись заразъ милыхъ глазъ, давно уже о другомъ вздыхало"... [879].

И вотъ, сознаніе безнадежности этой любви повергаетъ его въ тоску,—онъ задумывается о самоубійствѣ —

„...Прелести обожаемой... одни представляются ему въ сонныхъ мечтаніяхъ!.. Въ глубокой задумчивости онъ обращаетъ взоры свои къ небу и жалуется на свою судьбину!.. Скучаетъ жизнію—и желаетъ—или побѣдить милую несклонную,—или разорвать оковы, обременяющія духъ его!" [880].

Словомъ, передъ нами—любовь, въ духѣ „вертеровской"... Говоря о самоубійствѣ, авторъ восклицаетъ, обращаясь къ читателямъ:

„Какая чувствительная душа не содрогнется при взорахъ отчаяннаго, котораго рука безтрепетно вынимаетъ чашу смерти и хочетъ ею угасить жестокій пламень, который питать тиранка его запрещаетъ!"

„И сей второй злополучный Вертеръ неужели не оставитъ въ каменномъ сердцѣ ея вѣчной укоризны?"... [881].

По ночамъ авторъ устремляетъ свои усталыя очи на луну,—и лирическія воззванія къ ней, въ духѣ лирическихъ „размышленій" Юнга, срываются съ его устъ:

„...когда съ высоты балкона вперяю я взоры мои въ твои нѣдра, возлюбленная дщерь нощи, то чувствую въ душѣ моей нѣчто усладительное, кроткое, задумчивое!... Чувствительность моя пробуждается, духъ мой летаетъ въ кругахъ планетъ, между которыми ты обращаешься" [882].

Затѣмъ онъ взываетъ къ любезной „чувствительности":

„О, сердце—сердце людей!.. кто можетъ постигнуть твои чувства, твои склонности, твои страсти?" [883].

Осенняя ночь погружаетъ его душу въ „оссіановскія" настроенія:

„...Вездѣ тишина глубокая... Тѣни нощи [illegible] ютъ огромныя зданія и улицы!.. Вдали небеснаго уклона темн[illegible] поля и горы.. Осенній вѣтеръ гонится за поблекшими листками [illegible]тѣвшими съ окружныхъ деревъ, и эхо по водамъ едва доноситъ [illegible] мнѣ голосъ проснувшагося съ полночью пѣтуха на уединенной м[illegible] островов отдаленныхъ" [884].

Когда онъ свои очи отрываетъ отъ природы и устремляетъ ихъ на свою комнатную обстановку,—на смѣну „оссіановскимъ" являются настроенія „вертеровскія":

„Я одинъ съ моею грустію сижу въ большихъ креслахъ въ глубокой задумчивости и обращаю взоръ мой въ ту страну, гдѣ живетъ мучительница моего сердца... Собачка, извиваясь клубкомъ на свѣтлости луны храпитъ, а коварная мышь, пробѣгая темноту [illegible]изовъ, выходитъ въ тѣни нощной на свои вредные промыслы... [illegible]грызеніе щеко-

чить мнѣ ухо... Я топаю ногою, и трясеніе струны моея скрыпки, лежавшей на культпетѣ, возбуждаетъ томное ехо усыпленной Мелодіи. Оглядываюсь, беру смычекъ, maudit par Apollon... играю,—и чувствительность моя рождаетъ новый отпечатокъ моея грусти...“ [885].

Разсказъ объ одинокомъ катаньи на лодкѣ ночью—тоже полонъ настроеній [886], при чемъ авторъ обращаетъ свое вниманіе даже на нѣкоторые слуховые эффекты (удары веселъ по водѣ)... Слѣдующая картина представляетъ дождливый вечеръ. Авторъ сидитъ у камина... Слышится стукъ дождя въ стекла...

„...Мысли неспокойныя тревожатъ душу мою... „Ахъ! какъ жалокъ чувствительной человѣкъ!“ — говорю я съ авторомъ „Алексиса“.—„Но, можетъ быть, безъ сей чувствительности не былъ бы онъ ни такъ щастливъ, ни такъ злополученъ!... Надобно по сему выбирать,—а посредственность мнѣ не нравится“ [887].

Итакъ, передъ нами—хотя и „несчастливецъ“, но „избранникъ“, счастливый сознаніемъ своего превосходства надъ человѣкомъ „среднимъ“...

Глаза его блуждаютъ по предметамъ обстановки и случайно останавливаются на барельефѣ камина... Это опять вызываетъ въ его воображеніи длинную цѣпь соотвѣтствующихъ образовъ и картинъ... Затѣмъ глаза его переходятъ съ камина на столъ,—онъ видитъ—

„корзинку съ табакомъ, трубку... а тамъ шпоры... и... вынутые Жакомъ изъ сѣдла... мои пистолеты... Какая печаянность!.. Какое сходство!.. Кто вздумалъ положить возлѣ нихъ „Вертера“?“ [888].

...Угасаетъ огонь въ каминѣ, и авторъ патетически восклицаетъ о тлѣнности всего земного—только любовь вѣчна!.. Потомъ онъ опять уходитъ въ „оссіановскія“ настроенія... Онъ взываетъ къ „печальнымъ тѣнямъ густозеленыхъ древесъ“,—проситъ, чтобы они приняли „подъ кровъ свой вздохи унылаго, гонимаго любовью“ [889]...

„А, ты, вытекающая изъ-за чернѣющихся горъ отдаленности, багровая луна!.. сіяй сквозь зеленые своды безмолвной рощи!.. Печальный сіяніе природы пришелъ грустить съ тобою на сіи мрачные берега, гдѣ благотворный сонъ разсыпалъ маки свои надъ очами жителей воздуха и земли...“ [890].

Какъ Вертеръ, онъ обожаетъ музыку,—она творитъ съ нимъ чудеса [891].

Жалуется онъ на „гнѣвный рокъ“, его преслѣдующій [892].

Затѣмъ онъ старается разобраться въ характерѣ своихъ чувствъ... Оказывается, его любовь—не страсть; онъ самъ говоритъ:

„Моя любовь—чувствительность одна, нѣжность одна!—удовольствіе въ однихъ взорахъ твоихъ,—въ одномъ обращеніи съ тобою!“ [893].

„О, любовь! невыразимое чувство, которое природа вліяла въ сердца людей!“ [894].

Онъ задумывается надъ сущностью этой любви и пишетъ цѣлое разсужденіе, подъ заглавіемъ: „Чувствія (sentimens)“ [895]. Оказывается, онъ сознаетъ въ своей душѣ наличность „смутныхъ настроеній“ — странныхъ и темныхъ, но увлекательныхъ, „романическихъ чувствъ“.

„Есть чувства непонятныя, которыя нерѣдко вкрадываются въ сердце противъ воли нашей!... Мы начинаемъ склонностію, привязанностію, дружбою... Оканчиваемъ любовью“ [896].

Жизнь сердца понимаетъ онъ по внѣшнимъ признакамъ:

„Я давно уже читаю въ сихъ голубыхъ взорахъ томнаго унынія печали и задумчивости ту нѣжную привязанность, которую сердце твое къ кому-то чувствуетъ“ [897]—мысленно говоритъ онъ возлюбленной.

Затѣмъ онъ довольно неожиданно вспоминаетъ Геснера и обращается къ нему съ восклицаніемъ:

„О, Геснеръ! дай мнѣ свое воображеніе, свое чувство, свою свирѣль—дай выразиться сердцу съ сею небрежною простотою, которая, не гоняясь за вихремъ бурливыхъ словъ, живо изображаетъ природу, трогаетъ и плѣняетъ чувства!“ [898].

Слѣдующій отрывокъ носитъ названіе: „Идиллія“... Авторъ рисуетъ картину въ духѣ пасторали, хотя и въ нее вкрадываются оссіановскія тѣни:

„Тучи мрачныя носились надъ ихъ вершинами... Глухо журчалъ источникъ, протекающій въ зеленой осокѣ; надъ ясною его водою вились жужжащія мухи“ [899].

Оссіановскій стиль имъ усвоенъ вполнѣ.

„Подъ голубымъ сводомъ неба, освѣщеннымъ слабыми лучами луны блѣдныя, я взираю съ высоты балкона на дремлющія воды—на мрачныя дерева, шумящія на берегахъ, одѣтыхъ сѣрымъ камнемъ горъ Олонецкихъ... Дикая пустыня—въ сердцѣ моемъ, и она задумчивость влечетъ умъ мой въ свои спокойные предѣлы!“ [900].

Въ отрывкѣ, носящемъ названіе: „Пустыня“, встрѣчаемъ мы восхваленіе чувствительности,—

„Чувствительность!.. сладостный бальзамъ для сердца, жизнію веселящагося! съ тобою и въ пустынѣ дикой нашелъ бы я, чѣмъ питать душу мою!“ [901].

Затѣмъ восхваляется „пустыня“ и одинокая жизнь на лонѣ природы—

„И тамъ бы пѣлъ я въ дикомъ безмолвіи мрачныя дубравы: *Задумчивыя пѣсни унынія*,—пѣсни Оссіановы, толь любезныя духу моему, когда онъ обременяется печалію“ [902].

Часть вторая начинается съ главы, носящей названіе: „Скука“, что въ скобкахъ переведено и на французскій языкъ („mauvaise humeur“). Его сердце холодѣетъ—и вмѣстѣ съ нимъ все тускнѣетъ—

„Гдѣ дѣвались пріятныя мечты будущаго?—исчезли... Гдѣ розы, которыми обѣщали мы увѣнчать полденные часы?—увяли“ [903].

Затѣмъ авторъ начинаетъ заниматься психологіей тоски [904], опять восхваляетъ природу [905] и превозноситъ чувства, ею вызываемыя [906].

„Любезная природа! отъ тебѣ ищу я отрады въ скукѣ моей!—отъ зари до зари... отъ ночи до ночи... я безпрестанно взираю на твои красоты... ими прельщаюсь!“ [907].

Въ отрывкѣ: „Диванъ“ — разсказано подробно, какъ авторъ открылъ возлюбленной свое сердце:

„...Какъ бьется сердце у меня и до сихъ поръ, когда вспомню я ту минуту, въ которую, прерывающимся голосомъ, открылъ ей сію тайну!.. Съ какимъ страхомъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, почти дышать не смѣя, ожидалъ я, чтобъ сіи безмолвныя пунцовыя уста открылись, подобно Майской розѣ, при вѣяніи утренняго зефира! съ какимъ вниманіемъ глаза мои примѣчали всякую жилочку въ близнѣ лица ея— и хотѣли предузнать, какое лилось въ ней съ кровію отъ сердца чувство, готовое вылетѣть съ ея голосомъ! какъ трепетала рука моя въ ея рукѣ и, тихонько прижимая, казалось, понуждала окончить сію мучительную нерѣшимость!“ [908].

„Вечеръ былъ прекрасный... Отъ востока плыли мрачныя облака и предвозвѣщали бурю... Вдали едва слышны громовые удары—а тамъ, за густыми деревьями, на синемъ небѣ, вилась излучистая молнія“ [909].

„...Мы сидѣли оба въ диванѣ, противу окошка, котораго стекла, смотрящія въ садъ, отражали блещущую зарницу... Я видѣлъ, какъ Элиза прижалась за меня, боялась — но молчала... Я не могъ болѣе видѣть ни ея взоровъ, ни ея алаго румянца... Одинъ только блѣдный лучъ свѣтки, стоявшей на столикѣ въ ближней комнатѣ, проходя къ намъ черезъ растворенную дверь, раздѣлялъ на двѣ половины сію, благопріятствующую намъ, темноту“ [910].

„Мы оба молчали... какъ будто съ удивленіемъ примѣчали безмолвную тишину, царствовавшую вокругъ насъ, и въ которой ухо любовника внемлетъ томное біеніе сердецъ... Собачка пробѣжала по паркету, прыгнула на софу и захрапѣла... Воображеніе Элизы представило ей входящаго—она вздрогнула, смутилась и хотѣла встать... Тогда примѣтилъ я, что она боялась оставаться со мною наединѣ и въ темнотѣ“ [911].

Элиза просила его пѣть, но —

„на сей разъ голосъ мой отказался произносить пріятные тоны музыки“.

„Я старался казаться скучнымъ и безпристрастнымъ, и тѣмъ хотѣлъ возбудить нѣжное ея любопытство меня спрашивать... Задумчивость наклонила мою голову, и вздохи стѣсняли грудь мою“ [912].

„Вы нездоровы?“—„Нѣтъ“—„Вамъ скучно?“—„Да“—„Не хотите ли читать далѣе: „Les trois soeurs?“.—Я молчалъ—„...или выслушать арію, которую я сегодня въ урокѣ на фортепьяно выучила?“—„Нѣтъ“—„Какъ вы перемѣнились!.. съ нѣкотораго времени вамъ все не нравится!“... [913].

Слово за словомъ, онъ открылся:

„Я никогда не хотѣлъ разсказывать, и *намѣреніе мое было писать здѣсь одни мысли, а не любовную повѣсть*“ [914].

На признаніе его Элиза отвѣтила нерѣшительно,—она сказала, что надъ сердцемъ нѣтъ законовъ,—просила ея не любить, заплакала... [915].

Нельзя не признать всю эту сцену живой и полной настроенія: художественно-тонко изобразилъ авторъ очень сложную психику „новыхъ героевъ“, въ духѣ Вертера и Шарлотты.

Послѣ нерѣшительнаго отвѣта Элизы авторъ погрузился въ горестныя размышленія. Эти настроенія особенно сближаютъ его съ Вертеромъ: въ его записяхъ теперь встрѣчаемъ мы неразъ рядъ трогательныхъ, патетическихъ страницъ, напоминающихъ настроенія гетевскаго героя... Такъ, напримѣръ, красоты природы—не для его опечаленнаго сердца...

Сестра Элизы принимаетъ въ немъ участіе,—онъ, какъ истый Вертеръ, говоритъ ей, что лишитъ себя жизни—

„Скажите жестокой, что она будетъ причиною моей смерти!“.. Потомъ, приходя въ спокойное чувство: „представьте ей, продолжалъ, сіе изнеможенное тѣло, лежащее на одрѣ смертельныя тоски,—сіи потухлые, томные взоры, гдѣ видна печаль, угашающая послѣдній лучъ надежды... и гдѣ исчезла та пріятность, съ которою они нѣкогда прелести ея соединали,—сіе чело, покрытое желтою блѣдностью и морщинами“... [916].

Слѣдующій отрывокъ носитъ заглавіе: „Воображеніе“. Здѣсь авторъ—цѣликомъ во власти Оссіана. Фантазія рисуетъ ему бурю,—„столь сходственную отчаянному“ его воображенію... [917].

„Стонутъ бурные вѣтры, наклоняя долу высокія дерева, скрыпящія въ корняхъ своихъ!.. Возмущенная пыль, подобная густому туману, застилаетъ горизонтъ; черныя тучи скрываютъ свѣтъ дневный отъ очей... Трясутся огромныя зданія въ основаніяхъ своихъ... „Взойди, воображеніе мое, во образѣ дѣвы встревоженной — взойди на пригорокъ и посмотри на сей ужасъ природы!.. Какъ Борей шумитъ въ волосахъ твоихъ, развѣвая ихъ по обнаженнымъ раменамъ!.. Какъ волнуетъ онъ долгую твою одежду!.. Рви, жестокій! рви тлѣнные сіи остатки и, восхитивъ меня выше облакъ силою рукъ твоихъ, повергни на кремнистую гору и раздроби сердце сіе, терзаемое на части лютыми мученіями!.. Земля колеблется подъ стопами моими... Пропасть отверзается... страшныя чудовища мещутъ... мещутъ свои огненные взоры!.. Я вижу, какъ широкая трава колеблется надъ развалившимися камнями гробовъ—я слышу глухой стонъ умершихъ!—я вижу, какъ блѣдныя тѣни пробѣгаютъ холодное кладбище и прятаются въ темнотѣ нощной“ [917].

Постепенно паѳосъ въ его запискахъ усиливается, — авторъ предается отчаянію, шлетъ восклицанія къ звѣздамъ, къ Элизѣ...

Взываетъ къ фуріямъ, проситъ у нихъ помощи, чтобы они убили ее и его [918]...

Неожиданно, получивъ теплое письмо отъ Элизы, онъ опять оживаетъ: Элиза писала ему, что она тоже страдаетъ и проситъ у него свиданія... [919].

„Чудотворная бумага! какое сильное дѣйствіе произвела ты въ уныломъ духѣ моемъ!.. Я прижималъ ее къ груди, какъ цѣлительной бальзамъ, и чувствовалъ, какъ она облегчалась“ [920].

Настроенія свои онъ сравниваетъ теперь съ перемѣной погоды,—послѣ пасмурныхъ и дождливыхъ дней наступаютъ ясные дни... [921].

И вотъ, онъ явился къ ней, и произошла трогательная сцена примиренія, которая и окончилась поцѣлуемъ.

„Взоры ея съ любовною нѣгою встрѣтились со взорами моими, и нѣкоторое тайное влеченіе другъ ко другу побудило ее сѣсть возлѣ меня гораздо ближе... Голова моя нечувствительно склонилась къ ея плечу... Я говорилъ ей все, что̀ томная любовь могла только сказать сильнаго, выразительнаго, нѣжнаго, въ своихъ убѣдительныхъ словахъ“ [922].

„Она слушала съ большимъ вниманіемъ, и сердце ея билось необыкновенно... Казалось, она дѣлала усиліе надъ собою преодолѣть что-то, для нея любезное, надъ которымъ старанія мои противъ воли исторгали побѣду... Глаза ея потупились... Румянецъ алѣлъ... Губы пламенѣли, и волненіе ея духа хотѣло утишиться, при выкатившейся изъ праваго глаза ея слезѣ... Я пожималъ ея руку, которая свободно отдалась моему плѣну,—цѣловалъ ее, прикладывалъ къ сердцу...“ [923].

„Сіи вольности, которыя до того времени были всегда преграждены упорствомъ, суровымъ взглядомъ, сдѣлали меня смѣлымъ.—*Тайное влеченіе*“ (*Прим. „Симпатія“),—сіе непреодолимое чувство, наклоняло меня ближе, ближе—и, наконецъ, пламенныя губы мои тронулись розовымъ ея щекамъ!.. О, небо!—что̀ чувствовалъ я!—что̀ чувствовала она!—одинъ сей поцѣлуй, казалось, зажегъ всю ея кровь!.. Она затрепетала... и вырвалась изъ рукъ моихъ...“ [924].

Вдругъ онъ увидалъ на ея шеѣ фіолетовую ленточку съ чьимъ-то портретомъ... Несмотря на требованья, Елиза этого портрета автору не показала, и онъ отдался чувству ревности... Въ этомъ же родѣ продолжается разсказъ дальше: живыя сцены съ діалогами смѣняются лирическими отступленіями, или разсужденіями... Въ заключительной 17-ой главѣ мы видимъ Елизу въ роли Шарлотты: она окружена дѣтьми и поитъ ихъ чаемъ,—

„Елиза разливала чай, при завтракѣ... Нѣсколько дѣвочекъ стояло около круглаго столика и дожидали, каждая съ невиннымъ взглядомъ на нее, своей чашки... Собачка Аглинская ласкалась и выманивала изъ рукъ ихъ сухари. Между тѣмъ, учитель настраивалъ фортепіяно, перебиралъ ноты и ворчалъ что-то про себя...“ [925].

„Мы завтракали романтически,—два любовника, окруженные Грациями, во образѣ прекрасныхъ дѣвочекъ“ [926].

Наконецъ, авторъ убѣдился, что Елиза любитъ его,—она отдала ему портретъ, висѣвшій на ленточкѣ у нея... Но, тѣмъ не менѣе, конецъ всей этой любовной исторіи, въ подробностяхъ оставшійся неизвѣстнымъ читателю, остается всетаки печальнымъ—

„А вы, чувствительныя сердца, для которыхъ поспѣшно текли строки сіи, не вопрошайте меня о послѣдующемъ!.. Оно мрачно, уныло слезно!.. [927].

Авторъ проситъ не спрашивать его о любви и дружбѣ, не говорить съ нимъ о женщинахъ вообще и особенно объ Элизѣ,—

„Ихъ нѣтъ въ мірѣ для меня!—вѣроломство охладило мои чувства... я брожу въ уединеніи безмолвной природы... Гляжу на голубое небо и со вздохомъ повторяю: „Hélas!.. j'étois heureux dans mes chimères: mon bonheur fuit avec elles!“ [928].

Таково это странное произведеніе, все склеенное изъ литературныхъ реминисценцій, при чемъ Руссо, съ его манерою изображать тончайшіе оттѣнки любовныхъ переживаній, и, особенно, Гёте, съ его вертеровскими и оссіановскими настроеніями, доминируютъ надъ всѣми другими писателями, вліявшими на автора... Въ сочиненіи Галинковскаго передъ нами,—типичнѣйшее произведеніе „настроеній“, отражающее прихотливую и сложную жизнь чувствительнаго сердца. Поэзія музыки и природы, несчастная любовь, доводящая героя до отчаянія, до мысли о самоубійствѣ,—все на лицо; самый стиль, то жизнерадостно-счастливый, то тревожный, доходящій до bavardage de la fièvre, растрепанность (правда, утрированная) содержанія—все это заставляетъ относить это произведеніе къ подражаніямъ „Вертеру“...

Къ группѣ этихъ же романовъ относится также *„Александръ и Юлія“*, истинная русская повѣсть, соч. Павла Львова*). Содержаніе повѣсти заключается въ слѣдующемъ:

Въ одной изъ отдаленныхъ отъ столицъ областей пространнаго Русскаго Царства жилъ незнатной дворянинъ, по имени, положимъ—„Добросердъ“.—У него была богатая жена—„роскошная супруга“, по

*) Печаталась сначала въ журналѣ „Новости“ (1799 г.); но экземпляръ этого журнала (И. П. Б.), бывшій у меня въ рукахъ, оказался неполнымъ,—журнальнаго № съ окончаніемъ повѣсти нѣтъ. Поэтому я воспользовался отдѣльнымъ изданіемъ повѣсти, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1801 г.

имени Чвана, которая гонялась „за знатнымъ въ столицахъ знакомствомъ“ [929].

У нихъ была дочь Юлія, идеальная дѣвица—„лучшее произведеніе природы“. Дѣтство и юность ея были безоблачны [930].

„Въ тихомъ уединеніи, посреди красотъ природы, на лонѣ попечительнаго чадолюбія, подъ надзираніемъ умной наставницы, возрастала Юлія, не имѣя никакого понятія о тѣхъ громахъ, коими гремитъ буря суетъ мірскихъ за предѣлами ея обиталища... Клавесинъ, книга, птичка, цвѣтокъ, бабочка, повремянно составляли ея забавы... Будучи невинная, какъ Ангелъ, непримѣтно возрастала она, часъ отъ часу, становилась прекраснѣе... Большіе голубые глаза ея столь ясные, какъ самая чистая лазурь Майскаго неба, день ото дня, свѣтлѣе блистали... Свѣжій румянецъ ланитъ ея равнялся съ цвѣтомъ розы, по утру распускающейся; на пунцовыхъ устахъ ея играла восхищающая душу улыбка, открывая иногда ряды ровныхъ бѣлыхъ зубовъ, какъ будто ряды нанизанныхъ жемчужинъ, зерномъ къ зерну подобранныхъ... Свѣтлорусые ея волосы, какъ шелкъ, каштановаго цвѣта, разсыпались кольцами вдоль величественнаго. стройнаго ея стана; гордое чело ея, въ бѣлизнѣ слоновой кости подобное, являло признаки великаго духа; какая-то пріятная томность, изображающаяся въ ея взорѣ, придавала ей такую очаровательную любезность, коею и самое бы звѣрское сердце плѣнилось; голосъ ея былъ нѣженъ и повелителенъ; а грудь,—сію бѣлоснѣжную, дѣвическую грудь,—чудесная природа каждое утро образовывала волшебною рукою своею, нечувствительно возвышая и округляя“ [931].

Она была прекрасна, какъ „пустынный миртъ“, выросшій въ тѣни дубовъ, около ключа...

„Но сколько ни зеленѣть мирту пустынному, за оградою дубовъ густыхъ, а наступитъ то время, въ которое богъ любви самъ придетъ къ нему; онъ увѣнчаетъ многолиственными лозами его свое безсмертное чело,—и миртъ младый предпочтенъ будетъ высокимъ древамъ горъ“ [932].

Когда Юліи исполнилось 17 л., мать ея стала поговаривать о томъ, что надо ѣхать въ столицу искать жениховъ... Отецъ былъ противъ этого, хотя несогласіе свое выражалъ только тѣмъ, что отмалчивался, или говорилъ, что Юлія—ребенокъ, что ей нуженъ еще опытъ жизни, что поспѣшные браки, заключаемые въ большомъ свѣтѣ, часто бываютъ несчастны и пр... Строптивая супруга, въ спорѣ съ нимъ,—„доходила до бѣшенства“, настаивая на своемъ... [933].

Недалеко отъ ихъ имѣнія было расположено помѣстье Александра, „молодого военнослуживца“, который въ это время отличался на войнѣ, какъ храбрый офицеръ. Изъ арміи онъ писалъ письма Добросерду, какъ сосѣду, не зная его лично, съ просьбой присмотрѣть за его имѣніемъ. Изъ этихъ писемъ Добросердъ узналъ

его „основательный умъ и сердце благородное“, [934] и ревностно смотрѣлъ за его хозяйствомъ.

По заключеніи мира Александръ явился домой и первымъ дѣломъ явился къ сосѣду поблагодарить за его хлопоты.

При видѣ юнаго сосѣда, Юлія не сумѣла скрыть своего волненія... И немудрено—

„Онъ былъ въ лучшемъ цвѣтѣ лѣтъ,—имѣлъ средній ростъ, рѣдкую сановитость... Поступь его была величава; быстрые черные глаза сверкали, какъ яркія звѣзды... Въ лицѣ его соединялось мужество съ красотою; но какая-то сердечная печаль помрачала и блескъ очей его, и живость румянца... Томные вздохи колебали грудь его, на коей блисталъ знакъ его храбрости“ [935].

Онъ былъ въ „глубокомъ траурѣ“.

Александръ оказался интереснымъ разсказчикомъ, и за обѣдомъ Юлія заслушалась его разсказовъ—

„при всякомъ словѣ пріятный голосъ его сильнѣе отзывался въ сердцѣ ея; трепетала и едва могла дождаться конца обѣда, дабы тотчасъ уйти къ себѣ въ комнату“. Когда онъ „возводилъ на нее глаза и, при каждомъ на нее взглядѣ, ему слышалось, что кто-то шепчетъ ему: „вотъ—совершенной Ангелъ“ [936].

„Послѣ обѣда Александръ и Добросердъ отправились въ садъ; тамъ они поговорили по душѣ и повторили другъ другу свои увѣренія въ пріязни, поцѣловались и, пожавъ одинъ у другого руку, сѣли на дерновую скамью. „О, прекрасная природа! нѣжная мать существъ! прелестный видъ твой склоняетъ сердца наши къ дружелюбію, искренности и взаимному соучастію“—восклицаетъ, по этому поводу, авторъ [937].

„Ахъ! сколь бы мы щастливы были, естьли бы повиновались—восклицаетъ онъ—твоимъ благотворнымъ впечатлѣніямъ!“ [938].

Изъ разговоровъ съ Александромъ Добросердъ узналъ, что онъ носитъ трауръ по умершемъ другѣ.

„Любви я всегда страшился!.. Убѣгая и понынѣ, еще ея не знаю, но дружба,—ахъ, утѣшительная дружба!—сія истинная дщерь небесъ наполняла всю мою душу!“ [939].

— такъ повѣствовалъ Александръ.

Оказывается, Александръ такъ любилъ друга, что, при вѣсти объ его смерти, впалъ въ „изступленіе“, и чуть, было, не лишилъ себя жизни...

„Сердце“ умершаго друга Александръ привезъ съ собою въ особой урнѣ. „Съ сею священною добычею и, оставивъ службу, пріѣхалъ сюда,—уединиться навсегда“ [940]. — Такими словами закончилъ онъ свой разсказъ.

Между тѣмъ, по приказанію матери, Юлія должна была показывать передъ гостемъ свои таланты,—пѣть и играть на клавесинѣ...

Но она смутилась,—сбилась съ тону,-запнулась, и Чвана, недовольная ея робостью, назвала ее за это „застѣнчивою провинціалкой"...

„Юлія болѣе смущается... закрываетъ клавесинъ... извиняется... краснѣетъ... цѣлуетъ у матери руку и садится подлѣ нея" 941.

Но и самъ Александръ былъ не менѣе ея смущенъ, и въ первый разъ въ жизни почувствовалъ въ своемъ сердцѣ робость.

„языкъ его, будто, окаменѣлъ—дивится... отступаетъ... обращается къ Добросерду и заводитъ съ нимъ ничего-незначащій разговоръ о дальновидности, которая открывалась въ растворенномъ окнѣ" 942 —

Понятно, что этой первой встрѣчи оказалось совершенно достаточнымъ для того, чтобы оба героя полюбили другъ друга, и авторъ разсказываетъ далѣ, что̀ оба они перечувствовали.

На слѣдующій день Юлія была „сама не своя",—встала она рано —

„ранѣе, нежели птицы съ гнѣздъ своихъ спорхнули... Одѣлась она, какъ можно рачительнѣе... принялась за книгу и—сколько ни старалась ею заняться, сколько ни читала, но ничего не осталось въ ея памяти... Все ей кажется скучнымъ... Утро представляется безконечнымъ, день—вѣкомъ... Поминутно смотритъ она, не пришелъ ли кто къ отцу ея, не видитъ того, кого бы хотѣла видѣть,—досадуетъ на все, тоскуетъ и готова плакать"... 943.

Такъ потянулись ея дни...

Александръ тоже затосковалъ. Онъ помѣстилъ урну съ сердцемъ друга въ уединенной пещерѣ, и ходилъ туда тосковать...

„близь дому его находилася гора, мрачными дубами и соснами осѣненная; по крутизнѣ ея лежала самая трудная стезя, самою сокровеннѣйшею любовію, можетъ быть, проложенная.. Она вела въ глубокую пещеру... Устроивъ все, по внушенію печали своей, онъ принесъ клятву тѣни своего друга умереть въ пещерѣ сей,—окропилъ урну слезами... облобызалъ ее..." 944.

Между тѣмъ, встрѣчи Александра и Юліи стали повторяться, и чувство, ихъ связавшее, все укрѣплялось—и, вотъ, вслѣдствіе этого—мрачныя настроенія Александра стали измѣняться—

„онъ доселѣ каждое утро хаживалъ въ пещеру и приносилъ въ жертву другу своему свѣжій цвѣтокъ и теплую слезу сердца—теперь начинаетъ страшиться тѣни друга"... 945.

Сознаніе того, что любовь начинаетъ вытѣснять въ его сердцѣ чувство дружбы—смущаетъ его и мучитъ...

Эта внутренняя тревога, борьба любви къ Юліи, и къ другу—разстраиваетъ даже его здоровье; онъ остается нѣсколько дней дома... Не видя долго Александра, заболѣла и Юлія. Старая няня узнала ея сердечную тайну, сама явилась къ Александру и, „стараясь удержать текущія слезы, сказала ему томнымъ голосомъ":

„Я настрадалась, глядя на бѣдную мою барышню!—она вянетъ, какъ цвѣтокъ въ полѣ... Ты, сударь! ты, возмутилъ покой и веселость ея молодыхъ лѣтъ!.. Ахъ! зачѣмъ тебя Богъ принесъ сюда?.. Но естьли ты добрый и честный господинъ, то жизнь ея съ тобою будетъ щастлива!... „Ежели мила тебѣ Юлія, то проси ее у батюшки... можетъ быть, самъ Царь Небесный создалъ васъ другъ для друга... можетъ, Онъ судилъ вамъ быть благополучными вмѣстѣ!.. а мы, какъ бы рады были увидѣть въ тебѣ нѣкогда нашего господина!“ 946.

Александръ былъ сначала очень смущенъ этой рѣчью, потомъ пришелъ отъ нея въ восхищеніе... Тронутый чистосердечіемъ старухи, онъ хотѣлъ, было, дать ей денегъ—

„но сія добрая, простодушная женщина, ничего не принявъ отъ него, еще съ досадою отвѣчала ему: „Ни золотыхъ горъ я не хочу,— только бы наша безцѣнная Юлія, нашъ Ангелъ-Хранитель, была спокойна и щастлива!“ 947.

Потомъ няня разсказала Юліи о томъ, что она сдѣлала... Юлія сперва удивилась, потомъ огорчилась,—досадовала, журила ее, а потомъ стала разспрашивать все до мелочей, спрашивала—объ одномъ и томъ же по нѣскольку разъ—

„симъ неоднократнымъ повтореніемъ она такъ точно питалась, какъ отчаянной больной, къ жизни возвращающійся, живительнымъ вліяніемъ свѣжаго воздуха... Подобно природѣ, послѣ зимняго холоду согрѣтой теплотою благоносныхъ лучей солнца, Юлія оживляется,—она чувствуетъ, что огнь потекъ по всѣмъ ея жиламъ; заигралъ румянецъ на блѣдныхъ ея щекахъ; отрадою наполненное сердце ея успокоилось, и сладкій сонъ,—отецъ пріятныхъ сновидѣній,—сомкнулъ ея утомленныя очи“ 948.

Радостная, свѣжая, идетъ она утромъ—

„въ рощу, на отлогомъ берегу пространнаго озера зеленѣющую, чрезъ которую лежитъ дорога, ведущая къ сельскому храму и—къ жилищу Александра“ 949.

И вотъ, она сидитъ надъ озеромъ и—

„предается удовольствію чтенія пѣсней Оссіана... У ногъ Юліи шумятъ уныло волны, разстилаясь по песчаному берегу; вокругъ нея поютъ соловьи, стонутъ горлицы... Но всего больше волнуютъ чувства ея трогательныя пѣсни шотландскаго барда; онъ славитъ красоту и мужество, любовь и вѣрность.. Онъ томитъ и возвышаетъ душу... Нѣжны и добродѣтельны героини его!.. Юлія прельщается ихъ величіемъ, и жалѣетъ, что не живетъ она въ ихъ вѣкѣ и въ ихъ странѣ... „Но я могу имъ подражать!“—такъ вслухъ она говорила: „онѣ умѣли любить и— не боялись несчастія“... 950 и т. д.

Вдругъ къ ней подходитъ Александръ и объясняется ей въ любви.—

„Онъ повергается къ ея ногамъ, и открываетъ свое сердце... Видя ее задумчивою, смущенною и безмолвною, говоритъ ей съ отчаяніемъ:

„Такъ... я обманутъ вчерашнимъ извѣстіемъ!.. Ты потупляешь свои взоры, чтобы не позналъ я въ нихъ моего смертнаго приговора!.. Мнѣ нужно одно слово, Юлія!.. Одно слово... и потомъ,—или иду обнять колѣна твоихъ родителей... или Юлія во вѣки не увидитъ Александра,—сего нещастливца, который уже разъ отрекся отъ жизни для дружбы, и которому теперь должно въ другой разъ отречься отъ нея—для любви!“ [951].

Юлія „приняла всю величавость вида своего... Глаза ея блеснули, какъ молнія... Юлія, какъ нѣкое божество, простираетъ къ Александру повелительный голосъ“...—

Она разрѣшила Александру говорить съ ея родителями [952].

Послѣ этого объясненія, Александръ и Юлія восторженно встрѣчаются другъ съ другомъ. Они—

„ищутъ другъ друга, уловляя взаимно и взоры, и слова... Изъясненія ихъ трогательны и чистосердечны... Иногда, вырвавшійся изъ глубины сердца, вздохъ изображаетъ имъ всю силу любви, а иногда быстрая слеза мелькнетъ по бѣлорумяному лицу Юліи и спрячется въ грудь... Словомъ, они оба—страстные любовники,—не таятъ уже чувствованій своихъ,—всякой день видаются и новыми увѣреніями оканчиваются ихъ свиданія, въ продолженіи коихъ всегда присутствуетъ съ Юліею прелестнѣйшій геній невинности... Самая строгая добродѣтель не бываетъ чище и святѣе ихъ любви!“ [953].

Александръ нѣсколько разъ начиналъ съ родителями Юліи разговоры о сватовствѣ, но Чвана всякій разъ „пресѣкала“ его рѣчь... Къ несчастію для Александра, расположенный къ нему Добросердъ умеръ, не успѣвъ сдержать обѣщанія—

„и весь домъ его обрушился подъ игомъ протяжной печали...

„Ничто изобразить не можетъ слезъ вдовы, отчаянія дочери, горести Александра... Самой почтительный сынъ, самой нѣжный братъ, самой лучшій другъ не въ силахъ былъ бы оказать болѣе попеченія и услугъ матери и сестрѣ, какъ Александръ“ [954].

Трауръ не позволилъ Александру говорить о сватовствѣ.

Разъ ночью Александръ увидѣлъ призракъ своего друга, который обвинилъ его въ невѣрности и совѣтовалъ бѣжать отъ любви. Александръ взываетъ къ его „священной тѣни“, хочетъ обнять ее, но она исчезла... Тогда онъ побѣжалъ въ пещеру:

„Тамъ, обнявъ урну, онъ рыдалъ надъ сердцемъ друга, клянетъ злощастный жребій свой и умоляетъ тѣнь Аристову простить ему его заблужденія“ [955].

Въ пещеру приходитъ и Юлія... Ее ужасаетъ видъ Александра:

Блѣдность, впадшія и тусклыя очи, его растрепанные волосы“ [956].

Онъ разсказалъ ей о своемъ видѣніи. Юлія заявляетъ, что на урнѣ Ариста она произнесетъ ему клятву вѣчной любви—клятву,—

„каковой, можетъ, ни одна любовница еще не прозносила,—которая, говорила она,—удостовѣритъ и тебя, и тѣнь его, что Юлія достойна обладать тѣмъ сердцемъ, которое доселѣ ему принадлежало!"

И вотъ, наступаетъ ночь—

„Солнце, свершивъ мѣру дня, клонится уже къ западу; его алый вечерній лучъ багритъ одни уже верхи деревъ и горъ... Заря рдѣетъ и гаснетъ... наступаетъ ночь... все усыпляется и затихаетъ... не дремлютъ одни лишь любовники" [957].

Они встрѣтились въ рощѣ—

„тысяча восторговъ, тьма желаній летаетъ вокругъ сихъ страстныхъ любовниковъ, но добродѣтель, имъ сопутствующая, строгимъ взоромъ своимъ отгоняетъ оныя" [958].

Юліи было страшно ночью въ мрачной пещерѣ... Однако, она осилила себя и торжественно передъ урной поклялась, что будетъ любить одного Александра. Закончила она свою рѣчь такъ:

„Ахъ!.. естьли Александръ измѣнитъ Юліи... Боже! Какая ужасная мысль!.. Тогда... сія страшная клятва... да... да... обратится вся на главу преступника!.. и симъ средствомъ, симъ единымъ средствомъ достигнетъ Юлія вѣчности!"... При семъ словѣ блеснулъ кинжалъ въ правой ея рукѣ. „Александръ! твоя рука въ рукѣ моей хладѣетъ!.. Ты трепещешь!.. Твои волосы вздымаются!.. что сей страхъ души твоей предзнаменуетъ?.. Не бѣдствія-ли какія?"—„Остановись, Юлія!"—прерываетъ Александръ. „Что ты произнесла?.. сама природа содрогается!.. мнѣ слышалось, какъ будто тѣнь друга простонала... Земля колеблется подъ нами... гремитъ громъ вдали!"... [959].

Она отрѣзала часть своихъ волосъ и обвила ими край урны; потомъ дала свой перстень Александру, сказавъ:

„это—въ знакъ любви!"... Но, положа близъ урны кинжалъ, довершила: „а это—въ залогъ смерти!" [960].

Далѣе авторъ разсуждаетъ о суетности человѣческой, о непрочности земного счастья...

„Сіи упоенные надеждою любовники считаютъ себя уже въ преддверіи храма,—имъ мнится видѣніе, что самъ Гименъ встрѣчаетъ ихъ, что уже алтари его пламенѣютъ; что... Но какое заблужденіе!.. Мечта вскорѣ послѣ сего исчезаетъ,—великолѣпное зданіе воображенія рушится и, вмѣсто Гимена—смерть, а вмѣсто алтарей—гробъ!"... [961].

На сцену появляется богатый сосѣдъ Чваны—графъ Суетонъ; у него роскошный замокъ, сады, звѣринцы... Изъ всѣхъ сосѣдей первой Чванѣ сдѣлалъ онъ визитъ и этой галантностью совсѣмъ покорилъ ея пустое сердце,—

„Великій Моголъ, съ высоты престола трубнымъ гласомъ повелѣвающій послѣ своего обѣда всѣмъ прочимъ царямъ въ свѣтѣ обѣдать, не воображая того, что половина изъ нихъ уже и спитъ, отужинавши,—не столько доволенъ своею судьбою, какъ Чвана довольна

пріѣздомъ графа. „Онъ будетъ ко мнѣ,—къ первой!“.. Такъ она разсуждала, сидя важно на софѣ—„и въ томъ нѣтъ сомнѣнія,—графъ знаетъ жить въ свѣтѣ!“ 962.

Александръ заѣхалъ къ графу, съ просьбой вернуть неправильно-захваченную имъ у одного бѣдняка-помѣщика пустошь... Суетонъ принялъ холодно Александра, хотя тотъ съ нимъ и говорилъ „самымъ трогательнымъ звукомъ голоса“... Изъ разговора съ Суетономъ Александръ убѣдился, что его болѣе безпокоитъ болѣзнь собаки, чѣмъ судьба бѣднаго сосѣда.

„хоть всѣ нищіе переколѣй въ цѣломъ мірѣ — только бы моя Лихая, Лихая бы моя выздоровѣла!“ 963—сказалъ онъ Александру.

Пустоши онъ не отдалъ, сказавъ, что ему самому она нужна—подъ псарню.

Со всѣми Суетонъ держался надменно:

„...Онъ сѣлъ нерадиво и смотрѣлъ на все, какъ будто изъ милости... Говорилъ нехотя,—изъ одного снисхожденія“

„Такое вялое обращеніе графа показывало, что онъ не токмо другимъ, но и самъ себѣ въ тягость“ 964.

Но Чванѣ все нравилось въ этомъ графѣ—

„Вотъ, жизнь моя“ —говоритъ она матери, „вотъ, каковы люди большого свѣта,—они ходятъ, говорятъ, чувствуютъ, живутъ совсѣмъ иначе, нежели наши грубые провинціалы!.. Вотъ, мой другъ!“—промолвила она умильно,—„вотъ, естьли бы намъ Богъ послалъ такого-то женишка!“—со вздохомъ чадолюбія—„тогда бы мнѣ и смерть моя красна была!“ 965 —

Между тѣмъ, Суетонъ сталъ настойчиво ухаживать за Юліей... Его такъ характеризуетъ авторъ:

„Онъ имѣлъ совершенный даръ вкрадываться въ искренность, а особливо тамъ, гдѣ старался снискать ее для того единственно, чтобы, воспользуясь оною, пріобрѣсть новыя жертвы себялюбію, или собственнолюбію (Egoysme); ибо въ душѣ своей онъ ничего не любилъ, кромѣ того, что могло удовлетворить его прихотямъ,—ничего не хвалилъ, кромѣ того, что хотѣлъ уловить въ свои сѣти; никому не отдавая справедливости иначе, какъ въ такомъ случаѣ, когда ожидалъ за то себѣ похвалы... Утѣшался тѣмъ токмо, естьли достигалъ своего успѣха какимъ бы то средствомъ ни было!“ 966.

„Корысть, роскошь и сладострастіе были кумиры сердца его, коимъ угождать изыскивалъ онъ всевозможныя средства... Чѣмъ онъ былъ ласковѣе, тѣмъ былъ опаснѣе!.. Онъ обладалъ совершенно искусствомъ прикрывать свои виды,—даже могъ плакать и смѣяться изъ притворства“ 967.

Суетонъ устроилъ въ честь Чваны и Юліи богатый праздникъ.

Но ничто не помогало Суетону, — сердце Юліи оставалось вѣрнымъ Александру; и вотъ, однажды она открыла матери свою любовь...

Чвана была внѣ себя,—она грозила дочери проклятіемъ, отказала Александру отъ дома... Графу Чвана обѣщала, во что бы то ни стало, исполнить его желаніе—женить его на дочери... Для этого она выдумала поѣздку, подъ видомъ богомолья, въ церковь, чтобы тамъ, обманомъ, повѣнчать Юлію съ нимъ.

Въ это же время Александръ и Юлія тоже рѣшили тайно обвѣнчаться.

„Но что опредѣлено судьбою, то всего сбыточнѣе, одному лишь Всевѣдущему извѣстно будущее!“ 968 —говоритъ авторъ.

Суетонъ узналъ, что старая нянька передавала письма Александра,—старуха была сослана въ далекую деревню, и сообщеніе между молодыми людьми было прервано.

Однажды, долго не получая вѣстей отъ Александра, Юлія, тоскуя отъ неизвѣстности, пробралась на удачу сама въ пещеру,—къ урнѣ съ сердцемъ Ариста—

Эта ночь была ужасна—

„Мракъ ночи подобенъ былъ чернымъ крыльямъ ворона... Густые туманы разстилались въ воздухѣ... выли вѣтры... ревѣли пѣнныя волны озера... Скрипѣли деревья... упадшій съ нихъ листъ хрустѣлъ подъ ногами“ 969.

Въ пещерѣ никого не было, и только лампада горѣла, какъ будто, темнѣе обыкновеннаго...

Вдругъ въ пещеру явился встревоженный слуга Александра. Отъ него Юлія узнаетъ, что Суетонъ подговорилъ слугъ убійцъ умертвить Александра, и что старикъ-слуга, узнавъ объ этомъ, бросился ночью искать своего барина, но нигдѣ не могъ его найти...

Потомъ они встрѣчаютъ раненаго Александра; оказывается, его кто-то подстрѣлилъ... Юлія въ горѣ укоряетъ небеса... Александръ ее успокаиваетъ,—онъ говоритъ ей о необходимости во всемъ слѣдовать волѣ Бога и не роптать на него.

Потомъ онъ много говоритъ ей о томъ, что за гробомъ соединится съ нею—

„Юлія! смерть—не что иное, какъ возобновленіе жизни,—переходъ отъ страданія къ покою, и потому она есть сущее благо!“

„Неоцѣненный другъ сердца моего! будь превыше душъ обыкновенныхъ,—умѣй сразиться съ нещастіемъ“ 970 и пр.

Утромъ слуги Чваны находятъ Юлію въ пещерѣ и ведутъ ее домой:

„Злая, какъ фурія, Чвана еще болѣе свирѣпѣетъ, увидя дочь свою въ томъ нерадивомъ убранствѣ, какъ токмо печали и отчаянію прилично,—длинные волосы ея разсыпаются по плечамъ... Грудь ея от-

крыта... лицо блѣдно... уста сини... соединенныя на челѣ брови изображаютъ душевное страданіе, а мертвое безмолвіе—оцѣпенѣлость“ [971].

Въ отвѣтъ на брань матери, Юлія отвѣчаетъ длинной рѣчью, въ которой, между прочимъ, обвиняетъ мать за то, что у нея— „холодное, жестокое сердце“, а Суетона — за убійство Александра... Чвана заступается за Суетона, говоритъ, что это обвиненіе ложно.

Между тѣмъ, Александръ умираетъ...

„Вседержитель, всегда промышляющій о благѣ каждаго созданія своего, призывалъ къ себѣ Александра, чтобъ наградить его веселіемъ райскимъ за претерпѣнныя имъ въ жизни сей печали“— говоритъ авторъ [972].

И затѣмъ, по этому поводу, онъ взываетъ къ „слабымъ человѣкамъ“, не понимающимъ, что смерть — счастье, что не надо роптать на „судьбу“, а надо благодарить ее, такъ какъ земной жизнью не стоитъ дорожить“ [973].

Смерть героя описана такъ:

„Александръ, какъ будто, засыпаетъ... Ему представляется, что вокругъ его стелются туманы гуще и гуще, и потомъ отдѣляется отъ нихъ тѣло воздушное, которое, какъ облако, лучами луны осребренное, подвигается къ нему ближе... Онъ познаетъ въ семъ призракѣ образъ друга своего... Аристъ, безмолвствуя, беретъ его за руку и ведетъ по слоямъ облачнымъ... Они идутъ далѣе... поднимаются выше и выше и, наконецъ, — все свершилось... Природа разсталась съ наилучшимъ изъ сыновъ своихъ“ [974].

Суетонъ ликуетъ, что отдѣлался отъ соперника. Чвана везетъ Юлію въ церковь, но по дорогѣ они встрѣчаютъ похороны — это везли гробъ Александра... Едва Юлія узнала, что хоронятъ ея возлюбленнаго, какъ она бросилась къ гробу и закололась кинжаломъ, унесеннымъ ею изъ пещеры...

„Ихъ хоронятъ рядомъ, и чувствительность всегда приноситъ имъ въ даръ слезу сожалѣнія“.

Свою повѣсть авторъ заключаетъ наставленіемъ:

„Вотъ, какіе плоды производитъ буйная страсть сильныхъ себялюбцевъ, которые, попирая законы волею своею, думаютъ, что все имъ позволено!.. Вотъ, каковы пагубныя слѣдствія суетныхъ видовъ ослѣпленныхъ пышностію родителей, предразсудкомъ зараженныхъ!.. Но неужели поверженная во гробъ добродѣтель останется не отмщенною, а порокъ торжествующимъ?.. ужели...“ [975].

„...Ужасная буря на черныхъ крылахъ своихъ спускается уже къ жилищу Суетона; предшествующій ей вихрь рветъ и крутитъ все, что ни встрѣчаетъ... Ревутъ страшные громы... земля колеблется въ основаніи своемъ, падутъ деревья, вырванныя изъ земли съ корнями“... [976].

И вотъ, рука Всевышняго наказала порокъ — молнія поражаетъ Суетона на смерть.

Разсказавъ это, авторъ взываетъ:

„О, вы! исчадія роскоши и распутства!.. Зря казнь его, страшитесь гнести ярмомъ своимъ человѣчество!“.

Несчастье постигло и другихъ гонителей Александра и Юліи:

„Чвана очень больна. Нанятый Суетономъ убійца Александра, размученъ будучи угрызеніемъ совѣсти, самъ выдалъ себя въ руки правосудія“ [977].

„Омерзеніе и клятва слѣдуютъ за порокомъ, а соболѣзнованіе и почтеніе воздаются добродѣтели“.

На могилѣ Александра была сдѣлана такая надпись:

„Гонимая предразсудкомъ любовь здѣсь соединилась съ добродѣтелью, и подъ симъ камнемъ, оставя узы бренности, вознеслись онѣ къ престолу Превѣчнаго... Прохожій! презри суету, — за предѣлами „гроба—безконечное царство покоя!“ [978].

Прекрасная, своимъ художественнымъ реализмомъ, повѣсть В. Попугаева: „*Аптекарскій островъ*“ (С.-Пб. 1800), представляющая собою близкое подражаніе „Бѣдной Лизѣ“, также примыкаетъ своей развязкой къ разбираемой группѣ произведеній.

Повѣсть изобилуетъ художественными описаніями природы, при чемъ автору удается порою уловить couleur locale: мы, по крайней мѣрѣ, въ его произведеніи легко узнаемъ сѣверную природу окрестностей Петербурга... Начинается повѣсть такъ:

„Въ М... С... въ П... Т... есть маленькой домикъ, очень старый и почти развалившійся... Три окна на улицу, разломанныя ставни, клонящіяся къ паденію ворота суть его признаки... Любопытный, ты хочешь узнать его?.. Ищи... онъ и теперь еще существуетъ!“... [979].

По словамъ автора, тамъ живетъ несчастный старикъ съ вѣчнотоскующей дочерью.

„Тихая меланхолія царствуетъ во всемъ домикѣ семъ,—увидишь, и, естьли ты жалостливъ, слеза состраданія выкатится изъ глазъ твоихъ!“—предупреждаетъ авторъ читателя [980].

Далѣе слѣдуетъ описаніе пруда, находящагося около домика,—

„Сзади домика сего есть небольшой огородъ, посреди коего прудъ, обведенной валомъ, усыпанный цвѣтами и усаженный густыми деревьями... Вода пруда сего не свѣтлая, но индѣ покрывается зеленью. Не смотря на то, тихій зефиръ не презираетъ играть на ея поверхности и, при сіяніи солнца, въ водахъ отражаемаго, покрывать скачущихъ звѣздъ... Деревья кругъ его не каштановыя,—не розы и не гіацинты цвѣтутъ на окружающемъ валу,—сосна и береза шумятъ надъ его поверхностью и роняютъ на оную, вѣтромъ сорванныя, листья свои... А изъ цвѣтовъ курослѣпъ, цикорій, красненькіе и синенькіе колокольчики составляютъ все украшеніе вала... Однако, соловьи и малиновки

не стыдятся прилетать на вершинки липъ и березъ, и гармоническія пѣсни ихъ ни днемъ, ни ночью не умолкаютъ“ [981].

Здѣсь, у пруда, водили хороводы мѣстныя дѣвушки; здѣсь героиня повѣсти, Маша, часто сиживала, погрузившись въ задумчивость... Сюда приходилъ мечтать и юноша-поэтъ Н*, еще незнавшій любви. Здѣсь онъ встрѣтилъ впервые Машу.

Едва онъ увидѣлъ ее, —

„Робость объяла всѣмъ имъ,—руки его опускаются, и книга съ карандашемъ, который онъ держалъ, падаютъ на землю“... [982].

Потрясенный новымъ, доселѣ невѣдомымъ ему, чувствомъ, онъ такъ разговариваетъ самъ съ собой:

„Несчастный!“—говорилъ онъ,—„по сихъ поръ презиралъ ты женщинъ! по сихъ поръ былъ ты свободенъ отъ жесточайшихъ узъ любви!“ [983] и т. д.

Онъ цѣлуетъ дерево, около котораго сидѣла Маша, впадаетъ въ „глубочайшую задумчивость“, сочиняетъ стихи... Первая рѣчь, съ которой обратился онъ къ Машѣ, была, по истинѣ, „поэтической“:

„Тебя-ли я вижу, обладательница сердца моего?.. Кто ты ни будь— богиня мѣстъ сихъ, или нимфа водъ,—я—твой плѣнникъ!“ [984].

Однажды Маша, приглашенная имъ, пришла на свиданіе на Аптекарскій Островъ. Мѣсто свиданія было выбрано удачно: на берегу рѣки Карповки—

„Тамъ, гдѣ мелкая, излучистая Карповка, отдѣляясь отъ Невы, влечетъ струи свои, мѣстами свѣтлыя, какъ серебро, мѣстами нѣсколько мутныя отъ иловатаго дна ея; гдѣ съ тихимъ, пріятнымъ шумомъ, сладкимъ для сердца чувствительнаго, омываетъ она зеленую травку пѣнистыхъ береговъ своихъ...“ [985].

И стихи Н*, и его признаніе въ любви, и его внѣшность — словомъ все, вмѣстѣ взятое, безъ труда покорило сердце Маши.

Когда на мѣстѣ свиданія —

„они другъ друга увидѣли,—сердца ихъ забились, и употребленіе языка восторгомъ было отнято: какъ окаменѣлые, какъ лишенные чувствъ, нѣсколько минутъ пробыли они въ такомъ положеніи“ [986].

У автора не хватаетъ силъ выразить на бумагѣ всю страстность ихъ рѣчей.—

„Я не въ силахъ описать всего, что́ они говорили,—перо мое не имѣетъ языка страстной любви!“ [987]—скромничаетъ онъ.

Настроенія природы соотвѣтствовали ихъ чувствамъ... Къ тому же молодые люди были одни, чащей скрытые отъ глазъ прохожихъ...

„Ни одно облако не затѣняло свѣтлаго его (солнца) сіянія, и голубая лазурь, какъ море, разливалася надъ землею, украшенною дарами весны,—зеленою травкою, пестрыми цвѣточками“ [988].

Потомъ, послѣ страстныхъ рѣчей, наступило краснорѣчивое молчаніе.

„Живописная величественная натура мѣста сего вливаетъ въ сердце ихъ томное забвеніе,—прелестный восторгъ возрождается въ душахъ ихъ, и языкъ не можетъ произнести ни слова!“ [989].

„..восторгъ наполнилъ и душу, и сердце ихъ... Весь свѣтъ въ глазахъ ихъ исчезъ: они занимались только собою,—казалось, были одни въ мірѣ, одни для счастія своего, — прочее все мечта, пустое привидѣніе!... [990].

„...Чувства любовниковъ смущаются... Жаръ горитъ въ сердцахъ ихъ... Купидонъ усиливаетъ пламенникъ свой.. Стрѣлы его, какъ градъ сыплются на грудь ихъ... и... увы! Гименей!.. Зачѣмъ ты медлилъ?.. Тайны твои свершились,—и роза—пала“ [991].

„...Восторгъ кончится... Они приходятъ въ себя... Стыдъ покрываетъ ихъ... Маша не смѣетъ взглянуть на Н..., ни онъ на Машу... Оба въ смущеніи,—оба трепещутъ, какъ преступники!“ [992].

Въ повѣсти этой много живыхъ сценъ... Кромѣ того, она проникнута субъективизмомъ, находящимъ выраженіе въ восклицаніяхъ, въ родѣ слѣдующаго, идущихъ отъ автора:

„Бѣдный Н... что́ бъ чувствовало сердце твое, естьлибъ ты это видѣлъ!“ [993].

Психологическіе пріемы употребляются въ повѣсти старые и новые. Такъ, напримѣръ, нерѣдко авторъ самъ раскрываетъ душу своихъ героевъ [994],—для этого пользуется онъ патетическими монологами... Образчикъ такого паѳоса можно видѣть, хотя бы, въ письмѣ героя къ героинѣ, которое кончается такъ:

„Смерть летаетъ надъ моею головою... Рука ея дѣлаетъ страшные размахи косою и съ свистомъ разсѣкаетъ воздухъ... Роковой ударъ скоро меня постигнетъ!“ [995].

Введены и разговоры героевъ „въ себѣ“; введены и психологическія сентенціи автора. Напр., —

„Человѣкъ и въ несчастіи любитъ жизнь, хотя и думаетъ презирать оную“ [996].

Юноша-поэтъ, любящій Машу и любимый ею, только одинъ разъ и насладился ея любовью... Маша, благодаря хитрости старухи, къ ней приставленной, попала въ руки богатаго купчика. Герой повѣсти думалъ, что Маша добровольно ему измѣнила, и погрузился въ отчаянье, которое и кончилось его смертью... Какъ разъ этотъ періодъ его мрачной предсмертной грусти совпалъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ наступленіемъ осени... Онъ—

„... съ сихъ поръ препроводилъ время въ скукѣ и терзаніи... Животворные лучи лѣтняго солнца не проливали въ душу его сладкаго бальзама оживленія, и златыя искры свѣто-зарнаго дня лишь большую

скорбь поселяли въ душѣ его... Мракъ былъ ему пріятнѣе... Все лѣто не оставлялъ онъ комнаты своей до тѣхъ поръ, пока угрюмая осень мрачными крылами своими не объяла природу... Умолкъ зефиръ... Трава и листья пожелкли... Угрюмый борей заревѣлъ, и, задернувъ облаками горизонтъ, ниспустилъ на землю дожди" [997].

И вотъ, полный тоски, ходитъ онъ на Аптекарскій островъ,— на мѣсто ихъ перваго свиданія.

„Тутъ съ удовольствіемъ взиралъ онъ, какъ сильные напоры вѣтровъ со свистомъ подымали въ воздухъ облака пыли и листьевъ, и клонили чело высокихъ сосенъ, какъ слабый колосъ, валя многія изъ оныхъ съ корня... Ему пріятно было смотрѣть на умирающую натуру... „Вихри, ломите, истребляйте все!"—часто вскрикивалъ онъ въ забвеніи—„Уничтожьте существованіе природы, какъ страсти уничтожаютъ мое!.. Скоро, скоро оно исчезнетъ, и имя мое потонетъ въ морѣ забвенія!.. Но, натура! ты оживишься—а я... никогда, никогда!"

„Наконецъ, пришла зима... Бѣлое пушистое покрывало ея распростерлось по лугамъ и долинамъ... сребристый иней увѣнчалъ вершины древнихъ дубовъ и вершины высокихъ сосенъ..." [998].

Однажды, зимой, онъ съ другомъ гулялъ на Аптекарскомъ островѣ. Погода была мрачная...

„Вдругъ небо потемнѣло... Снѣгъ посыпался охлопками, и вѣтеръ страшно завылъ" [999].

И вотъ, спасаясь отъ непогоды, они заходятъ въ хижину какого-то „добродѣтельнаго" ремесленника; тамъ ужинаютъ и ложатся спать [1000]. Но герой не можетъ заснуть: „давно уже жизнь ему была несносна" [1001],—и вотъ, въ эту ночь, онъ рѣшилъ, что наступающій день будетъ въ его жизни послѣднимъ... Наканунѣ онъ послалъ предсмертное письмо своей „вѣроломной" возлюбленной... Потомъ зарядилъ пистолетъ и положилъ его на комодѣ [1002]. Ночь онъ провелъ, какъ Вертеръ—„въ нѣкоторомъ родѣ меланхолическаго забвенія..." Въ пять часовъ утра онъ пробрался изъ комнаты въ бесѣдку,—на берегъ рѣки, и тамъ заснулъ...

Проснувшись черезъ нѣкоторое время, онъ приступилъ къ самоубійству.

„Много разъ взводилъ онъ курокъ... Клалъ порохъ на полку, но нѣкая тайная сила его удерживала..." Онъ то выходилъ изъ бесѣдки, то возвращался въ нее... Наконецъ, мысль самоубійства торжествуетъ,— твердымъ шагомъ идетъ опять къ бесѣдкѣ... входитъ... садится на лавку, служившую ему успокоеніемъ... Взглядываетъ въ послѣдній разъ на природу, на блѣдное зимнее солнце,—и... выстрѣлъ раздается въ окружности" [1003].

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что въ послѣдней повѣсти вліяніе Вертера сказалось во внесеніи эпизода „самоубійства",— чисто въ вертеровскомъ духѣ, съ повтореніемъ многихъ деталей этого факта, сопровождавшихъ его въ романѣ Гёте...

Останавливаюсь, въ заключеніе, ненадолго на небольшомъ сочиненіи: „*Милыя, нѣжныя сердца*“, россійское сочиненіе, А*** Э***. (М. 1800). По типу своему, оно принадлежитъ къ той же группѣ, что и произведенія, разобранныя выше: „Утренники влюбленнаго“ и „Часы задумчивости...“ Передъ нами — нѣчто въ родѣ отрывка изъ дневника, или нѣсколькихъ писемъ изъ романа, сочиненнаго въ эпистолярной формѣ... Это—сокровенная исторія чувствительнаго сердца, вынесенная на свѣтъ Божій, благодаря откровенности чувствительнаго человѣка.

По обычаю, заведенному въ русскомъ романѣ Карамзинымъ, мѣстность, гдѣ дѣйствіе повѣсти происходитъ, точно и художественно опредѣляется: —

„...въ щастливомъ уѣздѣ города Д..., при прозрачныхъ струяхъ изливающейся Клязьмы, сливающей свои волны съ струями рѣчки Вори, гдѣ шумы различныхъ мельницъ вселяютъ въ сердца нѣкое меланхолическое услажденіе... Тамъ по одну сторону рѣки возвышающійся холмъ украшается храмомъ св. Іоанна... Его блистающія главы возрождаютъ божественной трепетъ и почтеніе въ душѣ христіанина“... [1004].

Въ этой церкви есть великолѣпный памятникъ, „живо изображающій чувства нѣжнаго супруга, лишеннаго на вѣкъ неоцѣненной половины души своей“.

Слѣдующее затѣмъ описаніе сельскаго ландшафта сбивается на пастушескую идиллію.

„Здѣсь гора, помѣщающая на себѣ щастливое селеніе земледѣльцовъ, гдѣ, подъ тѣнію кущи, при множествѣ излучистыхъ родниковъ, на смѣющихся лужайкахъ пасутся веселыя овечки... Тутъ виденъ гладкій долъ, усѣянный маленькими, но пріятными домиками, служащими покровомъ трудолюбивыхъ ремесленниковъ съ ихъ семействами“ [1005].

„Въ праздничные дни, на испещренномъ цвѣтами и возвышенномъ природою, лужку слушалъ я хоры тамошнихъ дѣвушекъ, забавлялся ихъ сельскими играми, любовался милыми хороводами, плѣнялся невинною рѣзвостію... Видѣлъ ихъ, сплетающихъ вѣнки изъ нѣжныхъ васильковъ... Видѣлъ... и все кончилось, все исчезло, какъ пріятный сонъ!“ [1006].

Далѣе вводится пейзажъ, опять въ духѣ Карамзинскаго:

„А тамъ, тамъ, за быстро-текущимъ по золотовидному песку каскадомъ, на самой крутизнѣ берега рѣки Клязьмы, является, какъ бы изъ облаковъ, церковь св. Николая, окруженная березовою рощею, гдѣ младая дочь моя предъ самымъ алтаремъ покоится сномъ вѣчнымъ... Покойся, невинной младенецъ... часть сердца моего!“ [1007].

Авторъ обращается съ патетическимъ воззваніемъ къ „лѣсамъ“,—вспоминаетъ, какъ по вечерамъ на холмикѣ, близъ ста-

раго вяза, читалъ онъ Фенелона, читалъ „милаго русскаго путешественника“, Фонтенеля, или, —

„лежа при тихо-журчащемъ и отъ луны осребряемомъ ключѣ, забывалъ себя.. И душа моя носилась во всей неизмѣримости природы“ [1008].

Иногда онъ засыпалъ въ лѣсу до зари, и тогда будили его раннія птицы... И онъ —

„...разставался съ тишиною,—прощался, какъ съ милою подругою“... [1009].

Вечеромъ онъ ходилъ въ лѣсъ—„наединѣ читать, мыслить и разсуждать“...

Далѣе слѣдуетъ патетическое воззваніе къ двѣнадцати-лѣтней Аннушкѣ—подростку, съ которымъ его связало какое-то странное чувство—не то дружба, не то любовь...

„А ты!—а ты, милая двѣнадцатилѣтняя малютка!.. любезная Аннушка!—ты придешь иногда къ потоку, толь мною любимому, — придешь и... можетъ быть... можетъ быть, вздохнувши воспомянешь нѣжнаго твоего друга, которой старался образовать твое твое сердце,—которой вдыхалъ въ тебя чувствительность къ непорочности, любовь къ добродѣтели,—которой старался напечатлѣть на душѣ твоей всю славу небесъ, дабы ты имъ восхищалась,—и всю черноту порока, дабы онымъ ты мерзѣла!“ [1010].

Затѣмъ авторъ вспоминаетъ о томъ, какъ она приносила ему землянику,—какъ „маленькими своими рученочками обнимала“ его, и „невинно съ нимъ цѣловалась“.

„Ты помнишь, какъ принесла мнѣ пучокъ шиповнику,—помнишь, какъ онъ, при всей красотѣ своихъ цвѣтовъ, укололъ твою рученочку!.. Такъ помни и то, что я къ симъ цвѣтамъ примѣнилъ, въ твоихъ глазахъ, порокъ, скрывающійся иногда подъ личиною пріятностей!.. Я восхищался, видя въ младомъ твоемъ сердцѣ возрождающуюся болѣе и болѣе добродѣтель...Ты часто искала меня въ головѣ, и я, уклонясь на твои колѣни, засыпалъ сладкимъ сномъ, соединеннымъ съ пріятнымъ мечтаніемъ видѣть тебя благополучною,—видѣть по совершенствѣ лѣтъ твоихъ, ощастлившую собою будущаго твоего мужа!“ [1011].

Вспоминая все это, авторъ вздыхаетъ, жалобясь, что пришлось ему разстаться съ Аннушкой, и теперь, безъ его руководства, она, можетъ быть, погибла,—и какой-нибудь „дьяволъ, въ видѣ человѣка“, соблазнилъ ее... Одна мысль объ этомъ повергаетъ его въ ужасъ, и онъ съ паѳосомъ восклицаетъ:

„Боже!—да мысль сія идетъ мимо меня!.. Молю! да не тревожатъ духъ мой таковыя воображенія! посѣй въ мою душу лучшія начертанія, и я останусь, хотя въ отдаленіи отъ милаго агнца, но въ спокойствіи душевномъ!.. Прими горячую слезу, въ жертву тебѣ излитую!“ [1012].

Затѣмъ онъ вспоминаетъ, какъ въ первый разъ встрѣтился

онъ съ Аннушкой, найдя ее одну спящей въ какой-то избѣ, построенной въ лѣсу.

„Иной бы на мѣстѣ моемъ, нашедъ въ такой дикости спящую прекрасную дѣвушку, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, могъ предпринять совсѣмъ другое, нежели я!—и тыбъ сдѣлалась, сверхъ своей воли, вдругъ несчастною и—порочною!.. Берегись, юное дитя!.. дьяволъ не дремлющъ,—сѣти его вездѣ разставлены, и сей ловчій неутомимъ!“ [1013].

Но всѣ эти воспоминанія объ Аннушкѣ—лишь вступленіе къ самой повѣсти. Авторъ начинаетъ свой разсказъ съ обращенія къ читателямъ:

„Примите, милыя, нѣжныя сердца, участіе въ повѣсти одной фамиліи—но настоящія имена дѣйствующихъ да сокроются въ глубинѣ души моей!“ [1014].

Цѣли своего разсказа авторъ не скрываетъ, — она состоитъ въ томъ, чтобы „поколебать чувства читателей“.

Затѣмъ авторъ описываетъ мавзолей, воздвигнутый на одной могилѣ, и затѣмъ разсказываетъ о судьбѣ сына тѣхъ, кто похороненъ подъ этимъ монументомъ... Его звали „Клавдіемъ“, и авторъ обращается къ нему съ такими восклицаніями:

„Клавдій! бѣдный Клавдій, оставленный въ младости по смерти родителей, безъ родни, въ незнакомомъ городѣ, безъ достатка, слѣдовательно и безъ друзей!.. Клавдій—Боже мой!—къ чему крайность твоя тебя доводитъ?.. Къ чему ты прибѣгаешь?.. Во что вовлекаетъ тебя бѣдность?.. Какія вырываются изъ устъ твоихъ слова?.. Ты рожденъ отъ благородныхъ родителей,—и ты просишь у сострадательныхъ необходимой пищи!.. Десятилѣтній отрокъ, съ природными дарованіями, съ благороднѣйшею душою!“ [1015].

„...Ахъ! Клавдій, въ какомъ ты порабощеніи у злой фортуны...“ [1016].

Затѣмъ авторъ разсказываетъ, какъ добродѣтельный богачъ-Евсеонъ взялъ этого несчастнаго Клавдія къ себѣ на воспитаніе,—выростилъ его, какъ родного сына, въ обществѣ своей дочери Евгеніи. Они гуляли вмѣстѣ, наслаждаясь природою, разсуждая о любви и дружбѣ... Все ихъ радовало — и пѣніе птицъ, и видъ роскошнаго парка... Всѣ трое были довольны жизнью,—собою и другъ другомъ...

„Евгенія удивляется Клавдію, Клавдій—Евгеніи, а Евсеонъ восхищается обоими“ [1017].

Когда Клавдій и Евгенія выросли, чувство дѣтской привязанности, соединявшее ихъ сердца, стало принимать болѣе серьезный характеръ.

„Минута задумчивости одного наводила слезы другому; они любились со всею нѣжностью ихъ лѣтъ и со всею искренностію неиспорченныхъ нравовъ. Время, часъ отъ часу болѣе, связывало ихъ взаимностію [1018].—Натура водила ихъ сердцами, и дала почувствовать нѣчто

болѣе дружбы. Бывъ непорочны, они не запинались во обоюдномъ признаніи, и посвятили себя жить другъ для друга“ [1019].

Однажды сидѣли они въ паркѣ и любовались природою... Вдругъ „двѣ прекраснѣйшія въ природѣ бабочки, играющія между собой“, привлекли ихъ вниманіе и привели нѣжныхъ любовниковъ въ совершенный восторгъ: „почти не дыша“, они наблюдали, какъ тѣ обнимаются... „Ужли и они, имѣя толь малыя въ свѣтѣ фигурки, чувствуютъ любовь?“ [1020]—задавали другъ другу наивный вопросъ Клавдій и Евгенія... И вотъ, слѣдуя примѣру бабочекъ—цѣлуются и они... Клавдій хотѣлъ, было, поймать бабочекъ, но Евгенія не позволила это сдѣлать, прося имъ не мѣшать, —

„почему же знать, можетъ быть, они и не захотятъ имѣть между собою третьяго?“—замѣтила она.

Клавдій отказался отъ своего намѣренія, и былъ прощенъ. Потомъ, усѣвшись въ гротѣ, стали они разсуждать о томъ, что̀ было бы, если бы кто изъ нихъ разлюбилъ другого... Всѣ подобныя разсужденія ихъ кончаются поцѣлуями,—„уста ихъ склеились на нѣсколько минутъ“...

Авторъ, по этому поводу, пускается въ объясненія, почему Клавдій не цѣловалъ рукъ Евгеніи,—по его словамъ, мода „цѣловать ручки“ ввелась тогда, когда „стали очень смякнуть и трескаться“ [1021] губы,—у героевъ же повѣсти губы были свѣжи и сочны...

Затѣмъ Евгенія спрашиваетъ, почему ей такъ легко и спокойно съ нимъ. Клавдій объясняетъ это тѣмъ, что ихъ связываетъ идеально-чистое чувство,—

„что любовь тихая питаетъ сердца, а вольная походитъ на животныхъ, и можетъ иногда счесться порокомъ“ [1022].

Такъ мирно текли ихъ дни... Чистая любовь ихъ все росла. Евсеонъ радовался, глядя на нихъ,—и, разсказывая все это, авторъ все время ведетъ свой разсказъ въ приподнятомъ тонѣ.

Пришлось Клавдію идти на войну. Евсеонъ, „сей бозсмертія достойный мужъ“, заявилъ, что, послѣ окончанія войны, ихъ обвѣнчаетъ. Счастье обоихъ было безпримѣрно.

Прощаніе было трогательно: отъ горя Клавдій былъ „полумертвъ“, Евгенія—„въ обморокѣ“... Затѣмъ авторъ предается разсужденію о силѣ любви... Слѣдуютъ воззванія его къ любви;

„Сколь велико было ихъ восхищеніе, того описать неможно! чувства сердечныя никакое перо изобразить не въ силахъ, и языкъ самыхъ любовниковъ слабъ въ семъ случаѣ... Однѣ слезы,—да, однѣ слезы, есть прямые толкователи происходящаго во внутренности“ [1023].

Наконецъ, война кончилась, и воины побѣдоносно возвратились домой.

„Уже пернатые шлемы блистаютъ; щитоносцы, обремененные славою, возвращаются въ свои границы,—и Клавдій летитъ въ объятія своей любезной“ [1024].

Свиданіе ихъ было радостное: Клавдій вернулся невредимый и награжденный за храбрость крестомъ.

Авторъ обращается съ патетическими радостными восклицаніями сперва къ счастливымъ любовникамъ, потомъ къ читателямъ...

«О! милыя, нѣжныя сердца!»—восклицаетъ онъ, и повѣствуетъ далѣе о томъ, какъ Клавдій и Евгенія поженились и какъ они были счастливы.

Между тѣмъ, —

„Сатурнъ, часъ отъ часу, приближаетъ насъ къ смерти, и немилосердыя парки стремятся отстричь ехидными своими ножницами нить жизни добродѣтельнѣйшаго изъ человѣковъ, Евсеона“ [1025].

И вотъ, Евсеонъ умираетъ, прочитавъ Клавдію и Евгеніи предъ смертью длинную нотацію.

Авторъ разражается, по этому поводу, восклицаніями:

„О, добродѣтель! о, душа праведная! прости!—прости! и предъ престоломъ Всевышняго ходатайствуй о родѣ человѣческомъ!.. Ты прими въ жертву, молю тебя, другъ человѣчества, божественный Евсеонъ,—пріими въ жертву и мои слезы, отъ усердія проливаемыя“ [1026].

Горе Клавдія и Евгеніи было безгранично,—она даже захворала, и родила раньше времени.

„Уже скелетъ вѣчнаго мрака,—сіе безжалостное чудовище, скрежеща зубами, носится въ кругъ несчастной; уже готово разрушеніе... Слабая натура едва подкрѣпляетъ жизненныя пружины“ [1027].

Потомъ Евгенія поправилась, но дѣтей у нихъ, послѣ этого, долго не было. Оба мечтаютъ опять имѣть ребенка.

„Ахъ!“—говоритъ Евгенія, „я сама его буду кормить моею грудью! мы будемъ вмѣстѣ качать его люленьку,—будемъ лелѣять его младенчество!“ [1028].

Наконецъ, ихъ мечты исполняются: ребенокъ рождается, но Евгенія умираетъ.

Авторъ взываетъ къ судьбѣ:

„О! завѣса непроницаемая судебъ!“ [1029].

„Мертвая блѣдность покрываетъ Евгенію,—члены ея охладѣли и сердце, толь любезное, уже не бьется“ [1030].

„Скажите, кто выразитъ душевное состояніе нещастнаго Клавдія?—Кто въ точности изобразитъ намъ его чувство?.. Кто опишетъ сердечной трепетъ... Я вхожу во внутренности Клавдія,—чувствую его горесть и отчаяніе—чувствую, но не въ силахъ оныя изъяснить словами!“ [1031].

Надъ тѣломъ жены онъ произноситъ монологъ,—хочетъ заколоться, но ему мѣшаютъ это сдѣлать.

По этому поводу, авторъ восклицаетъ:

„Вотъ, до чего доводитъ насъ отчаяніе?.. Оградимся чистою вѣрою и она да будетъ во всѣхъ нещастіяхъ нашихъ утѣшительницею!“ [1032].

Прощаясь съ Евгеніей, Клавдій такъ сильно „вопитъ“ надъ ея тѣломъ, что она приходитъ въ себя... Оказывается, она была лишь въ глубокомъ обморокѣ.

Свой разсказъ авторъ заключаетъ воззваніемъ:

„Вотъ, милыя, нѣжныя сердца!.. вотъ, картина,—которую я видѣлъ, бывъ отдаленъ отъ Москвы за тридцать верстъ!“ [1033].

Потомъ Клавдій и Евгенія были счастливы безконечно —

„Катящіяся слезы, вырывающіе(ся) вздохи, восхитительные поцѣлуи, нѣжные взгляды и даже самая нестройность членесныхъ выраженій, дала всѣмъ почувствовать, сколь союзъ ихъ тѣсенъ!.. Чувствительные, стоя около ихъ, плакали; да и кто можетъ равнодушно смотрѣть на толь трогательную сцену?—каменное сердце!“ [1034].

Заканчиваетъ свой разсказъ авторъ благодарственной молитвой...

Это небольшое сентиментальное произведеніе вводитъ насъ въ самыя глубины сложной жизни „милыхъ, нѣжныхъ сердецъ“,— и самого автора, и его читателей, воспитанныхъ на „англійскомъ романѣ“... Изъ этого произведенія мы видимъ еще разъ, что особый колоритъ легъ на всю жизнь природы и человѣка, благодаря исключительному сентиментализму всей этой литературы, благодаря психологическимъ интересамъ, принесеннымъ ею...

Изъ западноевропейскихъ писателей, повидимому, Стернъ болѣе всѣхъ оказалъ вліянія на этого автора,—изъ русскихъ—Карамзинъ повліялъ на манеру автора рисовать русскіе пейзажи, съ явной тенденціей уловить couleur locale и привязать этотъ пейзажъ къ опредѣленной, въ географическомъ отношеніи, мѣстности.

По содержанію своему, произведеніе это (исторія Клавдія и Евгеніи) примыкаетъ довольно тѣсно къ первой печатной повѣсти Карамзина: „Евгеній и Юлія“ (см. ниже).

Кромѣ перечисленныхъ мною (выше на стр. 427—8) произведеній, болѣе или менѣе, тѣсно примыкающихъ къ группѣ „англійскаго романа“, можно назвать еще нѣсколько произведеній, въ разной мѣрѣ тоже принадлежащихъ къ этой же группѣ, но, въ литературномъ отношеніи не заслуживающихъ подробнаго разбора: нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе своего незначительнаго размѣра,

не могутъ быть названы „повѣстями“: это скорѣе—„анекдоты“,—другіе примыкаютъ къ указанной группѣ манерой письма, но отклоняются въ содержаніи, или наоборотъ...

Изъ такихъ произведеній особое вниманіе останавливаетъ на себѣ первая появившаяся въ печати повѣсть Карамзина: „*Евгеній и Юлія*“ [1035]. Подобно повѣсти: „Милыя нѣжныя сердца“—это, въ сущности, анекдотъ, въ основѣ котораго, быть можетъ, лежитъ „случай“ изъ дѣйствительной жизни, облеченный въ литературную форму, — быть можетъ, вымыселъ, похожій на правду жизни... Въ *содержаніи* нѣтъ сходства съ выработанными шаблонами „англійскаго романа“, — въ *общемъ тонѣ* повѣсти и въ манерѣ письма—это сходство, безъ сомнѣнія, имѣется.

Содержаніе повѣстушки слѣдующее: мать и дочь, дворянки, живутъ въ своемъ имѣніи; онѣ счастливы,—безмятежно наслаждаются своею взаимною привязанностью и красотами природы.. Весною они переживаютъ со всею природою общую радость,—осенью „томная меланхолія“ владѣетъ ими—

„Обнявшись, выходили онѣ изъ дому; дожидались солнца, сидя на высокомъ холмѣ и встрѣчали его съ благословеніемъ“.

„Юлія любила болѣе всѣхъ цвѣтовъ фіялку: „Миленькой цвѣточикъ!“—говаривала она, прикасаясь нѣжными устами своими къ ея листочкамъ; „миленькой цвѣточикъ, напрасно скрываешься въ густотѣ травы,—я вездѣ найду тебя!..“ Говоря сіе, клялась внутренно быть всегда подобной любезной своей фіялочкѣ“ [1036].

Пріѣзжаетъ къ нимъ, послѣ заграничнаго путешествія, юноша-Л.,—сентиментальный, прекраснодушный мечтатель... Вмѣстѣ съ Юліей стали они наслаждаться природой, книгами... Иногда она играла на клавесинѣ и пѣла пѣсню Клопштока: „Willkommen, silberner Mond“.

Авторъ, по этому поводу, обращается къ читателямъ съ такимъ восклицаніемъ:

„Кроткія, нѣжныя души!.. вы одни знаете сихъ виртуозовъ, и вамъ, единственно, посвящены ихъ безсмертныя сочиненія!“

Молодые люди, окрыленные чистою любовью, были счастливы.

Умиленный авторъ восклицаетъ:

„Блаженныя Патріархальныя времена, въ которыя добродѣтельный юноша, безъ всякой боязливой застѣнчивости, означающей растлѣнную порокомъ душу, прижималъ къ груди своей добродѣтельную дѣвицу!“ [1037].

Они были помолвлены. Всѣ радовались ихъ счастью—и домашніе, и крестьяне—

„Всякой спѣшилъ къ обѣднѣ,—всякой хотѣлъ отъ всего сердца молиться о благополучіи ихъ... Какое зрѣлище для Ангеловъ!“ [1038].

Но, увы!.. Въ вечеръ помолвки Евгеній простудился, и скоро умеръ.

Горе Юліи было безгранично—но не въ холодныхъ напыщенныхъ вопляхъ-монологахъ выразила она свою горесть—

„Ни одной капли слезъ не видно было въ глазахъ ея, и никакихъ жалобъ уста ея не произносили; но въ сердцѣ своемъ чувствовала она всю тягость свершившагося удара!“ [1039].

Съ тѣхъ поръ радость отлетѣла навсегда отъ ихъ дома,—

„Г-жа Л* и Юлія лишились въ сей жизни всѣхъ удовольствій, и живутъ во всегдашнемъ меланхолическомъ уединеніи. Самая Природа, бывшая нѣкогда для нихъ источникомъ радостей, представляется имъ мрачною и запустѣвшею“ [1040].

Такова эта трогательная повѣсть-анекдотъ. Въ ней нѣтъ сложной развертывающейся драмы, основанной на внутренней борьбѣ,—передъ нами яркая литературная иллюстрація къ факту, выхваченному изъ жизни (или повторяю, удачно-вымышленному). „Una domus sufficit“, этотъ лозунгъ новой литературы—вполнѣ приложимъ къ этому этюду, въ которомъ юный Карамзинъ впервые испыталъ свои способности художника психолога. Пейзажъ еще отсутствуетъ въ этой повѣстушкѣ. Авторъ вышеразобранной повѣсти: „Милыя, нѣжныя сердца“ — взялъ изъ этого произведенія схему, но обогатилъ ее пейзажемъ, въ духѣ тѣхъ, что̀ ввелъ Карамзинъ позднѣе въ своей „Бѣдной Лизѣ“.

Совершенно въ такомъ же родѣ маленькій разсказъ: „*Чувства мои надъ гробомъ доброй Маріи*“ (12-лѣтней дѣвушки) (В. Измайлова) [1041].

Передъ нами—сплошной монологъ. Начинается произведеніе съ патетическаго обращенія къ усопшей Маріи,—

„Навѣки сокрылась ты отъ насъ... милая, кроткая, добрая Марія!.. Ангелъ невинности и добродѣтели — и образъ Божества на землѣ!“ [1042].

Далѣе слѣдуетъ характеристика этой Маріи:

„Марія цвѣла, подобно весеннему дню,—улыбалась, подобно ясному утру!.. Буря страстей не смѣла волновать еще дремлющаго ея сердца,—все въ ней дышало истинною непорочностью, будущею нѣжностью и всегдашнею правотою!.. Она родилась рабою, но возвышенныя чувства дѣлали ее владычицею... Видно было въ очахъ ея (хотя мы тогда и не примѣчали сего!), что желѣзныя звенья невольническихъ цѣпей, вокругъ ея гремящихъ, скоро разсыплятся... Имѣя чувствительное сердце, она всячески старалась угождать своимъ ближнимъ, роднымъ и всѣмъ ею знаемымъ... Она была вѣрной другъ, нѣжная дочь и усердная служи-

тельница, была бы нѣкогда—увы!—чувствительною подругой, доброй и горячей матерью!" [1043].

Потрясенный ея преждевременной смертью, авторъ „съ неподвижными и мокрыми глазами", смотритъ на лицо умершей, разсказываетъ о тягостномъ настроеніи всѣхъ присутствующихъ при ея погребеніи, о рыданіи ея брата, о печальномъ звонѣ колоколовъ... Затѣмъ онъ взываетъ къ Меланіи, матери Маріи... Онъ представляетъ себѣ, какъ эта Меланія, ничего не подозрѣвая о смерти дочери.—

„можетъ быть, въ сію минуту, пригнавъ пеструю стаю птицъ (Меланія ходила въ деревнѣ за птицами госпожи своей) къ зеленому бережку быстротекущей рѣчки, садится неподалеку отъ нея, подъ вѣтвями тѣнистаго дерева,—смотритъ съ удовольствіемъ на тихое плаванье гусятъ и утятъ ныряющихъ" [1044]...

Авторъ горюетъ, что не можетъ видѣть этой бѣдной старушки, и воображеніе опять рисуетъ ему трогательную картину горя старухи, когда до нея дойдетъ печальная вѣсть о смерти дочери—

„Выплакавъ все материнское сердце свое, ты идешь на высокія *полати* свои, до того часа, когда запоютъ пѣтухи, и заскрипятъ ворота. (Извѣстно, что, съ пѣніемъ утреннихъ пѣтуховъ, выгоняются стада въ деревняхъ, и тогда вездѣ отворяются ворота), заблаговѣстятъ къ заутреню,—и ты пойдешь въ церковь молиться со слезами о умершей своей дочери!.. Ахъ, ежели бы мнѣ возможно было, то бы я полетѣлъ въ село Род. плакать вмѣстѣ съ сею злополучною старушкою,—поспѣшилъ бы броситься въ ея сиротскія объятія,—прижался бы тѣсно къ ея, любовію дышащему, сердцу,—назвалъ бы ее въ послѣдній разъ сладкимъ для нея и священнымъ именемъ „матери", и живымъ состраданіемъ уменьшилъ нѣсколько горькое чувство ея одиночества!" [1045] и т. д.

Монологъ заканчивается патетическимъ обращеніемъ къ Маріи...

Совершенно аналогично съ этимъ другое произведеніе того-же В. Измайлова: „*Минутное блаженство*" [1046].

Начинаетъ свой разсказъ авторъ съ пространнаго гимна въ честь чувства:

„Чувство, магическое чувство!.. искра Божества! лучъ Ангельской души! сладкое упоеніе сердца! неисчерпаемой источникъ жизни—источникъ сладостныхъ движеній, нѣжныхъ вздоховъ, тихихъ слезъ! о!.. Ты подобно Божеству—нѣчто неосязаемое, съ нимъ самобытное, и непостижимое; но вездѣ, какъ и оно, сущее, чистою эѳирною любовью дышащее и во всѣхъ добрыхъ тваряхъ живущее!.. Чувство! о, какъ быстро, какъ пріятно электризуешь ты тончайшія фибры сердецъ нашихъ!" [1047].

„Какого Ангела, какого Бога дѣлаешь ты изъ человѣка, когда онъ, въ уединенные часы свои, въ тихомъ кабинетѣ, въ объятіяхъ

сельской натуры, почерпаетъ Божественныя твои вдохновенія въ тайныхъ изгибахъ своего сердца, изливаетъ ихъ на бумагу, или читаетъ Геснера, Руссо, Стерна, Петрарка и прочихъ нѣжныхъ сыновъ твоихъ!" 1048.

Далѣе авторъ говоритъ, какъ счастливъ человѣкъ, когда бесѣдуетъ съ натурой—

„когда человѣкъ, видя кровавыя рѣки, льющіяся на горизонтѣ человѣчества, и слыша гремящіе вдали оковы, орошаетъ ихъ горькими слезами, облегчаетъ жребій несчастныхъ, дѣлается ходатаемъ себѣ подобныхъ,—вторымъ Реналемъ, вторымъ Говардомъ... Его, по справедливости назвать, можно „ходатаемъ человѣчества"; (О Говардѣ сказывать не нужно,—кто не слыхалъ объ немъ?.. см. „Histoire philosophique et politique par l'abbe Raynal"). Когда человѣкъ, сидя съ милою подругою на берегу кристальнаго ручейка, подъ тѣнью кудрявой рощи, переливаетъ чувства свои въ ея душу,—ея чувства въ свою душу... наслаждается посредствомъ ея всею природою,—и однимъ взоромъ, однимъ пожатіемъ руки, одною блестящею слезою, говоритъ: „Ты моя—и твой!" ...Когда онъ, видя всю вселенную, горящую огнемъ Везувія, подобно пламеннымъ чувствамъ своимъ, заключаетъ въ объятія свои милую подругу, трепещетъ и..." 1049.

Затѣмъ авторъ говоритъ, что онъ *одинъ* лишь *мигъ* наслаждался счастьемъ... Жалобится, утѣшаетъ себя мечтою, что какая-нибудь изъ чувствительныхъ читательницъ, быть можетъ, восчувствуетъ къ нему состраданіе—и пожелаетъ сдѣлаться его героиней...

Слѣдуетъ затѣмъ описаніе природы, въ духѣ сентиментальной идилліи, съ тенденціями дать „Kleinmalerei"... Восхваляется счастливая жизнь поселянъ —

„На высокой и крутой горѣ, подъ сѣнью частаго лѣса, въ виду прекрасныхъ ландшафтовъ, стоялъ низенькой, уединенной, сельской домикъ. Густая, зеленая трава разстилалась, какъ шелковый коверъ, передъ его маленькими окнами; изъ ея нѣдръ выходили пестрые цвѣты; вокругъ ихъ вились птички" 1050.

„Подлѣ нихъ зеленѣлись огороды... Желтѣли гумна со скирдами, и чернѣлись низенькіе плетни. Подъ соломенными навѣсами, гдѣ разметаны были сохи, телѣги, косы и прочія земледѣльческія орудія, и гдѣ смирныя куры подклевывали крупинки и зерна, сидѣли бѣлорумяныя крестьянки,—пряли, кормили ребятъ, доили коровъ и шутили съ молодыми моими сверстниками" 1051.

Рѣшительно вооружается онъ противъ города, гдѣ любятъ наслажденіе, но боятся плодовъ его,—

„да гдѣ же новорожденные встрѣчаются печальною улыбкою?—Тамъ, гдѣ не женятся для того, чтобы имѣть *полную избу дѣтей*!" 1052.

Далѣе начинается самый разсказъ. Въ деревнѣ — въ этомъ райскомъ уголкѣ—жилъ авторъ съ милою подругою,—съ сыномъ

и дочерью. Онѣ были вполнѣ счастливы,—наслаждались жизнью, молились Богу среди природы,—и

„сердца ихъ были жертвенниками, на которыхъ курился предъ Нимъ чистой ѳиміамъ; съ симъ послѣднимъ разстилались по воздуху тонкіе пары дымящихся полей и ароматныя благоуханія цвѣтовъ“ [1053].

Онъ былъ близокъ къ крестьянамъ и, благодаря этому, —

„наблюдалъ человѣчество въ самомъ простомъ и, слѣдовательно, въ самомъ близкомъ къ первобытной его натурѣ состояніи“ [1053].

Своими наблюденіями провѣрялъ онъ сердцевѣдца-Монтаня и Попе. Крестьяне—и ребятишки, и старики любили ихъ.

Вполнѣ наслаждался онъ и семейнымъ счастьемъ.

„Но что бывало со мною тогда, когда нѣжная моя подруга брала младшаго на колѣни, разстегивала бѣлую свою кофточку—и приближала лилейную грудь къ розовымъ губамъ младенца!.. Творецъ мой! и теперь слезы катятся изъ глазъ моихъ, и теперь сердце мое наполняется неописаннымъ чувствомъ... Никогда, никогда не могъ я насытиться зрѣніемъ сего величественнаго предмета,—сего благороднаго и священнаго долга!.. Мнѣ казалось, что Королева на престолѣ—ничто передъ матерью съ груднымъ младенцемъ!“ [1054].

Вдвоемъ съ женой читали они Руссо. Вечеромъ гуляли... Разъ, во время прогулки, захватила ихъ гроза... Слѣдуетъ описаніе бури и грозы. Громъ грянулъ надъ ними—и жена его упала, сраженная молніей... Въ это самое время авторъ... проснулся. Оказывается, это „минутное блаженство“ и ужасная катастрофа—все это было лишь сонъ. Въ заключеніе, авторъ взываетъ къ юности, къ своимъ пятнадцати годамъ и кроткому маю, когда онъ впервые полюбилъ,—

„когда неопытныя уста мои опалились въ первый разъ на алыхъ губахъ возлюбленной,—когда робкая рука моя расколола въ первый разъ тонкое полотно на полной, высокой, алебастровой груди ея,—когда душа моя переселилась въ другую душу“ [1055].

Въ литературномъ отношеніи, несомнѣнный интересъ представляетъ собою также небольшое произведеніе: „*Дружескія письма, Истинской желѣзной заводъ*“ [1056].

Это произведеніе, по тону своему, напоминаетъ лучшія страницы изъ „Писемъ русскаго путешественника“.

Автору удалось раскрыть всю тонкость своихъ настроеній, удались ему и пейзажи, въ которыхъ ясно опредѣляется couleur locale.

Начинается произведеніе съ мотивовъ оссіановскихъ:

„Всюду сѣдой туманъ и наморщенныя тучи... Потемнѣлъ чистый яхонтъ неба... Потускли зеркальныя воды... Поблекли рощи и долины

изумрудныя... Не видно свѣтлой лѣтней зари, ни жемчужныхъ свѣтлыхъ облаковъ съ розовыми отъ лучей краями... Стучитъ по крышкѣ частой дождь... Осенняя сяча (?) пробила твердый камень, до корня згноила зеленый бархатный мохъ... Умолкла пѣнія сладкогласная струна... Вѣтръ реветъ и воетъ... Ставень бьется о стѣну хижины... Плещется объ берегъ волна...“ 1057.

Затѣмъ авторъ рисуетъ печальное состояніе души чувствительнаго человѣка осенью.

„Печальный, размышляющій въ ясные осенніе дни, бродитъ въ рощахъ среди разноцвѣтныхъ листьевъ, шумящихъ подъ ногами его... Прощается онъ съ знакомыми себѣ мѣстами; уныло проходитъ мимо обнаженнаго дуба, подъ тѣнію котораго прохлаждался лѣтомъ; печально смотритъ на посѣдѣвшій холмъ,—на засоренный листьями источникъ,—на пустое гнѣздо, оставленное соловьемъ... Одно стадо черныхъ галокъ рисуется въ глазахъ его на бѣлыхъ облакахъ; одинъ лай сельской собаки звонко раздается ему въ тишинѣ лѣсной“ 1058.

Живо представляетъ себѣ авторъ, что̀ осенью долженъ переживать любовникъ, разлученный съ возлюбленной,—

„Грустный любовникъ томно взираетъ на луну... Лучъ ея играетъ въ каплѣ слезы его... Тяжко воздыхая, воспоминаетъ онъ любезную свою,—воспоминаетъ, какъ и она любитъ смотрѣть на луну... Отъ рѣсницы, слезою окропленной, мысленно посылаетъ онъ лучъ къ озрачку (sic) своей любезной... Свѣтлая нить чрезъ дальныя стороны, отъ глаза къ глазу въ мысляхъ его простиряется—чрезъ дальныя стороны сближаетъ, связуетъ сердца“ 1059.

Послѣ этого, авторъ обращается къ себѣ и разсказываетъ, что̀ переживаетъ онъ самъ:

„Природа исполнена томностію, сердце мое—грустію... Слякоть и дождь напоминаютъ мнѣ безпристанищное мое состояніе!.. Осеннимъ уныніемъ напоминаются мнѣ множество лѣтъ, провожденныхъ мною безъ наималѣйшей отрады,—безъ надежды ни отъ другихъ себѣ щастія, ни отъ себя другимъ“ 1060.

Затѣмъ энергично нападаетъ онъ на городъ, съ его роскошью и эгоизмомъ,—бѣдность, по его словамъ, есть порожденіе города...

Потомъ онъ обращается къ своему другу со словами ободренія:

„Поживемъ въ нещастіяхъ—надеждою чрезъ себя сдѣлать другихъ благополучными!.. Поживемъ терпѣливо, вѣруя, что сѣющіе слезами—радостію пожнутъ!.. Мы имѣемъ склонность къ добру, и наше нещастіе въ томъ состоитъ, что мы лишены способовъ дѣлать добро лучше... Наше нещастіе въ томъ состоитъ, что мы видимъ другихъ нещастливыми... Такое нещастіе извѣстно однимъ только чистымъ душамъ, склоннымъ къ безпредѣльной благотворительности и всеобъемлющей любви человѣчества“.

„Твое сердце имѣетъ въ другомъ отраду отъ горестей, но мое ничѣмъ не защищено отъ мрачности и унынія!.. Прости, драгоцѣнный

другъ души!... Умѣй чувствовать превосходство щастливой участи твоего сердца!" 1061.

Заключается это произведеніе обращеніемъ къ другу—привѣтъ Карамзина, присланный къ друзьямъ изъ Твери („Письма русскаго путешественника"), несомнѣнно, оказалъ свое вліяніе, по крайней мѣрѣ, на начало этого письма:

„Разстались мы съ тобою, любезной и единственный мой другъ!.. Опредѣлены ли сіи разлуки для пріученія сердца нашего—терять и находить,—находить и терять... Сердце человѣка, безпрестанно переѣзжающаго съ мѣста на мѣсто, подобно рѣшеткѣ, сквозь которую протекаетъ вода: струя ежемгновенно умчится, но все крупное и видное въ ней останется... Равномѣрно мѣста перемѣняются... Время стремится и проходитъ,—но все важное, все радостное, или прискорбное, остается въ этой рѣшеткѣ жизни нашей—въ сердцѣ, хранилищѣ нашихъ утѣхъ и нашей горести!.. Все прилѣпляется къ сей вѣчной струнѣ, которая, при единомъ прикосновеніи воображенія и памяти, повторяетъ со всею силою наши прошедшія злополучія и утѣхи,—наши времяпровожденія, наши свиданія и разлуки!" 1062.

Произведеніе это особенно интересно реалистическимъ изображеніемъ картинъ природы, — нѣтъ въ немъ слащаваго идеализированія русской природы, нѣтъ обращенія ея пейзажей въ пастушескую идиллію... „Kleinmalerei" — здѣсь въ полной силѣ; точность географическая выдержана; ясно опредѣленъ и couleur locale (весной — кукованіе кукушки, крикъ коростеля). Привожу примѣры,—

„Природу видѣлъ я въ самой ея колыбели,—все возросло при моихъ глазахъ. Невидимый рѣзецъ разновидно очертилъ при мнѣ травы; тихо-сячущійся дождь развернулъ почку въ листокъ, и вѣтеръ разнесъ его благоуханіе... При моихъ глазахъ каждое дерево порознь начало изображать особенный міръ; при корнѣ его появились муравьи, букашки, ползающія въ трещинѣ коры, подобно какъ въ преглубокихъ рвахъ,—каждой листочекъ населился своими жителями; при каждыхъ двухъ сучьяхъ появились узорочные чертежи пауковъ" 1063.

„Живу одинъ въ домѣ на горѣ... Оттуда влѣво виденъ шумный вашъ Петербургъ, но часть его скрываетъ начатокъ горы, гдѣ расположено Красное Село... Павловское (деревня) и фаянсовая фабрика стоятъ въ долинѣ: по срединѣ ея, со многими прудами, видна нижняя и верхняя фабрика бумажная. Вдали видны высокія мѣста и горы,—Дудоровская Кирка и три Дудоровскія горы, откуда открывается прекрасная равнина, испещренная пашнею и огородами, чухонскими хижинками" 1064.

Менѣе, въ литературномъ отношеніи, интересна довольно шаблонная повѣстушка: *„Парамонъ и Варенька"* 1065.

Начинается разсказъ съ патетическаго воззванія автора:

„Тѣни, сердцу моему любезныя! тѣни, коихъ нѣжности ничто теперь не препятствуетъ!"

„Десять кратъ уже весна посѣщала высокую могилу, гдѣ тѣла ваши навѣки соединились!".

Авторъ жалѣетъ, что только теперь онъ собрался „бросить цвѣтокъ" на ихъ печальную могилу.

„Бывъ подъ рукою учителя, я тогда могъ только дать обѣтъ, но исполнить оный, долженъ былъ оставить времени".

Далѣе слѣдуетъ, точное въ географическомъ отношеніи, опредѣленіе мѣста, гдѣ произошло событіе, послужившее содержаніемъ повѣсти.—

„Тамъ, гдѣ, съ одной стороны, быстрый Днѣпръ по утесистымъ порогамъ съ ревомъ соединяется съ тихимъ Ворсклом,—съ другой же, длинною цѣпью простираются горы, засѣваемыя на ихъ хребтахъ арбузами и хлѣбомъ,—на низкой, смѣющейся равнинѣ, недалекой отъ берега рѣки, стоитъ уединенное мѣстечко" 1066.

Обращаетъ свое вниманіе авторъ также на развалины старой крѣпости петровскихъ временъ,—по его словамъ, она—

„потряхивая дряхлыми плечами, гордится еще тѣмъ, что скончала подвиги Великаго Петра противъ великаго непріятеля".—

Тихо и мирно течетъ здѣсь жизнь, и только кости давно-похороненныхъ здѣсь солдатъ иногда обнаруживаются изъ земли, и видъ ихъ погружаетъ зрителя въ состояніе грусти...

Жизнь поселянъ, здѣсь живущихъ, представлена „идиллической"... „Невинность и любовь", не испорченныя культурой, управляютъ здѣсь сердцами:

Въ этомъ счастливомъ селеніи жили оба героя повѣсти.

Встрѣтились они однажды во время жатвы:

„Однажды, по случаю, родители Вареньки засѣяли ниву, въ смежности съ нивою, съ которой надлежало снимать хлѣбъ Парамонушкѣ. Рожь вызрѣла. (Я говорю такъ, какъ мнѣ разсказывала мать жениха). Родимые Вареньки выбираются въ поле и начинаютъ жатву. Спустя нѣсколько дней, выходятъ также и домашніе Парамона... На другой день солнце подымается выше, выше... И не знающія себя симпатическія сердца становятся къ другу ближе... Парамонъ уже нажалъ нѣсколько сноповъ... „Ахъ, какой чернобровчикъ!"—вскричала смуглянка, когда онъ приподнялся, въ одной рукѣ съ серпомъ, а въ другой съ горстью ржи... Посмотрите, матушка!"... И сердце ея забилось сильнѣе... „Да, дитятко! это—сынъ Ивана Пахомыча; отецъ его—добрый хлѣбосолъ, да онъ и самъ, видишь ли,—какой рабочій!"... Слова матери священны,—дѣвушка уже не своя!" 1067.

На слѣдующій день и Парамонъ замѣтилъ свою сосѣдку—прелестную жницу,—

„Онъ еще не знаетъ, что сердце ея для него бьется, —хочетъ сдѣлать опытъ, на который получилъ уже право отъ своей чувствительности“...

Парамонъ деликатно заговариваетъ, потомъ заигрываетъ съ Варенькой,—и скоро они познакомились... „Рѣзвость и ревность къ работѣ умножили ихъ взаимную склонность. Они оставили нивы, давъ клятву не забывать другъ друга вѣчно“.

Однажды мать Парамона открыла тайну его сердца; она застала, какъ онъ,—

„нарвавъ въ огородѣ васильковъ и маковъ, сидя между грядъ, заплеталъ изъ нихъ вѣнокъ“.

Когда подошла мать, онъ смутился,—„бросилъ недокончепный вѣнокъ, и закраснѣлся“.

Такое странное поведеніе сына вызвало у матери подозрѣніе.

„Нѣтъ ли у тебя, сынокъ, зазнобушки?“—спросила она его... Онъ еще болѣе покраснѣлъ. „Экой мошенникъ!.. А еще не скажетъ!.. Кому ты этотъ вѣнокъ готовишь? признайся!“—Парамонушка туда-сюда... Наконецъ, хоть со слезами, но признался... „Такъ ты бы, глупенькій, давно намъ о семъ сказалъ!.. мы бы горю пособили!“ 1008.

„...Въ одинъ день нахмурила черная туча... Немедленно сверкаетъ молнія... гремитъ громъ... ливень наводняетъ нивы, и всякъ ищетъ для себя безопаснѣйшаго убѣжища... Еще сверкнула молнія, — и вдали обняло копну огнемъ... Поднимаютъ крикъ... забываютъ грозу... бѣгутъ утѣшить сосѣдовъ... Сосѣдовъ?.. Увы, самихъ себя!.. Парамонъ и Варенька... у сей копны безъ дыханья... Онъ сидѣлъ одною рукою, обнявъ шею своей невѣсты, а другую положивъ на ея колѣно... Вареньки голова лежала на плечѣ Парамонушки, какъ будто отъ страха, чтобъ не видѣть молніи... Ихъ схватили, чтобъ не поняло пламя, и нашли въ лицѣ жениха черноту, а у Вареньки на между груди желтоватое пятно“ 1009.—

Родители были повергнуты въ ужасъ и отчаяніе. Авторъ восклицаетъ:

„Ахъ! отъ одной памяти о семъ сердце мое обливается кровью!“.

„Поселяне пришли въ ужасное волненіе... „Парамонъ!“... „Варенька!“... „*Богъ ихъ убилъ!*“... „*Богъ ихъ убилъ!*“... всѣ повторяли, и слезы катились изъ очей ихъ градомъ“.

Всѣ плакали надъ ними, и тѣла ихъ провожали до могилы.

Свой трогательный разсказъ авторъ заключаетъ восклицаніемъ:

„Бѣдненькіе они!.. Они, можетъ быть, и тогда занимались приготовленіями къ свадьбѣ... Говорили другъ другу тысячу нѣжностей, дѣлали невинныя, въ будущемъ своемъ хозяйствѣ, распоряженія... Вотъ всѣ тутъ надежды!... Небо! тебѣ одному извѣстно, для чего нужны таковыя жертвы!“... Есть милліоны безплодныхъ деревьевъ, безполезныхъ башенъ... тысячи пагубныхъ человѣческому роду тварей... Но ты... ты

нерѣдко караешь невинность, и перунъ твой скользитъ по груди злодѣя!...—Безбожная мысль! удались отъ меня"... [1070].

Слѣдуетъ ненадолго остановиться также на небольшой повѣстушкѣ Ильи Тимковскаго: „*Бѣлецъ*" [1071]. Передъ нами, очевидно, разсказанъ случай изъ дѣйствительной жизни. Содержаніе его несложно,—одинъ крѣпостной юноша былъ щедро надѣленъ дарованіями и обладалъ чувствительной душой. Онъ былъ—

„такихъ дарованій, кои въ модномъ свѣтѣ играли бы роль непослѣднюю, и кои отъ порядочнаго воспитанія получили бы большую силу и живость". „Онъ былъ добръ, чувствителенъ, вѣренъ... Онъ жаждалъ дѣятельности" [1072].

Должностью лакея онъ томился; бездѣлье городской жизни его мучило,—изъ лакейской тянуло его на лоно природы... И вотъ, онъ рѣшилъ бѣжать въ деревню...

„Холмистыя поля"—сказалъ онъ нѣкогда,—„вы, кои украсила природа толикими прелестями, и на коихъ она соединила съ полезнымъ пріятное!"

„Какъ желалъ бы я упоеваться всегда нѣгою средь кущей вашихъ!... Тамъ, ощущая щедрость природы и цѣну бытія своего, я занимался бы полезными трудами!.. Я рожденъ для васъ!.. Нѣтъ, я не могу жить болѣе въ отсутствіи отъ тебя, страна любезная!.. Очаровательный видъ твой носится повсюду предо мною и днемъ, и ночью!" [1073].

И вотъ, онъ бѣжалъ въ деревню,—поселился въ какой-то пещерѣ и жилъ воровствомъ, пока было тепло... На зиму онъ рѣшилъ опять перебраться въ городъ.

„Придетъ время"—думалъ онъ,—„когда повѣютъ вѣтры... цвѣты увянутъ и изсохнутъ... листы поблекнутъ и осыплются... зима замететъ поля снѣгомъ... Тогда удалюсь въ большой городъ, куда, обыкновенно, стекаются люди всякаго рода" [1074].

Но преступное ремесло, которымъ онъ промышлялъ, сдѣлало его нѣжную душу грубою,—и скоро онъ сталъ равнодушно относиться къ красотамъ природы.

„Но судьба недолго потакала сему злонравному бѣглецу!.. Вообще рѣдкіе грабители, какого-бы рода они ни были, въ состояніи избѣгнуть пораженія судьбы, карающей пороки!" [1075]—замѣчаетъ авторъ.

Онъ былъ пойманъ и возвращенъ хозяину... Потомъ оказалось, что онъ приходился родственникомъ своему барину, и что—

„странные обороты своенравнаго рока ввергли его въ такое низкое состояніе" [1076].

И вотъ, изъ лакея сдѣлался онъ другомъ своего хозяина, и потомъ зажили они мирно и счастливо.

Суть этой повѣсти выражена въ тѣхъ вступительныхъ словахъ, съ которыхъ начинаетъ авторъ свой разсказъ:

„Чувствительностью хвалятся люди разборчиваго, тонкаго вкуса; друзья страстей находятъ ее въ своихъ разнѣженныхъ, мягкихъ сердцахъ". Но, по словамъ автора,—„чувствительность встрѣчается намъ и въ низкомъ состояніи, — она сопряжена съ любовью природы" [1077].

Итакъ „чувствовать" умѣютъ и крестьяне,—вотъ, идея разсказа, которая сближаетъ это произведеніе съ „Бѣдной Лизой".

Кромѣ того, любопытно это произведеніе, какъ первая въ русской литературѣ попытка разобраться въ эстетикѣ простого человѣка,—позднѣе Тургеневу въ лицѣ его Герасима („Муму") гораздо реальнѣе удалась выяснить это безотчетное стремленіе простого, „естественнаго", человѣка изъ душнаго города въ деревню,—Тимковскому сдѣлать это не удалось: оттого, въ лицѣ его героя, чувствительный, прекраснодушный юноша, любитель природы, лакей и воръ-преступникъ не слились въ одинъ образъ... Но важно, во всякомъ случаѣ, что еще въ XVIII-омъ вѣкѣ, въ этомъ маленькомъ разсказцѣ поставлена была уже такая проблемма...

Въ повѣсти К. Ѳ. Спб., „*Емилія, или материнская любовь*" [1078], встрѣчаемся мы опять съ новой идеей: сердце распутной женщины освящается материнствомъ.

Содержаніе повѣсти слѣдующее:

„Емилія была молодая дѣвушка,—изъ числа красотъ, потерявшихъ первыя прелести невинности,—стыдливость и добродѣтель" [1079].

Емилія вела свободный образъ жизни, и, въ результатѣ, родила дочь. Ребенка у нея отобрали, сказавъ ей, что онъ умеръ. Воспитаніе ребенка поручить ей не хотѣли,—ибо разсуждали такъ:

„Одной добродѣтели прилично наслаждаться удовольствіемъ быть матерью; но пороку—какъ можно лобызать невинность!.. Какъ можно лелѣять ее и стараться о ея воспитаніи!.. Мы живемъ нашими дѣтьми!"

Между тѣмъ, Емилія, сдѣлавшись матерью, совсѣмъ исправилась:

„Ея душа, образумленная сею трогательною сценою жизни, требовала чистѣйшихъ наслажденій",—и она впервые ощутила потребность „истинныхъ удовольствій!" [1080].

Тогда она рѣшилась оставить свѣтъ и сдѣлалась монахиней—

„Емилія въ монастырѣ сдѣлалась примѣромъ добродѣтели для всѣхъ сестеръ".

Тамъ она жила долго, и особенно привязалась къ одной дѣ-

вушкѣ, отданной въ этотъ же монастырь на воспитаніе. Какая-то необъяснимая симпатія привлекала ихъ обѣихъ другъ къ другу...

Вдругъ Емилія совершенно случайно узнала, что дочь ея жива. Она была потрясена этимъ извѣстіемъ:

„Какая пріятная вѣсть для души, которой еще чувствительность не совсѣмъ угасла!.. И материнская любовь пробудилась во всей своей силѣ... „Моя дочь жива!.. Я мать!.. и—не могу быть названа симъ именемъ!.. прости, мой Богъ, естьли въ сіи минуты душа моя открываетъ въ себѣ путь чуждымъ впечатлѣніямъ, которыя снидутъ со мной во гробъ!.. Моя дочь не умерла!.. и я не могу прижать ее къ моей груди къ моему сердцу!.. гдѣ она?—Ахъ! гдѣ она? Кто ее скрываетъ отъ моихъ лобзаній? отъ сихъ слезъ моихъ?" [1081].

Оказалось, симпатичная Емиліи дѣвушка, жившая въ монастырѣ, и была ея дочерью... Радость Эмиліи шумно выразилась въ „разговорахъ съ собою" и въ патетическихъ восклицаніяхъ... Но дѣвушку взяли изъ монастыря,—и Емилія, вторично лишившись дочери, умерла съ горя...

Небольшая повѣстушка: *„Темный лѣсъ, или чувство бѣдствій человѣческихъ и благотворенія"* [1082], которую сочинилъ какой-то П—й представляетъ собою произведеніе, любопытное въ идейномъ отношеніи, но мало-интересное въ литературномъ.

Это—разсказъ о страданіяхъ крестьянъ, угнетаемыхъ произволомъ помѣщика. Начинается разсказъ съ повѣствованія автора о своихъ настроеніяхъ на лонѣ природы:

„Я плаваю въ ароматической атмосферѣ, меня окружающей... Слушаю ни съ чѣмъ несравненную музыку пернатыхъ... Покой и тишина отвсюду меня объемлютъ... Ни одинъ листокъ не шевелится... Кромѣ меня, нѣтъ ничего движущагося... Небесный восторгъ наполняетъ мою душу... Забываю, что я—временный гражданинъ земли, угнѣтаемый бѣдствіями, имѣющій неотмѣнно нужду въ благотвореніи отъ подобныхъ мнѣ человѣковъ!.." [1083].

Разъ онъ шелъ вечеромъ по лѣсу, и размышлялъ о печальной судьбѣ всего человѣчества: онъ видѣлъ—

„Вездѣ страждующее человѣчество, угнетенное естественнымъ и купно нравственнымъ зломъ"... Житель Лапландіи мучится отъ холода, Малабарецъ страдаетъ отъ зноя,—„толпы негровъ влекутся въ оковахъ изъ одной части свѣта въ другую, и заключаются вѣчно въ земныя нѣдра для насыщенія никогда ненасытимой алчности къ злату" [1084].

Но отъ такихъ размышленій онъ не теряетъ ни бодрости духа, ни оптимизма,—и утѣшаетъ себя такими мыслями:

„Зло безъ добра никогда не существуетъ!—„Что̀ вредно одному звену, то служитъ къ пользѣ всецѣлой цѣпи" [1085] и пр.

Предавшись затѣмъ размышленіямъ о человѣкѣ,—благороднѣйшемъ и могущественнѣйшемъ изъ всѣхъ существъ,—авторъ восхваляетъ его и, въ тоже время, признается, что его надо осудить за многое.

Въ лѣсу онъ вдругъ былъ остановленъ словами какого-то нищаго калѣки:

„Чего ты ищешь, добрый баринъ"—услышалъ я охриплой томной голосъ, и увидѣлъ человѣка, сидящаго на колѣняхъ и поддерживающагося мертвымъ деревомъ.—„Кто ты несчастный?—Ты не имѣешь другого убѣжища?.. Какъ ты сюда зашелъ"—спросилъ я нетерпѣливо, желая узнать въ одно мгновеніе обо всѣхъ его обстоятельствахъ" [1086].

Оказалось, это—нищій-калѣка, который „пришелъ въ деревню просить милостыни во имя Живоначальныя Троицы"—и ночь застала его въ лѣсу.

„при сихъ словахъ въ два ручья покатились слезы изъ глазъ моихъ"—разсказываетъ авторъ.

Онъ, конечно, сейчасъ же вступилъ съ нищимъ въ разговоръ и узналъ, что тотъ родился недалеко отъ города Б.,—

„между тѣми любимцами Природы, которыхъ она опредѣляла обработывать землю".

Жилъ онъ сперва въ довольствѣ, но послѣ смерти добродѣтельнаго помѣщика, онъ и его односельчане достались въ руки молодому барину, который, „живучи въ древней столицѣ во всякихъ роскошахъ и великолѣпіи", пріѣзжалъ лишь изрѣдка въ ихъ деревню, и каждый годъ отягощалъ ихъ новыми налогами [1087].

Разсказчикъ былъ проданъ въ рекруты и лишился ногъ на войнѣ... Потомъ баринъ продалъ всѣхъ крестьянъ „на вывозъ".

Горе ихъ было неописуемо:

„Всѣ говорили съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ, что ихъ продали „на вывозъ",—ихъ поведутъ на поселеніе въ дикія, пустыя степи—въ мѣста, ихъ прадѣдами неслыханныя, куда хищный врагъ утлыхъ костей человѣческихъ никогда не занашивалъ!.. Старики, взрослые, жены, дѣти—всѣ обливались горькими слезами. Ахъ! можно-ли изобразить тогдашнее смятеніе ихъ деревни?" [1088].

„Глубокой осенью", „по опредѣленію злобнаго рока", должны были мужички навсегда оставить свои родныя, насиженныя гнѣзда.

Калѣку-разсказчика „на новыя мѣста" не отправили,—бѣднякъ остался на родинѣ одинъ, и помѣщенъ былъ въ богадѣльню.

Выслушавъ трогательную повѣсть одинокаго старика, авторъ взываетъ къ „человѣкамъ",—къ ихъ состраданію,—взываетъ къ благотворительности, приглашаетъ людей—

„Разсматривайте натуру,—сію милостивую мать вашу, и учитесь у нея благотворить!.. [1089].

Далѣе онъ восхваляетъ одного своего знакомаго З*, который много добраго дѣлалъ людямъ нуждающимся.

„Наслаждайся плодами своихъ благотвореній, почтенный человѣкъ! истинный другъ человѣчества!.. Принимай неоцѣненное приношеніе благодарности въ воздаяніе твоихъ подвиговъ!.. Какая жертва можетъ быть пріятнѣе той, которая курится на жертвенникѣ сердецъ, чистѣйшей благодарности къ тебѣ преисполненныхъ!.. Ты заслуживаешь вѣчное благословеніе!.. Ты благополучнѣе вѣчно-проклинаемыхъ гордыхъ завоевателей“ [1090].

„Дорога къ селу“ — повѣстушка, сочиненная М—ей Б—е, представляетъ собою сентиментальное произведеніе въ такомъ же духѣ. Начинается она съ шаблоннаго описанія вечера. —

„Это—часъ, въ которой добрые поселяне веселятся; это—минута, въ которую молодые пастухи и прелестныя пастушки забавляются пляскою!“ [1092].

Въ такое время авторъ, наслаждаясь вечеромъ, въ меланхолической истомѣ, сидѣлъ, перечитывая Вертера, который всегда находился при немъ, и —

„страдалъ о людскихъ порокахъ... Я возненавидѣлъ родъ человѣческій,—одна лишь природа обращала на себя все мое вниманіе“— говоритъ онъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ юношу, которой на плечахъ несъ старика [1093]. Авторъ былъ заинтересованъ, тронутъ этимъ зрѣлищемъ, и сейчасъ же повелъ съ этимъ юношей чувствительный разговоръ.

„Добродѣтельной молодой человѣкъ!.. дай! ахъ! дай мнѣ обнять сего почтеннаго старца!“ [1094].

„Полидоръ“,—спросилъ старикъ трепещущимъ отъ старости голосомъ: „знаешь-ли ты сего человѣка, которой съ тобой говорилъ?“— „Нѣтъ, батюшка, но онъ кажется чувствителенъ!“ — „Чувствителенъ!..“ „Ахъ! перехватилъ я,—„весьма чувствителенъ!.. Это—человѣкъ, нетерпѣливо-желающій знать причину, ввергнувшую тебя въ сіе жестокое положеніе“...—„Но я опасаюсь“...—Говори, молодой человѣкъ... говори— я умоляю тебя!.. Нѣтъ, ты не знаешь! ты не чувствуешь, до какой степени растрогано мое сердце!“ [1095].

И вотъ, юноша разсказываетъ свою исторію. Оказывается, старикъ-отецъ, спасая его отъ пожара, потерялъ зрѣніе и здоровье, и онъ, благодарный за это, ухаживаетъ теперь за старымъ отцемъ, какъ нянька. Отецъ хвалитъ сына и съ паѳосомъ взываетъ къ небесамъ...

Авторъ былъ тронутъ всѣмъ видѣннымъ, и отказался отъ того суроваго осужденія людей, къ которому пришелъ...

„Озеро, или чувство природы, побѣжденное отчаяньемъ“ [1096]—не большая повѣстушка, авторъ которой скрылъ себя подъ буквами:—ъ—й, имѣетъ слѣдующее содержаніе: одна бѣдная вдова съ двумя сиротами, терпѣла голодъ и обиды... Во время народной голодовки, когда помогать ей стали мало, ея терпѣніе истощилось... Окончательно измученная жизненною борьбой, она сперва хотѣла зарѣзать дѣтей, но кончила тѣмъ, что утопила ихъ и себя въ озерѣ. Мѣсто дѣйствія повѣсти точно обозначено:

„Въ одной изъ многолюднѣйшихъ областей Р—ской Имперіи, къ сѣверо-востоку отъ древней ея столицы—въ той сторонѣ, гдѣ стоитъ обитель святыхъ братьевъ... Недалеко отъ сей обители лежитъ большое селеніе, расположенное полукругомъ, около небольшого, но глубокаго озера, окруженнаго развѣсистыми ивами и ветлами“... [1097].

Затѣмъ разсказъ свой авторъ прерываетъ словами:

„Здѣсь-то случилось происшествіе, которое я разскажу для удовольствія васъ,—чувствительныхъ читательницъ!“

„Упадшая на сіи строки горячая слеза состраданія къ несчастнымъ, кромѣ сего повѣствованія, будетъ великою наградою для слабаго ихъ писателя!“ [1098].

О тяжеломъ положеніи дѣтей, Володиньки и Яненьки, авторъ разсказываетъ слѣдующее:

„Часто подъ какимъ-нибудь изъ деревъ, растущихъ около озера, съ черствымъ хлѣбомъ въ рукахъ, смягченнымъ лишь однѣми слезами матери, они видѣли и восходящее, и заходящее солнце!“ [1099].

Мать ихъ была добродѣтельна, имѣла живую вѣру [1100]...

Любопытенъ монологъ, который она произноситъ съ ножомъ въ рукахъ надъ спящими дѣтьми [1101]...

Если сравнить пересказанныя мною въ главѣ VII-ой русскія повѣсти, съ произведеніями, отнесенными мною къ главамъ V-ой и VI-ой, то нетрудно будетъ признать, что вся эта романическая группа (VII гл.) —

1) представляетъ собою нѣчто совершенно-отличное отъ произведеній „галантно-героическихъ“ и „волшебно-рыцарскихъ“ и по содержанію, и по стилю, и по настроеніямъ... Конечно, есть произведенія „переходнаго типа“, которыя изъ группъ „героически-галантной“ и „волшебно-рыцарской“ уже тянутся къ группѣ „англійской“, но эти явленія, вслѣдствіе своей „исключительности“, не нарушаютъ правильности сдѣланнаго заключенія, что въ русскихъ произведеніяхъ этой „англійской“ группы мы имѣемъ дѣло съ произведеніями, — a) отличными отъ произведеній другихъ группъ и,—b) между собой тѣсно-сплоченными единствомъ на-

строенія, тожествомъ пріемовъ письма и сходствомъ содержанія...

Любопытно, что такая „сплоченность“ въ бо́льшей степени наблюдается въ произведеніяхъ именно этой „англійской“ группы, чѣмъ въ произведеніяхъ, принадлежащихъ къ двумъ предшествующимъ,—ясное доказательство того, что съ произведеніями „англійской“ группы въ исторіи русскаго романа впервые съ особенною ясностью опредѣляется сознательное литературное „направленіе“, складывается романическая „школа“... Если при разборѣ произведеній первыхъ двухъ группъ приходилось указывать на существованіе тожества пріемовъ, наличности „общихъ мѣстъ“ и вообще романическихъ шаблоновъ, то теперь это явленіе пріобрѣтаетъ еще бо́льшую послѣдовательность и устойчивость...

2) Главныя черты творчества этой „школы“ опредѣлены мною въ той характеристикѣ, которая сдѣлана выше „англійскому роману“. Стоитъ любое изъ пересказанныхъ и разобранныхъ мною произведеній этой группы сравнить съ этой характеристикой,—и мы увидимъ, что оно, или цѣликомъ, или въ главныхъ своихъ частяхъ, подойдетъ подъ нее.

При всемъ однообразіи типичныхъ особенностей, русскія произведенія этой группы распадаются на нѣсколько разновидностей; такъ, здѣсь имѣемъ мы дѣло съ — a) *романомъ*—типа произведеній Руссо и Ричардсона—b) *повѣстью*—типа „Вертера“ и „Бѣдной Лизы“ — f) — *поэтическими автобіографіями*, представляющими собою своеобразный типъ: „confessions“. Это — нѣчто въ родѣ „стихотвореній въ прозѣ“, — результатъ наблюденій автора надъ прихотливой жизнью своего чувствительнаго сердца— d) *сентиментальными путешествіями*, въ духѣ произведенія Стерна, отчасти — „Писемъ русскаго путешественника“... Въ двухъ послѣднихъ литературныхъ видахъ („автобіографія“ и „путешествія“) элементъ повѣсти является въ состояніи зародышевомъ...

Изъ анализа русскихъ произведеній этой группы можно заключить, что главныя литературныя черты ихъ сводятся къ слѣдующему —

1) Основной интересъ автора концентрируется теперь на личности героя,—на его душевной борьбѣ, которая и помогаетъ автору-психологу высвѣтлить всѣ, самые затаенные, уголки сложной человѣческой души.

2) Повышеніе психологическихъ интересовъ принесло съ собою усовершенствованіе психологическихъ наблюденій, вслѣдствіе

чего въ жизни души человѣческой новый романистъ и его читатель нашли теперь такое разнообразіе и увидѣли такую сложность, существованія которыхъ и не подозрѣвалъ прежній романистъ.

3) Умѣніе переживать „чувства природы“, и вообще эстетическія эмоціи самаго разнообразнаго характера,—результатъ обостренія психической жизни эпохи и усложненія психологическихъ наблюденій—тоже впервые вошло въ русскую литературу съ произведеніями этой романической школы.

4) „Несчастная любовь“ и, вообще, трагическая развязка, внесенныя въ этотъ романъ, позволили писателю изображать жизнь съ такихъ сторонъ, съ которыхъ къ ней никогда не подходили прежніе романисты.

5) Съ такой развязкой въ область романическаго творчества вошло больше художественной правды. Отсюда художественный „реализмъ“, къ которому лишь стремились и медленно приближались произведенія другихъ группъ, является опредѣленнымъ завоеваніемъ этой литературной школы.

Чтобы доказать, что реализмъ этихъ повѣстей былъ не только явленіемъ литературнымъ, но и *жизненнымъ*, — направленіемъ, благодаря которому у насъ впервые въ XVIII-омъ вѣкѣ литературное творчество стало отражать *русскую* дѣйствительность въ ея типичныхъ проявленіяхъ, — надо остановиться на характеристикѣ тѣхъ бытовыхъ явленій, которыя отмѣчены были въ произведеніяхъ этой группы, и могли бы быть подтверждены данными, извлеченными изъ матеріала историческаго,— напримѣръ, изъ мемуаровъ XVIII-го—начала XIX-го столѣтія.

Прежде всего, вниманіе наше приковываетъ къ себѣ, въ этихъ русскихъ романахъ, два образа — *идеальный герой* и *идеальная героиня*. Это—чета прекраснодушныхъ, чувствительныхъ любовниковъ, которымъ любовь приноситъ не розы, а колючія тернія... Поэтому ихъ жизнь—драма, часто приводящая ихъ къ смерти,— въ лучшемъ случаѣ, разбивающая все ихъ существованіе..

Отъ XVIII-го вѣка осталось въ запискахъ современниковъ нѣсколько такихъ печальныхъ образовъ... Такъ, въ запискахъ Сабанѣевой встрѣчаемъ мы упоминаніе о двухъ такихъ „вертерахъ“, — если не застрѣлившихся, то, во всякомъ случаѣ, отравленныхъ на всю жизнь, какъ карамзинскій Ліодоръ, непреоборимой тоской разбитаго сердца.

„Батюшка мой былъ нервный, какъ женщина, и страдалъ всегда припадками меланхоліи, скуки, тоски какой-то...“ [1103].

— читаемъ мы въ этихъ запискахъ.

Аналогичный образъ представляетъ собою Раевскій —

„Григорій Ильичъ Раевскій приходился двоюроднымъ братомъ бабушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (кажется, по Бахметовымъ). Я хорошо его помню. Онъ сохранилъ, въ своей внѣшности и манерахъ, формы и пріемы дворянина временъ императора Павла Петровича. Рѣчь его была цвѣтиста; онъ отличался утонченною вѣжливостью, нѣкоторою сентиментальностью тогдашняго романтизма. Онъ ни за что нехотѣлъ слѣдовать новѣйшимъ модамъ, но одѣвался по послѣдней модѣ своей юности. Сюртуки его были очень длинны; жабо и манжеты большихъ размѣровъ и ослѣпительной бѣлизны. Рѣдко можно было встрѣтить такого изящно-красиваго старца, каковъ былъ Раевскій... Матушка моя очень его любила и была расположена думать, что въ его жизни долженъ былъ произойти какой-нибудь романъ. И когда впослѣдствіи она пріобрѣла полное довѣріе бабушки, та довѣрила ей слѣдующее сказаніе о Григорьѣ Ильичѣ. Какъ близкій родственникъ, онъ былъ вхожъ къ нимъ въ домъ,—часто бывалъ и гостилъ въ Богимовѣ. Затѣмъ онъ страстно влюбился въ старшую ея сестру,—Евдокію Алексѣевну, но въ тѣ времена мысли о бракѣ между такими близкими родственниками и быть не могло. Тутъ совершилась неудачная поѣздка въ Москву прадѣда съ дочерьми, быстрое возвращеніе и сейчасъ же послѣ этого двѣ свадьбы; Евдокія Алексѣевна сдѣлалась княгинею Несвицкой... Съ великимъ прискорбіемъ и борьбой вынесъ Григорій Ильичъ потерю любимой дѣвушки... Онъ уѣзжалъ тогда куда-то на долгое время и не возвращался въ ихъ семью, пока не пережилъ остраго періода своего горя... Затѣмъ долженъ былъ покориться дѣйствительности, и княгиня, которая была женщина суетная и тщеславная, не оцѣнила его страданій“ [1103].

Число этихъ юношей „die schöne Seele“, увеличивается къ началу XIX-аго столѣтія. И здѣсь, въ ихъ рядахъ, узнаемъ мы немало хорошо-извѣстныхъ намъ историческихъ людей... Тутъ и Карамзинъ, который самъ признается, что въ юности характерными чертами его была сентиментальность, наклонность къ меланхоліи и прекраснодушіе; онъ самъ разсказывалъ, что жизнь его чувствительнаго сердца не знала покоя отъ той борьбы, которая въ немъ происходила отъ постояннаго перебоя „милыхъ надеждъ“ и „тайныхъ сомнѣній“... [1104]. Подобно Вертеру и его ученикамъ, увлекался онъ чтеніемъ Оссіана [1105]—и „съ другомъ сердца“ любилъ мечтать— „разсуждать о происшествіяхъ міра, угадывать будущую судьбу человѣчества [1106], — и размышлять о нравственномъ мірѣ... [1107]. „Письма русскаго путешественника“, и лирическія произведенія Карамзина прекрасно рисуютъ сложную жизнь его сердца...

Здѣсь же, въ этой толпѣ, мелькаетъ передъ нами и свѣтлый образъ Андрея Тургенева—юноши, „исполненнаго любви къ прекрасному“, которому воспѣвалъ Жуковскій прочувствованные гимны, въ родѣ слѣдующаго:

„Тѣнь веселая и мирная! тѣнь твоя надо мною! она—собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ,—незримый хранитель моего сердца!“ [1109].

Здѣсь и самъ В. А. Жуковскій, съ его несчастной чистой любовью, тонкими сердечными переживаніями [1109],—и А. Одоевскій, котораго такими словами характеризуетъ М. Бестужевъ:

„Мысли его витали въ областяхъ фантазіи. Это былъ молодой пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ“ [1110].

Таковъ въ юности былъ и С. Аксаковъ, который, вспоминаетъ студенческіе годы своей жизни въ слѣдующихъ восторженныхъ выраженіяхъ:

„Прекрасное золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія!“

Говоритъ онъ далѣе объ идеальной дружбѣ, о любви, о преклоненіи передъ природой, объ увлеченіи идеалистической литературой... Аксаковъ зачитывался романами Коцебу и Лафонтена—читалъ ихъ съ увлеченіемъ, съ самозабвеніемъ, и объ этомъ чтеніи впослѣдствіи вспоминалъ слѣдующее:

„Смѣшно сказать, но и теперь слова: „люби меня—я добръ, Фанни!“—или: „мѣсяцы, блаженные мѣсяцы пролетали надъ этими счастливыми смертными“—слова, сами по себѣ ничтожныя и пошлыя, заставляютъ сердце мое биться скорѣе, по одному воспоминанію того восторга,—того упоенія, въ которое приводили они пятнадцатилѣтняго юношу!“ [1111].

Изъ записокъ того же С. Аксакова мы узнаемъ, напримѣръ, что молодежь тогдашняя увлекалась музыкой, „исполненной чувства и нѣмецкой мечтательности“,—что трогательные стихи, отъ которыхъ „такъ и вѣетъ Маттисономъ“, приводили въ умиленіе Аксакова и товарищей [1112].

Въ запискахъ Жихарева встрѣчаемъ мы опять аналогичные образы... Слушая соловья на могилѣ своей возлюбленной, идеальный юноша того времени обливался слезами и сочинялъ чувствительныя элегіи [1113].

Вотъ передъ нами еще юноша-Телешовъ, о которомъ его ученица, графиня А. Д. Блудова, отзывается съ самымъ живымъ сочувствіемъ: у него, оказывается, „была душа самая пылкая, нѣжная, женственная“—и, какъ у пушкинскаго Ленскаго—„всегда восторженная рѣчь“.

Это былъ идеалистъ pur sang,—чистый образчикъ юноши „die schöne Seele“.

Такимъ же былъ, повидимому, и С. Глинка, который, по его собственному признанію, въ ранней юности своей, „лелѣялъ сердце жизнію мечтательной“—былъ „платонически влюбленъ“ и воспѣвалъ свою милую въ элегическихъ стихахъ.

Немудрено, что его записки переходятъ порой въ поэтическія импровизаціи,—мечтательныя, сентиментальныя... Напр., —

„Былъ очаровательный іюльскій вечеръ. На голубомъ небѣ солнце въ безмятежномъ великолѣпіи спускалось на покой въ волны озеръ, и золотило отражавшіяся въ нихъ вершины лѣсовъ. Остановя почтовую повозку, я бросился къ прелестямъ живописной природы... Мечты зароились въ головѣ моей... „По наукѣ“,—думалъ я,—„земной нашъ пріютъ кружится около солнца; по глазамъ—оно уклоняется отъ насъ... Да вѣдь надобно же отдохнуть когда-нибудь и этому солнцу, которое всѣмъ безъ разбору и приличій даритъ и свой блескъ, и красоту полей и луговъ, и золотыя жатвы нивъ!..“ Такъ мечталъ я... И всплывала луна, и солнце дружелюбно уступало ей владычество свое... Какой миръ въ мірѣ небесномъ!.. Какой миръ въ области безчисленныхъ свѣтилъ и свѣтовъ!.. А у насъ... за клочки земли какія кипятъ и ссоры, и вражды, и бури военныя!“ [1114].

Вспоминая подъ старость эти юные „поэтическіе и мечтательные годы“ своей жизни, Глинка разсказываетъ:

„въ молодости моей, мечтая съ Юнгомъ, я бродилъ въ мѣстахъ уединенныхъ, въ глуши лѣсовъ... Нерѣдко внималъ громовымъ раскатамъ... Мечтая подъ дождемъ проливнымъ, пересочинялъ въ мысляхъ Юнговы ночи; возвращаясь домой, передавалъ бумагѣ сумрачныя мечты свои... Отчего западало это раннее томленіе въ мою душу?.. Было ли это вѣстію, чтобы я готовился на борьбу съ жизнію труженической?... И отчего слезы, уныніе и въ юности моей сладостнѣе были для сердца моего утѣхъ кружащихся въ вихрѣ большого свѣта“ [1115].

Если мы станемъ искать идеальныхъ женскихъ образовъ въ духѣ тѣхъ, о которыхъ твердили наши романы и повѣсти конца XVIII-го вѣка, мы въ запискахъ опять встрѣтимъ рядъ характерныхъ лицъ... Какъ идеальный герой этихъ романовъ сливается, въ концѣ концовъ, съ романтикомъ-Ленскимъ, такъ эти героини—всѣ родственны по духу Татьянѣ. Привожу примѣры:

Мать Карамзина была, по его словамъ, привязана къ романамъ,—„не выпускала ихъ изъ рукъ...“ [1116]. Своею будничной жизнью она не была довольна—томилась, „не нуждалась въ обществѣ“, цѣлые дни просиживала „въ глубокой задумчивости“, выработавъ „удивительную склонность къ меланхоліи“... Въ прошломъ у нея, судя по намекамъ Н. М. Карамзина, былъ какой-то неудавшійся романъ, и едва-ли по своей волѣ вышла она замужъ... Въ запискахъ Вигеля мы опять встрѣчаемъ нѣсколько аналогичныхъ образовъ. Дѣвица Ступишина, напримѣръ, совсѣмъ годится въ героини любого

изъ модныхъ тогда романовъ: она „отличалась скромностью, любезностью, знала иностранные языки“, по-французски объяснялась прекрасно, много читала романовъ и чуждалась общества подругъ. —

„Дѣвочкѣ, восторженной отъ чтенія романовъ, довольно пріятно, въ тиши уединенія, на яву, длить собственный романъ“ — говоритъ Вигель.

И вотъ, у нея съ однимъ юношей началась любовная переписка на французскомъ языкѣ.

„Когда случилось мнѣ послѣ читать эти посланія молодой Ступишиной, то мнѣ казалось, что страсть и искусство выражать ее далѣе идти не могутъ; но еще позднѣе, когда я болѣе начитался романовъ, нашелъ въ нихъ цѣлыя страницы, уже мною читанныя“ [1117].

Вотъ еще дѣвица Копіева,—созданіе не отъ міра сего,—мечтательница, которой тоже пришлось „выстрадать“ любовь.

„Она была тиха, скромна... Чтеніе французскихъ романовъ воспламенило ея воображеніе“. Любовной страсти она „вся предалась“, но не суждено было ей узнать радости!.. Она „прилѣпилась къ призраку“,—„тѣшилась въ мечтахъ“. [1118]

Особенно поучительны, въ этомъ отношеніи, записки Второва,—самъ авторъ и женщины, его любившія, очень удачно и, повидимому, вполнѣ чистосердечно разыгрывали цѣлыя сцены изъ тогдашнихъ сентиментальныхъ романовъ: тутъ и вѣчныя клятвы [1119], и питье крови другъ у друга, и страстныя посланія, написанныя въ духѣ писемъ S.-Preux и Julie [1120], и слезами размытыя строки—и, въ концѣ концовъ,—монастырь, могила несчастной любви *)...

Мы видѣли уже, что этимъ героямъ, съ ихъ стройнымъ идеалистическимъ міросозерцаніемъ, противопоставлена въ романахъ „*толпа*“, которая характеризуется всегда съ отрицательной стороны: пошлость и эгоизмъ грубо-матеріальное пониманіе жизни,—вотъ, характерныя черты ея жизни... Душно идеальнымъ людямъ жить среди этой толпы... Иногда она остается въ туманѣ, герой негодуетъ вообще на „людей“, не входя въ характеристику ихъ,—иногда она выступаетъ во всей своей неприкрашенной наготѣ,—и тогда въ романъ неизбѣжно вводятся эпизодическіе отрицательные образы, часто-карикатурные, вносящіе съ собою элементъ сатиры...

---

*) Второвъ сжегъ всѣ письма К., вырѣзавъ только тѣ мѣста, которыя были залиты слезами. Изъ этихъ вырѣзанныхъ лоскутковъ, омоченныхъ слезами бѣдной женщины, теперь ничего нельзя понять,—только изъ одной сохранившейся приписки, къ какимъ-то стихамъ: „На разлуку“,—видно желаніе ея идти въ монастырь [1121] (Де-Пуле).

Вмѣстѣ съ этой толпой стоятъ *„суровые родители“*, которые препятствуютъ счастью героевъ: скупость, тщеславіе, сословные предразсудки,—вотъ, тѣ низкія побужденія, которыя заставляютъ ихъ своимъ произволомъ, разбивать двѣ молодыя жизни, нарушая гармонію двухъ возвышенныхъ спѣвшихся сердецъ...

Нѣсколько въ сторонѣ отъ этой толпы стоитъ *слабый герой*,—человѣкъ недурной по существу, но испорченный дурными вліяніями... Большими ошибками, иногда даже цѣною чужой жизни приходитъ онъ къ позднему раскаянію и исправленію своего сердца...

Выше толпы стоитъ любопытный типъ *„нигилиста“*: это—юноша, который, подъ вліяніемъ французской философіи, усвоилъ скептическое и матеріалистическое міросозерцаніе... Для него нѣтъ устоевъ нравственности, нѣтъ авторитетовъ... Обладая большой волей, онъ ведетъ за собою болѣе слабыхъ и губитъ сознательно не только ихъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто, такъ или иначе, съ нимъ связанъ...

Иногда этотъ „нигилистъ“ является въ болѣе пошломъ и смѣхотворномъ образѣ пустого „щеголя“-нетиметра, презирающаго все въ мірѣ, кромѣ своей наружности и личныхъ эгоистическихъ потребностей...

Нерѣдко эти родственныя разновидности одного и того же типа соединяются въ одинъ сложный образъ.

Въ мемуарахъ XVIII-го вѣка мы найдемъ немало лицъ, которыя всѣ, конечно въ разной мѣрѣ, могутъ послужить „прототипами“ для этой группы литературныхъ героевъ, рѣзко-очерченныхъ въ разбираемыхъ русскихъ романахъ XVIII-го вѣка.

Такъ, напримѣръ, въ „Запискахъ человѣка“ встрѣчаемъ мы любопытный образъ неисправимаго „вольтерьянца“, который упорно навязывалъ свои убѣжденія и дѣтямъ, и внукамъ... Вотъ, напримѣръ, какъ онъ воспитывалъ своего внука *) въ духѣ французской философіи.

„Такъ какъ, по этой философіи, вѣра въ чудесное, сверхъестественное оскорбляла разумъ и роняла достоинство человѣка, то и слѣдовало, какъ можно скорѣе и вѣрнѣе, застраховать питомца отъ этого зла“ 1122.

Поэтому, онъ не позволялъ учить внука молитвамъ, запрещалъ ему читать разсказы изъ священной исторіи. Мальчику и въ воспитатели выбранъ былъ гувернеръ-„вольтерьянецъ“—

*) Любопытно, что, будучи „свободомыслящимъ“ въ религіозномъ отношеніи, этотъ старикъ-вольтерьянецъ вовсе не отличался либерализмомъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ, оставаясь „крѣпостникомъ“.

„...въ добавокъ любившій рюмочку и не имѣвшій понятія о нравственной сдержанности. Уроками и бесѣдами онъ развивалъ и укрѣплялъ въ умѣ воспитанника тѣ понятія, которыя еще съ малолѣтства были заложены дѣдомъ. Въ концѣ концовъ, юноша сталъ совершенно распущеннымъ: изъ невѣрующаго въ то или другое—невѣрующимъ ни во что... Законъ, правило не существовали для него,—онъ жилъ по своей волѣ,—слушался только своихъ желаній". 1120.

Въ результатѣ такого воспитанія, изъ юноши получилось нѣчто особенное—какой-то „сынъ природы". Въ тяжелое положеніе попалъ этотъ, изломанный уродливымъ воспитаніемъ, юноша, когда ему пришлось „служить".

„Какъ держалъ себя среди совершенно новой обстановки „сынъ природы" и Сербинскій „Эмиль"?... Нѣтъ сомнѣнія, что, на первыхъ порахъ онъ разыгрывалъ Вольтерова Гурона, и, подобно ему, натворилъ немало проказъ, компрометтируя и себя, и другихъ... Да и могъ ли человѣкъ, не имѣвшій понятія о выдержкѣ, о соблюденіи условныхъ общественныхъ приличій, не знавшій никакихъ формъ и стѣсненій, росшій на просторѣ и воздухѣ, творившій всегда свою волю, приноровиться къ столичной жизни, или канцелярскимъ порядкамъ?". 1124

Кончилась его жизнь самоубійствомъ.

Въ „Воспоминаніяхъ" А. Е. Лабзиной узнаемъ мы, что нѣкто Карамышевъ—

„былъ человѣкомъ безъ вѣры,—онъ сомнѣвался въ безсмертіи души, и вообще принадлежалъ къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII-го столѣтія, которые блистали матеріализмомъ". 1125

Когда жена, упрекая его за частыя измѣны и вообще за безнравственное поведеніе, однажды сказала:

„Остерегайся, мой другъ, чтобъ правосудіе Божіе не постигло тебя!"—онъ засмѣялся и сказалъ: „Какъ ты мила тогда, когда начнешь философствовать!.. Я тебя увѣряю, что ты называешь „грѣхомъ", то только есть наслажденіе натуральное... И я не подверженъ никакому отвѣту!"... Я заплакала и замолчала, внутренно прося у Бога ему прощенія. И онъ нѣсколько разъ меня уговаривалъ, чтобъ я согласилась имѣть любовника и выкинула бы изъ головы глупые предразсудки". 1126

Въ запискахъ П. Кичеева: „Изъ недавней старины" узнаемъ мы о какомъ то Смароковѣ, который, былъ—

„отъявленнымъ атеистомъ, и совершилъ „отвратительный поступокъ съ воспитанницей" одного помѣщика Туренина". 1127

Авторъ записокъ „атеизмъ" и „поступокъ" этого Смарокова связывалъ тѣсно, какъ причину и слѣдствіе.

Въ запискахъ того же Кичеева разсказанъ характерный эпизодъ изъ жизни другого такого же атеиста: онъ упорно въ теченіе всей своей жизни глумился надъ Богомъ. Однажды оба его сына погибли ужасной смертью. Узнавъ объ этомъ, онъ—

„послѣ нѣкотораго молчанія, обратясь къ переднему углу, гдѣ *надлежало быть* св. иконамъ, сказалъ, какъ бы сардонически: „Провидѣніе! такъ ты существуешь?“ 1128

Въ запискахъ Толычевой опять мы встрѣчаемся съ другимъ русскимъ „вольтерьянцемъ“-циникомъ,—

„Онъ былъ въ полномъ торжествѣ, когда могъ оскорбить чьи-нибудь чувства, убѣжденія, или даже общепринятыя приличія... Когда служили всенощную на дому, онъ усаживался въ двухъ шагахъ отъ священника, съ стаканомъ чая и съ трубкой въ рукахъ. Женился онъ для того только, чтобы выиграть пари, заключенное имъ вслѣдствіе довольно неприличной шутки, и чрезъ нѣсколько лѣтъ бросилъ жену и дѣтей“. 1129

Въ студенческой средѣ эти люди „свободомыслящіе“ сохранились даже до 20-хъ годовъ XIX-го столѣтія—эпохи, когда такъ пышно распустился въ сердцахъ нашей молодежи романтическій идеализмъ.

Одинъ изъ студентовъ московскаго университета вспоминаетъ о той роли, которую игралъ среди своихъ товарищей одинъ такой юноша-вольтерьянецъ:

„я долженъ помянуть и товарищей. Во главѣ ихъ были такъ называемые patres conscripti,—слава и краса студенчества, если не изящностью формъ и облаченія, то духомъ премудрости и разума, и глубиною познаній... Разумѣется, среди насъ, особенно выдавался Семеновъ... Онъ замѣчателенъ былъ, кромѣ познаній, строгою діалектикою и неумолимымъ анализомъ всѣхъ, по его мнѣнію, предразсудковъ... Онъ обладалъ классическою латынью и не чуждъ былъ древней философіи. Онъ всей душою преданъ былъ энциклопедистамъ XVIII-го вѣка“. 1130

Къ болѣе мелкимъ образчикамъ такого же рода „нигилистовъ“ относились въ XVIII-омъ вѣкѣ такіе юноши, которые, наблюдая жизнь русскаго общества—вѣрнѣе „свѣта“, пришли къ выработкѣ такого циничнаго міросозерцанія, исповѣдь котораго встрѣчаемъ мы, напримѣръ, въ запискахъ Добрынина:

„Доказательства благородства суть: 1) французскій языкъ съ худымъ выговоромъ, безъ знанія правилъ грамматики,—2) Карточная игра, съ хорошимъ, всякаго рода, обманомъ,—3) танцы, съ объявленіемъ поединка за даму,—4) стыдъ говорить по русски и обязанность не умѣть правильно читать и писать на своемъ языкѣ,—5) презирать каждаго, кромѣ себя и молодыхъ женщинъ,—6) быть невѣжливу предъ старшими и дерзновенну предъ начальниками,—7) забыть скромность: стяжать многословіе, а въ поступкахъ—наглость,—8) говорить всегда тономъ рѣшительнымъ, и повелительнымъ“. 1131

Въ этихъ характерныхъ требованіяхъ времени уже ясно намѣчается образъ типичнаго щеголя, зло высмѣяннаго русской сатирой XVIII-го вѣка.

Въ автобіографіи Пишчевича встрѣчаемъ мы еще указаніе на то, что такая „свѣтская мудрость“ была тогда въ модѣ—

„Вышедъ въ Россію, увидѣлъ, что тутъ все достоинство молодого человѣка зависѣло отъ того, чтобъ онъ не убѣгалъ бесѣдъ, а особливо съ женщинами—танцовать, рѣзвиться, врать, что на умъ взбрело... И признать къ стыду моему, я, было, началъ къ сему шутовскому житію себя пріучать, и вскорѣ замѣченъ былъ вертопрахами и вертопрашницами...“— 1132

Привожу свидѣтельства еще другихъ мемуаровъ—

„...Князья Куракины выросли... совершенно въ родѣ великолѣпныхъ французскихъ маркизовъ“. 1133

„...Молодой помѣщикъ Бахметевъ, недавно пріѣхавшій изъ Петербурга,—великій франтъ, разодѣтый щеголемъ, раздушенный и припомаженный“. 1134

„...Г. Зоричъ пріѣхалъ за мной, и предложилъ помѣститься въ его элегантномъ vis-à-vis. Г. Зоричъ былъ въ прическѣ en ailes de pigeon, въ вышитомъ кафтанѣ; въ рукахъ онъ держалъ шляпу и былъ надушенъ, какъ султанъ.“ 1135

„...Дядюшки мои были красавцы и достойные молодые люди, но большіе щеголи и моты (далѣе разсказывается, какъ одинъ изъ нихъ взялъ въ долгъ 300,000 р. и очень скоро ихъ прожилъ). 1136

Добрынинъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что щеголи встрѣчались въ XVIII-мъ вѣкѣ даже въ глухой русской провинціи,—

„...вошли еще три чиновника, изъ которыхъ одинъ, позади первыхъ двухъ, закричалъ еще въ сѣняхъ во весь ротъ продолжительнымъ тономъ: „Monsieur!“... Это былъ человѣкъ малорослой, съ большою головою, въ лицѣ цвѣта бѣлосѣроватаго и наклоннаго къ веснушкамъ, съ обширнымъ и высокимъ тупеемъ по тогдашнему вкусу, на подобіе распущеннаго паруса, или буфетныхъ ширмъ и отчасти на подобіе крыльевъ вѣтреной мельницы; съ кошелькомъ между плечъ, въ темно-вишневомъ кафтанѣ, съ золотыми петлицами, въ башмакахъ и подъ лѣвымъ плечомъ шпо-баба“.—„...Онъ заговорилъ, было, по-французски, но Вязмитиновъ спросилъ его по-русски“. 1137

Въ тѣхъ же запискахъ разсказывается, что изъ столицы,—

„провинціальные чиновники выписывали и для себя, и для женъ: суконъ, шолковыхъ матерій, пудры, помады, тросточекъ, какія въ употребленіи въ Петербургѣ у первыхъ щеголей и щеголихъ“. 1138

Болотовъ упоминаетъ объ одномъ своемъ другѣ, который, при многихъ хорошихъ качествахъ, отличался такою „суетностью и щегольствомъ“, что надъ нимъ смѣялись другіе молодые люди. 1139

Олина, своего товарища по службѣ, тотъ же Болотовъ характеризуетъ такъ:

„...велъ себя не только отмѣнно-чисто, но въ скоромъ времени сдѣлался у насъ почти первымъ щеголемъ и смѣшнымъ, и несноснымъ

петиметромъ. Будучи собою недуренъ, возмечталъ онъ о себѣ, что онъ — великой красавецъ, и сталъ не только проживаться совсѣмъ на уборы и щегольство, но, что всего смѣшнѣе, вздумалъ еще высокомѣриться собою и почитать себя умнѣе всѣхъ на свѣтѣ". [1139]

О нѣкоемъ г. Крюковѣ Болотовъ говорилъ, что онъ, вмѣстѣ со своей женой, „безъ ума, безъ памяти обожалъ московскія моды". [1140]

Мелькомъ упоминаетъ онъ также о „славномъ Козловскомъ щеголѣ" котораго, въ насмѣшку, его знакомые даже прозвали „маркизомъ де-Кураемъ". [1141]

Характеренъ также одинъ сынокъ сенатскаго секретаря, скоро прокутившій всѣ деньги, нажитыя отцомъ—

„Будучи сыномъ сенатскаго секретаря, наслѣдовалъ онъ послѣ отца великое имѣніе, и не только многія тысячи денегъ, нажитыя такъ, какъ секретари наживаютъ, но и прекрасныя деревни... Со всѣмъ тѣмъ, всего того не надолго сыну его стало!.. Молодому человѣку возмечталось, что никого его богатѣе и никого знатнѣе нѣтъ! Онъ восхотѣлъ удивить всю Москву непомѣрнымъ своимъ щегольствомъ и пышностью выѣздовъ!.. Карета была не карета, и цугъ не цугъ!.. Всему надлежало быть выписному,—всему богатому, всему несравненному!.. Что касается до его гардероба, то съ платьемъ его не знали, куда дѣваться, а чулки и башмаки всякій день надобны были перемѣнныя! Рубахи и манжеты выписныя!.. Словомъ, онъ восхотѣлъ себя вести не такъ, какъ приличествовало оберъ-секретарскому сыну и полудворянину, но какъ французскому дюку, или принцу крови!" [1142]

Изъ приведенныхъ литературныхъ и историческихъ фактовъ нетрудно заключить,—

1) что образы „идеальные", отмѣченные этими же романами, были въ реальной жизни менѣе замѣтными,—менѣе, скажу, конкретными... Они были явленіемъ еще „новымъ",—ихъ поддерживала и питала литература; ихъ она ставила на пьедесталъ, возвышая надъ типами отрицательными (щеголь-вольтерьянецъ), быть можетъ, болѣе жизненными, созданными жизнью и литературой *) предшествующей эпохи. Оттого эти „положительные" образы, обвѣянные идеализмомъ новой литературы, и ею же отмѣченныя

*) Не останавливаюсь подробнѣо на характеристикѣ литературнаго воплощенія этого типа, сдѣланнаго въ сатирическихъ журналахъ XVIII-го в. Въ сочиненіяхъ проф. А. И. Незеленова („Н. И. Новиковъ...") А. Аѳанасьева („Русскіе сатирическіе журналы"), Покровскаго („Щеголи въ сатирической литературѣ", „Щеголихи въ сатирической литературѣ") достаточно обстоятельно это сдѣлано. Выше на стр. 225—7 (вып. I) мною составлена подробная библіографія по этому вопросу,— при чемъ матеріалъ почерпнутъ изъ журналовъ, комедій и мемуаровъ XVIII-го вѣка.

являются „предтечами русскаго романтизма“ XIX-го вѣка, а отрицательные образы — всѣ принадлежатъ уже отжившему XVIII-ому вѣку, съ его матеріализмомъ и довольно грубымъ эпикуреизмомъ.

2) въ произведенія двухъ предшествующихъ группъ жизнь не вторгалась еще такъ замѣтно, какъ въ романъ „англійскаго типа“... Оттого русскія произведенія этой третьей группы, сравнительно съ романами первыхъ двухъ группъ, могутъ быть, отчасти, названы „бытовыми“... Если жизнь конца XVIII-го вѣка въ нихъ и не нашла еще всесторонняго и художественно-детальнаго изображенія, то все же нѣсколько очень оригинальныхъ и типичныхъ явленій этой жизни нашли въ этомъ романѣ мѣсто...

3) Въ такомъ пользованіи русской дѣйствительностью была доля самобытности,—темы, взятыя изъ западно-европейской жизни, русскіе романисты приспособили къ положеніямъ и типамъ русской жизни.

4) романы и повѣсти этой „англійской группы“ уже близки, во многихъ (литературномъ и идейномъ) отношеніяхъ, къ русской литературѣ XIX-го столѣтія (особенно къ Тургеневу).

Примѣчанія и ссылки, относящіяся къ VII-ой главѣ.

1.—Texte, „Jean-Jacques Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire", p. 1895; 173: **2.**—ib. XIII; **3.**—ib. 253. **4.**—J. Texte, op. cit. Er. Schmidt, „Richardson, Rousseau und Goethe"; Jena, 1875. Геттнеръ, „Исторія англійской, французской и нѣмецкой литературы въ XVIII стол.". Тэнъ, „Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы". Спб. 1871. J. Merlant, „Le roman personnel de Rousseau à Fromentin". S. 1905. H. Keiter u. T. Kellen, „Der Roman", Essen-Ruhr, 1908. L. Hermenjat, „Werther, les frères de Werther" Lausanne 1892. F. Gross, „Werther in Frankreich", L. 1888. I. Haas, „Ueber die Anfänge der Naturschilderung im franc. Roman" („Zeitschrift für franc. Sprache u. Litteratur" Berl. 1903. B. XXVI H. 1—3). D. Mornet, „Le sentiment de la nature en France" P. 1907. L. Pineau, „L'évolution du Roman en Allemagne", P. 1908. Fürst, „Die Vorläufer der modernen Novelle" Halle 1897. C. Heire, „Der Roman in Deutschland", Halle, 1892. *W. Raleigh, „The english Novel". *Fr. Hovey Stoddard, „The Evolution of the english novel" New-York, 1900; *Wilbur L. Gross „The development of the english Novel", New-Jork Er. Poetzsche, „Samuel Richardsons Beleseuheit", Kill, 1907; Max Gossmeyer „Samuel Richardsons „Pamela", Leipz. 1890. Болѣе подробная библіографія у Texte'a: „La littérature comparée" Strassb. 1904. Н. Бѣлозерская „В. Т. Нарѣжный". В. Сиповскій", Н. М. Карамзинъ, „Авторъ „Писемъ русскаго путешественника", Спб. 1899.

5. Er. Schmidt, op. cit, 13; **6.**—ib. 17-8, **7.**—39; **8.**—35: **9—10.** Richardson, „Clarisse Harlow", Gen. M. DCCLXXXV, I. 141 **11.**—ib. I, 46, 101, 104 и др.; **12.**—I; 122, 157, 332-3 121, 159-170; II, 142-5, 189; III, 328; **13**—I, 324, 276, 249-50, 259; **14.**—I, 342; **15.**—I, 407, 461; **16**—I, 325, 320-2; II, 39; V, 48, 96-8; **17**—II, 293; **18**—I, 423, 426, 430, 435, 440; II, 22, 27; VI, 212; IV, 54, 63; **19**—IV, 293; **20**—V, 249; **21**—IV, 221; **22**—II, 147; **23**—I, 252; **24**—I, 140, 173-4; **25**—III, 326; **26**—II, 70; **27**—II, 74; **28**—II, 149, 159, 161; **29**—II, 226; **30**—I, 232; **31**—IV, 121; **32**—ib. 122; **33**—VIII, 120; **34**—I, 219; **35**—222; **36**—II, 239; **37**—V, 73; **38**—IV, 161; **39**—ib. **40**—ib., 203; **41**—ib. 126; **42**—IV, 175; **43**—I, 126, IV, 175; **44**—VI, 104; **45**—I, 53; **46**—VII, 175; **47**—L. Sterne, op. cit., 101, 137; **48**—ib. 16; **49**—ib. 137; **50**—ib.; **51**—ib. 25, 26; **52**—140; **53**—25; **54**—118, 119; **55**—118; **56**—ib. **57**—119; **58**—36; **59**—29; **60**—188; **61**—33; **62**—186.

62—J. J. Rousseau, „Julie ou la Nouvelle Héloïse" (Paris, 1845) 2-me préf.—8; **63**—ib. I, 205; **64**—ib. I, 23; **65**—ib.; **66**—I, 93; **67**—I, 80, 91, 122; **68**—I, 74, 95, 158; IV, 588; V, 704; **69**—IV, 552; **70**—I, 82; II, 217; **71**—II, 254; **72**—I, 39; **73**—I, 38; **74**—I, 63; **75**—I, 96; **76**—V, 684.

77—III, 425; VI, 730; **78**—II, 229; **79**—I, 42; **80**—III, 363; **81**—IV, 593; **82**—II, 304; **83**—II, 233; **84**—ib. **85**—II, 248; **86**—III, 391; **87**—II, 229; **88**—I, 129; **89**—IV, 581; **90**—I, 36; **91**—I, 37, 50, 39; **92**—I, 121; 93—III, 402; **94**—I, 152; **95**—I, 148; **96**—I, 157; **97**—I, 52; **98**—IV, 553, **99**—III, 415; **100**—V, 703; **101**—ib.; **102**—II, 207; **103**—IV, 455; **104**—I, 81; IV, 479; **105**—IV, 552; **106**—VI, 747; **107**—I, 183; „Грандисонъ", III, 174; **108**—I, 182-3; II, 229, 240; III, 444; **109**—II, 229.

110 „Страсти молодого Вертера", Спб. 1781, 42; **111**—ib. 108; **112**—ib. 110; **113**—180; **114**—160-1; **115**—65; **116**—5; **117**—1; **118**—23; **119**—105; **120**—114-5; **121**—49; **122**—6; **123**—45; **124**—1[illegible]1, 125—36; еще: 186, 222; **126**—20; **127**—30; **128**—51; **129**—52; **130**—24; **131**—162, **132**—165; **133**—75; **134**—86; **135**—67;

Знакомъ * я обозначаю тѣ сочиненія, которыя были мнѣ извѣстны по названію, или цитатамъ, но которыми я непосредственно не пользовался.

136—154; 137—210; 138—73; 139—69; 140—73; 141—27; 142—121; 143—124; 144—246; 145—229-30; 146—8, 9; 147—15; 148—106-7; 149—224-5; 150—225-6; 151—174; 152—205-6; 153—242; 154—245-6; 155—247; 156—ib.; 157—92-3; 158—93; 159—Texte, op. cit. 247; 160—ib. 246; 161—Er. Schmidt, op. cit., 153, 128, 204; 162—ib. 11, 12, 153; 163—Texte, 205; 164—ib. 215; 165—ib. 220; 166—ib. 182; 167—Er. Schmidt, 49, 64, 70; 168—Texte, 211-2; еще: 212-7; 169—ib. 293; 170—Texte, 252, 287; Er. Schmidt, 23, 67, 2[illegible]; 171—В. Синовскій, „Исторія р. слов."—II, 35-6; 172—Er. Schmidt, 58; 173—ib. 63; 174—ib. 78; 175—Texte, 268; 176—Er. Schmidt, 78; 177—ib. 199-200; 178—Texte, 357—Er. Schmidt, 120, 122, 178; 179—E. Schmidt, 93, 94, 112, 176, 193, 194; 180—Er. Schmidt, 215, 270; 181—Er. Schmidt, 215; 182—ib. 215-7; 183—ib. 177, 188; Texte, 330.

184—Texte, 239; 185—Er. Schmidt, 12, 29; 186—Texte, 222-6, 227-32, 232-5; 187—Texte, 172; 188—Er. Schmidt, 133; 189—ib. 145, 146, 148; 190—ib. 147-8; 191—Texte, 251; 192—Er. Schmidt, 192; 193—Er. Schmidt, 131 (еще: 20, 72-3, 71). 194—Texte, 300; еще Er. Schmidt, 83, 87, 110, 126, 133; 195—Er. Schmidt—глава „Stil"—196—S. Richardson, „Pamela or Virtue Rewarded" Lond. MDCCXCII.

197—Руссо, „Новая Элоиза", Спб. 1793; „Julie ou la nouvelle Héloïse", P. 1845; 198—Гете „Страсти молодого Вертера", 2-ое изд., 1794; „Leiden des jungen Werthers", Francf. u. Leipzig, 1795; 199—А. Пыпинъ, „Для любителей книжной старины", М. 1888. Доп. въ „Сборн. О—ва люб. росс. слов." на 1891 г.

200—В. Синовскій, „Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти", Спб. 1903. 201—В. Головина, „Записки". Спб. 1900, 16; 202—Р. Арх. 1875, III, 12; 203—Р. Арх. 1875, 19; 204—Р. Стар. 1876, XV, 836; 1873, VII, 333-4; 205—Р. Стар. 1876, XVI, 541-2; 206—Р. Вѣстникъ, 1890, № 2, 240, 253; 207—В. Синовскій, op. cit; 182: 208—ib. 188; 209—ib. 186; 210—252; 211—ib. 165, 166; 212—ib. 182-3, 213—ib. 188; 214—ib. 215; 215—ib. 241-2; 216—ib. 246; 217—ib. 247; 218—ib, 197; 219—ib. 245; 220—ib. 203; 221—ib. 189; 222—ib. 165-6; 223—ib. 175; 224—ib. 188; 225—ib. 196; 226—ib. 224; 227—ib. 209; 228—ib. 210; 229—ib. 251; 230—ib. 252; 231—ib.; 232—ib., 233—ib. 253; 234—176; 235—195; 236—201-2; 237—212; 238—187; 239—209; 240—208; 241—172; 242—175, 204; 243—198. 282-3; 244—198; 245—209; 246—202; 247—243; еще: 210, 209-10, 268-9; 248—268-9; 249—267; 250—268; 251—262-3, 288-9; 252—267; 253—ib.; 254—177, 178, 181, 184, 223, 238, 258, 278, 280, 281, 270, 308-9, 317, 264, 279; 255—266; 256—278; 257—279; 258—183; 259—261.

260—224; 261—228, 262—246; 263—259; 264—Бѣлинскій, Соч. V, 192-3 и др. 265—ib. II, 188; 266—ib. II, 190. 267—ib. I, 193, 268—ib. VII, 196; 269—ib. V, 197; 270—VII, 197.

271—*Ѳ. Эмминъ, „Письма Эрнеста и Доравы"*. 4 ч. Спб. 1766-8, I; 272—ib.; 273—ib. 3; 274—ib.; 275—ib. 6; 276—ib. 10; 277—ib. 11; 278—ib. 13-14; 279—ib. 17; 280—ib. 21; 281—ib. 31; 282—Руссо, „Новая Элоиза", I, 13; 283—Эмминъ, 34; 284—Руссо, I, 21; 285—Эмминъ, 35; 286—Руссо, I, 23; 287—Эмминъ, 36, 38, 41, 42; 288—Руссо, I, 25; 289—ib. I, 26; 290—Эмминъ, I, 27-8; 291—ib. I, 61; 292—ib. I, 42; 293—Руссо, I, 153-4; 294—Эмминъ, 46; 295—ib. 53; 296—ib. 61; 297—ib. 65; 298—ib. 66; 299—ib.; 300—ib. 71; 301—ib. 75-76; 302—ib. 76, 77; 303—ib. 91, 92, 94; 304—ib. 96; 305—ib. 93.

306—Руссо, I, 229; 307—Эмминъ, 118, 119, 121; 308—Руссо, I, 90-1; 309—Эмминъ, 133-4; 310—Руссо, I, 169; 311—ib. I, 313; 312—ib. II, 224; 313—Эмминъ, 146; 314—ib. 149, 150, 156; 315—ib. 186, 187; 316—Руссо, II, 101; 317—Эмминъ, II, 4; 318—ib. II, 5. 319—ib. II, 10; 320—ib. II, 26; 321—ib. II, 42; 322—ib. II, 42; 323—II, 56; 324—Эмминъ, II, 62, 63; 325—Руссо, II, 379, 377-8; 326—Эмминъ, II, 78, 79, 80, 84; 327—ib. II, 87; 328—II, 90; 329—II, 100; 330—II, 107; 331—Эмминъ, II, 111, 112, 113, 116; 332—Руссо, I, 157, 161, I, 162; 333—Эмминъ, II, 138; 334—ib. II, 147; 335—напр., II, 144; 336—II, 155; 337—II, 159; 338—напр., 163, 166; 339—ib. 184; 340—ib. 164, 165, 166; 341—ib. II, 182, 183; 342—ib. 203; 343—208, 210; 344—III, 52, 53-4, 54; 345—ib. 65, 66; 346—ib. 198, 122; 347—ib. 135-6; 348—ib. 178, 179, 180; 349—IV, 17; 350—ib. 17.

351—ib. 19; 352—ib. 24; 353—ib. 26; 354—ib. 32, 33, 35; 355—ib. 135; 356—ib. 150; 357—154, 165; 358—ib. 219; 359—ib. 226; 360—ib. 9; 361—ib. 31; 362—ib. I, 43-4, 110, 45, 53, II, 118, 194, III, 214; 363—ib. III, 158; 364—ib. I, 187; 365—напр. I, 11, 19, 31; 366—I, 19; 367—I, 3; 368—I, 20; 369—I, 21; 370—I, 139; еще: I, 11, 17, 61, 66, 89, 91, 92, 102, 108, 125, 126, 138, 141,

146, II, 43, 61, 65 и др.; **371**—III, 108-9; **372**—IV, 31-3; **373**—напр. I, 11, 36-9, 121 и др.; **374**—напр. I, 31, 76, 87, 121, 139, 142, 193; II, 144, 42; **375**—II, 111; **376**—II, 90-1, III, 6.

377—*В. Левшинъ*, „*Утренники влюбленнаго*", М. 1779, 5; **378**—ib. 6; **379**—ib. 6-7; **380**—ib.; **381**—ib. 7; **382**—ib. 8; **383**—ib. 10; **384**—ib. 10; **385**—ib. 12; **386**—ib. 2; **387**—ib. 13; **388**—ib. 15-16; **389**—7-8; **390**—ib. 41-5; **391**—ib. 20; **392**—ib. 21-2; **393**—ib. 25; **394**—ib. 47-8; **395**—ib. **396**—ib. 69; **397**—ib.; **398**—70; **399**—ib. 11.

400—*И. Эминъ*, „*Роза*", *полусправедливая оригинальная повѣсть*, Спб. 1786, 1; **401**—ib.; **402**—ib. 2; **403**—ib. 2-3; **404**—ib. 4; **405**—ib., 5; **406**—ib. 6; **407**—ib. 7; **408**—ib. 7-8; **409**—ib. 8; **410**—ib. 8-9; **411**—ib. 10-11; **412**—ib. 12; **413**—ib. 13 5; **414**—ib. 15; **415**—ib. 17-18; **416**—ib. 20; **417**—ib. 22; **418**—ib. 23; **419**—ib. 25-6; **420**—ib. 28; **421**—ib. 29; **422**—ib. 32-3; **423**—ib. 55; **424**—ib. 58-9; **425**—62; **426**—63, 64; **427**—67; **428**—75; **429**—77; **430**—78; **431**—81-84; **432**—89; **433**—90-91; **434**—92; **435**—100; **436**—101; **437**—106; **438**—111; **439**—113-4; **440**—115; **441**—158, 159; **442**—140; **443**—144; **444**—146; **445**—149; **446**—150; **447**—150-151; **448**—167-8; **449**—171; **450**—195-6; **451**—112; **452**—5; **453**—10-12; **454**—напр. 53-4, 19, 160, 115, 121; **455**—53-4; **456**—124.

457—*И. Эминъ*, „*Игра судьбы*", Спб., 1789, 6; **458**—ib. 7; **459**—16; **460**—10; **461**—14; **462**—24; **463**—31; **464**—32; **465**—33; **466**—4; **467**—45; **468**—46; **469**—47-8; **470**—49; **471**—55; **472**—55-6; **473**—62; **474**—62; **475**—64; **476**—94-5; **477**—98-9; **478**—104-5; **479**—105; **480**—107; **481**—110; **482**—107-8; **483**—119; **484**—123; **485**—124; **486**—131-2; **487**—135; **488**—136-8; **489**—**490**—145; **491**—150; **492**—165; **493**—167; **494**—171; **495**—176; **496**—14; **497**—81-2; **498**—37; **499**—40-4; **500**—12; **501**—39, 66, 73, 111, 132; **502**—39; **503**—73; **504**—80; **505**—111; **506**—132; **507**—ib.

508—*И. Львовъ*, „*Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки*", 2 ч. Спб. 1789, I, 4; **509**—6; **510**—7; **511**—10, 11; **512**—12; **513**—12-13; **514**—14; **515**—20-21; **516**—21; **517**—23; **518**—25-6; **519**—28; **520**—32-3; **521**—35; **522**—42; **523**—46; **524**—47; **525**—50; **526**—64; **527**—77; **528**—78; **529**—81; **530**—92; **531**—95; **532**—117; **533**—118; **534**—121; **535**—139; **536**—142; **537**—II, 5; **538**—II, 16; **539**—23; **540**—27; **541**—40; **542**—43; **543**—44; **544**—47; **545**—52; **546**—57; **547**—60-61; **548**—64; **549**—65; **550**—66-67; **551**—66; **552**—69-70; **553**—88; **554**—92; **555**—96; **556**—98; **557**—107; **558**—111; **559**—116; **560**—128; **561**—130; **562**—135; **563**—Предисл. **564**—ib. **565**—116; **566**—16; **567**—113, 114; **568**—116; **569**—81; **570**—89; **571**—95; **572**—139; **573**—132; **574**—21-22; **575**—148; **576**—**577**—24; **578**—27; **579**—142; **580**—107; **581**—II, 127, 132.

582—*Н. Карамзинъ*, „*Бѣдная Лиза*", Моск. Журн., VI, 1792; **583**—ib.; **584**—ib. 242; **585**—ib. 245-6; **586**—ib. 254-5; **587**—257; **588**—252-3; **589**—251-2; **590**—565; **591**—253; **592**—263-4; **593**—273; **594**—276; **595**—248; **596**—243; **597**—260; **598**—262-3; **599**—op. cit. 97-9.

600—*Н. Карамзинъ*, „*Людоръ*", Моск. Журн., 1792, V, 305; **601**—ib. **602**—307; **603**—307-8; **604**—308; **605**—309; **606**—310; **607**—311; **608**—313-4; **609**—316-7; **610**—328; **611**—329, 331; **612**—ib.

613—*Клушинъ*, „*Несчастный М-ръ*", „Спб. Меркур.", 1793, I, 138, 139; **614**—ib. 139-140; **615**—140; **616**—142-3; **617**—143-144; **618**—144-5; **619**—146; **620**—147; **621**—148-9; **622**—150; **623**—151; **624**—152-3; **625**—157; **626**—158-9; **627**—171; **628**—195; **629**—197; **630**—198; **631**—206-8; **632**—207-8; **633**—207-9, **634**—209-10; **635**—211; **636**—212-3; **637**—213; **638**—216, 217; **639**—218-9; **640**—220; **641**—224-2; **642**—223; **643**—224-5; **644**—225; **645**—162; **646**—168; **647**—157; **648**—ib. **649**—180; **650**—141, 171, 176, 181; **651**—168-9; **652**—156-7; 175, 180, 211; **653**—175; **654**—188-9.

655—„*Нѣсколько писемъ моего друга*", „Пріятное и полезное препровожденіе времени", 1794, IV и V; **656** — Н. Карамзинъ, Соч. I, 306-7; **657** — „Нѣсколько писемъ", IV, 127-8; **658**—128; **659**—129; **660**—129-130; **661**—131; **662**—131-2; **663**—132; **664**—132; **665**—ib. **666**—135; **667**—ib.; **668**—ib.; **669**—ib. **670**—136; **671**—ib.; **672**—137; **673**—138; **674**—139; **675**—139; **676**—141, 144; **677**—142-3; **678**—145; **679**—149; **680**—147; **681**—186; **682**—148; **683**—151; **684**—153; **685**—155; **686**—156; **687**—V, 383-4; **688**—IV, 160; **689**—164; **690**—161; **691**—162;

692—162; 693—163; 694—165; 695—174-5; 696—184; 697—184; 698—V, 381-2; 699—382; 700—383; 701—384.

702—*П. Львовъ*, „*Софія*", Пр. и пол. препр. вр. 1794, II: 703—303; 704—305; 705—306; 706—307; 707—309; 708—311; 709—312; 710—314; 711—314; 712—316; 713—ib.; 714—317; 715—318; 716—321; 717—322; 718—323; 719—ib.; 720—325; 721—326; 722—326; 723—327; 724—310.

725—*В. Измайловъ*. „*Ростовское озеро*", Пр и пол. препр. вр., 1795. V-VI; 726—V, 27-8; 727—28; 728—15, 16; 729—17; 730—ib.; 731—17-18; 732—18; 733—18-19; 734—23; 735—ib.; 736—21; 737—22-3; 738—23-4; 739—25; 740—27; 741—VI, 292; 742—V, 28; 743—VI, 292; 744—292-3; 745—294-5; 746—295; 747—296-7; 748—298; 749—300; 750—ib.; 751—ib.; 752—304. 753—310; 754—ib.; 755—308; 756—311; 757—315; 758—310; 759—316.

760—*А. Столыпинъ*, „*Одоевскій*" (VII—XV) Пр. и пол. пр. вр. 1795, VII; 761—216; 762—217; 763—218; 764—ib.; 765—ib.; 766—ib.; 767—219; 768—220; 769—220-1; 770—221; 771—224-5; 772—235; 773—236; 774—237.

775—*Г. Каменевъ*, „*Софья*". „*Муза*", 1796, I, 195, соч. (I—VII); 776—195 777—195-6; 778—196; 779—197; 780—198; 781—201; 782—201; 783—ib.; 784—202; 785—ib.; 786—203; 787—ib.; 788—204; 789—208-9; 790—210; 791—211-3; 792—217-8; 793—224.

794—*Филонъ*, „Муза", 1796, I—II; 795—I, 150; 796—154; 797—154; 798—146; 799—II, 57; 800—ib.; 801—58; 802—59.

803—*Кн. Д. Горчаковъ*. „*Пламиръ и Раида*", М. 1796; 804—op. cit. 9; 805—ib.; 806—15; 807—14-15; 808—16-17; 809—27-9; 810—29-30; 811—30; 812—32-3; 813—36; 814—37; 815—II, 49-50; 816—51; 817—52; 818—32-3; 819—53-4; 820—55-6; 821—57; 822—68; 823—19-20; 824—37; 825—31; 826—46; 827—45; 828—37.

829—*Кн. И. Шаликовъ*. „*Плодъ свободныхъ увеселеній*", 3 ч. М. 1798; 830—4-5; 831—5; 832—7; 833—7-8; 834—9; 835—7-8; 836—21-2; 837—23-4; 838—28-30; 839—31; 840—33; 841—37; 842—43; 843—46; 844—48; 845—59; 846—62; 847—63; 848—67; 849—57; 850—20; 851—37-8; 852—67; 853—25-6; 854—72.

855—*Флеймъ*. „Напокрепа", 1799, II, 337; 856—338-9; 857—344; 858—346-7; 859—344; 860—345; 861—362; 862—369; 863—373; 864—374-5.

865—*К—а С—ой*. „*Переяславское озеро*". Пр. и пол. пр. вр. 1795, VII; 866—V, 385; 867—385; 868—ib.; 869—386; 870—387; 871—ib.; 872—388; 873—389-90; 874—390; 875—391.

876—*І. Галиновскій*. „*Часы задумчивости*", 2 ч. М. 1799; 877—10, 3-4; 878—10-11; 879—5; 880—7; 881—7-8; 882—19; 883—20; 884—22; 885—22-3; 886—32-4; 887—31; 888—41; 889—47; 890—47-8; 891—48, 28, 52; 892—56; 893—61; 894—68; 895—64; 896—65-6; 897—66; 898—73-4; 899—76; 900—92; 901—94; 902—96; 903—2; 904—4-5; 905—9-10; 906—11; 907—9-10; 908—11-8; 909—19; 910—19-20; 911—20-1; 912—21-2; 913—22; 914—23; 915—24; 916—44; 917—48-50; 918—57; 919—62; 920—62; 921—64; 922—68-9; 923—69-70; 924—70; 925—99; 926—100; 927—106-7; 928—ibid.

929—*П. Львовъ*. „*Александръ и Юлія*". Спб. 1801, 9; 930—ib.; 931—12-3; 932—14-5; 933—17; 934—21; 935—25-6; 936—27; 937—28; 938—ib.; 939—30; 940—37; 941—40; 942—40-1; 943—42-3; 944—44-5; 945—48; 946—52; 947—53-4; 948—56; 949—57; 950—ib.; 951—61; 952—ib.; 953—65; 954—69; 955—73; 956—74; 957—74-5; 958—77; 959—85; 960—85; 961—89; 962—91-2; 963—99; 964—102; 965—104; 966—105-6; 967—107; 968—134; 969—138; 970—155;

971—159; 972—170; 973—171; 974—173-4; 975—185; 976—186; 977—186-7; 978—189.

979—*В. Попрасовъ*. „*Аптекарскій островъ*". Спб. 1800, 1; 980—2; 981—4; 982—22; 983—7; 984—8; 985—15; 986—24; 987—25; 988—27-8; 989—28-9; 990—31; 991—32; 992—ib.; 993—43; 994—12-13, 43; 995—45; 996—53; 997—48-9; 998—50; 999—50-1; 1000—51; 1001—ib.; 1002—52; 1003—53.

1004—*А*. *Э*. „*Милая, нѣжная сердца*", М. 1800, 4; 1005—5; 1006—6; 1007—ib.; 1008—8; 1009—ib.; 1010—9; 1011—11; 1012—13; 1013—17; 1014—18; 1015—20; 1016—21; 1017—24; 1018—26; 1019—29; 1020—30; 1021—34; 1022—35; 1023—44-5; 1024—48; 1025—52; 1026—57; 1027—63; 1028—70; 1029—71; 1030—72; 1031—72; 1032—75; 1033—80; 1034—82.

1035—*Н. Карамзинъ*, „*Евгеній и Юлія*", Дѣтское чтеніе; **1036**—178; **1037**—185-6; **1038**—186; **1039**—190; **1040**—190-1.

1041—*В. Измайловъ*, „*Чувства мои надъ гробомъ доброй Маріи*", Пр. и пол. пр. вр. 1794, II, 101-10; **1042**—101-2; **1043**—103; **1044**—107; **1045**—109; **1046**—*В. Измайловъ*, „*Минутное блаженство*", Пр. и пол. пр. вр. 1795, VI, 81-99; **1047**—81; **1048**—81-2; **1049**—83; **1050**—85; **1051**—86; **1052**—87; **1052**—89; **1053**—91; **1054**—93; **1055**—98.

1056—„*Дружескія письма*"—„*Истинскій желѣзный заводъ*", Пр. и пол. пр. вр. 1796, IX; **1057**—129; **1058**—130; **1059**—131; **1060**—133; **1061**—135; **1062**—140-1; **1063**—135-6; **1064**—137.

1065—„*Парамонъ и Варѣнька*" „Муза", 1796, I, 20; **1066**—20; **1067**—23; **1068**—25; **1069**—27; **1070**—29.

1071—*И. Тимковскій* „*Бѣгленъ*", Пр. и пол. препр. вр. 1796, X, 401; **1072**—402; **1073**—403; **1074**—405; **1075**—406; **1076**—ib.; **1077**—401;

1078—*К. Ѳ. Спб.* „*Емилія или материнская любовь*", Пр. и пол. препр. вр. 1796, XII, 65-72; **1079**—65; **1080**—66; **1081**—67.

1082—„*Темный лѣсъ, или чувство бѣдствій человѣческихъ и благотворенія*", Пр. и пол. препр. вр., 1796, XII, 3; **1083**—4; **1084**—5; **1085**—ib.; **1086**—7-8; **1087**—9; **1088**—11; **1089**—13; **1090**—14; **1091**—*М—я Б—е*, „*Дорога къ селу*", Пр. и пол. преп. вр., 1798, XX, 129; **1092**—130; **1093**—131, **1094**—133; **1095**—134.

1096—*ъ—й*, „*Озеро, или чувство природы, побѣжденное отчаяніемъ*", Пр. и пол. препр. вр. 1798; XX, 193; **1097**—193; **1098**—194; **1099**—ib.; **1100**—195; **1101**—204-3; **1102**—5; Е. Сабанѣева, „Воспоминанія", Истор. В. 1900, XXXII, 82; **1103**—ib. 86-7; **1104**—Н. Карамзинъ, Соч. III, 360; **1105**—ib 361; **1106**—ib. 366; **1107**—ib. 437.

1108—Н. Тихонравовъ, Соч. I, 416; **1109**—См. А. Н. Веселовскій, „В. А. Жуковскій": **1110**—Одоевскій, Соч. подъ ред. Мазаева, IX; **1111**—С. Аксаковъ, Соч. I, 322; **1112**—ib. 360; **1113**—Жихаревъ, „Записки", 42, 70; **1114**—С. Глинка, „Записки", 245; **1115**—ib. 365; **1116**—Н. Карамзинъ, Соч. III, 254; **1117**—Вигель, „Записки", изд Бартенева, II, 80; **1118**—ib.; **1119**—Де-Пуле „Русск. В." 1875, № 6, 470; **1120**—ib. 411-2, 413-4, 416 и др. **1121**—ib. 471; **1122**—„Изъ записокъ человѣка" Русск. В. 1875, № 11, 72; **1123**—ib. 74; **1124**—ib. 79-80; **1125**—А. Лабзина, „Воспоминанія"—7; **1126**—ib. 77; **1127**—Кичеевъ, „Изъ недавней старины", М. 1870, 161, 163; **1128**—ib. 170; **1129**—Толычева, „Записки", 43; **1130**—Свербеевъ, „Воспоминанія", 105; **1131**—Добрынинъ, 190.

1132—Жизнь А. С. Пипчевича, М. 1885, 205; **1133**—„Хроника недавней старины". Изъ Архива кн. Оболенскаго „Нелединскаго-Мелецкаго" Спб. 1876, 6; **1134**—А. М. Фадѣевъ, „Воспоминанія" Од. 1897, 35; **1135**—В. Головина, „Записки", 14; **1136**—Н. Н. Мордвинова, „Воспоминанія объ адмир. гр. Н. С. Мордвиновѣ", 1873, 26; **1137**—Добрынинъ, 189; **1138**—ib. 251; **1139**—Болотовъ, I, 939, 940; **1140**—ib. II, 551; **1141**—ib. IV, 504; **1142**—ib. IV, 957.

VIII.

Въ предисловіи къ I-ому выпуску этого сочиненія (стр. VIII прим. 2-ое) я указалъ, что, кромѣ произведеній, болѣе или менѣе, ясно-выразившихъ характерныя черты трехъ главныхъ романическихъ группъ, отмѣченныхъ въ моемъ изслѣдованіи (романъ „псевдо-классическій-героически-галантный“ — глава V; „волшебно-рыцарскій“—глава VI; „англійскій“—глава VII), есть еще цѣлая группа произведеній, не имѣющихъ себѣ прототипа среди характерныхъ произведеній указанныхъ трехъ группъ. Я указалъ уже, что именно эти произведенія особенно тѣсно связаны съ русской жизнью; и, въ то же время, въ отношеніи содержанія и идейной стороны, именно они опредѣленно примыкаютъ къ русской романической литературѣ XIX-го столѣтія. Въ произведеніяхъ этой группы рѣшился я усмотрѣть начало *русскаго оригинальнаго романа*, лишь отчасти отразившаго на себѣ литературныя вліянія подражательнаго русскаго романа...

Итакъ, „*оригинальными*“ называю я эти произведенія лишь въ условномъ смыслѣ слова,—абсолютно-оригинальными они не могли быть уже потому, что на нихъ все же сказалось вліяніе литературныхъ пріемовъ и шаблоновъ, взятыхъ изъ романа западнаго... Причина этого ясна: старинная русская повѣсть XVII-го вѣка, еще примитивная въ литературномъ отношеніи, не могла конкурировать съ западно-европейскимъ романомъ XVIII-го вѣка и съ подражательнымъ ему русскимъ.

Но, кромѣ внѣшней литературной стороны (напр.—стиль, введеніе роли „судьбы“, пріемы психологическаго анализа, пріемы рисовать пейзажи и пр.), во всѣхъ этихъ литературныхъ произведеніяхъ есть и внутренняя сторона (содержаніе, общій характеръ произведенія). И вотъ, именно этой внутренней стороною романы, отнесенные мною къ группѣ „оригинальныхъ“, болѣе всего „самобытны“. Они—или—а) по типу своему, приближаются къ старой русской повѣсти XVII в., въ частности къ лучшему ея образцу—„Повѣсти

о Фролѣ Скобѣевѣ“ [1])—или—b) въ отдѣльныхъ частностяхъ своихъ представляютъ собой результатъ развитія темъ и мотивовъ, подсказанныхъ русской сатирической литературою XVIII-го вѣка.

Если въ первыхъ двухъ романическихъ группахъ („псевдоклассическій-героически-галантный романъ“ и „волшебно-рыцарскій“) бытовыя черты лишь, болѣе или менѣе, слабо просвѣчиваютъ,—то во второй группѣ („англійскій романъ“), какъ это я показалъ выше (стр. 630 и раньше) бытовой элементъ является равноправнымъ съ литературнымъ. Въ третьей группѣ, къ характеристикѣ которой теперь я перехожу, этотъ бытовой элементъ,—элементъ реальной жизни, русской дѣйствительности—является доминирующимъ...

Близость нѣкоторыхъ повѣстей русскихъ къ самой жизни можетъ быть доказана опять-таки сопоставленіемъ ихъ съ мемуарами XVIII-го вѣка—жанромъ, очень развитымъ у насъ въ эту эпоху. Уже изъ сдѣланныхъ выше (стр. 624-9) сопоставленій нетрудно было уже усмотрѣть, что русскій *романистъ* XVIII-го вѣка и русскій *мемуаристъ* той же эпохи нерѣдко обращали вниманіе на тѣ же самыя явленія. И потому, когда авторъ „записокъ“ зарисовывалъ на страницахъ своихъ мемуаровъ *типичныя* явленія русской жизни, то въ такихъ мѣстахъ его произведеніе мало чѣмъ отличается отъ повѣсти и романа... Но, почти всегда въ „мемуарахъ“ эти типичныя явленія и образы являются случайными, одинокими,—на нихъ авторъ недолго останавливаетъ свое вниманіе,—онъ стремится изложить свою частную жизнь, или передать историческіе факты эпохи... Вслѣдствіе этого „типичное“—лишь вкрапливается въ его разсказъ...

Въ иномъ отношеніи къ дѣйствительности находится романистъ,—онъ *обобщаетъ* типичныя стороны жизни, углубляя развивая и объясняя характерное, раскрывая его исторію, отбрасывая случайное... Онъ включаетъ интересный фактъ въ рамки изложенія, отвѣчающаго требованіямъ опредѣленной литературной школы, подчиняетъ этотъ фактъ извѣстной готовой схемѣ, выясняетъ фактъ при помощи выработанныхъ пріемовъ, окрашиваетъ свой разсказъ опредѣленнымъ колоритомъ. Въ этомъ процессѣ претворенія Wahrheit въ Dichtung и заключается *романизація* жизни. Какъ мы увидимъ ниже, такому процессу подвергали авторы въ равной мѣрѣ—и сюжеты, взятые изъ старинной русской повѣсти,—и образы, навѣянные сатирической литературою XVIII-го вѣка.

Въ переходную эпоху, каковою, несомнѣнно, въ литературномъ отношеніи, является XVIII-ый вѣкъ, неизбѣжны были явле-

нія, представляющія собою исключенія, нарушающее правильность этой характеристики, но все же она, на мой взглядъ, въ общемъ, вѣрно различаетъ существо мемуаровъ и романа...

Есть „мемуары", которые сбиваются на „романъ",—таковы, напримѣръ, записки Болотова *), героемъ которыхъ является *типичный* русскій интеллигентъ изъ круговъ средняго дворянства XVIII-го вѣка. Таковы, напримѣръ, записки Винскаго, которымъ самъ авторъ придалъ (по крайней мѣрѣ, въ началѣ литературную форму подражанія роману Стерна: „Тристрамъ Шанди" **). Есть и романы, которые сбиваются на мемуары,—занимаютъ среднее мѣсто между этими двумя родственными, но различными, видами. (См. ниже романъ о Никанорѣ, также: „Похожденія нѣкотораго россіянина", вып. I, стр. 671).

Самое богатство у насъ литературы мемуаровъ объясняется, на мой взглядъ, вліяніемъ на русскую публику такихъ произведеній, какъ автобіографическіе романы Прево, „Confessions" Руссо... Несомнѣнно, подъ вліяніемъ романовъ въ мемуары XVIII-го вѣка вносился порою и стиль романовъ, и литературные пріемы (монологи, разговоры въ себѣ, „судьба" ***).

---

*) Въ запискахъ Болотова нетрудно найти элементы „литературности": она сказалась—1) въ формѣ записокъ: „*письма къ другу*"—2) въ частомъ упоминаніи слова: „судьба", „небо" [2] (напр.—„Когда разгнѣванное небо похочетъ кого гнать"—I, 9)—3) въ стилѣ (напр.: „судьба сжалилась" [3]. Кромѣ того, онъ вводитъ патетическія восклицанія [4], разговоры „въ себѣ" [6], живые діалоги [7], монологи [8], вноситъ несомнѣнный Dichtung (напр., подробный разсказъ о предкахъ съ приведеніемъ ихъ рѣчей, съ выясненіемъ ихъ психики [8], — фигурныхъ выраженій (напр., — „ночь приближалась скорыми шагами") [10].

**) Привожу начало первой главы изъ его записокъ:

„О, любезный Шанди! Какъ бы я порадовался, встрѣтившись съ истиннымъ послѣдователемъ твоей глубокомысленной о зачатіи и рожденіи системы!" [9].

***) Привожу, для примѣра, случаи несомнѣннаго вліянія романа на мемуары: лучше всего это видно на введеніи романическаго термина: „судьба"-„фортуна":

„Но вотъ, еще въ то же время *судьбина* (какъ бы нарочно для того, чтобъ чувствительнѣе познать чрезъ самыя дѣла и увидѣть, съ какими разными дарами и способностями съ высокихъ степеней отмѣнныя милости и довѣренности отъ монарховъ повергенные въ несчастіе оказуются) довела меня до такой коммиссіи, что..." [10].

„*фортуна* людская непостоянна, и что одинъ день, одинъ часъ и даже нѣсколько минутъ, или мгновеній, могутъ сдѣлать насъ самыми несчастными, или самыми жалкими существами,—ни знатность, ни богатство не спасутъ насъ, когда *фортуна* повернется къ намъ спиною или, лучше сказать, когда Богъ отступится отъ насъ." [11].

Наконецъ, между повѣствовательными произведеніями есть и такія, которыя, въ формальномъ отношеніи, занимаютъ совершенно обособленное мѣсто; исканіе новыхъ литературныхъ формъ,— исканіе часто самобытное, порою совершенно безсознательное, создало эти произведенія... Если въ нихъ я находилъ, при условіи извѣстной литературности, или самобытность авторскаго замысла, или стремленіе къ реальному изображенію дѣйствительности, я и ихъ вносилъ въ эту группу...

Произведенія эти можно распредѣлить на три подгруппы—

1) Къ *первой* группѣ отнесъ произведенія, примыкающія своимъ содержаніемъ къ содержанію старинной русской повѣсти.

„*Похожденія Ивана Гостинаго сына*“ и другія повѣсти и сказки, соч. Ивана Новикова.

(„Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ, сыгранной въ Москвѣ свадьбой“, „Похожденіе Ивана Гостинаго сына“, „О несчастныхъ приключеніяхъ купецкой дочери-Аннушки“, „Похожденія названнаго брата Ивана Купецкаго сына“)

2) Ко *второй*—произведенія, содержаніе которыхъ взято изъ русской жизни.

„*Несчастный Никаноръ, или приключенія Россійскаго Дворянина, Г.*“ ч. I, соч. М. Комарова, Спб. 1775 (№ 317); *второе изд.*— 1787-9 (3 ч.). (№ 869).

„*Досадное пробужденіе*“ М. Чулкова изъ сборника: „Русскія сказки“, М. 1780-3. VI-ая часть (№ 498).

„*Повѣсть о новомодномъ дворянинѣ*“—тамъ же, ч. IV.

„*Горькая участь*“ М. Чулкова, изъ сборника: „Пересмѣшикъ“ 3-ье изд., V-ая часть, 1789 (№ 1081).

„*Нововыпеченный скоморохъ*“—тамъ же, ч. I.

„*Кривоносъ-домосѣдъ, страдалецъ модной*“, крит. соч., Спб. 1787, (№ 863); *второе изд.*—1789 (№ 1055)

„*Флоръ Силинъ*“, соч. Н. Карамзина, „Моск. Журналъ“, 1791, III, № 7 (№ 1296).

„*Наталья, боярская дочь*“, пов. Ы. Ц. Ч. (Н. Карамзина) „Моск. Журн.“ 1792, VIII, № 10—11, (№ 1351).

„*Неонила, или распутная дщерь*“, справедливая повѣсть, соч. А. Л. 2 ч. М. 1794 (№ 1590).

„*Мои свадебныя похожденія*“, „Магазинъ общеполезныхъ знаній“, 1795, II, №№ 7 8 (№ 1697)

„Но увы! горѣ и лютѣ злая прелестная *фортуна* никогда быть постоянна не можетъ!..“ 12.

*) Изъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ этого сборника (оглавленіе его см. ниже), взялъ я только самое интересное.

„*Филонъ*“ „Муза“, 1796 I, № 1, II, № 4, III, № 8, IV, № 10 (№ 1820).

„*Вояжъ моего друга*“, „Пр. и пол. препр. вр.“, 1798, XVII, (№ 1875)

„*Извощикъ*“, Ив. Запольскаго, „Пр. и пол. препр. вр.“, 1798, XIX (№ 1891).

„*Письмо къ Б. и его семейству*“ „Пр. и пол. препр. вр.“, 1798, XVIII (№ 1914).

„*Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества* соч. А Измайлова. 2 ч. Спб. 1799—1801 (№ 1952).

3) Къ *третьей* подгруппѣ отношу я, первый у насъ, опытъ создать „народный романъ“.

„*Краткая повѣсть о Ванькѣ-Каинѣ, ворѣ и мошенникѣ*“, Спб. 1775 (№ 314)., *второе* изд.—въ 1815 г., подъ назв.: „Исторія В. К.“, *третье изд.*—1830 г.

Друг. изд.—1). „*Жизнь и похожденіе*“—1777, 1786, 1859 гг. 2). „*Обстоятельное и вѣрное описаніе...*“ 1779: „*Обстоятельныя и вѣрныя исторіи...*“ 1779, 1788, 1793, 1794 (2 изд. въ Спб. и М.); *Обстоятельная и вѣрная исторія.*“ 1793-3) „*Исторія славнаго вора.*“, 1782, 1788, 1792 и два изд. б. о. м. и года.

I.

Въ ряду сборниковъ разсказовъ, повѣстей и анекдотовъ,—сборниковъ, о которыхъ мелькомъ приходилось мнѣ говорить выше (См. стр. 232-3), выдающееся мѣсто, по своему интересу, занимаетъ сборникъ Ив. Новикова, носящій названіе перваго изъ разсказовъ, входящихъ въ его составъ: „*Похожденіе Ивана гостинаго сына*“

Уже самое оглавленіе этого сборника даетъ нѣкоторое представленіе объ его содержаніи.

I часть. Похожденіе Ивана гостинаго сына.—Приключеніе вора, пономарева сына. О Купецкомъ сынѣ, употребившемъ имѣніе свое на науки. О мужикѣ, обманувшемъ господина въ непродажѣ лошади. О рыболовѣ, исповѣдавшемъ глубину моря и пучину. О трехъ обезьянахъ, избавившихъ господъ своихъ отъ смерти. О двухъ цыганахъ, зашедшихъ на Русь. О писарѣ, женившемся обманомъ на хозяйской дочери. О двухъ друзьяхъ, жившихъ во Флоренціи и о женахъ ихъ. О вельможескомъ сынѣ, потратившемъ имѣніе на одну почтенную госпожу въ Парижѣ. О Дервишѣ-Гарамѣ и Турчанинѣ, недовольномъ своимъ состояніемъ. О правосудномъ султанѣ, наказавшемъ подданнаго за обругание крестьянской жены. О кривомъ и измѣнившемъ женѣ его. Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ, сыгранной въ Москвѣ свадебнымъ. О Персидскомъ Шахѣ Али-Бегѣ и о любимцѣ его, помрачившемъ добрыя дѣла свои прелестьми одной женщины. О гишпанскомъ вельможѣ,

имѣвшемъ сына распустнаго житія, и котораго жена привела въ порядочную жизнь. О дѣвушкѣ, вышедшей по принужденію родителей за стараго замужъ. О деревенскомъ мужикѣ, давшемъ талеръ для размѣну обезьянѣ. О несчастныхъ приключеніяхъ купецкой дочери Аннушки. О цесарѣ-Августѣ, купившемъ у подданнаго своего три справедливыя предвѣщанія. О ложномъ Мессіяшѣ, хотѣвшемъ жидовъ провесть по морю во Іерусалимъ и рѣку Сабатъ—

II-ая часть. О лѣнивомъ крестьянинѣ и избавившей отъ того женѣ ево. О крестьянинѣ-Странжилѣ, обманувшемъ господина и избавившемъ себя отъ побой. Похожденіе названнаго брата Ивана купецкаго сына. О содержаніи тайны, недовѣряя никому. О пашѣ Ахметѣ Египетскомъ и о злодѣяніи его любовницы. О баронѣ, жившемъ недалеко отъ Парижа и его супругѣ. О Римскомъ полководцѣ, поступившемъ правосудно при осадѣ города Аѳинъ. О Турецкомъ вельможѣ, занявшемъ у русскаго купца деньгами и товарами. О золотарѣ и податливой женѣ ево. О цесарѣ Карлѣ великомъ и его секретарѣ. О Гречанинѣ, занявшемъ въ Станбулѣ у жида 5000 червонныхъ. О Гелозанскомъ Принцѣ, вѣнчанномъ послѣ родителей на царство въ младыхъ лѣтахъ. О деревенскомъ мужикѣ, шедшемъ къ господину съ оброчными деньгами и о встрѣтившемъ его драбантѣ. О дворянинѣ и о портномъ, сшившемъ ему платье. О происшедшихъ на свѣтѣ (въ?) двухъ фамиліяхъ заблужденій и радости. О купецкомъ сынѣ и Американской дѣвушкѣ. О купецкомъ сынѣ и о обманувшей его дѣвушкѣ. О студентѣ и о жившей у него кухаркѣ. О лукавомъ нищемъ. О Гишпанскомъ солдатѣ и Езуитѣ. О женщинѣ, усыпившей своихъ дѣтей. О шутѣ, бывшемъ у Персидскаго Шаха. О [illegible]ненномъ въ Гишпаніи невинномъ купцѣ по происку Езуита. О [illegible]рехъ наукахъ, употребляемыхъ у Магометанъ. О лисицѣ, [illegible]шей у зайца дѣтей. О дворянинѣ, женившемся на подобной [illegible]. О женившемся помѣщикѣ и тароватой женѣ. О двухъ ворахъ и о попѣ, одержимомъ подагрою. Приключеніе принца Беграгама и принцессы Фатьмы.

III-ьей части въ Публичной Библіотекѣ нѣтъ и послѣдній разсказъ II-ой части не оконченъ.

Въ сборникѣ Новикова мы имѣемъ — соединеніе повѣстей самаго разнообразнаго типа: здѣсь и переводныя новеллы, во вкусѣ Боккачьо,—и разсказы, почерпнутые, очевидно, изъ сборниковъ „фацецій",—и назидательные историческіе анекдоты, заимствованные изъ древнихъ историковъ, — здѣсь, наконецъ, и повѣсти, самое заглавіе которыхъ свидѣтельствуетъ, что ихъ содер-

*) Даже въ стилѣ этихъ пестрыхъ разсказовъ наблюдается различіе: одни написаны живымъ разговорнымъ языкомъ, иногда даже съ простонародными прибаутками и прикрасами „воровскаго стиля",—другіе разсказаны тяжелымъ, ломанымъ языкомъ, иногда свидѣтельствующимъ объ ихъ не-русскомъ происхожденіи и трудностяхъ, съ которыми пришлось бороться переводчику.

жаніе взято изъ русской жизни. Именно эти произведенія особенно и привлекаютъ сейчасъ мое вниманіе...

Въ нихъ русская жизнь изображена съ самой мрачной стороны: разбои, убійства, развратъ и обманы,—вотъ, темы, около которыхъ, главнымъ образомъ, вращается ихъ содержаніе... Ни тѣни сентиментализма нѣтъ въ этихъ разсказахъ: своеобразной атмосферой испанскаго романа picaresco вѣетъ отъ нихъ... Власть здоровой, необузданной плоти безраздѣльно царствуетъ здѣсь надъ жизнью человѣка, не знающаго, повидимому, еще никакого душевнаго разлада...

Вотъ почему, въ этихъ произведеніяхъ мы, словно, имѣемъ дѣло со старинной повѣстью XVIII-го столѣтія,—съ ея безхитростнымъ разсказомъ, который отличается эпическимъ спокойствіемъ и цѣльнымъ матеріалистическимъ міросозерцаніемъ. Это міросозерцаніе далеко отъ той изломанности и манерности, съ которой пришлось намъ встрѣтиться при анализѣ произведеній трехъ выше-разобранныхъ романическихъ группъ. Съ разсказами этого сборника мы изъ XVIII-го вѣка, какъ будто, переносимся въ XVII-ый, когда русскій читатель хохоталъ надъ фацеціями, съ ихъ грубымъ юморомъ,—когда на сценѣ театра его забавляли неприличныя продѣлки веселой „дурацкой персоны",—когда свое міросозерцаніе русскій человѣкъ сумѣлъ выразить въ разсказѣ о похожденіяхъ россійскаго „picaro"—Фрола Скобѣева, и въ веселой повѣсти продѣлкахъ лукаваго Ерша-Ершовича...

Если даже въ XVIII-омъ столѣтіи могъ появиться въ печати подобный сборникъ,—это ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ эту эпоху „просвѣщенія" въ русскомъ обществѣ сохранилось еще достаточное количество любителей подобнаго рода чтенія,—вѣдь этимъ же малокультурнымъ слоямъ русскаго общества служилъ отчасти Чулковъ и его подражатели...

Литературный составъ новиковскаго сборника доказываетъ, что потребность въ творчествѣ такого характера выразилась не только въ сохраненіи стараго содержанія и старой идеалогіи XVII-го вѣка, — но и въ созданіи произведеній такого же типа, хотя съ содержаніемъ, взятымъ изъ современной жизни, и съ подчиненіемъ, лишь въ очень слабой степени, господствующимъ вліяніямъ романической литературы XVIII-го столѣтія, съ ея выработанными литературными формами и пріемами...

Обращаясь къ названному сборнику Ив. Новикова, я съ

особымъ интересомъ останавливаюсь на повѣсти, носящей названіе: *„Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ, сыгранной въ Москвѣ свадьбой.*

Передъ нами—передѣлка повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ. Содержаніе осталось старое, но въ деталяхъ оба произведенія нѣсколько разошлись.

Чтобы показать, въ какомъ направленіи шла обработка старой повѣсти, привожу, для примѣра, нѣсколько соотвѣтствующихъ мѣстъ:

I. Фролъ Скобѣевъ (Начало).

Въ 1680 году вновогородскомъ уѣзде имѣлся дворянинъ Ѳролъ Скобеевъ; втомже новогородскомъ уѣзде имелись вотчины столника Нардина-Нащекина; ивтехъ вотчинахъ імѣлась дочь ево аннушка ижила виихъ; ипровѣдавъ Ѳролъ Скобеевъ отоі столничьеи дочери ивзивъ себе намерение чтоб вызыметь люблениие стою аннушкою...* 13.

Изъ сборника Новикова.

„Около Новгорода и Пскова жилъ одинъ дворянинъ, оставшійся послѣ родителей своихъ въ малыхъ лѣтахъ сиротою, не имѣвшій никого и родственниковъ, окромѣ одной сестры, одинакихъ съ нимъ лѣтъ, около двадцати пяти; и хотя при крещеніи, и названъ онъ былъ Селуяномъ и происходилъ изъ давней фамиліи Сальниковыхъ, однако, не имѣлъ счастія содержать себя по чести дворянина,—съ малыхъ лѣтъ воспитывались и съ сестрою щедростію людскою, а возмужавши, за неимѣніемъ, какъ и у батюшки ево крестьянъ, принужденъ пропитаніе имѣть по образу родительскому—трудами своими, вспахивая и удабривая землю самъ, въ рядовую съ прочими чужихъ господъ крестьянами; ибо у него земли было довольно, равно сохи, бороны, серпы и косы находились въ добромъ здоровѣ, а сестрица ево, какъ дѣвушка взрослая, не оставляла также, чтобъ не прилагать прилѣжнаго смотрѣнія имѣть за домомъ и за скотиною. Сему дворянину во оной жизни, по много прилагаемымъ въ полѣ, въ воженіи домой и убираніи хлѣба и сѣна трудамъ, нѣсколько понаскучило, и для того, довольно разумѣвши русской грамотѣ и острыхъ ко всякимъ обманамъ замысловъ и затѣевъ, понявшихъ у бывшаго своего учителя—дьячка, человѣка проворнаго и къ томужъ, какъ и онъ, лукавству обыклаго, посовѣтовавъ, спросивши ево и принявши наставленіе, вздумалъ ходить за приказными ябедами, коихъ въ тамошнемъ краю въ то время очень много бывало, стряпчимъ. И такъ посвятя себя онымъ чиномъ, ѣздя по окольнымъ деревнямъ съ наставникомъ своимъ, пересказывалъ о себѣ, что онъ въ стряпческомъ искусствѣ весьма знающъ, при чемъ и учитель его тожъ самое подтверждалъ и выхваливалъ, почему во первыхъ поссорившіеся между собою крестьяне, приходя къ нему, просили справедливаго и скораго на словахъ рѣшенія и удовольствія, а онъ и судилъ каждаго по достоинству дѣла, обирая принесенное и съ отвѣтчика, и съ челобитчика поравну, а кто больше дастъ, тотъ и правъ, хотябы и подлинно былъ виноватъ, но ослѣпленные ихъ глаза

тому вѣривали; кто же его судомъ бывали не довольны, тѣмъ писывалъ къ господамъ челобитныя и наставлялъ доброхотныхъ дателей полутче, нежели скупыхъ и несмысленныхъ; по томъ осыпали его множество мелкотравчетыхъ дворянъ и письменными прозбами съ довѣренностію, чтобъ ему за ихъ дѣлами хожденіе имѣть и по приказамъ. И такъ нашъ Селуянъ не пѣшкомъ ходить, а сталъ уже и ѣздить на одаренныхъ господами лошадкахъ въ Губернію и провинцію по дворянски, обманывая всячески, какъ его главной надъ такими людьми затѣйщикъ и коноводъ сатана, учитель и, собственные его лукавые къ корыстолюбію замыслы того требовали".

„Въ сосѣдствѣ съ нимъ Селуянкомъ была вотчина богатаго господина Конкодавова, который, по государеву указу, имѣлъ пребываніе и съ боярынею своею въ Москвѣ, а въ вотчинѣ оставлена полномочною госпожею дочь, имянуемая Грушинькою,—лѣтъ десятковъ двухъ съ барышкомъ, которая во всемъ околодкѣ по отцовскому богатству и по пригожеству ея лица другихъ околичныхъ тутъ дѣвушекъ превосходила и была завидная невѣста; а по елику и Селуянушка нашъ, хотя передъ нею былъ мизирнаго состоянія, но имѣлъ видъ не только не дурной и не отвратительной, но и пріятной и приманчивой, и однимъ словомъ похожей на хорошую дѣвку" [14].

II. Фролъ Скобѣевъ (слова подкупленной мамки):

„добро, господинъ Скобеевъ, за твою ко мнѣ благосклонную милость готова чинить поволі твоеі великое вспоможеніе!" Іпришла впокой, где девицы веселятся никому отомъ необъявила..." [15].

Изъ сборника Новикова.

„Ну! Селуяша, простое твое сердце принуждаетъ меня за тебя вступиться и сдѣлать на вѣкъ счастливымъ: будь надеженъ, что сей же вечеръ и безъ попа свадьбу съиграемъ; нынѣ такіе веселые вечера! Только будь же и скроменъ,—послѣ того никому не сказывай, дабы и обоимъ не попасться въ дѣдушкинъ чуланъ!" Онъ, поклонись ей, говорилъ: „что принадлежитъ до моихъ услугъ, то я тебѣ далъ только въ задатокъ, а послѣ наиболѣе отплачивать стану, а о тайности, пожалуй, не сумнѣвайся,—я человѣкъ не болтливой,—хотя и теперь въ застѣнокъ, то, ей, ей, худова не скажу!" Мамка ему повторила: „здѣсь калякать нѣчего, дабы кто не присмотрѣлъ; я однажды сказала, что за твою дружбу неблагодарною не буду! дѣло уже сдѣлано!", съ чѣмъ и возвратились къ собранной компаніи, будто ничего не знаютъ и вмѣстѣ не бывали... [16].

III. Фролъ Скобѣевъ (сцена обольщенія героемъ героини):

„Пѳролъ Скобеевъ, лежа саннушкою, побявилъ осебе, что онъ Ѳролъ Скобеевъ, дворянинъ новогородскоі, анедевка. Паннушка невѣдаетъ, что предним отвѣтствовать и стала быть ввелікомъ страхе, и Ѳролко, невзирая нинакакой себе страхъ, былъ очень отваженъ принужденіемъ разстлилъ ее девичество" [17].

Изъ сборника Новикова.

„Селуянъ, взвалясь на мягкую и широкую постель, на какой и

отъ роду еще не сыпалъ, коснулся, во первыхъ, скверною рукою своею до Груняшина нѣжнаго тѣла, по приказному порядку, по томъ, обнимая ее, даетъ преисполненныя пламени поцѣлуи; къ торжественной же ихъ радости во мгновеніе представляется маленькой божокъ любви и выстрѣлилъ въ нихъ изъ перваго колчана золотою стрѣлою, которые удары уязвилии разожгли ихъ сердца и воспалили чувствы.. Груняша, съ часъ времени, отважилась противиться, и хотѣла отложить Селуяново благополучіе до того времени, чтобъ соединить удовольствіе съ честію; но, вѣдая при томъ, что снисхожденіе лучше сопротивленія, нѣжность сердецъ ихъ трепещетъ, любовь и стыдъ покрываетъ лица румянцомъ, по томъ исчезаетъ стыдъ, любовь одна остается верьховною надъ ними властительницею," плоть ослабѣла, и древней врагъ-змій не преминулъ искусить ихъ своею мудростію, и окончилъ то, что началъ съ крыльями мальчикъ. Селуянъ, какъ въ превеликой горячкѣ, обнимая Груняшу повсемѣстно, озираетъ ее прелести пламенными своими глазами, не отпускаетъ губъ своихъ отъ прекрасныхъ ее грудей и пребыванія любовныхъ пріятностей мѣста, отдались оба совокупнымъ объятіямъ, и одинъ ждетъ въ минуту наслажденія, а другая уже довольствуется невиданною утѣхою. На послѣдокъ благополучный Селуянъ получилъ себѣ право увѣнчаннаго любовника и услажденія прямаго счастія. Подлинно счастливъ тотъ стократно, кто находитъ дѣвство; сокровище сіе весьма дорого, но заразить любовію сердце и еще того дороже, какъ слѣдующее покажетъ" [18].

IV. Фроль Скобьевъ (разговоръ боярина съ сестрой):

„Потомъ столник Нардинъ Нащекинъ поехал ксестре своей вмонастырь, исидел немалое время, а дочери своеи невидит, ивопросил сестры своей: „сестра, что я невижу аннушки?" Исестра ему ответствовала: „полна, братецъ, іздеватся! чтожъ мнѣ делать коли я безсчастная, моимъ прошениемъ ктебе просила я утебя прислать комнѣ! знатно, что ты невѣришъ мнѣ втом, амнѣ время такова нету, чтоб прислали понѣя!" Истолник Нардин Нащекин сказал: „как, государыня сестрица, что ты изволишъ говорить? Я не могу разсудить, для того, что она отпущена ктебе смѣсяцъ, аты присылала понѣе корету івозниковъ, ая вто время былъ вгостяхъ изженою моею ипо приказу нашему, отпущена ктебе!" Исестра сказала: „никакъ, братецъ, я кореты ивозниковъ непосылала никогда, наннушка комне небывала!" Истолникъ Нардинъ Нащекинъ весма сожалелъ одочери своей игорко плакалъ, что безвѣстно пропала дочь ево, иприѣхавъ вдомъ свой, побявилъ жене своеи, что аннушка пропала..." [19].

Изъ сборника Новикова.

„Господинъ Кошкодавовъ поѣхалъ въ другой разъ посѣтить свою сестрицу и навѣстить Груняшу. Пріѣхавши, посидя часа съ три въ кельѣ, спросилъ монахиню: „сестрица! да гдѣ же моя Груша? развѣ ей не досужно къ намъ на часокъ показаться? я уже ее другой мѣсяцъ не видалъ"—„Полно, братецъ, издаваться и переливать изъ пустова въ порожнее: ты сказываешь, что Груню не видалъ другой мѣсяцъ, а я—двенадцать лѣтъ! Чтожъ дѣлать, когда такъ я безчастна,—никогда не пришлете."—„Вотъ хорошо шутишь, сестра,—кажется, вче-

рашней день минуло пять недѣль, какъ ты присылала съ лошадьми карету, а она сѣвши и поѣхала".

„Развѣ чортъ вмѣсто меня присылалъ, а я не знаю! Вотъ мой малой, спроси его, ѣздилъ ли онъ къ вамъ когда. Игнатка, поди сюда! когда ты ѣздилъ къ братцу за Грушею?"—„Я два мѣсяца, сударыня, и пѣшкомъ изъ монастыря ни куда не хаживалъ! да и за чѣмъ безъ приказу твоего господскаго по пустому слоны продавать?.. Правда, сударыня, виноватъ Богу и тебѣ, мы почти и каждый день съ привороткомъ и хлѣбниками въ заднюю калитку ходимъ на Москву-рѣку купаться, но и опять всѣ въ цѣлости приходимъ!" Кошкодавовъ сидѣлъ за столомъ, потупивши глаза, облокотясь на лѣвую руку: „ну! сестрица, завязали узелъ, какъ то будетъ развязывать? Конечно, Груша та пропала; я, право, думалъ, что она съ тѣхъ поръ все у тебя, а теперь вижу, что обманъ сущей!"—„Какъ, братецъ, ета шутка не очень ладна, я почти вся внѣ себя!"—„А у меня, сестрица, такъ кожу подираетъ, подобно какъ въ Костентиновскомъ застѣнкѣ, въ рукахъ у добрыхъ людей-палачей! Да тотъ человѣкъ, конечна, отъ сего никакъ у меня не отпляшется, кто надъ старикомъ не хорошо подшутилъ; теперь не иначе какъ буду просить самаго надежу-Государя, пускай прикажетъ по всѣмъ домамъ, не выключая и моево, сыскивать и по обыскѣ увозчика, а когда съ согласія сдѣлано, и Грушку вызварить кнутомъ нещадно, дабы другимъ поводу не было, а тамъ и ступай, куда хотять, и какъ самъ не дамъ, такъ и женѣ закажу давать родительскаго благословенія: оно очень велико, а попу прикажу поминать анаѳемою, не замай ее теперь тетешкается, съ кѣмъ хочетъ, дѣвка выросла!.."—„Потише, братецъ, очень жарко, не вдругъ! статное ли ето дѣло, чтобъ кровь свою отдавать въ руки кровопійцѣ и тѣмъ себя и весь родъ порочить?"—„Эхъ! сестрица, ты не знаешь, какъ моему сердцу больно! я, можетъ быть, отъ сей игрушки долженъ буду оставить бѣлой свѣтъ! теперь поѣду къ Сонюшкѣ и, сказавши, посовѣтую съ нею, что будетъ дѣлать,—умъ хорошо, а два лутче того; я думаю, что она, моя голубушка, жива не будетъ, услыша едакую радостную вѣсточку: вѣть она ту каналью-бѣглянку не въ примѣръ-горячее меня любила, да и я не могу въ вѣкъ запомнить!"—„Ты, братецъ, не вдругъ ей сказывай,—не умори, чтобъ не ошибъ ее бѣдную и въ правду обморокъ!"—„Ето, сестрица, ничего—обморокъ,—въ немъ не вѣкъ будетъ лежать; только вспрыснуть крѣпкою водкою и облить ведромъ водою, то и очнется; сберегъ бы Богъ отъ большова обмороку, съ чемъ въ землю то прячутъ!.. а временной ничего не стоитъ: баба здоровая выдержитъ, хотя и не обморокъ...—Я съ молодыхъ лѣтъ былъ не промахъ, а теперь понавыкъ и побольше къ полезнымъ дѣламъ,—приведу съ собою попа и лѣкаря, которой нибудь изъ нихъ да пособитъ!.. Позабылъ я въ печали, изъ ума вонъ, послать прежде на Фили, къ цыганамъ и спросить пожилую бабу,—вѣть они, колдуньи проклятыя, отгадываютъ все!.. Потерять уже гривнягу, другую, да что бы правду сказала, а не скажетъ, то на конюшнею да плетьми!.. я денегъ не жалѣю,—только устой въ правдѣ!.. Вотъ, сестрица, кормилъ, поилъ, лелеилъ съ годкомъ двадцать залишкомъ,—теперь пошла, каналья, по вѣтру!.. прости, сестрица!"—„Прости, братецъ, желаю тебѣ

потерянное обрѣсти въ цѣлости.“—„Поѣхать мнѣ поскорѣй и объявить полиціи, чтобъ бѣглые сысканы и по суду, по строгости законовъ, наказаны были!“ По пріѣздѣ домой и по разсказаніи госпожѣ Кошкодавовой сдѣлавшагося приключенія, что говорено съ ея золовкою, то и сбылось... Боярыня, упавши со стула, на полъ захрапѣла: тутъ то ни попу, ни лѣкарю не можно было показать своего искусства и больной учинить помощи, а предсказательницы не имѣлось, и жива ли будетъ, не извѣстно. И какъ бояринъ одумался, что госпожѣ на полу лежать не прилично, то пятеро, на силу, по дебелости ея тѣла, подняви, положили на постель. У ней же пѣна все то время клубомъ изо рта валила, такъ что водка и вода не помогала: то, раздвоя стиснутые зубы лапотнымъ кочедыкомъ, влили ложки съ двѣ конопляннова масла, отъ котораго она, срыгнувши, очнулась, и стала охать, плакать и кричать непремѣнно: „ахъ! Грушинька моя родимая, на которую ты сторонушку отлетѣла? и на кого ты насъ, своихъ кровныхъ, опокинула? и гдѣ теперь имѣешь свое пребываніе?“—При сихъ словахъ привезена была съ Филей старуха, которая, переговоря съ мамкой о печали господской, попросила горшечикъ, ни съ чѣмъ не держанной, влила въ него воды, положа три угля съ огнемъ, изъ четырехъ угловъ моху, соли, изъ печи глины и пепелу по щепоткѣ, сказала: „боярышня не пропала, она и теперь въ Москвѣ, въ добромъ здоровьѣ!“—„Да въ которой улицѣ?“—закричалъ бояринъ. „Етова не знаю, только не очень далеко!“—сказала ворожея, „сидитъ самъ другъ съ мущиною!“—„Ахъ! пропали мы, Сонюшка! конечно, каналія, съ блудуномъ! Разорвалъ бы обѣихъ въ клочки, когдабъ досталъ ихъ въ руки! воля Божья да государева была бы со мною, а ужъ я бы ихъ упеталъ! Государь бы мнѣ, по давней и вѣрной моей службѣ, простилъ и больше, нежели плутамъ бѣглецамъ, повѣрилъ...“ [20].

Сравненіе приведенныхъ мѣстъ свидѣтельствуетъ, что измѣненіе основного текста старинной повѣсти въ сборникѣ Новикова выразилось, прежде всего,—a) въ перемѣнѣ именъ дѣйствующихъ лицъ,—b) во введеніи новыхъ лицъ (дьякъ, давшій совѣтъ герою заняться „ябедой“, монастырскій привратникъ), — c) во внесеніи подробностей, поясняющихъ то, что въ старинной повѣсти не было достаточно мотивированнымъ (напримѣръ, причины, заставившія героя взяться за „ябеду“; причины, почему онъ счелъ неизбѣжнымъ войти въ соглашеніе съ мамкой),—d) въ углубленіи психологической мотивировки (колебанія подкупленной мамки; характеристика героя; психологія влюбленной Аннушки),—e) въ расширеніи разсказа новыми бытовыми подробностями (бесѣда отца героини съ женой; бесѣда героя съ Собакинымъ),—f) во внесеніи литературныхъ пріемовъ („крылатый мальчикъ“), — g) во внесеніи юмористическаго тона, опредѣляющаго отношеніе автора къ повѣсти, — вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣсти прежнее эпическое безпристрастіе нѣсколько нарушается.

Бытовая обстановка повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ, и передѣлка ея Новиковымъ до такой степени жизненны, что изслѣдователь имѣетъ полное право предположить за этой темой реальный фактъ,—тѣмъ болѣе, что русскіе мемуары XVIII-го и XIX-го вѣка даютъ намъ вполнѣ-опредѣленныя указанія на то, что случаи, подобные тому, который послужилъ темой для повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ, были нерѣдки въ русской жизни и XVII и XVIII-го вѣка. (См. ниже, при анализѣ повѣсти Карамзина: „Наталья, боярская дочь").

Вторая повѣсть, къ анализу которой я теперь перехожу: „*Похожденіе Ивана Гостинаго сына*"—начинается съ фигурнаго описанія ночи, сдѣланнаго совершенно въ духѣ описаніи Чулкова.

„Когда ночная мрачность совсѣмъ изчезала, и благодѣтельная денница, представя утреннюю зарю свѣтлѣющимся лицомъ своимъ, взирая на вселенную, правою рукою усыпала землю розами и орошала, на подобіе жемчуга изъ глазъ своихъ, зеленую траву росою" [21].

Въ это время шелъ мимо Симонова монастыря разбойникъ и жаловался вслухъ на свой „промыселъ", доставлявшій ему самыя неопредѣленныя средства къ существованію.

„При всемъ томъ"—сѣтовалъ онъ,—„всякаго чорта бояться должно,—полицейскихъ служителей и десятскихъ, сыскнаго приказа секретарей и подъячихъ и научащихъ ими бродящихъ, вездѣ оговаривающихъ языковъ... Теперь бы на досугѣ погрѣшилъ,—ограбилъ бы, хотя монашескую келью, которая попущистѣе, а въ противномъ случаѣ и хозяина, изобилующаго довольствомъ, отправилъ на тотъ свѣтъ!"... [22].

Эту рѣчь слышитъ монахъ-Поликарпій; онъ посылаетъ служителя за разбойникомъ, приводитъ его къ себѣ въ келію и спрашиваетъ, какъ онъ смѣетъ грабить и убивать... Воръ говоритъ, что поступаетъ такъ мучимый голодомъ.

Тогда монахъ угостилъ его виномъ, обласкалъ, уговаривалъ его жить праведно и, въ назиданіе, обѣщалъ разсказать вору о своихъ собственныхъ похожденіяхъ „въ міру":

„Разскажу я тебѣ свое похожденіе, которому ты вмѣстѣ удивляться, сожалѣть и смѣяться будешь.—и увидишь, что недаромъ говорятъ пословицу: „есть черицы и на Симоновѣ" [23].

Послѣ великолѣпнаго, „немонашескаго" обѣда, сталъ онъ разсказывать...

Прежде всего, онъ возблагодарилъ Бога за то, что попалъ въ монастырь, и этимъ спасся „изъ бездны гнуснаго распутства" [24]. Онъ—сынъ купца; родился въ Нижнихъ Садовникахъ. Его слишкомъ сильно любили родители, и потому избаловали его, давъ ему дурное воспитаніе. Сначала былъ у него хорошій, но строгій учитель. Онъ съ этимъ учителемъ не ужился.

„...я, будучи съ младенчества вырощенной въ нѣгѣ, на рукахъ нянюшкиныхъ, былъ лѣнивъ, упрямъ, грубъ и самолюбивъ, не хотя принимать добрыхъ ево наставленій и ученія, для котораго онъ былъ нанятъ, неоднократно приходилъ къ матери моей съ заплаканными глазами и распухлымъ лицомъ, жаловался на жестокіе его поступки,— представлялъ, воздыхая, что учитель начинаетъ уроки совсѣмъ превратно и противъ меня поступаетъ неучтиво" [25].

Въ результатѣ, сердобольные родители отказали этому учителю и взяли другого—это былъ —

„одинъ слоняющійся семинаристъ, человѣкъ молодой, которой, какъ былъ безпорядочнаго и превратнаго поведенія, такъ и меня сдѣлалъ безпутнымъ". „Первые основательные регулы показалъ мнѣ пить ренское и горячее вино, какъ благопристойно поклониться, сдѣлать ужимку и увертку передъ дѣвушкою, вѣжливо къ ней подойти, покобениться, поцѣловаться помилѣя,—обнявши, поговорить на ухо, безъ свидѣтелей, попріятнѣе, что̀ я уже и прежде немного разумѣлъ—по склонности моей мамки, съ которою я, какъ малое дитя и младенецъ, по приказанію моей родительницы, чтобъ не испугался бродящихъ въ ночное время нечистыхъ домовыхъ духовъ и не сдѣлался на вѣкъ уродомъ, сыпалъ на одной постелѣ и не пропускалъ никогда во всемъ домѣ ни одной дѣвки и молодой пригожей женщины, хотя бъ которая была и родственница, чтобъ не облобызать и не ощупать, гдѣ только руку мою не возбраняли" [26].

Учился онъ плохо. За столомъ говорилъ съ учителемъ „по латинѣ" всякую ерунду, а родители, слушая его, умилялись—„почитали, какъ настоящимъ Плутархомъ"... Наконецъ, отецъ посадилъ его „за дѣло",—въ лавку... Онъ сталъ воровать... Учитель ему помогалъ. Однажды провѣрка денегъ, сдѣланная отцомъ, показала пропажу 7000 рублей. Матушка тайкомъ внесла за сына; отецъ, думая, что сына обманываютъ, перевелъ его въ другую лавку. Тамъ онъ сталъ красть вдвое больше. Однажды учитель сказалъ ему,—

„Иванушка" (такъ меня въ свѣтской жизни звали), ты не знаешь, какія проявились въ Нѣмецкой слободѣ, близъ Салтыкова моста, двѣ красотки, которыя никакъ на смертныхъ не походятъ, а уподобляются богинямъ, или прелестнымъ нимфамъ,—станомъ, тѣломъ, грудью, взоромъ и всѣми достоинствами,—младостью подобны Еглее (sic), а нѣжностью Ефрозинѣ... И, единымъ словомъ, никто не можетъ избѣгнуть отъ поставленныхъ ими сѣтей,—и весь свѣтъ не стóитъ ихъ пріятныхъ прелестей!" [27].

„...Какъ дьяволы навсегда вмѣшиваются въ подобныя сему дѣла, и разжигаютъ неутолимымъ пламенемъ всѣ тѣлесныя чувства,—равномѣрно и я плѣненъ сталъ за глазами сказанными сиренами" [28].

Иванушка поѣхалъ къ этимъ красоткамъ вмѣстѣ съ учителемъ. Его встрѣтили ласково три госпожи—одна постарѣе, —

„похожая на надзирательницу, по пословицѣ: „гдѣ чортъ не мо-

жетъ успѣть въ любовныхъ дѣлахъ, тутъ надобно руководствовать старухѣ" [29].

Дѣвушки, дѣйствительно, были прекрасныя —

„и были тогда въ легкомъ тафтяномъ платьѣ. У одной бѣлокурой страстные и полной нѣжности глаза, казалось, что, будто, безъ намѣренія на людей стремились къ похищенію каждаго сердца. Но дѣйствіе ихъ было, какъ и пламенныхъ глазъ черноволосой, кидающей на всѣхъ заразительные взоры!" [30].

Иванушка влюбился въ брюнетку. —

„Плѣнясь ими (прелестями), цѣловалъ превосходящія бѣлизною лиліи руки и отвѣтствовалъ застѣнчивымъ и смятеннымъ голосомъ... Премѣнивъ хладное и ледяное сложеніе въ любовную горячность, устремилъ глаза мои на ея неоцѣненныя прелести, и ея взгляды отняли мою робость и, казалось, упрекали прежнюю мою слабость" [31].

Въ концѣ концовъ, онъ совсѣмъ потерялъ голову, — отдалъ красавицѣ сердце свое и лавку съ товаромъ, перетаскалъ къ ней штофъ, парчу и бархатъ не аршинами, а кусками... Деньги носилъ не счетомъ, но цѣлыми мѣшками...

Потомъ онъ сталъ кутить во всю, мотая отцовское имѣніе... Отецъ его и мать скоро умерли, и тогда Иванушка очутился уже на полной свободѣ... Компанію себѣ онъ подобралъ довольно пеструю,—

„Первые мои были друзья и прислужники—суконщики и другихъ фабрикъ мастеровые люди" [32].

Наконецъ, онъ окончательно разорился... Тогда, захвативъ все, что осталось подороже, ночью его возлюбленная бѣжала съ его учителемъ... Съ нимъ осталась другая дѣвица,—блондинка-Елеонора...

„которая, по его словамъ, была не такого поганаго сложенія и подлаго нрава, какъ Елиза".

Она сочувствовала ему,—отдала ему всѣ его подарки и совѣтовала, какъ разумнѣе устроить жизнь... Онъ женился на ней, обративъ въ православіе. Она оказалась хорошей женой —

„подлинно супружеская дружба соединила сердца наши неразрушимыми оковами; ибо она, кромѣ внутреннихъ добродѣтелей, и наружною красотою ни въ одной чертѣ Елизѣ не уступала" [33].

Между тѣмъ,—бѣглой любовницѣ не посчастливилось, она была убита и ограблена спутникомъ.

Обнаружилось это такъ:

„Въ здѣшней столицѣ изстари введено въ обыкновеніе, что въ день отданія праздника святыя Пасхи въ убогомъ дому, перебирая мертвыя тѣла, кладутъ въ гробъ и зарываютъ въ ямы, а на другой день поютъ панихиды".

Иванушка пошелъ смотрѣть покойниковъ, и вотъ, между трупами, увидалъ онъ тѣло своей бѣглой возлюбленной...

Черезъ десять мѣсяцевъ послѣ свадьбы Елеонора родила сына и умерла. Ребенка онъ отдалъ на воспитаніе, а —

„самъ пустился, отъ горести, въ безмѣрное пьянство и шалости; а шальные дураки и пьяные уподобляются храбростію героямъ, разумомъ—министрамъ, а богатствомъ—вельможамъ... Сихъ то послѣднихъ, сдѣланныхъ мною, погрѣшеній никогда оплакать, или молитвою упросить не могу!“ [34].

Между прочимъ, завелъ онъ у себя „пристанище всякаго сорту бѣглымъ удалымъ ребятамъ“,—завелъ кулачные бои, борьбу, медвѣжью травлю...

„Артель наша называлась „орденомъ злощастья и отмѣннаго благополучія“. Я, по старшинству, у нихъ именовался атаманомъ, и, хотя взятыя за дворъ (продалъ одинъ свой дворъ) деньги безъ всякаго излишества употребляемы были, но стало ихъ не на долгое время... Ибо, кромѣ харчевыхъ припасовъ, выходило иногда въ день одного вина по цѣлой сороковой бочкѣ... Въ семьѣ не безъ урода,—нѣкоторые трудолюбивые, по ночамъ немного и пришаливали, но я не зналъ, а деньги къ содержанію текли изъ одного моего кошелька“ [35].

Однажды подошелъ къ нему эсаулъ и, видя его задумчивость, посовѣтовалъ ему заняться разбоемъ:

„есть у насъ таковыхъ человѣкъ десятокъ, которыхъ ни огонь, ни вода не возьметъ, а отъ нихъ ни одинъ крѣпчайшій замокъ, или заклепъ, не устоитъ“ [36]—говорилъ онъ.

Хотя Иванушку мучила совѣсть—однако, онъ недолго колебался,—далъ свое согласіе, и скоро веселый ихъ орденъ занялся разбоемъ на Москвѣ. Лишь случайно отстали они отъ этого занятія... Отъ одного „нечистаго вора“ *) узналъ Иванушка, что разбойникъ Петрушка-Попокъ, съ большими богатствами, прибылъ на Москву, изъ Низовыхъ городовъ и остановился, въ селѣ Алексѣевскомъ, на пепелищѣ покойника-родителя своего попа-Емели, а богатство свое спряталъ въ лѣсу... Артель Иванушки рѣшила отбить эти богатства, а самого Попка выдать полиціи. Это имъ удалось, и они сразу разбогатѣли.

Товарищи Попка были —

„перевязаны накруто веревками, отправлены съ тѣми же мужиками и на ихъ же подводахъ съ моимъ Есауломъ къ Москворѣцкимъ воротамъ, для поговорки съ двумя Иванами Степановымъ и Окуневымъ, да съ третьимъ Петромъ Могучимъ“ [37].

Вещей Иванушка съ товарищами захватилъ цѣлыхъ десять возовъ. Пировали они весело въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Потомъ „дува-

---

*) „Нечистой воръ“ тотъ называется у разбойниковъ, которой людей губитъ“ (*Прим. Новикова*).

нить начали". На долю атамана-Иванушки пришлось однѣхъ денегъ 150.000 р., кромѣ вещей... Разбогатѣвъ, и онъ и друзья его сдѣлались „добрыми людьми".

Еще раньше онъ уже сталъ задумываться о томъ, какъ побороть и побѣдить свои страсти. Теперь однажды онъ увидѣлъ аллегорическій сонъ, который и заставилъ его рѣшительно отказаться отъ прежней жизни.

Сначала Вихорь перенесъ его въ домъ Забавы. Слѣдуетъ описаніе этого веселаго дворца —

„Роскошь, сидя на обыкновенномъ своемъ престолѣ, попирала ногами Добродѣтель; Веселіе, бѣгая по покоямъ, заставляло Амура играть на музыкѣ; Сластолюбіе, съ натертымъ на лицѣ румянцемъ, приказывало рѣзвиться играмъ и потѣхамъ... Но болѣе всего приводила меня въ восторгъ величественная красота сего дому госпожи, какъ сластолюбивой матери естества, которая, прогоняя мрачную тѣнь ночи, подаетъ жизнь, изобиліе и счастіе безчисленно-движущейся толпѣ смертныхъ. Тамъ, кромѣ вышеписаннаго, видны были Смѣхъ, Любовныя забавы, Нѣжныя желанія, Ласковость, Услуги и Покорность..." [38], и пр.

Потомъ, во снѣ же, онъ сталъ вдумываться въ смыслъ этого видѣнія. И тогда усмотрѣлъ онъ „всѣ несчастія посвятившихъ жизнь свою сему прекрасному божеству"—разныя несчастія, жалобы, омерзѣніе, томную болѣзнь... И, въ концѣ концовъ, рѣшилъ оставить „сіе пагубное мѣсто".

„Потомъ встрѣтился ему старецъ, который свелъ его въ царство Трудолюбія,—показалъ царство Порока, страну Добродѣтели... По дорогѣ онъ встрѣчаетъ Честность, Воздержаніе, Стоицизмъ... Встрѣтилъ онъ и Благоразуміе, которое, на дѣлѣ, оказалось „лукавствомъ", правосудіе, оказавшееся — „жестокосердіемъ", искренность, оказавшуюся „лестью" и пр. Наконецъ, пришелъ онъ въ шатеръ Уединенія — и только здѣсь обрѣлъ искренное счастье".

„Сколь чудное, сколь пріятное, сколь любезное представилось мнѣ тогда зрѣлище!.. По обѣимъ сторонамъ нашей дороги, были луга, покрытые всегда зеленѣющею травою и испускающими благоуханіе разныхъ родовъ цвѣтами; кедровыя, кипарисныя и другія древа досязали вершинами до облаковъ... Въ другихъ мѣстахъ протекали прозрачные источники и пріятнымъ своимъ журчаніемъ дѣлали мимошедшимъ увеселенія; птицы, блистающія разными перьями, пѣніемъ своимъ составляли хоръ музыки и колебали вѣтви своими лобызаніями, и бабочки цѣловались на цвѣтахъ [39]. (Слѣдуетъ описаніе храма, богини и пр.).

Сонъ этотъ видѣлся ему и вторично. Тогда онъ сталъ искать уединенія,—помышлять о будущей жизни; нищимъ сталъ раздавать милостыню, дѣлалъ вклады въ монастыри...

Однажды онъ забрелъ къ Симонову монастырю и умилился,

увидѣвъ тишину его жизни. Тогда онъ пошелъ къ настоятелю, покаялся и былъ принятъ въ монастырь. Жизнью монастырской онъ очень доволенъ: „я лучше сего житія не нахожу"—говорилъ онъ. Только здѣсь обрѣлъ онъ тишину, миръ душевный...

Къ „міру" сталъ онъ относиться отрицательно:

„Открой глаза свои,—то и увидишь, что мы здѣсь, какъ былинка, поднимаемая вѣтромъ пропадаемъ!"—говорилъ онъ.

„Здѣсь то мое сердце, часъ отъ часу, укрѣпляется въ воспріятой къ міру ненависти—я ожидаю смерти безъ страха!.. Глупость и развращенныя прежнія мысли, чѣмъ былъ испорченъ, никакой во мнѣ силы не имѣютъ, и—откровенно тебѣ, другъ мой, скажу,—что я лучше сего житія не нахожу, чего и тебѣ желаю... Что̀ тебѣ покажется полезнѣе? Минутная ли здѣшняя свѣтская, да еще и закону противная жизнь?—или вѣковѣчное наслажденіе благъ?" [40].

Въ заключеніе, онъ даетъ разбойнику сундучокъ, чтобы тотъ внесъ за себя, какъ вкладъ, настоятелю.

Затѣмъ разбойникъ, въ свою очередь, сталъ разсказывать свою исторію. Онъ тоже родился въ Москвѣ. Отецъ его былъ пономарь, а мать—„дочь купецкая".

Старый пономарь завелъ школу и сначала хорошо повелъ дѣло,—

„отецъ мой былъ безъ мѣста, а только училъ дѣтей русской грамотѣ и латинѣ, а отъ того и имѣлъ пропитаніе. Къ нему отдавали множество не токмо богатыхъ купеческихъ, но и господскихъ сынковъ, лѣтъ десятку по другому... А мать, потомужъ, не державшись „мокрой компаніи", имѣла прилежность надъ отдаваемыми для наукижъ взрослыми дѣвушками" [41].

Въ этой же отцовской школѣ получилъ образованіе и самъ разсказчикъ... Къ наукамъ оказался онъ способнымъ, и скоро сталъ помогать отцу учить дѣтей. Дьячокъ, оцѣнивъ способности сына, скоро вовсе бросилъ заниматься своей школой и свалилъ все на сына, а тотъ лукавилъ,—бралъ съ учениковъ взятки и мирволилъ ихъ лѣности. Въ результатѣ,—школа стала падать. Отецъ это замѣтилъ и взялся за сына—

„Родитель мой былъ нраву жестокаго и грубаго: сперва меня словесно побранивалъ, а опослѣ наказывалъ,—ставилъ на колѣни на насыпанной горохъ, крупной песокъ и очень сѣкалъ розгами".

И вотъ, однажды, послѣ наказанія, разсказчикъ рѣшился отомстить „сему шалуну"... „Когда ночь мрачная одѣла небеса невидимою епанчею" [42], онъ книги всѣ побросалъ въ колодезь, поджогъ клѣть и убѣжалъ. Спалъ онъ въ лѣсу. Тамъ въ лѣсу спящимъ его нашли разбойники. Ихъ было —

„Человѣкъ съ шесть, въ смурыхъ кафтанахъ и въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ ружьями и палками" [43].

Узнавъ, кто онъ и что сдѣлалъ съ отцовскимъ домомъ, разбойники очень хохотали, и повели его къ своему атаману, который былъ богатымъ помѣщикомъ и жилъ въ лѣсной глуши. Долго они шли; наконецъ —

„прибыли мы къ одному рву, за коимъ сидѣли четверо на лошадяхъ, въ такихъ же мундирахъ... Они, отложа рогатку, впустили насъ; напослѣдокъ, пришли мы въ самую гущину лѣса, гдѣ стоялъ превеликой домъ, огороженной высокимъ заборомъ; на вопросъ моихъ провожатыхъ отперты ворота... Я введенъ былъ чрезъ три караула такогожъ сорта людей въ господскіе покои. Во оныхъ сидѣлъ на обитыхъ бархатомъ креслахъ человѣкъ, имѣющій пріятной видъ, съ черною окладистою бородою, въ парчевомъ халатѣ“ [44].

Атаманъ благодушно разспросилъ его, кто онъ, чѣмъ занимается. Узнавъ, что въ наукѣ онъ дошелъ до философіи, —

„До философіи!“—захохотавъ громко, господинъ говорилъ мнѣ ласковыми словами—„Хороша, братъ, твоя философія!.. гдѣ-то теперь отецъ твой съ матерью укрываются?..“ Нахохотавшись довольно, закричалъ: „Аннушка! пожалуй сюда!.. на мѣсто умершаго твоего учителя вотъ тебѣ другой, которой знаетъ и по латинѣ!..“ Отворились боковыя у другого покоя двери, изъ коихъ вышла дѣвица, хорошая собою и дородная, въ штофной съ газомъ душегрѣйкѣ и юбкѣ; на шеѣ и на рукахъ премножество было нитокъ невиданнаго до того мною жемчуга. Она обошлась со мною, какъ давно жившая“ [45].

Жизнь разсказчика потекла въ домѣ атамана покойно и счастливо. Къ тому же новая ученица его занималась усердно. Самъ атаманъ поразилъ его своимъ благородствомъ.

„Никогда не могу забыть добродѣтели добродушнаго того господина, называемаго „Хомутомъ“, что онъ, спрося у меня о пребываніи отца моего, на постройку, вмѣсто погорѣвшаго дворишка, тайно послалъ пятьсотъ рублей, кои исправно и вручены“ [46].

Но недолго блаженствовалъ здѣсь разсказчикъ —

„отъ нанесеннаго судбою гнѣва никакъ избѣжать не можно!“ [47] — восклицаетъ онъ.

Сыщики нашли жилье разбойниковъ, подожгли лѣсъ и схватили атамана. Разсказчикъ съ Аннушкой убѣжали. Дѣвушка горевала, но онъ печалился не сильно, видя себя обладателемъ красавицы-ученицы.

„О, пріятныя минуты! о неожидаемыя драгоцѣнности! тогда-то я увидѣлъ въ моей другинѣ столько красоты и дородства, что не могъ, было, по цвѣтущимъ обоихъ насъ лѣтамъ сдержать воспаляющаго во мнѣ быстраго жара и стремительныхъ страстей,—держалъ въ умѣ моемъ, что теперь пришла за труды мои достойная награда!“ [48].

Выдавая себя за мужа и жену, ограбленныхъ разбойниками, добрались они до Москвы... Отецъ и мать разсказчика оказались

уже умершими. Оставалась одна маленькая сестра... „Она, узнавъ меня, кинулась на шею и заплакала, что̀ и я со своей стороны сдѣлалъ“—разсказываетъ онъ. „Дабы совѣсть не мучила“ — онъ обвѣнчался съ Аннушкой [49]. Жили они счастливо, но вдругъ домъ ихъ сгорѣлъ... Аннушка, съ горя и „по опредѣленію судьбы“, умерла; послѣ нея осталось трое дѣтей. Онъ сдѣлался мотомъ и пьяницей, потомъ и мошенникомъ.

„Но какъ всякое рукодѣліе поднимается снизу кверху, подобно и я,—изъ худого мошенника сдѣлался добрымъ воромъ и грабителемъ“ [50].

Скоро онъ вошелъ въ компанію, состоявшую изъ пятнадцати разбойниковъ.

„Всякой знаетъ, что въ Москвѣ въ нынѣшнее время стало немного построжье, а прежде, лѣтъ за пятокъ, почти и карауловъ не было, почему наша братія, торговые люди, во отдаленныхъ отъ города мѣстахъ обитали невозбранно цѣлыми домами“ [51].

Однажды ночью, идя по большой Арбатской улицѣ, онъ, проходя мимо лавки, гдѣ продавались гробы, въ одномъ гробѣ услышалъ какой-то шумъ... Раскрывъ его, онъ увидалъ тамъ спрятавшуюся женщину; онъ забралъ ее съ собою, —

„И съ нею вмѣстѣ пошелъ тихими стопами къ нашему подворью, на Сивцовъ овражекъ“ [52].

Приведенная дѣвушка оказалась красавицей. —

„Пришедъ домой, увидѣлъ я прекрасное сотвореніе; тотчасъ забылъ свою Анну“ [53].

Это была богатая купеческая дочь „изъ Кожевникова съ Гусятникова двора“; сманена была купецкимъ сыномъ, обманута и отдана имъ разбойникамъ, съ тѣмъ, чтобы ее утопили... И вотъ, она уже „везена была пьяными ворами къ Дорогомиловскому мосту, въ Москву-рѣку“, но по дорогѣ упала съ воза, и спряталась въ гробъ.

Разсказчикъ скрылъ ее отъ товарищей, которые, по его словамъ, будучи „къ женскому полу непримиримыми непріятелями“, и его бы самого, по злости своей, не пожалѣли „впрятать въ пролубь“... Онъ отвелъ спасенную имъ красавицу къ сестрѣ, обвѣнчался съ нею, и три года жилъ счастливо,—

„какое число по взаимной дружественной любви, и ребятъ въ свѣтъ пущено“ [54].

Между тѣмъ, товарищи его „раздуванили“ его имущество и разъѣхались. Потомъ и эта его жена умерла, и онъ опять остался вдовцомъ, на этотъ разъ—съ 8-ью дѣтьми отъ двухъ браковъ.

Монахъ признался, что въ монастырь разбойнику, какъ человѣку

семейному, нельзя идти, и далъ ему 5.000 р., чтобъ онъ занялся торгомъ и отъ разбоя отсталъ.

Черезъ нѣкоторое время сдѣлался разбойникъ торговцемъ въ живорыбномъ и яблочномъ рядахъ. „Поправившись“, явился онъ съ благодарностью къ монаху. Тотъ спросилъ, „не знаетъ ли онъ, для прогнанія скуки, какихъ ни на есть повѣстей, на что тотъ съ немалою охотою, повинуясь своему покровителю, зачалъ, какъ бывальщину, разсказывать...“

Изъ многочисленныхъ разсказовъ его особенно интересны два,—оба изъ жизни купеческой.

1) „*О нещастныхъ приключеніяхъ купецкой дочери Аннушки*“. Начинается эта исповѣдь падшей женщины съ такого фигурнаго приступа.

„Всякому извѣстно, что между немалыми, происшедшими на свѣтъ и обитающими на земномъ шару, народами состояніе человѣческой жизни ни что иное почитаться должно, какъ подобіе хороводнаго танца, изображающаго взаимную перемѣну веселія и забавъ, какія бываютъ подвержены его щастіямъ и суетамъ, бѣдности и страданію... Изъ многихъ милiоновъ таковыхъ сотвореній, щастлива была я тогда, въ кое время находилась въ нѣдрахъ утробы матери моей, которая именовалась богатаго рускаго купца женою и не послѣднею сего рода пригожавицею... И, хотя не могу сама себя оспаривать, что я съ обѣихъ сторонъ не купецкая дочь, но мать моя больше всѣхъ знаетъ, кому я рожденіемъ обязана, и принадлежу, потому что на цѣломудріе ея никому положиться было невозможно, да и сама она, можетъ быть, въ томъ вѣрить себѣ не была въ состояніи,—она, сколь была хороша, статна и дородна, столь, напротиву того, вина пить отмѣнная мастерица, податлива и доброхотна“ [55].

Старый 60-лѣтній мужъ любилъ свою 19-лѣтнюю жену, и все ей прощалъ:

„Онъ, любя горячо дородную и гладкую свою супругу, и, по семимѣсячномъ бракосочетаніи, произвелъ на свѣтъ меня, грѣшницу, сквернившую дни мои во всякомъ неистовствѣ; и назвали при крещеніи Аннушкой“ [56].

Дѣтство Аннушки протекало безъ заботъ. По ея словамъ, она—

„росла, какъ мягкое тѣло на опарѣ кисло—и въ десять лѣтъ совершенно могла себя показать свѣту, отъ какой произошла крови: я начала познавать прежде любовь, нежели могла узнать сама себя“ [57].

Смерть мужа не огорчила ея матери—всегда у нея бывало много мужчинъ, которыхъ всѣхъ называла она „дядюшками“.

Анна выросла въ мать,—имѣла „облое“ тѣло, рано узнала волненія любви, и, подобно матери, была всегда весела и въ обращеніи беззастѣнчива... [58].

„Однажды сдѣлала я, по глупости своей, такое дерзновеніе, что

пустила въ комнату мою по веревкѣ въ слуховое окно мальчика, лѣтъ двадцати, для прогнанія скуки и поговорки".

„Матушка моя, также будучи не одна въ постели, при провожаніи со двора одного изъ моихъ дядюшекъ, усмотрѣла спускающагося на дворъ моего друга—богатаго купца сынка" [59].

И вотъ, мать, очевидно, побуждаемая смутнымъ сознаніемъ необходимости исполнить „родительскій долгъ", постаралась сдѣлать дочери выговоръ, но ничего изъ этого родительскаго нравоученія не вышло, и блудница-мать легко простила свою грѣшницу-дочь, которая тогда еще конфузилась,—

„Я не могла тогда ей отвѣчать, ниже взглянуть на нее пристально, но стояла съ покрывшимъ лице румянцемъ, потупя глаза въ землю, дрожала отъ страху" [60].

Нянька помогаетъ дальнѣйшимъ свиданіямъ... И вотъ, въ концѣ концовъ,—

„...какъ мы съ нимъ небережно рѣзвились и угождали другъ другу наипріятнѣйшими вожделѣніями, не помышляя ничего болѣе, кромѣ удовольствія вкушаемыхъ забавъ и восхитительныхъ ощущеній, къ нашему услажденію происходящихъ, то сіе благополучное время не болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалось" [61].

Въ результатѣ, Анна оказалась беременной: „потеря цвѣту" была тому—„несумнительной знакъ" [62].

Она была въ отчаяньи, и однажды открыла Петрушѣ, въ какомъ она состояніи,—

„Въ одно время, по полученіи взаимныхъ доказательствъ необыкновенной и неутоляющей любви нашей, другъ мой сердечной примѣтилъ, что я, стоя печально, вздыхала, и что рука моя, которую онъ держалъ въ своей, весьма дрожала—ибо, когда страсть нѣжной любви моей была удовлетворена, то безпокойство заступило въ моемъ сердцѣ" [63].

Она разсказала ему о своемъ положеніи, и догадливый Петруша принесъ ей какія-то „слабительныя капли". Принявъ ихъ, она—

„съ часъ времени была въ сильномъ обморокѣ, и что происходило со мною, не чувствовала, но только познала въ животѣ моемъ пустоту и въ членахъ ослабленіе" [64].

Мать рѣшилась выдать ее замужъ. Петруша уѣхалъ съ отцомъ на ярмарку на Макарьевскую Лебедянскую, а потомъ на Свинскую...

Когда онъ вернулся и захотѣлъ жениться на Аннѣ, то мать ея сама въ него влюбилась и стала мѣшать дочери... Тогда Анна дала ему совѣтъ жениться на ея матери, чтобы имѣть его всегда вблизи себя и самой пользоваться чаще его ласками...

Петруша пошелъ на это, и, по этому поводу, влюбленные вели живой и длинный разговоръ. Во время свадебнаго веселія Петруша сумѣлъ уединиться съ Анной.

„Онъ сыскалъ случай, посреди самаго торжественнаго веселія, приближиться ко мнѣ и сказать: „ну, дражайшая моя!.. я все для тебя сдѣлалъ!.. Посмотрю же и я, что̀ ты для меня учинишь?..“ Одинъ взглядъ мой служилъ ему вмѣсто отвѣта... Я вышла непримѣтно изъ залы; онъ также ускользнулъ тихонько... Все способствовало къ нашему удаленію... Я вошла въ мои покои, а онъ за мною... Я кинулась къ нему на шею, и хотѣла говорить, но языкъ мой слабѣлъ... Нѣтъ выраженій, нѣтъ силы, чтобъ представить живо то состояніе, въ которомъ мы тогда находились!.. И такъ, позволь мнѣ, любезный читатель, оставить описаніе тѣхъ удовольствій, которыя я тогда вкушала,—довольно тебѣ сказать, что я дорого матушкѣ стоила за ея несправедливость посредствомъ нашихъ восхищеній!.. Мой любовникъ былъ чудо во весь тотъ часъ, въ которой мы съ нимъ пробыли!“ [65].

Цѣлый годъ обманывали они мать и были счастливы...

Однажды къ ней нанялась молоденькая горничная, по имени Наташа... Анна положила ее съ собой спать,—и въ первую же ночь,—

„...стала съ нею рѣзвиться по дѣвичьи... Она была несмѣла и застѣнчива... Но опослѣ изъ Натальи сдѣлался Иванъ,—семинаристъ изъ Иконоспасскаго монастыря“, въ женскомъ платьѣ, подъ видомъ горничной, пробравшійся къ ней. Цѣлый годъ прожилъ этотъ семинаристъ у нея, подъ видомъ горничной, и Анна была вполнѣ счастлива.

„дни протекали для меня всегда ясные и удовольственные, равно и ночи были столь же сладостныя и столь пріятныя“ [67]—повѣствуетъ она.

Счастье ея было нарушено, когда Петруша влюбился въ эту „Наташу“, и самъ сталъ за ней ухаживать. Однажды онъ вошелъ утромъ въ комнату Анны — и засталъ ее спящей на одной кровати съ мнимой Наташей, такъ какъ —

„тогда было весьма жарко, то мы раскинулись, по пристойности и надобности дѣвушкамъ, въ просоньѣ, безъ одѣяла“ [68].

Петруша былъ обозленъ,—и предпріимчивый семинаристъ былъ съ позоромъ, въ одной рубахѣ, изгнанъ изъ дому... Но вскорѣ „старательная нянюшка“ пришла къ Аннушкѣ и сообщила ей, что видѣла „Наташу“, которая страдаетъ отъ разлуки и съ горя хочетъ идти постригаться въ женскій монастырь... Аннушка, при помощи этой няньки-сводницы, опять сходится съ Иванушкой и проводитъ съ нимъ ночь.

„Когда Аврора, господствующее божество надъ началомъ дня, стала показываться въ небесномъ полукружіи на червленыхъ своихъ коняхъ, тогда, вставши я съ постели, за малоимѣніемъ у меня денегъ, дала драгоцѣнности Иванушкѣ“ [69].

— а потомъ сбѣжала совсѣмъ съ нимъ... Но не нашла она счастья съ Иванушкой...

„Горестная судьба моя, слѣдуя навсегда за мною, не переставала

гнать и приготовлять новыя мнѣ нещастья и злополучія" [70]—говоритъ она.

У Иванушки оказалось —

„льстивое, лукавое и злодѣйское сердце" [71].

Они обвѣнчались по чину, а потомъ, послѣ свадьбы, онъ все у нея забралъ, да и скрылся... Тогда участіе къ ней обнаружила „одна пожилая госпожа"—

„взяла къ себѣ въ домъ, въ которомъ взрослыхъ воспитанницъ болѣе десятку находилось" [72].

Замѣтивъ въ этомъ домѣ подозрительное веселье, Анна поняла, куда попала, но все же она рѣшила здѣсь остаться.

„...испустила изъ глазъ обильныя слезы и, вздохнувши, говорила: „ахъ! къ какому жребію судьба меня, несчастную, сохраняетъ!" [73].

Скоро Анна обжилась здѣсь, и стала чувствовать себя прекрасно—даже „начала рѣзвиться, противъ прочихъ, съ отмѣнною веселостью".

Однажды пріѣхалъ въ этотъ веселый домъ гость,—„человѣкъ толстой и пожилыхъ лѣтъ"; всѣхъ дѣвицъ одарялъ онъ „въ желтой кожѣ по одному плоду" [74].

Анна сдѣлалась его содержанкою.

„Хотя я теперь и наслаждаюсь всѣми пріятностями, забавами и веселіемъ и богата, однако, не знаю, надолго ли это... Вспомни, дорогой читатель, гласящую русскую пословицу, которая, можетъ быть, и справедлива: „побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа; несчастны въ мірѣ— вдова да дѣвка!" [75].

Такими грустными словами заканчивается эта повѣсть о разбитой женской жизни... Нетрудно замѣтить, что произведеніе это представляетъ собою, по манерѣ письма, близкое подражаніе разобранному выше (вып. I, стр. 635—641) роману Чулкова: „Пригожая Повариха",—но, съ другой стороны, оно ближе чулковскаго романа подходитъ къ жизни русской, что доказать нетрудно цитатами изъ мемуаровъ (см. ниже).

Вторая повѣсть этого же характера носитъ названіе: „*Похожденіе названнаго брата Ивана, купецкаго сына*".

До четырнадцати лѣтъ росъ этотъ Иванъ подъ крылышкомъ матери и былъ большимъ баловнемъ; отецъ его былъ —

„какъ первой Московской гильдіи купецъ, такъ не послѣдній же и плутецъ" [76],—онъ „въ началѣ своей жизни торговалъ въ лавкахъ и обманывалъ людей: бравши за гнилой товаръ тройной барышъ, присовокупилъ немалое имѣніе; потомъ, не захотя въ одномъ томъ криводушническомъ рукомеслѣ упражняться, откупалъ бани, кабаки, мосты и перевозы,—притѣснялъ и грабилъ маломочныхъ людей безъ пощады, а оттого сдѣлался немалымъ капиталистомъ и чиновнымъ" [77].

Во время пожара все неправедно-нажитое имъ имущество сгорѣло. Онъ умеръ, не будучи въ состояніи перенести своего разоренія...

„Матушка, будучи отъ питья бабища толстая, къ тому-жъ въ пожарѣ отъ разныхъ спиртовъ была очень веселая—задохлась въ дыму“ [78].

Осиротѣвъ, бѣднякъ-Иванъ попалъ въ лавку къ дядѣ прикащикомъ, и скоро сталъ воровать, особенно когда влюбился—

„Какъ у всѣхъ купцовъ, особливо у богатыхъ, введено въ обыкновеніе брать къ себѣ для прислуги родственницъ, дѣвушекъ, и, за доброе поведеніе, выдавать замужъ за сидѣльцовъ и прикащиковъ съ приданымъ“ [79].

—такъ и въ домѣ дяди Иванушки оказалась такая воспитанница—Дашенька...

„Окладъ лица ея былъ прелестной, и, при всей ея красотѣ, была жива, стремительна и къ любви склонна; на видъ была скромна и набожна, однакожъ, со мною наединѣ, побрасывала иногда любопытные на меня взоры...“ [80].

Потомъ она стала съ нимъ въ темныхъ углахъ цѣловаться...

Иванъ подкупилъ двухъ старухъ; тѣ пригласили къ себѣ Дашиньку, и дѣло сладилось... Наединѣ молодые люди сначала вели ласковыя рѣчи, потомъ—

„препроводили счастливую ночь, не досадуя никому въ безпрерывно-продолжающихся удовольствіяхъ“ [81].

При всей своей „благовоспитанности“ и „набожности“, Дашенька оказалась дѣвицей очень страстной, и взяла съ него обѣщаніе и „впредь повторять удовольствія“.

„Кончилось дѣло тѣмъ, что пришло то время, что у Даши переднее платье стало подниматься, и она отъ часу становилась плотнѣе“ [82].

Дѣло разобрали. „У меня нечаянно обобравши ключи отъ лавки и отхлеставши и по спинѣ и по бокамъ, согнали со двора, безъ всякаго награжденія“ [83].

—а Дашу рѣшили помѣстить въ монастырь, на исправленіе, на два года...

И вотъ, лишившись мѣста и возлюбленной, Иванъ загулялъ—

„утолялъ печаль съ добрыми ребятами, которые, шатаясь по кабакамъ, обращаются днемъ въ веселостяхъ и забавахъ, а по ночамъ употреблялись въ портномъ рукомеслѣ“ [84].

Однажды какая-то старуха позвала его съ улицы въ покои, гдѣ его встрѣтила женщина, бѣлая, румяная, сытая и дородная... Оказалось, это развлекалась замужняя купчиха... Въ ней Иванъ узналъ свою Дашеньку. „О небо, о судьба!“ [85] — восклицаетъ онъ, выражая этимъ свое удивленіе и радость... Она раз-

сказала Ивану, какъ, послѣ его удаленія изъ дому, къ ней ночью пробрался разъ дядюшка,—какъ она приняла его за Ивана,—сдалась ему съ радостью, и какъ потомъ ругалась, узнавъ дядюшку, но всетаки стала съ нимъ жить, уступая насиліямъ и угрозамъ... Послѣ родовъ она была отдана замужъ. Теперь она несчастна, и съ горя пьянствуетъ и распутничаетъ—

„я всякой день притворяюсь больною, хотя, въ самомъ дѣлѣ, не больною, а пьяною бываю, какъ то у нашихъ сестеръ изстари введено въ обыкновеніе: какъ скоро мужья торговать, или за какими нуждами, съ двора сходить должны, то жены принимаются за вкусный завтракъ,—селянку съ ветчинкою, а потомъ и за брагу... И такъ криводушники-мужья въ лавкахъ торгуютъ, а жены ихъ за брагою сильно горюютъ!.. Ты повѣришь-ли, мой другъ, что я, съ терзаемой меня печали и досады, ни одинъ день не была трезвою, научась отъ добрыхъ сосѣдокъ,—таковыхъ же имѣющихъ старыхъ и немилыхъ мужей!.. Что въ томъ будетъ прибыли, что они изобилуютъ великимъ богатствомъ, но отъ насъ тѣни любви никогда не имѣютъ, да и быть тому никакъ не можно! Ахъ, несчастливо то сердце, которое вручено неровнѣ,—не любви, а богатству!..“

„Сія то неосторожность дѣлается не отъ чего иного, какъ отъ неравенства лѣтъ: напримѣръ, когда мужъ шестидесяти, или семидесяти лѣтъ, а жена не болѣе двадцати—то какое жъ можетъ быть сходство? Ей должны нравиться забавы и пирушки, а у него на умѣ угрюмость и ревность!.. Не говори ни съ кѣмъ ласково, не гляди пріятно, не подавай виду веселости... Въ пирушкѣ сиди, насупя брови и сложа руки, изъ серебряныхъ стакановъ, вмѣсто воды, пей вино (NB. вѣроятно, слѣдуетъ наоборотъ?)... Когда должно мужьямъ домой возвратиться отъ своего дѣла, въ то же время мы ложимся въ постели и зачинаемъ охать и понемножку постанывать; распухшее и зардѣвшее лицо представляетъ очевидную горячку, или трехдневную лихорадку... Мужъ бѣдной суетится и бѣгаетъ безъ памяти и чѣмъ помочь незнаетъ... Добродушныя старушки, не испонѣдующія никому хозяюшкиныхъ таинствъ, по всегдашнему ихъ, въ тѣхъ же компаніяхъ, обращенію, стараются внушать хозяину, дабы отъ супругъ скрыть винной запахъ, дать, изъ подъ неволи, выпить хорошую рюмку съ перцомъ вина, чтобъ недавно внѣдриваемая болѣзнь, не распространясь во все тѣло, и поскорѣе остать могла... Сія то рюмка иногда и сдѣлаетъ нечаянное облегченіе, а легкомысленному муженьку великую радость!.. Разсуди же, мой любезной, чемужъ доброму учиться и дочерямъ ихъ около таковыхъ досужихъ родительницъ?.. Онѣ, слѣдуя, подражаютъ матернему обыкновенію, нежели разуму, для того, что первое почитается за послушаніе и удовольствіе, а другого у нихъ въ головѣ совсѣмъ не бывало,—онѣ желаютъ всегда наслаждаться вольностію, какъ ихъ матери, завидуя, что мать въ гостяхъ веселится и забавляется, чѣмъ изволитъ,—то и она имѣетъ всегда охоту, чтобъ быть по праздникамъ и гульбищамъ, нежели быть запертой замками и окруженной неумолимыми присмотрщицами... А тутъ то пуще продается цѣломудріе за ничто иное, какъ за наличныя, даваемыя тѣмъ набожнымъ старушкамъ деньги.

Сіи мнимыя, или притворныя, богомолки, имѣющія у себя подъ началомъ всѣхъ подземнаго государства обитателей, отпрося свою, въ присмотръ находящуюся въ искусѣ, овечку къ какой-нибудь родственницѣ, вмѣсто агнчаго (sic), приведетъ въ стадо пожирающихъ волковъ, и возвратится домой съ сорваннымъ, иногда и недозрѣлымъ цвѣткомъ, какъ изъ доброй комнаты... Спознавши первую сладость запретительной забавы, отложитъ пристойную стыдливость и кроткую простоту и непорочность,—станетъ помышлять, чтобъ всегда была весела и рѣзва и къ дѣлу весьма скучлива и не прилежна... Я знаю, что есть безстыдные поносители и злые насмѣшники, коихъ вѣтреной разумъ отважитъ ругаться дѣвкамъ нашего рода, которыя до замужества погребаются, вмѣсто могилы, во внутреннихъ, а иногда и въ высокихъ чердакахъ и храминахъ съ крѣпчайшею бережливостію,—въ подобіе Азіатскимъ народамъ, но находятъ способы къ себѣ потаенно вводить, поднимать и по веревкамъ; ибо намъ, какъ въ другомъ климатѣ рожденнымъ и другимъ воздухомъ воспитаннымъ, такимъ варварскимъ обычаямъ и поступкамъ отнюдь слѣдовать не можно... Натурально всякому разсудить дозволяется, можетъ ли когда-нибудь какая сотворенная натурою вещь остаться безъ употребленія,—сіе кажется невѣроятно!.. Я за демона того почесть могу, кто, будучи всѣмъ доволенъ, не ссужаетъ и не подѣляется тому, кто въ чемъ терпитъ недостатокъ; все, что ни есть, съ лѣтами къ намъ приходитъ, подобно съ ними же и удаляется въ древность... Какъ весталки строго содержаны ни были, но нерѣдко за нарушеніе наказывались!.. Въ старости человѣкъ не можетъ того учинить, въ чемъ упражнился съ малолѣтства,—равномѣрно не можетъ и молодой подражать стариковскому обыкновенію! На что терять благополучное время, которое течетъ по желанію и въ которое можно наслаждаться удовольствіемъ кратчайшей нашей бренности съ милымъ человѣкомъ?"

„Наши компаніи основаны почти на повальномъ питьѣ и окруженіи молодыхъ сидѣльцевъ и прикащиковъ, занимающихъ мѣсто своихъ благодѣтелей... Не удастся никому скромничать и имѣть постоянство, у кого навсегда голова отягощена виннымъ сокомъ... Есть, правда, на рѣдкость, и такіе, которыя не держатся мокрой камисіи, но (онѣ) называются неподнимыми" [86].

„Много бы я тебѣ, сердечной другъ, разсказала и еще извѣданныхъ мною проказъ, но время уже имѣть покой!"

„Потомъ взяла меня за руку и повела на мягкую и широкую постель, на которой мы и проспали часу до десятаго" [87].

Ивана переодѣли повивальной бабкой и привезли къ Дашенькѣ, гдѣ онъ гостилъ цѣлую недѣлю и, разставаясь съ нею, сговорился съ ней часто видѣться... Однако, мужъ Дашеньки, „краснорожій, съ желтою бородою, съ сутулиною и хромающій на одну ногу, при костылѣ, въ коричневомъ кафтанѣ" [88], прослѣдилъ его и притворно сдружился съ нимъ... [89]. Иванъ, по простотѣ, не подозрѣвая, что имѣетъ дѣло съ мужемъ своей любовницы, ему разсказалъ о любви своей къ Дашѣ. И вотъ, мужъ является не-

ожиданно къ Дашѣ въ то время, когда у нея былъ Иванъ. Она спрятала Ивана въ шкафъ; мужъ не нашелъ никого... При новой встрѣчѣ съ нимъ, Иванъ разсказалъ ему, что былъ спрятанъ въ шкафу. На слѣдующій разъ Даша спрятала Ивана въ сундукъ. Мужъ опять не нашелъ его... На слѣдующій день Иванъ сказалъ ему, что онъ сидѣлъ въ сундукѣ... На третій разъ Иванъ спрятался въ коробъ съ перьями,—

„Мужъ вбѣжалъ, какъ бѣшеный, коловшій ломомъ и топоромъ сундуки, запечатанные имъ самимъ, порожнія бочки, пробуя щупомъ пиво и квасъ... Потомъ побѣжалъ наверхъ, запнулся о коробокъ, и въ бѣшенствѣ выбросилъ его въ окно“ [90].

Потомъ онъ обложилъ домъ соломою и грозилъ сжечь все, если любовникъ не выйдетъ. Жена спрятала Ивана въ телѣгу съ платьемъ, а сама вышла; мужъ самъ телѣгу вывезъ—

„Кинулся самъ въ оглобли и съ нуждою вытащилъ на улицу“ [91].

На слѣдующій день мужъ явился къ Ивану, и тотъ опять ему разсказалъ со смѣхомъ, какъ былъ имъ же вывезенъ въ телѣгѣ.

Тогда „космачъ“ позвалъ полицію... Даша —

„была растянута предъ моими глазами и бита безъ всякаго милосердія... И я, бросясь на него, такъ небережно ударилъ его по виску, что онъ лежалъ съ часъ бездыханно“ [92].

Потомъ Даша отправлена была въ монастырь, а Иванъ сѣченъ былъ публично „кошками“ и выпущенъ безъ паспорта. Тогда онъ поступилъ въ „добрую артель мошенниковъ“ и однажды изловилъ своего врага, —

„не дешево заплатилъ онъ самъ за свою лютость: переломлена другая нога, да обѣ руки сдѣланы такимъ же манеромъ... Борода и голова обрита, самъ выкинутъ былъ на гороховомъ полѣ едва дышащій“ [93].

Вся эта группа произведеній, однородныхъ по содержанію и характеру, любопытна въ многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего, какъ я уже говорилъ, всѣ эти повѣсти соприкасаются съ разными сторонами русской жизни: *разбойничество*, самое свободное и широкое,—*жизнь монастыря*, привольная и сытая, съ обильными возліяніями, „немонашескими обѣдами“ и богатствомъ монаховъ—безобразное *воспитаніе дѣтей въ купеческомъ домѣ*,—*жизнь въ купеческомъ быту* — юнаго купчика, дѣвицы, женъ и вдовъ,—*типы учителей-пономарей* и *бѣлыхъ семинаристовъ* (см. ниже, стр. 668),—вотъ, типичныя стороны русскаго быта, которыя ярко обрисованы въ этихъ повѣстяхъ.

Въ первомъ изъ приведенныхъ разсказовъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе гимнъ монастырю: покаявшійся разбойникъ, переживший ураганъ мірскихъ страстей, находитъ миръ и тишину

въ „тихой пристани“—въ монастырѣ... Какъ все это отзываетъ Московской Русью и старинной русской повѣстью XVII-го столѣтія, когда для мятежныхъ „героевъ времени“—Саввы Грудцына, и молодца изъ „повѣсти о Горѣ Злосчастьи“—монастырь оказался вожделѣннымъ мѣстомъ покоя...

Въ запискахъ Добрынина мы встрѣчаемся съ разсказомъ о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ, въ XVIII-омъ столѣтіи,—въ этотъ „вѣкъ просвѣщенія“,—подвергалась монастырская жизнь со стороны правительства, но изъ этихъ же записокъ видимъ мы, какъ безсильно оказалось правительство въ этой борьбѣ: по прежнему въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества жило преклоненіе передъ монастыремъ... Самъ Добрынинъ, съ безпощаднымъ сарказмомъ рисующій бытъ русскихъ церковниковъ того времени, съ сердечнымъ умиленіемъ описываетъ жизнь одного монастыря,—въ его живомъ и картинномъ описаніи передъ нами рисуется богатое помѣстье, представляющее собою полную чашу... Ни тѣни аскетизма въ этой жизни нѣтъ *), но спокойствія душевнаго, дѣйствительно, вдоволь—

„Благодатная пустынь!.. Нельзя о тебѣ замолчать!.. Ты уединяешься въ лѣсу сосновомъ и березовомъ, имѣешь каменную церковь, довольное число келій, хотя деревянныхъ, но покойныхъ и теплыхъ!.. Написанные на вратахъ твоихъ лики являютъ собою обитателей твоихъ, посвятившихъ себя уединенію, съ намѣреніемъ трудиться для спокойствія душевнаго и для избѣжанія суетъ мірскихъ... Ты имѣешь чистѣйшую воду рѣчную и ключевую... Тебя отъ солнечнаго зноя осѣняютъ деревья; тебя же они охраняютъ отъ свирѣпыхъ вѣтровъ... Ты вмѣщаешь въ себѣ до 60-ти человѣкъ монашествующихъ и бѣльцовъ, именующихся братіями. Твой начальникъ, титулуемый строитель, тѣмъ только отличаетъ свое начальство отъ рядовыхъ братій, что онъ—первый на молитвѣ въ церкви, гдѣ вечеръ, заутро и полудне благословляютъ Господа,—и первый на работѣ, гдѣ копаютъ, сѣютъ, садятъ и собираютъ плоды!.. Твои чада вяжутъ пряжи, работаютъ рѣзцами и другими орудіями... Онѣ подносятъ посѣтителямъ прекрасно-сработанныя и окрашенныя трудовъ своихъ ложки, блюдцы, тарелки, сплетенныя искусно, разныхъ мѣръ и величинъ, корзинки и проч... Не требуя за то вознагражденія и не подавая ни малѣйшаго къ тому вида желанія,—благодарны отъ всего сердца тѣмъ, что̀ имъ дадутъ... Твой уставъ ведетъ каждаго, посѣщающаго тебя, въ общую трапезу, предлагаетъ ему свой хлѣбъ и все то, что̀ сварено для братьевъ. А для отличнаго гостя, начальникъ и братія не опасаются соблазна изготовить птицу, а если угодно, такъ и барана...“ [95].

---

*) Игуменъ своей братіи говорилъ въ одномъ монастырѣ: „пейте и яждьте, дѣти мои!.. Чортъ никогда ни пьетъ, ни ѣстъ, да народу пакость творитъ!.. пейте и яждьте во славу Божію,—вашъ вѣкъ того требуетъ; но не упивайтеся и не объѣдатеся, да не возрадуется врагъ вашъ о васъ!“ [94].

Позднѣе, въ запискахъ купца Вишнякова, встрѣчаемъ мы совершенно такой же гимнъ монастырю:

„Чу! загудѣлъ монастырскій колоколъ!.. Въ монастырѣ идетъ всенощная... Петя снимаетъ картузъ и набожно крестится. Ему давно знакомъ этотъ звонъ... Онъ любитъ мрачные своды древняго собора, любитъ стройное монастырское пѣніе, въ которомъ преобладаетъ важный и густой тонъ басовъ,—любитъ проповѣдь любви и милосердія среди этой торжественной, строгой и отчасти печальной обстановки... Какой она кажется ему возвышенной и неземной послѣ той повседневной суеты и тѣхъ дрязгъ житейскихъ, которыя окружаютъ его тамъ, внизу,—въ Кожевникахъ!.. Здѣсь онъ находитъ тишину и миръ душевный, и испытываетъ минуты счастія и жизни въ Богѣ, совершенно неизвѣстныя ему тамъ [96].

Если мы всмотримся повнимательнѣе въ разсказъ Новикова, мы въ лицѣ о. Поликарпія увидимъ человѣка, который, хотя и воспѣваетъ гимнъ монастырю, но все же на монастырскую жизнь смотритъ, повидимому, такъ, какъ тѣ старцы, которыхъ изобличалъ Іоаннъ Грозный въ своемъ „Посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“: для новиковскаго о. Поликарпія обитель была, благодаря его богатому вкладу, прекрасной гостинницей, гдѣ можно было безъ заботъ и хлопотъ спокойно жить, открыто держать въ своей келліи „большія бутыли съ водкой“, и устраивать гостямъ, когда угодно, „немонастырскіе обѣды“...

Добрынинъ, съ такимъ умиленіемъ изобразившій сытую жизнь одной, спокойной и трудовой обители, не жалѣетъ красокъ для изображенія отрицательныхъ сторонъ жизни огромнаго большинства тогдашнихъ монастырей.

Привожу нѣкоторые факты изъ его записокъ; въ нихъ – бытовая правда „Калязинской челобитной“,—отчасти повѣстей Чулкова,—наконецъ, вообще причины отрицательнаго отношенія къ монастырю въ XVIII-омъ вѣкѣ проясняются вполнѣ... Неоднократно разсказываетъ онъ о безобразномъ пьянствѣ монаховъ. Напр., въ одномъ монастырѣ, по его словамъ,—

„дали деру всему тому, отъ чего смертной въ жизни бываетъ мертвецки-пьянъ“ [97].

Въ монастырской церкви происходили такія соблазнительныя сцены:

„Одинъ изъ черноризцевъ, отецъ Арсеній, соскочилъ съ лѣваго клироса, поднялъ свою мантію, схватилъ ее въ одинъ узелъ, прижалъ къ самой груди и началъ по церкви прыгать, какъ обезьяна“ [98].

Монахи устраивали бунты, когда бывали недовольны количествомъ ѣды [99]; въ кельяхъ держали они большія бутыли вина и водки [100]; нерѣдко разбѣгались изъ монастырей и шатались по міру [101]

(ср. пушкинскихъ Варлаама и Мисаила)... Въ свитѣ архіерея были, напримѣръ, такія характерныя личности, какъ „дьячокъ Захарка“, впослѣдствіи изъ монастыря попавшій прямо въ солдаты: онъ —

„былъ гуляка почти до пьянства, буянъ... Лѣтъ ему не было еще тридцати... Взглянувъ на него, тотчасъ прочитаешь на лбу его: „смерть—копѣйка; голова—наживное дѣло“ [102].

Характеренъ очень и самъ архіерей, у котораго служилъ Добрынинъ, — въ юности своей этотъ пастырь побывалъ въ Парижѣ; тамъ напитался онъ духа свободомыслія и, въ то же время, проникся уваженіемъ къ французской модѣ и къ самому себѣ... Сдѣлавшись архіереемъ, онъ сталъ титуловать себя „французомъ“, „принцемъ-архіереемъ“; заставилъ всѣхъ своихъ приближенныхъ, во время богослуженія, одѣвать пудреные парики... Хотя Добрынинъ признаетъ за нимъ и „острый умъ“, и бойкій языкъ, но все же разсказы объ его сумасбродствахъ, — пьянствѣ и причудахъ очень характерны... Вотъ, напримѣръ, какъ энергично обличалъ этотъ архипастырь въ церкви старовѣровъ —

„для придачи силы и краснорѣчія своему нравоученію, называлъ старообрядцевъ „с...ными сынами“ и плевалъ на народъ чрезъ налой, на которомъ лежалъ передъ нимъ псалтырь“ [103].

Увидя въ одной церкви на образѣ св. Николая много жемчуговъ, онъ снялъ съ иконы всѣ драгоцѣнности, — присвоилъ ихъ себѣ и увезъ, оставивъ угодника „голымъ“ (слова Добрынина). Около него всегда обрѣтался шутъ, духовная особа—о. Палладій, потѣшавшій всѣхъ своимъ имитаторскимъ талантомъ—онъ умѣлъ —

„описывать печерскихъ соборныхъ старцевъ, либо подражать русскимъ бурлакамъ, нѣжинскимъ грекамъ, сельскимъ попамъ, извощикамъ, престарѣлымъ боярамъ“ [104].

Именины этого архіерея въ монастырѣ праздновались въ теченіе нѣсколькихъ дней—такъ, что, по словамъ Добрынина, „тѣлесныя ихъ лица (его и гостей его,—сановныхъ духовныхъ особъ) потеряли образъ свой и подобіе“ [105]. Одинъ изъ старцевъ допился тогда до водяной, другой—до бѣлой горячки...

Архіерею, просвѣщенному Парижемъ, повидимому, очень скучно было въ его епархіи, — и онъ выдумывалъ для себя всевозможныя развлеченія... Такъ, подравшись въ пьяномъ видѣ со своимъ пьянымъ же иподіакономъ, онъ потомъ, въ наказаніе, посадилъ того на дерево и заставилъ куковать... Подружился онъ съ другимъ архіереемъ, который очень любилъ пальбу и для этой цѣли колокола своей обители перелилъ въ „можжиры“ (?). И вотъ, какъ развлекались они оба —

„Оба архіерея съ игуменомъ и прочими во весь вечеръ и во всю ночь палили изъ можжировъ и звонили въ колокола... Всю лѣтнюю пріятную ночь ходили по монастырю и около церкви съ фонарями, а по утру очень рано взлѣзли на колокольню и звонили съ прочими на ряду... Я—разсказываетъ Добрынинъ, — видя, что колоколовъ довольно, и любя, по натурѣ, колокольный звонъ, кликнулъ туда же нѣсколько пѣвчихъ и начали звонить пуще прежняго. Кому не достало тянуть за веревку, тотъ билъ по колоколу палкой“ [106].

Привожу, въ заключеніе, изъ этихъ же записокъ еще одинъ курьезный эпизодъ, рисующій, быть можетъ, исключительныя, но все же, оказывается, возможныя явленія тогдашней жизни —

„Господинъ Дергунъ угощалъ въ своемъ домѣ архіереевъ обѣденнымъ и ужиннымъ столомъ... Тутъ же былъ и малороссійскій прокуроръ Семеновъ,—человѣкъ богатой, пузатой, скупой и неучоной... Говорили, что онъ хорошо знаетъ свою должность, а что онъ ѣлъ и пилъ хорошо, о томъ не нужно было и спрашивать... При окончаніи ужиннаго стола, шепнулъ я преосвященному, что у насъ есть нашей работы связка разныхъ горючихъ малыхъ фейерверочныхъ штучекъ. Архіерей далъ мнѣ сигналъ открыть канонаду въ горницѣ. Неожиданный трескъ, хлопотня, розданныя людямъ колеса,—все это вдругъ загорѣлось, зашумѣло и не меньше надымило... Дамы, сидѣвшія за столомъ, повскакивали съ мѣстъ, а брошенные по полу огни, тѣмъ болѣе, за ними, отъ волненія воздуха, гонялись, чѣмъ болѣе они убѣгали... Мой архіерей, зажегши самъ на свѣчѣ фонтанъ, бросилъ на петропавловскаго архіерея, и трафилъ ему въ самую бороду. Борода сильно засвирщѣла и бросилась къ бѣгающимъ, смѣющимся, кричащимъ, ахающимъ чепчикамъ и токамъ, и, вмѣшавшись между ними, составила странную группу... По сгорѣніи фейерверка, нашли прокурора Семенова въ жалкомъ положеніи, на котораго, во время происходившихъ шалостей, никто не имѣлъ вниманія... Онъ просилъ, Бога ради, милости воды и кто, чѣмъ можетъ, ему помочь,—ибо онъ, имѣя наклонную къ апоплексіи природу, едва отъ порохового дыму не задохся, а причиною сему больше то, что онъ, и по натурѣ, не могъ терпѣть порохового запаха, почему и выскочить не въ силахъ изъ покоевъ... Опамятовавшись, онъ напомнилъ по должности, что таковыя шутки противны законамъ, поелику онѣ могутъ быть смертоносны, а архіерей мой отвѣчалъ, что у блюстителя законовъ не было лучшаго времени умереть, какъ въ этомъ дыму, потому что погребли бы его два архіерея, которые оба подъ судомъ“ [107].

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ явствуетъ, что монашеская жизнь въ XVIII-омъ столѣтіи очень часто отличалась полной свободой,— и Новиковъ, нарисовавъ своего о. Поликарпія, не только не сгущалъ красокъ, но даже оказался очень скромнымъ...

„*Разбойничество*“ въ XVIII-омъ вѣкѣ было явленіемъ очень распространеннымъ. Болотовъ неразъ упоминаетъ о разбойникахъ, объ ихъ нападеніяхъ [108]. Оказывается, тогда и помѣщичьи дома

устраивались такъ, чтобы легче было обороняться отъ разбойниковъ...[109]. Въ 1769-омъ году, по его словамъ—

„было болѣе 170 дворянскихъ домовъ и фамилій разбито и, между оными, около 100 человѣкъ находилось изъ наслѣдниковъ, имѣвшихъ въ томъ соучастіе“ [110].

О такомъ соучастіи дворянъ въ разбояхъ говоритъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ также и Д. Ростиславовъ; такъ, напримѣръ, объ одномъ помѣщикѣ онъ разсказываетъ слѣдующее:—

„...жилъ въ Пронскомъ уѣздѣ и занимался, какъ прилично магнату, грабежомъ въ огромныхъ размѣрахъ. У него была составлена изъ лакеевъ, крестьянъ и изъ другихъ свободныхъ людей огромная шайка,—устроены были магазины и подземелья для храненія награбленныхъ вещей; съ полиціей и даже съ губернаторомъ у него была дружба“ [111].

Этотъ же Ростиславовъ свидѣтельствуетъ, что разбоемъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, занимались въ XVIII-омъ вѣкѣ не только дѣти церковниковъ (особенно изгнанные изъ семинарій), но и сами священники и дьякона... Очень часто эти духовныя лица—

„прибѣгали для поддержанія своихъ требованій не только къ кулачному, но и къ дубинному и ножовому праву“ [112].

Тогда разбойники свободно гуляли по деревнямъ,—часто ихъ принимали въ дворянскихъ домахъ съ иконами.. Нерѣдко съ полиціей они были за одно [113].

Всѣ эти факты подтверждаютъ правдоподобность разсказа Ив. Новикова о комфортабельномъ и спокойномъ житіи разбойничьяго атамана среди дремучаго лѣса въ богатыхъ хоромахъ... Эти же факты вполнѣ подтверждаютъ и возможность такого открытаго разбойничества въ Москвѣ, о которомъ разсказываютъ герои Ив. Новикова и похожденія Ваньки-Каина (см. ниже).

Менѣе отразился въ мемуарахъ *купеческій бытъ*. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые факты, съ которыми мы встрѣтились въ колоритныхъ разсказахъ Ив. Новикова, найдутъ себѣ подтвержденіе: А. Боровковъ, въ своей „Автобіографической запискѣ“, разсказываетъ о сынѣ купца, который прокутилъ все наслѣдство [114], — о вдовѣ-купчихѣ, которая вышла замужъ за своего приказчика [115]. О широкомъ мотовствѣ купцовъ свидѣтельствуетъ Щербань въ своихъ „Воспоминаніяхъ крѣпостного“ [116]. Онъ же разсказываетъ о томъ, какъ одна купеческая дочка выдана была за приказчика [117], — какъ молодой купчикъ, вырвавшись на свободу, подпалъ подъ вліяніе своихъ болѣе опытныхъ товарищей. —

„Тутъ подвернулся одинъ, тоже молодой, купчикъ, избалованный

малый, которому немного стоило труда расположить къ себѣ недалекаго. Онъ въ короткое время свелъ его съ компаніей кутилъ, и постепенно вовлекъ въ распутство... (Они много проказили). Разъ они, напоивъ одного архимандрита, прокатили его по городу съ тыквой на головѣ, вмѣсто клобука" [118].

О любви купеческой дѣвицы къ приказчику разсказываетъ Вишняковъ въ своей „Исторіи купеческаго рода Вишняковыхъ" [119]; о выдаваніи молодыхъ купеческихъ дочерей за стариковъ—разсказываетъ онъ же [120]; у него встрѣчаемъ мы также разсказъ объ обычаѣ купцовъ воспитывать сиротъ-родственниковъ, дѣлая изъ нихъ потомъ приказчиковъ [121].

По словамъ Вишнякова—„монастырь" и „царевъ кабакъ"—вотъ, гдѣ находилъ забвеніе отъ тяжелой русской дѣйствительности тогдашній русскій человѣкъ, если только онъ не находилъ съ нею примиренія...

Нравы купеческой жизни, блѣдно отразившіеся въ мемуарахъ, и ярко отмѣченные Ив. Новиковымъ въ его повѣстяхъ, во всей своей неприкосновенности, сохранились до времени Островскаго *),—и оттого комедіи его и драмы представляютъ собою художественное изображеніе и развитіе такихъ сторонъ русской жизни, которыя въ литературѣ впервые отмѣчены были Ив. Новиковымъ.

Если въ жизни молодого поколѣнія стали опредѣляться французскія вліянія, и стали даже появляться купцы-вольтерьянцы, купцы-щеголи и сентиментальныя купчихи, поклонницы Карамзина, — то старое поколѣніе упорно жило по Домострою и по прежнему боялось образованія.

Одинъ изъ такихъ стариковъ—

„...не допускалъ домашнихъ пользоваться самыми скромными удовольствіями,—ворота всегда на запорѣ; вечеромъ ни входа, ни выхода ни своимъ, ни постороннимъ, и единственнаго своего сына и наслѣдника лишилъ образованія" [122].

„У кого учился отецъ грамотѣ, на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ извѣстій!.. Я никогда не слыхивалъ, чтобы у отца были друзья дѣтства. Вѣрнѣе всего, что онъ не учился, ниже у приходскаго дьячка Да и потребность образованія въ средѣ низшаго купечества была такъ мало развита, что едва ли кто нибудь помышлялъ о томъ, чтобы учить отца" [123].

Еще одно характерное бытовое явленіе отмѣчено въ повѣстяхъ Ив. Новикова—это суровый и неопрятный образъ *русскаго педагога-церковника*.

---

*) Разговоръ, напоминающій „бесѣду" Дикого съ Кулибинымъ относительно „электричества", встрѣчаемъ мы у Вишнякова.

Въ запискахъ Данилова встрѣчаемъ мы аналогичный образъ пономаря-Брудастаго.

„Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ... Борода большая, круглая покрывала грудь его; голова, съ густыми волосами, равнялась съ плечьми его, и, казалось, что у него шеи не было. У него то время учились два брата мнѣ двоюродные—Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастый жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ... Приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано,— въ началѣ дня и безъ молитвы дверей отворить,—покуда мнѣ не [illegible] „аминь"—не смѣлъ... Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поелесь, по той, можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою... [illegible] не могу признаться, по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда [illegible]ность, или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно" [illegible].

Однажды ученики повѣсили пономарскаго кота,—

„Брудастый, увидя кота, висящаго на веревкѣ, [illegible] досады и жалости остолбенѣлъ... Потомъ пришелъ въ такое [illegible]ненство, что ухватилъ метлу, связанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать, разъ за разомъ, безъ разбора, по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отрывая, подымалъ вверхъ листы изъ книги, которыя по всему сараю летали..." [illegible].

А. Аѳанасьевъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о суровомъ обученіи грамоты у сельскаго попа:

„Когда попъ уѣзжалъ съ требою (а это было нерѣдко), то уроки у насъ спрашивала его жена, и ученье шло подъ ея надзоромъ; но въ этихъ случаяхъ мы чувствовали больше простора... За незнаніе и шалости наказывали насъ тѣмъ, что ставили насъ на колѣни, били „палями", т. е. линейкой по рукѣ, оставляли безъ обѣда, драли за [illegible] и за уши... Но сѣчь насъ не позволялось родителями. Въ дополненіе къ этимъ назидательнымъ наказаніямъ, первый отецъ Иванъ [illegible] присоединилъ еще слѣдующее,—онъ заставлялъ одного ученика [illegible] другого, не знающаго свой урокъ, по щекѣ, и я помню, какъ иногда дѣвочкамъ доставалось давать пощечины мальчикамъ и [illegible]оборотъ. Подобно тому, другой отецъ Иванъ заставлялъ двухъ провинившихся мальчиковъ драть другъ друга за уши и за волосы, и съ большимъ удовольствіемъ тѣшился, когда мальчики, раздраженные болью, съ какою то затаенною злостью, старались оттаскать другъ друга" [illegible].

Въ запискахъ Винскаго встрѣчаемъ такой разсказъ:

„въ сей школѣ жилъ дьякъ, къ которому меня водили, который, однако, чему и какъ училъ меня, не помню; но что онъ часто и больно сѣкалъ меня, особливо по субботамъ, сіе помню... Сіе глупо-варварское обыкновеніе было въ употребленіи почти во всѣхъ приходскихъ школахъ, по причинѣ дьяку нѣкотораго доходишку... Послѣ субботней вечерни, всѣ ученики собирались въ школу и, не садясь по мѣстамъ, стоя, ожидали дьяка. При вступленіи въ школу, онъ былъ [illegible]ствованъ ото всѣхъ въ одинъ голосъ: „Миръ ти, благій учитель [illegible]!" На что онъ отвѣчалъ: „треба сѣкты васъ"—и тотчасъ начинал[illegible] екзекуцію... „Учись!.. не пустуй!.. помни суботку!.."—были его у[illegible]нія при

сѣченіи. Тѣ, которыхъ матери присылали дьяку почаще млинцивъ, боланцивъ, паленыцъ и того и другого, получали удары по платью; а бѣдняжки, или у кого матери были скупы, расплачивались голыми задницами!.. Проклятая поповщина! Гдѣ ты не злочинствовала!" [127].

Краснорѣчивые факты встрѣчаемъ мы также въ запискахъ Ростиславова [128], Левшина [129], Энгельгардта [130] и мн. др.

Всѣ приведенные мною факты изъ мемуаровъ позволяютъ утверждать, что повѣсти Новикова отразили многія дѣйствительно-характерныя стороны русской жизни.

Я говорилъ уже выше, что, по характеру своему и содержанію, разобранныя произведенія Новикова очень напоминаютъ собою старинную русскую повѣсть XVII-го начала XVIII-го столѣтія.

Въ одной изъ своихъ работъ [131] я уже указалъ нѣкоторыя характерныя черты этого своеобразнаго и, скажу, самобытнаго творчества,—своеобразную объективность и реализмъ въ изображеніи дѣйствительной жизни.

Именно такими характерными чертами письма отличаются повѣсти: „Фролъ Скобѣевъ" и „Романъ въ стихахъ".

Правда, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ новиковскихъ произведеній уже просвѣчиваетъ субъективизмъ, — опредѣляется уголъ зрѣнія, подъ которымъ смотритъ авторъ на изображаемыя событія... Но и въ этомъ отношеніи иногда чувствуется близость этихъ произведеній къ старой повѣсти: такъ, съ „Фроломъ Скобѣевымъ" роднитъ эти произведенія юмористическій тонъ разсказа (онъ удержанъ и у Чулкова въ его „Пригожей Поварихѣ" и въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ его сборниковъ); съ „Романомъ въ стихахъ" сближается исповѣдь Анпушки и Дашеньки колоритомъ пиинизма, пронизаннаго трагическими чертами безысходной скорби (разсказъ новиковской Дашеньки о тяжести жить съ немилымъ). Опять таки этотъ-же самый характерный тонъ отмѣченъ былъ мною въ романѣ Чулкова: „Пригожая Повариха".

Наконецъ, третья черта, характерная для разбираемыхъ повѣстей,—это та примѣсь „литературности", которая, до нѣкоторой степени, подчиняетъ эти произведенія романическимъ шаблонамъ XVIII-го столѣтія, и этимъ ослабляетъ степень оригинальности этихъ повѣстей.

Изъ приведенныхъ выше цитатъ видно, напримѣръ, что герои этихъ повѣстей неоднократно вспоминаютъ „злую судьбу" [132], жалуясь на то, что она ихъ „гонитъ". Изъ фигурныхъ приступовъ, съ которыхъ авторъ и дѣйствующія лица приступаютъ къ повѣ-

ствованіямъ, видна ихъ наклонность къ преціозности, манерности рѣчи...[133]. Изображеніе утренней зари въ видѣ „Авроры“[134], введеніе миѳологическихъ образовъ, иногда аллегорій (напр. сонъ съ олицетвореніями пороковъ и добродѣтелей[135]), патетическіе монологи[136], восклицанія и „разговоры въ себѣ“—пріемъ—или устами героя раскрывать его психику—или при помощи сентенцій[138], — или при помощи обмороковъ и слезъ[139],—все это, какъ разъ, тѣ самые литературные шаблоны, искажающіе „естественную“, „натуральную“ красоту этихъ повѣстей, которые, въ произведеніяхъ Новикова, явились некстати, какъ результатъ дурнаго литературнаго воспитанія... Человѣкъ, близко стоявшій къ самымъ источникамъ простого безхитростнаго русскаго творчества,—къ старой русской повѣсти,—Новиковъ (какъ Чулковъ и какъ, увидимъ ниже,—М. Комаровъ), очевидно, испортилъ свой вкусъ чтеніемъ книжныхъ авантюрныхъ романовъ, съ ихъ литературной ухищренностью и манерностью...

Рядомъ съ такими искусственными, чисто-книжными пріемами встрѣчаемъ мы въ его повѣстяхъ—a) рядъ русскихъ пословицъ и поговорокъ, мѣстами придающихъ рѣчи чисто-народный характеръ (напр.: „есть черницы и на Симоновѣ“, „гдѣ чортъ не можетъ успѣть въ любовныхъ дѣлахъ, тутъ надобно руководствовать старухѣ“; „накладъ барышу—большой братъ“[140] и пр.—b) характерныя остроты и сентенціи воровскаго стиля (напр. „нѣкоторые трудолюбивые по ночамъ пришаливали“[141]; „принесъ на поклонъ насѣдку съ цыплятами, состоящую въ десяти мѣшкахъ серебряныхъ копеекъ“; „чтобъ не висѣть на Растаняхъ, зажмурясь“[142] (=чтобъ не быть повѣшену); „нечистый воръ“[143]; „для поговорки съ двумя Иванами Степановымъ и Окуневымъ, да съ третьимъ Петромъ Могучимъ“[144] (=въ сыскной приказъ): „пошелъ тихими стопами къ нашему подворью на Сивцовъ овражекъ“[145] (подворье=мѣсто пребыванія разбойниковъ); „впрятать въ пролубь“[146] и пр.

2.

Обращаюсь теперь къ русскимъ произведеніямъ, которыя представляютъ собою „романизацію“ русской жизни.

Прежде всего, наше вниманіе останавливается на любопытномъ автобіографическомъ романѣ М. Комарова: „*Несчастный Никаноръ, или приключенія Россійскаго Дворянина Г.*“

Разбираемое произведеніе имѣетъ, такъ сказать, два содержанія: 1) разсказывается жизнь Никанора подъ старость, и разсказъ этотъ идетъ отъ лица автора,—и 2) въ этотъ разсказъ вплетается повѣствованіе самого Никанора объ его юности, объ

его службѣ, о многочисленныхъ его амурныхъ приключеніяхъ, женитьбѣ, трудностяхъ семейной жизни и пр. Особенно для насъ интересенъ разсказъ о старости героя. Передъ нами—„тихій“, „смиренный“ старичокъ, обнищавшій мелкій дворянинъ, котораго гнать утомилась „злая судьба“, надъ нимъ переиспытавшая всѣ свои, самыя изысканныя, козни... Простоватый, добродушный, уступчивый Никаноръ,—одинъ изъ тѣхъ типичныхъ людей—„нищихъ духомъ“, которыхъ впослѣдствіи облюбовала русская литература XIX-го столѣтія... Разсказывая объективно, съ эпическимъ безпристрастіемъ о старости этого „маленькаго“ героя, авторъ, самъ того не замѣчая, рисуетъ передъ читателемъ, въ видѣ фона — немало типичныхъ явленій изъ жизни русскаго дворянства середины XVIII-го вѣка — на военной службѣ, въ деревнѣ и въ городѣ... Всѣ детали этой широкой картины до такой степени правдивы и жизненны, что разбираемый романъ имѣетъ историческую цѣнность самыхъ безпритязательныхъ мемуаровъ, въ родѣ записокъ Болотова. Подобнаго же рода произведеніе: „Похожденія нѣкотораго Россіянина“ я разсмотрѣлъ выше (вып. I, стр. 671—678), помѣстивъ его въ группу русскихъ подражаній роману Прево: „Приключенія Маркиза Г**“; тамъ же (стр. 698—9) я указалъ, что къ этой же группѣ можетъ быть отнесенъ и „Несчастный Никаноръ“ *), и только исключительная яркость чисто-русскаго бытового элемента заставила меня это произведеніе отнести къ группѣ „оригинальныхъ“ русскихъ романовъ. Это замѣчаніе мое всецѣло относится къ той части произведенія, въ которой характеризуется жизнь Никанора подъ старость.

На эту часть я и обращаю сейчасъ особое вниманіе.

Вотъ, какъ авторъ характеризуетъ своего героя:

„Никаноръ, лишась своего благополучія, жилъ года съ четыре въ отдаленномъ отъ столицы городѣ,—въ домѣ нѣкотораго добродѣтельнаго человѣка, которой содержалъ его изъ одного только человѣколюбія“ [147].

Своею жизнью онъ былъ вполнѣ доволенъ и, дорожа своимъ благополучіемъ, угождалъ всѣмъ—

„Исканіе жъ Никанорово во всѣхъ того города жителяхъ и дворянахъ составило ему въ томъ мѣстѣ весьма спокойную жизнь“.

„Тихимъ своимъ со всѣми людьми обхожденіемъ, такъ любимъ во всѣхъ знатныхъ домахъ того города сдѣлался, что всякой домъ и во всякое время открытъ былъ ему, какъ собственно живущему въ своемъ домѣ“.

---

*) Любопытно, что въ фамиліи его удержанъ тотъ же инициалъ: „Г“.

Этотъ періодъ своей многострадальной жизни онъ называетъ „златымъ вѣкомъ“:

„Теперь ничто меня не безпокоитъ и ничто не трогаетъ“ [148], — заявляетъ онъ.

Далѣе слѣдуетъ прекрасная характеристика провинціальнаго русскаго общества, —добродушнаго при всей своей грубости и невѣжествѣ... Однако, чтобы получить кусокъ хлѣба изъ рукъ этого общества, нужно было умѣть ему угождать,—Никаноръ это чувствовалъ, и потому особенно усердно ухаживалъ за дамами—оттого „благородныя женщины и дѣвицы того города“ любили, даже баловали, этого тихаго, скромнаго, услужливаго старичка...

„Никаноръ всѣ силы свои употреблялъ служить имъ со всякимъ усердіемъ и почитаніемъ. Онъ оказывалъ имъ слѣдующія услуги: игралъ съ ними въ маленькую игру для препровожденія времени, въ кадриль и ломберъ; между тѣмъ, употреблялъ всякія пристойныя шутки,— пѣлъ и сочинялъ пѣсни; также сочинялъ оды и всякіе увеселительные стишки; смотрѣлъ имъ на руки, будто бы ученъ онъ былъ хиромантіи, и, въ издѣвкахъ, обнадеживалъ каждую изъ нихъ особливымъ благополучіемъ,—сказывалъ имъ сказки и исторіи; на святкахъ производилъ съ ними всякія игры и гаданія; въ маскерадахъ одѣвался въ женское платье,—словомъ сказать, все то дѣлалъ, что въ угодность имъ служило“ [149].

Каковы были развлеченія этого общества, лучше всего видно изъ одного эпизода.

Одна молодая госпожа пригласила Никанора принять участіе въ пикникѣ, при чемъ изъ мущинъ позвала только одного его. Польщенный такимъ приглашеніемъ, Никаноръ съ радостью согласился.

„Итакъ поутру, часу въ 12-омъ, пришелъ онъ къ той госпожѣ, гдѣ обѣдалъ съ нею только въ двухъ персонахъ“ [150].

Потомъ онъ, вмѣстѣ съ другими дамами, отправился на пикникъ за городъ, въ рощу, гдѣ ждалъ ихъ уже поваръ съ кухней. Вдругъ явился дворникъ и передалъ Никанору письмо отъ одной престарѣлой его покровительницы, которая требовала, чтобы онъ немедленно ѣхалъ къ ней. Положеніе Никанора было критическое: онъ боялся обидѣть молодыхъ дамъ, его пригласившихъ, но не смѣлъ ослушаться и старухи, которая, думалъ онъ, „можетъ быть благополучіе его къ случаю составитъ“,—она была вліятельна и очень капризна...

„Была уже довольно престарѣлыхъ лѣтъ и давала о томъ людямъ знать, что она одною только издѣвкою съ Никаноромъ шутитъ“ [151].

Между прочимъ, она терпѣть не могла, если Никаноръ при ней шутилъ съ молодыми барынями, или барышнями...

Едва Никаноръ уѣхалъ, присланный дворникъ сталъ кричать, что Никаноръ утонулъ въ рѣкѣ... Вся компанія встревожилась... Бросились къ рѣкѣ... Рыбаки стали сѣтями искать тѣло Никанора,—Никанора не нашли, а осетра поймали... Авторъ, по этому поводу, остритъ:

„Никаноровo въ то время приключеніе подобно было философическому камню, которой многіе ученые люди ищутъ, но найти не могутъ; а, въ сыскиваньи онаго, встрѣчаются съ ними незапно такія вещи, которыя не безполезны для общества... Такъ точно и рыболовы искали Никанора,—а, вмѣсто его, поймали въ самоловы свои такого превеликаго осетра, что они за рѣдкость сочли“ [152].

Пикникъ совсѣмъ разстроился. Произошло немало комическихъ недоразумѣній (живая жанровая картинка). Когда же выяснилось, что Никаноръ вовсе и не думалъ тонуть, то всѣ—

„узнали, что сдѣлана была та насмѣшка отъ помянутой госпожи, которая присылала за Никаноромъ шлюбку... И весьма много смѣялись такой выдумкѣ“ [153].

Иногда въ сѣренькой, безцвѣтной жизни Никанора мелькали радостныя минуты,—такъ, однажды какая-то княгиня, одна изъ его „милостивицъ“, взяла его съ собой къ губернатору на вечеръ, при чемъ онъ удостоился чести ѣхать въ одной съ нею каретѣ... Губернатору Никаноръ поднесъ оду своего собственнаго сочиненія. Обратный путь Никанору пришлось совершить съ меньшими удобствами,—мѣста въ каретѣ не хватило, и старику пришлось во время пути стоять на подножкѣ кареты.

Онъ оказывалъ услуги своимъ „милостивцамъ“ „по долгу“, при чемъ иногда выступалъ, въ исключительныхъ случаяхъ, и въ роли домашняго поэта,—сочиняя „на случай“ торжественныя оды, элегіи и шутливыя пѣсни...

Такъ, одну княгиню, потерявшую сына, онъ растрогалъ такими топорными виршами:

„Пещера горести раскрылась
И поглотила розовъ цвѣтъ...
Печалью грудь моя пронзилась, —
Михайла! ахъ! оставилъ свѣтъ!“ [154].

Одного россійскаго помѣщика,—любителя пѣсенъ въ народномъ духѣ и амурныхъ похожденій съ простыми дѣвушками,—онъ потѣшилъ сочиненіемъ пѣсенки:

„Хлебаю похлебочку безъ всякихъ приправъ,
Люблю подлу дѣвочку за хорошей нравъ!..
„...Отворися щастіе, открой къ любви путь, —
Мнѣ подлая дѣвочка расшибла всю грудь!“ [155] и пр.

И домашній хоръ этого помѣщика распѣвалъ эту пѣсенку къ великому его удовольствію и къ злобѣ его законной сожительницы!.. Для этого же помѣщика сочинилъ онъ и сатирическіе стихи противъ подъячихъ:

„Знать, въ деревню пріѣхалъ подъячей,—
Голосъ слышенъ далеко собачей!..
Чу! еще и свищутъ,—
Знать, старосты ищутъ!"
Гдѣ-то десяцкой квартиру-бъ отвелъ..." 156 и пр.

Съ Никаноромъ не церемонились,—его не стѣснялись... Однажды, въ одномъ дворянскомъ домѣ, ему отвели на ночлегъ холодную комнату... Когда онъ сталъ жаловаться на холодъ, его перевели спать въ дѣвичью,—„гдѣ ночь протекла для Никанора съ немалою пріятностію"; „дѣвушки въ вечеру долго не спали и пѣли изрядныя пѣсенки". Никаноръ гадалъ имъ по рукѣ... Машенькѣ предсказалъ, что она выйдетъ замужъ „за патентованнаго человѣка". Когда это сбылось, всѣ стали уважать Никанора, какъ ловкаго гадальщика.

Онъ всѣмъ былъ доволенъ, ни на что не жаловался, никому не перечилъ и со всѣми соглашался... Какой-то г. З. долженъ былъ, по своимъ дѣламъ, ѣхать на Каму... Увидѣвъ Никанора у княгини, этотъ З. пригласилъ его въ спутники...

„сдѣлай сію со мною дружбу.—поѣдемъ вмѣстѣ на Каму раздѣлить въ дорогѣ скуку!..' Никаноръ, услышавъ отъ него оное, ни мало не отговаривался, а сказалъ ему, что онъ такъ вести жизнь свою расположилъ, что кто его куда съ собою ни позоветъ,—всюду ѣхать, и кто о чемъ ни попроситъ,—все съ охотою исполнить, если столько силы его на то станетъ!"

Описаніе этого путешествія очень любопытно зъ бытовомъ отношеніи: путешественники ѣхали долго, иногда ночевали подъ открытымъ небомъ, занимались попутно охотой...

Но, при всей своей уступчивости, немало горя испытывалъ въ своей старости Никаноръ. Особенно досаждалъ ему другой такой же „нахлѣбникъ" *)—Никифоръ, отличавшійся нравомъ болѣе строптивымъ. Когда у хозяина бывало много гостей, то его Никанора сажали къ дѣтямъ, что обижало Никифора,—онъ злился —

„выговаривалъ о томъ дворецкому, что такихъ молодыхъ ребятъ больше почитаютъ, нежели такого старика, которой, по табели Государя Петра I, обстоитъ въ рангѣ Армейскаго Капитана" 157.

---

*) У „милостивца", у котораго „главную квартиру" имѣлъ Никаноръ, кормилось и жило много такихъ же бѣдняковъ.

Этотъ „строптивый“ Никифоръ поселился у „милостивца“ раньше Никанора и не взлюбилъ нашего героя.

„Но какъ оной господинъ Совѣтникъ Никифоръ пребываніе свое началъ имѣть въ томъ домѣ года за два прежде, нежели Никаноръ почему онъ гораздо и исправнѣе былъ Никанора платьемъ, а особливо шубами... Никанору-жъ хозяинъ тотъ, хотя и подарилъ изрядныя двѣ пары платья штатскаго, однако, тулупъ у Никанора былъ весьма уже ветхъ, и почти одна крышка видъ его составляла, а мѣху ни осьмой части не имѣлось, и во время студеныхъ дней Никанору спать было подъ нимъ не весьма спокойно... А притомъ же у онаго господина Никифора нравъ былъ съ Никаноровымъ весьма не сходственъ: Никаноръ любилъ, чтобы горница была нѣсколько тепловата, а Никифоръ любилъ, чтобы оная была гораздо въ прохолодь“ [158].

И вотъ, зимой этотъ любитель „прохолоди“, обладатель теплыхъ шубъ, открывалъ ночью окна, не обращая вниманія на своего зябнущаго товарища. Никаноръ не перечилъ ему, но страдалъ отъ холода... Тогда хозяева подарили ему теплое одѣяло и въ шутку посовѣтовали, какъ бывшему межевщику, „размежеваться“... Никаноръ отгородилъ въ комнатѣ себѣ уголъ съ печкой, особой стѣнкой, обилъ ее войлокомъ, устроилъ окна и двери и, „уклеивъ бумагою“, вымазалъ масломъ, отъ чего ему и свѣтло, и тепло стало... И сталъ онъ жить припѣваючи, а у строптиваго Никифора въ его половинѣ сдѣлалось совсѣмъ холодно...

Теперь торжествовалъ Никаноръ,—онъ —

„товарищу своему выпускалъ уже тепла столько, сколько хотѣлъ“ [159].

Тогда Никифоръ сталъ злобиться на Никанора и началъ мстить ему: Никаноръ всегда поздно ночью возвращался отъ своихъ „милостивцевъ“, а Никифоръ всегда старательно запиралъ въ домѣ всѣ ворота и двери, чтобы подольше подержать на холоду Никанора...

Однажды произошелъ такой случай—

„Никаноръ, пришедши къ воротамъ, увидѣлъ, что оныя заперты; онъ не осмѣлился стучаться, чтобъ хозяина съ фамиліею не обезпокоить,—полѣзъ черезъ рѣшетку и, какъ лишь только сталъ онъ на верхнемъ брускѣ той рѣшетки, которой брусокъ въ то время отъ глубокой осени былъ обледенѣлымъ и накрытъ снѣгомъ, тогда Никаноръ, поскользнувшись и задѣвъ кафтаномъ за спицу, повисъ на той рѣшеткѣ; отцѣпиться-жъ ему весьма было трудно, потому что спица та прошла сквозь подкладку и кармана кафтаннаго, и онъ не могъ тогда ни спицы сломить, ни полы своей оторвать...“ [160].

Послѣ этого Никаноръ очень „огорчился на Никифора“, но и на этотъ разъ не смѣлъ выговаривать ему, такъ какъ боялся его...

Несомнѣнно, этотъ пересказъ и приведенныя выдержки рисуютъ намъ явленія чисто-русской жизни (жизнь нахлѣбника), и я имѣю полное право отнести эту часть разбираемаго романа къ опытамъ русскаго „бытового романа",—1) опирающагося на русскую дѣйствительность и—2) намѣчающаго такія явленія этой дѣйствительности, которыя лишь въ XIX-омъ столѣтіи дѣлаются характернымъ содержаніемъ нашей романической литературы...

Другая часть романа — повѣствованіе самого героя объ его „бурной" юности, носитъ болѣе литературный характеръ, хотя тоже не лишена яркихъ бытовыхъ чертъ... Въ литературномъ отношеніи, эта часть романа отражаетъ несомнѣнныя вліянія и старинной русской повѣсти (въ родѣ повѣстей о приключеніяхъ россійскаго дворянина Александра, матроса Василія) и романовъ Прево... Сходство этого произведенія съ указанными русскими рукописными повѣстями начала XVIII-го вѣка важно въ томъ отношеніи, что даетъ въ руки изслѣдователя еще одно основаніе для установленія связи между рукописной романической литературой и печатной.

Первое-же амурное приключеніе Никанора напоминаетъ собою фатальную встрѣчу россійскаго дворянина Александра съ Элеонорой.

Въ „самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ" Никаноръ служилъ кондукторомъ въ Инженерномъ корпусѣ, въ Ригѣ, подъ началомъ генералъ-фельдцейхмейстера князя Репнина. Гуляя по городу, однажды онъ увидѣлъ въ окнѣ дома плачущую дѣвицу. Никаноръ остановился и сталъ на нее смотрѣть... „Товарищъ мой—разсказываетъ Никаноръ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ—былъ въ такихъ обращеніяхъ весьма стыдливъ: постоявъ недолго, пошелъ отъ меня впередъ". Никаноръ же оказался болѣе предпріимчивымъ и къ тому же былъ игриво настроенъ: онъ выкрикнулъ имя товарища и поклонился ему... Дѣвица посмотрѣла и, принимая его поклонъ на свой счетъ, отвѣтила ему поклономъ... Въ это время конфузливый товарищъ Никанора тоже набрался смѣлости и подошелъ къ нему. Никаноръ (хитрецъ!) вынулъ записную книжку, и они стали, закрывшись книжкой, уже вдвоемъ, разглядывать красавицу".

Передъ нами—жанровая картинка, детально обработанная: два юнца, изъ которыхъ Никаноръ чуточку поотважнѣе, ловеласничаютъ довольно скромно передъ окномъ рижской нѣмочки!.. Между тѣмъ, дѣвушка заплакала сильнѣе, и ушла... Друзья пошли прочь, восхищенные и тронутые ея слезами. Оба готовы на ней жениться.

„Красотою я ея такъ пораженъ не былъ, какъ теперь тронули сердце мое текущія изъ глазъ ея ручьями слезы" — восклицаетъ Никаноръ.

Впослѣдствіи вспоминалъ Никаноръ о томъ, что́ онъ тогда пережилъ: онъ готовъ былъ все сдѣлать, чтобъ только ее утѣшить—

„еслибы только зналъ я, что̀ то ей будетъ надобно, чтобъ я рисковалъ моею жизнію съ тѣмъ, что или умру за нее,—или отру чрезъ то горестныя отъ глазъ ея слезы“ [161].

И вотъ, оба друга рѣшили узнать, что́ это за дѣвица, почему она плачетъ, и чѣмъ можно ей помочь... Такова завязка перваго приключенія Никанора. Оказалась она богатой сиротой, которую забралъ въ руки ея дядя купецъ Гра,—человѣкъ крутой и бѣшеный, который, „какую ни сдѣлаетъ дебошъ, за все деньгами отсыпается“.

Потомъ Никаноръ узналъ, что Анета (имя плакавшей дѣвицы), захвативъ часть своихъ денегъ, бѣжала изъ дома дяди. Никаноръ былъ доволенъ такою развязкою — онъ радовался, что она осталась жива, и думалъ, что она бѣжала, будучи подговорена какою-нибудь „персоною“, и отъ души желалъ ей счастья и успѣха...

Прошло нѣсколько времени... Однажды онъ почему то загрустилъ:

„И какъ солнце уже закатилось, и пріятная заря, со сгущенною въ воздухѣ росой, стала вливать нѣкоторую въ чувства мои врачебную силу, отъ чего почувствовалъ я немалую въ себѣ отъ тоски моей отраду и, для усугубленія лучшихъ пріятностей, въ нѣжностяхъ тишины раздающихся различныхъ звуковъ еха, сталъ я стрѣлять изъ пистолета“.

Вдругъ изъ кустовъ раздался крикъ, и оттуда выбѣжалъ молодой матросъ, который сталъ просить, чтобы Никаноръ убилъ его.

„Простри ты мужественную твою руку и прострѣли терзающее злымъ рокомъ трепещущее мое сердце!“,—говорилъ Никанору этотъ матросъ, у котораго на самоубійство не хватило силы...

Матросъ даетъ Никанору ящикъ съ алмазами и падаетъ въ обморокъ. Приводя его въ чувство, Никаноръ растегиваетъ ему грудь—и узнаетъ въ матросѣ Анету [162].

Тогда угасшая любовь съ новою силою возгорѣлась въ сердцѣ Никанора.

„Началъ безчувственную сію цѣловать и прохлаждать грудь ея руками своими: чрезъ что́ къ лучшему привелъ ее въ наисовершеннѣйшее чувство“.

Потомъ Никаноръ объясняется ей въ любви. Она разсказала ему, какъ страдала въ домѣ дяди, какъ бѣжала, какъ ее хотѣли ограбить, но какой-то русскій солдатъ спасъ ее... Пьяная рѣчь этого добродушнаго, честнаго человѣка передана въ романѣ очень удачно:

„Нѣтъ ты не мысли, чтобы я былъ такой нечестивый человѣкъ, чтобы съ неповиннаго взялъ взятки!. Нѣтъ! нашему брату не довлѣетъ

ето дѣлать, а я за неповиннаго готовъ распяться!.. Дай Богъ, хоть бы и судьи такую душу имѣли, какъ я—даромъ, что я пьянъ!.. Я служу моей Всемилостивѣйшей Матушкѣ тридцать седьмой годъ, да и еще готовъ служить, пока сила въ плечахъ есть, хотя я и раненъ!.. Вотъ, видишь, у меня рана!..“ (тогда показалъ мнѣ лѣвую руку, пробитую насквозь пулей). Потомъ многія произносилъ себѣ похвалы, которыя, обыкновенно, у пьяныхъ простаковъ бываютъ“. Анета уговорила его взять на память отъ нея дорогую табакерку. Тогда усердіе еще болѣе возросло въ сердцѣ пьянаго рыцаря.—„О! если бы догналъ я етова злодѣя, то я бы ево въ мясныя части *) изрубилъ!.. Да не знакомъ ли онъ тебѣ? (спросилъ меня), или не признаешь-ли ты ево въ лицо?—мы ево тотчасъ приведемъ къ Іисусу“ [163].

Приключенія героини не окончились этимъ,—ей долго приходилось скрываться отъ дяди, переодѣваться и пр... Дядя объявилъ ее воровкой, и страхъ, что „безъ всякаго оправданія, засѣкутъ до смерти“ [164],—заставилъ Анету скитаться въ лѣсу въ теченіе нѣсколькихъ дней, при чемъ она хотѣла уже утопиться...

Никаноръ говоритъ Анетѣ, въ утѣшеніе, галантныя рѣчи,—онъ рѣшительно отказывается убить ее. Никаноръ,—

„цѣловавши ея руки, тогда говорилъ ей: „могу-ли отнять животъ отъ той, отъ которой и моя теперь совершенно жизнь зависитъ, и которая властна и меня самого или умертвить,—или вѣчно благополучнымъ сдѣлать?..“ Анета кокетливой рѣчью отрицаетъ за собой эту способность: „какую вы во мнѣ предвидите тиранку!“—говоритъ она,—„неужели я отъ крови варваровъ рождена, чтобъ, вмѣсто воздаянія, благодарности, заплатила я вамъ злодѣйствомъ!“ и пр. Никаноръ не хочетъ брать алмазовъ. Анета упрашиваетъ. (Оба хотятъ превзойти другъ друга благородствомъ и вѣжливостью). „Въ томъ единственно и состоитъ, (сказалъ я) милостивая государыня, мое всесовершеннѣйшее благополучіе, и если сердце ваше вы вручаете мнѣ, то оной я отъ васъ презентъ сочту превыше всего свѣта сокровищъ!“ [165].

Наконецъ, разговоры ихъ кончились тѣмъ, что оба рѣшили вѣнчаться въ тотъ же день. Между тѣмъ, жениться герою на героинѣ оказалось не такъ-то легко—примѣшались непріятности съ начальствомъ, неосновательное обвиненіе героя въ томъ, что онъ на дуэли убилъ человѣка... Никаноръ попалъ подъ арестъ, и принужденъ былъ опять разлучиться съ Анетой. Живымъ колоритнымъ языкомъ разсказана вся эта путаница нечаянныхъ событій, которыя закружили Никанора.

Слуга господина, убитаго на дуэли, даетъ на судѣ показанія стилемъ чисто-судейскимъ:

„Слуга тотъ въ допросѣ показалъ, что господинъ его имѣлъ ссору съ однимъ инженернаго корпуса Кондукторомъ, а кто онъ таковъ

---

*) Ср. „пирожныя части“ въ повѣсти о Василіи.

оной кондукторъ, по фамиліи, того онъ не знаетъ; а извѣстенъ онъ слуга о томъ сталъ такимъ образомъ: дни съ три тому назадъ, какъ прибѣжалъ, де, господинъ его въ свою квартеру ночью съ растрепанными волосами... И за нимъ былъ, для провожанія его, одинъ армейскій салдатъ... И господинъ, де, мой подарилъ ему рубль денегъ, и отпустилъ ево; и какъ тотъ солдатъ вышелъ отъ него, то я, де, тихонько спросилъ его, какая причина съ господиномъ моимъ учинилась... Солдатъ на то мнѣ сказалъ, что господинъ, де, твой поссорился съ однимъ инженернаго корпуса Кондукторомъ, а кто таковъ тотъ кондукторъ, того также солдатъ тотъ не знаетъ... И, поссорившись, перекололись, было, шпагами, и меня, де, мой Капитанъ послалъ для охраненія здоровья твоего господина. И въ тѣхъ солдатскихъ со мною разговорахъ кликнулъ меня господинъ мой въ горницу, а солдатъ пошелъ домой; и такъ, де, я не успѣлъ провѣдать ни о солдатѣ, ни о его Капитанѣ,—котораго они полку. На другой день господинъ мой былъ сомнителенъ и сердитъ, а въ вечеру того дня, заправя пулею пистолетъ и взявъ его съ собою, пошелъ изъ квартиры своей вонъ, а куда не знаю" [166].

Никанору удалось отправитъ Анету въ Варшаву... Самъ онъ, запутавшись въ любовныхъ дѣлахъ, попалъ снова подъ арестъ— за нерадивость по службѣ... Яркія бытовыя детали опять обозначаются въ разсказѣ объ этихъ служебныхъ непріятностяхъ героя. Оказывается, Никанора и его друга преслѣдовалъ по службѣ одинъ прапорщикъ, который подозрѣвалъ своихъ юныхъ подчиненныхъ „кондукторовъ" въ томъ, что они пользовались ласками „нѣкоторой изъ подлыхъ его любовницъ, именемъ Марьи"... И вотъ, какъ придирался онъ къ работѣ своихъ мнимыхъ соперниковъ, —

„Кондукторъ Шв. былъ человѣкъ азартной: видя, что Прапорщикъ противъ его чрезвычайную держитъ анбицію, и что онъ, Кондукторъ Шв., обрисовалъ тотъ ручей очень сходственно съ натурою, а Прапорщикъ, изъ одной только анбиціи, опорочиваетъ труды его и приказываетъ ему по грязи идти и мѣрять шагами,—весьма противъ его разсердился (и сказалъ ему): „господинъ Прапорщикъ! я очень великъ ростомъ,—то мои шаги будутъ непропорціональны, а ваши шаги настоящіе геометрическіе, составляющіе три шага печатную сажень,—такъ не изволите ли сами потрудиться смѣрять?". Кончилось дѣло тѣмъ, что оба подрались [167].

Между тѣмъ, дѣло съ женитьбою Никанора все затягивалось,.. Какъ я уже говорилъ, благодаря глупости его квартирнаго хозяина, онъ былъ запутанъ въ дѣло о дуэли, въ которой былъ неповиненъ. По этому поводу герой ведетъ живой діалогъ съ виновникомъ путаницы:

„Какъ?"—перебилъ я ево рѣчи и спросилъ: „Шпангутъ присылалъ слугу обо мнѣ провѣдывать?"—„Да, присылалъ" (отвѣчалъ Яковъ),— „Да чтожъ ты ему обо мнѣ сказалъ?"—„Все то же",—отвѣчалъ Яковъ.

„Да что такое *все то же?* (спросилъ я)... Ты скажи мнѣ обстоятельнѣе?“ „Я сказалъ слугѣ ево (отвѣчалъ Яковъ), что ты содержишься подъ карауломъ по дѣлу убитаго въ дуэлѣ!“—„Боже мой! (сказалъ я) что ты это, негодница, навралъ!.. и чортъ-ли тебѣ сказывалъ, что я по этому дѣлу содержусь?“—„Не чортъ мнѣ сказывалъ (отвѣчалъ Яковъ), а вотъ Александръ мнѣ сказывалъ“ [168].

Возникъ вопросъ и о полученіи разрѣшенія отъ начальства на свадьбу... Никаноръ не разсчитывалъ, что разрѣшеніе ему будетъ дано,—между тѣмъ, священникъ полковой безъ позволенія начальства не сталъ бы его вѣнчать... Никаноръ въ юности, очевидно, былъ человѣкомъ болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ подъ старость, и, на вопросъ товарища, что дѣлать, если „попъ заупрямится“,—отвѣчалъ:

„Такъ плюнуть на попа,—я и безъ вѣнчанья Анету съ собой возьму!“ [169].

Между тѣмъ, по служебнымъ надобностямъ Никаноръ былъ посланъ на о-въ Эзель, въ городъ Аренсбургъ... Здѣсь, въ имѣніи одного нѣмецкаго помѣщика, онъ такъ сильно приволокнулся за помѣщичьей дочкой Элеонорой, что родители ея стали даже его разспрашивать о состояніи его отца... Вотъ, какъ Никаноръ разсказываетъ о своей прогулкѣ съ Элеонорой по саду.

„Каждые, шедши изъ насъ своею партіею, особливые имѣли разговоры: капитанъ-поручикъ разговаривалъ съ хозяиномъ и хозяйкою о расположеніи мѣста того сада, а Алексѣй Е. съ племянникомъ хозяйскимъ вошли въ разговоръ о военныхъ дѣлахъ и наукахъ, а мы съ Елеонорою продолжали рѣчь о нѣжной пріятности случившагося тогда воздуха... И какъ вошли мы съ нею въ ту куртину, тогда Елеонора, сорвавъ хорошее яблоко и вынувъ изъ кармана складной ножичекъ, коимъ разрѣзавъ оное, поднесла ко мнѣ и просила меня, чтобъ я отвѣдалъ, каковы яблоки ихъ саду... Я, съ великимъ удовольствіемъ принявши, съѣлъ яблоко (и сказалъ ей): „я въ жизнь мою, милостивая государыня, нигдѣ и никогда такихъ пріятнаго вкуса яблокъ еще не ѣдалъ!“... „Ахъ, господинъ Никаноръ, (сказала она), чрезвычайная похвала составляетъ опорочиваніе“—„Клянусь вамъ въ томъ, милостивая государыня, (сказалъ я), что не лестно объ ономъ и вамъ докладываю... Да и какой при томъ ни былъ, хотя изъ всѣхъ родовъ лучшій фруктъ, то оной такъ вкусенъ и пріятенъ для меня быть не можетъ, какъ ето яблоко, котораго сладость не только гортань, но и сердце мое ощущаетъ!“ и т. д. „Я бъ желала, чтобъ вы навсегда съ таковымъ вкусомъ наслаждались плодомъ моей любимой яблони!“—„Счастливъ бы я назваться могъ, милостивая государыня, естлибъ я удостоенъ былъ именоваться садовникомъ родителя вашего сада!“ [170] и пр.

Кончилась ихъ бесѣда тѣмъ, что Никаноръ сталъ цѣловать ея ручку и почти влюбился. О любви эта Елеонора разсуждала такъ: „въ здѣшнихъ странахъ любови намъ познать не можно,—здѣсь любовь никогда не обитаетъ, потому что деревенскіе предѣлы ей противны, а пребываетъ она навсегда въ прекрасныхъ городскихъ селеніяхъ!.. Чрезъ

нашижъ, уединенныя на островѣ, мѣста развѣ мимолетомъ куда пролетитъ и задѣнетъ крыломъ только чье нибудь сердце и оставитъ пораненное сострадать навѣки" [171].

Въ это время онъ получилъ письмо изъ Варшавы отъ тоскующей Анеты. Это письмо взволновало его... Совѣсть стала его мучить,—онъ хотѣлъ даже дезертировать, чтобы ѣхать къ ней, но мысль о горѣ, которое причинилъ бы этотъ поступокъ его отцу, удержала его отъ этого. Онъ былъ въ отчаяніи.—

„И, приподнявъ я себя, сѣлъ на постели, и началъ плакать... Потомъ, въ безпамятствѣ, сталъ свистать, и, послѣ того, пѣлъ стариннаго голоса слѣдующую арію: „Душа моя страстьми свирѣпо возмущенна!"... Напослѣдокъ рвалъ я на себѣ волосы и разбилъ до крови лицо" [172].

Между тѣмъ, изъ Варшавы пришли новыя тревожныя вѣсти, и тогда Никаноръ рѣшилъ окончательно бросить службу

„О, горестное сложеніе смертныхъ!"—патетически восклицаетъ онъ—„Виновенъ-ли я состою тѣмъ, что вложено въ меня такое слабое и необоронительное сердце, что не въ силахъ было противиться испускающимъ любовныя искры Анетиными сильнѣйшимъ небесныхъ звѣздъ, очамъ?" „Потомъ въ обморокѣ легъ я на постелю, и, послѣ того, не раздѣвшись, заснулъ" [173].

Подъ предлогомъ болѣзни Никаноръ просится въ отставку. Его посылаютъ въ Петербургъ на медицинскій осмотръ.

Въ Петербургѣ онъ является къ начальнику своему—„полковнику Ильѣ Александровичу Бибикову". Въ концѣ концовъ, вмѣсто отставки,его послали служить въ Астрахань... Тогда онъ самовольно поѣхалъ въ имѣніе къ отцу, а потомъ бѣжалъ за границу, былъ пойманъ, арестованъ, и только заступничество одной дамы, тоже страдавшей отъ несчастной любви (была противъ воли выдана замужъ, вслѣдствіе чего ея возлюбленный отравился) спасло Никанора отъ строгой кары... Подъ конвоемъ онъ отправленъ былъ въ Россію... У смоленскаго губернатора Аршеневскаго нашлись его знакомые, которые тоже оказали ему поддержку. Никаноръ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ на допросѣ показалъ, что хотѣлъ бѣжать заграницу, чтобы тайно снимать планы вражескихъ крѣпостей. Освобожденный, собрался онъ, было, ѣхать въ Варшаву, но получилъ извѣстіе, что его Анета уже умерла...

Оказывается, дядя узналъ-таки объ ея мѣстопребываніи, завладѣлъ ею, засѣкъ ее до смерти,—„тѣло ея до костей пробивъ".

Подавленный героемъ, ѣдетъ Никаноръ въ помѣстье къ отцу. Чувства, которыя онъ переживалъ, возвращаясь на родину, изображены въ его повѣствованіи очень жизненно:

„Село то отца моего строеніемъ весьма было прекрасно, а особливо рощами, прудами и садами, въ которыхъ я, провождая тоску свою,

всякой почти часъ безотлучно находился... А какъ время тогда уже было весеннее, то не только въ вечеру прогуливался я въ садахъ, но и утренней зари никогда не просыпалъ, потому что спальня моя поставлена была окнами всѣми въ садъ, и притомъ на самомъ берегу пруда, которой прудъ вокругъ обсаженъ былъ густыми деревьями, гдѣ вольные въ той густотѣ соловьи, безпрерывнымъ своимъ свистаніемъ, разрушали сонъ мой... Я, пробуживаясь на самой утренней зарѣ, выхаживалъ всегда въ тотъ садъ и садился на зеленой подлѣ густыхъ деревъ травѣ, и, при восклицаніи означенныхъ птицъ, воспоминалъ я прежнія благополучныя свои минувшія минуты и, воспомнивъ оныя, проливалъ я съ рыданіемъ горестные слезъ потоки" [174].

Разсуждаетъ онъ затѣмъ о суетѣ міра, о бренности человѣческихъ стремленій, о неизбѣжномъ торжествѣ смерти... Въ концѣ концовъ, Никаноръ рѣшилъ идти въ монахи. Отецъ далъ на это согласіе, но со слезами просилъ его прожить дома еще годъ.

Единственная радость Никанора была теперь—ходить въ церковь, а дома читать псалтырь... [175]. У отца его жила старуха-тетка, очень богомольная. Она была товарищемъ Никанора въ этихъ посѣщеніяхъ церкви.

У тетки была крѣпостная дѣвка, которая, видя постоянное тосковаціе Никанора, однажды стала его утѣшать... Неожиданное участіе простой дѣвушки растрогало Никанора,—онъ поцѣловалъ ее въ голову. Они разговорились. Дѣвка при баринѣ сѣсть не хотѣла—

„Она долго отговаривалась, что сидѣть рядомъ съ господиномъ своимъ она недостойна; однако, я, за добродѣтель ея, удостоилъ ее тою милостію и принудилъ подлѣ себя сѣсть" [176]—повѣствуетъ Никаноръ.

Дѣвка разсказала ему, между прочимъ, и о томъ, какъ его сестра расхитила все имущество, оставшееся ему послѣ смерти его матери.

Въ концѣ концовъ, влюбчивый Никаноръ полюбилъ эту „дѣвку".

„Казалось мнѣ, что душа ея (Анеты) соединена вмѣстѣ съ душею усердной дѣвки моей, и обѣ онѣ въ одномъ прелестномъ тѣлѣ ея обитаютъ" [177].

Онъ рѣшилъ на ней жениться, но она на это не согласилась... Она готова была безъ брака жить съ нимъ, утверждая, что не пара ему... Предлагала она ему жениться на благородной, а до того жить съ ней. Послѣ этого—

„Никаноръ разсмотрѣлъ въ тонкость, весьма добродѣтелями украшенную, „душу" дѣвки. Но она то, ахъ, сильнѣе всѣхъ въ свѣтѣ семъ красотъ, сердце мое и поразила!—говоритъ онъ.

Черезъ годъ Н. выдалъ замужъ свою дѣвку, а самъ поѣхалъ въ Москву [178].

Тамъ его легко женили на одной дворянской дѣвицѣ. Сначала они жили счастливо. Но скоро оказалось, что его супруга характера была „чрезмѣрно сердитаго",—нравъ у нея былъ „суровый"; и энергично упрекала она Никанора за слабость воли, за неумѣніе хозяйничать, за ту бѣдность, которая грозила всей его семьѣ вслѣдствіе его безалаберности... Никаноръ, по своему смиренію, не умѣлъ справляться съ супругой—

„Гнѣвъ ея, обыкновенно, я привыкъ утолять тѣмъ только однимъ, что во время онаго отхожу я отъ нее прочь—и долго ей на глаза не кажуся" [179].

Между тѣмъ, энергичная сестрица отобрала у него даже крѣпостныхъ людей.

Въ концѣ концовъ, послѣ десятилѣтняго сожительства, супруга бросила его, и уѣхала къ родителямъ, забравъ съ собой двухъ дѣтей.

Никаноръ совершенно растерялся подъ гнетомъ всѣхъ этихъ несчастій, на него обрушившихся... Теща отказалась его принимать, и слова, сказанныя ею Никанору, звучатъ жизненной горечью:

„Она (жена) съ вами жить не намѣрена, покамѣстъ вы не возвратите деревню свою!.. Что жъ касается до дѣтей вашихъ,—ежели вы ихъ хотите взять къ себѣ,—объ нихъ я спорить не стану, а естьли оставите у меня, то я ихъ голодомъ не уморю... А для васъ у меня хлѣба нѣтъ!.. И прошу съ честію ѣхать изъ дому моего къ сестрицѣ вашей, или куда вамъ угодно: а ежели честно изъ дому моего выѣхать не изволите, то я должна поступить съ Вами, какъ съ нахальными людьми поступаютъ!" „Привѣтствіе сіе тещи моей столько голову мою обременило, что показалось мнѣ оно угарнѣе чадной бани!" [180]—жалуется Никаноръ.

Какъ разъ въ это время пріятель, поселившійся съ Никаноромъ на одной квартирѣ, надулъ его, пользуясь его довѣрчивостью,—взялъ у него остатокъ его денегъ, давъ ему вексель и потомъ этотъ же вексель самъ скралъ.

Пришлось Никанору выискивать способы пропитанія: и вотъ, онъ поселился въ маленькой комнаткѣ,—

„За полтора рубли на мѣсяцъ, дрова и вода хозяйская, такъ же и кушанье для меня варить изъ моего харчу хозяйкѣ" [181].

Чтобы промыслить деньги, онъ сталъ дѣлать—

„вѣерки разныхъ сортовъ,—деревянные и костяные, также и изъ морскихъ раковинъ на гафтѣ и пергаментѣ съ живописью, хорошею работою" [182].

Тогда купцы стали его эксплоатировать,—брали у него товаръ въ долгъ, а денегъ не отдавали. Принялся онъ за другое: „началъ писать живопись".

„Писать живопись мнѣ не столько трудно было, какъ трудно растирать краски“ [183] — говоритъ онъ.

И вотъ, для этой работы купилъ онъ дѣвку за 25 р. Эта двадцатипятирублевая дѣвка „собою была весьма прекрасна“—и Никаноръ сталъ уже размышлять, что, если кто изъ „вольныхъ“ въ нее влюбится, то изъ любви, чтобы жениться, пожалуй, пойдетъ къ нему „въ крѣпость“, и тогда у него будетъ семья крѣпостныхъ... Но эти корыстолюбивыя мечты кончились тѣмъ, что онъ самъ влюбился въ нее.

Однажды произошелъ слѣдующій эпизодъ: дѣвка, за неимѣніемъ мѣста, спала въ его комнатѣ. Никаноръ подошелъ къ ея кровати и —

„стоялъ долго неподвиженъ... Потомъ, проливъ слезы, сказалъ самъ себѣ:—„о, нещастнѣйшій человѣкъ, по что ты устремляешь глаза и мысли свои къ симъ прелестнымъ нѣжностямъ? ты уже обоняешь запахъ пролитыхъ предъ тобою ароматовъ,—ты уже видишь наполненный нектором златой сосудъ предъ устами твоими!.. прелесть красоты ухватила уже сердце твое въ свои объятія, и, естьли ты не предуспѣешь охранить себя, то нектаръ обратится тебѣ ядомъ, и ароматы любовные во вредной и заразительной тебѣ будутъ запахъ!.. Побереги себя отъ сего, и, сколько силы твоей есть, рви любовныя цѣпи, которыми влечетъ любовь сердце твое въ свои сѣти!“

Тѣмъ не менѣе, послѣ этого монолога, онъ разбудилъ ее и сказалъ:

„прежде сего часа была моя крѣпостная раба, а съ сего времени будь моя любезная!—и приказалъ ей сѣсть и пить съ нимъ чай [184].

Никаноръ счастливъ тѣмъ, что ведетъ скромную маленькую жизнь,—онъ малымъ былъ доволенъ... Одинъ пріятель его упрекнулъ за то, что онъ живетъ грѣховно. Съ этого времени Никанора стала мучить совѣсть. Онъ сталъ думать, какъ бы прекратить эту жизнь—пристроить свою любовницу, а самому уйти на войну.—

Она была въ отчаяньи, узнавъ объ его планахъ,—упала даже въ обморокъ.

Онъ успокоилъ ее и доказалъ ей, что они ведутъ грѣшную жизнь. Указавъ на одну крѣпостную дѣвушку, нашедшую счастье замужемъ, онъ сумѣлъ и свою возлюбленную убѣдить выйти замужъ за какого-то лакея... Но, выйдя замужъ, она стала тосковать, и, наконецъ, призналась мужу, что любитъ Никанора... Давъ обѣщаніе супругу остаться ему вѣрной, она просила разрѣшенія, хоть разъ, повидать Никанора. Мужъ не смогъ отказать ей,—явился къ Никанору и разсказалъ ему о желаніи жены. Свиданіе было самое трогательное...

Тѣмъ не менѣе, Никаноръ не оставилъ мысли о войнѣ; по этому поводу онъ сочинилъ даже пѣсню, начинавшуюся съ такихъ словъ:

„Посреди войны кровавой, истреблю тебя любовь,—разорву твой плѣнъ суровой и свободенъ буду вновь!“ [185] и т. д.

Дѣвка, узнавъ объ его рѣшеніи идти на войну, явилась къ нему съ мужемъ, и тутъ произошла опять трогательная сцена: прежде всего упала она въ обморокъ; потомъ всѣ трое стали вмѣстѣ плакать—

„Какое странное и рѣдко-слыханное приключеніе воспослѣдовало тогда между нами!—Мы всѣ трое заливались слезами, и во всѣхъ насъ сопротивныя страсти къ разрушенію спокойствія нашего явно открыты стали!.. Я, будучи влюбленъ въ жену мою и не получая равномѣрнаго мнѣ отъ нея соотвѣтствія, отъѣзжаю, въ отчаянности своей, въ армію и желаю лучше умереть, нежели злочастную продолжать жизнь свою... Дѣвка моя влюблена въ меня до безконечности, и, лишаясь меня, не хочетъ больше въ свѣтѣ семъ жива быть!.. Мужъ ея влюбленъ въ нее безмѣрно, и для нея жизнь свою потерять не отрекается!“ [186].

Мужъ дѣвки проситъ, чтобы Никаноръ купилъ его вмѣстѣ съ женой,—тогда бы они втроемъ отправились на войну... Но у Никанора нѣтъ для этого денегъ, и онъ лишь мечтаетъ о томъ, чтобы, въ случаѣ, если бы деньги, паче чаянія, у него нашлись, то онъ купилъ бы эту, любезную его сердцу, чету, и отпустилъ бы ее на свободу... Тогда они втроемъ, уже какъ друзья, поѣхали бы на войну. Подавленный горемъ, Никаноръ сочиняетъ пѣсню:

„Ахъ! за чтожъ я такъ отважно дорогу любовь гнѣвлю? какъ услышитъ слово важно, коимъ я ее язвлю?“ [187]. и т. д.

Дѣвку обманули, сказавъ ей, что Никаноръ тайкомъ уѣхалъ въ армію, и она съ горя утопилась въ Прѣсненскихъ прудахъ. Мужъ ея скоро утѣшился, и женился на другой. Тогда Никаноръ предался горестнымъ размышленіямъ о своей жизни, —

„воображая всѣ мои нещастливыя приключенія, уподоблялъ я жизнь свою глубокой и ненастной осени, въ которой солнце лишь только простретъ изъ густой тучи лучъ свой,—и въ тужъ минуту опять сокрывается и нѣсколько дней видимо не бываетъ“. „Можно-ли во всей подсолнечной равнаго въ бѣдствіяхъ мнѣ отыскать человѣка?“

Его самого удивляютъ—

„такіе сразительные нещастія удары, какіе мнѣ немилосердою моей судьбою опредѣлено переносить“ [188].

Потомъ онъ сталъ ѣздить по монастырямъ. Предался меланхоліи, и однажды припомнилъ стихи Ломоносова: „то плачетъ человѣкъ, то въ радости смѣется!“

Никаноръ сдѣлался учителемъ. Сначала ему на этомъ труд-

номъ поприщѣ повезло,—его полюбили за его кроткій, уступчивый нравъ... Кромѣ занятій съ дѣтьми, онъ удачно гадалъ на картахъ, сочинялъ стихи на случай... Его даже уважали и съ собой брали въ гости... Не такъ счастливъ онъ былъ въ другомъ домѣ. И въ разсказѣ Никанора живо рисуется характерная, по своей безалаберности, русская дворянская семья,—мужъ, человѣкъ добродушный, простой,—„всегда пьетъ", любитъ хвастаться, волочиться за дворовыми дѣвушками и горланить народныя пѣсни... Жена его зла, упряма и глупа: когда разсердится, то тупо молчитъ. Неразъ приходилось всей семьѣ голодать, такъ какъ, въ припадкѣ гнѣва, она запирала все на ключъ, и никому не давала провизіи... Тогда приходилось Никанору отправляться на охоту, въ птичникъ—стрѣлять домашнюю птицу къ обѣду...

За это Никанора распекала разгнѣванная хозяйка, а онъ мстилъ ей тѣмъ, что, вмѣстѣ съ ея супругомъ, распѣвалъ, въ ея присутствіи, собственнаго сочиненія куплеты (см. выше 675 стр.) о любви ея мужа къ „подлой дѣвочкѣ".

Разсказъ Никанора объ уродливой жизни въ этомъ любопытномъ домѣ дышитъ необыкновенною жизненностью: рядомъ съ семейными дрязгами, здѣсь передъ нами раскрывается жизнь, широкая, сытная, распущенная, беззаботная,—жизнь, близкая къ мужицкой... Пикники съ угощеніями, хоры своихъ домашнихъ пѣсенниковъ, пьянство съ утра до вечера...

Отъ перваго брака была у этого помѣщика красавица-дочь; ее Никаноръ училъ рисовать. Учителемъ онъ оказался очень снисходительнымъ: „неправильные рисунки" „штрафовалъ" тѣмъ, что цѣловалъ пальчики своей ученицы; а если она начинала спорить, то „штрафовалъ" поцѣлуями и „губки"... Въ результатѣ, между ними возгорѣлась любовь,—впрочемъ, самая возвышенная и чистая...

„Въ непродолжительномъ времени любовь сердца наши такъ крѣпко соединила, что мы другъ за друга вѣрно умирать не отрекались; ибо чистота, или непорочность любви нашей, часъ отъ часу, усугубляла въ сердцахъ нашихъ любовный жаръ" [190].

Влюбленная дѣвица на зарѣ любила играть на клавикордахъ, и Никаноръ, подъ предлогомъ занятій рисованіемъ, сталъ къ ней являться въ комнату очень рано... Мачиха изловила его въ моментъ любовныхъ его объясненій, и онъ былъ торжественно изгнанъ изъ дома. На прощаніе, сочинилъ онъ трогательную элегію.

„Ещель мой духъ во мнѣ остался?.. Ещели во смертныхъ числюсь я?" [191]—и пр.

Въ это время онъ узналъ, что жена разыскиваетъ его по одному дѣлу, которое вела она въ петербургскомъ судѣ. Онъ поѣхалъ съ нею.

„Наняли мы квартеру въ большой Морской улицѣ, цѣною по 6 р. на мѣсяцъ... Можнобъ сыскать намъ нанять квартеру и подешевле, въ другихъ мѣстахъ, но обстоятельства того требовали, чтобъ быть ближе къ тѣмъ мѣстамъ, куда надобно намъ было ходить за онымъ дѣломъ“ [192].

Дѣло не выгорѣло... Деньги всѣ были истрачены. Жена уѣхала. Никаноръ остался одинъ въ Петербургѣ, безъ денегъ и безъ мѣста... Чтобы прокормиться, онъ все продалъ—пришлось ему пѣшкомъ идти въ Москву. По пути онъ голодаетъ.

И вотъ, спасая себя отъ голодной смерти, сталъ онъ на постоялыхъ дворахъ гадать по рукѣ, и за это его кормили.

„Хотя мнѣ было весьма совѣстно, что я обманываю любопытныхъ женщинъ,—но иного способа для пропитанія себя въ дорогѣ найти я не могъ“ [193].

По дорогѣ забрелъ онъ въ село раскольниковъ; никто его не принималъ къ себѣ; тогда онъ—

„Съ досады на оныхъ жителей сдѣлалъ съ ними такой поступокъ, которой дѣлаютъ также и лицемѣры“—разыгралъ изъ себя раскольника, прогнаннаго со службы [194].—

Оказалось, въ дѣтствѣ Никаноръ учился у дьячка-раскольника и усвоилъ отъ него нѣкоторые пріемы раскольничьихъ начетчиковъ. Хитрость удалась,—на его „собесѣдованія“ собралось много народа, и всѣ съ благоговѣніемъ слушали его рѣчи... Въ результатѣ, онъ оказался и накормленнымъ, и съ деньгами...

„Я, примѣтя оное, весьма огорчился, разсуждая о ихъ простосердечіи и заблужденіи, но при томъ и разсмѣялся, воображая себя и цыганомъ, и лицемѣромъ, которыхъ должность нужда нести меня привлекла“ [195].

Добравшись до Москвы, онъ узналъ, что дочь его умерла, жена—неизвѣстно гдѣ... Никаноръ совсѣмъ растерялся—

„Горесть моя такъ сильно меня сразила, что я не въ силахъ былъ стараться о пропитаніи себѣ; и не только не стало у меня охоты идти куда-нибудь въ учители, но и жизнь моя мнѣ въ тягость стала“ [196].

Пробовалъ онъ, было, съ горя заколоться, но шпагу у него отняли, — хотѣлъ купить ружье, чтобы застрѣлиться, но на покупку не хватило денегъ...

Тогда онъ рѣшилъ —

„...продать мундиръ свой старенькій, который, однако, былъ изъ тонкаго сукна, при томъ же и невороченъ, то я казалъ оной мундиръ ямщикамъ,—не купятъ ли его у меня для себя на шапки“... [197].

Кончилось дѣло тѣмъ, что Никаноръ промѣнялъ у ямщиковъ свой мундиръ на старую шубенку, взявъ въ придачу еще одинъ рубль, на который и купилъ себѣ пистолетъ, пороху и дроби (sic)—но застрѣлиться все же не успѣлъ: его разбилъ параличъ *)...

Такова эта замѣчательная повѣсть, въ которой Wahrheit русской жизни лишь слегка прикрашена Dichtung'омъ романическаго характера.

Въ русскихъ мемуарахъ XVIII-го вѣка можно найти немало данныхъ, подтверждающихъ правдивость тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ сложились детали жизни этого многострадальнаго Никанора.

Болотовъ, напримѣръ, рисуетъ, со свойственной ему талантливостью, нѣсколько образовъ, очень напоминающихъ Никанора: въ одномъ дворянскомъ домѣ онъ встрѣтилъ —

„пріѣхавшаго также въ гости одного старичка, знающаго нѣмецкій языкъ и нѣкоторыя другія науки... Какой, собственно, былъ онъ человѣкъ, того не могу теперь сказать,—только отчасти помню, что онъ разсказывалъ о себѣ, якобы былъ онъ дворянской породы,—находился множество лѣтъ гдѣ-то въ полону и, возвратясь оттуда и не имѣя нигдѣ пристанища, проживалъ въ дворянскихъ домахъ и учивалъ дѣтей ихъ наукамъ... Старичекъ сей показался мнѣ очень разуменъ, и, что всего для меня пріятнѣе, былъ великій читатель книгъ. Онъ разговаривалъ со мною о книгахъ и о другихъ разныхъ вещахъ,—рекомендовалъ мнѣ, въ особенности, одну, вновь вышедшую тогда книгу—„Аргеніду". Сію книгу превозносилъ онъ безчисленными похвалами, и говорилъ, что въ ней все можно найтить—и политику, и нравоученіе, и пріятность"...

„Еще-жъ хвасталъ онъ, что разумѣетъ хиромантію, и можетъ по рукамъ узнавать все будущее. Но послѣ оказалось, что онъ едва-ли о сей наукѣ имѣлъ какое-нибудь свѣдѣніе!" 198.

Въ запискахъ того же Болотова встрѣчаемъ мы еще нѣсколько сходныхъ образовъ: напримѣръ,—

„Подлѣ его сидѣлъ какой-то старичишка, съ превеликими взлизами на головѣ, въ набойчетомъ замаранномъ халатишкѣ и подпоясанный подпояскою. Сказывали мнѣ, что это—какой-то тутошній житель, надъ которымъ г. Рахмановъ подшучиваетъ" 199.

Еще два факта изъ записокъ того же Болотова —

„Яковъ Васильевичъ Писаревъ былъ матери моей двоюродный братъ и человѣкъ недальней бойкости. Онъ служилъ въ войскѣ низкимъ чиномъ и, поелику онъ не умѣлъ и грамотѣ, то и отставленъ таковымъ же... Жилъ онъ отъ насъ верстъ десять, имѣлъ самый малый достатокъ,

---

*) Въ концѣ романа (у меня со стр. 689) авторъ спутываетъ разсказъ героя со своимъ собственнымъ повѣствованіемъ.

и мать моя, сколько по родству, столько же за то любила, что онъ былъ веселаго и шутливаго нрава и въ компаніи не скученъ. А, впрочемъ, ничего дальняго отъ него требовать было не можно. Жена его была старушка самая шлюпечка и человѣкъ препростой" [200].

„Третью особу составлялъ также весьма бѣдный дворянинъ, по имени Максимъ Ивановичъ Картинъ... Онъ былъ напростѣйшій старичекъ и сущая курочка. Онъ служилъ въ гвардіи солдатомъ и отставленъ капраломъ и помнилъ еще самую старинную службу. Мать моя любила его за простосердечіе и тихій нравъ, и была тѣмъ довольна, что они къ ней часто пріѣзжали, и у нея по нѣскольку дней отъ скуки гащивали" [201].

Въ другихъ мемуарахъ тоже нельзя обрисовывается характерный образъ такого „нахлѣбника",—или въ видѣ старика, живущаго въ домѣ богатаго помѣщика,—или въ видѣ мелкопомѣстнаго дворянина, потѣшающаго своихъ милостивцевъ-богатыхъ дворянъ.

„Жилъ у насъ почти постоянно бѣдный сосѣдъ,—помѣщикъ двадцати душъ, Александръ Васильевичъ Козыревъ. Онъ сблизился еще въ дѣтствѣ съ моимъ дѣдомъ; мать моя и мы всѣ росли на его глазахъ, и онъ привыкъ смотрѣть на наше семейство, какъ на свое собственное. Его маленькаго дохода не доставало бы на его скромныя издержки, но онъ твердо зналъ, что Толычевскія кладовыя всегда для него открыты. Отъ моего дѣда,—но только отъ него одного,—онъ принималъ все, но всякое постороннее пособіе было бы имъ отвергнуто. Онъ рано привыкъ къ характеру дѣдушки и ни мало не оскорблялся его безцеремонными выходками, зная, что онѣ одинаково относятся ко всѣмъ. Но, несмотря на то, что дѣдъ мой никогда не останавливалъ мысли своей на томъ, что онъ даетъ, а тотъ принимаетъ,—несмотря на то, что, выросши съ Александромъ Васильевичемъ, ему никогда въ голову не приходило измѣрить разницу, положенную между ними состояніемъ и общественнымъ положеніемъ, не говоря уже о томъ, что въ немъ, вообще, не было ни малѣйшей искры чванства,—эта разница проглядывала невольно въ ихъ отношеніяхъ, помимо, можетъ быть, ихъ собственнаго сознанія... Александръ Васильевичъ, по принятой съ дѣтства привычкѣ, говорилъ моему дѣдушкѣ *вы*,—между тѣмъ, какъ тотъ говорилъ ему *ты*, какъ и всѣмъ... Случалось иногда, что дѣдъ, приходя въ садъ послѣ обѣда, находилъ уже тамъ Александра Васильевича, ожидавшаго его на зеленой скамейкѣ, и Козыревъ, увидя его издали, торопился уступить ему обычное мѣсто, и садился самъ на другой уголъ скамьи. Они родились въ разныхъ слояхъ общества, получили различное воспитаніе, и жили въ разныхъ совершенно средахъ. Между ними было мало общаго,—самая привязанность, которую они питали другъ къ другу, носила совершенно различный характеръ. Ихъ соединяла не симпатія, но привычка, и дорогія воспоминанія дѣтства и молодости".

„Какъ теперь гляжу я на Александра Васильевича. Онъ былъ худощавъ и небольшаго роста. Остатки бѣлыхъ волосъ торчали на вискахъ

и хохломъ на лбу... Толстыя губы и маленькіе голубые глаза придавали его вѣчно-улыбающемуся лицу самое добродушное выраженіе. Онъ, обыкновенно, носилъ синій сюртукъ, черный жилетъ и большіе серебряные часы на голубой бисерной цѣпочкѣ. По совѣту Левона, онъ постоянно пускалъ въ нихъ конопляное масло, чтобъ колесо не заржавѣло, повѣрялъ ихъ каждый день по солнцу, и все удивлялся, что они идутъ невѣрно. По воскресеньямъ онъ мѣнялъ сюртукъ на синій фракъ, и черный жилетъ—на бѣлый. Толстая суковатая палка въ рукахъ дополняла его костюмъ. Онъ былъ женатъ, но уже давно разстался съ женой, вслѣдствіе какого-то драматическаго событія, не оставившаго, впрочемъ, на немъ никакихъ слѣдовъ. Такого счастливаго характера мнѣ не приходилось уже встрѣчать,—онъ былъ всегда въ духѣ, и достаточно было малѣйшей бездѣлицы, чтобъ возбудить въ немъ неистощимую веселость. Особливо, когда ему случалось упасть,—а это случалось довольно часто,—онъ о своемъ паденіи толковалъ цѣлый день съ громкимъ хохотомъ".

„Вотъ не думалъ, не гадалъ... Иду изъ Левонова флигеля,—да и засмотрѣлся на облака... думалъ, не будетъ ли дождичка, а тутъ дворовые, на бѣду, холстину разостлали бѣлить... И въ нее запутался, да какъ шлепнулъ!..“ И опять хохотъ.—„Нечему смѣяться“—говорилъ съ досадой дѣдъ,—„въ наши съ тобою годы пора бы постепеннѣе быть!.. Ну что, еслибъ ты расшибся?“—„Да вотъ не расшибся!..“ У Александра Васильевича оставались всего два зуба, которымъ онъ былъ обязанъ многими веселыми минутами. Онъ находилъ, что выдернуть ихъ жаль,—благо они держатся,—но такъ какъ они шатались, что мѣшало ему ѣсть, онъ вздумалъ ихъ связывать вмѣстѣ бѣлымъ шелкомъ".

„Каково?“—говаривалъ онъ почти каждый разъ послѣ обѣда,—„выпросилъ я вчера шелковинку у дѣвушекъ, да зубы связалъ крѣпко-накрѣпко,—ну, думаю себѣ, теперь надолго!.. А сегодня ужъ шелковинку-то поминай какъ звали!.. Съ супомъ съѣлъ!.. Должно быть, вкусна показалась“. И онъ опять начиналъ смѣяться... Онъ, обыкновенно, сидѣлъ напротивъ моего дѣда, у противоположной стѣны, опираясь руками на свою палку, а подбородкомъ на руки... Старики толковали о послѣднихъ газетныхъ новостяхъ или о Москвѣ, гдѣ Александръ Васильевичъ не бывалъ съ чумы“ [202].

Еще примѣръ—

„Тихонъ Ѳедоровъ былъ сынъ кругловскаго дьячка и, еще бывъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, хаживалъ въ домъ Махониныхъ играть съ молодымъ барчукомъ. Когда же Николай Степановичъ, выйдя въ отставку, поселился въ Кругломъ хозяйничать и встрѣтился съ нимъ, какъ уже со старымъ знакомымъ, онъ умѣлъ поддѣлаться и къ Варварѣ Степановнѣ, и сталъ у нихъ человѣкомъ домашнимъ и вполнѣ необходимымъ. Съ Николаемъ Степановичемъ ходилъ онъ на охоту, толковалъ о хозяйствѣ, или балагурилъ, разсказывая всякій вздоръ, какой, бывало, взбредетъ ему на умъ... Съ Варварой же Степановной разговаривалъ болѣе о религіозныхъ предметахъ,—читалъ ей Четьи-Минеи, или бесѣдовалъ съ ея странниками и богомолками... Онъ былъ большой краснобай и имѣлъ даръ говорить безъ умолку въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду, что, при праздной жизни Махони-

ныхъ, главнымъ образомъ, и было причиною, почему они такъ дорожили его сообщестномъ. Рѣдкій день не навѣщалъ онъ ихъ,—съ ранняго утра раздавался изъ передней его басистый говоръ... „Загудѣлъ!"— говорилъ, пріятно улыбаясь, Николай Степановичъ. „Заиграли гусли!"— шептала себѣ подъ носъ, шевеля спицами, Варвара Степановна".

„Люди, подобные Тихону Ѳедорову, въ захолустной помѣщичьей жизни стараго времени попадались почти на каждомъ шагу,—рѣдкій помѣщичій домъ не имѣлъ своего Тихона Ѳедорова... Являлись они то въ видѣ бѣднаго, большею частію, промотавшагося дворянина, или бездомной дворянки,—то не кончившаго курсъ семинариста, или выключеннаго за пьянство изъ службы чиновника... Между ними зачастую попадались люди далеко не тупые, даже талантливые... Обязанность, или профессія ихъ была тѣшить праздную барскую лѣнь и краснобайствомъ своимъ, а иногда скоморошествомъ коротать время" [203].

Еще примѣръ—

„Второй сосѣдъ и охотникъ былъ изъ с. Введенскаго—П. В. Матвѣевъ. Сей не былъ еще богатъ, какъ нынѣ онъ сдѣлался; и, помня, что онъ не потомокъ славныхъ Матвѣевыхъ, боярина А. С. Матвѣева,—не церемонился много, и часто забавлялъ, бывало, родителя моего сраженіемъ съ псаремъ-Ѳедотомъ, по прозванію „Дедюля"... Сей Дедюля терпѣть не могъ, когда его называли „Гривной"; Матвѣевъ не переставалъ его дразнить; „Гривна" вышелъ разъ изъ терпѣнія,—погнался за Матвѣевымъ по полю съ арапникомъ... Матвѣевъ, карапузикъ, маленькій ростомъ и чрезвычайно безобразенъ,—брюхо необычайное,— какъ-то потерялъ равновѣсіе, полетѣлъ съ коня и вывихнулъ себѣ ногу... Тутъ шутка кончилась худо: „Гривну" отдули плетьми, и печально всѣ по домамъ разъѣхались, а Матвѣевъ мѣсяца три пролежалъ и насилу вылечился; съ тѣхъ поръ полно воевать съ Дедюлей!"

„Третій камрадъ на охотѣ былъ Ѳедоръ Артемьевъ Гнѣздиловъ, однодворецъ. Этотъ былъ настоящій умный шутъ, какъ всегда въ тотъ вѣкъ еще бывали при домахъ феодальныхъ господъ. Гнѣздиловъ всѣхъ умѣлъ имитировать очень ловко и передразнивать такъ похоже, что батюшка всегда много смѣялся. Особенно умѣлъ отлично представлять богатаго сосѣда, дурака Чулкова,—какъ онъ умывается и чиститъ зубы по нѣсколько часовъ сряду... Этотъ же Гнѣздиловъ былъ не пьяница, но только не безкорыстный" [204].

Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ семьяхъ роль нахлѣбника не была особенно унизительной,—они часто являлись въ роли друзей дома, иногда дать мудрыхъ совѣтниковъ въ трудныя минуты... Но во многихъ домахъ имъ отводилась оскорбительная роль домашнихъ шутовъ, или шутихъ [205]. Въ лучшемъ случаѣ, выступали они въ роли „разсказчиковъ"-„бахарей", развлекающихъ своими повѣствованіями скучающихъ русскихъ бояръ...

Судьба дворянина-Винскаго, бойко вступившаго въ жизнь, но скоро промотавшагося и даже павшаго въ моральномъ отношеніи,

нѣсколько сходна съ жизнью Никанора,—ему такъ же пришлось сдѣлаться учителемъ, потомъ нахлѣбникомъ и „разсказчикомъ...“ [206].

Въ русской литературѣ XIX-го столѣтія мы встрѣтимъ художественное развитіе этого типа. (Ср., напримѣръ, типъ „нахлѣбника“ въ комедіи Тургенева: „Нахлѣбникъ“; также его „Пѣтушкова“). Отчасти сродни этому типу и гоголевскій Акакій Акакіевичъ, и соотвѣтствующіе герои Достоевскаго...

Если въ разбираемомъ романѣ нѣтъ еще ясной проповѣди любви къ униженнымъ и оскорбленнымъ, то стремленіе русскаго романиста XVIII-го вѣка,—стремленіе, быть можетъ, безсознательное,—именно къ тому пути, на которомъ, въ слѣдующемъ столѣтіи, должна была опредѣлиться одна изъ характерныхъ чертъ оригинальнаго русскаго романа, — явленіе, во всякомъ случаѣ, знаменательное...

Бытовую цѣнность въ этомъ романѣ имѣетъ также образъ помѣщика, — любителя хорового пѣнія и плясокъ. Въ запискахъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го неразъ встрѣтимъ мы факты, свидѣтельствующіе, что въ то время даже жители столицы иногда не могли отстать отъ подобныхъ деревенскихъ развлеченій. Вотъ, что читаемъ мы въ однихъ мемуарахъ —

„...жизнь шла, какъ по маслу... Сытный столъ ежедневно готовился на тридцать и болѣе особъ разнаго званія и пола... Въ шесть часовъ кончался обѣдъ... Потомъ окна на Невскій (жилъ подполковникъ въ самомъ Петербургѣ) закрывались ставнями, и начиналась потѣха... Музыканты, пѣсенники, буфетъ... Предъ попойкой, обыкновенно, хоромъ кантъ: „Братья, рюмки наливайте,—осушайте въ рюмкахъ дно!..“ Потомъ пляски и пѣсни... Наскучитъ—въ разсыпную... Въ залѣ настелютъ мягкихъ ковровъ, сядутъ на нихъ чинно рядышкомъ и затянутъ любимую: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Когда и это надоѣло,—готова другая забава: въ теплой комнатѣ можно щеголять въ Адамовомъ костюмѣ“ [206].

Въ воспоминаніяхъ Ростиславова встрѣчаемъ такой разсказъ:

„...по вечерамъ у насъ были другого рода удовольствія: играли въ карты,—въ разныя другія русскія деревенскія игры, но любимымъ занятіемъ были свадебныя и другія пѣсни“.

„У сестеръ моихъ были прекрасные голоса; онѣ приглашали подругъ; къ этимъ присоединялись нѣкоторые мужчины и женщины. И когда, бывало, запоютъ общимъ хоромъ стройно, живо, какую-либо удалую пѣсню, то, по пословицѣ, косточки начинали сами похаживать!“ [207].

Въ другихъ мемуарахъ читаемъ —

„...по вечерамъ часто собирался въ сосѣдней комнатѣ домашній оркестръ, и, если были гости, то устраивались танцы; когда же призывали пѣвчихъ, то, такъ какъ въ хорѣ участвовали и дѣвушки, то хоръ устраивался въ гостиной, но, въ такомъ случаѣ, хоръ исполнялъ не

церковную музыку, а русскія и другія пѣсни, между которыми было много не только двусмысленныхъ, но даже прямо непристойнаго содержанія. Изъ нихъ у меня осталась въ памяти очень пріятная, въ мелодическомъ отношеніи, пѣсня: „Сзади іорникъ шелъ пѣшкомъ“... Собственно, содержаніе ея состоитъ изъ набора фразъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего шокирующаго, но мелодія составлена такъ, что въ концѣ каждаго куплета первый стихъ разсѣкается долгою нотою, отъ чего выходитъ самое площадное сквернословіе“.

„...И это пѣлось хоромъ мужчинъ и дѣвушекъ,—не только при всей семьѣ нашей, но и при гостяхъ, если только между ними не было дамъ... Вообще, существовала цѣлая рукописная литература подобнаго рода стихотвореній и пьесъ, неизвѣстно кѣмъ составленная“.

„Цѣлый портфейль былъ ею наполненъ, и портфейль этотъ находился въ распоряженіи Ѳеоктисты Семеновны“ [208].

Приведенные факты позволяютъ утверждать, что во многихъ характерныхъ бытовыхъ деталяхъ разбираемаго романа приходится признать Wahrheit.

Dichtung въ этомъ романѣ сказался въ томъ, что̀, съ одной стороны, авторъ позаимствовалъ изъ старыхъ рукописныхъ романовъ, въ которыхъ дѣйствовали герои, въ родѣ кавалера-Александра, съ его аріями,—матроса Василія—а, съ другой стороны, что̀ имъ взято изъ литературныхъ произведеній типа „Приключенія Маркиза Г* “,—вліяніе этого романа и подобныхъ могло ему подсказать самую идею произведенія: прочтя печальную исторію похожденій французскаго дворянина, М. Комаровъ, очевидно, болѣе внимательно сталъ всматриваться въ родную жизнь—и, быть можетъ, въ разсказѣ какого-нибудь выбитаго изъ колеи дворянина, жалкаго „нахлѣбника“, услышалъ что-то знакомое... Въ результатѣ и получилась книга о „приключеніяхъ *россійскаго* дворянина Г.“ *). Такимъ образомъ, западная литература дала автору *типъ* произведенія, подсказала интересъ къ темѣ, старый рукописный романъ могъ дать нѣсколько деталей (напр. сочиненіе стихотвореній въ патетическія минуты),—русская жизнь дала содержаніе... Кромѣ того, авторъ, во многихъ случаяхъ, усвоилъ и литературный стиль новаго романа (Ср., напр., Эмина),—рядомъ съ живой русской раз-

*) Н. Львовъ въ предисловіи къ „Россійской Памелѣ“ объясняетъ, что чтеніе Ричардсона заставило его всмотрѣться въ русскую жизнь и тамъ *увидѣть*, то, что̀, несомнѣнно, существовало и раньше, но чего онъ прежде не замѣчалъ—наличность фактовъ, совершенно аналогичныхъ съ тѣми, о которыхъ повѣствовалъ Ричардсонъ... М. Комаровъ, авторъ „Несчастнаго Никанора“, заинтересовался, какъ мы увидимъ ниже, автобіографіей Ваньки Каина послѣ того, какъ ему въ руки попалась книга, повѣствующая о продѣлкахъ французскаго мошенника—Картуша.

говорной рѣчью, иногда даже нѣсколько вульгарной (ср., напримѣръ, выраженія: *побаробошилъ* = наскандалилъ; „все околесную *несешь*!“, „сдѣлать дебошъ“, „отсыпаться деньгами“, „содрать съ него деньги“ и пр.), съ живыми діалогами, вѣрно-передающими индивидуальность говорящихъ,—встрѣчаемъ мы патетическіе „литературные“ монологи, разговоры „съ самимъ съ собой“, восклицанія, преціозныя объясненія въ любви... Вводитъ авторъ и „судьбу“ („небо“) въ роли рѣшительницы жизни человѣческой —

„что опредѣлено бываетъ человѣку судьбой, то ужъ исполняется особливымъ случаемъ“ [209].

„какими странными и удивительными приключеніями немилосердое несчастье опровергнуло всѣ обнадѣянья и предпріятія“ [210].

„опредѣлено бываетъ ему небесами“ [211].

Любопытно, что эта „литературность“, съ нашей современной точки зрѣнія, несомнѣнно, только вредитъ художественности разсказа...

Когда авторъ просто повѣствуетъ намъ о разныхъ событіяхъ изъ жизни героя и лицъ, его окружающихъ,—факты сами краснорѣчиво рисуютъ намъ духовные облики всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, но когда онъ пытается ввести психологическіе пріемы для выясненія душевныхъ переживаній дѣйствующихъ лицъ, или хочетъ украсить ихъ рѣчи, найти для выраженія ихъ настроеній болѣе изящное воплощеніе,—мы сейчасъ же встрѣчаемся съ тѣмъ романическимъ Dichtung'омъ, который только портитъ впечатлѣніе: крѣпостная дѣвка, падающая изъ обморока въ обморокъ, произносящая патетическіе монологи, Никаноръ, отъ письма впадающій „въ прежестокую горячку“ [212],—всѣ его патетическіе монологи, восклицанія, жалобы вслухъ,—долженствующія, съ точки зрѣнія автора, доказать, до какой высокой степени душевнаго потрясенія дошелъ его герой,—звучатъ особенно дѣланно-фальшиво на фонѣ общаго эпически-спокойнаго, „мемуарнаго“, повѣствованія. Не только въ любовныхъ объясненіяхъ, но и въ описаніяхъ природы въ такой же мѣрѣ сказалась эта „литературность“.

Напр. —

„Между тѣмъ, дражайшая та ночь окончалась, и утренняя заря наступала... Зефиръ пріятной, колебая листы на древахъ густыхъ, отмѣннымъ своимъ и возражающимъ чувства терномъ сталъ восхищать наши мысли, а восклицающія въ рощѣ птички пѣніемъ своимъ начали услаждать намъ слухъ“ [213].

Тѣмъ не менѣе, эта „литературность“ въ романѣ все же совершенно блѣднѣетъ по сравненію съ богатымъ бытовымъ содержаніемъ его.

Не менѣе любопытны четыре, указанныя выше, повѣстушки М. Чулкова.

Первая изъ нихъ: „*Досадное пробужденіе*“, помѣщенная въ VI-ой части его „Русскихъ сказокъ“ [214], не представляетъ собою „повѣсти“, въ собственномъ значеніи этого слова,—передъ нами, на нѣсколькихъ страницахъ, лишь бѣгло охарактеризованъ „типъ“ бѣднаго, забитаго маленькаго чиновника,—образъ, опять заставляющій насъ вспомнить гоголевскаго Акакія Акакіевича Башмачкина... Но на этотъ разъ сходство этихъ героевъ простирается до того, что оба писателя берутся за изображеніе своего „неинтереснаго“ героя, очевидно, оба руководясь сознательнымъ желаніемъ вызвать къ нему сожалѣніе, — пробудить въ сердцѣ читателя чувство человѣчности... Такимъ образомъ, съ этимъ произведеніемъ Чулкова наша романическая литература XVIII-го вѣка сдѣлала большой шагъ впередъ, перейдя отъ полубезсознательнаго сочувствія къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ (въ „Несчастномъ Никанорѣ“)—къ сознательной проповѣди любви къ ближнимъ (въ повѣстушкѣ Чулкова)... Не стремленіе къ холодному морализированію заставило автора взяться за перо, — голосъ любви къ страдающему человѣку внушилъ ему это произведеніе!..

Привожу характерныя цитаты изъ этого любопытнаго разсказа Чулкова. Вотъ начало повѣсти—

„Природа не всѣхъ равно награждаетъ своими дарами: одинъ получаетъ отъ нея великій разумъ, другой—красоту, третій—способность къ предпріятіямъ и такъ далѣе... Но бѣдный Брагинъ забытъ былъ равно отъ природы, какъ и отъ щастія... Онъ произшелъ на свѣтъ человѣкомъ безъ всякихъ прикрасъ,—видъ его не плѣнялъ, разуму его не дивились и богатству не завидовали... Онъ не имѣлъ еще дому, хотя прожилъ на свѣтѣ 40 лѣтъ, и, по всѣмъ обстоятельствамъ, не было надежды, чтобъ удалось ему носить кафтанъ безъ заплатъ... Онъ сидѣлъ въ приказѣ... Утро писалъ, день пилъ, а ночью просыпался... Но сіе правило не было непремѣнно: онъ пилъ, когда случались просители... И, по особливому его щастью, уже лѣтъ съ пять, какъ герой нашъ былъ всегда съ похмѣлья.. Въ старину подъячихъ пьяницъ въ чины не производили, жалованья онымъ не давали,—они писали за договорную цѣну; и такъ Брагинъ, ничего не ожидая отъ времени, привыкъ къ своей участи: писалъ, выписывалъ и пропивалъ исправно...“

„Казалось, что судьба никогда о немъ не вспомнитъ,—ибо Брагинъ не кликалъ ее ни жалобами, ни досадою, ни благодарностью“ [215].

Однажды, послѣ протяжнаго гулянья Брагина, секретарь посадилъ его „въ желѣза“, т. е. привязалъ къ столу цѣпью... Онъ сталъ роптать, считая такое наказаніе слишкомъ строгимъ, —

„Я пью вино!“—думалъ онъ, опершись на свою руку—„я пью его для

того, что вкусъ онаго мнѣ нравится. Многіе пьютъ кровь своихъ ближнихъ,—однакожъ не всегда ихъ за сіе сажаютъ въ желѣзы!" 216.

Секретарь—говорилъ онъ—разоряетъ въ годъ до нѣсколькихъ десятковъ фамилій, —

„высасываетъ у всѣхъ жизненные соки и — гуляетъ на свободѣ... Онъ безчеловѣченъ, а я—другъ ближнимъ моимъ!.. Будь проклятъ секретарь и—здравствуй, любезное вино!.. мы съ тобою никогда не разстанемся!" 217.

Вдругъ явилась къ нему „прекрасная госпожа", одѣтая „на легкую руку"... Она заявила, что имѣетъ къ нему дѣло. —

„Брагинъ не дослушалъ ея словъ.—онъ подставилъ госпожѣ скамью, просилъ сѣсть, положилъ бумагу, справилъ перо и, дѣлая размахи надъ бумагою, спрашивалъ, что̀ писать и на кого..." 218.

Узнавъ отъ пришедшей госпожи, что документъ, который придется ему составить, будетъ „различествовать отъ обыкновеннаго образца, коимъ просятъ имярекъ на имярека", — Брагинъ былъ сразу сбитъ съ толку необычностью формы этой бумаги и, пораженный, воскликнулъ: „Какъ различествовать?.. челобитную твою не примутъ!"

Госпожа диктуетъ ему рядъ вопросовъ.

„Отъ чего набогащаются тѣ, коимъ Государь ничего не жаловалъ,—наслѣдства не доставалось, приданаго за женами не брали и промысловъ не имѣли, а были только у порученныхъ должностяхъ?"—„Чрезъ что̀ получили нѣкоторые недвижимыя и движимыя имѣнія, когда предки ихъ и сами они хаживали въ лаптяхъ?" и т. д. „Отъ чего приставленные къ пріемамъ и выдачамъ не сводятъ расхода съ приходомъ?"—„Отъ чего у васъ въ приказѣ лѣтъ по 50 лежатъ дѣла нерѣшенныя?" 219 и пр.

Оказалось, эта госпожа была сама богиня-Фортуна. Она освобождаетъ Брагина изъ цѣпей и зоветъ его съ собою. Онъ съ радостью идетъ. —

„Ожидая не меньше, какъ получить цѣлую вина бочку; ибо желанія человѣческія замыкаются, обыкновенно, въ предѣлахъ обстоятельствъ, въ которыхъ оныя находятся" 220.

Но богиня дала ему нѣчто-бо̀льшее — очарованную шапку: стоило чего-нибудь пожелать, — и все, благодаря этой шапкѣ, можно было получить.

Брагинъ, первымъ дѣломъ, сталъ ходить по кабакамъ и пить вездѣ безденежно. У него завелись теперь и пріятели, которыхъ онъ поилъ и кормилъ... Жизнь онъ повелъ въ свое удовольствіе, разсуждая при этомъ такъ:

„Высшимъ завидуютъ, низшихъ притѣсняютъ,—а я не хочу быть ни притѣснителемъ, ни притѣсняемымъ" 221.

Потомъ онъ пожелалъ быть красавцемъ—и вотъ —

„Въ одно мгновеніе багровый и угреватый его носъ учинился наилучшимъ изъ всѣхъ бывшихъ нѣкогда въ чести у римлянъ!.. Сывороточно-сѣрые его глаза обратились въ пару черныхъ, блистающихъ очей“ 222.

„Прекрасны сдѣлались уста, цвѣтъ лица... Исчезли въ зубахъ щербины, произведенныя смѣлою рукою ражаго мясника на послѣднемъ кулачномъ сраженіи“ 223.

Онъ сразу помолодѣлъ на 20 лѣтъ, оказался одѣтымъ въ богатый костюмъ.. И вотъ, любуясь собою, „сталъ онъ на берегу тихаго тока рѣки“.

Вдругъ пріѣзжаетъ къ нему красавица,—она укоряетъ его въ холодности, и хочетъ броситься въ воду... Онъ сразу влюбляется въ нее; она падаетъ въ обморокъ... Происходитъ объясненіе въ любви. Эта госпожа оказалась все той же богиней счастья... И вотъ, онъ сдѣлался ея женихомъ... Была сыграна богатая свадьба. Въ его дворцѣ собралось пировать много гостей.

„Одни представляли совершенныхъ героевъ, другіе — добродѣтельныхъ и набожныхъ, но бо́льшая часть казалась быть наглыми забіяками... Съ блюдъ раздавала сама богиня, зажмурясь,—отъ чего произошло, что добродѣтельнымъ достались однѣ только бумажки; малопросящіе получили съ первыхъ блюдъ, забіяки расхватали все, что̀ къ нимъ было близко, а набожные удовольствовались деньгами“ 224.

Кончился свадебный пиръ дракой. Гости срывали шапки другъ съ друга... Всѣ успокоились, когда былъ поданъ напитокъ, носившій названіе: „Забвеніе себя“.

Послѣ пира богиня хотѣла скрыться, но Брагинъ схватилъ ее и держалъ крѣпко, приговаривая:

„А! теперь уже ты не вырвешься! я поймалъ мое щастіе!“ сказалъ онъ, схватя ее въ объятія и прижавъ къ груди своей“.

„Что̀ за чортъ валяется?“—кричалъ одинъ изъ дозо́рныхъ къ человѣку, лежащему въ грязи и схватившему за ногу свинью.—Ето былъ почтенный супругъ Щастія,—жалости достойный Брагинъ, который, ввечеру возвращаясь съ кабака, упалъ въ лужу и почивалъ бы спокойно въ оной до свѣта, есть-ли бъ свинья, по обонянію, не добралась къ нему въ объятія, тронувъ губы его своимъ рыломъ“ 225.

„Изъ сего видно, что щастіе не всѣмъ дозволяетъ ловить себя въ явѣ,—многіе видятъ оное только во снѣ, хотя, впрочемъ, существенность онаго на свѣтѣ семъ зависитъ отъ воображенія“ 226.

Въ другомъ разсказѣ: „*Горькая участь*“ разсказана жизнь крестьянина-неудачника.

„Крестьянинъ, пахарь, земледѣлецъ—всѣ сіи три названія, по преданію древнихъ писателей,—въ чемъ и новѣйшіе согласны,—означаютъ главнаго отечеству питателя во время мирное, а въ военное, крѣп-

каго защитника, и утверждаютъ, что государство безъ земледѣльца обойтися такъ, какъ человѣкъ безъ головы жить, не можетъ".

„Витязь повѣсти сей, крестьянинъ Сысой Фофановъ, сынъ Дурносоповъ, родился въ деревнѣ, отдаленной отъ города, воспитанъ хлѣбомъ и водою, бывъ повитъ прежде пеленами, которыя, тонкостію и мягкостію своею, немного уступали пыновкѣ,—лежалъ на локтѣ, вмѣсто колыбели, въ избѣ, лѣтомъ жаркой, а зимой дымной... До десятилѣтняго возраста своего ходилъ босикомъ и безъ кафтана, претерпѣвалъ равномѣрно лѣтомъ несносный жаръ, а зимою нестерпимую стужу... Слѣпни, комары, пчелы и осы, вмѣсто городского жиру, во времена жаркія наполняли тѣло его опухолью... До двадцати пяти лѣтъ, въ лучшемъ уже убранствѣ противъ прежняго,—то есть въ лаптяхъ и въ сѣромъ кафтанѣ ворочалъ онъ на поляхъ землю глыбами и въ потѣ лица своего употреблялъ первобытную-жъ свою пищу,—то есть, хлѣбъ и воду со удовольствіемъ... Имѣлъ намѣреніе жениться, для чего и сватался на многихъ сосѣдственныхъ дѣвкахъ, но ни одной за его не отдавали, по причинѣ той, что былъ онъ крайне не завиденъ,—мало-предпріимчивъ, а, простѣе сказать,—простофиля" [227].

Сельской жизни Чулковъ не идеализируетъ —

„Зависть и ненависть тѣжъ самыя и между крестьянами, какія бываютъ между гражданами. Но, какъ крестьяне чистосердечнѣе городскихъ жителей, то сіи пороки въ нихъ примѣтнѣе бываютъ, нежели въ тонкихъ политикахъ, обитающихъ при дворѣ и въ городѣ" [228].

Затѣмъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ деревенскихъ „кулаковъ"... По его словамъ —

„Такіе сельскіе жители называются „съѣдугами",—богатѣютъ на счетъ односельчанъ, берутъ ихъ въ кабалу, давъ деньги въ займы, и запрягаютъ ихъ въ свои работы такъ, какъ воловъ въ плуги... Гдѣ таковыхъ два, или одинъ, то вся деревня составлена изъ бѣдняковъ,—для того, что сѣвъ, жатва и сѣнокосъ должниками его убираются прежде, а тѣ всегда сѣномъ своимъ опоздать должны... И когда опоздали сѣять, то убирать уже будетъ нечего, а затѣмъ и остаются въ вѣчномъ долгу у съѣдуги!" [229].

Вотъ такіе-то „съѣдуги" и рѣшили отдать Сысоя „за вотчину въ солдаты" и привезли его въ городъ, —

„гдѣ Сысой въ первый еще разъ увидѣлъ прямыя улицы, регулярное строеніе и политичныхъ людей разнаго покроя и разныхъ цвѣтовъ во одѣяніи!" [230].

Онъ былъ отправленъ на медицинскій осмотръ. Здѣсь его сначала забраковали —

„примѣря, сказали: „малъ ростомъ", а лѣкарь закричалъ: „тонки ноги!" Утромъ, однако, его опять повели на осмотръ, при чемъ „на темя его положено было нѣсколько угомонной монеты"—„чѣмъ Сысой пришелъ въ указную мѣру, и за одну ночь икры потолстѣли" [231].

Пріемщикъ, ничего „натурой" при рекрутѣ не принялъ, а потребовалъ и за платье, и за провіантъ деньгами...

Такъ Сысой сдѣлался солдатомъ и былъ отправленъ въ дѣйствующую армію, —

„куда съ прочими препровожденъ былъ мірскимъ подаяніемъ, не получая ни одежды, ни провіанта отъ командующаго офицера, котораго они и въ глаза не видали во всю дорогу... А догналъ онъ ихъ, не доѣзжая до арміи верстъ со сто, или еще того меньше... Изъ пяти сотъ человѣкъ дошло до арміи не съ большимъ пятьдесятъ, а прочіе разбѣжались и померли".

„Офицеръ подалъ рапортъ, что, за малоимѣніемъ команды, рекруты въ разныя времена бѣжали. Его отдали подъ судъ, а рекрутъ причислили къ командѣ лишенныхъ всего, имъ принадлежащаго,—ибо у командовавшаго ими офицера, при арестованіи его, ничего не отыскано, а слухъ носился, что онъ припряталъ все подалѣ" [232].

Сысой, обучившись артикулу, былъ на трехъ приступахъ „изряднымъ солдатомъ"... Но въ бою потерялъ правую руку, и потому вышелъ въ чистую отставку и отправился домой съ котомкой.

„Сія котомка въ пути его не обременяла, понеже находилась въ ней рубашка, галстукъ и десять копѣекъ денегъ мѣдною монетою, изъ которыхъ тратилъ онъ на столовые припасы" [233].

„Путешествіе его изъ арміи на мѣсто рожденія не столь было славно и достопамятно, какъ путешествіе Бовы Королевича изъ царства Додона Додоновича во владѣніе Кирбита Верзауловича, родителя Милокрасы Кирбитовны,—или славнаго рыцаря Петра, златыхъ ключей — во владѣніе прекрасной королевы Магилены Неаполитанской,—слѣдовательно, такова прилѣжнаго описанія и не требуетъ".

„Довольно сказать и того, что онъ достигъ до онаго подаяніемъ доброхотныхъ дателей" [234].

„При разсвѣтаніи зимняго дня, въ день Рождества Христова, во время заутренняго пѣнія, пришелъ онъ къ своему приходу и, на ряду съ прочими, вошелъ въ церкву помолиться" [235].

Онъ надѣялся увидѣть въ церкви отца и мать, но ихъ тамъ не оказалось.

Тогда онъ пошелъ домой и увидѣлъ, что двери его дома были на запорѣ... Онъ долго не могъ отпереть дверей. Подозрѣвая неладное, онъ позвалъ свидѣтелей и, сломавъ съ ними ворота, вошелъ—

„передъ крыльцомъ висѣлъ баранъ, до половины освѣжеванной, подлѣ котораго на перилахъ, у спуску крылечнаго, лежалъ окровавленный ножъ".

„Неподалеку хозяинъ висѣлъ удавленный. Въ избѣ разбросаны обгорѣлыя дрова, и по срединѣ полу лежала хозяйка, голова у которой прорублена была топоромъ, который и лежалъ подлѣ ея окровавленный; за занавѣскою, въ повѣшенной колыбели, лежала зарѣзанная по горлу дѣвочка, мѣсяцевъ трехъ спеленанная, а подлѣ ея—окровавленный ножъ... Въ печи нашли мальчика, лѣтъ четырехъ, — мертваго, у коего

волосы на головѣ всѣ сотлѣли и мѣстами отъ жару истрескалось тѣло. На лавкѣ лежало платье хозяйское" [236].

Заплакалъ Сисой, оставшійся сиротой...

Между тѣмъ, по поводу случившагося въ деревнѣ пошли различные толки—одни говорили, что семья вырѣзана разбойниками,—другіе, люди „основательнѣе", утверждали, что все это—проказы домового.

„Старухи вѣрили больше послѣднему,—творили молитву, спрашивали у стариковъ, не грѣхъ ли къ убитымъ прикасаться" [237].

Наконецъ, толковали, толковали,—составили рапортъ, послали въ городъ за властями... Такъ какъ дѣло это произошло на Пасху, то —

„въ разсужденіи столь великаго праздника, всѣ судьи и секретари изъ города были отсутственны и находились по деревнямъ окольныхъ дворянъ, а дневальные приказные служители отъ принятія того рапорта отозвались" [238].

Только черезъ шесть недѣль принятъ былъ, наконецъ, рапортъ, и изъ города присланъ былъ чиновникъ для разбора этого казуснаго дѣла. Посланный рѣшилъ дѣло скоро,—

„По осмотру его и по обыску оказалось, что—„крестьянинъ, напившись въ праздникъ пьянъ, порубилъ свою семью, и самъ, упавъ съ крыльца, ушибся". А, подавая сей рапортъ, примолвилъ: „крестьяне, де, государственные, то вдаль слѣдствія быть не можетъ". Почему данною резолюціею и велѣно: „съ прописаніемъ того рапорта отрапортовать верхнему присутственному мѣсту", а дѣло, „исключа изъ реестра нерѣшенныхъ дѣлъ, числить рѣшеннымъ къ отдачѣ въ архивъ" [239].

Такова судьба всѣхъ „дѣлъ затруднительныхъ"—иронизируетъ, по поводу такого мудраго рѣшенія, авторъ. „Непросвѣщеніе и недосуги судейскіе безъ изслѣдованія погребаютъ во тьмѣ невѣдѣнія и важнѣйшія сего" [240]—говоритъ онъ.

За объясненіе загадочнаго дѣла взялись, наконецъ, „ученые". Послѣ долгихъ споровъ, они пришли къ заключенію, что четырехлѣтній младенецъ, будучи во снѣ испуганъ „привидѣніемъ соннымъ", взялъ ножъ, съ которымъ нерѣдко у баловницъ-матерей и отповъ ребята, играя ими, засыпаютъ—и зарѣзалъ ребенка, лежавшаго въ колыбели. Опомнившись, мальчикъ испугался и спрятался въ печь... Хозяинъ и хозяйка проснулись рано, приготовили праздничное платье... Хозяинъ пошелъ „свѣжевать барана", а хозяйка загопила печь, не замѣтивъ, что тамъ сидитъ мальчикъ. Тотъ „несмысленной мальчикъ не смѣлъ въ печи поворохнуться отъ страху". Потомъ онъ закричалъ, и мать испугалась,—стала выбрасывать дрова—но мальчикъ уже задохся... На крикъ жены

вбѣжалъ мужъ съ топоромъ, которымъ готовился разнимать барана. Въ запальчивости, увидя мертваго сына, онъ ударилъ жену. Увидя двухъ убитыхъ, а въ люлькѣ третьяго,—онъ предался горю.

„Отчаяніе поразило малосмысленнаго человѣка, которое бы просвѣщеннаго и великодушнаго не меньше поколебало... Сверхъ сего, обуялъ его страхъ стыда и совѣсти, а потомъ жестокость наказанія,— и онъ удавился [241].

Затѣмъ авторъ опять обращается къ своему герою Сисою.—

„Несчастный воинъ, похоронивъ всю свою семью, и употребивъ остатки имѣнія на погребеніе ихъ, остался наслѣдникомъ двора своего родителя безъ скота и хлѣба, которыхъ гораздо невеликое количество имъ было найдено; а что всего еще болѣе и бѣдному человѣку чувствительнѣе—и безъ правой руки своей, безъ которой онъ не токмо цѣлаго, но и половины добраго и прилежнаго крестьянина составить не могъ!“ [242].

Пересказъ обоихъ этихъ произведеній самъ собою подтверждаетъ высказанную мною выше мысль, что эти два небольшія произведенія Чулкова объединены однимъ общимъ гуманнымъ настроеніемъ, — сознательная проповѣдь любви къ ближнимъ, особенно къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, слышится въ этихъ двухъ живо-написанныхъ „этюдахъ“... Автору не понадобилось прибѣгать къ литературнымъ пріемамъ сентиментализма (ср. „Бѣдную Лизу“) для того, чтобы „настроить“ и „разжалобить“ читателя,— только одна неприкрашенная правда содержанія, да, мѣстами, колоритъ чисто-гоголевскаго юмора въ стилѣ разсказа, – и впечатлѣніе отъ этихъ двухъ повѣстей на читателя нашихъ дней получается гораздо болѣе сильное, чѣмъ отъ карамзинской „Бѣдной Лизы“... Вотъ почему можно безъ преувеличенія сказать, что этими двумя повѣстушками Чулковъ приблизился къ тому пониманію жизни, которое сдѣлало намъ дорогими имена Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, Григоровича (ср. Брагина съ Башмачкинымъ, съ соотвѣтствующими героями Достоевскаго; Сисоя Дурносопова — съ героями тургеневскихъ „Записокъ Охотника“,—съ героями Григоровича и др.).

Конечно, въ художественномъ отношеніи, оба пересказанныя мною произведенія Чулкова не могутъ стоять въ одномъ ряду съ образцовыми произведеніями русской литературы XIX-го столѣтія,— несомнѣнно, Чулковъ правдивые и ярко-намѣченные образы своихъ героевъ помѣстилъ въ плохо-продуманную и даже неудачную фабулу (особенно, въ разсказѣ: „Досадное пробужденіе“),—но, во всякомъ случаѣ, важно то, что—Чулковъ *первый* (до Карамзина и

до Радищева!) любовно заглянулъ въ сердце простого русскаго крестьянина, и—что еще цѣннѣе—первый изъ нашихъ писателей, еще въ XVIII-омъ вѣкѣ, усмотрѣлъ въ затхломъ сердцѣ пьяницы писца-канцеляриста искры какого-то свѣта... Ни въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ западноевропейскихъ романовъ XVIII-го в. не встрѣтилъ я такой своеобразной литературной трактовки указанныхъ двухъ темъ... Этотъ любопытный фактъ заставляетъ меня— 1) отнести повѣстушки Чулкова къ разряду „оригинальныхъ" русскихъ повѣстей XVIII-го столѣтія, — 2) тѣсно связать оба эти этюда съ русскимъ романомъ XIX-го вѣка *).

Но, кромѣ такой литературной обрисовки двухъ интересныхъ образовъ, выхваченныхъ изъ жизни, встрѣчаемъ мы въ обѣихъ повѣстяхъ и такія бытовыя черты, которыя вполнѣ могутъ быть оправданы показаніями мемуаровъ...

Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ: „Досадное Пробужденіе" есть указаніе, что Брагина „посадили въ желѣзы"... На существованіе въ доброе старое время такого своеобразнаго пріема удерживать служащихъ у стола указываетъ въ своихъ запискахъ Геттунъ:

„Съ 1789 года началъ я и зиму, и лѣто жить въ городѣ Погарѣ и заниматься дѣлами въ судѣ. Отецъ мой просилъ и обсылалъ домашними продуктами повытчиковъ уѣзднаго суда гг. Макухина и Кунцева, чтобъ они за моими занятіями надзирали и пріучали къ познанію дѣлъ. Изъ нихъ г. Кунцевъ, за неприлежность, не токмо не выпускалъ меня изъ суда, но иногда даже приказывалъ разуть меня и привязать къ ножкѣ стола ногу мою, что неумолимый сторожъ, къ несносной досадѣ моей, и исполнялъ въ точности" 243.

Живая сценка медицинскаго осмотра рекрута, разсказанная Чулковымъ въ его второмъ разсказѣ, тоже вѣрна въ бытовомъ отношеніи, какъ это видно изъ воспоминаній одного стараго солдата о томъ, какъ „забривали ему лобъ", —

„встали противъ зерцала, въ присутствіи губернатора, у котораго въ рукахъ были реестры. Онъ, перекликавши по онымъ наше семейство, спросилъ: „кто изъ васъ Памфилъ?.." Я жалкимъ голосомъ отвѣчалъ: „я—Памфилъ"... Посмотрѣвъ на меня, онъ подалъ знакъ головою позади меня стоящему солдату, котораго я не замѣтилъ, чтобы онъ

---

*) Вообще, даже при самомъ бѣгломъ просмотрѣ, произведеній Чулкова („Пересмѣшникъ" и „Русскія Сказки"), нетрудно найти въ нихъ много общаго съ повѣстями Гоголя: причудливая фантастика, образъ чорта, юморъ, за которымъ иногда чувствуются слезы, наконецъ, указанный мною образъ Брагина,—все это повторяется у Гоголя... И нѣтъ основаній отрицать возможность такого вліянія Чулкова на Гоголя, если вспомнить, что и на Пушкина („Русланъ и Людмила") онъ оказалъ большое вліяніе (см. мою работу: „Пушкинъ, жизнь и творчество").

снялъ съ меня рубашку. Рубашку сняли, что̀ показалось мнѣ очень странно... И въ какой пришелъ стыдъ и робость, когда увидѣлъ окружающихъ меня нѣсколько сотъ человѣкъ, которые обратили на меня вниманіе, какъ бы на осужденнаго... Губернаторъ приказалъ привести меня къ лекарю, который, осмотрѣвъ во рту и по всей наружности, спросилъ меня: „всѣмъ ли здоровъ?"... Я отвѣчалъ, что всѣмъ здоровъ... И лекарь доложилъ губернатору, что я всѣмъ здоровъ. Губернаторъ приказалъ поставить меня въ мѣру, и было во мнѣ два аршина четыре вершка и пять осьмыхъ... Губернаторъ приказалъ: „лобъ!",—что̀ и было исполнено... Одѣваюсь въ платье, и берутъ меня подъ стражу. Послѣ набора повели къ присягѣ, а потомъ поставили на квартиру" [244].

Въ другихъ запискахъ опять встрѣчаемъ мы сходный разсказъ:

„На другой день меня, добраго молодца, повели въ пріемъ,—раздѣли, ввели въ присутствіе, поставили въ станокъ... Унтеръ-офицеръ повытянулъ и закричалъ: „три вершка съ половиною!.." Какой-то господинъ сказалъ: „не годится", а я, въ свою очередь, сказалъ, что иду Богу и великому Государю служить охотою за брата... Меня опять начали осматривать—и докторъ, какъ цыганъ, словамъ моимъ не повѣрилъ, что я здоровъ, что зубы всѣ цѣлы,—самъ полѣзъ въ ротъ... Еще что-то поговорили и сказали: „подростетъ"... Еще повертѣли и закричали: „лобъ! лобъ! лобъ!"

„Цирюльникъ сталъ просить у отдатчика денегъ, обѣщая, что онъ получше острижетъ,—я приказалъ дать цирюльнику денегъ, и мнѣ остригли подъ гребенку лобъ и обрили... Погнали насъ, рекрутовъ, къ присягѣ на вѣрность службы царю. Мы присягнули, и насъ повели къ баталіонному командиру" [245].

Въ двухъ другихъ разсказахъ Чулкова: „*Новоиспеченной скоморохъ*" и „*Повѣсть о новомодномъ дворянинѣ*" авторъ рисуетъ двухъ молодыхъ россійскихъ дворянъ, вступающихъ въ жизнь,—одинъ, явившись изъ захолустья, такъ и остается дикаремъ-Митрофаномъ,—другой, наоборотъ, слишкомъ легко и быстро усваиваетъ черты „щеголя"—этого „героя того времени".

Въ первой повѣсти: „Новоиспеченной скоморохъ"—Чулковъ, устами плутоватаго разсказчика-„бахаря", такъ характеризуетъ этого героя. —

„За недѣлю передъ симъ привезли къ полковнику племянника, котораго называли Балабаномъ. Онъ обиталъ въ мѣстахъ просвѣщенныхъ, гдѣ люди съ великимъ прилежаніемъ копятъ деньги и не знаютъ, сколько въ рублѣ копѣекъ... Сосѣди его были медвѣди и зайцы; лучшее его товарищество—борзыя и гончія собаки, съ которыми онъ „вмѣстѣ въ одной Академіи учился лаять... Пилъ и ѣлъ и спалъ также съ ними вмѣстѣ" [246].

На первыхъ же порахъ пребыванія его въ домѣ дяди произошелъ съ этимъ юношей непріятный инцидентъ:

„Онъ великой былъ мастеръ играть на волынкѣ; учился у своего

пастуха и до горлодранія охотникъ былъ превеликой... Вдругъ захотѣлось ему испытать свое искусство... И такъ началъ онъ озираться всюды, не сыщетъ ли гдѣ какого инструмента... Наконецъ, увидѣлъ онъ на окнѣ кожаной мѣшокъ, у котораго сдѣлано было горло, на подобіе бутылочнаго, и затыкали его пробкою. Глядя на него, онъ подумалъ, что это — надутая волынка, а что она мала, то представлялось ему, что она—городская, и сдѣлана поискуснѣе деревенской" 247.

Это былъ кожаный кисетъ съ табакомъ. Балабанъ, не зная этого, сталъ его надувать: потомъ стиснулъ руками,—

„сухой табакъ проскочилъ ему въ горло и остановилъ дыханіе, отъ чего Балабанъ такъ струсилъ, что ткнулся головой въ зеркало, противъ котораго онъ стоялъ и смотрѣлъ, пристало ли быть ему музыкантомъ... И такъ онымъ изрѣзалъ себѣ лобъ... Подъ зеркаломъ стоялъ столикъ, на которомъ лежали письма и полная раковина чернилъ, въ которую онъ врютился носомъ, и послѣ, какъ угорѣлой, повалился на полъ и, въ прибавокъ къ тому, задѣлъ затылкомъ за стулъ... Тогда услышали мы дикой голосъ, которой точно походилъ на крикъ умирающаго человѣка!" 248.

Служанка, которая была свидѣтельницей этого эпизода, со смѣхомъ разсказывала потомъ:

„...такого смѣшного позорища еще отъ роду моего не видывала!— Человѣкъ катался по полу, въ попонскомъ полукафтаньѣ, которое, не знаю, гдѣ онъ подцѣпилъ... Лице его замарано было кровью, табакомъ и чернилами, наподобіе сѣраго лаку; по правой сторонѣ лежалъ мѣшокъ съ просыпаннымъ табакомъ; по лѣвой—раковина съ пролитыми чернилами и поваленный стулъ..." 249.

Явился лекарь, обмылъ его, обрилъ ему голову... Но этимъ приключенія его въ тотъ день не кончились. Во время обѣда, когда всѣ увлеклись ѣдой —

„ученая сорока, которая сидѣла тогда на поставкѣ, и летала всегда по волѣ, смотрѣла на насъ, какъ мы сидѣли... Всѣ наши головы не показались ей инаковыми, какъ головами человѣческими, а плѣшивая голова Балабана представилась ей кочкой,—или такимъ мѣстомъ, на которое она можетъ сѣсть, чтобы быть ей къ намъ поближе. Ни мало не думая, налетѣла она къ плѣшивому на голову и, покамѣстъ не успѣли ее согнать, долбнула его раза два-три очень исправно въ глупую столицу плѣшиваго его разума" 250.

Съ этимъ дикимъ юношей произошла потомъ еще одна странная исторія,—онъ влюбился, сталъ энергично ухаживать и при томъ выказывать свое молодечество.

„Въ началѣ осени Венера опредѣлила представить въ нашемъ домѣ походную комедію, или, по-просту, игрище, чего ради послала намъ своего сына... Онъ вселился къ Балабану въ сердце, и дѣлалъ тамъ чудныя распоряженія".

„Начало дѣйствія было такимъ образомъ: закипѣла кровь въ моржовыхъ жилахъ, и дуралей нашъ началъ щеголять,—сшилъ себѣ на-

бойчатой халатъ и таскался въ немъ по улицѣ мимо окна своей возлюбленной; надѣвалъ нерѣдко крестьянское платье и расхаживалъ въ немъ по морскому рынку... Ходилъ также въ харчевни, гдѣ заводилъ непосредственно малыя драки и таскалъ нарочито своего брата, для того, что храбрость его надъ однимъ только имъ оказывалась" [258].

Теперь занялся онъ серьезно своей наружностью.

„Прежде же сего ходилъ онъ всегда неряхою,—въ замаранномъ овчинномъ тулупѣ" [259].

Убѣжденный въ успѣхѣ своего сватовства, онъ заранѣе все приготовилъ для свадьбы,—даже выпросилъ у дяди горницу для себя, жены и для будущихъ дѣтей—одного только онъ не сдѣлалъ—

„позабылъ открыть любовь свою той дѣвушкѣ, которая уволокла съ собой посконное его сердце!" [260].

И вотъ, этотъ, по словамъ Чулкова, „фаля"—сталъ открывать свою любовь чужими стихами,—выписывая ихъ изъ книгъ, или покупая за деньги у торгующихъ поэтовъ... Вышло немало курьезовъ — такъ, напримѣръ, Балабанъ, по глупости, послалъ своей возлюбленной въ первую голову—„сатиру" [261]. Возлюбленная его пожаловалась,—за что онъ былъ посаженъ дядей „на хлѣбъ на воду". Но это наказаніе его не огорчило—

„онъ радовался тому, для того, что будетъ кушать ржаной хлѣбъ, къ которому онъ привыкъ въ деревнѣ; а дядино кушанье ему не казалось, потому что онъ не зналъ въ немъ вкусу, и всегда говорилъ, что сдѣлано оно *по нѣмецки* и казалось ему приторно" [262].

Развлеченія у него были самыя дикія —

„шатаясь по двору, часто игралъ съ робятами въ бабки, кричалъ ночью филиномъ, и пугалъ старухъ, которыя летали отъ него часто съ высокой нашей лѣстницы... Возглашалъ пѣтухомъ, которымъ искусствомъ разбуживалъ сосѣднихъ куръ,—перенималъ, какъ кричатъ утки, и, словомъ, дѣлалъ всякія шалости, какія только начальный изъ дураковъ выдумать можетъ" [263].

Пробовалъ онъ, было, засѣсть за книги—накупилъ ихъ—

„иногда принимался ихъ читать, но онѣ казались ему столько же понятны, какъ слѣпому живопись!" [264].

Тогда онъ сталъ продавать накупленныя книги и на деньги, вырученныя отъ продажи, началъ покупать костюмы для своей возлюбленной—

„...въ началѣ промѣнялъ на деньги Телемака,—купилъ, на мѣсто его, черной тафтяной мантилетъ; потомъ — Троянскую исторію, Маркиза, Кантемировы сатиры—и купилъ асалопъ... Продавъ „Римскую и Древнюю исторію", купилъ „стеганую исподницу и пуху для двойной постели" [265].

При всей своей глупости, Балабанъ былъ несносенъ и золъ—

всѣхъ онъ пересмѣхалъ и часто „ругалъ изъ окошка мимоидущихъ по улицѣ“ [266].

„Обманывалъ купцовъ и разносчиковъ,—не платилъ денегъ своимъ слугамъ и—при отпускѣ, клепалъ на нихъ, будто бы они его обокрали“.

„За извощиками гонялся онъ съ обнаженною шпагою, когда они просили у него въ провозъ... Забирая въ долгъ, клалъ на себя обѣщаніе, чтобъ никогда не платить“ [267].

„При всемъ этомъ, ослопина былъ собою доволенъ,—онъ не смыслилъ, что онъ глупъ, и для того ни мало не безпокоился“ [268].

Кромѣ всего прочаго, былъ онъ очень ревнивъ, и подолгу стоялъ онъ у окна возлюбленной, считая, —

„сколько пройдетъ отъ нее любовниковъ“, но никого не рѣшился ударить, хотя и „имѣлъ въ запасѣ дубину, и хотѣлъ сражаться съ ними по воровски, однако, ни одного не залучилъ, почему, можно догадаться, что опасался отъ нихъ полновѣсныхъ оплеушинъ и исправной поволочки... Когда понеслося эхо, что вознамѣрился кто-то проучить его палкою, тогда онъ, въ сей досадѣ, сочинялъ мерзкія пѣсни и ходилъ въ вечеру подъ окошками, кричалъ во весь голосъ... За это сосѣдніе слуги собрались, было, нѣкогда потаскать его“ [269].

Такая злая карикатура на деревенскаго дворянина-дикаря, родного брата фонвизинскому Митрофану, — карикатура, свидѣтельствующая о нѣкоторой пристрастности Чулкова — однако, подтверждается многочисленными фактами изъ русской жизни. Эти факты, засвидѣтельствованные сатирическими журналами и бытовой русской комедіей, находятъ, что особенно важно, подтвержденіе и въ мемуарахъ.

Такъ, напримѣръ, авторъ „Записокъ человѣка“ повѣствуетъ о томъ, какъ юные дворяне-недоросли въ деревнѣ развлекались травлей свиней. Онъ это называетъ „митрофанствомъ“... Тотъ же авторъ разсказываетъ, что въ захолустьи нѣкоторые наши дворяне проводили время въ кабакахъ,—въ обществѣ мужиковъ, и отъ нихъ нерѣдко перенимали и рѣчь, и манеры... [270].

Въ запискахъ Толубѣева встрѣчаемъ мы разсказъ о томъ, какъ два дворянскихъ недоросля развлекались тѣмъ, что на церковныхъ колоколахъ вызванивали „Московскаго голубца“ и „Камаринскаго“, и „даже съ нѣкоторыми варіаціями“ [271].

Въ запискахъ Болотова встрѣтимъ мы неразъ образы такихъ же недорослей, опять-таки очень напоминающихъ собой чулковскаго Балабана.

Одинъ изъ нихъ жилъ въ деревнѣ беззаботно и отъ всей души увлекался деревенскими играми, святочными игрищами, на масляницѣ съ бабами и дѣвками катался съ горъ... [272]. По словамъ Чулкова—

„онъ, родившись и воспитанъ будучи въ такомъ совершенномъ уединеніи, не имѣлъ ни о чемъ свѣдѣнія и понятія, и былъ не только деревенскимъ простымъ, но и одичалымъ ребенкомъ... Отецъ его, хотя и старался его кое-чему изъ того учить, что̀ онъ самъ зналъ, но какого успѣха можно было ожидать отъ ученія того, когда ребенокъ не столько помышлялъ объ ономъ—сколько о бѣганіи и рѣзвостяхъ съ ребятишками, и не былъ отъ того никакою строгостію воздерживаемъ!“ [273].

Двухъ молодыхъ помѣщиковъ тотъ же Болотовъ характеризуетъ такъ: они —

„были люди молодые, худо воспитанные и не только необработанные, но и не обтесанные, составляли сущихъ неучей“ [274].

Курьезные факты о такихъ недоросляхъ сообщаетъ Даниловъ:

„въ военную службу охотно (идти) никто не хотѣлъ, а записывали дворянскихъ дѣтей съ принужденіемъ... Науки и художества въ рѣдкомъ еще домѣ были извѣстны, а многія дворянскія дѣти грамотѣ съ нуждой могли разумѣть, а писать только рѣдкіе знали и за счастіе почитали (до времени Петра Великаго) быть у знатныхъ тогдашнихъ бояръ въ держальникахъ къ услугамъ, толькобъ не быть въ государственной военной службѣ“ [275].

„Сестра родная Вишняковой была въ замужествѣ за Секеринымъ, которой записанъ былъ въ нашей же школѣ ученикомъ; прилежно просила она меня перейтить жить къ ней, дабы вмѣстѣ ѣздить съ мужемъ ея въ школу... Намѣреніе ея было, чтобы мужъ ея такъ же, какъ и племянникъ, отъ меня нѣсколько занялъ учета... Но не удалось ей сего произвесть, по ея желанію, въ дѣйствіе, ибо ея мужъ Секеринъ великій былъ шалунъ,—ничего учить не хотѣлъ, переписался изъ школы въ армейскіе полки, и тѣмъ отбылъ онъ ученія [276].

О старикѣ-„недорослѣ“ разсказываетъ Свербеевъ; это былъ—

„помѣщикъ Симбирской губерніи Ѳедоръ Ивановичъ, жившій еще при Петрѣ Великомъ и скрывавшійся отъ службы въ *нѣтяхъ*, на которую, по закону, призывались, volens-nolens, всѣ дворяне, такъ что онъ до глубокой старости, какимъ-то непонятнымъ случаемъ, прожилъ въ „нѣтяхъ“, а по нашему—въ „недоросляхъ изъ дворянъ“ [277].

Въ „*Повѣсти о новомодномъ дворянинѣ*“ [278] тотъ же Чулковъ, со свойственнымъ ему юморомъ, разсказалъ исторію жизни одного изъ „героевъ своего времени“.

„На вершинахъ одной рѣки, сообщающей воды свои къ прибавленію ширины Волги,—по ту сторону города, изъ коего возятъ въ нашу столицу нужныя для пищи вещи, стоялъ домъ того Дворянина, который древность своего рода не могъ далѣе вычислить, какъ со времени, когда въ нашихъ мелкихъ городахъ взятки дошли до совершенства... Предки его, блаженныя памяти, съ великимъ усердіемъ набивали карманы свои трудами тѣхъ несчастныхъ, коихъ хлопоты принуждали подавать прошенія въ то мѣсто, гдѣ они отправляли должности повытчиковъ и секретарей [279].

— такъ зло начинаетъ свое повѣствованіе нашъ юмористъ.

Итакъ, „дворянство“ семьи, изъ которой вышелъ герой повѣсти, оказывается очень сомнительнымъ...

Когда правительство стало преслѣдовать чиновниковъ, берущихъ взятки —

„родитель сего Дворянина также почувствовалъ свербежъ за спиною и, скуча безмездными трудами, оставилъ приказную службу,— купилъ деревню и поселился въ показанномъ мѣстѣ, чтобъ пользоваться безопасно награбленнымъ“ [280].

Онъ былъ очень скупъ. — впрочемъ, замѣчаетъ авторъ, — въ старину вообще—

„скупыхъ было больше, нежели мотовъ; а нынѣ ихъ меньше затѣмъ, что послѣднихъ порасплодилось“ [281].

Сыну своему онъ, изъ скупости, никакого образованія почти не далъ—училъ его лишь ариѳметикѣ до умноженія...

„Учитель его былъ деревенскій дьячокъ, которой упражнялся больше въ кражѣ лошадей, нежели въ познаніи самого себя“ [282].

Оттого Несмыслу, „взросшему въ коноплянникѣ“, негдѣ было учиться доброму...

Француза-учителя онъ не нанялъ сыну потому, что французы „безъ чаю и кофе жить не могутъ“ [283], а для стараго скупца такіе расходы казались тяжелы.

Но у сынка его Несмысла были другіе задатки, — и жизнь свою располагалъ онъ устроить иначе—„по модному“... На свою голову, отецъ отправилъ Несмысла „учиться“ въ Москву. Характерна сцена прощанія отца съ сыномъ. Старикъ —

„вытягиваетъ изъ кармана дѣдовскую, содранную съ нѣкотораго стольника, бархатную мошну, въ коей, искусымъ образомъ, упрятано было сорокъ алтынъ мѣдныхъ мелкихъ денегъ... „Возьми сіи деньги“,—говорилъ онъ—„держи оныя съ бережью,—не мотай и не лакомься!.. Батюшка мой, отправляя меня на Сухареву башню учиться Ариѳметикѣ, далъ хотя не столько много, однакожъ алтынъ съ десять въ сей же монетѣ. Я жилъ въ довольствѣ, и назадъ еще привезъ цѣлый пятакъ!.. Такъ-то, дитятко, учись!.. Не смотри на развращенныхъ людей, кои, презирая даръ Божій,—пшеничную муку, созданную на пищу человѣкамъ, тратятъ ее уничтожительно на притруски своей головы и Французскихъ кудрей!.. а о другомъ и говорить нечего! Бѣгай сихъ ядовитыхъ скорпій и опасайся ихъ угрызенія!“ [284].

Но Несмыслъ пропустилъ мимо ушей „мудрыя“ нравоученія отца, — на ближайшемъ же постояломъ дворѣ онъ согласился со своимъ дядькой-Развратниковымъ,—„бывалымъ человѣкомъ“,— ночью вернуться къ отцу и „сдѣлать приступъ къ кладовой“, гдѣ лежали деньги... Наступила ночь...

„Солнышко пришурилось и уже заснуло. Ночь задернула горизонтъ черною своею епанечкою. Природа вся почивала, исключая однѣхъ ночныхъ птицъ, воровъ и домовыхъ... Послѣдніе въ сіе время, сказываютъ, ѣздятъ другъ къ другу въ гости и пируютъ; а иные пускаютъ кирпичную пальбу изъ за печей на тѣхъ, кто имъ не милъ; такъ же объѣзжаютъ и лошадей въ конюшняхъ!“ 285.

Въ такую глухую ночь, въ вывернутомъ наизнанку тулупѣ, изображая собою „домового“, дядька Несмысла пробрался къ скупцу въ кладовую и очистилъ ее... Старикъ чуть было не захватилъ вора, но косматая шерсть тулупа убѣдила его, что онъ имѣетъ дѣло съ домовымъ —

„Мысли его наполнились ужасомъ и отправили его назадъ тѣмъ же путемъ, но не тою походкою, а такъ, какъ танцуютъ раки... Онъ кричалъ: „Чуръ нашева мѣста!“—и меньше, нежели въ минуту дверь его спальни была заперта... Кладовая оставлена въ добычь мнимому домовому, а, для изгнанія его оттуду, опредѣлено назавтрѣ читать: „На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ и прочая“ 286.

Бывалый дядька, хорошо знакомый съ жизнью въ столицахъ, легко убѣдилъ Несмысла, что учиться ему не стоитъ,—для дворянина, по его словамъ, нужны были не научныя свѣдѣнія, и потому онъ —

„совѣтовалъ ему завесть общество съ таковыми людьми, кои бы сдѣлали ему наставленіе о всемъ, что лежитъ до званія Дворянскаго,— то есть не о любви къ отечеству и добродѣтели, а обращаться смѣло, говорить живо,—напримѣръ, начинать рѣчь и не оканчивать, перебивать слово другихъ,—всѣхъ пересмѣхать, одѣваться по модѣ и играть въ карты“ 287.

Несмыслъ его послушался, и началъ жить на широкую ногу... Нашлись у него и друзья, при чемъ какой-то господинъ Перемотовъ великодушно взялся его учить всѣмъ мудростямъ свѣтской жизни. Наука эта пошла Несмыслу въ прокъ, и скоро онъ сталъ себя считать—

„не меньше, какъ взросшимъ во Франціи,—смѣется всѣмъ, кои не попрыгиваютъ на одной ножкѣ и, не вмѣшивая иностранныхъ словъ, не произносятъ оныхъ на выворотъ... Словомъ, заразившись французскими обычаями, онъ жалѣлъ, что и дыхалъ воздухомъ своей природной страны“ 288.

На любовь онъ научился смотрѣть легко, —

„для того, что, по моднымъ обычаямъ, сказываютъ, можно и, не влюбися, любить—и, влюбися, не любить: то есть говорить такъ и видъ казать влюбленнаго, а внутренно быть свободнымъ, и смѣяться простотѣ легковѣрныхъ. Или влюбиться на часъ только, чтобъ, пользуясь слабостію нѣкоторыхъ, наконецъ, обмануть,—пустить о нихъ въ свѣтъ исторію и сдѣлать предметомъ народнаго смѣха!.. Нынѣ уже нѣтъ лю-

бовныхъ героевъ, о коихъ упоминаютъ въ рыцарскихъ повѣстяхъ, и кои бѣгали за милыми своими изъ части свѣта въ другую,—терпѣли гладъ и хладъ, смертельныя опасности, а иногда и умирали за постоянство. „О, сколь они глупы были!"—восклицаютъ жители новомоднаго міра" [289].

И вотъ, Несмыслъ по „собраніямъ и позорищамъ" сталъ выискивать себѣ любовницу по вкусу... Наконецъ, его вниманіе остановилось на госпожѣ Вертоглазовой. Собою была она недурна, — „живые и вольные поступки и всѣ ухватки модныя" перешли ей по наслѣдству отъ матери. Жила она безбѣдно, такъ какъ ея обожатели —

„возжигали предъ нею золотый фиміамъ и приносили серебряную жертву" [290].

„Она слыла еще дѣвицею, потому что ни съ кѣмъ не вѣнчалась" [291].

Промотовъ помогъ Несмыслу одержать побѣду надъ этой „дѣвицей",—и кончилось дѣло тѣмъ, что у Несмысла „въ мѣсяцъ не осталось болѣе двадцати рублей".

Тогда, по совѣту Перемотова, рѣшено было испытать счастья въ карточной игрѣ.

„Сысканы игроки. Сѣли. Бросили направо-налѣво... Били съ оника,— и объявили, что деньги, платье и все, что онъ имѣлъ, надлежитъ имъ по народному праву" [292].

Обобравъ все у Несмысла, Промотовъ бросилъ его.

„Итакъ Несмыслъ сталъ по прежнему безсребренникъ, или голъ, какъ соколъ" [293].

Тогда Развратниковъ посовѣтовалъ Несмыслу — „возымѣть опять прибѣжище къ родительской кладовой".

На этотъ разъ они рѣшили уже убить скупого старика, и снова отправились въ путь. По дорогѣ въ одной деревнѣ наткнулись они на характерную бытовую сцену—„деревенское сраженіе".

„Оное происходило между крестьянами не за чудную причину, а именно,—что одинъ житель сосѣдней деревни загналъ лошадь обитателя другова жилища съ своего хлѣба, которой она топтать и кушать зашла безъ зову... Онъ велъ ее домой, или въ городъ,—мнѣ неизвѣстно,—только думаю—въ свою конюшню: ибо своевольные мужики обыкли больше управляться сами, нежели искать удовольствія въ правосудіи".

„Хозяинъ лошади встрѣлся съ нимъ, и пожелалъ оную отвести домой, но тотъ не давалъ... Они въ мигъ разладили, и каждый свое право началъ доказывать *естественно*,—то есть оглоблинами и кулаками.. Другіе вмѣшались ихъ разнимать; но они не слушались... Сказываютъ, будто бы, есть чортъ, который не спитъ и всегда ищетъ случая сдѣлать въ людяхъ раздоръ такъ, какъ бы они, кромѣ его, не знали своей должности.. Чортъ подоспѣлъ... Тѣ въ совѣты и увѣщанія

вмѣшали палки... На послѣдокъ обѣихъ деревень жильцы сбѣжались,— и, къ разниманію, присоединились пѣпы, дубины и колья... Побоище учинилось общее, при чемъ одинъ, дерзкой, съ придурью, мужикъ треснулъ другова коломъ въ лобъ, не сказавъ, чтобъ тотъ посторонился,—такъ ловко, что заставилъ по немъ пѣть вѣчную память" [294].

Отъ расходившихся мужичковъ попало и нашимъ путешественникамъ—„по платью" ихъ мужики приняли за „подъячихъ".

„Ибо покроевъ платья мужички различать не смыслятъ, а всякое разнопарное и многоцвѣтное одѣяніе, каковое тогда было на Несмыслѣ, считаютъ за подъяческій мундиръ" [295].

Наконецъ, добрались путешественники до дому... И только случай помѣшалъ Несмыслу совершить преступленіе,—его отецъ, послѣ первой покражи спалъ всегда на своихъ деньгахъ и за шею привязывалъ себя къ сундуку. Незадолго до появленія въ деревнѣ сына, онъ увидѣлъ во снѣ, что его опять грабятъ, вскочилъ неосторожно, и самъ задавилъ себя веревкой...

Всѣ оставшіяся въ наслѣдство деньги Несмыслъ забралъ съ собою и уѣхалъ въ Москву, поручивъ управленіе деревень Развратникову.

Однажды во время пути онъ отдалился отъ своего обоза, и его ограбилъ разбойникъ.

„Онъ отшелъ версты съ двѣ и, вынувъ золотую табакерку, назначенную отъ него въ подарокъ будущей своей любовницѣ,—ибо о Вертоглазовой уже позабылъ,—началъ оную разсматривать... „Мафуа, діаблъ!"—сказалъ онъ на французскомъ языкѣ, который столько жъ разумѣлъ, какъ слѣпой цвѣты... „Аманта моя сдѣлала мнѣ энфедилитацію!.. Бездѣлица!.. Бонъ есперансъ у меня въ карманѣ!.. Не о чемъ быть въ пансіи!.. Сія табакерка пуръ ла меритъ новой моей любовницѣ, которую я найду!"

„Онъ бы продолжалъ еще далѣе бредить по-французски, есть ли бы не вышелъ къ нему изъ стороны подорожной воинъ, или Директоръ той таможни, въ кою съ проѣзжихъ сбиралася въ томъ мѣстѣ пошлина... Сей герой былъ изъ тѣхъ, кои, опредѣлясь въ военную службу, не ищутъ оказывать храбрость свою надъ непріятелями внѣ границъ, а оказываютъ оную надъ пріятелями,—въ своемъ отечествѣ, и облегчаютъ отъ грузу карманы людей, случающихся въ пути въ часы неуказные".

„Постой-ка ты... Галанецъ!"—вскричалъ ему этотъ наянъ; „покажи-ка мнѣ, что у тебя въ рукахъ?.. Про какова ты говоришь бурова мѣрина?.. Знать, ты за нево вымѣнялъ?"—Несмыслъ подалъ ему табакерку, говоря: „Монъ фреръ, регарде апрезанъ, какая прекрасная табакерка, и сколь щастлива будетъ моя Аманта, которой я ее назначилъ!.." Удалецъ взялъ табакерку и положилъ въ карманъ, сказавши: „Меня зовутъ не Фролъ Гордѣевъ, а трепезону твоево я не боюсь!.. Подай-ка мнѣ деньги, сколько ихъ у тебя есть!.. а при томъ и кафтанатъ скинь,— мнѣ въ немъ нуждица!" [296].

Въ концѣ концовъ, онъ ушелъ, оставивъ Несмысла „въ одной только срачицѣ“. По словамъ автора, цѣлые три дня „трусость держала сердце Несмысла въ исподнемъ платьи“.

Наконецъ, онъ добрался до Москвы и здѣсь опять закутилъ: карты, увеселенія, любовныя проказы,—вотъ, чѣмъ наполнилъ онъ свою жизнь... Сперва госпожа Пересмѣхова „продала Несмыслу движимое свое имѣніе“,—потомъ онъ сталъ часто мѣнять любовницъ... Въ Бога онъ не вѣрилъ и—„весь законъ считалъ меньше имовѣрнымъ, нежели повѣсть о Бовѣ Королевичѣ“ [297].

Наконецъ, любовныя развлеченія принесли ему—

„нѣкоторый принадокъ, отъ котораго избавился онъ съ небольшой потерей хряща въ носу“ [298].

Оплачивая свои расходы, онъ съ крестьянъ своихъ собиралъ оброки за нѣсколько лѣтъ впередъ.

Потомъ Несмыслъ собрался ѣхать во Францію, но на первой же почтовой станціи друзья его подпоили и обокрали.

„Поутру проснувшись, не нашелъ ни денегъ, ни друзей, ни лошадей и ни одного человѣка изъ слугъ своихъ... Сіе, сказываютъ, было ему не очень пріятно, и онъ бы желалъ сего никогда не имѣть. Но что дѣлать?.. Съ рокомъ вѣдь не подерешься!“ [299].

Тогда пришлось Несмыслу работать, но подъяческая кровь въ немъ была сильна... И это его выручило—

„Мимо яблоньки яблочко не падетъ,—то и Несмыслъ крючкотворство понялъ скорѣе, нежели сперьва модныя поведенія. Въ немъ была подъяческая кровь,—слѣдственно, не надобенъ былъ ему наставникъ“ [300].

По службѣ онъ пошелъ быстро, „достигъ секретарскаго достоинства“, разбогатѣлъ, женился на дворянкѣ и, наконецъ, умеръ, „какъ бы и честной человѣкъ“ [301]... Только женѣ его не пошло въ прокъ наслѣдство.

Этотъ живой очеркъ всей жизни Несмысла интересенъ и въ литературномъ, и въ бытовомъ отношеніи.

Нетрудно въ разсказѣ, рядомъ съ яркими, реально-написанными образами и картинами (образъ стараго отца, сцена прощанія его съ сыномъ, драка мужиковъ), выхваченными изъ русской жизни—отмѣтить нѣкоторую литературность (остроты, описанія вечера, введеніе „рока“).

Эпизодъ встрѣчи съ разбойникомъ отдаетъ вліяніемъ Лесажа и представляетъ собою, въ то же время, близкое повтореніе аналогичнаго эпизода, происшедшаго съ Неохомъ,—героемъ того-же Чулкова (см. выше вып. I, стр. 604; ср. 616).

Въ бытовомъ отношеніи, интересно стремленіе Чулкова до-

казать, что наружный блескъ часто не только прикрываетъ глубокую испорченность души и преступность ея, но даже, въ значительной степени, обусловливаетъ ее...

Щеголи „сатирическихъ журналовъ“ и „комедій“—существа, болѣе безобидныя, безвредныя, и потому только смѣшны... Чулковъ-же сумѣлъ всмотрѣться въ глубину души этого „щеголя“ — и увидѣлъ тамъ „преступленіе“ *)...

Любопытно, что русскіе мемуары въ этомъ отношеніи вполнѣ поддерживаютъ его: они даютъ рядъ интересныхъ показаній, подтверждающихъ идею разбираемой повѣсти,—именно, что безпринципность „золотой молодежи“ XVIII-го вѣка была явленіемъ не только достойнымъ смѣха, но и заслуживающимъ глубокаго негодованія.

Протасьевъ, въ своемъ „Дневникѣ“, разсказываетъ о томъ, какъ трудно было ему, почти мальчику, уцѣлѣть въ вихрѣ столичной жизни—

„Не знаю, какъ уцѣлѣла голова моя на плечахъ!.. Прошло пять лѣтъ буйныхъ, въ которыхъ были и также случаи, за которые нынѣ... Но всякій вѣкъ имѣетъ свои правила,—свой образъ мыслей и смотритъ съ разной точки“ [302].

Винскій чуть не погибъ въ этой же столичной жизни, запутавшись даже въ преступленіе... Въ своихъ „воспоминаніяхъ“ и онъ съ ужасомъ вспоминаетъ это безумное время своей жизни,—

„Переведенный изъ мирной, скромной, подчиненной жизни въ мятежную, наглую, своевольную, чѣмъ могъ я сдѣлаться, какъ не самымъ несчастнѣйшимъ твореніемъ?“ [303].

Попавъ въ столицу, онъ, по его словамъ, „низринутъ былъ въ бездну злополучій“—

„Изъ многихъ собственныхъ опытовъ знаю, какъ трудно,—ежели не совершенно невозможно,—быть истинно-добрымъ, когда въ юныхъ лѣтахъ не обсѣменено сердце добромъ“ [304].

„Ежели бы описывать всѣ дѣянія, учиненныя мною въ сей бѣдственный годъ, можно бы ими наполнить нѣсколько тетрадей!.. Все то, что буйная распуста имѣетъ отвратительнѣйшаго и порочнѣйшаго, проходимо было мною безъ малѣйшаго зазрѣнія... Ни чинъ, ни лѣта, ни родство, ни знакомство—не защищали никого отъ моего буйства!.. Дюжій самъ по себѣ и подкрѣпляемый 18-ю забіяками, на что я не отваживался?.. Сколько разъ былъ близокъ сдѣлаться убійцею и убитымъ“ [305].

Ниже, при разборѣ интереснаго романа Измайлова: „*Евгеній*“—

---

*) Выше (вып. II стр. 668) я привелъ указаніе Болотова на то, что дворяне часто грабили тѣхъ, отъ кого должны были со временемъ получить наслѣдство.

я приведу изъ мемуаровъ много краснорѣчивыхъ фактовъ, рисующихъ съ отрицательной стороны жизнь молодого дворянина, душа котораго семейнымъ воспитаніемъ не утверждена въ истинномъ пониманіи добра. Карты, мотовство, развратъ, циничное отношеніе ко всему, что сколько нибудь отмѣчено идеальнымъ пониманіемъ жизни,—вотъ, черты этихъ „героевъ своего времени"... И очень цѣнно, что Чулковъ *первый* разсказалъ намъ, правда, въ легкомъ очеркѣ, *всю исторію жизни* такого русскаго щеголя,—въ сатирическихъ журналахъ и въ комедіяхъ этотъ образъ фигурируетъ довольно часто,—но всегда уже „готовымъ", „сложившимся „типомъ", и носитъ эпизодическій характеръ...

Фактъ безнравственности тогдашнихъ русскихъ дамъ, отмѣченный ярко въ разбираемой повѣсти, тоже находитъ безчисленное количество подтвержденій въ мемуарахъ (Ср., напр., указанія Щербатова). Ниже, при разборѣ романа: „*Неонила*", я сгруппировалъ всѣ, наиболѣе характерные, факты, иллюстрирующіе это явленіе,—теперь-же укажу, хотя-бы, на автобіографію Пишчевича,—она вводитъ насъ въ удушливую атмосферу тогдашняго неприкрытаго разврата,—она даетъ намъ рядъ яркихъ бытовыхъ сценокъ, свидѣтельствующихъ о безнравственности русской женщины изъ дворянскихъ, особенно военныхъ, слоевъ русскаго общества [306].

Недаромъ, сравнивая нравы тогдашняго россійскаго дворянства съ нравами крестьянъ, тотъ же Пишчевичъ, искушенный жизнью, въ концѣ концовъ, пришелъ къ характерному заключенію,—

„Между простыми гораздо больше благородно-мыслящихъ, нежели между тѣми, которые себя симъ титуломъ величаютъ" [307].

Нравы столичныхъ дамъ представляли для юнаго Митрофана, явившагося въ городъ учиться, или служить, такую опасность, что Лукинъ, въ свои записки включившій рядъ правилъ, которыми долженъ руководиться молодой дворянинъ, въ свѣтъ вступающій, — указывалъ, между прочимъ, на необходимость остерегаться тогдашнихъ „дамъ":

„Важность немалая молодому человѣку, будучи въ компаніи, гдѣ также могутъ быть барыни и дѣвицы, которыя иногда имѣютъ привычку надъ молодыми молодцами производить искусныя шутки, коихъ, однако, надлежитъ остерегаться, и, благоразумнымъ образомъ, безъ стыдливости, „отстаивать" себя, не довести въ какой порокъ" [308].

Совсѣмъ съ другой стороны къ тому же типу—„щеголю" и „щеголихѣ"—подходитъ анонимный авторъ повѣсти: „*Кривоносъ-домосѣдъ, страдалецъ модной*" [309]. Въ этомъ произведеніи разсказана печальная жизнь автора, который, по его словамъ, былъ про-

изведенъ на свѣтъ Божій „щеголихой“ отъ отца „щеголя“—обоихъ помѣшавшихся на модѣ...

Съ горькимъ юморомъ,—иногда переходящимъ въ озлобленіе и негодованіе,—иногда смѣняющимся грустными настроеніями,—повѣствуетъ авторъ свою грустную исторію:

„Вся жизнь моя, съ самой минуты вступленія моего въ свѣтъ, была непрерывною цѣпію пагубныхъ дѣйствій моды, изображенныхъ въ слѣдующемъ повѣствованіи: тотъ, коего я долженъ назвать своимъ отцемъ, жилъ въ столицѣ Сѣвернаго государства М...; онъ былъ, хотя не весьма знатнаго, однако же и не совсѣмъ подлаго,—какъ по модѣ говорятъ,—состоянія человѣкъ, и имѣлъ, кромѣ помѣстья, должность“ [310].

Денегъ-бы ему хватило на безбѣдную жизнь, если бы мода не заставила его—

„содержать карету и лошадей, любовницъ, гусаръ, егеровъ и другихъ, столь же надобныхъ, какъ пудра и помада, служителей, одѣтыхъ, по модѣ же, въ разнородное платье“ [311].

Слѣдуя модѣ, долженъ онъ былъ ѣздить по клубамъ,—посѣщать разныя „позорища, устраивать игры и кормить людей болѣе богатыхъ, чѣмъ былъ онъ самъ... Немудрено, что отъ такой жизни его имѣніе стало приходить „въ неисцѣлимую чахотку“. Но неисправимый „щеголь“-вертопрахъ не унывалъ. Когда ему стукнуло уже сорокъ лѣтъ отъ роду, онъ влюбился и рѣшилъ жениться...

„Она, хотя была не богата, однакожъ весьма пригожа. Будучи воспитана при дворѣ, была весьма пріятна въ обхожденіи и довольно знала, что такое есть свѣтъ“ [312].

Это особенно въ ней и понравилось будущему ея мужу. Въ полчаса онъ постигъ всѣ достоинства этой барышни, а на то, что она была бѣдна—онъ не посмотрѣлъ,—„ни одинъ любовникъ на такую малость не взираетъ“—остритъ по этому поводу разсказчикъ.

„И вотъ, онъ „открылъ ей немедленно любовной пламень свой и въ такихъ при томъ выраженіяхъ, кои, обыкновенно, бываютъ въ модѣ у людей, приписывающихъ себѣ тонкія и нѣжныя чувствованія“ [313].

Она, видя, что онъ—„бодръ, пригожъ, статенъ, одѣвается по модѣ, ѣздитъ въ прекрасной аглинской каретѣ и имѣетъ многихъ при себѣ служителей, возъимѣла столь хорошія объ немъ мысли, что не отважилась коснѣть согласіемъ на его предложеніе“ [314]. Пышно отпраздновали они свадьбу... Сначала, въ теченіе первыхъ недѣль, они были счастливы.

„потомъ, мало по малу, начала обладать супружествомъ ихъ та же самая мода, которая поспѣшествовала прежде братскому ихъ союзу,—то есть легкомысліе“ [315].

Молодая жена, оказалось, имѣла любовниковъ... „Если бы разводы были тогда въ такой модѣ, какъ нынѣ“—онъ развелся-бы, но тутъ удовлетворился онъ шашнями съ комнатными дѣвушками... Имѣніе его скоро все было прожито... Но въ это самое время „очень кстати“, онъ получилъ большое наслѣдство отъ умершаго брата,—человѣка богатаго, скупца и ростовщика („бралъ съ незнакомыхъ по 6 к. на 1 р. въ мѣсяцъ, а съ знакомыхъ—по 10 к.). Къ тому же онъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, былъ воеводой,—„гдѣ часто дѣлалъ такіе обороты, за кои простодумы подвергаютъ себя кнуту“ [316]. Когда онъ умеръ, — все перешло къ брату, — отцу Кривоноса...

„Тогда была такая же мода, какъ и нынѣ, что люди, умирая, ни о чемъ толико не заботились, какъ о томъ, чтобы собранныя ими сокровища не достались въ чужой родъ, а „чужимъ родомъ“ называли, обыкновенно, и собственныхъ своихъ дочерей ради того, что онѣ, заимствуя себѣ прозваніе отъ мужей своихъ, а не отцовъ, не могли величать имени ихъ, когда оно пресѣкалось въ устахъ народа“.—Оттого „отдаляли всегда почти отъ наслѣдства десять особъ женскаго пола съ 50-ью дѣтьми ихъ противу одного мужчины, носящаго на себѣ имя отцовское“ [317].

Сейчасъ же, по полученіи наслѣдства, отца окружили прежніе друзья... Онъ былъ очень доволенъ смертью брата,—однако, слѣдуя модѣ, носилъ трауръ по немъ. Въ это самое время мать Кривоноса была имъ беременна.

„Я не знаю, кто подлинно былъ мой родитель, ибо, какъ уже выше объявилъ, мать моя жила не такъ, какъ живутъ люди, незнающіе довольно свѣта, что самое и служило для меня нещастіемъ“ [318].

Мать его шнуровалась корсетами, ради сбереженія хорошаго стана, —

„Итакъ, въ угодность сей модѣ, принужденъ я былъ сносить, чтобы посредствомъ таковыхъ корсетовъ, стѣсняли первоначальное мое жилище столько, сколько возможно“—„Теперь довольную я имѣю причину думать, что слабой составъ моего тѣла, частые болѣзненные припадки, которые я чрезъ всю свою жизнь претерпѣваю,—равнымъ образомъ хребетъ, почти двумя дюймами выше обыкновеннаго стоящій, также наростъ на лѣвомъ моемъ бедрѣ, и кривой носъ,—что все я съ собою на свѣтъ изъ утробы матерней вынесъ“ [319].

Роды были очень тяжелыми. По мнѣнію Кривоноса, это было результатомъ того, что мать, слѣдуя модѣ, сильно шнуровалась. Къ тому же, во время беременности, она много танцовала... Ей дѣлалась дурно—но она все плясала такъ усердно,—что ребенокъ „едва во утробѣ ея не увялъ и не исчезъ“.—Повивальную бабку поразилъ въ новорожденномъ, больше всего, его кривой носъ.

„которой былъ совсѣмъ не по модѣ... И она, сколько можно, старалась оной выпрямить, истощивъ на то все свое искусство, но безъ всякаго успѣха“ [320].

„Отецъ ни у кого въ роднѣ не находилъ кривого носа, кромѣ какъ у одного своего пріятеля, который жилъ цѣлый годъ съ ними“ [321].

Мать не кормила сама, такъ какъ и это считалось тогда немоднымъ,—она,—

„молоко стала у себя присушивать, прикладывая къ грудямъ своимъ пластыри и, хотя отъ сего смертельную, было, получила себѣ болѣзнь, однакожъ претерпѣла оную, какъ Ироиня, дабы пріобрѣсть славу, что во всемъ послѣдуетъ модѣ“ [322].

О здоровьи сына она совсѣмъ не безпокоилась. Между тѣмъ, кормилица его не имѣла молока здороваго.

„Я по модѣ заточенъ былъ въ самой малой, темной, отдаленной и нездоровой уголъ“, гдѣ не было совсѣмъ воздуху [323]—разсказываетъ онъ.

Ночью кормилица не обращала вниманія на плачъ мальчика и спокойно спала, не смотря за нимъ и не слушая его... Замѣтивъ, что ребенокъ по ночамъ не спитъ, а плачетъ, мать обратилась къ доктору, который сталъ давать ему по два раза въ день промывательное и какое-то лекарство внутрь, —

„коихъ вся сила состояла въ томъ, что онѣ хранились въ Аптекѣ и продавались недешево“ [324].

Послѣ самаго энергичнаго леченія, Кривоносъ оказался совсѣмъ изнуреннымъ... Ради моды его мыли въ холодной водѣ — и онъ всегда простужался. Наконецъ, мать его умерла родами, спустя пять лѣтъ; отецъ, для моды, потосковалъ опредѣленное время, и скоро женился во второй разъ.

„Самое первое молодой моей мачехи старанье было то, чтобъ я, какъ крапивное сѣмя и чуждое отрады, имѣвши горбъ на спинѣ, наростъ на бедрѣ, шишку на рукѣ и кривой носъ,—отдаленъ былъ отъ ея очей“ [325].

И вотъ, отдаютъ Кривоноса въ домъ вельможи, у котораго былъ избалованный и испорченный сынъ,—на него Кривоносъ долженъ былъ оказывать благотворное вліяніе своимъ хорошимъ поведеніемъ... У нихъ въ домѣ былъ дядька-французъ, который—

„за неуплату нѣкоторыхъ долговъ по забору алмазныхъ вещей для украшенія преданныхъ и искреннихъ ему особъ изъ прекраснаго женскаго пола, принужденъ былъ претерпѣть такія грубости, коимъ онъ довольно надивиться не могъ, въ разсужденіи той вѣжливости которою французской народъ отличается отъ всѣхъ прочихъ“ [326] — иронизируетъ Кривоносъ, вспоминая своего наставника.

Воспитаніе, которое этотъ французъ давалъ русскому баричу, состояло въ слѣдующемъ:

„весьма рачилъ о образованіи его вкуса и поставленіи во всемъ томъ, что только могло приличествовать знаменитости его рода и состоянія, какъ то: пренебреженіе отечественнаго языка, искусное шарканье, шитье по дюжинѣ паръ платья въ мѣсяцъ чрезъ портныхъ, выписывающихъ прямо изъ Парижа и Лондона товары... Неуваженіе гражданскихъ священныхъ законовъ, обращенье въ смѣхъ всего, что почитается народомъ, приноровленье ласкательства къ мѣсту, лицамъ и обстоятельствамъ, свѣдѣнье игръ, служащихъ провожденьемъ времени благородныхъ особъ, забвеніе и имени хозяйства и домоводства—замѣчаніе всѣхъ происшествій въ тѣхъ домахъ, гдѣ водятся красноперыя птички, и страсть къ путешествію во Францію, для наслажденія пріятною жизнью и истощенія тѣлесныхъ силъ“ [327].

Кривоносъ недолго оставался въ этомъ домѣ,— его здѣсь не взлюбили, и онъ отданъ былъ въ народное училище... Въ школѣ онъ учился прилежно — за это ученики ругали его и обижали, такъ какъ мода требовала, чтобы никто ничего въ школѣ не дѣлалъ, и всѣ бы безобразничали [328]. Кривоносъ терпѣливо сносилъ всѣ обиды. Въ это время умираетъ его отецъ. Кривоносъ ничего не получаетъ изъ наслѣдства, такъ какъ мачеха сумѣла это ловко устроить, и начатую тяжбу Кривоносъ проигралъ... Тогда онъ сталъ искать мѣста... Ему говорятъ, что мода требуетъ, чтобы у него, какъ и у всѣхъ, были „благодѣтели“... Цѣлые дни простаивалъ Кривоносъ по прихожимъ у разныхъ вліятельныхъ лицъ, но часто не былъ даже допускаемъ до лицезрѣнія своихъ будущихъ патроновъ.

„Можетъ статься, и отлагательство къ доставленію мнѣ щастья происходило отъ того, что я неточно въ раболѣпномъ ласкательствѣ наблюдалъ моду, и кланялся болѣе головѣ, нежели хвосту“ [329].

Впрочемъ, одинъ изъ его „благодѣтелей“ предложилъ, было ему мѣсто, но съ тѣмъ, чтобы Кривоносъ женился на его любовницѣ... Кривоносъ очень живо въ своемъ разсказѣ представляетъ, какъ отъ вѣжливаго „вы“ начальство перешло на „ты“, когда онъ отказался отъ такого „лестнаго“ предложенія... Кривоносъ отвѣтилъ: „больное и слабое мое тѣло совсѣмъ не для распространенія рода человѣческаго устроено“ [330]. Мѣста онъ не получилъ. Хозяинъ квартиры убѣждаетъ Кривоноса „примѣняться къ настоящимъ обычаямъ“,—жить открытѣе, веселѣе, чтобы сблизиться съ людьми... Кривоносъ попробовалъ, было, завести друзей, но скоро отъ нихъ и ихъ веселія „впалъ въ задумчивость“, и долженъ былъ лечиться... Модный докторъ, къ которому онъ обратился, сказалъ ему, что, „при такой воздержности, какую онъ наблюдалъ,

могъ онъ еще удобно прожить лѣтъ съ двѣнадцать", но потомъ будетъ себя чувствовать все хуже и хуже, если не станетъ принимать одного моднаго лекарства... Но Кривоносъ отъ этого моднаго средства и отъ діэты совсѣмъ расхворался... Тѣмъ не менѣе, докторъ настаивалъ на своемъ леченіи, увѣряя, что лекарство онъ прописалъ прекрасное: „Голландія получаетъ за оное каждой годъ чистой прибыли до милліона червонцевъ!" [331]—говорилъ онъ Кривоносу... Другой докторъ сталъ лечить его иначе: чистымъ воздухомъ и чтеніемъ... Одна изъ книгъ, имъ прочтенныхъ, оказалась—„*Вѣщаніе глупости*" [332]. Она и принесла Кривоносу облегченіе, — онъ примирился со своей участью и успокоился на презрѣніи къ людямъ.

Даже сжатый пересказъ даетъ основаніе признать за этимъ произведеніемъ несомнѣнный бытовой интересъ... О „щеголяхъ" и „щеголихахъ" приходилось мнѣ уже говорить неразъ выше, объ иностранцахъ-воспитателяхъ точно такъ же; совмѣстное воспитаніе бѣдныхъ дворянъ съ богатыми баричами, „для компаніи",—обычай, тоже очень распространенный въ XVIII-омъ столѣтіи (ср., напр., дѣтскіе годы Крылова). Наконецъ, исканіе „патроновъ", и даже та услуга, которая отъ Кривоноса потребовалась его „благодѣтелемъ",—все это и жизненно, и правдиво...

„Оригинальнымъ" въ этой любопытной повѣсти надо признать *тонъ* ея: какъ Чулковъ сумѣлъ осудить „щеголя", ставъ на серьезную точку зрѣнія (см. выше стр. 714-715), такъ авторъ „Кривоноса", съ необыкновенною силою и убѣдительностью, указалъ на *трагизмъ* тѣхъ послѣдствій, къ которымъ, думаю, неразъ приводило людей XVIII-го вѣка ихъ „легкостное", „свѣтское" пониманіе смысла жизни... Авторъ разбираемаго произведенія первый въ нашей литературѣ поставилъ вопросъ о судьбѣ дѣтей, которые, своею плотью и духомъ, оплачиваютъ „радости жизни" своихъ родителей...

Повѣсть Карамзина: „*Наталья, боярская дочь*" [333], представляетъ собою произведеніе тоже, во многихъ отношеніяхъ, любопытное... Прежде всего, въ нашей литературѣ это—первый сознательный опытъ создать *историческій русскій* романъ, съ соблюденіемъ couleur historique—опытъ, скажу, *удачный* потому, что нѣкоторыя детали жизни старой, дореформенной Руси автору, дѣйствительно, удалось уловить... Въ этомъ отношеніи, произведеніе это выгодно отличается отъ тѣхъ немногихъ русскихъ повѣстушекъ псевдо-историческаго содержанія, о которыхъ приходилось мнѣ говорить выше (вып. I стр. 468-475) —тамъ, кромѣ именъ, и то часто неудачно-сочиненныхъ „на старинный ладъ", мы ничего не найдемъ *историческаго*...

Затѣмъ, съ моей точки зрѣнія, представляется важнымъ то, что въ этомъ произведеніи, по признанію самого Карамзина, въ основѣ лежитъ „*быль*“, т. е. фактъ. Когда имѣешь дѣло съ такимъ литературнымъ явленіемъ, какъ поэтизація (= романизація) *факта*, тогда, легче всего можно уловить степень „литературности“ поэтическаго произведенія,—легче опредѣлить свойства той формы, въ какую облеклось содержаніе, взятое изъ жизни...

Въ началѣ своей повѣсти Карамзинъ сразу вводитъ читателя въ свои литературные замыслы, и въ то же время знакомитъ его со своими націоналистическими симпатіями...

Привожу это „введеніе“ автора:

„Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Рускіе были Рускими,— когда они въ собственное свое платье наряжались,— ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу,—то есть говорили такъ, какъ думали?.. По крайней мѣрѣ, *я люблю сіи времена*!.. Люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность,—подъ сѣнію давно-истлѣвшихъ вязовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ,—бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности,—о характерѣ славнаго народа Рускаго, и съ нѣжностію цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣться на своего почтительнаго правнука, — не могутъ наговориться со мною (ибо женщины, а особливо старыя, во всякія времена бывали говорливы!)—и не могутъ надивиться моему разуму, потому что я, разсуждая съ ними о старыхъ и новыхъ модахъ, всегда отдаю преимущество ихъ подкапкамъ и шубейкамъ, передъ нынѣшними bonnets à la...“ [334].

„Такимъ образомъ (конечно, понятнымъ для всѣхъ читателей!), старая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ; и, естьли угрюмая Парка еще нѣсколько лѣтъ не перерѣжетъ жизненной моей нити,—то, наконецъ, не найду я и мѣста въ головѣ своей для всѣхъ анекдотовъ и повѣстей, разсказываемыхъ мнѣ жителями прошедшихъ столѣтій!.. Чтобы облегчить немного грузъ моей памяти, намѣренъ я сообщить періодическимъ читателямъ періодическаго сочиненія одну *быль*, или исторію, слышанную мною въ области тѣней, въ царствѣ воображенія, отъ бабушки моего дѣдушки, которая, въ свое время, почиталась весьма краснорѣчивою, и почти всякой вечеръ сказывала сказки Царицѣ N. N.“ [335].

Такъ шутливо заканчиваетъ свои признанія авторъ, набрасывая на свой разсказъ легкій покровъ вымысла, этимъ затуманивая его реальность... Но далѣе, противорѣча себѣ, онъ заявляетъ, что не хочетъ ничего „вымышлять“, такъ какъ—

„въ такомъ случаѣ я удалился бы отъ *исторической истины, на которой основано мое повѣствованіе*!“ [336].

„Историческій элементъ“ повѣсти сказался въ правильномъ изображеніи теремной жизни русской боярышни,—

„Наталья садилась или шить въ пяльцахъ, или плести кружево, или сучить шелкъ, или низать ожерелье..." [337].

„Зимою, когда нельзя было гулять ни въ саду, ни въ полѣ, Наталья каталась въ саняхъ по городу, и ѣздила по вечеринкамъ, на которыя собирались однѣ дѣвушки,—тѣшиться и веселиться, и невиннымъ образомъ сокращать время... Тамъ мамы и няни выдумывали для своихъ барышенъ разныя забавы: играли въ жмурки, прятались, хоронили золото, пѣли пѣсни, рѣзвились, не нарушая благопристойности и смѣялись безъ насмѣшекъ" [338].

Такъ, въ уединеніи, тихо расцвѣтала Наталья... Авторъ пытается далѣе охарактеризовать ея сердце. Но здѣсь онъ чувствуетъ себя, очевидно, въ такой же мѣрѣ безсильнымъ, какъ и тогда, когда ему впослѣдствіи пришлось заставить своихъ героевъ объясняться въ любви: онъ сознавалъ, что современный ему языкъ сентиментальныхъ романовъ не подходитъ къ духу стараго времени,—но откуда было ему взять этотъ старинный языкъ?

„Читатель догадается, что старинные любовники говорили не совсѣмъ такъ, какъ здѣсь говорятъ они; но тогдашняго языка мы не могли бы теперь и понимать!... Надлежало только нѣкоторымъ образомъ поддѣлаться подъ древній колоритъ" [339].

Очевидно, то же самое произошло и съ психологіей дѣйствующихъ лицъ... Откуда было Карамзину почерпнуть свѣдѣнія о томъ, какъ чувствовали русскія дѣвушки допетровской Руси?.. Изъ повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ?... Но для писателя-сентименталиста, какимъ былъ Карамзинъ, такое „упрощенное", чисто-животное, пониманіе любви было и непонятнымъ, и неинтереснымъ, — къ тому же оно совсѣмъ не давало ему матеріала для тонкости психологическаго рисунка. Вотъ почему, какъ стиль любовныхъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ, такъ и ихъ сердца, оказались въ его повѣсти „модернизированными"...

Оттого Наталья предстала передъ нами съ характерными чертами самой типичной сентиментальной дѣвицы, во вкусѣ XVIII-го столѣтія,—съ чувствительной, тонко-чувствующей душой, съ тревожнымъ сердцемъ, взволнованнымъ романтическими настроеніями, исканіемъ чего-то иного...

Конечно, такой обрисовкѣ героевъ старины помогла и та идеализація древней Руси, къ которой пришелъ Карамзинъ. Это, лучше всего, видно изъ слѣдующаго характернаго разсказа автора о томъ, какъ воспитывали дѣтей въ старину,—

„...воспитывали дѣтей своихъ, какъ Натура воспитываетъ травки и цвѣточки,—то есть, поили и кормили ихъ, оставляя все прочее на произволъ Судьбы; но сія Судьба была къ нимъ милостива, и, за довѣренность, которую имѣли они къ ея всемогуществу, награждала ихъ

почти всегда добрыми дѣтьми,—утѣшеніемъ и подпорою ихъ старыхъ дней" [340].

„Наталья имѣла прелестную душу, была нѣжна, какъ горлица,—невинна, какъ агнецъ, мила, какъ май-мѣсяцъ,—однимъ словомъ, имѣла всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя Рускіе не читали тогда ни Локка о воспитаніи, ни Руссова Эмиля, ни Кампе, и Вейсе, ни Морина"... [341].

И вотъ, такой образцовой дѣвицей выросла и Наталья,—она любила природу, любила Бога и людей...

„Такъ жила боярская дочь"—говоритъ Карамзинъ и продолжаетъ свой разсказъ,—

„...семнадцатая весна жизни ея наступила... Травка зазеленѣлась, цвѣты расцвѣли въ полѣ, жаворонки запѣли—и Наталья, сидя поутру въ свѣтлицѣ своей, подъ окошкомъ, смотрѣла въ садъ, гдѣ съ кусточка на кусточекъ порхали птички, и нѣжно лобызались своими маленькими носиками, прятались въ густоту листьевъ.. Красавица въ первый разъ замѣтила, что онѣ летали парами—сидѣли парами, и скрывались парами... Сердце ея, какъ будто бы, вздрогнуло—какъ будто бы какой-нибудь чародѣй дотронулся до него волшебнымъ жезломъ своимъ—какъ будто то бы какой-нибудь Месмеръ прикоснулся къ нему магнетическимъ перстомъ!.. Она вздохнула... вздохнула въ другой и въ третій разъ... посмотрѣла вокругъ себя...—увидѣла, что съ нею никого не было,—никого, кромѣ старой няни (которая дремала въ углу горницы на красномъ весеннемъ солнышкѣ)—опять вздохнула... И вдругъ бриллiянтовая слеза сверкнула въ правомъ глазѣ ея,—потомъ и въ лѣвомъ... И обѣ выкатились—одна кинула на грудь, а другая остановилась на румяной щекѣ въ оной нѣжной ямкѣ, которая у милыхъ дѣвушекъ бываетъ знакомъ того, что Купидонъ цѣловалъ ихъ при рожденіи!.. Наталья подгорюнилась—чувствовала нѣкоторую грусть, нѣкоторую томность въ душѣ своей"... [342].

И вотъ тогда романтическія чувства проснулись въ ея чистомъ сердцѣ, и она затосковала... Старуха-няня усмотрѣла въ ея тоскѣ результатъ чьей-то „порчи".

„Старушка начала крестить милую свою барышню, и, съ нѣкоторыми набожными оговорками, бранить того человѣка, который взглянулъ на прекрасную Наталью „нечистымъ глазомъ",—или похвалилъ ея прелести нечистымъ языкомъ,—не отъ чистаго сердца, не въ добрый часъ"... [343].

Но причина тоски была иная,—и авторъ объясняетъ ее намъ:

„Съ небеснаго лазуреваго свода, а, можетъ быть, откуда-нибудь и повыше, слетѣла, какъ маленькая птичка Колибри,—порхала, порхала по чистому весеннему воздуху, и влетѣла въ Натальино нѣжное сердце—потребность любить, любить, любить!!!... Вотъ—вся загадка; вотъ—причина красавицыной грусти" [344].

„Красавица наша не умѣла самой себѣ дать отчета въ своихъ новыхъ, смѣшенныхъ, темныхъ чувствахъ... Воображеніе представляло ей чудеса" [345].

Вотъ, какъ проходилъ ея день,—

„Лишь только первые лучи сего великолѣпнаго свѣтила показывались изъ-за утренняго облака, изливая на тихую землю жидкое, неосязаемое злато, красавица наша пробуждалась,—открывала черные глаза свои, и, перекрестившись бѣлою атласною, до нѣжнаго локтя обнаженною, рукою вставала взглянуть на златоглавую Москву, съ которой лучезарный день снималъ туманный покровъ ночи, и которая, подобно какой-нибудь огромной птицѣ, пробужденной гласомъ утра, въ вѣяніи вѣтерка стряхивала съ себя блестящую росу—взглянуть на московскія окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рощу“ [346].

Красивый пейзажъ раскрывался передъ ея глазами. —

„Съ другой стороны являлись Натальину взору сверкающіе изгибы Москвы-рѣки, цвѣтущіе луга береговъ ея, желтѣющія поля и дымящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселяне на работы свои—поселяне, которые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились: такъ же одѣваются, такъ живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали, и, среди всѣхъ измѣненій и личинъ, представляютъ намъ еще истинную Рускую физіономію“...

„Наталья смотрѣла, опершись на окошко, и чувствовала въ сердцѣ своемъ тихую радость,—не умѣла краснорѣчиво хвалить Натуры, но умѣла ею наслаждаться... Молчала и думала: „какъ хороша Москва бѣлокаменная!.. какъ хороши ея окружности!..“ Но того не думала Наталья, что сама она, въ утреннемъ своемъ нарядѣ, была всѣхъ прелестнѣе!“

„Пусть читатель вообразитъ себѣ бѣлизну Италіанскаго мрамора и Кавказскаго снѣга,—онъ все еще не вообразитъ бѣлизны лица ея—и, представя себѣ цвѣтъ зефировой любимицы, все еще не будетъ имѣть совершеннаго понятія объ алости щекъ Натальиныхъ!.. Я боюсь продолжать сравненіе, чтобы не наскучить читателю повтореніемъ извѣстнаго,—ибо въ наше роскошное время весьма истощился магазинъ піитическихъ уподобленій красоты, и не одинъ писатель съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ!.. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидѣніями, красила нѣжныя щеки ея алѣйшимъ румянцемъ; солнечные лучи играли на бѣломъ лицѣ ея, и, проницая сквозь черныя, пушистыя рѣсницы, сіяли въ глазахъ ея свѣтлѣе, нежели на златѣ!“

„Потомъ будила она свою няню,—вѣрную служанку ея покойной матери. „Вставай, мама!“—говорила Наталья: „скоро заблаговѣстятъ къ обѣднѣ!“—Мама вставала, одѣвалась, называла свою барышню „раннею птичкою“, умывала ее ключевою водою, чесала ея длинные волосы бѣлымъ костянымъ гребнемъ, заплетала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелестницы жемчужною повязкою“ [347].

Отношеніе няни Татьяны Лариной къ своей воспитанницѣ чувствуется въ этомъ разсказѣ...

Однажды, въ церкви, Наталья увидѣла своего „героя“.

„Помолившись съ усердіемъ, она ненарочно обратила глаза свои къ лѣвому крылосу—и что же увидѣла?.. Прекрасный молодой чело-

вѣкъ, въ голубомъ кафтанѣ, съ золотыми пуговицами, стоялъ тамъ, какъ царь, среди всѣхъ прочихъ людей, и блестящій, проницательный взоръ его встрѣчался съ ея взоромъ"... 348.

Она была смущена,—и авторъ старается разобраться въ тѣхъ сложныхъ чувствахъ удивленія, восхищенія и любви, которыя теперь овладѣли ея сердцемъ.

„И такъ"—думала Наталья—„и такъ подлинно есть на свѣтѣ такой красавецъ,—такой милый человѣкъ, такой прелестный юноша?.. Какой ростъ! какая осанка! какое бѣлое, румяное лицо!.. А глаза? глаза у него, какъ молніи!.. я, робкая, боюсь глядѣть на нихъ... Онъ на меня смотритъ, смотритъ очень пристально—даже и тогда, когда молится!" 349.

Кончилось богослуженіе—

„Но барышня все еще не трогалась съ мѣста,—для того, что и прелестный незнакомецъ стоялъ, какъ вкопанной, подлѣ лѣваго крылоса. Они посматривали другъ на друга, и тихонько вздыхали... Сія нѣмая сцена продолжалась нѣсколько минутъ..."

„Наталья раза два обступилась; раза два роняла платокъ, и должна была ворочаться назадъ. Незнакомецъ оправлялъ кушакъ свой... стоялъ на одномъ мѣстѣ... смотрѣлъ на красавицу, и все еще не надѣвалъ бобровой шапки своей, хотя на дворѣ было холодно" 350.

Вернувшись домой, Наталья и тамъ продолжала волноваться—

„Она была не печальна, однакожъ и не очень весела,—подобно такому человѣку, которой, наконецъ, узналъ, въ чемъ состоитъ его блаженство, но имѣетъ еще слабую надежду насладиться онымъ. За обѣдомъ она не ѣла, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ" 351.

Дойдя до этого пункта разсказа, Карамзинъ задаетъ себѣ вопросъ—можно ли влюбиться „сразу". Но сентименталистъ, съ его экспансивностью, беретъ въ немъ верхъ надъ трезвымъ реалистомъ,—онъ рѣшаетъ свой вопросъ утвердительно и восклицаетъ, обращаясь къ читателямъ:

„А кто не вѣритъ симпатіи,—тотъ поди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру!" 352.

Дома происходитъ разговоръ Натальи съ нянней, опять напоминающій бесѣду Татьяны Лариной съ ея нянюшкой.

„Наталья пошла съ нянею въ свѣтлицу свою,—сѣла подъ любимымъ окошкомъ, вынула изъ кармана бѣлой платокъ, хотѣла что-то сказать, но раздумала—взглянула на окончины, расписанныя морозомъ—оправила жемчужную повязку на головѣ своей, и потомъ, смотря себѣ на колѣни, тихимъ и немного дрожащимъ голосомъ спросила у няни, каковъ показался ей молодой человѣкъ, бывшій у обѣдни... Старушка не понимала, о комъ говоритъ она... Надлежало изъясниться... но легко ли это для стыдливой дѣвушки?.. „Я говорю о томъ",—продолжала Наталья—„о томъ, которой...—которой былъ всѣхъ лучше!.." Няня все еще не понимала... И красавица принуждена была сказать, что онъ стоялъ подлѣ лѣваго крылоса, и вышелъ изъ церкви за ними... „Я не примѣтила его!"—холодно отвѣчала старушка 353.

Теперь хожденіе въ церковь сдѣлалось особенно-интереснымъ занятіемъ для Натальи. Съ трепетомъ съ сердцѣ—не молясь, смотрѣла она теперь только на входящихъ, —

„Вошелъ первой человѣкъ—не онъ!.. Вошелъ другой—не онъ!.. третій... четвертой—все не онъ!.. Вошелъ пятой,—и всѣ жилки затрепетали въ Натальѣ!.. Это—онъ!.. тотъ красавецъ, котораго образъ навсегда въ душѣ ея впечатлѣлся!“ 354.

Нельзя отрицать, что, въ психологическомъ отношеніи, сценка эта обрисована довольно тонко.

Пропустивъ нѣсколько дней, незнакомецъ опять явился въ церковь.

„Томная блѣдность изображалась на его лицѣ, но глаза его сіяли еще свѣтлѣе прежняго... Онъ смотрѣлъ почти безпрестанно на прелестную Наталью (которая отъ нѣжныхъ чувствъ стала еще прелестнѣе!),— и вздыхалъ такъ неосторожно, что она примѣтила движенія груди его, и, не взирая на свою скромность, угадывала причину онаго“ 355.

Совсѣмъ иначе реалистъ - Новиковъ описываетъ смущеніе героя и героини, встрѣтившихся тоже въ церкви, — тамъ любовникъ „покраснѣлъ, какъ рыжикъ“,—у Карамзина, наоборотъ, оба „блѣднѣютъ“, и все волненіе ихъ уходитъ куда-то въ глубь ихъ юныхъ взволнованныхъ сердецъ...

Взаимное увлеченіе, соединившее ихъ обоихъ, встрѣтило поддержку со стороны старой мамы: не деньгами героя куплена была старуха (какъ это случилось со старой нянькой въ „Повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ“), а чувствомъ преданности къ своей барышнѣ... Старушка обратила вниманіе на молодца, съ которымъ встрѣчалась ея воспитанница въ церкви, и, посмотрѣвъ на него, вполнѣ одобрила ея выборъ, —

„Она хвалила его съ великимъ жаромъ,—доказывала, что онъ похожъ на ея покойнаго сына; не сомнѣвалась въ знатномъ родѣ его, и желала барышнѣ своей такого супруга... Наталья радовалась, краснѣлась, задумывалась, отвѣчала: „да!.. нѣтъ!“—и сама не знала, что отвѣчала...“ 356.

Надо сознаться, что это чувство нерѣшимости, овладѣвшее сердцемъ Натальи,—чувство переходное,—одинъ изъ моментовъ наростающей и углубляющейся страсти,—тонко изображено Карамзинымъ: ни въ повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ, ни въ повѣсти Новикова еще не уловленъ былъ этотъ процессъ „выростанія чувствъ“.

Карамзинъ идетъ дальше: то отъ своего собственнаго имени, то словами и поступками своей героини онъ удачно выясняетъ читателю ея чувства.

„Но сердце красной дѣвушки есть удивительная вещь; чѣмъ оно

довольно нынѣ,—тѣмъ не довольно завтра... все болѣе и болѣе... И желаніямъ конца нѣтъ!.. Такимъ образомъ, и Натальѣ показалось уже мало того, чтобы смотрѣть на прекраснаго незнакомца, ибо всего несноснѣе противиться влеченію своего сердца... Она вставала, ходила, бралась за то и за другое,—и четверть часа показалась ей годомъ" 357.

Няня, въ угоду своей барышнѣ, устраиваетъ свиданіе ея съ нимъ. Живо, въ психологическомъ отношеніи, художественно-тонко нарисовалъ Карамзинъ бесѣду старой няни съ Натальей,—бесѣду, предшествующую свиданію.—

„Красавица также не начинала говорить и только однимъ робкимъ взоромъ спрашивала: „что... няня?.. что?..“ Старушка, какъ будто бы, веселилась ея смущеніемъ, ея нетерпѣніемъ—долго молчала, и, спустя уже нѣсколько минутъ, сказала ей: „знаешь ли, барышня, что этотъ молодой человѣкъ *боленъ?*“—„Боленъ? чѣмъ?“—спросила Наталья, и цвѣтъ въ лицѣ ея перемѣнился.—„Очень боленъ“—продолжала няня: „у него такъ болитъ сердце, что бѣдной не можетъ ни пить ни ѣсть,—блѣденъ какъ полотно, и на силу ходитъ!.. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эту болѣзнь, и для того онъ прибрелъ ко мнѣ,—плачетъ горькими слезами, и проситъ, чтобы я помогла ему!.. Повѣришь ли, барышня, что у меня слезы на глазахъ навернулись?.. Такая жалость!“—„Что же, няня?.. дала ли ты ему лекарство?“—„Нѣтъ! я велѣла подождать“.—„Подождать?..гдѣ?“—„Въ нашихъ сѣняхъ!“—„Можно ли?..Тамъ превеликой холодъ: со всѣхъ сторонъ несетъ, а онъ... боленъ!“—„Что жъ мнѣ дѣлать?.. Внизу у насъ такой чадъ, что онъ можетъ угорѣть до смерти: кудажь его ввести, пока изготовлю лекарство?.. Развѣ сюда?.. Развѣ прикажешь ему войти въ теремъ?.. Это будетъ доброе дѣло, барышня: онъ—человѣкъ честной!.. станетъ за тебя Богу молиться, и никогда не забудетъ твоей милости!.. Теперь же батюшки нѣтъ дома—сумерки, темно—никто не увидитъ, и бѣды никакой нѣтъ: вѣдь только въ сказкахъ мущины бываютъ страшны для красныхъ дѣвушекъ!.. Какъ думаешь, сударыня?“... Наталья (не знаю, отъ чего!) дрожала, и прерывающимся голосомъ отвѣчала ей: „я думаю... какъ хочешь... ты лучше моего знаешь“. Тутъ няня отворила дверь—и молодой человѣкъ бросился къ ногамъ Натальинымъ“ 358.

Любовное объясненіе ихъ было очень трогательно и совершенно въ сентиментальномъ духѣ.

„Наталья, прекрасная Наталья!.. любишь ли меня?.. Твой отвѣтъ рѣшитъ судьбу мою,—я могу быть щастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ,—или шумящая Москва-рѣка будетъ гробомъ моимъ!“.—„Ахъ, барышня!“—сказала жалостливая няня,—„отвѣчай скорѣе, что онъ тебѣ нравенъ!.. Ужели захочешь ты погубить его душу?“—„Ты милъ сердцу моему“—произнесла Наталья нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на плечо его...“ 359.

Наталья очень легко согласилась съ милымъ сердцу ея незнакомцемъ бѣжать изъ отцовскаго дома.

Предшественники Карамзина просто разсказывали о подобныхъ

эпизодахъ, не задаваясь никакими, тревожными для правдиваго художника, вопросами, въ родѣ напримѣръ, такого,—правдоподобно ли, чтобы дѣвушка, мало зная юношу, такъ скоро согласилась бѣжать съ нимъ... Карамзинъ, какъ писатель-психологъ, не миновалъ и этого вопроса, и, если разрѣшилъ его довольно поверхностно, то все-же важно, что, хотя и ненадолго, фиксировалъ свое вниманіе на немъ. —

„Кто будетъ обвинять Наталью, кто будетъ порицать ее за то, что она, видѣвъ только раза три молодого человѣка и услышавъ отъ него нѣсколько пріятныхъ словъ, вдругъ рѣшилась бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дому, не зная, куда...—тотъ не знаетъ, что̀ есть любовь; не знаетъ ея всемогущества!.. Ахъ! она можетъ сдѣлать преступникомъ самаго добродѣтельнѣйшаго человѣка!.. И кто, любивъ пламенно въ жизни своей, не поступилъ ни въ чемъ противъ правилъ строгой нравственности—тотъ щастливъ!.. Щастливъ тѣмъ, что страсть его не была въ противоположности съ добродѣтелію—иначе послѣдняя признала бы слабость свою, и слезы тщетнаго раскаянія полились бы рѣкою!.. Лѣтописи человѣческаго сердца увѣряютъ насъ въ сей печальной истинѣ“ [360].

Далѣе дѣйствіе повѣсти развертывается быстро,—герой увозитъ героиню изъ родительскаго дома; происходитъ вѣнчаніе... Обстановка обряда была самая романтическая,—въ церкви, кромѣ священника, мальчика-пѣвца, Натальи, ея возлюбленнаго и старой няни, никого не было... Обрядъ совершался въ бурную ночь...

„...мальчикъ читалъ, пѣлъ, что̀ надобно... Съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха и невѣсту, и дрожалъ при всякомъ порывѣ вѣтра, которой шумѣлъ въ худое окошко церкви“ [361].

Старикъ-священникъ тоже служилъ своеобразно,—онъ только во время обряда спросилъ у жениха и невѣсты ихъ имена, и то сдѣлалъ это совершенно на особый ладъ.—

„Я не знаю и не спрашиваю, кто вы; но именемъ великаго Бога, котораго намъ и мракъ ночи, и шумъ бури проповѣдуетъ—(въ сіе мгновеніе страшно зашумѣлъ вѣтеръ!)—именемъ Непостижимаго, ужаснаго для злыхъ, для добрыхъ милосерднаго... и пр.“ [362].

Молодые поселились въ домѣ, который находился въ лѣсу, и счастливо потянулась ихъ совмѣстная одинокая жизнь. — Сынъ опальнаго боярина, бѣжавшаго въ лѣсныя дебри отъ царскаго гнѣва, мужъ Натальи лишь тайкомъ, и то изрѣдка, бывалъ въ Москвѣ,—его влекли туда воспоминанія его дѣтства... Вотъ, какъ описываетъ онъ чувства, пережитыя имъ, когда впервые отважился онъ тайно посѣтить, милую его сердцу, Москву.

„Я увидѣлъ блестящія главы церквей, народное множество, огромные домы, всѣ чудеса царствующаго града,—и радостныя слезы сверкнули въ глазахъ моихъ... Златые дни младенчества, дни невинности и

забавы, проведенныя мною въ русской столицѣ, представились моимъ мыслямъ, какъ веселое сновидѣніе!" 363.

Война съ литовцами дала возможность мужу Натальи оказать русскимъ войскамъ во время боя услугу, за которую онъ и былъ награжденъ разрѣшеніемъ жить въ Москвѣ.

Описаніе Москвы во время войны, когда она, опустѣлая, переполнилась тревогой,—тоже представляется мнѣ удачнымъ, и, во всякомъ случаѣ, *первымъ* литературнымъ образцомъ русской исторической живописи.

„Увы!.. Какая пустота въ столицѣ Россійской!.. Все тихо, все печально... На улицахъ не видно никого, кромѣ слабыхъ старцевъ и женщинъ, которые, съ унылыми лицами, идутъ въ церковь молить Бога, чтобы Онъ отвратилъ грозную тучу отъ Русскаго царства!" 364.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что въ повѣсти Карамзина передъ нами—любопытный образецъ творчества... Если, въ литературномъ отношеніи, произведеніе является еще всецѣло-принадлежащимъ къ школѣ сентиментальной литературы, типа романовъ Руссо и Гёте (пейзажи съ настроеніемъ, чувствительность и прекраснодушіе героевъ, психологія ихъ сердецъ, субъективизмъ автора *),—то, рядомъ съ этимъ, мы встрѣчаемъ въ этой повѣсти Карамзина и многое „оригинальное": прежде всего, здѣсь онъ рѣшительно отходитъ отъ схемы построенія повѣсти, въ духѣ Вертера и „Бѣдной Лизы", (съ трагической развязкой)—и это дѣлаетъ онъ сознательно—потому, что передаетъ русскую *быль*...

Я говорилъ уже, что въ текстѣ повѣсти есть указаніе,—1) что сюжетъ этой повѣсти есть *сказка*, разсказанная Карамзину старой „бабушкой" его „дѣдушки", и—2) что она—*быль*, „историческое преданіе" — фактъ изъ семейной хроники какой-то дворянской фамиліи. Если допустить первое, — то можно, пожалуй, предположить, что разбираемая повѣсть Карамзина—представляетъ собою любопытную литературную эволюцію темы, разработанной въ повѣсти о „Фролѣ Скобѣевѣ", или въ повѣсти Новикова,—къ такому предположенію приводитъ меня тотъ фактъ, что схема обоихъ

---

*) Встрѣчается, напримѣръ, въ повѣсти такой апоѳеозъ „слезамъ":

„Слезы, блаженныя слезы,—неоцѣненный даръ милосерднаго Божества!.. Небесные перлы, вліянные въ нѣжный сосудъ человѣческаго сердца, для того, чтобы утолять печали наши!.. вы—пища чувствительнаго міра!.. вы—душа его... Безъ васъ, друзей моихъ, безъ васъ все хладно и пусто! безъ васъ нѣтъ ни щастія, ни добродѣтели!.. Злополучный, котораго блѣдное лице вами орошается, не придетъ уже въ отчаяніе: сердце, согрѣваемое вашею благодѣтельною теплотою, наслаждается кроткимъ свѣтомъ утѣшенія—а кто въ радости васъ не проливаетъ, тотъ еще не знаетъ и не чувствуетъ истинной радости!" 365.

произведеній одинакова, группировка дѣйствующихъ лицъ тожественна, ходъ дѣйствія и развязка почти одинаковы... Но трактовка готоваго сюжета совершенно оригинальна: удержавъ тѣхъ же дѣйствующихъ лицъ, Карамзинъ измѣнилъ ихъ духовные облики: a) онъ сдѣлалъ ихъ всѣхъ идеальными, въ сентиментальномъ духѣ,—и, въ результатѣ, мы изъ атмосферы грубоватой фацеціи любовнаго содержанія, попали въ міръ изысканно-чистыхъ, возвышенныхъ чувствъ и идей, въ духѣ прекраснодушнаго сентиментализма.—b) въ связи съ этимъ онъ углубилъ психическій интересъ жизни героевъ.

При такой перемѣнѣ неизбѣжно долженъ былъ поблѣднѣть тотъ первобытно-непосредственный, въ то же время наивно-красочный реализмъ, который называетъ всѣ вещи своими именами — и, взамѣнъ его, явился *художественный* реализмъ сентиментальной школы,—который вводитъ пейзажъ „съ натуры",— старается внести черты couleur historique, заботится о психологической ясности героевъ, о правдоподобіи и соотвѣтствіи ихъ словъ и дѣлъ...

Но есть данныя, свидѣтельствующія о томъ, что въ рукахъ Карамзина, дѣйствительно, могли быть и *факты*, взятые изъ самой русской жизни. И, такимъ образомъ, онъ могъ съ полнымъ правомъ назвать свою повѣсть „*былью*".

Мнѣ, напримѣръ, въ запискахъ XVIII-го вѣка посчастливилось натолкнуться на такой разсказъ изъ далекаго прошлаго одного дворянскаго рода, —

„Жилъ въ то время въ Москвѣ бояринъ Никита Ивановичъ Зиновьевъ,—человѣкъ богатый, гордый и крутого обычая... У него была красавица-дочка, которую онъ, чуть ли не съ самаго рожденія, нарекъ въ невѣсты тоже малолѣтнему сыну какого-то богатаго князя,—своего пріятеля. До той поры, пока у насъ велся азіатскій обычай держать женщинъ въ заперти, *Наталью* (такъ звали его дочь) Никитишнѣ едва удавалось видѣть вблизи не только какого нибудь посторонняго мужчину, но даже и нареченнаго жениха. Но когда Петръ, послѣ своего путешествія по Европѣ, потребовалъ, чтобы на придворныя ассамблеи и другія торжества бояре являлись съ женами и дочерьми, Наталья Никитишна, время свадьбы которой уже приближалось, увидѣла на какомъ-то парадномъ выходѣ Панкратія Богдановича... По словамъ бабушки, наслышавшейся о немъ отъ своей матери и даже видѣвшей его портретъ, который, къ сожалѣнію, до меня не дошелъ, а попалъ въ другую отрасль фамиліи, онъ былъ очень красивъ собой, а ростомъ, по ея выраженію, почти съ царя... И шелъ онъ при немъ, на этомъ выходѣ, въ бѣломъ атласномъ кафтанѣ, съ золотыми цѣпями на груди, въ высокой шапкѣ и съ сѣкирою на плечѣ... Это былъ тогдашній нарядъ рынды. Красивая наружность и этотъ красивый нарядъ сдѣлали сильное впечатлѣніе, какъ разсказывала впослѣдствіи сама Наталья Никитишна, на ея вполнѣ еще чистое сердце, огражденное до шест-

надцати лѣтъ отъ всякихъ подобныхъ увлеченій уединеніемъ терема. Молодой рында тоже заглядѣлся на ея красоту, и, если принять въ соображеніе всю обстановку тогдашняго времени, когда оба пола были совершенно разъединены,—когда ихъ свиданія могли быть только мимолетны, и всѣ объясненія должны были ограничиваться одними взглядами, то будетъ понятно, что и его страсть могла разгорѣться съ этой же первой встрѣчи, съ этихъ же первыхъ взглядовъ... Они стали искать новыхъ встрѣчъ: въ *церкви*, въ ассамблеяхъ... Но перемолвить другъ съ другомъ имъ нигдѣ не было возможности, потому что за дѣвицами все еще смотрѣли строго, особливо при строгихъ отцахъ стараго закала... Начались сношенія черезъ мамушекъ и *нянюшекъ*, купленныхъ щедрыми подарками... Панкратій Богдановичъ хотѣлъ начать сватовство; но когда ему сказали, что боярышня просватана за другого, и что онъ этимъ ускоритъ только ея погибель, потому что отецъ лучше согласится видѣть ее мертвой, чѣмъ нарушить данное слово, онъ рѣшился жениться увозомъ... Наталья Никитишна, видя сама, что другого исхода нѣтъ, согласилась,—и въ одинъ темный, зимній вечеръ нянька вывела ее изъ дому, прикрывъ нагольной шубой горничной дѣвки. Женихъ посадилъ ее въ сани,—и лихая тройка примчала ихъ въ подмосковное, довольно извѣстное, село Фили, гдѣ все было уже приготовлено къ вѣнчанью, и гдѣ оно совершилось безъ всякихъ препятствій... А на другое утро виновный поспѣшилъ явиться къ государю съ повинной головой. Сначала царь сильно разгнѣвался за такое своевольство; но потомъ, вспомнивъ заслуги его брата и щадя въ немъ самомъ вѣрнаго слугу, успѣвшаго уже показать свое усердіе, смягчился, и сказалъ: „Ну, дѣлать нечего!.. Аще Богъ сочетаваетъ, человѣкъ да не разлучаетъ!.. Покажи-ка мнѣ молодую жену!.. Стоитъ ли того, что̀ ты для нея надѣлалъ?"

„Привезъ онъ жену, ни живую, ни мертвую, всю въ слезахъ,—и гнѣва царскаго боится и еще больше родительскаго проклятія, мысль о которомъ послѣ первой минуты рѣшимости, все больше и больше стала ее мучить... Государь, взглянувъ на нее, улыбнулся. „Вижу—говоритъ—молодчикъ, что губа-то у тебя не дура!"...

„Ну, не плачь, молодая!.. поцалуй-ка меня!.. Виновата ты передъ отцомъ, да Богъ тебя проститъ по твоей молодости!.. А коли Богъ проститъ и государь проститъ, такъ и отецъ проститъ... А чтобы ему охотнѣе было простить, жалую твоего мужа въ стольники!.. Поѣзжайте сейчасъ къ отцу и скажите, что царь и великій государь прислалъ васъ къ нему просить прощенія и его родительскаго благословенія." Какъ ни разсерженъ былъ бояринъ противъ дочери, но по царскому слову, и въ особенности такого царя, каковъ былъ Петръ, волей-неволей, простилъ..." 366.

Стоило внести въ этотъ разсказъ литературные пріемы (психологическій анализъ, описанія и пр.), — стоило дѣйствующихъ лицъ обрисовать шире и глубже *),—и въ этомъ разсказѣ опре-

*) Такъ, напримѣръ, образъ отца въ повѣсти смягченъ и расширенъ патріархально-бытовыми чертами, взятыми изъ русской жизни, современной Карамзину.

дѣлятся главныя основы карамзинской повѣсти о Натальѣ (даже имя героини удержано и сохранена та же группировка!).

Впрочемъ, въ мемуарахъ XVIII-го вѣка можно еще найти нѣсколько фактовъ, любопытныхъ для объясненія литературной исторіи этой же повѣсти Карамзина.

Привожу еще одинъ характерный разсказъ: молодой купчикъ, ѣздившій съ товаромъ по дворянскимъ имѣніямъ, влюбился въ дочь одного богатаго дворянина. Неравенство соціальныхъ положеній между ними было страшное, —

„но злой духъ мучилъ неневскаго молодца, и не давалъ ему уснуть,— ему грезилась все вторая дочь помѣщика, съ которой онъ не спускалъ глазъ во время торгу такъ, какъ она съ его товаровъ... Она была молода и прекрасна собою, отецъ ея—дворянинъ и съ хорошимъ достаткомъ; торгашъ также молодъ, недуренъ собою, отмѣнно ловокъ и тоже имѣетъ достатокъ... Чѣмъ чортъ не шутитъ!.. *Развѣ не было примѣровъ, даже и въ старину, что княжескія и графскія дочки выходили за незначительныхъ людей, и что дворяночки убѣгали отъ родителей съ крѣпостными своими людьми, за которыхъ выходили замужъ*“ (курсивъ мой).

„Молодецъ рѣшился испытать счастія и началъ дѣйствовать осторожно,—онъ не осмѣлился обратиться съ предложеніемъ къ отцу, а и того менѣе къ его дочери, которыя въ то время не могли, подъ страшнымъ проклятіемъ, выбирать себѣ мужей, а должны были раболѣпно исполнять волю родителей... Ловкій парень приступилъ къ сему мечтательному намѣренію по-купечески: онъ подарилъ старой нянѣ китайки на сарафанъ, другой—бухарской, сдѣланный въ Москвѣ платокъ, всѣмъ сѣннымъ дѣвушкамъ—которой платочекъ, которой перстенекъ; одной—сережки съ цвѣтными камушками, а другой—бисерное ожерелье... Онъ не забылъ также и дворни,—всѣхъ одѣлилъ, чѣмъ попало: начиная съ малаго до старика, такъ что разорился рублей на десять, а это тогда были большія деньги!.. Вотъ всѣ и заговорили въ домѣ: „что̀ это за молодецъ!.. да какой умный и добрый!.. вотъ бы женихъ нашей барышнѣ, да жаль, что онъ—не дворянинъ и не офицеръ!..“ Между

„Въ Москвѣ бѣлокаменной жилъ бояринъ Матвѣй Андреевъ, человѣкъ богатой, умной, вѣрной слуга Царской, и, по обычаю Русскихъ, великой хлѣбосолъ... Онъ владѣлъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей,—чему въ наши просвѣщенныя времена, можетъ быть, не всякой повѣритъ, но что̀ въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостію!“

„Всякой дванадесятой праздникъ поставлялись длинные столы въ его горницахъ, чистыми скатертями покрытые, и бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ воротъ своихъ, звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ людей, сколько ихъ могло помѣститься въ домѣ боярскомъ... Потомъ, собравъ полное число, возвращался въ покои, и, указавъ каждому гостю мѣсто его, садился самъ между ими“... 367.

тѣмъ, купецъ успѣлъ наговорить бабушкамъ и мамушкамъ, что онъ—сынъ богатаго отца, съ которымъ не брезгуютъ знаться графы и князья и часто удостаиваютъ занимать у него деньги,—что они его уважаютъ и обѣщаютъ даже единственнаго его сына записать въ гвардію солдатомъ, а послѣ выхлопочутъ и офицерскій чинъ, и что это легко сдѣлать, если бы сынъ былъ женатъ на дворянкѣ, которая можетъ просить своему мужу дворянское званіе" [368].

Курсивомъ подчеркнулъ я характерное заявленіе, что сюжетъ повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ и карамзинскаго разсказа о „Натальѣ боярской дочери", опирался на *типичное*, для русской жизни, *бытовое явленіе* (неравные и неразрѣшенные браки при помощи „увоза"). Вотъ почему и повѣсть Карамзина, по этому самому, должна быть признана правдивымъ изображеніемъ одного изъ *типичныхъ* явленій русской жизни...

На сюжетъ этотъ, по собственному признанію Карамзина, натолкнули его или *сказки* бабушки, или *преданіе*—разсказъ о *фактѣ!..* И за то и за другое рѣшеніе вопроса, какъ я это показалъ, есть серьезныя данныя... Нельзя ли предположить, что Карамзинъ заинтересовался заразъ и старинной повѣстью, и фактомъ... Быть можетъ даже, поводомъ къ зарожденію такого интереса былъ какой-нибудь фактъ изъ современной Карамзину жизни?..

Я не нахожу опредѣленнаго и категорическаго отвѣта на свои вопросы, но для меня остается яснымъ одно: повѣсть Карамзина, въ постановкѣ темы и въ развитіи содержанія, является—а) оригинальнымъ русскимъ произведеніемъ, опирающимся—или на оригинальное русское творчество, корни котораго еще въ XVII-омъ столѣтій, — или на русскую дѣйствительность, и — b) носящимъ ясные признаки произведенія „историческаго"...

Вотъ почему, это произведеніе должно быть поставлено во главѣ развитія русскаго историческаго романа,—не романтическаго, а реально-сентиментальнаго, — того типа, который, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, дастъ „Капитанскую дочку" Пушкина, „Войну и Миръ" Л. Толстого...

„*Флоръ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ*" [369], повѣсть того-же Н. Карамзина, начинается съ патетическаго восклицанія:

„Пусть Виргиліи прославляютъ Августовъ!.. Пусть краснорѣчивые льстецы хвалятъ великодушіе знатныхъ!.. Я хочу хвалить Флора Силина,—простого поселянина,—и хвала моя будетъ состоять въ описаніи дѣлъ его, мнѣ извѣстныхъ!" [370].

Далѣе слѣдуетъ описаніе голода въ деревнѣ:

„По сіе время не могу я безъ сердечнаго содроганія вспомнить того страшнаго года, которой живетъ въ памяти у Низовыхъ жителей, подъ именемъ „голоднаго",—того лѣта, въ которое, отъ долговремен-

ной засухи, пожелтѣвшія поля орошаемы были однѣми слезами горестныхъ поселянъ,—той осени, въ которую, вмѣсто обыкновенныхъ веселыхъ пѣсенъ, раздавались въ селахъ стенанія и вопль отчаянныхъ, видящихъ пустоту въ гумнахъ и житницахъ своихъ,—и той зимы, въ которую цѣлыя семейства, оставя домы свои, просили милостыни на дорогахъ, и, несмотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи подъ открытымъ небомъ на снѣгу проводили"...

„Щадя чувствительное сердце моего читателя, не хочу описывать ему ужасныхъ сценъ сего времени!.. Я жилъ тогда въ деревнѣ, близъ Симбирска,—былъ еще ребенкомъ, но умѣлъ уже чувствовать, какъ большой человѣкъ, и страдалъ, видя страданіе моихъ ближнихъ!.." 371.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о добрыхъ дѣлахъ этого Флора Силина. Онъ, крестьянинъ богатый и трудолюбивый, во время ужаснаго голода, собралъ своихъ односельчанъ и сказалъ имъ:

„Послушайте, братцы!.. Вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много! пойдемъ ко мнѣ на гумно; помогите мнѣ обмолотить скирды четыре, и возьмите себѣ, сколько вамъ надобно, на весь годъ" 372.

Обращаю вниманіе на простоту этой краткой и выразительной рѣчи,—Карамзину удалось выразить тихій, некрикливый героизмъ простого русскаго мужика: никакого паѳоса, никакой ходульности нѣтъ въ этихъ простыхъ словахъ!..

Узнавъ о щедрости Силина, бѣдные стали стекаться къ нему изъ окрестныхъ деревень, и онъ „называлъ ихъ братьями своими и ни одному не отказывалъ"... Жена сперва сопротивлялась его широкой благотворительности, но онъ дѣлалъ свое, ссылаясь на завѣтъ Бога. Когда, на слѣдующій годъ, послѣ урожая, крестьяне захотѣли вернуть Силину взятое у него —

„Мнѣ ничего не надобно!"—отвѣчалъ Флоръ. „У меня много новаго хлѣба!.. Благодарите Бога,—не я, а Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ" 373.

Онъ рѣшительно не взялъ назадъ отъ нихъ хлѣба и посовѣтовалъ отдать его тѣмъ бѣднякамъ, которые не смогли „обсѣять полей своихъ".

Крестьяне были тронуты его великодушіемъ и плакали.—

„Флоръ вмѣстѣ съ ними плакалъ и смотрѣлъ на небо... что̀ онъ тамъ видѣлъ—ему, а не мнѣ извѣстно!" 374.

— патетически восклицаетъ авторъ.

Потомъ Флоръ неоднократно помогалъ и погорѣльцамъ... Когда у него не хватало денегъ, онъ отдавалъ скотъ... Однажды онъ купилъ у господина своего „двухъ дѣвокъ",—выпросилъ имъ отпускныя и выдалъ хорошо замужъ.

Повѣствованіе свое Карамзинъ заключаетъ краснорѣчивымъ обращеніемъ къ Флору Силину:

„Естьли ты еще не оставилъ насъ, другъ человѣчества, и не пре-

селился въ міръ, тебя достойнѣйшій,—въ міръ Ангельской, гдѣ рука Милости поставитъ тебя выше многихъ Царей земныхъ,—то, конечно, и теперь благотворишь ты ближнему и возвышаешь небесной санъ свой!"

„По особливому случаю и въ отдаленіи узналъ я дѣла твои! живя близъ тебя, я незналъ ихъ!.. Когда буду въ мѣстахъ, тобою украшаемыхъ, то съ благоговѣніемъ приближусь къ твоей хижинѣ и поклонюсь добродѣтели въ лицѣ твоемъ!.. Но естьли не найду тебя живого, то велю проводить себя ко гробу твоему; и на безчувственную землю пролью слезу чувствительности,—сыщу бѣлой камень, положу его на твою могилу и собственною рукою вырѣжу на немъ слова сіи:

Здѣсь покоится прахъ добродѣтельнаго человѣка.

„Просвѣщеннѣйшая нація въ Европѣ посвятила великолѣпной храмъ *мужамъ великимъ*,—мужамъ, которые удивляли насъ своими дарованіями... Съ покровенною головою не пройду я мимо сего мѣста но безъ слезъ сердечныхъ не прошелъ бы я мимо храма, посвященнаго *добрымъ изъ человѣчества*—и въ семъ храмѣ надлежало бы соорудить памятникъ Флору Силину!" 375.

Вся эта характерная повѣстушка-анекдотъ представляетъ собою образецъ романизаціи дѣйствительнаго факта. О томъ, что въ основѣ разсказа лежитъ фактъ, свидѣтельствуетъ М. Дмитріевъ въ своихъ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти".

„Я обязанъ сказать, что все, написанное Карамзинымъ о Флорѣ Силинѣ,—совершенная правда. Онъ былъ крестьянинъ моего дѣда, Ивана Гавриловича Дмитріева, изъ деревни Ивановское, болѣе извѣстной подъ другимъ названіемъ: Чекалино, въ семи верстахъ отъ нынѣшняго моего села... Я зналъ Флора Силина и помню,—какъ теперь гляжу,—его умное лицо, высокой ростъ, рѣдкую сѣдую бороду и красный носъ, потому что онъ любилъ-таки выпить... Сколько разъ, въ моемъ дѣтствѣ, онъ приносилъ мнѣ меду, изъ только что вынутыхъ сотовъ, потому что онъ былъ человѣкъ зажиточный. Пріятель Карамзина, читавшій Флору Силину описаніе его добрыхъ поступковъ, это—мой дядя Ив. Ив. Дмитріевъ... Флору Силину казалось чрезвычайно дико, что о немъ написано въ книгѣ—какъ-то онъ не вѣрилъ и думалъ, кажется, не шутятъ ли надъ нимъ и не читаютъ ли наизусть, чего совсѣмъ не написано!" 376.

Добродушный, умный мужикъ,—увы, „съ краснымъ носомъ"!—и сентиментальный „другъ человѣчества", котораго Карамзинъ готовъ былъ преждевременно похоронить только для того, чтобы „слезу чувствительности" пролить на его могилу, — это русская жизнь и ея преломленіе въ сентиментальной литературѣ конца XVIII-го столѣтія,—прекрасный образчикъ того Wahrheit und Dichtung, о которомъ неразъ приходилось мнѣ говорить выше...

При всей литературной малозначительности этого произведенія, оно въ исторіи русской повѣсти сыграло огромную роль... Въ немъ правда жизни чувствовалась замѣтнѣе, и это обстоятельство

заставило многихъ внимательнѣе всматриваться въ русскую дѣйствительность... Чувствовать радости и печали *любви*—можетъ и крестьянская дѣвушка — это сказалъ Карамзинъ своей „Бѣдной Лизой"... Но гораздо больше сказалъ онъ своимъ „Флоромъ Силинымъ": возвышенное и широкое чувство гуманности доступно *мужику*,—тому грубому, крѣпостному мужику, на котораго просвѣщенный восемнадцатый вѣкъ научилъ многихъ „образованныхъ" русскихъ людей смотрѣть, какъ на безсмысленное и безчувственное животное...

Впечатлѣніе отъ этой повѣстушки было такъ велико, что создало цѣлую литературу различныхъ „извѣстій" о героизмѣ такихъ „маленькихъ" людей, отъ которыхъ, вообще, въ XVIII-омъ вѣкѣ, съ его аристократизмомъ, не принято было ожидать „геройскихъ поступковъ"... Своимъ „Флоромъ Силинымъ" Карамзинъ, словно, открылъ глаза русскому интеллигенту,—и тотъ, съ радостнымъ изумленіемъ, призналъ, что великія побужденія не чужды мужикамъ, солдатамъ, мелкимъ чиновникамъ,—даже разбойникамъ и бродягамъ...*). Эта любопытная литература разростается въ XIX-омъ столѣтіи,—и въ нѣкоторыхъ журналахъ былъ даже открытъ особый отдѣлъ, въ которомъ собирались присылаемыя изъ разныхъ захолустныхъ угловъ Россіи „извѣстія" о великихъ подвигахъ „малыхъ", „незамѣтныхъ" людей... Несомнѣнно, пушкинская Маша Миронова, быть можетъ, чрезъ посредство вліянія повѣсти Мэстра: „Параша-Сибирячка", тѣсно примыкаетъ къ этой-же литературѣ, представляя собою результатъ литературнаго развитія той темы, которая задана была русскимъ литераторамъ еще карамзинскимъ „Флоромъ Силинымъ"...

---

*) Раньше подобные анекдоты чаще являются „переводными" и не носятъ того „русскаго" ярко-демократическаго характера, который впервые встрѣчаемъ мы въ его произведеніи. Привожу примѣры: въ „*Бесѣдующемъ гражданинѣ*" (1789) помѣщены были такіе разсказы: „Сыновняя Любовь", „Истинные честолюбцы", „Зенократъ, или истинный любитель отечества", „Другъ человѣчества" и др... Все это—нравоучительные разсказы, притчи, анекдоты, иногда историческаго характера, нерѣдко почерпнутые изъ античной исторіи... Въ „*Полезномъ упражненіи юношества*" (1789) встрѣчаемъ мы также разсказы: „Братская Любовь"; „Опытъ сыновней любви"; „Слуга-герой": „Примѣръ честности главнаго Визиря"... Одновременно съ карамзинскимъ „Московскимъ Журналомъ" мѣсто для такихъ же произведеній открылъ и журналъ Подшивалова: „*Чтеніе для вкуса, разума и чувства*"; здѣсь помѣщены разсказы: „Великодушный пастухъ"; „Могущество состраданія"; Анекдотъ о „Великодушномъ работникѣ"; „Дѣйствія страданія и благотворительности"; „Непредвидимая благотворительность" и мн. др.

Чтобы указаніе мое не было голословнымъ, привожу, для примѣра, списокъ нѣкоторыхъ такихъ „извѣстій“, появившихся въ русскихъ журналахъ *послѣ повѣстушки* Карамзина... Рядомъ съ „переводными“, или совершенно космополитичными, лишенными тѣни національнаго колорита, теперь, все чаще и чаще, появляются *русскіе* анекдоты, въ которыхъ couleur éthnografique и демократизмъ занимаютъ все болѣе и болѣе замѣтное мѣсто.

Въ „*С.-Петербургскомъ Меркуріи*“ Клушинымъ ведется отдѣлъ, носящій названіе: „Россійскіе анекдоты“ (военнаго содержанія)—здѣсь помѣщены слѣдующія произведенія: „Свойство великой души“, „Чувствительный солдатъ“, „Часовой“, „Великодушной солдатъ“, „Любовь къ отечеству“.

Въ „*Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени*“—помѣщены слѣдующія произведенія: „*Иванъ Варѳоломеичъ*“ *) П. А. Второва; „Великодушной крестьянинъ“ (пер.), истинная исторія; „Доброй крестьянинъ“ (пер.) Измайлова; „Истинное великодушіе“ (пер.); „Примѣръ сыновняго усердія“; „Сугубое благодѣяніе“; „Добросердечный разбойникъ“ (пер.); „*Истинное великодушіе*“; „*Доброе сердце*“; „Истинный благодѣтель“; „Борьба честности съ бѣдствіями“ (пер.); „Опытъ объ истинномъ великодушіи“; „Vertueux“; „Героизмъ“; „*Извощикъ*“; „Хижина, или пріемышъ“ (пер.) и мн. др.

Въ „*Музѣ*“—„*Благородный поступокъ*“.

Въ „*Иппокренѣ*“—„Добродѣтельная женщина“ (пер.); „Великодушная сестра“ (пер.); „Благодарный жидъ“ (пер.); „*Анекдотъ*“; „Благородство духа въ самомъ низкомъ состояніи“; „Добродушной дикой“ (пер.).

Въ журналѣ: „*Что-нибудь*“: „Честной крестьянинъ“.

Въ „*Новостяхъ русской литературы*“: „*Новый анекдотъ*“ (съ прим. редакціи: „хорошо получать такіе отечественные анекдоты!“); „О великодушномъ поступкѣ сына“ (пер.).

Въ „*Вѣстникѣ Европы*“—„Трогательныя воспоминанія“ (пер.); „Благодѣяніе“; „*Русская честность*“.

Въ „*Другѣ Просвѣщенія*“ въ каждомъ № помѣщенъ одинъ „Русскій анекдотъ“.

Въ „*Любитель Словесности*“, среди многихъ подобныхъ произведеній, особый интересъ представляютъ собой анекдоты: „*Благородный поступокъ Муромской купеческой жены Зворыкиной*“; „*Петербургской*“; „Великодушный поступокъ покойнаго Вологодскаго Преосвященнаго Иринея“ и др.

Въ „*Сѣверномъ Вѣстникѣ*“—„*Ефимъ Пименовъ, или рѣдкій примѣръ братской любви*“; „*Великодушной поступокъ русскаго гренадера*“.

Въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ С. Глинки, рядомъ съ „военными анекдотами“, прославляющими доблесть русскихъ солдатъ, рѣже офицеровъ — помѣщены анекдоты „гражданскіе“: „Герой — крестьянинъ“; „*Русской крестьянинъ*“: „*Человѣколюбіе и мужество*“; „*Иванъ Васильевичъ Ѳоминъ*“; „*Благодѣтельный Псковской помѣщикъ Иванъ Макарье-*

---

*) Курсивомъ обозначаю я наиболѣе интересныя, въ литературномъ отношеніи, „оригинальныя“ произведенія этого типа.

вичъ Вороновъ"; „*Смоленской доброй крестьянинъ*"; „*Усердный прикащикъ Фирсъ Петровъ*"; „*Мать-россіянка*"; „Признательность за благодѣяніе"; „Григорій Яковлевичъ Трембицкій, ходатай за утѣсненныхъ"; „Михаилъ Алексѣевъ, священникъ села Воронина" и мн. др.

Я обрываю перечень этой своеобразной литературы не потому, чтобы списокъ этотъ исчерпался, а потому, что число названныхъ произведеній считаю достаточнымъ для доказательства высказанной выше мысли, что напечатаніе Карамзинымъ его повѣсти „Флоръ Силинъ" было чревато литературными послѣдствіями и повліяло на созданіе цѣлаго направленія...

Такимъ образомъ, на судьбѣ этой своеобразной литературы еще разъ подтвердился, характерный для русской литературы XVIII-го вѣка, фактъ: начавъ съ переводовъ и пересказовъ нравоучительныхъ анекдотовъ изъ жизни героевъ древности и людей запада (ср., напр., романъ Гольсмитта „Ваксфильдскій Священникъ")—героевъ и простыхъ смертныхъ,—русскіе литераторы стали, изъ чувства національнаго самолюбія, искать у себя, на родинѣ, явленій аналогичныхъ... Карамзинъ былъ первымъ литераторомъ, который, съ особой ясностью, выразилъ въ предисловіи къ своему „Флору Силину" пробужденіе въ нашемъ обществѣ этой жажды найти великое-общечеловѣческое въ русской жизни,—въ кругу простыхъ людей... По его слѣдамъ пошли другіе русскіе писатели,—и сознательность ихъ исканій, лучше всего, выразилась въ тѣхъ „предисловіяхъ" и подстрочныхъ примѣчаніяхъ, въ которыхъ, съ благородной гордостью удовлетвореннаго національнаго чувства, сообщалось во всеуслышаніе о такихъ фактахъ, которые доказывали, что и русскіе люди, даже „подлые" родомъ,—тоже *люди*—что высокія человѣческія побужденія имъ свойственны, какъ французамъ, англичанамъ, нѣмцамъ...

Привожу, для примѣра, нѣсколько такихъ предисловій:

„Дѣла человѣколюбія служатъ украшеніемъ вѣку и государству. Когда и гдѣ-бы люди ни поступали добродѣтельно, всякое чувствительное сердце радуется; но чѣмъ ближе къ намъ благотворитель,—тѣмъ живѣе наше удовольствіе!.. Естьли Россіянинъ трогаетъ меня великодушіемъ, то я радуюсь, какъ человѣкъ и еще какъ сынъ Россіи!.. Патріотъ, любя добродѣтель во всѣхъ земляхъ, обожаетъ ее въ своемъ отечествѣ,—она есть важнѣйшая услуга Государству, и примѣръ ея не только утѣшителенъ, но и полезенъ въ гражданскихъ связяхъ, имѣя спасительное на общіе нравы вліяніе... Потому обнародованіе великодушнаго дѣла есть пріятная обязанность для всякаго гражданина" [377].

„Честность всегда болѣе славится тамъ, гдѣ она рѣдка"—сказалъ одинъ французскій сатирикъ. Жаль, естьли это правда... Что въ такомъ случаѣ должно заключить объ Англіи и Франціи, гдѣ журналисты, адъютанты славы, трубятъ о великомъ, для насъ русскихъ людей, обыкновенномъ дѣлѣ честности?.. Одна бѣдная женщина въ Лондонѣ,

получивъ вмѣсто шиллинга гинею, возвратила ее—и всѣ Англійскія Вѣдомости говорили о томъ съ удивленіемъ!.. Но у насъ сколько важнѣйшихъ доказательствъ честности остается безъ всякаго замѣчанія!" [378].

„Всѣ народы отдавали справедливость заслугамъ согражданъ своихъ; всѣ народы и малѣйшія приключенія, отличныя,—или великодушіемъ, или странностію соотечественниковъ своихъ, предавали потомству... Томы анекдотовъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ изданы въ печать!.. Неужели Россіяне менѣе другихъ сдѣлали хорошаго и дурнаго?.. Неужели мы не имѣемъ ни одного анекдота, образующаго, нѣкоторымъ образомъ, свойство націи?.. Конечно есть, но оставляются безъ всякаго вниманія... Мы разспрашивали, отыскивали и нашли ихъ множество!.." [379].

„Полагая, что долгъ издателя есть такъ же долгъ человѣка, я считаю за нужное не скрывать предъ публикою благородныхъ поступковъ любезныхъ моихъ соотечественниковъ!.. Я дѣлаю сіе не съ тѣмъ, что почитаю себя въ состояніи довольно похвалить такіе поступки, какъ бы имъ въ награду,—это выше всякой моей похвалы!—я только хочу выставить ихъ въ примѣръ другимъ, которые не почитаютъ за слабость быть чувствительными, намекая, между тѣмъ, пользу предметовъ сострадания... Многіе желали бы отдать долгъ человѣчеству, но не дѣлаютъ сего потому только, что личина такъ часто близко подходитъ къ натурѣ" [380].

Изъ длиннаго списка повѣстушекъ, прославляющихъ доблесть „*малыхъ людей*", и при томъ *русскихъ*, привожу, для примѣра, содержаніе двухъ, наиболѣе крупныхъ по размѣру и интересныхъ по содержанію, произведеній, относящихся къ тому-же XVIII-ому столѣтію: „*Иванъ Варѳоломеичъ*" и „*Извощикъ*". Въ первомъ произведеніи разсказана исторія *честнаго* чиновника,—во второмъ—встрѣчаемъ мы характеристику народнаго „мудреца"—старика-крестьянина, занимающагося извозомъ...

„Иванъ Варѳоломеичъ былъ Секретарь и—чему, можетъ быть, не скоро повѣрятъ наши потомки!—*честной человѣкъ*" [381] —

— такъ эффектно начинается первый разсказъ...

Онъ безкорыстно помогалъ бѣднымъ, никогда не говорилъ: „приходи завтра"—не былъ искателенъ, не былъ и грубъ, никогда не бралъ „барашка въ бумажкѣ"—былъ справедливъ и нелицепріятенъ... Понятно, что онъ былъ очень небогатъ... Жилъ онъ счастливо въ маленькомъ домикѣ, вдвоемъ со своимъ добродѣтельнымъ слугою... Богачи называли его „упрямымъ старикомъ", а бѣдняки носили на рукахъ... Такъ —

„довольный своимъ состояніемъ Иванъ Варѳоломеичъ, съ чистою совѣстью, съ спокойнымъ сердцемъ, протекалъ путь сей жизни".

Но онъ не скрылся отъ бѣды... „Ахъ! буря разразилась надъ нимъ!" [382]—патетически восклицаетъ авторъ. Умерла его жена, по-

томъ сынъ... Самъ Иванъ Варѳоломеичъ лишился зрѣнія... Онъ совсѣмъ обѣднѣлъ,—все продалъ, жилъ въ уголкѣ... Наконецъ, пришлось ему, чтобы спасти себя отъ голодной смерти, продавать своего вѣрнаго слугу — Петра. Авторъ патетически восклицаетъ:

„Я не въ силахъ описать той сцены!.. Когда Иванъ Варѳоломеичъ объявилъ ему о своемъ намѣреніи, Петръ — такъ звали его—послѣ нѣсколькихъ минутъ молчаливой борьбы съ самимъ собой, напослѣдокъ, всхлипывая, воскликнулъ: „Баринъ! не продавай меня!.. Руки мои здоровы, голова также!.. Отпусти меня по паспорту,—и я надѣюсь пропитать тебя!“ [383].

По этому поводу авторъ восклицаетъ, обращаясь къ своимъ читателямъ:

„О, вы, которые такъ далеки отъ простолюдиновъ,—такъ далеки отъ человѣчества, не соблазнитесь!.. Иванъ Варѳоломеичъ, которой зналъ людей, которой самъ былъ человѣкъ, кинулся на шею слугѣ своему!“ [384].

Благородный Петръ выполнилъ вѣрно свое обѣщаніе, — онъ кормилъ своего барина... Впрочемъ, его благодѣянія продолжались недолго, такъ какъ Иванъ Варѳоломеичъ скоро умеръ.

Повѣсть кончается восклицаніемъ: —

„Покой праху честнаго Ивана Варѳоломеича!.. Покой костямъ добродушнаго Петра!“ [385].

Въ другой повѣсти: „*Извощикъ*“ [386] авторъ ея, Ив. Запольскій, приводитъ свой случайный разговоръ со старикомъ-извощикомъ. Свое повѣствованіе онъ прямо связываетъ съ карамзинскимъ „Флоромъ Силинымъ“, —

„Господинъ Сочинитель „Бездѣлокъ“, описывая рѣдкія качества Флора Силина, хотѣлъ прославить добродѣтель въ крестьянинѣ... Нѣчто, сему подобное, хочу и я представить въ честь одному извощику!“ [387].

Далѣе слѣдуетъ длинное разсужденіе на ту тему, что —

„не удивительно, если просвѣщенный человѣкъ сдѣлаетъ разумное, но разъ до сознательнаго отношенія къ добру дошелъ своимъ умомъ мужикъ—это великое дѣло!“ [388].

Однажды авторъ нанялъ извощика. Тотъ назначилъ очень умѣренную цѣну... Этимъ авторъ былъ очень удивленъ, и даже сталъ разспрашивать извощика, знаетъ-ли онъ дорогу; оказалось, что старикъ-извощикъ принципіально никогда не запрашиваетъ...

По этому поводу между ними происходитъ такой діалогъ:

„черезъ это и тебя въ грѣхъ ввелъ-бы и объ себѣ заставилъ бы худо подумать!“... — „Почему-жъ, старинушка?“ — спросилъ я его съ любопытствомъ... „Какъ же, батюшка!.. Коли бы я запросилъ съ тебя больше, такъ бы ты за это, съ досады, можетъ быть, и выбранилъ-бы меня!.. Вотъ бы я тебя и ввелъ въ грѣхъ!.. Да еще бъ ты сказалъ, ба-

тюшка: „экой, какой это старикъ!.. хочетъ деньги брать и напрасно!“— А я, батюшка, не привыкъ этого дѣлать!“—Тутъ вдругъ онъ вынулъ изъ-за пазухи ломоть хлѣба, и, показывая его мнѣ, дрожащимъ отъ чувствительности голосомъ сказалъ:—„видишь, батюшка, что я ѣмъ,— то и лошадь моя... Она помогаетъ мнѣ въ работѣ, а я и дѣлюсь съ нею тѣмъ, что заработалъ!.. Да, думаю, коли мнѣ этотъ кусокъ сладокъ, то и ей не горекъ!.. Что мнѣ нужды, батюшка,—кто какъ хочетъ живи! а я хочу жить чистыми своими трудами, и не хочу ни одной, какова есть, получки незаслуженной!.. Умру, батюшка, и не отдамъ никому отвѣту въ томъ, чего я не сдѣлаю!“ 389.

Затѣмъ старикъ разсказалъ автору, какъ разъ онъ вернулъ сѣдоку забытыя тѣмъ деньги,—какъ, узнавъ объ этомъ, надъ нимъ смѣялись товарищи, говоря: „экой-де ты—какой!.. Это тебѣ Богъ давалъ кладъ, а ты его не умѣлъ къ рукамъ прибрать!“

„Я сталъ себѣ послѣ думать: ну, коли-бы я, батюшка, деньги эти увезъ,—а онѣ были, можетъ быть, чужія, либо хозяинъ былъ какой человѣкъ бѣдной, то что?.. Не пришелъ-ли бы онъ на мою могилу плакаться о своемъ нещастьи?.. Я думаю, сударикъ, что его слеза дошла бы до моего гроба, и кости-бы мои поворотила! а передъ Господомъ Богомъ какой-бы я далъ отвѣтъ?“ 390.

Авторъ сталъ его разспрашивать объ его житіи-бытіи... Оказалось, у старика-извощика было два сына — одинъ хорошій, а другой совсѣмъ плохой,—

„научился въ Москвѣ всему хорошему.. Пить, гулять, мошенничать—это его первое дѣло!.. Меня не почитаетъ — ругаетъ похабными словами... Чуть не бьетъ!.. Надъ старыми людьми смѣется! — Господь знаетъ, какъ его сыра-земля держитъ!.. Два раза наказывалъ я его на міру; билъ его больно управитель; увѣщевалъ и священникъ—ну какъ нѣтъ—такъ нѣтъ!..“ 391.

Затѣмъ жалуется старикъ и на одного своего сосѣда, который постоянно вооружаетъ противъ него этого сына... Изъ разсказовъ старика авторъ предположилъ, что онъ несчастенъ, но тотъ отвѣчалъ:

„А!.. батюшка!.. Коли обо всемъ стать сожалѣть, то и вѣку нашего не станетъ!.. Почему бы я зналъ, что я хорошо живу, коли худа съ собой не вижу?.. Что еще мое за нещастье?.. Люди больше моего терпятъ! Господь Богъ и самъ сколько потерпѣлъ за насъ грѣшныхъ, да еще и невинно!.. А мы, кажется, все терпимъ по дѣламъ!.. Богъ все видитъ и знаетъ, а совѣсть-то? вить не молчитъ! такъ неужто Онъ-свѣтъ не оглянется на насъ?“ 392.

Авторъ былъ тронутъ мудрыми рѣчами старика и долженъ былъ признаться, что извощикъ достигъ истинно-христіанскаго міросозерцанія. Объ этомъ онъ и сообщилъ старику...

„Здѣсь крестьянинъ мой, воздохнувши, съ чувствительностію сказалъ: „я для того и живу, батюшка, чтобъ спокойно умереть,—чтобъ люди не плакались на меня, и никто бы не порошилъ костей моихъ!“ 393.

Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что достатка онъ средняго, ѣздитъ же въ извозъ, чтобы не сидѣть на шеѣ у сыновей.

„Сколько ты подати платишь?"—спросилъ его, между прочимъ, авторъ. —„Я думаю, много—съ дѣтьми вмѣстѣ?"—„Немножко и трудно!"—отвѣчалъ извощикъ. „да что́жъ дѣлать!.. Видно, надобно столько, такъ для того и требуютъ!.. Вить для насъ трудятся, сударикъ; день и ночь не спятъ другіе, а иной, батюшка, теряетъ здоровье, служивой-то! и умираетъ за насъ—тогда, какъ мнѣ, въ моей семьѣ, и горя нѣтъ!.. Сколько жъ еще есть бѣдныхъ людей!.. Вѣдь имъ надобно помогать.—Я одинъ всѣхъ не надѣлю; а міромъ-то—кто денежку, кто полушку, анъ бѣдному человѣку и хлѣбъ насущный, и никому это не тягостно" 394.

Авторъ, на прощанье, читаетъ извощику наставленіе: —

„Учи и сосѣдей своихъ такъ думать!.. Всѣ люди были бы добродѣтельны и щастливы, естьли бы такъ поступали, какъ ты говоришь и дѣлаешь!" 395.

Растроганный авторъ, слѣзая съ извощика, далъ ему еще двѣ копейки на чай. Но старикъ долго упрямился, не желая ихъ брать, повторяя, что „лишняго не беретъ".

Въ заключеніе, авторъ разсуждаетъ о томъ, насколько почтенна добродѣтель „въ рубищахъ", и сравниваетъ извощика съ Сократомъ и Титомъ. Затѣмъ онъ заканчиваетъ такъ:

„Истинна не требуетъ украшенія,—и потому я разсудилъ извощичьи слова изобразить самымъ простымъ, крестьянскимъ нарѣчіемъ!" 396.

Этотъ безхитростный разсказъ, представляющій собой, въ сущности, простую запись дѣйствительнаго разговора, однако, имѣетъ большое художественное значеніе: произошло это потому, что и старикъ-извощикъ, и его міросозерцаніе, и его рѣчь—„типичны"... Оттого этотъ реальный образъ, выхваченный прямо изъ дѣйствительности, такъ прямо, безъ прикрасъ, и могъ быть перенесенъ въ повѣсть... Чѣмъ, въ сущности, отъ этого „извощика" XVIII-го столѣтія отличаются нѣкоторые герои тургеневскихъ Записокъ охотника", Платонъ Каратаевъ Л. Толстого?

Уже изъ этого разсказа видно, на какую дорогу толкнулъ своимъ „Флоромъ Силинымъ" русскаго писателя-реалиста Н. Карамзинъ...

Любопытный романъ: „*Неонила, или распутная дщерь*", *справедливая повѣсть*", сочиненная А*** Л*** (2 ч. М. 1794), представляетъ собою цѣнность правдиваго бытового романа, живописующаго, правда, исключительное явленіе русской жизни, но поставленное въ такія отношенія съ реальною русской дѣйствительностью, что эта „исключительность" совсѣмъ не уничтожаетъ

собою типичности тѣхъ явленій русской жизни, которыя служатъ ей фономъ.

Авторъ этой „справедливой повѣсти“ добросовѣстно изобразилъ явленіе, которое поразило его своимъ безобразіемъ, и нѣтъ основаній не вѣрить, что только литературная скромность удержала его отъ дальнѣйшаго, болѣе натуралистическаго, освѣщенія деталей этого факта.

Въ предисловіи его читаемъ:

1. „Предусмотрѣно, что повѣсть сія учинилась бы гораздо пространною, ежели бы разсказывать *всѣ*, развращенною дщерью содѣланные, пороки, въ разсужденіи чего оная сокращена. И такъ, въ листахъ сихъ заключаются только главнѣйшія ея погрѣшности, и читатель весьма легко вообразить, что непутная сія довольно много учинила противъ рода христіанскаго, когда не устранилась творить беззаконія, которыя строжайшимъ образомъ наказуются.

2. Благопристойность приказала остановить во многихъ мѣстахъ перо отъ етаго изображенія содѣланныхъ пороковъ. Болѣе ничего не пропущено изъ теченія жизни восьмнадцатилѣтней сей распутной женщины“.

Въ этихъ характерныхъ словахъ ясно указанъ тотъ путь, по которому, при созданіи этого романа, пошла романизація дѣйствительности: авторъ изъ массы яркихъ, но недоступныхъ для печати, фактовъ выбиралъ наиболѣе скромные и *типичные*—словомъ, понижалъ исключительность явленія, придавая содержанію своего произведенія болѣе общій, типичный характеръ, а разсказъ вводя въ рамки литературныхъ приличій...

Любопытна затѣмъ характеристика всѣхъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ.

Означеніе главныхъ лицъ, пріемлющихъ въ сей повѣсти участіе.

Неонила—распутная дщерь.

Вѣра Павловна Честномыслова, Неонилина мать—женщина добрыхъ качествъ и богатая.

Софія Павловна Добродушева—добродѣтельная, но бѣдная барышня.

Терентій Трифоновичъ Простяковъ—воспитанъ въ П*, однако, недальняго ума и супругъ Неонилинъ.

Никаноръ Каллистратовичъ Сластолюбовъ—человѣкъ непостоянный.

Февронія Ферапонтьевна Сластолюбова—жена онаго, 29 лѣтъ старѣе своего мужа.

Дормидонтъ Тараховичъ Щегольковъ
Перфиръ Елпидифоровичъ Мотовъ
Принархъ Анемподистичъ Волокитовъ
} Молодые прельстители.

Квинтиліанъ Трифиліановичъ Скачковъ—танцмейстеръ.

Меланія Елевферіевна Лукавова—Неонилина горничная-дѣвка, тварь хитрая.

Юліана Эрастовна Судьбинина—Неонилина другая горничная, дѣвушка добродѣтельная и счастливая.

Епистимія Епимаховна Вертлякова—Неонилина подруга, ненавидящая добродѣтель.

Надежда Андреевна Тихонравова } друзья барышни
Любовь Васильевна Благотворова } Добродушевой.

Лекарь Провъ Прокловичъ Пластыревъ—плутъ, бродяга.

Эта характеристика дѣйствующихъ лицъ сразу вводитъ читателя въ сложную жизненную интригу, построенную не на авантюрахъ, а на столкновеніи различныхъ человѣческихъ индивидуальностей.

Начинается повѣсть съ бесѣды почтенной графини Богатовой со своей приживалкой,—добродѣтельной старой дѣвицей-Добродушевой, которая читаетъ ей свои записки. Добродушева только что прочла своей патронессѣ разсказъ о той ошибкѣ, которую, по слабости сердца, совершила ея сестра,—вдова Честномыслова, выйдя вторично замужъ за человѣка недостойнаго... Графиня взволнована разсказомъ Добродушевой о подвигахъ этого бездѣльника и коварнаго „льстеца", который —

„похитилъ вдовино сердце, а она, простерши ему, безъ коварства, свою руку и тою снявъ съ него личину, узрѣла обманщика въ гнуснѣйшемъ видѣ. Бракъ сей, хотя недолго продолжался, былъ, однако, такой бракъ, которымъ только непотребнѣйшія нашего пола заслуживаютъ быть наказаны!.. Словомъ сказать: мерзкое то было супружество! Мужъ ея—злонравный, невѣрный, пьяница, игрокъ, поноситель чужой славы и изобрѣтатель новыхъ беззаконій" [397].

Ничего больше о немъ слышать не хочетъ добродѣтельная графиня, и проситъ дѣвицу-Добродушеву читать только то, что касается судьбы дѣтища, происшедшаго на свѣтъ отъ этого брака. Уже въ началѣ слѣдующей главы выясняется образъ сестры разсказчицы,—матери Неонилы,—

Обѣ онѣ въ дѣвицахъ были очень бѣдны, и даже—

„нерѣдко не имѣли столько хлѣба, чтобъ можно было утолить свой голодъ, и потому, когда оной имѣли, ѣли со вздохами и слезами" [398].

Вотъ почему, выйдя замужъ за богача-Честномыслова и, послѣ его смерти, получивъ богатое наслѣдство, сестра разсказчицы, помня о своей прежней бѣдности, сдѣлалась „другомъ бѣдныхъ"—она —

„почитала покой вящшимъ блаженствомъ, подаяніе милостыни—обязанностью, а страхъ Божій—величайшимъ своимъ сокровищемъ.

— и жила спокойно—

„Въ великолѣпномъ своемъ селѣ Никольскомъ, которое находилось въ весьма пріятной сторонѣ, отъ города М* въ 25 в.“ [399].

— отдавая пятую часть своихъ доходовъ неимущимъ... Съ нею поселилась разсказчица, которая осталась дѣвушкой, такъ какъ у нея умеръ любимый женихъ, и она, въ память его, рѣшилась навсегда остаться дѣвушкой. Многочисленныхъ претендентовъ на ея руку, по ея словамъ, отвадила она такъ:

„обѣщала каждому за меня сватающемуся, возстановить съ нимъ вѣчной союзъ тогда, сколь скоро его непорочности учинится мнѣ несноснымъ. Наконецъ, наскучили имъ ихъ прошенія, и лѣтъ уже съ пятнадцать ни одинъ мущина не трудится тщетно изъяснять мнѣ любовь свою!“ [400].

Кромѣ разсказчицы, жилъ въ домѣ старичокъ-нахлѣбникъ, Тихонравовъ, который пользовался большимъ уваженіемъ со стороны хозяйки дома. Въ его лицѣ—передъ нами вырисовывается образъ, напоминающій Никанора, только сортомъ повыше и въ другой обстановкѣ.

„другъ ея Тихонравовъ, за старостію, сложилъ съ себя должность и вознамѣрился остатокъ жизни препровесть въ Никольскомъ. Она любила сего друга, почитала его обхожденіе своимъ благополучіемъ; а блаженство разумнаго сего товарища состояло въ томъ, чтобъ угождать ей. Тихонравовъ желалъ давно покоемъ, яко даромъ неба, наслаждаться; наконецъ, удовлетворено его желаніе. Вотъ почему онъ и добродѣтельная супруга гораздо утѣшались симъ новымъ родомъ жизни“ [401].

Хозяйка дома и разсказчица съ любовью и почтеніемъ относились къ этой четѣ почтенныхъ старичковъ. Но скоро—

„лампада жизни друга нашего Тихонравова, горѣвшая весьма слабо четыре года въ Никольскомъ, погасла на 65-омъ году“ [402].

Уже изъ начала этого повѣствованія образъ вдовы, хозяйки дома, вырисовывается ясно: передъ нами—добродушная, недалекая, безвольная россійская помѣщица—то, что называется: „сырая женщина“... Совсѣмъ иною представляется сама разсказчица: это—настоящая „старая дѣва“, „вооруженная принципами“, которые ей кажутся непогрѣшимыми... Настойчивая, даже назойливая, она всюду суется со своими совѣтами и осужденіями,—постоянно хочетъ играть роль, и никогда это ей не удается... Лучше всего всѣ эти черты сказались въ ея стараніяхъ „по своему“ воспитать племянницу-Неонилу. Вообще за дѣло воспитанія этой дѣвочки взялись довольно рьяно, но толку изъ этого не вышло, быть можетъ, именно потому, что надъ нею слишкомъ „мудрили“ раз-

ные люди: любопытно, что самъ авторъ, устами разсказчицы, ясно доказываетъ, что виною неудачи было вліяніе дурной „наслѣдственности“...

Мать заботилась о воспитаніи сердца дочери,—она желала въ сердцѣ ея — „посѣять сѣмена кротости, сіе доказывала богословіею“, — Тихонравова хотѣла Неонилу пріучить къ „геройству“, почему „говорила съ онымъ (дитятею) о великолѣпіи и щегольствѣ“... Учитель разсчитывалъ воспитывать Неонилу такъ, чтобы „природныя способности“ ея имѣли возможность развиться [403].

У разсказчицы былъ опять свой планъ, и, въ проведеніи его, она, кажется, была настойчивѣе всѣхъ другихъ воспитателей Неонилы,—

„Я, напротивъ того, почитала нужнымъ расположить ученіе такимъ образомъ, чтобъ дитя само могло разсуждать о худомъ и хорошемъ. И такъ, ученіе мое состояло въ повѣствованіи и изъясненіи порока, добродѣтели, наказанія и награжденія. Я вліяла въ дитя понятіе о богатствѣ и бѣдности,—о человѣкѣ счастливомъ и несчастливомъ... Сіе мнѣ причинило много размышленій и труда. Ибо я сама выдумывала повѣсти, которыя все то въ себѣ заключали“ [404].

Сначала дѣло пошло хорошо,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось самой разсказчицѣ: дѣвочка пристрастилась къ чтенію, научилась обуздывать свои дурныя стремленія, но скоро, неожиданно для всѣхъ, въ ней обозначилась крутая перемѣна къ худшему.

„Перемѣна сія подала мнѣ причину опасаться, чтобъ не сбылось съ нею предвѣщаніе матери, которая, спустя нѣсколько дней послѣ рожденія Неонилы, сказала: „дитя сіе пойдетъ по стезямъ безбожнаго своего отца!“ [405].

Добродѣтельная дѣвица Добродушева учредила за Неонилой тайный надзоръ, и скоро убѣдилась, что дѣвочка бѣгаетъ на свиданіе къ Антошкѣ,—садовничьему ученику... Цѣломудріе непорочной старой дѣвы заставило ее въ этомъ пунктѣ своихъ записокъ сдѣлаться менѣе обстоятельной, —

„Благопристойность заставляетъ умолчать о происшедшемъ“ [406]— заявляетъ она.

Это, сдѣланное ею, открытіе повергло ее въ ужасъ:

„Похабство сіе, которымъ учинилась молодая грѣшница, любви моей недостойною, привело меня въ ужасъ“ [407].

Тѣмъ не менѣе, она все же не рѣшилась отстать отъ дальнѣйшаго проявленія своихъ педагогическихъ способностей... По поводу происшедшаго она постаралась сперва тонко и хитро объясниться съ Неонилой, а потомъ и наказать ее... Для этого она убѣдила старушку-Тихонравову помочь ей, и онѣ обѣ, не сказавъ ничего матери, увезли дѣвочку изъ дому, яко бы, для про-

гулки, а затѣмъ, въ уединеніи, энергично взялись за ея „исправленіе“... Фарисействомъ увѣренной въ себя и собой довольной добродѣтели звучитъ въ этомъ мѣстѣ повѣствованіе разсказчицы!.. Чѣмъ сильнѣе сопротивлялась Неонила, тѣмъ настойчивѣе и злѣе дѣлалась „добродѣтель“ дѣвицы-Добродушевой. Желая съ лучшей стороны выставить себя, она откровенно разсказываетъ о тѣхъ героическихъ средствахъ, къ которымъ она прибѣгала во имя добра— и современному читателю все несимпатичнѣе и несимпатичнѣе дѣлается, въ лицѣ этой старой дѣвы, „проповѣдникъ добра“. Но пріемы воспитательницы не подѣйствовали на Неонилу, и между ними произошло первое столкновеніе... Въ концѣ концовъ, Неонила „разбила въ кровь носъ старушкѣ-Тихонравовой“, затѣмъ устроила цѣлый скандалъ —

„кричала, упала и каталась по полу, подобно, какъ бѣшеная, и въ клочки разорвала свою косынку“ [408].

Потомъ она совсѣмъ отъ нихъ сбѣжала...

Послѣ исчезновенія Неонилы обѣ почувствовали себя не по себѣ: онѣ—

„каялись, что наказывали ее безъ вѣдома матери,—перепугались, обѣ не знали, что въ семъ замѣшательствѣ начать—тужили отъ часу болѣе о нашей противъ Неонилы строгости“ [409].

Пришлось разыскивать бѣглянку — и всѣхъ встрѣчныхъ онѣ спрашивали,—

„не видалъ-ли кто молодую дѣвицу, въ зеленомъ, золотымъ гасникомъ обложенномъ, сертучкѣ и въ палевой съ голубою лентою шляпкѣ“ [410].

Между ними въ это время происходилъ любопытный „педагогическій“ разговоръ: перепуганная всѣмъ случившимся и избитая старушка-Тихонравова убѣдительно доказывала, что строго съ Неонилой нельзя было поступать... Разсказчица по прежнему отстаивала необходимость строгихъ мѣръ, такъ какъ теперь она совсѣмъ убѣдилась, что Неонила поступала совершенно сознательно:

„Неонила столь же хорошо, какъ и мы, разсуждаетъ о добродѣтели и порокахъ,—знаетъ, что злонравная женщина не избѣжитъ временнаго стыда и наказанія,—что злая всѣми людьми презирается,—что сластолюбивая впадаетъ въ ядовитыя болѣзни... Все сіе знаетъ Неонила и много видѣла примѣровъ такихъ похабныхъ и подобныхъ несчастныхъ, которыхъ сластолюбіе ввергнуло въ погибель“ [411].

Поэтому въ поступкѣ Неонилы разсказчица усмотрѣла „лицемѣрное притворство“ и „отъ природы къ сластолюбію склонное сердце“... Повидимому, кромѣ „наслѣдственности“ винила она и свою сестру, мать Неонилы, за вредную мягкость ея къ дочери,

говоря, что „добродѣтельныя матери поступаютъ строго“ и только тѣ, у которыхъ самихъ совѣсть не совсѣмъ чиста,—изъ снисходительности, „дѣлаютъ упущенія“, а потомъ „тужатъ и вздыхаютъ“...

Во время этихъ собесѣдованій она замѣтила, что на встрѣчу ѣдетъ Неонила въ экипажѣ съ какимъ то молодымъ господиномъ.

„Я закричала нашему кучеру: „Артюшка, поѣзжай поперекъ дороги!.. не пропущай коляску!..“ Кучеръ то сдѣлалъ, а другой принужденъ былъ остановиться. Оба кучера, безъ дальнихъ обстоятельствъ, соскоча съ козелъ, сцѣпились за волосы“. Во время этой драки „я приказывала ей (Неонилѣ) вытти изъ коляски и сѣсть въ нашу карету“ 412.

Впервые, быть можетъ, добродѣтельная воспитательница уклонилась отъ стези строгой добродѣтели и, желая овладѣть непокорной Неонилой, стала, вмѣстѣ съ Тихонравовой, улещивать бѣглянку,—

„Мы обязались никому не открывать ея проступокъ,—обѣщали также простить онымъ, ежели исправитъ свою жизнь, и станетъ вести себя благоразумнѣе. Но она была столь неукротима, что кликала къ себѣ онаго молодчика“ 413.

Живо обрисованъ и этотъ случайный спутникъ Неонилы, который, не безъ ироніи, относится и къ Неонилѣ, и къ дамамъ, отъ которыхъ долженъ былъ ее спасать.—

„Я, подозвавши къ себѣ того молодаго господина, которой держалъ у рта бѣлой платокъ, ибо кучеръ ударилъ его нечаянно бичомъ по лицу, спросила, какимъ образомъ сдѣлался онъ сей дѣвицѣ товарищемъ...“ Онъ отвѣчалъ: „красавица сія шла въ лѣсу... Я счелъ за долгъ спросить, для чего избрала она уединенное мѣсто оное гульбищемъ, и куда мнѣ ее проводить?“

Она отвѣтствовала: „въ М.***!..“—И такъ ласкаюсь я, что вы, милая Софья Павловна, не похулите мой, противъ сей молодой дѣвицы, поступокъ?..“ Я примѣтила, что молодой сей человѣкъ меня знаетъ.

Она требуетъ возвращенія Неонилы въ ихъ экипажъ.

„И онъ, пожавши плечами, сказалъ Неонилѣ: „дорогая Неонила Петровна! Здѣсь безполезна защита, — мнѣ должно покориться: ибо приказываетъ то дама!.. но кавалеру стоило бы сіе болѣе труда!.. И такъ прошу, позвольте мнѣ имѣть честь быть впредь къ услугамъ вашимъ!“ 414

Неонила, во время обратнаго путешествія домой, нѣсколько разъ прибѣгала къ притворнымъ обморокамъ, но разсказчица, разъяренная всѣмъ происшедшимъ, запретила служанкѣ помогать ей и давала знакъ—„чтобъ она безъ жалости взирала на негодную сію дѣвчонку“... Деспотизмъ, черствость и уязвленное самолюбіе старой дѣвы ясно сказываются въ этихъ словахъ—

„радовалась я, что могу молодую сію непутную опять возвратить

ея родительницѣ и рѣшилась неловкое сіе приключеніе таить отъ оной, а за Неонилой впредь присматривать" [415].

Но, оказывается, мать уже сама узнала о всемъ происшедшемъ... У Антошки нашли деньги, серебряныя и золотыя—и старикъ-садовникъ узналъ, за что и отъ кого его ученикъ получилъ эти деньги... Живо обрисованъ, въ лицѣ этого садовника, старый и вѣрный слуга, который совѣстится своей барынѣ разсказать о происшедшемъ. Явившись къ ней, онъ долго говоритъ полунамеками; она настаиваетъ; наконецъ, онъ говоритъ все. —

„Деньги сіи получилъ онъ въ короткое время отъ барышни Неонилы Петровны, съ которою, по сказкамъ ловчаго сына Карпушки, имѣлъ негодной сей свое сходьбище и свиданіе въ садовой бесѣдкѣ" [416].

Печаль матери совсѣмъ не походитъ на сосредоточенную затаенную злость разсказчицы, — она стала изливать свое горе въ жалобахъ на судьбу, стала плакаться на свою жизнь, —

„Ахъ!.. мы воспитали дочь, которая въ беззаконіяхъ подражаетъ безбожному своему отцу!.. Ахъ! Софьюшка!.. исчезла нынѣ вся моя надежда нажить радость отъ дочери оной!" [417]—и пр.

И вотъ, мать рѣшила, было, выдать Неонилу замужъ за Антошку, разсуждая такъ:

„Богатство сдѣлаетъ его знатнымъ, а разумный поселянинъ, а особливо тотъ, который имѣетъ вотчину пространную, какова Никольская, и управляетъ съ стараніемъ и трудомъ, не столько же ли отечеству полезенъ, сколько и другой, знатной баринъ" [418].

Тихонравова совѣтовала лучше выдать Неонилу за бѣднаго дворянчика-Простякова, который давно набивался въ женихи къ Неонилѣ... Мать рѣшила испытать дочь, любитъ-ли она Антошку... Парня сослали въ отдаленную деревню, подвергли наказанію, но Неонила осталась совершенно спокойна—слушала все это „съ холоднымъ духомъ и улыбалась"... Тогда и мать Неонилы, сначала вѣрившая въ то, что Неонила „любитъ" Антошку, отказалась отъ своего романтическаго плана выдать свою дочь за него... Разсказчицѣ наблюденія надъ Неонилой дали возможность сдѣлать новые педагогическіе выводы и заключенія, —

„Я бы лучше желала, чтобъ она плакала о томъ; ибо хладнокровность сію почитала доказательствомъ злого ея сердца, и уповала, что она, со временемъ, сдѣлается нерадивою женщиною, которая безъ любви пожелаетъ обходиться со многими мущинами" [419].

Съ этого времени разсказчица, по ея словамъ, почувствовала въ своемъ сердцѣ „непреодолимую ненависть къ сей порочной".

И вотъ, Неонилу рѣшили выдать замужъ за Простякова. Слѣ-

дуетъ живая его характеристика, сдѣланная разсказчицей и свидѣтельствующая о томъ презрительномъ отношеніи, которое питала къ нему эта старая дѣвица, полная самомнѣнія.

„Ему отъ роду было двадцать четыре года, въ которыя лѣта онъ еще немного серживался; со всякимъ обходился безподобно-учтиво; любилъ науки, хотя въ остроуміи имѣлъ недостатокъ; изряднаго былъ роста, но весьма худощавъ; глаза имѣлъ нѣсколько малые и зрѣніе весьма слабое... Онъ былъ ласковъ и легковѣренъ; два года находился въ М.*** у родственниковъ своихъ болѣе для того, что желалъ и искалъ случая жениться на богатой дворяночкѣ“ [420].

Въ день сговора разсказчица, все продолжавшая слѣдить за Неонилой, къ ужасу своему, нашла въ ея комнатѣ любовное письмо нѣкоего Сластолюбова. Этотъ женатый волокита завидовалъ Простякову за то, что тотъ, съ его ничтожной „харицею“, судьбой опредѣленъ въ супруги „богинѣ“, а ему, Сластолюбову, та же судьба въ жены дала „мартышку“... Далѣе онъ проситъ, чтобы Неонила раздѣлила свое сердце между мужемъ и имъ. Въ ужасъ пришла разсказчица отъ этого „пассажа“,—тутъ она, по ея словамъ, сразу поняла, что предстоящій бракъ будетъ „бракъ постыдныхъ приключеній“... И сейчасъ-же, по своей юркости и неугомонности, начала хлопотать о томъ, чтобы помѣшать Неонилѣ пользоваться радостями жизни „во всю“: она стала вооружать Простякова противъ Сластолюбова, — стала совѣтовать прекратить съ нимъ сношенія, — а Неонилѣ она пишетъ письмо на тему: „Неонила! не будь подла“ и пр. Отвѣтъ на это письмо разсказчица получила словесный,—чрезъ горничную: Неонила приказала горничной, чтобы та передала ея добродѣтельной теткѣ слѣдующее:

„нынѣ кончилось надзирательство,—пусть она преподаетъ мораль своей кошкѣ-Сибиркѣ“ [421].

Свадьба состоялась въ городѣ, и Простяковъ, по этому поводу, написалъ къ тещѣ въ деревню блѣдное, вялое письмо—„скудельное“, какъ ехидно назвала его разсказчица.

Молодые пышно зажили въ городѣ: веселились, развлекались, въ деревню ѣхать не хотѣли... Простяковъ сразу попалъ въ полную власть къ Неонилѣ и дѣлалъ все, что она ни приказывала. Характерно, что разсказчицу на свадьбу не пригласили, а, между тѣмъ, она, привезшая въ городъ приданое, до послѣдней минуты на это разсчитывала—

„нарядилась въ лучшее свое платье и ожидала каждую минуту, что меня позовутъ съ большими учтивствами на свадьбу“ [422].

Но ее позабыли... И вотъ, она произноситъ патетическій мо-

нологъ, въ которомъ выражаетъ свою досаду. Монологъ прерывается скобками: („Я еще уповала, что меня пригласятъ къ вѣнцу, или, по крайней мѣрѣ, обѣдать!"). Въ этомъ монологѣ обращается она, между прочимъ, къ Простякову:

„Простяковъ, безумный Терентій!.. ты, подобно слѣпому, даешь себя вести". Взываетъ къ Неонилѣ: „Неонила! ты презрила мои наставленія, которыя я тебѣ о разумной жизни столь много разъ ясно вперяла" [423] и пр.

Очень живо, безсознательно-художественно, по объективности, изображена въ этомъ монологѣ досада старой дѣвы...

Является къ ней на слѣдующій день Простяковъ — и между ними происходитъ живой діалогъ.

„Наконецъ, пріѣхалъ онъ, и удивлялся, для чего я не сдѣлала имъ честь и не пристала къ нимъ,—а паче, когда они меня уже вчера къ себѣ ожидали".

„Терентій Трифоновичъ!"—сказала я—„вамъ не безъизвѣстно, что я пріѣхала вчера сюда въ десять часовъ, а теперь видите, чтобъ обратно отсель ѣхать, приказала я уже заложить карету... Однако, поговоримъ, о чемъ ни есть важнѣе!"

„Вотъ, отъ тещи вашей обѣщанное приданое,—сиречь на пятьдесятъ тысячъ рублей векселя!.. Пересмотрите ихъ!"

„Вѣрно ли?"

„Вѣрно!"

„Ну, такъ прошу потрудиться дать мнѣ и росписку, что вы получили ихъ исправно. Пожалуйте, не держите меня... Я спѣшу увѣдомить сестру свою, что ея дочка обвѣнчалась съ вами."

„Свадьба наша съ удовольствіемъ..."

„Безъ дальнихъ околичностей, Терентій Трофимовичъ... прошу не удерживайте меня своими разсказами!—

„Любезная Софья Павловна!.. я ласкаюсь, мы будемъ севодни имѣть честь васъ..."

„Пожалуйте, не держите меня, Тер. Троф.!.. Пойдемте!.. Я васъ провожу до дверей!.. (Я взяла его за руку) Ступайте! ступайте, Сударь!.. Я не болѣе ждать буду на получаса... Прощайте!"

„Онъ поцѣловалъ мою руку, пошелъ".

Однако, на прощаніе, она все же не смогла удержаться отъ язвительныхъ вопросовъ:

„...спросила я, въ добромъ ли здоровьѣ молодая его жена".

„Слава Богу!"

„Довольны ли вы ею?"

„Весьма доволенъ. Я счастливъ".

„Любитъ-ли она васъ?"

„О томъ ни мало не сумлѣваюсь, а особливо, когда я первой, которой молодую сію красоту любитъ!"

(О глупость!)

„Какъ поживаютъ Щегольковъ и Сластолюбовъ?.."—„Они оба были на моей свадьбѣ".

„Скоро-ли заплатятъ тѣ тысячу рублей, въ которыхъ вы поручились?"

(Простяковъ улыбнулся) „Щегольковъ имѣетъ отца, богатаго старичка,—онъ за него заплатитъ".

„Не отыскиваются потерянные часы?"

„Нѣтъ!"

„Сколько денегъ вы издержали на свадьбу?"

„На всякую всячину,—на платье и на свадьбу,—всего до двухъ тысячъ пяти сотъ рублей!"—„Это немного!.. а, однако, ежели счесть, то вы въ десять дней съ того времени, какъ изъ Никольска поѣхали, издержали:

Отъ тещи своей получили 1000 рублей.

Потеряли золотые репетирные и брильянтами осыпанные часы въ 600 р.; „на всякую всячину",—на платье и на свадьбу, издержали 2500 р.; порукою за Щеголькова и Сластолюбова въ 1000 р.—Итого 5100 р.

„Вѣренъ-ли счетъ, Т. Тр.?"

„Весьма вѣренъ, Сударыня."

„Итакъ, издержки сіи составляютъ почти годовые ваши проценты?.. Чѣмъ же вы намѣрены прожить сей годъ?.. Развѣ думаете приласкаться къ капиталу?"

„Матушка Вѣра Павловна будетъ столь благосклонна и не оставитъ насъ вознаградить!" [424].

Такихъ живыхъ и характерныхъ діалоговъ не встрѣчалось ни въ одномъ изъ вышеразобранныхъ мною русскихъ романовъ,—ихъ найдемъ мы только развѣ въ мемуарахъ XVIII-го вѣка, да въ романахъ XIX-го... Очевидно, сама жизнь подсказала автору разбираемаго произведенія эту необыкновенную жизненность рѣчи обоихъ собесѣдниковъ, при чемъ индивидуальности этихъ лицъ, различныхъ по типу и по темпераменту, опредѣляются ясно въ ихъ короткихъ, отрывочныхъ фразахъ...

Затѣмъ на сцену выступаютъ новые типы—городскіе кавалеры Неонилы. Вотъ, напримѣръ, Щегольковъ: этотъ городской франтъ болтаетъ безъ умолку, щедро разбросывая комплименты по адресу Неонилы... Издѣваясь надъ разсказчицей, онъ такъ повѣствуетъ ей о свадьбѣ Неонилы:

„Безподобная Софія Павловна! увѣряю васъ всею моею честью, что мы чрезвычайно были веселы!.. Чортъ меня побери!.. забавы, музыка, радость и любовь всюду насъ окружали!.. Словомъ, это была свадьба, которая веселѣніемъ нимало не уступала П..! (Подходитъ Неонила. Щегольковъ обращается къ ней). Нимфа моя!.. Грація моя!.. Муза моя!.. вы пожаловали весьма кстати, ибо мы намѣрены, коль скоро отобѣдаемъ, возобновить наши веселости!.. О, небо! Кто можетъ быть невеселъ, когда съ такою богинею, съ такимъ жизненочкомъ въ компаніи!" [425].

(Цѣлуетъ Неонилину руку).

Слѣдуютъ многословныя разсужденія Щеголькова о дамахъ,

„дѣлающихъ куръ“... Онъ берется „съ оника“ узнать характеръ всякой такой дамы.

И далѣе онъ опять начинаетъ сыпать словами:

„Сколько вамъ лѣтъ, миленькая Гармонія?.. Mon frère! ахъ, смотри, какая нѣжность!.. Какіе безподобно-бѣлые зубы!.. Какой розовой ротокъ!.. Какіе плутовскіе глазенки!.. Какая щегольская талія!.. Какія...“

„Я никогда предъ красавицей не упадаю на колѣни, но однимъ взглядомъ скажу больше ей, нежели другой Вертеръ стоня вздохами, или Ернестъ—письмами!“ [426].

Глядя на знакомыхъ Неонилы, разсказчица опять не можетъ удержаться отъ назидательныхъ рѣчей. И вотъ, она опять принимается читать Неонилѣ длинное наставленіе—

„Тебѣ извѣстна безчестная жизнь отца твоего; вѣдаешь, что ты рождена отъ недостойнаго быть ни отцемъ, ни мужемъ, ниже другомъ, которой до тѣхъ поръ велъ скотскую жизнь, пока пришелъ уже не въ состояніи больше грѣшить; пока сдѣлался противнымъ небу и посмѣшищемъ свѣту!.. Онъ былъ изъ развратныхъ развратнѣйшій, а изъ смертныхъ несчастнѣйшій... Спѣши удалиться сей обманчивой тѣни!.. Ахъ! когда бы я могла представить тебя добродѣтельной твоей матери!.. Ахъ! ежели бы я могла ей вручить добродѣтельную дочь!.. Вотъ... смотри... слезы... свидѣтельствуютъ... мою къ тебѣ любовь... Неонила! Неонила!.. ты спишь? (Она, дѣйствительно, отъ словъ моихъ заснула).

Возмущенная такой безчувственностью воспитанницы, старая дѣва разражается громовой рѣчью:

„Удались отъ меня! присутствіе твое мнѣ несносно! Пойди, безбожная!..“ [427] и пр.

Всѣ эти назидательныя рѣчи такъ мало подходили къ той атмосферѣ, которая царила въ гостиной Неонилы, что надъ проповѣдницею всѣ стали потѣшаться въ глаза, а Щегольковъ, приглашая ее къ обѣду, называетъ, въ насмѣшку, „добродѣтельною Памеллой“ [428]...

Дѣйствіе романа развертывается теперь вполнѣ естественно: всѣ характеры выяснены, основныя положенія установлены... Неонила живетъ въ городѣ „во всю“,—ея снисходительный супругъ ничего не замѣчаетъ, или дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ; разсказчица волнуется, интригуетъ, сплетничаетъ, старается возбудить энергію у сестры, изнывающей отъ горя и въ то же время отъ желанія увидѣть поскорѣе „молодыхъ“ у себя, въ деревнѣ... На разсказы старой дѣвы о томъ, какъ „молодые“ мотаютъ въ городѣ деньги, и на совѣты ея, принять энергичныя мѣры къ прекращенію этого, та добродушно возражаетъ:

„не должно въ первые дни завидовать веселостямъ новобрачныхъ; ибо они (эти дни) въ жизни нашей достойны примѣчанія!“ [429].

Между тѣмъ, разсказчица все не унимается: она установила надзоръ за Неонилой и въ городѣ: Благотворова сообщаетъ ей разныя новости о Неонилѣ. Такъ первое пикантное извѣстіе заключалось въ томъ, что Неонила выслала своего мужа къ матери, въ Никольское, —

„а сама послѣ обѣда, лежа въ кровати, будетъ брать отъ Щегольскова уроки карточной игры въ „три и три...“ [430].

Разсказчица, придя въ ужасъ отъ мысли, что Неонила увлечется карточной игрой и спуститъ все состояніе, рѣшается открыть глаза Простякову... Но тотъ оказывается (или прикидывается?) совершенно ничего не понимающимъ и безвольнымъ... Между тѣмъ, отъ Благотворовой разсказчица получила самыя вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Неонила сошлась съ Щегольковымъ... Это опять повергаетъ ее въ ужасъ и опять вызываетъ съ ея стороны, на этотъ разъ уже заглазную, „филиппику“ по адресу своей бывшей воспитанницы:

„Безбожная!“—сказала я: „развѣ это плоды добраго воспитанія?.. Не стала бы дикая камчадалка, которая, кромѣ натуры, незнаетъ инаго воспитанія, столь подло обманывать своего мужа... Ты уже съ Антошкой осмѣлилась такой сдѣлать антраша, которой и безбожнѣйшіе осуждаютъ!.. Обманщица! измѣнница! извергъ нашего пола! соблазнительница!.. Нѣтъ! ты—Сирена, которая приманиваешь, плѣняешь и низвергаешь!.. Ты любишь,—и тебѣ пріятно безумное почитаніе и злонравное ласкательство!.. ты причиною ихъ порокамъ и осужденію“ [431].

Далѣе Софья Павловна представляетъ себѣ разные ужасы, которые ждутъ Неонилу:

„она столь много учинитъ злодѣйствъ, что и злодѣй убѣгать будетъ ея обхожденія!.. Мужъ содрогнется, когда ее назовутъ его прозваніемъ!.. Наказаніе, погибель и несчастіе всюду за нею послѣдуютъ!.. Молодая сія провидоша первое займетъ мѣсто въ обманахъ. Воспоминанія о сей злодѣйкѣ въ содроганіе приведетъ добродѣтельныхъ, и по прошествіи ста лѣтъ будутъ еще о ея порокахъ ужасаться!.. Описаніе ея жизни заслуживаетъ, чтобъ всѣ дѣвицы оное питали и такую принесетъ пользу, что любострастные не будутъ откладывать свое исправленіе!“ [432].

Между тѣмъ, разсказчицу постигаетъ новое горе—она лишается небольшихъ крохъ, ею собранныхъ, такъ какъ въ городѣ обанкротился тотъ купецъ, у котораго были ея деньги... Въ горѣ она взываетъ къ судьбѣ; обидой и злостью звучатъ ея жалобы на то, что она, по ея собственному выраженію, теперь совсѣмъ „прогордонилась“, подъ старость оставшись нищей...

Между тѣмъ, вся ватага ухаживателей Неонилы, вслѣдъ за нею, явилась въ Никольское... На первыхъ же порахъ произошло несчастіе: Щегольковъ съ Неонилой, во время танцевъ, уедини-

лись на берегъ пруда, при чемъ онъ упалъ въ воду, а Неонила, не желая себя скомпрометтировать, никому не сказала о происшедшемъ,—отправилась къ гостямъ и стала спокойно танцовать. Щегольковъ потонулъ.

„барыня танцуетъ, а бѣдный Щегольковъ ловитъ, между тѣмъ, бурыхъ да каурыхъ!“ 433.

—злой ироніей звучитъ повѣствованіе разсказчицы. Затѣмъ патетическимъ монологомъ разражается она опять по адресу Неонилы...

Потомъ Неонила уѣхала веселиться въ городъ. Въ это время умерла ея мать. На похороны Неонила явилась, привезя съ собою большое и очень веселое общество изъ города. Разсказчица наблюдаетъ въ окно за гостями... Прибыли—

„двѣ четверомѣстныя кареты набиты мужчинами. Теперь они выходятъ... Неонила спрашиваетъ: „умерла она?.. Дай ей Богъ царство небесное!..“ Простиковъ выходитъ навстрѣчу и принимаетъ гостей... Неонила спрашиваетъ: „въ которой горницѣ лежитъ матушка?“... Не слышно, что онъ отвѣчаетъ... Простиковъ показываетъ ей множество ключей... Еще двѣ такія же кареты женщинъ!.. Неонила ихъ принимаетъ... Всѣ отмѣнно веселы... Кавалеры подаютъ дамамъ руки... Входятъ на крыльцо... Раздается смѣхъ въ печальномъ семъ домѣ“ 434.

Всѣ ключи и завѣдованіе хозяйствомъ переходитъ въ руки молодыхъ господъ,—разсказчица, лишенная всякихъ средствъ и положенія, должна уѣзжать, куда глаза глядятъ... Наставленій отъ тетушки Неонила не пожелала слушать никакихъ, — едва та принялась, было, читать нотаціи, Неонила холодно прервала потокъ ея краснорѣчія словами:

„Я думаю, Никольское очаровано,—лишь только успѣла я сюда пріѣхать,—принуждена уже слышать нравоученія!“ 435.

Сильную сцену представляетъ собою прощаніе разсказчицы съ тѣломъ усопшей сестры:

„потомъ пошли мы въ покой, въ которомъ находилось тѣло покойницы. Я упала подлѣ окошка на колѣни; сердце мое наполнено благоговѣніемъ... Я молилась, благодарила Бога за оказанную имъ мнѣ, съ младенчества моего до сего времени, милость; просила Творца о содержаніи и исправленіи моихъ недуговъ. Потомъ поверглась подлѣ тѣла, положила сложенныя свои руки на руки оледенѣвшей моей сестры, со слезами благодарила ее за оказанныя мнѣ благодѣянія; обняла оную и, проливая источники слезъ, простилась съ нею въ послѣдній разъ“ 436.

Потомъ начались съ нею „обмороки“...

Впрочемъ, эта добродѣтельная дѣва, по своей откровенности, выразила сожалѣніе, что она, въ свое время, когда это было ей

доступно, не присвоила себѣ „нѣсколько изъ имѣнія своей сестры“: Теперь это сдѣлать было уже поздно, и она осталась на улицѣ безъ всякихъ средствъ...

Между тѣмъ, въ Никольскомъ началась настоящая вакханалія: кутежи, игра, развратъ... Почтенному „трезвому“ старцу-священнику, отцу Пафнутію было —

„стороною дано знать, что дряхлыя его посѣщенія не считаются между пріятными“ [437].

Неонила стала учиться ѣздить верхомъ... Для уроковъ верховой ѣзды и танцевъ поселенъ былъ въ домѣ особый танцмейстеръ, о которомъ всѣ слуги въ домѣ отзывались кратко, но выразительно: „дѣтина—ухо!..“ Простяковъ весь ушелъ въ хозяйство,—при всей своей недалекости, онъ оказался „хорошимъ хозяиномъ“, и изрядно сталъ побивать крестьянъ...

Однажды лошадь Неонилы домой вернулась безъ всадницы,—поклонники ея очень встревожились.

„Сластолюбовъ прежде всѣхъ сказалъ: „поѣдемте, поѣдемте искать Неонилу Петровну!..“ Потомъ въ халатѣ и туфляхъ, безъ штановъ, вскочилъ на мокрую оную лошадь и полетѣлъ“ [438].

Оказывается, Неонилу понесла лошадь,—она упала и сломала ногу. Добродѣтельная Благотворова, живущая у нея, пишетъ, по этому поводу, разсказчицѣ слѣдующее:

„теперь выбѣсилась наша распутная!.. Ей только идетъ шестнадцатый годъ, но она уже больше искусилась въ сладострастіяхъ, нежели иная распутная женщина сорока, или пятидесяти лѣтъ“ [439].

Между тѣмъ, Тихонравова и Благотворова просятъ Неонилу помочь бѣдствующей разсказчицѣ, которой, на этотъ разъ, приходится окончательно смириться и отказаться отъ проповѣдничества. Она разсуждаетъ такъ:

„въ убогомъ семъ достояніи могу ли я отказаться не принять сего благодѣянія?.. Нѣтъ!.. Кто я? дѣвка бѣдная!.. Сколько надобно мнѣ на содержаніе свое?—весьма немного!.. Небольшая каморочка, одно блюдо въ день пищи составятъ въ моихъ обстоятельствахъ необходимые расходы...“ [440].

Простяковъ, къ которому обратились съ просьбой помочь разсказчицѣ, отказался хлопотать у жены объ ея теткѣ, и тогда Тихонравова послала письмо къ самой Неонилѣ съ добродѣтельной Ульянушкой. Неонила была взбѣшена письмомъ, ругалась, прогнала Ульянушку прочь, назвала письмо Тихонравовой „нищенскимъ“ [441]...

Между тѣмъ, любовники Неонилы ссорятся другъ съ другомъ,—у Сластолюбова съ „танцмейстеромъ“ была даже дуэль...

Часть II-ая романа начинается съ разсказа о томъ, какъ эффектно Неонила изгнала изъ своего дома Благотворову и добродѣтельную Ульянушку.

Вотъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ сама Благотворова.

„Неукротимая и бѣшеная Неонила приказала мнѣ немедленно удалиться изъ Никольскаго, ежели не намѣрена я вящшему подвергнуть себя наказанію; грозила сдѣлать меня навсегда несчастною... Я испугалась, поверглась предъ нею на колѣни и говорила: „милостивая государыня, что я учинила? чѣмъ я заслужила вашъ гнѣвъ и сіе наказаніе?—„Маланька!"—закричала она,—„поди сюда!.. по шеѣ бестію сію отсюда!.." А какъ Маланья повелѣніе сіе не въ тужъ самую минуту исполнила, то схватила она предъ собой, на столѣ, находившійся серебряный подсвѣчникъ и бросила оный ей въ грудь... Потомъ кликнула лакеевъ... Слуги вбѣжали. „Убирайтесь, скверныя!"—сказала она намъ; „тащите канальевъ сихъ съ глазъ моихъ долой!" 442.

Ульянушка, смирная, кроткая, добродѣтельная, уходитъ изъ дому, молитвой поблагодаривъ Бога за то,—

„что въ любострастномъ семъ мѣстѣ избѣжала сѣтей похотливыхъ мужчинъ" 443.

Наконецъ, и самъ Простяковъ сталъ ревновать свою супругу къ ея друзьямъ,—даже рѣшился однажды объясниться съ нею по поводу ея поведенія... Она взбѣсилась, выругала его „нищимъ", дуракомъ", „хомякомъ"... Узнавъ, что онъ деньгами помогъ изгнанной Ульянушкѣ, она разразилась такой краснорѣчивой рѣчью по его адресу:

„Смотри, пожалуй, жалкой Езопъ!"—сказала она, „ты переписываешься съ непотребною дѣвкою и посылаешь своей Дульцинеѣ подарки, а мнѣ запрещаешь всякое съ мужчинами хожденіе?.. Какъ осмѣлился ты, безумный Бертольдъ, дарить подобныхъ пахабныхъ дѣвчонокъ, да притомъ еще изъ моего богатства?.. Что ты, чай, много написалъ своей нимфѣ нѣжныхъ вздоховъ, какіе пишутъ М** дураки своимъ алырщицамъ?.. Нынѣ я тебя узнала, сахаръ!" 444.

Въ дѣйствіе романа вводится новое типичное лицо—престарѣлая супруга Сластолюбова. Она жалуется на неблагодарность своего молодого мужа,—она старше его, и, взявъ его бѣднякомъ, окружила роскошью,—

„Я содержу для него щегольскую упряжку,—одѣваю его по модѣ, но не для того, чтобъ онъ, въ великолѣпномъ нарядѣ, волочился за Простяковой!"... „Я иногда недѣли по двѣ его не вижу... спрошу: „гдѣ онъ?"—отвѣтствуютъ, что видѣли его въ Никольскомъ!.. О, естьли бы это проклятое Никольское провалилося въ тартарары!" 445.

Неонилу она называетъ „волочайкой".

Надъ молодымъ мужемъ своимъ вліянія она никакого не имѣла,—онъ издѣвался надъ ней прямо ей въ глаза:

„въ послѣдній разъ, за нѣсколько недѣль... дома, какъ я предъ зеркаломъ надѣвала свой чепчикъ, сказалъ сей молокососъ, сей дурачина!.. Повѣрьте мнѣ,—онъ прямо не въ своемъ умѣ!.. Онъ сказалъ: „душенька, Хавронья Фераонтьевна!.. розовая лента и сѣдые твои волосы безподобно къ тебѣ пристали!“ [446].

Потомъ онъ дернулъ ее за шиньонъ, и, въ ея присутствіи, дѣвку Акульку —

„схватилъ въ охабку, бросилъ на постелю, щекоталъ безъ разбору и разъ съ десять при мнѣ поцѣловалъ!“

И вотъ, эта Сластолюбова пріѣхала въ Никольское съ спеціальною цѣлью мести—устроить скандалъ Неонилѣ... Но, по приказу той, Сластолюбову обманно заперли на нѣсколько часовъ въ комнату... Неонила сама разсказала, не безъ юмора, въ письмѣ объ этой курьезной шуткѣ, разыгранной ею надъ Сластолюбовой—

„Третьяго дня посѣтила насъ одна обветшалая женщина. Я, увидѣвъ оную, не могла судить иначе, чтобъ не почесть ее за пробабушку. Она была весьма пестро, но притомъ великолѣпно, одѣта и al fresco нарумянена“ [447].

Лакей-Сидорка, видя желаніе этой дамы устроить скандалъ, удержалъ ее за платье, и предложилъ подождать въ горницѣ,—повелъ ее туда, а потомъ заперъ на ключъ... Она тамъ сидѣла, сидѣла, наконецъ, стала кричать, ломать дверь...

Затѣмъ, между нею и Малашкой происходитъ такой діалогъ:

„...Н. П. за болѣзнью своею не можетъ принять вашего посѣщенія, а баринъ поставилъ бы за удовольствіе угодить вамъ, ежели бы...“

„Меня здѣсь запереть!.. Проклятая собака могъ меня запереть!.. Сходно ли то съ человѣкомъ?.. Слыханое ли это дѣло?“

„Милостивая государыня!.. покорно прошу, скажите мнѣ...“

„Проклятый халуй могъ меня запереть въ сію кануру!“

„Нижайше прошу васъ, скажите мнѣ, что̀ вы приказать изволите моимъ господамъ?“

„Не цѣлая-ли бестія, слуга?.. Это хамовое колѣно отважилось...“

„Еще прошу, пожалуйте, скажите, что̀ вамъ угодно?“

„Послушай, дѣвушка!.. Я тебѣ скажу экстрактомъ: мнѣ хотѣлось барыню твою, проклятую б.... Или лучше изъясниться,—я намѣрена была отомстить мужа моего мамошкѣ!..“ [448].

Послѣ продолжительнаго крика, ругани, новой сцены съ Сидоркой она была, наконецъ, выпущена изъ заключенія и уѣхала во свояси...

Неонилѣ она написала письмо, въ которомъ ее именовала „потаскушкой“, а въ письмѣ къ Простякову называла его „слѣпомъ“. Между тѣмъ, Сластолюбовъ, раненный на дуэли, писалъ Неонилѣ:

„Ежели останусь живъ, то непремѣнно брошу пакостную свою

жену, на которой женился!.. Въ наказаніе черти не столь для меня страшны, какъ гнусной видъ обветшалой сей Кунигунды" [449].

Но его старая супруга его предупредила, — она забрала всѣ свои деньги и сама уѣхала отъ мужа... Малашка, клевретка Неонилы, по этому поводу такъ острила:

„Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!.. Подумайте-ка, эдакая тиранка!.. Теперь нашъ перецъ-Сластолюбовъ сѣлъ, какъ ракъ на мели" [450].

Между тѣмъ, Неонила жила, по-прежнему, широко и беззаботно... Надъ мужемъ ея всѣ смѣялись въ глаза,—прозвали его, между прочимъ, „хамелеономъ"... Слѣдуетъ любопытное подстрочное примѣчаніе, объясняющее злой смыслъ этого прозвища:

„Хамелеонъ есть примѣчанія достойное животное, которое, по виду и величинѣ, походитъ на ящерицу; но не кусаетъ, да и рта не имѣетъ и не пищею, или питіемъ, но только однимъ воздухомъ питается... Яду никакого не имѣетъ; переходитъ съ мѣста на мѣсто столь медлительно, что въ цѣлый день едва разстоянія на одинъ локоть перепалзываетъ. Мѣняетъ цвѣтъ. Глаза имѣетъ выпуклые, круглые и веселые, изъ коихъ однимъ вверхъ, а другимъ внизъ, какъ напередъ, такъ и назадъ, въ одно время смотрѣть можетъ. Никогда желудка не очищаетъ, поелику и отверстіе одно только имѣетъ" [451].

Между тѣмъ, Неонила увлеклась карточной игрой,—ея гости,— „совѣстдралы", какъ именуетъ ихъ Малашка,—обыгрывали ее такъ жестоко, что, наконецъ, даже смирный супругъ „надулъ свои брылѣ" и запротестовалъ... Но неукротимая Неонила и на этотъ разъ скоро успокоила его... Послѣ перелома ноги она совсѣмъ оправилась, и, по словамъ Малашки, во время объясненія съ супругомъ, сдѣлала первый опытъ обходиться безъ костылей, „швырнувъ одинъ барину въ рожу" [452] и разбивъ ему носъ въ кровь... [453].

Наконецъ, Простяковъ призналъ открыто, что поведеніе Неонилы переходитъ всѣ предѣлы приличія. Тогда разсказчица пытается воодушевить его на болѣе энергичную борьбу съ женой...

Въ романъ вводится трогательная „исторія добродѣтельной Ульянушки". Она, послѣ изгнанія изъ дома Простяковыхъ, живетъ въ домѣ одной богатой княгини. Неонила пишетъ княгинѣ письмо, въ которомъ опорачиваетъ нравственность Ульянушки. Княгиня вѣритъ письму, и Ульянушка изгоняется изъ княжескаго дома... Разсказчица и двѣ другія добродѣтельныя особы—Тихонравова и Благодарова заступаются за Ульянушку, очищаютъ ее отъ подозрѣній, и дѣвушка опять водворяется въ домъ княгини. За ней энергично начинаетъ ухаживать молодой князь, но она стойко обороняется отъ всѣхъ его происковъ... Ульянушка даже замужъ за него выходить не желаетъ, хотя и княгиня, и князь противъ

этого брака ничего не имѣютъ... Она не уважаетъ молодого князя за его распутство. Однажды разыгралась такая сцена:

„лишь только я сѣла за свои пяльцы, вбѣжалъ молодой князь... Онъ, поднявъ меня со стула, тащилъ до княгининой спальни; но когда отпиралъ дверь, вырвалась я отъ него... Въ то самое время, по счастію моему, взошелъ въ горницу лакей... Бѣшеной князь, видя, что ему учинить больше со мною нечего, схватилъ со стола свой арапникъ и онымъ, изо всей мочи, отвѣсилъ мнѣ нѣсколько ударовъ... Я, бывши весьма тонко одѣта, несказанно кричала, наконецъ, упала,—но тогда стегнулъ онъ меня такъ сильно по головѣ, что у меня кровь ручьемъ изо рта и изъ носу полилась“ [454].

Старый князь и княгиня подарили Ульянушкѣ по 25 р. за это поруганіе и выразили ей сочувствіе... Князь, между прочимъ, клялся, что сынъ его, въ наказаніе за безчинство, шесть недѣль посидитъ на хлѣбѣ, на водѣ...

Добродѣтельныя дамы умиляются, видя добродѣтель Ульяны,— называютъ ее „второй Памелой“, удивляясь высокой нравственности простой крестьянки, — очевидно, сравнивая ея поведеніе съ неонилинымъ.

Между тѣмъ, въ домѣ Неонилы все происходило по старому: Сластолюбовъ совсѣмъ поправился послѣ раны, полученной на дуэли, и Неонила ожила... Со своей Малашкой имѣла она о немъ такой разговоръ:

„Я скоро увижу своего Никандрушеньку совсѣмъ здороваго; сказываютъ, онъ выгладился нынѣ, какъ купидончикъ!.. Мужъ мой, напротивъ того,—однѣ только кости да кожа“. Я сказала на то: „Т. Триф. благороднѣйшій имѣетъ правъ, хотя Ник. Калистр. мясистѣе и пуда три больше тянетъ!“—„Ты—дура!“—отвѣчала она: „Терентій твой—Донъ Кишотъ, а Сластолюбовъ—любви достойный Ренальдъ!..“ [455].

Затѣмъ Неонила жалуется, что частыя посѣщенія священника ей тягостны: видъ его отбиваетъ ей аппетитъ.

„Я не могу ѣсть, когда сижу возлѣ попа, который безъ прерыва преподаетъ мораль!.. Проповѣди сіи, наполненныя сухими нравоученіями, годятся для старой барышни Добродушевой, которая безпрестанно читаетъ Юнга: „Путь къ спасенію“ и подобныя симъ книги, и такая же меланхолическая головка, какъ нашъ попъ!“ [456].

Однажды, уговорившись съ Сластолюбовымъ, Неонила захватила деньги, драгоцѣнности—„царапнула все, что̀ въ Никольскомъ находилось цѣннаго“, и „дала стречька“; никому было неизвѣстно, куда она „лыжи свои навострила“... Мужъ отправился на поиски бѣглянки; долго искалъ ее—неразъ, по его словамъ, „становился въ пень“ [457]; потомъ, наконецъ, нашелъ ее, примирился съ нею, при чемъ она назвала его „фалей“... [458]. Вскорѣ она опять

исчезла и на этотъ разъ вернулась сама черезъ нѣсколько времени, но въ ужасномъ видѣ,—зараженная „дурною болѣзнью“.—

„Перемѣнившійся ея видъ устрашилъ насъ. Лобъ у ней былъ завязанъ ветхою тряпицею. Головной уборъ и вся одежда походила на рубища бѣднѣйшей нищей. Она была безъ башмаковъ, а чулки, хотя закрывали колѣна, но ноги были почти голы!.. Она даже рубашки не имѣла на себѣ; ветошка также, какъ на головѣ, закрывала часть нечистоты, коею все тѣло ея было покрыто подобно, какъ корою“ [459].

Она теперь раскаялась и стала молиться Богу. Ее помѣстили въ госпиталь на излеченіе. Тамъ она и разсказала о всѣхъ своихъ приключеніяхъ:

Она выѣхала изъ Варшавы съ Сластолюбовымъ и Вертляковой. По дорогѣ она заболѣла. Разбойники ограбили ихъ, убили Сластолюбова, изнасиловали Вертлякову и бросили ее... Неонила принуждена была смотрѣть, какъ надъ Вертляковой „исполнили они гнуснѣйшія свои прихоти“. Потомъ, получа отъ одного разбойника ударъ ножомъ въ животъ, не могла она отъ боли больше кричать. „Она каталась въ своей крови, какъ безчеловѣчные сіи ее раздѣли и бросили къ прочимъ тѣламъ“.

„Наконецъ, дошелъ чередъ до меня, — они намѣрены были поступить со мною такъ же, какъ и съ Вертляковою—сорвали съ меня одежду и, увидя на всемъ моемъ тѣлѣ много большихъ багровыхъ пятенъ, наплевали мнѣ въ глаза, ужасно при томъ меня ругая.. Потомъ одинъ дубиною повергъ меня на землю... Ударъ сей причинилъ мнѣ обморокъ; по прошествіи онаго, обрѣла я себя между оными [illegible]ми!.. Страшное позорище!.. Я не имѣла столько силъ, чтобъ ползти, гораздо же менѣе могла идти... Ужасная ночь!“ [460].

Здоровье Неонилы въ госпиталѣ не поправилось,—лицо ея скоро распухло; отъ нея сталъ исходить „дурной запахъ“, и скоро она умерла [461].

Благоразумный Простяковъ женился на добродѣтельной Ульянушкѣ, при чемъ разсказчица опять осталась вѣрной себѣ: она старалась женить его на старой дѣвѣ—своей подругѣ Благотворовой, и потому, по ея словамъ, „досадовала“, что и тутъ разсчеты ея не удались... Во всякомъ случаѣ, новый бракъ принесъ ей успокоеніе: Ульянушка пріютила ее, и повѣствованіе ея, въ концѣ романа, опять проникается оттѣнкомъ самодовольства...

Изъ пересказа этого произведенія нетрудно усмотрѣть высокія литературныя его достоинства: живой разсказъ, изобилующій художественными діалогами, написанный жизненно, ярко рисующій индивидуальности дѣйствующихъ лицъ,—вотъ, несомнѣнныя достоинства этого романа, выгодно выдѣляющія его изъ ряда произведеній, ему предшествующихъ...

Разговорный характеръ разсказа не чуждъ даже характерныхъ вульгаризмовъ,—напр.:

гость—„знай только утиралъ съ горчицею ветчину“ [462]. „Махалась во всю Ивановскую съ знатными и подлыми“ [463]. „Пахабный“ [464] и пр.

Въ этомъ произведеніи передъ нами — интересная бытовая картинка, характерная для нравовъ русскаго общества. Я бы не рѣшился утверждать, что здѣсь сказались, сколько-нибудь ярко, специфическія черты *XVIII-го вѣка*—эпизодъ, лежащій въ основѣ романа, могъ случиться и въ XVIII-омъ вѣкѣ, и въ XIX-омъ, и въ наши дни... Главные герои этой исторіи тоже не отмѣчены сколько-нибудь ясно чертами эпохи,—но все же не только всѣ детали (напр., „нахлѣбничество“—см. выше стр. 690-694; „щегольство“—см. выше стр. 627-629, 715-716 и ниже; суровое отношеніе къ крѣпостнымъ — см. вып. I стр. 105-106 и ниже) этого разсказа могутъ быть доказаны свидѣтельствами мемуаровъ эпохи, но и образъ самой героини можетъ быть признанъ вполнѣ соотвѣтствующимъ тогдашней русской жизни.

Поэтому эпизодъ, положенный въ основу романа, можетъ быть признанъ вообще „типичнымъ“,—но, конечно, не типична по своей исключительности, развязка его. Но за то именно эта „развязка“—подкрѣпляетъ реальность событій, разсказанныхъ въ повѣсти, и подтверждаетъ слова автора предисловія о томъ, что авторъ писалъ въ своемъ романѣ „правду“, хотя и подвергалъ ее литературной обработкѣ...

О распущенности русскихъ дамъ XVIII-го вѣка неразъ свидѣтельствуютъ мемуары. Особенно много говоритъ объ этомъ Щербатовъ. Въ его сочиненіи: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ читаемъ:

„Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества,—украшивать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; немалое же имъ удовольствіе учинило, что должны прежде видѣть, съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже не покрыты стали колючими бородами... А съ другой стороны пріятно было молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣряя взору родителей своихъ, женивались.“

„Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло“.

„А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать,—стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь

въ украшеніяхъ... О, коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ!" [465].

„Не токмо Государь, угождая своему любострастію, тако благородныхъ женщинъ употреблялъ, но и весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ незакрытую свою любовницу; а жены, не скрываясь ни отъ мужа, ни родственниковъ, любовниковъ себѣ искали".

„Исчислю-ли я, къ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдились впадать въ такія любострастія, съ презрѣніемъ стыда и благопристойности, иже составляетъ единую изъ главнѣйшихъ добродѣтелей женъ? Нѣтъ! да сокроются отъ потомства имена ихъ, а роды ихъ да не обезчещутся напамятованіемъ преступленій ихъ матерей и бабокъ!.. И тако, довольствуясь описать, какой былъ развратъ, подробно о любострастіяхъ ихъ, ни о именахъ ихъ не помяну; ибо, въ самомъ дѣлѣ, съ упрызеніемъ сердца моего, принуждаю себя и тутъ, гдѣ необходимо должно поминать, именуя таковыхъ по причинѣ сочиненія сего, опредѣленнаго сокрыться въ моей фамиліи".

„И тако развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго роду роскошь и пьянство составляло отличительныя умоначертанія двора, а оттуда они разлилися и на другія состоянія людей въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, а другія разливаться начали, когда супруга сего Петра Третьяго, рожденная Принцесса Ангальтъ-Ербская, Екатерина Алексѣевна, взошла, съ низверженіемъ его, на россійскій престолъ" [466].

„Толь есть истинно, что единый порокъ и единой проступокъ влечетъ за собою другіе... Мы можемъ положить сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей... Не знаю я обстоятельствъ перваго страннаго разводу; но, въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ таковъ: Иванъ Бутурлинъ,—а чей сынъ незнаю,—имѣлъ жену Анну Семеновну; съ ней слюбился Степанъ Ѳедоровичъ Ушаковъ, и она, отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника, и, публично содѣявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, жили... Потомъ Анна Борисовна Графиня Апраксина, рожденная Княжна Голицына, бывшая же въ супружествіи за Графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла. А потомъ, по разводѣ своемъ, она сдѣлалась другомъ Княгини Елены Степановны Куракиной,—любовницы Графа Шувалова".

„Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ, въ царствованіе Имп. Елисаветы Петровны, именовалъ, а послѣ ихъ можно сотнями считать" [467].

Для характеристики нравовъ XVIII-го столѣтія любопытно письмо П. Сумарокова, обиженнаго его гражданской женой, и на имя ея имъ адресованное.

„Недостойная дочь Матвѣя Лукича Ѳадѣева! Ты, Анна, живучи у меня тринадцать лѣтъ на содержаніи госпожею и приживъ четырехъ со мною дѣтей, непрестанно о чистотѣ, честности и вѣрности ко мнѣ клялась, божась, что есть свято, и письмами то утверждала, что пребудешь вѣрною и постоянною мнѣ одному любовницею до смерти! Но по пословицѣ: „повадившійся кувшинъ по воду ходить, на томъ ему, знать, и голову положить",—такъ то и ты!.. Ни клятвы, ни письма твои,

ни мои слова такую скверную душу, каковую ты имѣешь, отъ позорныхъ твоихъ дѣлъ не отвратили, но, день ото дня, страсть со своевольствомъ довела тебя до того, что постригла себя въ ...довствѣ и въ пьянствѣ, какъ кувшинъ—и голову положить!.. Выбивъ меня всевозможными обманами изъ города, подъ претекстомъ для излѣченія болѣзней, осталась и начала роскошничать: пить, закладывая вещи и давая на себя векселя, бравъ деньги—и про...довавъ въ свою волю—каковыхъ, слышу, на себѣ долговъ до 7000 рублей уже сдѣлала! Не довольна будучи въ домѣ бесѣдами въ антресолихъ и подъ антресолями и въ прочихъ удобныхъ мѣстахъ, выбивая свидѣтельствующихъ за третьи двери, услаждать свою мерзкую плоть, ѣзжала уже и ѣздишь къ ...дунамъ въ домы по утрамъ и на ночи съ вольною дѣвкою, которую за прислугу, гдѣ ужинова..., и за столъ сажала. Тѣмъ всѣмъ весь городъ, ругая и поносяя тебя, еще и меня сценами стыдитъ. Въ мое уже отсутствіе частыя твои къ ...дунамъ поѣздки жители улицами свидѣтельствуютъ, а о выѣздахъ и бесѣдахъ твоихъ въ домы, гдѣ безпутствуешь, и долговременномъ въ тѣхъ пребываніи сосѣди всѣ увѣряютъ. А дому моего всѣ люди, бѣганье твое съ ...дуномъ видѣвъ, утверждая, со вздыханіемъ разсказываютъ,—что̀ слышавъ, содрагаюся. Бывающіе тѣ слуги за тобою въ таковыхъ бесѣдахъ получали отъ тебя награжденіе, а, сверхъ того, боясь угрозъ твоихъ и видѣвъ твое позорное состояніе и въ мерзкихъ дѣлахъ погруженную, молчали, полагая въ себѣ—авось, воздержишься; но, какъ того не дождались, чувствуя передо мною свое преступленіе, всѣ твои дѣла мнѣ объяснили. И живущій въ домѣ моемъ офицеръ съ женою, сверхъ тѣхъ, не только словесно, но и письменно о семъ далъ мнѣ знать; а по послѣднемъ свѣдѣніи, что увѣряешь всякаго—меня зарѣзать хочешь, какъ я уже и предъ симъ къ тому тебя готовую видалъ!.. Бывая фуріею и давно тѣмъ хвалясь за ...дунами, ежели бъ я не остерегался, и исполнить уже по своему предпріятію могла!.. Разсуди же, пьяная и скверная блудница, за всѣ мои тебѣ и всему роду твоему благотворенія, чего ты достойна?.. Однако, я, какъ человѣкъ благородный, честный, человѣколюбивый, страдницѣ и подлой душѣ, какову ты имѣешь, званіе мое льстить воспрещаетъ,—и не хочу, а приказалъ только людямъ моимъ дѣтей, которыхъ—ты увѣряешь,—что со мною прижила, дабы ты, какъ убійца мнѣ быть хочешь, тѣхъ не погубила, привезть сюда ко мнѣ, да, воспитавъ, дамъ имъ знать милостиваго отца, а тебя, выпроводя изъ дому моего, въ него, яко доказанную и неукротимо сущую, волочайку, не впущать, что̀ всѣ честнѣйшіе и разумнѣйшіе люди, безъ сомнѣнія, апробуютъ".

„Таскайся, мерзкая и недостойная честныхъ людей никакой милости, и продавай свой скаредный товаръ, кому хочешь, благодаря свое искусство и совѣтодавцевъ, къ тому способъ подавшихъ, что изъ госпожи довели тебя въ смрадную жизнь, вѣря, несомнѣнно, что за мои тебѣ благодареніи, а тобою учиненныя погрѣшности и за непостоянства отъ всякаго ...дуна будешь наказана, и, сверхъ того, самое естество, за твою ко мнѣ невѣрность, разить тебя не оставитъ!.. Я, стыдясь всѣхъ, скинувъ тебя, какъ камень величайшей тягости, отдаю его желающему носить, а самъ уже и твоего смраднаго имени слышать не хочу" [468].

Образъ Неонилы вырисовывается ясно въ чертахъ этой Анны!

Въ запискахъ Пишчевича встрѣчаемъ мы поразительную картину безнравственности тогдашнихъ русскихъ дамъ... Записки эти погружаютъ насъ въ удушливую атмосферу самаго неприкрытаго адюльтера, — и образъ „Неонилы" опять повторяется здѣсь, во всѣхъ деталяхъ, на десяткамъ женскихъ лицъ... [469].

Передъ нами мелькаютъ здѣсь и хорошенькія молодыя личики, и безобразныя, густо-нарумянныя, лица старыхъ распутныхъ щеголихъ; здѣсь подкупленныя горничныя вводятъ любовника въ спальню женщины, которая ему понравилась... А, въ результатѣ, — характерное заключеніе, къ которому приходитъ авторъ записокъ, хорошо узнавшій „добродѣтель" современныхъ ему дамъ и дѣвицъ: [470].

„между простыми гораздо больше благородно-мыслящихъ, нежели между тѣми, которыя себя симъ титуломъ величаютъ!" [471].

— заключеніе, къ которому пришли и русскіе писатели-реалисты, наблюдавшіе русскую жизнь и, быть можетъ, отчасти подъ вліяніемъ такого заключенія, начавшіе искать истинную добродѣтель у Флоровъ Силиныхъ, у старыхъ извощиковъ, у Ульянушекъ, — словомъ, въ той средѣ, которая раньше ускользала отъ ихъ наблюденій, а, между тѣмъ, оказывается, основы морали сохранила болѣе стойкія...

Въ тѣхъ же запискахъ встрѣчаемъ мы характерную сценку, разыгравшуюся на балу—подходы кокетки-дамы къ автору записокъ.

„Сидѣлъ я во время одного бала довольно задумчивымъ, ибо, дѣйствительно, во мнѣ нѣчто странное происходило, и я, чѣмъ болѣе разбиралъ свое положеніе, тѣмъ болѣе находилъ госпожу Колокольнову любви достойною... Она, сѣвъ возлѣ меня, сказала: „нельзя ли знать причину такой перемѣны въ мущинѣ, котораго свойство было всегда затѣвать веселости?" [472] и пр.

Если мы припомнимъ, какъ провинціальныя дамы интриговали П. И. Чичикова на балу у губернатора, мы должны будемъ признать, что пріемы интриги во времена Гоголя мало чѣмъ отличались отъ тѣхъ, къ которымъ прибѣгали дамы временъ Пишчевича...

Въ запискахъ Свербеева есть интересная характеристика небезызвѣстной Пономаревой; правда, эпоха, съ которой связана ея жизнь,—уже начало XIX-го столѣтія, и, въ культурномъ отношеніи, салонъ ея представляетъ собою, конечно, нѣчто болѣе интересное и содержательное, чѣмъ гостиная Неонилы, — тѣмъ не менѣе, немало общаго можно найти между провинціальной

прелестницей XVIII-го вѣка и просвѣщенной дамой XIX-го — умной и талантливой хозяйкой „литературнаго салона“,—

„Она была дочь Дмитрія Прокофьевича Позняка,—умнаго, хитраго сенатскаго оберъ-секретаря одного изъ петербургскихъ департаментовъ, слывшаго въ свое время великимъ и даже просвѣщеннымъ дѣльцомъ по судебной части“.

„Эта молоденькая, плотненькая дама, небольшого роста, обладала необыкновеннымъ искусствомъ нравиться и не отличалась скромностью. Гдѣ получила она свое образованіе—незнаю, но воспитаніе ея было самое блистательное: бойко говорила она на четырехъ европейскихъ языкахъ и владѣла превосходно русскимъ,—что̀ тогда было рѣдкостью. Легкая иностранная литература и наша домашняя были ей вполнѣ знакомы. У нея собиралось избранное общество; мужа своего она споила, чтобъ онъ ей не мѣшалъ... Дикой козочкой прыгала она во всей этой толпѣ, или, пожалуй, порхала бабочкой между нами Софья Дмитріевна, возбуждая своимъ утонченнымъ участіемъ и нескромными тѣлодвиженіями чувствительность каждаго. (Пожилые гости послѣ ужина расходились, а—) кто помоложе оставались гораздо за полночь, а самые избранные—до поздняго утра... Чего тутъ не выдумывали на общую забаву!..“ [473].

Въ запискахъ того же Свербеева есть бѣглая характеристика русскихъ дамъ, съ которыми онъ встрѣтился въ Парижѣ.

„Нечего сказать, немногіе изъ нашихъ отличались безукоризненною нравственностью. Нѣкоторыя изъ дамъ превосходили своимъ поведеніемъ развратнѣйшихъ изъ мужчинъ!.. Однажды, сидя съ Богдановскимъ,—стыдливымъ, какъ красная дѣвушка, въ галлереѣ италіанскаго театра, услышали мы русскую рѣчь сидѣвшихъ надъ нами въ ложѣ двухъ великосвѣтскихъ русскихъ дамъ“.

„Онѣ дѣлали такія откровенныя замѣчанія относительно тѣлесной красоты италіанскихъ актеровъ, что я, переглянувшись съ Богдановскимъ, вдругъ заговорилъ съ нимъ по-русски... Тотъ покраснѣлъ, какъ ракъ, а я, оборотясь на ложу, однимъ взглядомъ заставилъ этихъ двухъ дамъ изъ нея выбѣжать“ [474].

Любопытная повѣсть „*Филонъ*“ [475], принадлежащая перу неизвѣстнаго автора, представляетъ собою произведеніе, въ которомъ разсказъ то окрашенъ сентиментализмомъ, неизбѣжно приводящимъ автора къ идеализаціи внѣшняго и внутренняго міра,— то юморомъ, даже скептицизмомъ,—и тогда онъ отличается такимъ трезвымъ реализмомъ, который нерѣдко разрушаетъ всѣ иллюзіи, только что созданныя чувствительностью автора.

По типу своему, произведеніе это есть „сентиментальное путешествіе“, въ духѣ стерновскаго, отчасти карамзинскихъ „Писемъ русскаго путешественника“, и, какъ таковое, оно, собственно

говоря, не можетъ быть отнесено къ „повѣстямъ",—но оно изобилуетъ—a) вставными эпизодами-повѣстушками, то ярко-бытового содержанія, реально-написанными, то—b) сентиментальными, въ духѣ повѣстей Стерна, отчасти англійскихъ романистовъ...

Но, кромѣ повѣстей, интересенъ и самъ авторъ этихъ пестрыхъ путевыхъ эскизовъ, съ его сложной, отзывчивой душой, съ его умѣніемъ тонко чувствовать, легко фантазировать—и, въ то же время, трезво смотрѣть въ глаза дѣйствительности, самой неприкрашенной... Въ этомъ отношеніи, онъ особенно приближается къ Радищеву и по манерѣ письма, и по своему міросозерцанію...

Авторъ самъ замѣчаетъ, какой калейдоскопъ противорѣчивыхъ настроеній, неожиданно-смѣняемыхъ одно другимъ—представляетъ его произведеніе. Но такова его натура, и лгать онъ не хочетъ,—что̀ чувствуетъ, о чемъ думаетъ,—о томъ онъ и говорить хочетъ:

„Человѣкъ есть *противорѣчье!* для чево бы слѣдующей главѣ быть одного темперамента съ предыдущею?.. Для чего бы не нахмуривать чело послѣ спокойной усмѣшки?" 476.

„Наилучшее сердце то, которое расширяется и сжимается по дѣйствію оныхъ, и, хотя бы въ запискахъ моихъ нашлось противорѣчіе въ чувствованіи чрезъ двѣ строки,—я не долженъ давать въ томъ отчета" 477.

Въ другомъ мѣстѣ онъ объясняетъ, почему перо его „не любитъ мѣшкать" на сценахъ одного характера и спѣшитъ перейти къ другимъ—

„Причиною ли тому одно человѣколюбіе и снисхожденіе къ чувствительности читателя?.. Причиною ли тому, что разумъ не можетъ долгое время наслаждаться сердечными ролями?.. Причиною ли тому тиранство правилъ, предписывающихъ быть краткимъ, чтобъ не быть скучнымъ,—быть разнообразнымъ, какъ поле Природы,—отливать всякіе цвѣты, какъ павлинъ—и быть иногда даже пестрымъ?.." 478.

Содержаніе этого произведенія заключается въ слѣдующемъ: Филонъ — самъ разсказчикъ. Онъ кончилъ училище, получилъ аттестатъ объ окончаніи наукъ и, не имѣя ни протекціи, ни средствъ, не знаетъ, какъ ему устроить жизнь...

„Мнѣ отъ роду было за осмнадцать лѣтъ, какъ директоръ училища, въ которомъ я находился, открылъ послѣднему классу отпускной экзаменъ. Онъ конченъ... Мнѣ слѣдовало, взявъ книги, идти изъ училища... Куда?—мѣста вездѣ такъ дороги; заслуги и свѣдѣнія..."

„У богатыхъ все хорошо: и мѣсто, и деньги. Что̀ жъ до меня,—я лишился отца, бывъ еще въ колыбели, а мать?.. Мать сама имѣла нужду въ моей помощи,—она едва могла по̀томъ и кровью выплачивать нѣсколько лѣтъ моего ученія! Благодѣтельное учрежденіе для дѣтей всякаго состоянія опоздало для моего счастья" 479.

„Положивъ за пазуху данной мнѣ аттестатъ и связавъ книги, я сидѣлъ, опершись на нихъ, и терялся въ недоумѣніи" [480].

Ему сочувствовали товарищи, но ничѣмъ не могли ему помочь...

„Свѣтъ давно бы принялъ завидное положеніе, естьли бы сожалѣніе вѣсило равно съ помощью"! [481].

— замѣчаетъ по этому поводу сентенціозно Филонъ.

И вотъ тогда одинъ богатый его товарищъ—Олимпъ, ѣдущій въ Москву продолжать свое образованіе, предложилъ Филону взять его съ собой, чтобы въ Москвѣ подыскать ему мѣсто... Выбора для Филона другого больше не было,—и онъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, согласился ѣхать...

Происходитъ тяжелая сцена прощанія Филона съ его идеальнымъ школьнымъ другомъ—Яковомъ.

„Я пришелъ только въ училище взять мои книги и лохмотье, чтобъ положить ихъ въ приготовленный для нихъ чемоданъ".

„Филонъ!"—сказалъ мнѣ Яковъ,—„Филонъ, ты ѣдешь!"... Жестокія слова!.. „Ѣхать... разстаться навѣки въ то время, когда сердца горятъ дружествомъ!.. ахъ! сіе значитъ умереть!.. „Другъ мой! ты ѣдешь туда, гдѣ сіе драгоцѣнное названіе, которымъ имѣли мы удовольствіе повѣрять взаимныя наши чувствованія,—которое намъ такъ священно, расточается съ равнодушіемъ всеминутно и часто имѣетъ смыслъ непостоянный!.. Нѣтъ сомнѣнія, что найдется сердце, могущее взять участіе въ твоемъ положеніи,—но будетъ ли это сердце Якова?.. Будетъ ли оно биться согласно съ твоимъ?.. Всегда ли будетъ окружать тебя чистый воздухъ?"—Послѣ такого пріема, что надлежало чувствовать Филону?.. Я хотѣлъ отвергать худое его о большихъ городахъ предубѣжденіе,—хотѣлъ представить тысячу необходимостей въ моемъ предпріятіи; хотѣлъ... но языкъ мой засохъ,—слова рождались, и мгновенно исчезали; струя слезъ выразила мое чувство" [482].

Потомъ Яковъ напоминаетъ Филону объ его матери — рѣчь его была проста, безъ всякаго паѳоса:

„...такъ намъ надобно разстаться!" — прервалъ Яковъ,—„случай благопріятной... твое состояніе... твоя мать... все дѣлать можно съ надеждою,—она не оставляетъ насъ до гроба; можетъ быть, ты поправишь состояніе бѣдной матери и свое!"... Горесть моя удвоила тяжесть надъ моимъ сердцемъ, при имени матери... „И такъ, я съ нею не увижусь!.. любезная мать!... прости бѣдности моей и необходимости!.. Два дни,—и я оставлю сіи милыя мнѣ мѣста, къ щастью, или къ нещастью нашему!" [483].

Авторъ отмѣчаетъ самъ, что разставаніе его съ товарищами не вышло особенно трогательнымъ: недавно еще его жалѣвшіе теперь ему немного завидовали... Одинъ лишь неизмѣнный въ своемъ прекраснодушіи Яковъ горевалъ искренно.

„Яковъ предложилъ намъ проводить насъ за городъ. „Ты такъ бѣденъ",—сказалъ онъ, идучи со мною одинъ. „Ты такъ бѣденъ; товарищъ твой болѣе живъ, нежели чувствителенъ!.. Найдешь ли ты скоро выгодное для себя мѣсто?"

И вотъ, Яковъ, самъ бѣднякъ, хотѣлъ, было, дать уѣзжающему другу денегъ — онъ уже—

„вынималъ изъ за пазухи старой бумажникъ, въ которомъ, вѣрно, была также старая бумажка" [484].

Но Филонъ отказался отъ помощи.

Глава вторая повѣствуетъ о томъ, что́ думали два юныхъ путешественника, лежа въ повозкѣ, уносившей ихъ въ широкій міръ... Оба были взволнованы: Филонъ—разлукой съ другомъ, а „Олимпъ—съ..." Краснорѣчивое многоточіе, слѣдующее за этимъ, повидимому, обозначаетъ—„съ любовницей".

И вотъ, предавшись своимъ настроеніямъ, Филонъ произноситъ мысленно цѣлый монологъ:

„Все для меня умерло!.." говорилъ я о разлукѣ съ другомъ.—„Гдѣ онъ?.. Что́ онъ дѣлаетъ?.." Вотъ, вопросы, которые повторялъ я, не слышавъ на оные отвѣта... Тоска лежала на мысляхъ моихъ. „Что́ онъ чувствуетъ?"—еще говорилъ я, и обмокшіе глаза мои отвѣчали мнѣ за его чувствованія. Я видѣлъ его въ слезахъ, отирающаго платкомъ глаза... Ба! это—мечта... И это не тотъ уже городокъ... Не тотъ милой городокъ!" [485].

Такъ, очнувшись отъ мечтаній, переходитъ онъ къ дѣйствительности...

Въ главѣ четвертой разсказано, какъ друзья, пріѣхавъ въ какой-то городъ, рѣшили провѣдать своего бывшаго товарища Льва Милова, у котораго была хорошенькая тетка, содержавшая его въ училищѣ и взявшая его оттуда до окончанія ученія... Она, по словамъ разсказчика, „лила золотой дождикъ въ карманы нашего товарища". Повидимому, не столько желаніе увидѣть товарища, сколько его тетку (четвертая глава обозначена даже заголовкомъ: „Тетка") заставило молодыхъ людей отыскать квартиру товарища. Описаніе дома, гдѣ онъ жилъ, и разговоръ, тамъ происшедшій, въ литературномъ отношеніи, очень интересны:

„Мы подъѣхали къ воротамъ.. Къ намъ вышла навстрѣчу на костыляхъ старушка, лѣтъ въ шестьдесятъ: „Ково вамъ надо?"—„Здѣсь ли живетъ Миловъ?"—„А на што-сто вамъ?"—„Мы просили бы его позволить намъ у себя ночевать,—мы вмѣстѣ учились съ его сыномъ". Она побрела доложить.—„Добро-сто пожалывать!.. добро пожалывать!"—сказала она, возвратившись и отворяя ворота".

„Вошедши въ покои, сѣдой, дряхлой, едва движущійся старикъ, для пріему насъ поднявшійся съ шатающейся скамьи; обгорѣвшія и

наклеенныя лоскуточными обоями стѣны; четыре низкія окошки, съ коихъ слезшла на полъ вода; два деревянные грубой работы стула по лѣвую сторону небольшая перегородка,—вотъ все, что́ могло представиться намъ съ перваго вида“ [486].

Старикъ угощаетъ молодыхъ людей незатѣйливой ѣдой, извинившись, что у него для нихъ нѣтъ болѣе другихъ кушаній—

„Дѣвушка, лѣтъ въ шестнадцать, остроглазая, темнорусая, статненькая плутовка, примѣтивъ въ домѣ мущинъ, начала выглядывать изъ за перегородки“ [487].

Филонъ заговариваетъ съ этой дѣвушкой и ее разспрашиваетъ:

„Дѣвушка! только ли васъ всѣхъ на дворѣ, что батюшка, старушка, да ты?“—спросилъ я.—„А на што тебѣ?“—„Вамъ, вить, худо безъ мущины!“—„А што за худо?.. У насъ на другой половинѣ живіотъ барыня, у неіо есть Иванушко-тъ, мужикъ дюжой“—„Какъ знать этой плутовкѣ, что онъ—мужикъ дюжой?.. Конечно“...—думалъ я, увидѣвъ у ней кругленькое... „Да кто такая барыня эта?“—„Ана изъ далеча... Заѣзжая,—жена одного маіора; барыня, на свѣтѣ нѣтъ такихъ!.. какъ то поразладила съ мужемъ,—да и уѣхала съ Иванушкой, съ хорошими деньгами; а теперь, баютъ, што мужъ-отъ еіо умеръ, такъ и деревнѣ-тѣ еіо будутъ!.. Она, вить, и за Ліовку-ту нашева просила, штобъ взяли ево въ какой-то понцыонъ; а теперя што та ему тамъ-отъ не показалось; такъ она ево и назадъ!..“ Благодаря ея простотѣ, я продолжалъ далѣе: „будетъ ли она етотъ вечеръ сюда?“—„Она, што-то, давно ужъ хвораетъ!.. Иванушко-тъ сказывалъ мнѣ, што съ нею дурно,—што будта, дискать, она животомъ...“—„А Ліовка давно ли былъ здѣсь?“—„Онъ былъ по веснѣ, а теперь съѣхалъ съ какимъ-та бариномъ въ Москву... Барыня Ліовку больно жаловала,—частіохонько у неіо ночки просиживалъ“ [488].

Такъ случайно друзья раскрываютъ всѣ тайны своего школьнаго товарища и его тетушки... По этому поводу авторъ шутливо восклицаетъ:

„Сколько, сколько свѣта!.. Всево лучше пользоваться случаями. Тетка—безъ предразсужденій; мѣсто такъ глухо; отецъ смотритъ въ гробъ; мать—въ могилѣ; Ліовка—въ лѣтахъ; по милости тіотушки получилъ имя ученаго,—всево лучше пользоваться случаями!.. Случай! вы—необходимое звѣно въ связи происшествій міра!.. отъ васъ зависитъ пополнить ту пустоту, гдѣ кажется непростительный, въ теченіе оныхъ, разрывъ!“ [489].

Юноши подглядываютъ въ окошко, чтобы посмотрѣть, хотя на спящую, тетушку, и Филону даже удалось,—правда, мелькомъ—разсмотрѣть черты ея лица,—какъ вдругъ произошла неожиданность... Филонъ стоялъ въ повозкѣ и заглядывалъ въ окно... Вдругъ повозка дернула...

„Громкое Лукино: „*ну!*“... Нечаянный порывъ лошадей, мое паденіе въ повозку, зацѣпившаяся за крякву длинными ушами моя шапка, отчаянное къ извощику: „*постой!*“ [490].

Отъ крика Филона тетка проснулась...

Нельзя отказать автору въ живости разсказа. Далѣе слѣдуетъ эпизодъ, разобранный мною выше (стр. 561).

Какъ всѣ сентиментальные люди, авторъ ищетъ трогательныхъ событій, волнующихъ его отзывчивое сердце.

Впечатлѣнія отъ этихъ событій, по его словамъ, имѣютъ воспитательное значеніе для сердца.

„Не знаю почему, но я нахожу больше уроковъ для себя въ бѣдной помѣшанной Маріи, сидящей подъ ивою, близъ ручейка, въ бѣломъ платьицѣ съ милымъ ея Сильвіо, пережившимъ вѣрность ея любовника и козочки,— нежели во всѣхъ, съ важнымъ видомъ произнесенныхъ, правилахъ, которыя часто, въ ту же почти минуту, оракулъ оныхъ самъ нарушаетъ!.. Я вижу страдальца, страдалицу,—мое *сумасшедшее* потрясается .. Я дѣлаюсь либо благодѣтелемъ, либо участникомъ,—или моя рука закрываетъ рану,—или моя слеза падаетъ на его рану и обманываетъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, боль оной!.. Но я боюсь писать далѣе,—сердце мое... слеза дрожитъ...“

„Дѣти! Не забудьте Стерна,—Стерна и Карамзина!“ 491.

Опять таки, какъ всѣ сентиментальные люди XVIII-го столѣтія, онъ любитъ заниматься самоанализомъ, — любитъ всматриваться въ свой внутренній міръ, вслушиваться въ свое сердце... Особенно это сказалось послѣ встрѣчи съ Левантомъ и Маріею (см. выше стр. 561—562).

Готовясь къ прощанію съ ними, онъ уже заранѣе сталъ готовиться къ самонаблюденію:

„Нѣтъ, я не уроню слезы при разлукѣ съ милыми сими любовниками!“ — спорило Самолюбіе съ Чувствительностію до ихъ отъѣзда: „ето—дань чистѣйшаго дознаннаго дружества, ето—дань, принесенная нѣжности Якова!..“ И споръ сей продолжался до самой послѣдней минуты, въ которую ощутилъ я на глазахъ моихъ влагу... Потомъ, потомъ— повѣрилъ бы я сему за часъ прежде?..“

Затѣмъ Филонъ долго еще размышлялъ о причинѣ своихъ слезъ. Онъ —

„не находилъ равновѣсія между слезами и причиною оныхъ, хотя, впрочемъ, онѣ почти равновѣсны были со слезами, пролитыми при прощаніи съ другомъ!“ 492.

Не прочь Филонъ наслаждаться и красотой природы, —

„Чисты удовольствія, природою вдыхаемыя! и я вѣрю, что, кто чувствуетъ пріятныя въ сердцѣ потрясенія при видѣ красотъ ея,—чье воображеніе расширяется, взирая на богатую пестроту ея картины,— тотъ долженъ быть, ежели не добръ, то, по крайней мѣрѣ, очень къ тому способенъ“ 493.

„Какое прекрасное утро на другой день! воздухъ такъ прохладенъ, такъ текучъ!“ 494.

Онъ гуляетъ и разсуждаетъ объ уединеніи, вспоминая Циммермана, писавшаго о природѣ, объ ея красотахъ —

„и мысли мои были такъ прозрачны, такъ святы“.

Глава XVII-ая (носящая названіе: „Утро въ С*“) посвящена изображенію картины природы:

Прежде всего приведены стихи Лукреція.

„Прочитавъ стихи, я посмотрѣлъ на Олимпа: онъ былъ покрытъ маками Морфея,—на Луну [illegible] покоился въ объятіяхъ Бахуса,—и пошелъ прямо къ *Холодной горѣ*“ [495].

Далѣе слѣдуетъ описаніе ранняго утра.

„Какой путешествователь не пожелалъ бы въ другой разъ взойти на *Холодную гору*, увидѣвъ однажды съ вершины ея, какъ черная завѣса Ночи, покрывшая Природу, мановеніемъ розоваго перста Зари, безшумно-волнистыми сгибами подъемлется къ небесному своду, и тихое Утро, спускаясь со златаго ложа на томный градъ, оживляетъ все, къ чему ни коснутся влажныя стопы его?.. Удовольствіе, несказанное удовольствіе, чувствовалъ я, видя предъ собою весь городъ С*... Его церкви, колокольни и другія зданія въ полы покрывались дымящимися облаками, и низкія хижины непримѣтно возникали изъ-подъ тѣни, бросаемой на нихъ вблизи стоящими дровами!.. Все отдѣлялось отъ голубыхъ тумановъ, и, казалось, въ очахъ моихъ вновь вырастало— все потомъ плавало въ струяхъ свѣта, и изумленный мой взоръ поминутно останавливался на тысящѣ одушевленныхъ украшеній... Между тѣмъ, рдяный Псіолъ катилъ сіяющія воды свои по песчаной пологости... „*Пышныя, пышныя выраженія!*“ ...Однакожъ они, по крайней мѣрѣ, въ три тысячи разъ пышнѣе были въ моемъ воображеніи; ибо я былъ— весь Воображеніе, или Философія!.. И долго остался бы въ своемъ изступленіи, ежели бы не дали мнѣ почувствовать, что я—въ *тѣлѣ*... „Разъ... два... три... четыре...“,— и всякой ударъ замѣченъ былъ крикомъ, которой походилъ больше на крикъ *дѣйствующаго*, нежели *страдающаго*... „Гдѣ ето?.. гдѣ ето?“ —спрашивалъ я себя и, оглянувшись назадъ, у воротъ небольшой избушки увидѣлъ мужика, потчующаго плѣтью полунагова франта, безъ шляпы, бѣгущаго впередъ... Плащъ его... По штанамъ, по жилету, по верхнему платью могли судить о немъ только тамъ, гдѣ онъ ихъ оставилъ!..“

„За что̀ ты билъ сего бѣднаго человѣка?“.. Мужикъ, дрожа отъ ярости, молчалъ... Я увидѣлъ повисшій на воротнемъ рычагѣ парикъ,— впечатлѣніе сдѣлалось во мнѣ еще сильнѣе... „И за что̀ ты билъ сего иностранца, судя по парику?“—спросилъ я опять. „Скоро состарѣешься, когда будешь все знать!“

„Не удалось же Трофимовнѣ!.. Тѐрентьичъ, видно, ѣздилъ со двора!“— со смѣху умирая, сказалъ мнѣ мужикъ въ окошкѣ другой хижины,— „а *пріѣхавши* домой, нашелъ волка въ хлѣвѣ!“ [496].

Такъ неожиданно, веселыми аккордами, заканчивается описаніе природы и разсказъ автора объ его возвышенныхъ настроеніяхъ.

До какой степени стиль произведенія отличается картинностью, прекрасно видно изъ продолженія этого-же разсказа.

„Солнышко пригрѣло. „Пора идти", сказалъ я. „*Шлёхъ, шлёхъ*",— при каждомъ шагѣ раздавалось подъ моими ногами. Ето мнѣ давало знать, что я иду въ С.*, по грязной улицѣ на постоялой дворъ" 497.

Приведенный примѣръ звукоподражанія прекрасно характеризуетъ указанную мною выше особенность этого произведенія— соединеніе сентиментальнаго міропониманія съ реалистическимъ.

Продолженіе разсказа опять отличается необыкновенною картинностью:

„Поѣдемъ Филонъ!"—сказалъ Олимпъ. „Лука хлопнулъ въ рукавицы, ударилъ хлыстикомъ, и, хотя вверху простирались тучи *черною кошею*, а внизу лежалъ кисель, но мы изъ города выползли въ широкое, унылое, задумчивое, сонное, умирающее поле..." 498.

Заканчивается это повѣствованіе жалобами разсказчика на недомоганіе: послѣ своей утренней „чувствительной" прогулки, онъ простудился,—

„Проклятой походъ на *Холодную гору*!.. Нѣтъ божусь, что я ни слова связнова сказать теперь не въ силахъ!.. Нѣтъ... етотъ походъ.. какая разстройка во всемъ тѣлѣ!.. голова... чугунная голова... кровь... жизненные соки... мышки... ахъ!.. все въ безпорядкѣ... все... ай... ай!" 499.

Глава XIX-ая („Зло въ мірѣ") посвящена размышленіямъ Филона о суетности и тлѣнности человѣка, о степени необходимости зла въ мірѣ. Онъ приходитъ къ заключенію, что все разумно...

Глава XX-ая („Дѣвушка съ овечкой") представляетъ собою сентиментальное повѣствованіе о бѣдной дѣвушкѣ, которая голодаетъ, но не можетъ разстаться съ любимой и единственной овечкой— подаркомъ ея умершаго жениха. Потомъ передъ читателемъ проносится жалкій образъ инвалида-солдата, изувѣченнаго на войнѣ...

„Етотъ отставной солдатъ, видѣнной мною на станціи!.. весь въ струпьяхъ!.. безъ руки!.. едва поддерживающійся другою на костылѣ— жертва Беллоны! образъ и подобіе тлѣющаго и разрушающагося существа!.. ужасъ глазамъ!"

„Ети бѣдныя шесть малютокъ, обвившія ручонками своими нещастную мать свою, плакавшую вмѣстѣ съ ними о намѣднишной потери ихъ батюшки!.. О, люди, люди? слезы сіи капали въ горестную урну злополучія человѣческаго" 500.

Но, повторяю, такіе сентиментальные образы и, соотвѣтственныя имъ, настроенія, по прихоти автора, легко смѣняются иными, столь же яркими, колоритными, но окрашенными совсѣмъ въ другіе тона, — вслѣдъ за этимъ восклицаніемъ неожиданно слѣдуетъ:

„Чортъ тебя побери, хрычовка, съ твоими разсказами!"—сказалъ бабушкѣ своей недоросль-Ѳедотъ въ деревнѣ, которой я забылъ имя; „у меня дыбомъ волосы поднялись: я теперь съ мѣста не тронусь!".. Ето—сцена въ избѣ" [501].

Мать гонитъ парня пощечинами съ печи, чтобы онъ услуживалъ пріѣзжимъ.

Далѣе слѣдуетъ умилительный разсказъ о тихой, счастливой жизни одной супружеской четы, и Филонъ, на прощанье, привѣтствуетъ ихъ такимъ пожеланіемъ:

„благословляю, любезная чета, спокойную вашу неизвѣстность! ты меня убѣдила въ той мысли, что жить въ уединеніи, подобно вамъ, и имѣть небольшое просвѣщеніе, т. е., чтобъ чувствовать только собственное щастіе, есть все, что можетъ желать сердце, созданное для удовольствія" [502].

Потомъ слѣдуетъ совершенно спокойное описаніе благоустроеннаго города К*; по этому поводу авторъ размышляетъ о судьбахъ русской культуры и западноевропейской; затѣмъ разсказываетъ онъ о мимолетной встрѣчѣ съ пятидесятилѣтней щеголихой. Послѣ этого разсказа идутъ юмористическія разсужденія о писательскихъ нравахъ, о зависти, злобѣ и ревности, которыми живутъ литераторы... Въ главѣ XXIII-ой, названной: „Типографія", восхваляется великое культурное значеніе типографскаго искусства, благодаря которому —

„знакомимся мы съ прабабушками нашихъ прадѣдушекъ, бесѣдуемъ со внучатами православнаго Царя Владимира, водимъ хлѣбъ-соль съ Агамемнонами, сидимъ за однимъ столомъ съ богами и богинями Греціи, съ богами и богинями Славянскими, вздыхаемъ вмѣстѣ съ русокосыми Кіевлянами предъ жертвенникомъ Ладинымъ, въ вѣнкахъ и цвѣточныхъ поясахъ перепрыгиваемъ съ ними чрезъ огонь, припѣвая милосердаго Купалу" [503].

Слѣдуетъ восхваленіе Гутенберга и описаніе типографіи...

Потомъ авторъ, съ большимъ юморомъ, повѣствуетъ объ ученомъ засѣданіи какого-то провинціальнаго учено-литературнаго общества.

Затѣмъ встрѣчаемъ мы сатирическое описаніе провинціальныхъ писателей—

„вошелъ одинъ, у котораго на лицѣ даже написано было, что онъ изъ ученыхъ. „Ето—Боало здѣшняго округа",—украдкой сказалъ мнѣ человѣчикъ" [504].

Послѣ разсказа о засѣданіи общества останавливаетъ онъ свое вниманіе на трехъ скованныхъ невольникахъ, просящихъ милостыню во имя Христа (глава XXVIII).

Въ слѣдующей главѣ („Семейство Д.“) встрѣчаемъ трогательный живой разсказъ о томъ, какъ, помня свою достаточную жизнь при отцѣ, помѣшалась осиротѣвшая дѣвушка, лишившаяся со смертью отца, средствъ къ существованію и удрученная бѣдностью и стыдомъ.

„Матушка!“—говоривала она,—„люди станутъ смѣяться, когда узнаютъ, что въ такой бѣдной избушкѣ живетъ жена съ дочерью армейскаго Штабъ-Лѣкаря Д., который былъ въ такой славѣ и имѣлъ такое жалованье!“ [505].

Дѣвушку утѣшали,—ей говорили о томъ, какъ трудится ея мать.

„Она, ты видишь, дитятко,—какъ она одѣта! она кое-какъ перебивается, чтобы пропитать свою, да дочерину душу, — шьетъ рубашки, вязетъ (sic) чулки и тѣмъ только и живетъ!“

Филону такъ объяснили положеніе семьи:

„Двѣ дочери замужемъ и далеко—мужья ихъ „со львинымъ сердцемъ“—не помогаютъ вдовѣ съ дочерью. „А ета, бѣдная, указавъ на сумасшедшую,—такъ нещастна, что и жениха для нее нѣтъ!.. Да и кто нынче возьметъ бѣдную?.. На бѣдныхъ все горе валится, дитятко!..“—„На бѣдныхъ,—честныхъ, прибавьте!“—сказалъ я... „Такъ, дитятко, такъ! и онъ грѣхомъ добывать хлѣба не хочетъ“... [506].

Слѣдуютъ размышленія автора, а въ результатѣ—

„двѣ слезы опять выкатились изъ глазъ моихъ!.. Такъ щедро, думалъ я, посѣяны въ мірѣ сѣмена бѣдствій и нещастія!“ [507].

Побывали путешественники по дорогѣ и въ домѣ сумасшедшихъ („Домъ плача“ гл. XXXII). Цѣль этого посѣщенія Филонъ объясняетъ въ своихъ запискахъ такъ:

„надобно искать случаевъ растрогивать свое сердце печальными видами“ [508].

Въ главѣ XXXV-ой одинъ встрѣчный господинъ, въ „синемъ фракѣ“, произноситъ гимнъ восемнадцатому столѣтію и русской литературѣ, которую ставитъ наравнѣ съ западноевропейской... Филонъ „возненавидѣлъ синій фракъ“ за узость его патріотизма... Глава XXXVII-ая, носящая названіе: „Способность воображенія“, заключаетъ въ себѣ только одно восклицаніе: „эхъ!“... Въ главѣ слѣдующей, названной: „Ключъ къ предыдущей главѣ“ — помѣщена любовная пѣсенка дѣвушки, тоскующей въ разлукѣ.

И вотъ, оказывается, эта печальная пѣснь и грустный видъ покинутой дѣвушки сильно встревожили воображеніе Филона. Онъ даже рѣшился сочинить по этому поводу оду—

„Оду!“—въ жару вскричалъ я про себя, убѣдившись въ справедливости сего мнѣнія. Я вообразилъ къ сему, что первый языкъ народовъ

былъ языкъ стихотворчества; первый языкъ любви былъ языкъ стихотворчества... И опять вскричалъ и съ такимъ же жаромъ: „Оду!"

„Послѣ сего подбѣжалъ къ засаленному дубовому столу со всѣмъ учоннымъ своимъ снарядомъ, расположился писать... Хозяинъ вытаращилъ на меня глаза... Хозяйка ожидала посмотрѣть движенія моего пера. Все приготовилось къ моей одѣ... Но съ чего начать?.. Долго ломалъ я голову, и... бросилъ перо, не написавъ ни слова... Языкъ онѣмѣлъ передъ чувствованіями" 509.

Потомъ онъ всетаки сочинилъ стихи, которые получили видъ „эротоиды"... Надъ этимъ произведеніемъ, въ концѣ концовъ, хохоталъ Олимпъ и самъ авторъ...

Глава XLI-ая называется: „Глава не безъ приключенія". Въ ней повѣствуется, какъ, остановившись на постояломъ дворѣ, авторъ передъ сномъ задумалъ выйти на дворъ.

„Зачѣмъ?" — спросите вы. Но всегда ли нужно давать строгіе отчеты въ причинахъ?.. Посмотрите въ тысячи важнѣйшихъ путешествій".

„Подъ лѣстницей что-то шевельнулось,—и страхъ овладѣлъ мною... Ноги оступились, и я съ самой верхней ступени покатился спиною до нижней... Кромѣ того, что паденіе сіе стоило мнѣ здоровья,—я претерпѣлъ еще другой убытокъ. Зеленые, плисовые, полосатые мои штаны, которые были у меня одни, которые стоили мнѣ двухъ *хрій*, такъ отъ того пострадали, что боль спины моей почти нечувствительна была, противъ впечатлѣнія, ими сдѣланнаго"! 510.

Когда онъ обратно подымался по лѣстницѣ, опять подъ лѣстницей послышался подозрительный шумъ—

„...страхъ опять овладѣлъ мною такъ сильно, что я шагалъ вверхъ черезъ двѣ ступени, отъ чего штаны пострадали еще болѣе... Тсъ! Злословіе!.. Я знаю скромность"... 511.

Ночью подсмотрѣлъ онъ любовную сцену, происходившую на дворѣ. Потомъ онъ—

„пошелъ въ постель, и лишь хотѣлъ сойти съ лавки, какъ штаны мои опять пострадали. „Тфу къ ч...!" Для подобной только сцены можно несть такую обиду" 512.

— восклицаетъ онъ.

Въ слѣдующей главѣ XLII-ой („Нашъ ужинъ") авторъ перескакиваетъ на „русскія щи", и имъ посвящаетъ нѣсколько страницъ.

„Русскіе щи... воображеніе проѣзжающихъ одѣваютъ меланхолическими парами".

По этому поводу онъ защищаетъ свои права говорить о „щахъ".

„Самыя мелочи преданы намъ древними вѣками: для чего же не предать потомству о щахъ россійскихъ?"

Онъ предвидитъ и другое возраженіе —

„Но это не есть должность путешествователей!"

— и заранѣе самъ отвѣчаетъ:

„Повѣрьте мнѣ, поле Оратора есть поле Природы,—слѣдовательно оно же—поле и Путешествователя“ 513

— заявленіе любопытное, особенно для пониманія, въ какую сторону направилось въ концѣ XVIII-го столѣтія развитіе русскаго романа.

Такъ прихотливо вьется цѣпь этого пестраго, то веселаго, то грустнаго разсказа... Авторъ главу XLIII-ую посвящаетъ Юнгу, слѣдующую—гимну въ честь супружества... Въ нѣсколькихъ главахъ характеризуетъ онъ встрѣченнаго имъ въ пути „добраго человѣка“. Въ уста этого интереснаго знакомца вложено, между прочимъ, осужденіе искусства, которое, по его мнѣнію, портитъ красоту природы.

„Каждое слово его, кажется, утверждало, что искусство есть худой колоритъ и прелесть для Природы,—что оно сжимаетъ душу, потушаетъ чувствительность, которая любитъ изливаться легко и добровольно“ 514

Заканчивается это своеобразное повѣствованіе живымъ изображеніемъ того чувства нетерпѣнія, которое стало овладѣвать юными путешественниками, когда они подъѣзжали къ Москвѣ — конечной цѣли ихъ странствованія... Въ пестромъ перебоѣ восклицаній, вопросовъ и отвѣтовъ ярко обозначаются индивидуальности всѣхъ говорящихъ.

Мое любопытство. „Антипъ Яковлевичъ!.. Солнце садится!“— „Чтожъ что садится? будемъ еще тамъ, гдѣ Богъ велѣлъ“. — „Антипъ Яковлевичъ!.. Солнце зашло!“—„Ну, такъ ночь наступила!“—„А Москва далеко ли?“—„Москва-то!.. Нѣтъ, бояра, севодни ужъ намъ не поспѣть!“— „Не поспѣть! да что же?“—„Вишь, дорога-то какова, — всіо груда на груду, ухабъ на ухабѣ, да и дни вишь коротки... Многоль уѣдешь, да и лошадокъ-то ужъ пожалѣть надобно“.

„На другой день мы поѣхали до свѣта. Разсвѣло. Колеса вертятся... Они вертятся медленно... „Ну скорѣе, Антипъ!..“—„Ну! Ну!“,—погоняя лошадей. „Качай-валяй! отъ Москвы недалеко! ну!“ — „А далеко ли?“— „Верстъ десятка полтора!“—„Эхъ, досадуя, станемъ щитать!..Это дерево,— береза што ли,—отъ Москвы на четырнадцать верстъ съ половиною.. Погоняй, Антипъ!—А этотъ кустикъ на 14-ть съ небольшимъ... А этотъ мужичекъ въ лапоткахъ, который гонитъ коровку, на 13-ть съ небольшимъ!.. А эта мыза на 12-ть съ половиною!“—„А вотъ нѣтъ, баринъ, никакъ только на десять!“—„На десять?.. тѣмъ лучше!.. А эти мальчишки, которые играютъ въ чихарду, на девять и три четверти!..этотъ бугорокъ— на девять и двѣ четверти! эта дѣвушка, которая пасіотъ гусей на 9 ровно...“—„Ошибаетесь, баринъ!.. Смотрите лучше на версты!“—„Я хочу ошибаться!“—„Этотъ... Бояра! посмотрите впередъ!“—„Что такое?..“ Въ густой синевѣ, смыкающейся по правую и лѣвую сторону съ небосклономъ, цѣлый міръ въ очахъ нашихъ спалъ на землю“!..

„Въ семъ обширномъ пространствѣ сверкали безчисленныя звѣзды, а прочее все изображало непрерывную стѣну... „Это—Москва!“—вскричали мы съ Олимпомъ въ одинъ голосъ“.

„Москва! Москва!"—приподнявшись въ повозкѣ, кричали мы.

„Москва! Москва! Столица Россійскихъ государей! Столица Россійскихъ городовъ!"—говорилъ я.

„Столица Россійскихъ умовъ!"—говорилъ Олимпъ. „Столица просвѣщенія!" — говорилъ я. „Столица силы!" — кричалъ Олимпъ... и пр. (слѣдуетъ рядъ восклицаній).

„Въ такихъ восклицаніяхъ мы приближились нечувствительно къ сей громадѣ... Зданія сдѣлались примѣтнѣе"...

„Антипъ! Это что̀ такое за зданіе, простирающееся до небесъ надъ всѣми зданіями?"—„Это—Иванъ Великій".

„А Кремль—городъ?"—„Кремль отсюда худо видѣть!"

„А Грановитая палата?.. А Бѣлой городъ?.. А Китай-городъ?"—„У, какъ ужъ вы много вдругъ хотите знать!"—„А это что за церковь?.. Вотъ и другая, вотъ и третья, вотъ и..."—„Тутъ ихъ не пересчитаешь, баринъ!"—„Какое множество!.. Москва! Москва! Москва!" 515.

Нетрудно въ этомъ интересномъ произведеніи найти цѣлый рядъ несомнѣнныхъ литературныхъ реминисценцій: вліяніе Стерна, и другихъ сентиментальныхъ „путешественниковъ", напр.,—Карамзина, заимствованія у Юнга, Оссіана, у Гете съ его Вертеромъ (эпизодъ съ Левантомъ) ясно сказываются на этомъ произведеніи и, при всемъ томъ, надо признать это произведеніе самобытнымъ и оригинальнымъ потому, что—1) ни одно изъ указанныхъ литературныхъ вліяній не покрываетъ собою цѣликомъ этого произведенія; 2) на первомъ планѣ стоитъ любопытная индивидуальность автора, совершенно отличная отъ индивидуальностей всѣхъ названныхъ писателей...

Живая, непринужденная рѣчь, умѣніе найти интересное въ будничномъ, даже пошломъ,—„поэзію въ прозѣ"—все это черты, которыя дѣлаютъ разбираемое произведеніе родственнымъ по духу литературѣ XIX-го столѣтія.

На многихъ мѣстахъ этого произведенія чувствуется, какъ старая сентиментальная закваска уступаетъ мѣсто иному міросозерцанію—художественно-реальному... Такой же перебой идеализма съ реализмомъ отмѣтилъ я въ своей работѣ о Карамзинѣ, разбирая „Письма русскаго путешественника"; такой же особенностью отличается и „Путешествіе Радищева", — все это яркіе показатели того, что всѣ произведенія этой группы являются, по существу своему, „переходными", смѣняющими старые литературные пріемы новыми...

Совершенно того же характера три слѣдующія произведенія, меньшія по размѣрамъ:

„Письмо къ Б"*, *„Разговоръ"* и *„Вояжъ моего друга"*.

Въ первомъ произведеніи есть еще примѣсь сентиментализма, но, едва опредѣлившись, онъ совершенно теряется, подъ наплывомъ самаго жизнерадостнаго, ярко-реалистическаго міросозерцанія...

Въ „*Письмѣ къ Б*** и къ его „*семейству*“ [516] — передъ нами живое, веселое повѣствованіе о приключеніяхъ автора во время его зимней поѣздки въ деревню —

Найдемъ мы здѣсь и картины природы, въ которыхъ уже чувствуются проблески couleur locale—черты *чисто-русскаго* зимняго пейзажа.

„природа являлася тогда предо мной въ полной зимней красотѣ своей: необозримыя пространства снѣжныхъ морей... Лѣса, унизанныя блестящими инеями... Свѣтлыя облака, подобно разноцвѣтнымъ горамъ, носящіяся по голубому небу“ [517].

„Лишь только тихая ночь начала снимать темноцвѣтный покровъ свой съ бѣловласой природы,—и ясной день издалека выглядывалъ на русское царство...“ [518].

И вотъ, юный авторъ отдается на волю своей фантазіи... Вдругъ его сани перевертываются,—и мгновенно всѣ воздушные замки его разрушаются—

„вмѣстѣ съ искрами изъ глазъ посыпалось все изъ головы моей!“

— весело остритъ онъ по этому поводу. Но затѣмъ скоро отдается онъ опять новымъ мечтамъ:

„Когда угрюмая, сѣдая старина-зима отправится водянымъ путемъ въ подземельное царство, а лѣнообразная дѣва-весна снесется въ небесной красотѣ своей на нашъ горизонтъ и съ дружественною улыбкою скажетъ русскимъ полямъ и лугамъ: „цвѣтите и благодѣтельствуйте!“— тогда я пойду въ луга и въ поля,—стану любоваться неизъяснимыми весенними красотами,—холмиками и кусточками, цвѣточками и ручейками—и—за тайну скажу вамъ, какъ друзьямъ моимъ!—буду больше смотрѣть за любезными мужичками моими, которые, въ потѣ лица своего, упрашивать будутъ чадолюбивую мать-природу не оставить ихъ молодого барина и ему въ будущую зиму удовлетворить невинныя свои забавы!“ [519].

Такой „несентиментальный“, чуждый всякой идеализаціи, оборотъ принимаетъ теперь его мечта... Юноша предвкушаетъ, какъ, съ наступленіемъ осени, онъ хлѣбъ, собранный руками крѣпостныхъ —

„перемѣряетъ, смѣтитъ, расположитъ, сдѣлаетъ честной оборотъ на Всероссійскую ходячую и... съ любезными-прелюбезными качай въ матушку веселую Москву,—къ друзьямъ, въ университетскую книжную лавочку, въ маскарадъ...“ [520].

Во второмъ произведеніи: „*Вояжъ моего друга*“ [521] сентиментализмъ выразился еще слабѣе. —

„Лишь только Иванъ большой съ товарищами зашумѣлъ, чтобы шли къ заутрени, я, проснувшись, спросилъ: „готовы ль лошади?“

„Слава Богу! насилу рѣшился выѣхать!“—подумалъ я, садясь въ кибитку. „Нѣтъ, Москва! теперь не заманишь меня скоро и калачемъ своимъ!“ 522.

Проѣзжая по городу, мысленно прощался авторъ съ московской жизнью и друзьями...

„Первой восторгъ помчалъ, было, меня во всю конскую прыть, но... тише, тише и—„Володька!“—имя слуги—„что-то жестко, жестко!“

„Я, сударь, незнаю“. Молчаніе. „Володька! что-то тѣсно?“—„Я, сударь, незнаю“. Молчаніе. „Фу, какъ душно?“—спросилъ уже я у самого себя,—и самъ отвѣчалъ себѣ: „фу, какъ душно!“ 523.

Желая опредѣлить причину неудобства сидѣнія, авторъ—

„заглядывалъ туда и сюда, направо и налѣво, вверхъ и внизъ, но со всѣмъ тѣмъ не находилъ причинъ моей разладицѣ“.

„Заглянемъ-ка, инъ, въ самого себя!“—подумалъ я, и велѣлъ опустить цыновку. Нахлобучивъ колпакъ свой до самаго обонялища и зажмурясь крѣпко на крѣпко, принялся анатомить...“ 524.

— самого себя... Эта болтовня, не лишенная остроумія, и посвященная анализу своего сердца, кончилась тѣмъ, что авторъ заснулъ... Сонъ его прерывается вопросомъ извощика, —

„баринъ! гдѣ прикажешь остановиться? на дворъ ли ѣхать,—ай, проѣхавши деревню, на полѣ?“ 525.

Остановились въ полѣ, и авторъ послалъ слугу въ деревню за провизіей —

„Володька! бѣги поскорѣе въ деревню,—сыщи молока, яицъ, разведи огонь, да свари кофе!..“ Итакъ, онъ пошелъ въ деревню, а я къ ближнему ручейку и тамъ, какъ водится, послѣ сна умылся, утерся, взглянулъ повыше и обнялъ васъ, милые друзья мои!“ 526.

Воспоминаніе о друзьяхъ настроило его на сентиментальный ладъ, и онъ сталъ сочинять стихи въ честь дружбы и „чувствительности“.

Начало ихъ слѣдующее:

„Естьли рокъ, озлясь, захочетъ
И на край свѣта загнать,—
Мнѣ чувствительность поможетъ
И оттуда васъ обнять!“

Кончается стихотвореніе:

„О вы, которы одарены
Душою хладной, неприступной—
Что̀ ваша жизнь—потокъ лишь мутной!“ 527.

„Что̀ же ты пришелъ съ пустыми руками?“—спросилъ я воротившагося Пантелѣича; „принесъ ли что̀?“—„Принесъ, сударь!—огня“.—„И

только?"—„Да у кого же что̀ взять, сударь?..во всей деревнѣ нѣтъ ни живова куренка!" — „Ну такъ молока-то для чего не сыскалъ?"—„Гдѣ прикажете сыскать?.. Нѣтъ ни бѣшеной собаки" 528.

Авторъ, послѣ долгихъ препирательствъ, рѣшилъ ограничиться питьемъ кофе, но потомъ затосковалъ... Вдругъ онъ вспомнилъ:

„Эй! да, вить, со мною отпущена жареная курица!.. Малой! лакей! слуги мои вѣрные! разставляйте столы дубовые, разстилайте скатерти бранныя, несите поскорѣе всѣ жареную курицу!" 529.

Энергично принялся онъ за курицу, вспоминая свою нянюшку—Анисью, которая какъ-то —

„идучи изъ города, купила мнѣ, въ гостинецъ, на Спасскомъ мосту славно-крашеный эстампъ. Онъ представлялъ объѣдалу, разинувъ ротъ; и быковъ-то ему суютъ неободранныхъ и пѣтуховъ-то неощипанныхъ и прочая... А моя-то голубушка-нянюшка все, бывало, мнѣ разсказываетъ, да приговариваетъ: „экъ, батюшка, жретъ!.. что за ушами пищитъ!.." Царство ей небесное!.. Чуяло ли ея сердечушко, что ровно чрезъ пятнадцать лѣтъ у любимаго ея дитятки будетъ такъ пищать куритинка?.. И досталось ужъ, бѣдной,—костямъ и мясу!.. Вертѣлась, вертѣлась, какъ лѣнивая дочь, когда ее мать сѣчетъ за кружево" 530.

Пока онъ ѣлъ, подбѣжала собака и стала ласиться къ нему, прося подачки.

„Никогда не ласкался такъ вѣтреной внучекъ къ своей богатой бабушкѣ,—никогда не вилась такъ молодая жена къ своему старому скрягѣ, на гостиной дворъ ѣдучи, какъ ластилась ко мнѣ незнакомая чернорылка".

„Винтуй, винтуй, чернорожая!.. га, га! знать, хочется?.." Но она, конечно, отъ непривычки къ дворянскому діалекту, подумала, что я приглашалъ ее къ моему празднику, начала, съ такою искренностію, виляя къ верху хвостомъ, а рыльцемъ припадая къ самой землѣ, ко мнѣ ласиться и ближе, ближе".

„Пыць же, проклятая!.. деревенская неучь!.. вонъ!.. а я позабылъ, что самъ въ незагороженномъ сику".

„Собака отбѣжала, сѣла и умильно на меня поглядѣла,—три раза облизнулася, три раза ударила хвостомъ о сыру-землю"...

„Я бьюсь объ закладъ,—и о какой хочешь,—что, естьли бы на моемъ мѣстѣ подъ кибиткою былъ Стернъ, то, вѣрно, въ ту же минуту бросилъ бы ей, хотя еще и не совсѣмъ доглоданную, снѣдь свою, но я на сей разъ поразсудительнѣе его былъ!"

„Въ мірѣ есть конецъ всему,—упадаютъ царства, исчезаютъ грады, изсыхаютъ рѣки, и всего скорѣе истлѣваютъ бѣдные человѣки; а по сему-то непремѣнному закону природы не стало, наконецъ, и моей курицы!" 531.

Глядя на голодную деревенскую собаку, авторъ вспоминаетъ о своей любимой собакѣ Ami.

„Въ одинъ злополучный для нея день, когда наши красныя дѣвушки, сѣнныя молодушки, и всѣ барскія барыни собрались кушать хлѣбъ-соль господскую, или, безъ фигуръ сказать,—обѣдать" 532,

— Ami вертѣлся-вертѣлся около—и попалъ въ миску съ горячими щами, обварился и околѣлъ...

Затѣмъ авторъ фигурно разсказываетъ, какъ, съ наступленіемъ вечера, прячется солнце:

„прежде одну бородку... потомъ и съ носикомъ, наконецъ... ниже, ниже, и... только и видѣли!“ 533.

„Вскорѣ госпожа холодная луна изволила выѣхать въ глазетовой епанчѣ своей и важною своею миною намекнула мнѣ, что я озябну до полусмерти“.

Дѣйствительно, скоро сдѣлалось холодно... Путники мечтаютъ добраться до деревни, чтобы тамъ обогрѣться.

Слѣдуютъ стихи, посвященные „воображенію“.

Давнождданная имъ деревня, въ которой можно было „переночевать“, казалась ему „Елисейскими полями“. Но дѣйствительность оказалась совсѣмъ не поэтической —

„Вообрази себѣ, другъ мой, маленькую избенку, внутри которой носились дымныя тучи и закрывали отъ взоровъ смертныхъ лазурь закоптѣлаго потолка... По стѣнамъ и по столу ползалъ неисчислимый Содомъ и Гоморъ, а снизу курились ароматы, достойные своихъ обитателей,—ибо лежащій на самомъ почти прохожемъ пути теленокъ, вѣроятно, что...“

„Живыхъ въ избѣ только было двое: старая, лѣтъ въ пятьдесятъ, кривая хозяйка, да молодой, незнаю какихъ лѣтъ, вышереченной теленокъ...“ 534.

Въ избѣ было дымно, но открыть дверей нельзя было, чтобы не застудить избы. И вотъ, молодой баринъ, сидя въ этомъ дыму и вони, совсѣмъ, было, затосковалъ, но скоро утѣшился, когда ему удалось выпить пуншу—

„вливъ въ хозяйской желѣзной ковшъ хорошую мѣру живительнаго нектара, хватилъ по-богатырски за здоровье всѣхъ друзей моихъ и непріятелей!.. Теперь уже намъ и гораздо будетъ повеселѣе!“ 535.

Выпивъ еще ковшъ, авторъ замечтался, глядя на дымъ своей трубки...

Поужинать ему не удалось, такъ какъ хозяйка, запнувшись на теленка, упала и разбила горшокъ съ молокомъ.

Всѣ присутствующіе различно реагировали на этотъ случай. Хозяинъ закричалъ:

„Кривая вѣдьма! что̀ ты надѣлала!“—Я, какъ ближайшее эхо, повторилъ: „голубушка, голубушка!..“ А Пантелеичъ мой, какъ дальній уже отголосокъ, пропѣлъ только: „и! и!“—Но извощиковъ: „ха, ха, ха!“ — разнеслось по избѣ, подобно сильному грому въ лѣтнюю ночь“ 536.

Въ этихъ четырехъ строчкахъ ярко обрисована индивидуальность всѣхъ четырехъ говорящихъ лицъ...

Авторъ утѣшился еще однимъ пріемомъ пунша,—заснулъ и, наконецъ, сонным привезенъ былъ въ его родное помѣстье...

Наконецъ, въ третьемъ произведеніи: „*Разговоръ*“ [537] встрѣчаемъ мы критику сентиментализма... Передъ нами, въ этомъ произведеніи Шалимова, живая бесѣда двухъ друзей: одинъ—человѣкъ насмѣшливый,—другой—чувствительный... Первый застаетъ втораго грустящимъ, и начинаетъ, смѣясь, выспрашивать его о причинѣ горести и, узнавъ о томъ, что тотъ влюбился, принимается иронизировать вообще надъ любовью,—надъ женщинами и надъ своимъ чувствительнымъ другомъ...

Передъ нами—дѣйствительный разговоръ живыхъ, характерныхъ людей, опредѣленнаго типа, нарисованныхъ безъ сгущенія ихъ чертъ.

„Недавно посѣтилъ я моего друга и прошелъ къ нему въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ подлѣ бюра—очень печаленъ и держалъ въ рукѣ кольцо. „Что такъ мраченъ, любезный другъ?“—сказалъ я, смѣясь. Онъ желалъ нѣсколько скрыть свою печаль и, стараясь перемѣнить печальный видъ свой, отвѣчалъ мнѣ: „Кой о чемъ думаю.. Но ты здоровъ-ли?“—„Ежели къ тебѣ пріѣхалъ,—слѣдовательно, еще не умеръ... Отъ чего ты, въ самомъ дѣлѣ, такъ печаленъ?.. ты стараешься скрыть свою печаль, но я очень вижу, что ты чѣмъ-нибудь огорченъ?“—„Что мнѣ тебѣ сказать о моей печали?.. Ты ее чувствовать не можешь!“—„Удивительной и обидной для друга отвѣтъ! можетъ быть, ты въ чувствахъ ко мнѣ перемѣнился?“ [538].

Разговоръ продолжается въ этомъ же духѣ и далѣе—въ видѣ перестрѣлки живыми фразами... Скоро онъ перешелъ на „любовь“

„Неужели и ты познакомился съ *купидономъ?*“—Онъ вздохнулъ, а я засмѣялся... „Вѣрно, тебѣ какая либо *Грація* пришла по мысли?“—„Признаюсь тебѣ, какъ другу, что я люблю одну прекрасную дѣвушку“.—„Вотъ и все рѣшено!“

„Поздравляю!.. Желаю превеликаго успѣха! Вотъ новинькой любопытной *анекдотъ* для разговоровъ *публики!*.. Помѣсти себя между любовными героями и напечатай о себѣ въ листикахъ! Да пронесется слава о тебѣ, яко о любовномъ *витязѣ* во всѣ концы празднорѣчья!..“ [539].

Затѣмъ насмѣшливый другъ предлагаетъ свои услуги—описать его въ журналѣ. „Чувствительный“ былъ встревоженъ этимъ предложеніемъ—

„Въ самомъ дѣлѣ, ты не напиши обо мнѣ—эта шутка будетъ не очень смѣшна!“

„Смѣюсь! напишу-ли я о тебѣ? но ежели и напишу, то перемѣню имена, и тебя никто не узнаетъ, то есть до времени, которое всѣ секреты открываетъ“.

„Что жъ ты пропишешь обо мнѣ?“

„То, что я тебя нашелъ плачущаго... Мнѣ уже этого и довольно!.. А теперешній нашъ разговоръ распространитъ матерію... Мнѣ очень на-

скучило углубляться въ сѣдую древность и извлекать оттуда матеріалы, потому что уже всѣ предметы въ природѣ и въ человѣкѣ исчерпаны древними. Я весьма радъ, найдя какой-нибудь оригиналъ, а твои новыя чувства очень могутъ служить мнѣ матеріею для занятія пера моего... По крайней мѣрѣ, на нѣсколько часовъ!"

„Жаль мнѣ, что *я* буду причиною разговоровъ!.. Я вижу, что уже ты не пощадишь меня... Или пиши, ежели хочешь, только непремѣнно перемѣни имена!"

„Оставь на моемъ отчетѣ—писать, или нѣтъ,—перемѣнять имена, или такъ ихъ оставить, какъ они въ самомъ дѣлѣ есть—это мое дѣло, а не твое!.. О чемъ-же ты тогда, когда я къ тебѣ взошелъ, плакать сбирался!"

Узнавъ, что причина печали друга—только любовь, онъ недоумѣваетъ, чего-же другъ его грустилъ...

„Увидѣлъ прекрасную женщину—и сокрушаешься о томъ, что ее увидѣлъ!.. для чего-же ты на нее смотрѣлъ, ежели зналъ, что это произведетъ въ тебѣ печаль?"

„Смотри, не попадись самъ въ такія жъ обстоятельства!"

„Т. е. въ дураки?"

„Да!.. въ дураки!.. Ничего бы я такъ не желалъ, какъ увидѣть тебя влюбленнымъ,—тогда бы я заплатилъ тебѣ съ лихвою за всѣ твои теперешнія насмѣшки!.." 540.

Насмѣшникъ отвѣчаетъ, что это—„не его часть":

„первое потому, что я не имѣю нѣжнаго и чувствительнаго къ дамскимъ красотамъ сердца",

— второе и главное: онъ вообще не желаетъ смотрѣть на женщинъ, которыя ему нравятся...

„Я знаю, что вздохи не будутъ безпокоить груди моей: я на всѣ красоты смотрю съ развязанными глазами, — и ни одна изъ нихъ не вызоветъ у меня изъ сердца ни—„охъ!", ни „ахъ!", ни „увы!"—термины, толико свойственные влюбленнымъ" 541.

Между прочимъ, въ шутку, онъ совѣтуетъ своему влюбленному другу запомнить эти термины.

„Нѣтъ, любезный другъ, уже теперь поздно!"

„Какъ! ты намѣренъ навсегда остаться такимъ смѣшнымъ, каковъ ты теперь?.. Чрезвычайно ты меня удивляешь! изъ умнаго человѣка сдѣлаться глупымъ и смѣшнымъ, при томъ не желать быть такимъ, каковъ былъ прежде!—я не вижу, есть-ли тутъ, хотя, искра разума?" 542.

Затѣмъ онъ утверждаетъ, что любовь—вовсе не главное въ жизни: наоборотъ, это—„бездѣлка, которою могутъ заниматься тóлько люди праздные"; потомъ онъ старается доказать, что любовь—зло, такъ какъ причиняетъ людямъ мученія —

„Любовь сильнѣе всѣхъ болѣзней дѣйствуетъ на сердце человѣческое: зараженный любовью получаетъ величайшую болѣзнь—сноситъ; чрезвычайное въ болѣзни страданіе—терпитъ; видитъ приближеніе смер-

ти—не устрашается; оружіе смерти блеститъ уже въ воздухѣ—не ужасается; но сильный духъ его отводитъ ударъ смерти, и онъ ея избавляется... Подаютъ ему письмо—онъ робѣетъ: распечатываетъ,—трепещетъ; читаетъ—отчаявается, хватаетъ кинжалъ и... лишаетъ себя жизни!" 543.

Насмѣшникъ очень легко относится къ уму женщинъ,—

„Довольствуйся только тѣмъ, ежели красавица твоя умѣетъ сказать десятокъ кой-какихъ комплиментовъ по французски и иногда легонькое bon mot" 544.

„Чувствительный" отстаиваетъ женщинъ, указывая на ихъ добродѣтели, какъ, напримѣръ, на ихъ постоянство... На это отъ друга своего онъ получаетъ отповѣдь:

„Полно, любезный другъ мой, романничествовать!.. Я примѣчаю, что какой-нибудь романъ прельстилъ тебя своею вѣрностью, и великое желаніе витаетъ въ тебѣ съиграть романическую роль любовника?.. Нынѣ уже эта любовь не въ модѣ, и она теперь признается не за иное что, какъ за сатиру на глупые старинные нравы!" 545.

Въ такомъ родѣ продолжается и далѣе живая бесѣда двухъ друзей... Авторъ не вмѣшивается въ эту бесѣду со своими характеристиками бесѣдующихъ,—ихъ индивидуальности вырисовываются сами собой изъ ихъ рѣчей.

Нельзя отрицать жизненности за этимъ произведеніемъ и тремя вышеразобранными... Но есть-ли въ нихъ содержаніе?.. Кому и чѣмъ могутъ они быть интересны?.. Почему они появились въ печати?.. Почему они отнесены мною къ „повѣстямъ"?

Мнѣ кажется, что авторъ послѣдняго произведенія, объясняя, съ какою цѣлью онъ напечаталъ этотъ „разговоръ" (см. выше стр. 784-5), даетъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ...

Онъ встрѣтилъ друга „плачущимъ"... Развѣ не представляетъ интереса заглянуть поглубже въ его душу и разобраться въ ней?.. Нѣтъ больше волшебниковъ и волшебницъ,—нѣтъ бурь, разбойниковъ и рабства,—а человѣкъ всетаки страдаетъ и *плачетъ*... И въ поискахъ новаго, свѣжаго „матерьяла" писатель сталъ всматриваться въ дѣйствительную жизнь,—въ ея смѣхъ и слезы,—сталъ въ ней искать „эпизодовъ", *характерныхъ* и *типичныхъ*... Найдя ихъ, онъ счелъ себя въ правѣ „распространить матерію" (т. е. нѣсколько ее „романизировать") и затѣмъ отдать ее на судъ публикѣ... Это — первые эскизы „психологическаго романа" XIX-го столѣтія!.. Это — эмбріоны будущаго романа, — и, какъ таковые, они, конечно, имѣютъ и цѣнность, и интересъ...

Отчасти къ разряду этихъ же произведеній относится любопытный очеркъ: *„Мои свадебныя приключенія“* [546].

Начинается этотъ разсказъ такъ:

„Я, Сидоръ Филатьевъ, часто уже намѣревался—и опять раздумывалъ,—дать россійской публикѣ книжечкою знать о томъ, что *я существую*“ [547].

— заявленіе, любопытное для опредѣленія еще одного изъ raison d'être'овъ новаго романа, — интересъ къ своей личности, желаніе всѣмъ разсказать *о себѣ*...

Начинается повѣсть прямо съ десятой главы.

„Мнѣ минуло 20 лѣтъ, и я былъ въ службѣ. „Тебѣ жениться надобно“,—сказалъ Евментьичъ... А я *надобность* сію нашелъ весьма справедливою... Той любви, которая намъ не открывается плотскимъ веществомъ, но духовнымъ происхожденіемъ,—соединяетъ токмо духъ съ духомъ и много дѣлаетъ тому подобнаго,—той любви, говорю, не зналъ я при вступленіи въ первое супружество!.. „Какая въ этомъ нужда?“,—думалъ я, утѣшаясь примѣромъ живущихъ въ равной участи!..“ [548].

И вотъ, одинъ пріятель сосваталъ ему барышню, и онъ сталъ бывать въ домѣ ея родителей, въ качествѣ „жениха“.

„Невѣста моя—теперь надѣюсь, можно мнѣ такъ величать ее!—казалось, имѣла ко мнѣ великую, такъ называемую, нѣжность“.

„Ибо, вмѣсто того, что она свата своего, который чаще, нежели я, бывалъ въ домѣ, трепала по щекамъ, когда у него срывалась съ языка какая-нибудь непристойность,—жаловала она мнѣ, обыкновенно, плотную пощечину за стараніе мое о представленіи его наглости въ сносѣйшемъ видѣ... Она умомъ и остротою своею, при всякой мнѣ причиненной обидѣ, такъ искусно вывертывалась, что насмѣшки ея почиталъ я ласкою, а пощечины—поцѣлуями“ [549].

Наканунѣ самой свадьбы онъ какъ-то нечаянно вошелъ въ ея комнату...

„Увидѣлъ я... что̀ жъ?—Невѣсту мою... и свата ея... въ положеніи Иксіона, внѣдрившагося въ собственность Юпитера!..“

„Въ сію минуту ничто мнѣ не было такъ досадно, какъ то, чтобъ нѣжная чета не подумала, будто я, изнуряемъ ревностію, къ нимъ подкрался“ [550].

„Сватъ-Иксіонъ“ поспѣшилъ уйти, и онъ остался наединѣ со своей невѣстой, упавшей въ обморокъ...

„Невѣста моя, отъ страху, совсѣмъ онѣмѣла... Казалось, она и не дышала... Я подошелъ ближе со свѣчею... Толь прелестною мнѣ не случилось ее болѣе видѣть!.. Отъ неожидаемаго прихода она, дѣйствительно, упала въ обморокъ“ [551].

Авторъ приводитъ ее въ чувство... Въ это время ворвался въ комнату дочери отецъ, въ сопровожденіи толпы гостей:

„отецъ ея, съ великимъ числомъ гостей, намѣренъ былъ учинить на насъ нападеніе, но, какъ онъ изъ того, что представилось его глазамъ, заключилъ нѣчто больше чаянья, то захлопнулъ дверь,—и всѣ гости съ великимъ смѣхомъ удалились“ 552.

„Есть ли вамъ никогда не случалось держать на рукахъ застыженную въ грѣхѣ виновницу, которой хотѣлось бы промолвить хотя одно словечко, но отъ стыда языкъ ея коснѣетъ,—которая желала бы во взорѣ глазъ своихъ соединить всю невинность и любовь въ то время, когда они заливаются слезами тоски и раскаянья,—которая чувствуетъ, что она лежитъ на рукахъ мужа, отъ котораго зависитъ ея счастіе,—которая не можетъ извиняться, потому что не смѣетъ запереться,—не можетъ просить для того, что преступленіе ея ей самой кажется непростительнымъ—есть ли вы никогда не бывали въ такомъ положеніи—то описаніе сей минуты покажется вамъ смѣшнымъ и несбыточнымъ!“ 553.

Нельзя отрицать, что авторъ сумѣлъ въ этой сценкѣ нарисовать очень тонкую, сложную и, главное, нешаблонную психологическую картинку...

Затѣмъ онъ разсказываетъ, какія чувства переживались имъ въ это время... Раскрывая свою душу онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, изображаетъ и состояніе души дѣвушки, смущенной и тоскливо молчавшей, — она —

„ожидала себѣ упрековъ и угрозъ моихъ только для того, чтобы, ей, по крайней мѣрѣ, можно было *говорить*, или *плакать*, и тѣмъ облегчить стѣсненное свое сердце... Ей хотѣлось, чтобъ сіи упреки были самые строгіе для того, чтобъ перетерпѣть, хотя какое-нибудь наказаніе!.. „Лучше ли вамъ?“—спросилъ я, посадивъ ее тихонько на стулъ. „Лучше!“—повторила она отчаяннымъ голосомъ и, обнявъ колѣни мои, плакала и восклицала безпрестанно: „лучше!..“ Я поднялъ ее, обтеръ ей слезы и поцѣловалъ въ губы. „Пойдемте въ гостиную“—сказалъ я съ ласкою“ 554.

Вся эта сцена, характеризующая въ лицѣ автора простого и хорошаго человѣка, разсказанная безъ рисовки и ломанья, несомнѣнно, представляетъ собою большую художественную цѣнность...

Но дѣвушка не пошла въ гостиную, и авторъ, по этому поводу, говоритъ, что, если бы у нея хватило безстыдства притвориться и выйти къ гостямъ,—онъ ушелъ бы отъ нея навсегда...

„Какъ скоро я вошелъ въ гостиную, начались пересуды и насмѣшки... Я былъ твердъ въ терпѣніи, ибо зналъ, что терплю невинно“ 555.

Вскорѣ невѣста автора заболѣла... Онъ не отходилъ отъ ея кровати въ теченіе всей ея болѣзни, вслѣдствіе чего даже потерялъ свое мѣсто и сталъ бѣдствовать... Она прислала ему денегъ... Потомъ она умираетъ, полная раскаянья...

„Однажды взяла она меня за руку, сказавъ: „мнѣ вамъ служить нечѣмъ, но батюшка мой васъ не оставитъ!“... Я старался ее уговари-

вать... „Желаю сердечно,—прервавъ рѣчь мою, сказала она,—чтобъ вы съ иною были счастливѣе, нежели со мною!.. Я осуждена къ горестямъ, ибо я съ вами болѣе не увижусь!.. Однимъ вѣрнымъ супругамъ опредѣлено будущее свиданье, а я...“—тутъ залилась она слезами... „Но я уже наказана!.. Можетъ быть... о! когда бъ мы встрѣтились опять въ обители любви!.. когда бъ мнѣ случилось (увидѣть снова?) твой ласковый взглядъ, съ которымъ ты на меня смотрѣлъ, когда я, преступница, пала въ твои объятія!.. Живите благополучнѣе... Дни мои были кратки и смутны... нѣтъ силъ больше!“

„Я съ нѣжностью ее поцѣловалъ... Она скончалась, какъ будто бъ духъ ея остался на моемъ поцѣлуѣ“ 556.

Такова исторія перваго сватовства... Весь этотъ эпизодъ, краткій и мимолетный, разсказанъ мастерски...

Слѣдуетъ разсужденіе автора о томъ, какъ трудно человѣку отказаться отъ мысли, которая ему засѣла въ голову... И вотъ, онъ рѣшилъ снова испытать свое счастье въ женитьбѣ... На этотъ разъ вниманіе его остановилось на дѣвицѣ другого склада—она была много „попроще“ первой —

„Дѣвица, жившая въ безпечномъ благосостояніи, молодая и красавица, со взоромъ Ангельской добродѣтели и невинности, хвалимая во всемъ околоткѣ—была предметомъ второго моего выбора... Она думала и говорила не съ высока и не остроумно, но забавно,—не знала, что, собственно, значитъ „свѣтъ“,—ни увертокъ кокетства, ниже жеманства... Пересуды были ей неизвѣстны, а скука еще меньше. Къ редутамъ и клубамъ ея никогда не пріучали... Въ домашнемъ дѣлѣ разумѣла она все“ 557.

Она была такъ неизбалована жизнью, что все въ его квартирѣ нашла „прекраснымъ“,—и восторгъ ея былъ вполнѣ искреннимъ.

„Вступивъ супругою моей въ первый разъ въ мой домъ, всхлопнула она руками и кричала попеременно: „Какъ у васъ прекрасно!.. Какъ все нарядно!..“ Самыя худыя мебели называла она „нарядными“.—кухню, въ которой едва былъ виденъ огонь, „свѣтлою“.

„Ужасно, какъ не нравилось мнѣ имя мое: *Сидоръ*... „Васъ зовутъ *Сидоръ?*“,—сказала она однажды: „ахъ! какое это миленькое имя!“—Замѣтьте, что, говоря со мною, сказать *ты*, она не могла рѣшиться“.

„Но вы, вить, моя супруга, — намъ должно, говоря между собою, употреблять дружеское: *ты?*“

„Я въ жизни своей еще никому не говаривала *ты*, какъ только своей собачкѣ!.. Мнѣ очень трудно сказать вамъ—*ты* вмѣсто—вы!“ 558.

— отвѣчала она.

Скоро авторъ убѣдился, что умственныхъ интересовъ у его молодой супруги нѣтъ никакихъ —

„Тщетно старался я пріохотить ее къ чтенію. Двѣ какія-то старинныя безтолковыя книги составляли ея библіотеку—тетка ея сама другихъ книгъ не читывала... Компаніи она не любила: двѣ—три старухи,

сидя съ нею, говаривали по цѣлому дню. Въ такомъ кругу было ей очень весело".

„Когда я чѣмъ-нибудь бывалъ недоволенъ, тогда, въ защищеніе свое, произносила она съ трепетомъ: *„у коня четыре ноги, да и тотъ спотыкается"—бонмо* своей тетушки, или матушки" 559.

Когда онъ высмѣивалъ ея простоту, — она тихо плакала, забившись въ уголъ...

Разъ онъ взялъ ее въ гости... Она такъ упорно молчала все время, что присутствующіе, подъ конецъ, стали перешептываться и надъ ней подшучивать...

„Но лишь только всѣ умолкли, то черезъ два стола закричала она мнѣ: *„любезный Сидоръ Филатьевичъ! вы себѣ замарали щеку!"*... Примѣтна была на лицахъ присутствующихъ упругость мускуловъ, чтобъ воздержаться отъ смѣху... Какъ ни досадно мнѣ было въ этомъ случаѣ, но, смотря на коверканіе лицъ, долженъ я былъ громко засмѣяться... На меня глядя, ни одинъ человѣкъ уже не сталъ воздерживаться,—всѣ захохотали до того, что и рюмки разыгрались!.. Жена моя сильнѣе всѣхъ... Съ того времени во всѣхъ компаніяхъ: *„любезный Сидоръ Филатьичъ"* и проч.—сдѣлалось общею шуточною поговоркою" 560.

Разсуждая о своей супругѣ, авторъ говоритъ, что влюбленные смотрятъ сначала на своихъ избранницъ „сквозь стекло" и лишь, спустя нѣкоторое время, перестаютъ ихъ идеализировать,—

„И я также смотрѣлъ сквозь стеклышко, а какъ взглянулъ глазомъ, какъ все увидѣлъ иначе!.. Дашинькина невинность и ангельская добродѣтель была *простотою*; ея забавность—*глупостью*; честность—*невѣжествомъ*; ея хозяйственность — женскою неуклюжестью... Всего удивительнѣе то, что мнѣ не на что было пожаловаться!.. Она дѣлала то, что могла,—не была сердита, ни своенравна, ни скупа, ни влюбчива, охотно мнѣ уступала,—не хулила того, что мнѣ казалось хорошимъ, любила меня со всею возможною ей искренностію; давала мнѣ то, что имѣла... При всемъ томъ не могъ я назваться счастливымъ супругомъ... Дашинька умерла передъ первымъ своимъ разрѣшеніемъ,—единственно отъ страху къ предстоящему дѣйствію. Я чистосердечно объ ней соболѣзновалъ" 561.

Неугомонный авторъ сталъ искать невѣсту въ третій разъ... Теперь, наученный горькимъ опытомъ, онъ ясно опредѣлилъ свои требованія:

„Здравый разсудокъ, на всякій случай—мѣрочка остроты, знаніе свѣта, моднаго обхожденія и, такъ называемаго, esprit, — небольшое своенравіе, благородная горделивость, или самолюбіе,—этого, по мнѣнію и системѣ моей, требовалось въ женѣ, которая могла бы меня сдѣлать совершенно счастливымъ!.. Дашинькины хорошія качества позабылъ я вмѣстить въ систему" 562.

И вотъ, онъ нашелъ подходящую къ такимъ требованіямъ дѣвицу. Ее звали Аннушкой —

„Какъ я въ первый разъ къ ней пришелъ, то читала она сочиненія Вольтера. — „Опасное море!"—сказалъ я, указавши на книгу... Лучше было бы мнѣ не говорить подобіемъ; но сказать... *книга*—показалось мнѣ *низко*, а „камнемъ претыканія" назвать не пришло мнѣ тогда въ умъ!"

„Море?.. море?"—говорила она съ равнодушною гордостію. „Я думаю, что и у насъ сыщутся *Аретузы!*" — „Чего-жъ еще желать?.. разумъ и острота—радуйся!"—сказалъ я себѣ [563].

И вотъ, выборъ его остановился на этой Аннушкѣ. Оказалось, ее зналъ весь городъ.—

„Аннушку во всемъ городѣ со страхомъ почитали. Сужденія ея о людяхъ и вещахъ принимались за изреченія оракула. Дѣвицы перенимали ея поступки и рѣчь, женщины—ея наряды и походку. Книга, которую она похвалитъ, тотчасъ у всякаго была въ рукахъ; вездѣ была она первая. А что она также имѣла потаенныхъ враговъ и завистниковъ,—можно догадаться!" [564].

Долго она не соглашалась выйти замужъ. Наконецъ —

„въ одно воскресенье, поутру, рѣшилась она дать мнѣ руку... Послѣ обѣда поѣхали мы къ вѣнцу. „Такое своенравіе",—думалъ я,—„не вредно"... Руку свою дала она мнѣ такъ, какъ великой Султанъ Сераскиру отдаетъ въ награду провинціи. „Рука дѣвицы",—подумалъ я, „не должна ли намъ быть дороже провинціи?" — „Не шутка, вить, выходитъ замужъ!"—сказала она.—„Подлинно такъ",—отвѣчалъ я, и... чуть было, не вышелъ изъ терпѣнія. Она, казалось, это замѣтила... „Точно ли вы меня поняли?",—продолжала она, „по моему мнѣнію, это—важный шагъ!"—„Разумѣю, сударыня!"—отвѣчалъ я" [565].

На другой день послѣ свадьбы она велѣла приготовить себѣ особую спальню.

„Я на это не сказалъ ни слова. Къ вечеру она пожелала мнѣ спокойной ночи и пошла въ свою комнату, а я въ свою... „Гмъ! гмъ!"—проворчалъ я, и... легъ спать... Въ 10 час. поутру прислала она ко мнѣ поваренный ярлыкъ. Въ 12 час. позвали меня къ столу. „Хорошо ли вы почивали?"—спросила она. „Очень хорошо!.. Привѣтствіе ваше привело мнѣ нѣчто на память,—у новобрачныхъ въ сей день водится употреблять *ты* въ разговорѣ!.. Отъ васъ зависитъ объявить на то свое согласіе!"—„Мнѣ бы этого не хотѣлось".—„Желаніе ваше принимаю за приказъ". За столомъ сидѣлъ я, какъ молоденькій офицеръ, который въ первый разъ обѣдаетъ у своего начальника, или высокаго милостивца, и боялся, чтобы въ чемъ не проступиться" [566].

Все это очень не понравилось разсказчику... Внѣ себя отъ досады, отправился онъ кататься верхомъ и, проклиная „систему" своей новой жены, въ бѣшенствѣ шпорилъ лошадь такъ, что она его понесла...

„По пріѣздѣ моемъ домой сказалъ мнѣ слуга, что у насъ гости. Я велѣлъ формально о себѣ доложить. По изъявленіи обыкновенныхъ привѣтствій, царствовало долговременное молчаніе. „Вы сегодня потревожили людей!"—сказала моя жена. „Лошадь моя отъ чего-то взбѣ-

силась!" — „Не всегда ли она такова?"—„На нее часомъ находитъ!.." Опять всѣ утихли... „Я, вѣрно, вамъ помѣшалъ?"—сказалъ я и откланялся.—„Ни мало"—отвѣчала жена моя, какъ я уже отворилъ двери...

„Компанію составляли дѣвицы, изъ которыхъ многія были невѣсты. „Онѣ пріѣзжаютъ сюда учиться!"—подумалъ я, пожалѣвъ о готовящихся для нихъ мужьяхъ" 567.

Время отъ времени,—разъ въ недѣлю,—супруга съ прислугой присылала ему ключъ отъ своей спальни... Онъ, обозленный, разъ ключа не взялъ. Супруга къ этому отнеслась спокойно.

„Вы не приняли ключа?"—спросила она. „Мнѣ кажется, что я прислалъ вамъ его?"—отвѣчалъ я такимъ тономъ, въ которомъ не примѣтно было ни малѣйшей досады, ни насмѣшки. „Все зависитъ отъ вашей воли!"—продолжала она. „Знаю, сударыня!"—былъ мой отвѣтъ" 568.

Такъ странно, „по системѣ", потекла его жизнь... „Книга" въ жизни его супруги играла первую роль.

„Въ зимніе вечера, когда у нея не было гостей, разсказывалъ я ей разныя супружественныя повѣсти; переводилъ для нея мѣста изъ одной нѣмецкой книги *о женичнѣ* и *супружествѣ*... „Весьма поучительны"—говаривала она о первыхъ... „Бредни" — отвѣчала о другихъ. Ничего не брала она на свой счетъ" 569.

Однажды, съ необычайной лаской, назвала она его: „другъ мой"—и сообщила о своей беременности. Онъ былъ въ восторгѣ:

„О, какая нечаянная перемѣна!"—воскликнулъ я, торжествуя. И въ самомъ дѣлѣ получалъ я ключъ чаще и, при каждомъ возвращеніи его,—пламенный поцѣлуй" 570.

Но черезъ четыре недѣли она вовсе перестала присылать ему ключъ.

„Насталъ день разрѣшенія. Все прошло благополучно. Дитя видѣлъ я при крещеніи, а матери не видалъ ровно три мѣсяца... Вамъ, вѣрно, ужъ скучно, любезные читатели?.. Въ угодность вамъ, перескакну цѣлый годъ, въ который не получалъ я ни ласковаго слова, ни поцѣлуя и ни одного разу ключа" 571.

Наконецъ, между супругами произошло объясненіе... Она стойко выдержала характеръ, и все осталось по старому...

„Мы жили такъ вмѣстѣ, какъ зима съ лѣтомъ,—безпрестанно стараясь, какъ бы сообщить другъ другу, хотя малую, часть своего характера" 572.

Въ обществѣ слыли они „безподобными супругами".

Черезъ пять лѣтъ—онъ овдовѣлъ.

„Она скончалась!"—сказали мнѣ, и, подобно звуку большого колокола, раздавалось у меня въ ушахъ повсюду: „*скончалась!..*" Я не знаю иного слова, кто бы его не выговорилъ, которое имѣло бы такой пронзительный и потрясающій звукъ!.. По крайней мѣрѣ, я, сколь часто его ни слыхалъ,—всегда дрожалъ и осматривалъ себя сверху до низу, какъ будто для того, чтобъ увѣриться, живъ ли я еще?"

„*Скончалась*!..“ Въ звукѣ семъ, кажется, слышится вмѣстѣ трескъ низвергающихся прелестей свѣта!.. Отъ слова *несчастіе* все еще остается въ душѣ нѣчто ощутительное, съ какимъ бы прискорбіемъ оно ни было произнесено, — *кончина* совсѣмъ иное производитъ дѣйствіе!“ 573.

Послѣ своихъ многократныхъ опытовъ жениться онъ рѣшился больше счастья не пытать и остаться вдовцомъ — и не ошибся: только въ одиночествѣ онъ узналъ счастье.

„Увѣряю васъ честію моею,—на всякой случай, что, поистинѣ, хорошо человѣку жить одному!.. Теперь я дѣлаю, что̀ хочу и какъ хочу, такъ дѣлаю!.. Будучи женатъ, не имѣлъ я воли ни въ томъ, ни въ другомъ,—я не всегда могъ дѣлать то, что̀ мнѣ хотѣлось, а дѣлалъ только то, что̀ требовалось“ 574.

Въ заключеніе, онъ даетъ совѣтъ всѣмъ ищущимъ жену:

„Не составлять себѣ никакой супружественной системы; не смотрѣть на то, чтобъ въ домѣ шло все *хорошо*, но лишь бы *шло*!.. Не ищите, государи мои, душъ ангельскихъ, но *женскихъ* — не прощайте другъ другу ничего, пока еще называетесь „любовниками“,—преодолѣвайте тогда, естьли возможно, свою сильную страсть; а пустившись въ сватовство, представляйте его себѣ промысломъ, въ которомъ нуженъ вамъ надежный товарищъ“.—„А вамъ, милостивыя государыни, ежели между вами есть подобныя которой-нибудь изъ моихъ женъ, прошу опомниться!“ 575.

Изъ пересказа и приведенныхъ цитатъ видно, что произведеніе это совершенно чуждо какой бы то ни было „литературности“,— передъ нами простое и живое повѣствованіе о пережитомъ... Правдивые женскіе образы,—всѣ различные, но всѣ типичные — ясно просвѣчивающій въ разсказѣ образъ самого автора, думающаго и чувствующаго не „по книгѣ“, а согласно требованіямъ реальной жизни,—несомнѣнно, обрисованы художественно и жизненно...

Какъ глубоко-трогательно и, въ то же время, просто и правдиво мыслитъ и дѣйствуютъ первая невѣста автора, уличенная имъ нечаянно на мѣстѣ преступленія!.. Какъ психологически-тонко обрисована эта разбитная, избалованная и невоспитанная дѣвушка, у которой, однако, въ тайникахъ души кроется хорошее сердце!.. Какъ удачно изображена первая супруга его,—простая, недалекая, но славная и честная женщина... И какимъ благороднымъ и мягкимъ оказывается авторъ въ отношеніяхъ къ своей невѣстѣ и деликатнымъ по отношенію къ первой женѣ!..

„Искусственнымъ“ и, до нѣкоторой степени, „литературнымъ“ образомъ является вторая супруга автора,—слишкомъ ужъ просвѣщенная Аннушка, донимавшая его своими „системами“...

Но родственные ей образы „просвѣщенныхъ“ дѣвицъ и дамъ

встрѣтимъ мы въ мемуарахъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го. Правда, о „системахъ“ этихъ дѣвицъ и дамъ авторы мемуаровъ не говорятъ ничего, но о „просвѣщенности“ ихъ упоминаютъ.

Такъ, ученица Винскаго французскій языкъ учила по сочиненіямъ Гельвеція, Мабли, Мерсье и Руссо [576].

Въ „Семейной хроникѣ“ Толычевой есть разсказъ объ одной дѣвицѣ, которая „перечла всѣ творенія французскихъ философовъ“ [577].

Въ запискахъ Свербеева встрѣчаемъ мы упоминаніе объ одной эманципированной русской дамѣ, которая, въ началѣ XIX-го столѣтія, въ своемъ провинціальномъ захолустьѣ слыла „M-me Stael“—и была руководительницей общественнаго мнѣнія...

Графиня Мордвинова въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что ея отецъ, въ молодости „читавшій всѣхъ философовъ и увлекавшійся ихъ краснорѣчіемъ“ — далъ своимъ дѣтямъ (дочерямъ) серьезное воспитаніе:

„Въ Петербургѣ мы ѣздили на лекціи къ профессору, который преподавалъ уроки физики, но и отецъ продолжалъ намъ толковать эту науку,—а также и по другимъ предметамъ, даже по астрономіи и архитектурѣ... Онъ не любилъ педантизма въ женщинахъ, но хотѣлъ, чтобъ мы имѣли понятіе о всѣхъ наукахъ“ [578].

Очевидно, „ученыя дѣвицы“, дѣйствительно, попадались въ нашемъ обществѣ, если Гераковъ въ своихъ путевыхъ запискахъ (правда, въ началѣ двадцатыхъ годовъ XIX-го ст.) даже предостерегаетъ читателей отъ женитьбы на нихъ, —

„Не женись *на ученой*, которая закидываетъ всѣхъ, во всякое время, стихами Расина, Волтера, Ламартина, не зная ни одного стиха русскаго, и презирающая свой родной, сладкогласный россійскій языкъ...“ [579].

Выдающійся интересъ представляетъ собою романъ А. Измайлова: *„Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества“*. Самое заглавіе показываетъ, что цѣли автора были „нравоучительныя“... Въ предисловіи своемъ онъ еще разъ подтверждаетъ, что именно таковы были его истинныя намѣренія:

„Всякой писатель, принимаяся за перо, долженъ, кажется, стараться всѣми силами, чтобы сочиненіе, которое онъ произведетъ, принесло его читателямъ пользу, или удовольствіе. Самолюбіе, свойственное всякому, а особливо автору, увѣряетъ меня, признаюсь, что мой романъ можетъ быть нѣсколько пріятенъ и даже полезенъ“.

Далѣе авторъ говоритъ что, если „и есть въ его произведеніи недостатки“, которыхъ онъ, по его признанію, самъ не замѣтилъ,—то онъ заранѣе проситъ у читателя извинить его—

„тѣмъ, что я еще очень молодъ,—что въ первый еще разъ занялся такимъ немаловажнымъ сочиненіемъ, каковъ романъ,—что написалъ его въ небольшее, остающееся отъ должности, время,—естьли только можно онымъ извиниться!.. Ежели же моя книга будетъ похвалена, хотя немногими знающими людьми,—ежели, хотя немногіе, родители, прочтя ее, приложатъ значительнѣйшее стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, я почту себя весьма награжденнымъ за мои труды, и побужденнымъ къ дальнѣйшимъ".

Но стоитъ ознакомиться, хотя бы, съ оглавленіемъ всего романа, чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло не столько съ „нравоучительнымъ", сколько съ чисто-*бытовымъ* романомъ, главный интересъ котораго заключается въ объективномъ и всестороннемъ изображеніи жизни тогдашняго рядового русскаго дворянина:

Оглавленіе это лучше всего показываетъ, какъ широко захвачена русская жизнь въ этомъ произведеніи.

Часть I. Кн. I. 1) Кто таковы были родители Евгенія; 2) Евгенія крестятъ и записываютъ въ гвардію; 3) Евгеній, воспитываемый женщинами; 4) первые наставники Евгенія; 5) какимъ образомъ отходитъ прочь отъ г. Негодяевыхъ пиг Пандардъ; 6) Евгеній воспитывается въ пансіонѣ; 7) по какому случаю Евгеній выходитъ изъ пансіона; 8) содержащая въ себѣ послѣдствіе предыдущей; 9) Евгеній просвѣщается въ Университетѣ.

Кн. II. 1) Евгеній выѣзжаетъ изъ Москвы; 2) содержащая преддверіе къ 3-ей; 3) исторія Развратина; 4) конецъ исторіи Развратина.

Кн. III. 1) Препровожденіе времени въ дорогѣ и образъ путешествованія; 2) древога; 3) въ которой говорятъ крестьяне; 4) нищій; 5) зло физическое; 6) нещастіе; 7) средство; 8) разговоръ при въѣздѣ въ С.-Петербургъ.

Часть II. Кн. IV. 1) Евгеній катается, удивляется, обѣдаетъ, убирается, рекомендуется, танцуетъ, ужинаетъ и засыпаетъ; 2) состоящая изъ нѣсколькихъ происшествій; 3) разговоръ Негодяева съ Развратинымъ и Развратина съ Марфою; 4) осматриванье и умеблированіе новой квартиры. Первый выговоръ въ оной Евгенію отъ его друга; 5) Евгеній является къ своему Маіору; къ Евгенію является его фельдфебель; 6) повѣстка почтамта, деньги, письма, радость, смѣхъ, благодарность, приказаніе, доказательство, портретъ, карета, ливрея, ямскіе кафтаны, гусарское платье, обновки.

Кн. V. 1) Новый годъ, новый чинъ! 2) „Vengeance, vengeance!" 3) разговоръ и письмо; 4) Любовь Назарьевна; 5) будошникъ; 6) часы и тулупъ; 7) собаки; 8) Петръ Евдокимовичъ, Андрюшка, Мишка, Сенька, Матвѣй и Лукьянъ; 9) Евгеній пускаетъ себѣ кровь, повѣствуетъ о вчерашнемъ своемъ несчастіи Развратину, проситъ его сочинить просительныя письма къ его родителямъ о присылкѣ къ нему денегъ и также съѣздить къ Назарью Антоновичу; 10) копія съ письма Петра Евдокимовича Развратина къ Лукѣ Трифоновичу Негодяеву; 11) копіи съ писемъ Луки Трифоновича и Татьяны Ивановны къ Евгенію Лукичу; 12) любовница Евгенія; 13) заключеніе.

Уже изъ этого оглавленія видно, что назидательность этого „сатирическаго“, реалистическаго произведенія могла имѣть только тотъ характеръ, какимъ, напримѣръ, отличается „назидательность“ „Мертвыхъ Душъ“, „Обломова“ и др. подобныхъ художественныхъ произведеній.

Содержаніе романа вполнѣ подтверждаетъ мои слова,—передъ нами рядъ ярко- и точно-нарисованныхъ картинъ изъ жизни русскаго дворянина,—картинъ его дѣтства и юности, жизни дома—въ деревнѣ, въ городѣ, въ школѣ и на службѣ... Рядъ живыхъ, характерныхъ лицъ, уже отчасти напоминающихъ собою героевъ Грибоѣдова и Гоголя, мелькаютъ передъ нами при чтеніи этого любопытнаго произведенія, вводящаго насъ въ самыя нѣдра русской жизни XVIII-го вѣка. Выше въ главѣ III (вып. I, стр. 166—177), говоря о жизни русскаго дворянства въ XVIII-омъ вѣкѣ, именно изъ этого романа я взялъ наибольшее число типичныхъ картинъ, образовъ и положеній *)...

Для примѣра, приведу изъ этого произведенія нѣсколько мѣстъ, характеризирующихъ собою яркость и жизненность его письма... Вотъ, напримѣръ, родитель героя. —

„Господинъ Негодяевъ находился въ статской службѣ болѣе сорока лѣтъ. Онъ былъ очень богатъ: имѣлъ 500 душъ крестьянъ и нѣсколько каменныхъ домовъ и лавокъ въ Москвѣ“.

„Никто не могъ сдѣлать ему укоризны, что имѣніе сіе получилъ онъ отъ своихъ предковъ; ибо отецъ его, служивши канцеляристомъ, издерживалъ въ питейныхъ домахъ весь свой окладной и неокладной доходъ,—наконецъ, попался, по несчастію, въ солдаты, оставя послѣ себя сыну (который въ то время былъ еще копеистомъ) одинъ старой войлокъ, занимавшій у него мѣсто постели“. „Итакъ, Негодяевъ нажилъ себѣ, какъ говаривалъ онъ самъ, *кусокъ хлѣба* благословеніемъ Божіимъ за услуги, оказанныя имъ ближнему“ [581].

Женился онъ на богатой дворянкѣ —

„Оставивши службу, не оставилъ онъ труды и, казалось, жилъ единственно для услугъ рода христіанскаго!.. Богатая вдова и сирота, которыхъ оспаривали право наслѣдства, находили себѣ въ немъ сильнаго защитника передъ зерцаломъ правосудія... Кладовая его и бумаж-

---

*) Такъ, напр., воспитаніе ребенка дома (см. выше вып. I, 166 стр.), зачисленіе его еще ребенкомъ на военную службу (166—7), наемъ француза-гувернера (167); воспитаніе россійскаго дворянства въ модномъ французскомъ пансіонѣ (169—171); путешествіе молодого дворянина въ столицу „служить“ (172—3); мечты его о столичной жизни (174); развлеченія молодого дворянина въ столицѣ (173—4); приключенія, которыя иногда ждали этихъ дворянъ въ столицѣ (175—6); военная служба ихъ въ гвардіи (176—7) и нѣк. др.

никъ его были отверзты для всякаго неимущаго, который только давалъ хорошій закладъ и хорошіе проценты... Онъ былъ весьма богобоязливъ: не сотворивши крестнаго знаменія, не выпивалъ ни одной рюмки водки, и не писалъ ни одной челобитной" [582].

Знакомыя намъ черты одного чулковскаго героя (см. выше вып. II, стр. 709—710), сквозятъ въ этой характеристикѣ выслужившагося плута, мирно наслаждающагося богатствомъ, „честнымъ именемъ" и семейнымъ благополучіемъ,—словомъ, всѣмъ тѣмъ, о чемъ такъ упорно мечталъ герой Гоголя, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ...

Супруга его, мать героя романа, была глупа и тщеславна,—она носилась со своимъ дворянствомъ и богатствомъ, мужа своего считала „въ рангѣ сухопутнаго Маіора"; къ тому же „имѣла немалыя свѣдѣнія въ искусствѣ нарядовъ и злословія".

Вскорѣ, на другой-же день послѣ рожденія героя романа, произошла между родителями Евгенія слѣдующая характерная бесѣда:

Г. Негодяевъ, сѣвши возлѣ постели своей жены, сталъ говорить ей такъ:

„Когда же, матушка, окрестишь новорожденнаго? и кто у насъ будетъ кумою и кумомъ?"—„Постой, папинька"—отвѣчала она,—„надобно намъ съ тобою прежде еще подумать о томъ, какъ бы его записать въ гвардію!.. Послушай-ка, отпиши къ кому-нибудь въ Петербургъ, чтобы его поскорѣе сдѣлали сержантомъ!"—„Хорошо, матушка, хорошо!.. Я напишу къ одному Гвардейскому капитану, котораго деревня у меня въ закладѣ, чтобы онъ выхлопоталъ ему сержантской чинъ, и прислалъ бы къ намъ на оный пашпортъ... А кумомъ не позвать ли намъ того генерала, по дѣлу котораго, знаешь, хожу я въ Сенатѣ?.. Онъ—человѣкъ не скудный!"—„Пожалуй, душинька, коли тебѣ угодно".—„Кумою же у меня будетъ одна знатная дама, которая, ужесть какъ, меня любитъ и занимаетъ часто деньги, когда у нея недостанетъ на игру и другія бездѣлушки!.."—„А propos, папинька, нынче день почтовой,—пошли же сегодня письмо къ тому капитану... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.."—„А, вотъ, я, матушка, сію же минуту пойду въ свой кабинетъ, и отпишу къ нему... Коли онъ не выполнитъ моей просьбы, то ужъ скоро перестанетъ хлестать четверкою по Петербургу!.." Сказалъ, всталъ, пошелъ и написалъ" [583].

Затѣмъ подробно разсказываетъ авторъ о томъ, какъ мать Евгенія не захотѣла его кормить сама, — какъ, для кормленія, взята была „глупая деревенская баба", и ей всецѣло былъ ввѣренъ Евгеній... Для матери же онъ былъ только забавной игрушкой,—она хвасталась знакомымъ, что ея сынъ—уже „гвардіи сержантъ".

„Когда онъ сталъ ходить и говорить,—то ему сшили на его ростъ Гвардейскій Мундиръ, украшенный на обшлагахъ тремя блестящими

золотыми галунами, и прежде, нежели его выучили молиться Богу, твердили ему безпрестанно, что онъ—„дворянинъ“ и—„сержантъ Гвардіи!“—„Ты—сержантъ, душинька“,—говорила ему мать съ нѣжною улыбкою, когда онъ бывалъ въ мундирѣ. „Я—*сер-жан-тъ*!“—повторялъ онъ запинающимся языкомъ, и, казалось, столько же тщеславился симъ титломъ, какъ и его родительница“ 585.

О дальнѣйшихъ подробностяхъ его домашняго воспитанія отсылаю читателя къ страницамъ 166—168 перваго выпуска этого сочиненія. Характеристика его гувернера M-r Pendard'a и біографія этого проходимца, жизнь Евгенія въ пансіонѣ Езельмана (169—171), гдѣ онъ обольстилъ воспитанницу Марію, дочь небогатаго дворянина,—все это страницы яркія и художественно-реалистическія... Изъ пансіона Евгеній былъ взятъ послѣ того, какъ онъ отомстилъ своему педагогу за то унизительное наказаніе (см. стр. 171), которому тотъ его подвергъ.

„Евгеній опустилъ проворно руку подъ свою кровать, схватилъ тамъ недопитую имъ бутылку англинскаго пива и бросилъ оную прямо въ побагровѣвшее его лице... Бѣдный г. Езельманъ падаетъ на полъ съ ужаснымъ шумомъ и ревомъ,—кровь у него изъ носа течетъ ручьемъ и соединяется съ пивомъ, ліющимся изъ разбившейся бутылки“ 585.

Родители берутъ Евгенія изъ пансіона, но даже не дѣлаютъ ему выговора, —

„Мать посмѣялась довольно дѣтскимъ шалостямъ Евгенія“.

Ярко и сильно изображено объясненіе отца Маріи съ родителями Евгенія.

„Однажды по утру, какъ его отецъ, мать и онъ пили чай въ залѣ, входитъ къ нимъ въ армейскомъ мундирѣ незнакомой пожилой человѣкъ степеннаго вида, и на лицѣ котораго изображалось огорченіе.—„Милости просимъ, милости просимъ!“—сказалъ ему г. Негодяевъ, вставши со стула и думая, что (тотъ) пришелъ просить его вспоможенія.—„Вы—г. Негодяевъ?“—„Я, сударь!.. Вамъ вѣрно, есть до меня какая-нибудь нужда?“—„Такъ точно, сударь... и весьма большая... Это, конечно, ваша супруга?“—„Такъ-съ“.—„А это не сынокъ ли вашъ?“—„Сынъ сударь, родной!... на что вамъ это, смѣю спросить?“—„Я называюсь Н“ (при семъ имени Евгеній чуть не уронилъ изъ рукъ своихъ чашку и сталъ, въ мгновеніе ока, за стулъ своей матери). У меня одна только дочь... я отдалъ ее въ пенсіонъ къ Езельману“—„А!.. я видала вашу дочку!“—перервала съ усмѣшкою г. Негодяева, „она—премилая дѣвица... хорошо говоритъ по-французски и прекрасно танцуетъ... Сынъ мой очень ее знаетъ!“—„Знаю, сударыня!“—отвѣчалъ г. Н. голосомъ обезчещеннаго отца.—„что онъ ее *знаетъ*!.. думаю, и вы небезъизвѣстны, что онъ лишилъ ее подлымъ обманомъ того, что было для нея всего дороже!...“ Г. Негодяевъ тутъ сѣлъ и произнесъ съ холодностію русскую пословицу, означающую, что женщина никогда безъ согласія не сдается мущинѣ... Несчастный отецъ, пораженный насмѣшками и ругательными словами пуще, нежели громомъ, не зналъ, что дѣлать...“ 586

Потомъ г-жа Негодяева спросила его, не желаетъ ли онъ, чтобы Евгеній женился на его дочери. На это господинъ Н* отвѣтилъ, что Евгеній клялся его дочери именемъ Бога, что это сдѣлаетъ.

„Такъ ли было дѣло?"—спросила мать своего сына,—„небось, ничего!—скажи всю правду!"—„Такъ точно, матушка-сударыня",—отвѣчалъ ободренный Евгеній, засмѣявшись во все горло... Отецъ Маріи бросилъ на подлаго обольстителя Маріи уничтожающій взоръ и показалъ г-жѣ Негодяевой письмо, писанное Евгеніемъ Маріи. „Много ли за вами душъ крестьянъ?"—спросила она г. Н., положивши на столъ письмо.—„Въ одномъ селѣ шестьдесятъ, а въ другомъ—девяносто,—послѣднее отдаю я съ радостью, въ приданое за моею дочерью!"—Деликатная дама поморщилась, какъ будто что-нибудь острое дошло ей до сердца. Супругъ ея, хранившій до сего глубокое молчаніе, прервалъ оное слѣдующими словами: „не имѣете ли вы какого-нибудь тяжебнаго дѣла съ богатыми соперниками, и много ли у васъ ходитъ капитала въ процентахъ?"—„Живучи порядочно и честно, не имѣю я ни долговъ, ни тяжебныхъ дѣлъ!.. Сдѣлаться же ростовщикомъ не позволяютъ мнѣ ни мой достатокъ, ни моя совѣсть!" — Г. Негодяевъ хотѣлъ, было, посмѣяться колко надъ его достаткомъ и совѣстью, но супруга его въ семъ ему воспрепятствовала, спросивъ еще гостя: „гдѣ вы служите и какой имѣете чинъ?"—„Я—въ отставкѣ... Служилъ лѣтъ двадцать въ полевыхъ полкахъ и, оставя службу, получилъ за оную въ награжденіе капитанской чинъ, который меня болѣе утѣшаетъ, нежели полковничій, купленный за деньги"—„Не бывали-ль вы въ походахъ и въ сраженіяхъ?"—„Бывалъ,—и могу сказать, что справедливый начальникъ, у котораго я служилъ въ полку, отличалъ меня отъ прочихъ не по рекомендательнымъ письмамъ!"—„Чтожъ вы не имѣете знаковъ почести?"—„У меня они есть: два на груди и одинъ на боку!"—Г. Негодяева поморщилась также точно, какъ и въ первой разъ" [587].

Увидѣвъ, что партія для сына невыгодна, Негодяевы отказались женить его на Маріи....

„Сынъ мой, какъ вы видите сами, хорошъ, уменъ и еще молодъ!.. Въ новый годъ достанется ему въ Гвардейскіе офицеры"—сказала г-жа Негодяева, объясняя свой отказъ [588].

Потомъ она предложила оскорбленному отцу, чтобы тотъ отдалъ ей свою дочку: она обѣщала ее воспитать на свои средства и хорошо выдать замужъ.

„мы сыщемъ ей со временемъ жениха—изъ богатыхъ старичковъ и, когда нужно будетъ, сдѣлаемъ пособіе и въ приданомъ".—„Сынъ твой лишилъ ее того, что она должна была принести въ приданое!—Видно, ты сама не имѣла этого, выходя замужъ, что осмѣливаешься безъ стыда дѣлать такія гнусныя предложенія!.."—„Объ этомъ досталось говорить мнѣ!.. а не тебѣ!"—прервалъ въ ярости г. Негодяевъ. „Я умѣю учить вашу братью—голяковъ!..Вотъ ты будешь у меня поумнѣе, какъ заплатишь безчестье!.. Штабская жена говоритъ съ нимъ учтиво,—хочетъ ему добра, а онъ смѣетъ ее „тыкать" и поносить ея честь!.. Сту-

ай, ступай, господинъ капитанъ!.. убирайся отсюда, пока цѣлъ!.. Коли дочь твоя разрѣшится отъ бремени въ срочное время, то я, такъ и быть, дамъ ей „на зубокъ“ и „на корову“ рублей сотнягу!..“ Отецъ Маріи не удостоилъ его ни своимъ отвѣтомъ, ни своимъ взглядомъ... Поднявши въ верхъ глаза и руки, вскричалъ онъ только: „правосудный Боже! содѣлай, чтобы чудовище, котораго произвели на свѣтъ сіи изверги, и которое служитъ имъ утѣхою, растерзало со временемъ ихъ самихъ!“ [589].

Въ свою очередь и расхрабрившійся Евгеній издѣвается надъ старикомъ, — подноситъ забытое имъ письмо свое къ его дочери, прося передать ей это письмо, какъ „сувениръ“ отъ него.

Послѣ ухода отца Маріи, г. Негодяевъ читаетъ сыну наставленіе, говоря, что не слѣдуетъ давать никогда никѣмъ обѣщаній дѣвицамъ. Въ назиданіе, онъ разсказываетъ сыну, какъ въ юности ловко обольстилъ онъ одну дѣвицу. Она долго не сдавалась ему —

„Я обѣщалъ на ней жениться“.—„Нѣтъ, побожись!“—сказала она.—„Я побожился ей,—поклялся отцомъ и матерью!“—„Нѣтъ, я все еще не вѣрю,—сними со стѣны образъ порукою!..“ Согрѣшилъ,—обманулъ ее, снялъ со стѣны Божіе милосердіе... Она отъ меня обрюхатѣла такимъ маверомъ... Я пересталъ къ ней ходить. Отецъ ея и мать, узнавши это и видя, что ко мнѣ нельзя никакъ привязаться, для прикрытія грѣха, выдали ее замужъ за одного копеиста, которой былъ малой-ухо писать, собака, да и пить также!.. Сказываютъ, что онъ жилъ съ ней дурно... Такъ вотъ такъ-то! а естьлибы я ей далъ письменное обязательство взять ее за себя, то взялъ бы и по-неволѣ: говорить все и божиться безъ свидѣтелей можно, а на бумагѣ надо писать осторожно!“ [590].

Мать, со своей стороны, посовѣтовала сыну впредь въ любовныхъ письмахъ не подписывать цѣликомъ своей фамиліи, а обозначать свое имя лишь иниціалами.

Авторъ присовокупляетъ, что скоро Марія умерла отъ горячки.

Евгеній отправленъ былъ въ московскій университетъ.

Изъ своихъ университетскихъ товарищей Евгеній особенно сблизился съ Развратнымъ (см. выше вып. I стр. 113): это былъ юноша, родомъ изъ духовнаго званія, но совершенно порвавшій всякія связи съ семьей и религіей. Въ его лицѣ передъ нами — яркій типъ россійскаго вольтерьянца-матеріалиста, — блѣдный прототипъ Базарова... Этотъ „нигилистъ“ XVIII-го вѣка докончилъ „воспитаніе“ Евгенія,—онъ, прежде всего, высмѣялъ Евгенія за то, что тотъ на шеѣ носилъ крестъ...

„У тебя на шеѣ крестъ?“—вскричалъ онъ, захохотавши, какъ пьяной дуракъ. „Да, золотой!“—отвѣчалъ Евгеній, показывая ему оный...

„Зачѣмъ ты его носишь?"—„Твоя правда—зачѣмъ?.. Мнѣ онъ очень мѣшаетъ... Говорятъ, что, будто, всякой христіанинъ *оближированъ* имѣть на себѣ крестъ!"—„Такъ ты—христіанинъ?.. сынъ Православныя Греко-каѳолическія церкви?"—„Съ чего ты взялъ, что я—католикъ?.. Я—не католической, а русской вѣры!"—„Ха, ха, ха! ты не пропускаешь, я думаю, ни одной литургіи!"—„Литургіи?.. Что это такое?"—„То-есть, обѣдни!"—„Нѣтъ! я встаю поздно по воскресеньямъ и по праздникамъ!"—„По скольку ты кладешь всякой день земныхъ поклоновъ въ вечеру и по утру?"—„Я не молюсь никогда въ землю... Да часто случается, что ложусь спать, ни раза не перекрестившись!"—„Я, чаю, ты много, въ самомъ дѣлѣ, знаешь наизусть молитвъ?"—„Да, я много, въ самомъ дѣлѣ, ихъ зналъ—пять, или шесть, никакъ, не помню право!—а теперь всѣ ихъ позабылъ!"—„Ха, ха, ха!—хорошо, что ты не совсѣмъ закоренѣлъ въ невѣжествѣ!—тебѣ можно еще подать руку помощи, и, ежели ты мнѣ обѣщаешься во всемъ вѣрить и во всемъ меня слушаться (ты это долженъ!),—то я, по-дружбѣ, превращу тебя изъ грубаго невѣжи въ просвѣщеннаго вольнодумца... только не сегодни... Погода теперь хороша!.. пойдемъ-ка въ"" трактиръ, сыграемъ тамъ нѣсколько партій на билліардѣ, закажемъ сдѣлать рублевой пуншъ, а оттуда махнемъ къ Аннушкѣ и Катинькѣ,—у нихъ прекрасной портеръ, и нынѣшній вечеръ, думаю, никого гостей, кромѣ насъ, не будетъ!" [591].

Характерно описаны сборы Евгенія въ Петербургъ,—на военную службу: родители ему дали нѣсколько возовъ припасовъ, большой штатъ прислуги (172—3) и долго плакали надъ нимъ.

„Набожный родитель благословилъ его образомъ старинной работы, на которомъ была положена кованая серебряная риза, и который онъ удержалъ у себя, вмѣсто залога, отъ одной бѣдной вдовы" [592].

Потомъ онъ далъ сыну 5000 р. и посовѣтовалъ ухаживать за своими командирами. Въ свою очередь, мать совѣтуетъ ему обратить особое вниманіе на дамъ —

„Не скучай знатнымъ дамамъ дѣлать компанію въ карточной игрѣ и въ променадахъ... Выполняй всѣ ихъ комиссіи—чрезъ это можешь получить себѣ щастіе" [593]—говорила она.

Отецъ убѣждаетъ не очень усердствовать по службѣ, —

„Ты не очень прилежи къ службѣ!.. Когда достанется итти въ караулъ въ сырую, или холодную погоду, такъ можно за себя и нанять кого-нибудь другого!.. Ружьемъ учиться тебѣ не совѣтую, ты—малой и молодой, нѣжнаго воспитанія, гдѣ тебѣ вертѣть едакимъ чортомъ, фунтовъ въ пятнадцать!" [594].

Мать совѣтуетъ ему денегъ не жалѣть и всегда слѣдить за модой... Отецъ, въ свою очередь, говоритъ, чтобы онъ не скупился въ деньгахъ.

„Долго они стѣсняли его въ своихъ объятіяхъ,—наконецъ, онъ вырвался изъ рукъ ихъ, сдѣлалъ два неправильные шага до своей

повозки и не могъ въ нее сѣсть безъ помощи хораго своего гусара *). Наконецъ, бичъ хлопнулъ по прозябшимъ лошадямъ... Слово: „прощай", раздалось послѣдній разъ въ воздухѣ,—и въ одно мгновеніе лошади и Евгеній исчезли изъ глазъ г. Негодяева и его супруги" 595.

Съ Евгеніемъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Петербургъ его другъ Развратинъ. Между молодыми людьми, вырвавшимися на свободу, происходитъ характерный діалогъ. Евгеній потѣшается надъ печалью своихъ родителей... Развратинъ говоритъ ему, что ради тѣхъ денегъ, которыя ему даны, можно быть снисходительнѣе и терпѣть всю тяжесть ихъ ласкъ... Онъ цинично заявляетъ, что, если бы его родители дали ему, хоть, пятьдесятъ рублей, —

„онъ бы согласился слушать терпѣливо цѣлыя сутки не только, какъ ты говоришь, ихъ „вытье",—но даже брань и ругань!.. Одинъ бы день помучился, за тобъ былъ недѣлю и веселъ и пьянъ"—„А propos, не примѣтилъ ли онъ, что я былъ немножко пьянъ?"—„Нѣтъ, нѣтъ!"—„А каково я сыгралъ сыновнюю роль?"—„Хоть бы мнѣ, право!"—„Хитрая дѣвка не лучше можетъ притвориться передъ тѣмъ, у кого она на содержаньи!"—„Да взялъ ли ты образъ?"—„Нѣтъ!.. На что мнѣ его?"—„Нехорошо ты сдѣлалъ, нехорошо!.. Отецъ твой можетъ подумать, что ты пренебрегаешь такою вещью, которую онъ почитаетъ за священную, и которою онъ при томъ тебя благословилъ!.. Кто бы тебя, скажи, принудилъ молиться этому образу?.. Ты бы могъ его послѣ дѣть, куда хотѣлъ!.. Нехорошо ты сдѣлалъ,—не похвалю тебя за это".—„Ну! чтожъ дѣлать, братецъ!.. Я забылъ его взять"—„Да и въ самомъ дѣлѣ—легко забудешь, вѣдь ето—не деньги, тѣ такъ!.." 596.

Ярко описана бытовая сценка въ трактирѣ, гдѣ юноши остановились по пути и пьянствуютъ —

„Молодой Негодяевъ сидѣлъ уже въ трактирѣ близъ стола, покрытаго влажными кругами, и, въ ожиданіи своего товарища, который бралъ на себя всегда должность кричать и разсчитываться съ буфетчикомъ, смотрѣлъ онъ на двухъ приказчыхъ служителей, проигрывающихъ на билліардѣ взятое ими въ тотъ день за мѣсяцъ жалованье и, время отъ времени, произносящихъ имя *матери* съ прилагательнымъ, безъ коего она быть не можетъ" 597.

Не менѣе реалистично разсказано посѣщеніе друзьями „Катиньки" (см. вып. I, стр. 174—5), которое окончилось безобразной оргіей: Евгеній, Развратинъ и Катенька усѣлись на полъ, покрытый ковромъ, поставили большую чашу съ пуншемъ и бутылки съ портеромъ. —

„Кучеръ, гусаръ, призванные имъ въ пособіе,—камердинеръ, парикмахеръ, форейторъ, поваръ и крѣпостной адвокатъ составили въ углу сей горницы громкій хоръ... Со звонами голосовъ ихъ смѣшался стукъ бутылокъ, звонъ стакановъ, журчаніе пѣнящихся винъ и портера, чо-

*) Онъ выпилъ передъ тѣмъ три стакана водки.

канье поцѣлуевъ и радостныя восклицанія лобзающихся и *пiющихъ*. „*Качай!*“—кричалъ Развратинъ, разбивая въ дребезги опорожненную имъ бутылку. „*Качай!*“ — повторяли Негодяевъ и Катинька, чокаясь другъ съ дружкой губами и стаканами“.

„...Пора намъ ѣхать!“—сказалъ, пошатнувшись, сей послѣдній (Развратинъ) своему другу—„По-ра, братъ“, — отвѣчалъ Евгеній... „Adieu, Ка-тя!.. про-щай, mon coeur, не забывай ме-е-ня!..“ Онъ подарилъ ей двадцать пять рублей, кольцо, въ которое были вдѣланы волосы его матери... „На что ето, Евгеній Лукичъ?“ — говорила Катинька, кладя сіи подарки въ свой карманъ. „Когда вы пріѣдете опять въ Москву, милости прошу жаловать къ намъ попрежнему!“ 598.

Одинъ изъ обозныхъ мужичковъ, долго на морозѣ ожидавшій своего молодого барина, замѣтилъ ему, что онъ долго засидѣлся.

„Су-кинъ ты сынъ!.. „дол-гонько за-сi-дѣлись?..“ смѣешь го-во-рить это?“—вскричалъ Евгеній, давъ ему нарядную пощечину...„Я с-съ тобой раздѣлаюсь... Дай мнѣ до заст-реча!“ 599.

Одной такой бытовой сцѣнки вполнѣ достаточно, чтобы доказать справедливость моей мысли, что въ разбираемомъ произведеніи А. Измайлова мы имѣемъ дѣло съ оригинальнымъ бытовымъ русскимъ романомъ, написаннымъ реально...

Не менѣе характерно изображаетъ авторъ въ „исторіи Развратина“ жизнь этого героя съ дѣтства,—семейную обстановку его, жизнь отца и окружающихъ его лицъ. Автору удается выдержать тонъ ироніи, свойственный скептику-Развратину, въ уста котораго вложенъ весь этотъ разсказъ...

„Самые великіе люди иногда родятся отъ людей самыхъ посредственныхъ!“ 600 —

— такъ характерно началъ Развратинъ свою автобіографію. Его отецъ былъ секретаремъ палаты —

„онъ приходилъ прежде всѣхъ по буднямъ къ своей должности, по воскресеньямъ въ церковь и оставлялъ у себя часто на чарку водки челобитчиковъ, приходившихъ его поздравлять съ праздникомъ“ 601.

Онъ очень любилъ выпить —

„Въ секретарскомъ домѣ не имѣлось недостатка въ нужныхъ вещахъ,—бутыли, штофы и полуштофы съ настоящимъ виномъ и водкою въ различныхъ ягодахъ и цѣлебныхъ травахъ,—покрывали у насъ въ чуланѣ длинныя двѣ полки; въ погребѣ же всегда стояли на льду двѣ, или три, бочки вкуснаго и крѣпкаго пива, да одна—меду. Батюшка мой былъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ, чтобы ихъ провожали изъ гостей подъ руки, и чтобы гости возвращались отъ нихъ домой не въ такомъ видѣ, въ какомъ къ нимъ пришли... Рѣдко, однако, очень рѣдко случалось, чтобы его поднимали на дорогѣ... Я не видывалъ такого крѣпкаго человѣка, какъ онъ, и говорю это тебѣ безпристрастно!.. Безъ хвастовства скажу, что я самъ находилъ мало такихъ, которые бы могли со мною пить наряду,—однакожъ принужденъ отдать своему отцу передъ собою преимущество!“ 602.

Оказывается, его папаша могъ одинъ выпивать около штофа водки и ведро пива, „не бывши почти ни въ одномъ глазѣ“. „Всѣ только, глядя на него, пожимали плечами“.

Старикъ сложенія былъ богатырскаго,—

„вышиною два аршина двѣнадцать вершковъ, шириною въ плечахъ—аршинъ, толщиною въ два обхвата“, ходилъ всегда „въ старомодномъ платьѣ крапиннаго цвѣта...“ У него было рябое лицо и носъ окрашенъ багровыми пятнами. Онъ „любилъ просвѣщеніе“, такъ какъ самъ получилъ образованіе въ семинаріи; къ тому же—„живалъ онъ, большею частію, съ людьми учеными, и декламировалъ, обыкновенно, передъ ними одну глупую проповѣдь, которую сдѣлалъ еще въ семинаріи, или пѣлъ, своего же сочиненія, въ похвалу вина, канты въ старинныхъ стихахъ, въ которыхъ не было ни мѣры, ни смысла“ [603].

„Мать моя была жирна, какъ купеческая лошадь,—здорова и чувствительна, какъ мясникъ, имѣла набожный видъ и глядѣла изъ-подлобья. Она слыла хорошею хозяйкою,—пироги ея печенія хвалили болѣе, нежели ея душу... Съ первымъ благовѣстомъ вставала и пощечинами будила дѣвочекъ: не зная грамотѣ, много знала молитвъ и помнила наизусть святцы... Городскіе анекдоты всѣ ей были извѣстны. Похудѣетъ ли какая-нибудь вдова, или дѣвушка,—отужинаетъ холостой у женатаго, когда тотъ не ночуетъ дома,—вышибетъ ли мужъ своей женѣ хоть одинъ зубъ,—она ужъ тотчасъ знаетъ всему этому причины и разсказываетъ съ довольною пріятностью“.

Такъ какъ у отца разсказчика все рождались дочери, то его друзья, особенно въ „подвыпитьи“, часто его упрекали за „неимѣніе сына“. Въ свою очередь —

„Онъ чинилъ строгіе выговоры дражайшей своей половинѣ“ за то, что она рожала только дочерей, и клятвенно обѣщалъ ей сшить „парчевую пару“, если родитъ она мальчика. „Николаю же чудотворцу за сіе самое обѣщалъ онъ отслужить благодарный молебенъ съ акафистомъ и положить серебряную ризу на его образъ“ [604].

Понятно, какъ велика была его радость, когда появился на свѣтъ Божій сынъ...Авторъ, по этому поводу, предается разсужденіямъ о причинахъ бо́льшей радости родителей при рожденіи сына.

Отецъ ухаживалъ за ребенкомъ,—„сидѣлъ всегда у моей колыбели,—качалъ меня, прибаюкивалъ, говорилъ мнѣ медвѣжьимъ голосомъ: „*гау!*“—Чтобы ребенокъ не кричалъ ночью, его поили „піонной наливкой“.

Подросши, мальчикъ, подражая старшимъ, сталъ пить: сначала надъ этимъ родители смѣялись, потомъ стали ему это „запрещать,—тогда онъ сталъ пить тайкомъ—

„Десяти лѣтъ я могъ, выпивши стаканъ водки, стоять на ногахъ твердо и не имѣть даже вида пьянаго“ [605]—хвастается Развратинъ.

Первоначальное образованіе получилъ онъ у отца. Потомъ сталъ

ходить къ нему на домъ семинаристъ, и, наконецъ, 14 лѣтъ отъ роду, онъ былъ отданъ въ семинарію.

„Тамъ выслушалъ я въ пять лѣтъ всю Поезію, Риторику, Логику, умозрительную и дѣятельную Философію, Метафизику, Онтологію, Космологію, Психологію, Богословію, Право Природы, Етику и Политику. Я, былъ въ семинаріи первымъ ученикомъ,—никто не могъ лучше меня сдѣлать стиховъ, рѣчи, или хріи. Въ диспутахъ особливо не находилъ я себѣ соперника!.. Съ какою удобностью опровергалъ я самыя достовѣрныя истинны длинною цѣпью хитро-составленныхъ силлогизмовъ!.. При каждой посылкѣ, какія дѣлалъ тѣлодвиженія, какъ возвышалъ свой голосъ! Какъ язвительно улыбался“ [606].

Онъ самъ торжествовалъ, видя свои успѣхи; отецъ гордился имъ... Потомъ Развратинъ сблизился съ однимъ русскимъ поклонникомъ французской философіи, который —

„жилъ въ Парижѣ цѣлые четыре года, читалъ всѣхъ французскихъ философическихъ писателей, ужинывалъ съ нѣкоторыми не по одинъ разъ и имѣлъ у себя на содержаніи сестру славнаго книгопродавца“ [607].

У этого философа былъ большой запасъ рукописей и переводовъ съ французскаго. Вернувшись въ Россію, онъ вдругъ постригся въ монахи, потомъ бѣжалъ изъ монастыря *)... Просвѣщенный французской философіей, Развратинъ рѣшилъ вѣрить только своему разуму,—онъ сталъ читать Руссо и Вольтера, сталъ заниматься критическимъ разборомъ Библіи... Похвалами своего вольнодумнаго друга-монаха Развратинъ очень гордился...

Любопытно, что, кромѣ отрицательныхъ чертъ, авторъ отмѣтилъ въ своемъ Развратинѣ и положительныя: ему удалось въ его лицѣ изобразить человѣка умнаго и образованнаго, — такъ, въ уста его вкладываетъ онъ, напримѣръ, такое разсужденіе —

„прочти деревенскому дворянину, который не выѣзжалъ изъ села своего и проводилъ въ немъ все время съ одними псарями и дѣвками,— прочти ему Хераскова „Россіяду“,—онъ многаго не пойметъ въ ней, но сраженія богатырей ему понравится; прочти ему послѣ приключенія Еруслана Лазаревича,—они ему такъ же понравятся и, можетъ быть, нелѣпая сказка одержитъ въ его умѣ преимущество надъ безсмертною поэмой“ [608].

Съ большимъ юморомъ разсказываетъ затѣмъ Развратинъ, какъ отправляли его родители въ университетъ.

„Тогда былъ воскресный день. Въ девять часовъ утра ревъ большого колокола сталъ призывать правовѣрныхъ къ литургіи... Набожный мой родитель и я направили свои стопы ко храму Господню“ [609].

День отъѣзда Развратина изъ отцовскаго дома начался съ

---

*) По словамъ Развратина, кончилъ свои дни этотъ интересный русскій „монахъ-вольтерьянецъ“ самоубійствомъ...

того, что мать съ плачемъ принялась готовить обѣдъ. Потомъ собрались гости,—

„которые, желая напиться допьяна и проститься со мной, наполнили всѣ наши комнаты"... „...Ревностный священникъ пришелъ вскорѣ, въ сопровожденіи одного дьякона, одного дьячка, и одного пономаря... Помолившись съ важностію и давъ всѣмъ желающимъ облобызать свою десницу, садится онъ подъ образа, выпиваетъ съ улыбкою за здравіе хозяевъ и отъѣзжающаго по поднесенной ему съ причетомъ рюмкѣ цѣлительнаго Ерофеича и говоритъ съ приличнымъ тѣлодвиженіемъ, что морозъ очень великъ" 610.

Вскорѣ началось пьянство и—

„черезъ полчаса домъ нашъ уподобился совершенно трактиру. Одинъ пьетъ и безъ стыда еще проситъ пить; другой бьетъ стаканы; третій кричитъ; четвертой поетъ... Въ одномъ покоѣ спорятъ, какъ въ питейномъ домѣ,—въ другомъ бранятся, какъ въ смирительномъ; въ одномъ хохочутъ, какъ въ раёшѣ въ театрѣ,—въ другомъ воютъ, какъ на похоронахъ на кладбищѣ" 611.

Потомъ отецъ—

„напомнилъ священнику вину его пришествія, и, когда сей, какъ будто проснувшись, началъ служить молебенъ—гости, домашніе, даже и челядинцы, въ различномъ видѣ, въ различномъ одѣяніи,—всѣ собрались въ сію горницу, молились, вздыхали и зѣвали". Потомъ всѣ присѣли, кто куда... Тогда отецъ—„произнесъ мнѣ, заикаясь, благословеніе, вручилъ святую икону, ровно сто рублей денегъ" 612.

— и рекомендательное письмо къ одному московскому священнику, своему бывшему товарищу по семинаріи... Потомъ онъ прочелъ сыну соотвѣтствующія наставленія о необходимости хорошо учиться, почитать старшихъ, ходить въ церковь, усердно служить Государю и Отечеству.

Послѣ его рѣчи началось прощаніе—общій плачъ, объятія...

„Изъ отцовскихъ объятій перешелъ я въ материнскія, изъ материнскихъ—въ сестрины, изъ сестриныхъ—въ теткины и такъ далѣе: каждой лѣзъ ко мнѣ цѣловаться, утирая глаза и губы" 613.

Типиченъ московскій попъ, къ которому направилъ разсказчика его отецъ. Онъ важничаетъ и, въ то же время, сквалыжничаетъ, — перемѣшиваетъ воспоминанія юности съ торгашествомъ, находя плату въ десять рублей недостаточной за содержаніе юноши и требуя пятнадцать рублей.

Вотъ, характерный разсказъ Развратина о свиданіи съ этимъ священникомъ—

„Поклонившись благопристойно іерею, сидѣвшему неподвижно на кожаныхъ креслахъ, но не подошедши къ нему подъ благословеніе, вручилъ я свое письмо, сказавши, откуда оно и отъ кого... Онъ бросилъ презрительный взоръ на подателя конверта, какъ знатный вель-

можа бросаетъ на презрительнаго почталіона; принялъ пакетъ изъ рукъ моихъ и распечаталъ, храня молчаніе, подобно нѣмому, или статуѣ... Въ то время, какъ спѣсивой сей попъ, надѣвши на носъ очки, разбиралъ длинное посланіе моего отца, — стоя, ругалъ я въ мысляхъ гордость московскаго іерея и разсматривалъ его фигуру... Онъ былъ уже лѣтъ шестидесяти, немалаго роста, здоровъ и тученъ; черно-сѣдыя же его брови, сошедшіяся вмѣстѣ, нахмуренное чело и желтизна лица означали его нравъ и характеръ... Читая письмо, поглядывалъ онъ на меня изъ-подлобья: потомъ, когда пробѣжалъ онъ все,— всталъ со своихъ креселъ и, обнявъ меня, произнесъ, наконецъ, сіи слова съ улыбкою Плутона: „здравствуй, голубчикъ, поцалуемся!"... Ты— сынъ Евдокима Карповича, съ которымъ я вмѣстѣ учился въ семинаріи?.. Куритъ-ли такъ, какъ прежде?.. То-то удалая голова была съ молоду!.. Батюшка твой ко мнѣ пишетъ, что ты—молодецъ прилежной къ наукамъ, и что онъ прислалъ тебя сюда для опредѣленія въ школу..."—„Въ *Университетъ*, сударь!"—„Все равно!.. Онъ хочетъ, чтобы ты жилъ въ моемъ домѣ... слушалъ бы меня и почиталъ, какъ его самого?"— „О, сударь!.. будьте увѣрены, что я буду васъ почитать, какъ своего родителя!"—„Это хорошо... да послушай... Онъ хочетъ, чтобы ты жилъ у меня на хлѣбахъ, и намѣренъ платить мнѣ за твое содержаніе, то есть за квартиру, за кушанье и за мытье бѣлья по десяти рублей на мѣсяцъ; но я никакъ не соглашусь взять меньше пятнадцати!.. Ты — парень умной, разсуди самъ—нынѣ время дорогое, я же — человѣкъ недостаточной!.. Полгода тому назадъ сгорѣлъ мой каменной домъ въ десять тысячъ рублей, — теперь же недавно, занявши у меня двадцать тысячъ, должникъ издохъ, не оставя, проклятой, чѣмъ себя и похоронить!" 614.

Попавъ въ университетъ, Развратинъ пишетъ часто письма отцу, съ цѣлью получать отъ него почаще деньги; но, зная нравъ отца, онъ хитритъ, прямо денегъ просить не рѣшаясь...

Въ университетѣ онъ усиленно занимался,—тщеславіе, желаніе выдѣлиться и заслужить награду заставляло его это дѣлать,— но тщеславіе его не было насыщено... Оказывается, если вѣрить его словамъ, въ тогдашнемъ русскомъ университетѣ успѣвали только тѣ студенты, отцы которыхъ давали взятки профессорамъ...

Таковы два героя романа. Съ неослабѣвающею яркостью и силой рисуетъ авторъ путешествіе двухъ друзей въ столицу и рядъ пестрыхъ дорожныхъ приключеній, отъ столкновенія съ которыми все яснѣе опредѣляются черты души обоихъ...

Привожу нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ. Ярко нарисовавъ картину пожара въ деревнѣ, авторъ разсказываетъ, какъ крѣпостные Евгенія просили своего барина отпустить ихъ помочь тушить пожаръ, но онъ не пустилъ ихъ, выругавъ за ихъ усердіе „скотами"... Человѣколюбіе простого русскаго человѣка въ этой сценѣ противопоставлено душевной черствости дворянина-Евгенія.

Въ главѣ восьмой разсказана слѣдующая характерная сценка: юные путешественники увидѣли парня, тщетно пытавшагося поднять пьянаго мужика, который, лежа на землѣ, съ нимъ дрался... Евгеній спрашиваетъ парня, зачѣмъ онъ лѣзетъ къ мужику:

„Вишь, онъ нахлебался проваленова винища!"—отвѣчалъ съ досадою вопрошенный. „Непьяной такъ не бранитъ и каналью, нашего прикащика, а пьяной, такъ радъ задѣть въ ухо и самого старосту!"—„Не трогай его, дуракъ!.. пусть онъ здѣсь валяется!"—„Какъ бы те не такъ!.. вить, онъ—отецъ мой!"—„Такъ что же, что отецъ?—Некому его теперь будетъ поднять,—такъ впередъ не станетъ напиваться допьяна!.. Брось его!"—„Да!смѣйся!.. брось-ка,—такъ, пожалуй, его здѣсь на дорогѣ и задавятъ... а послѣ меня будетъ давить совѣсть, какъ лихой домовой! Да домовой-то еще давитъ только ночью, а у той нѣтъ спуска и въ бѣлой день!.. Вотъ меня скоро женятъ, у самого пойдутъ дѣти.... Вѣкъ то еще мой не великъ,—почемъ знать, можетъ быть, и я сдѣлаюсь такимъ же пьяницею, какъ дьячокъ нашъ?.. Напьюся пьянъ,—упаду гдѣ-нибудь на дорогѣ, такъ и меня мои сыновья не подымутъ,—скажутъ: „зачѣмъ его подымать?.. онъ, вить, не поднялъ пьянаго своего отца, а нашего дѣдушку!.. Я и замерзну на дорогѣ, какъ червякъ!.. меня безъ отпѣванія похоронятъ, какъ колдуна... на полѣ, гдѣ свиней пасутъ... Только лишь не вколотятъ въ затылокъ осиноваго кола!.. Встань, бачка! встань, полно тебѣ драться!.. вишь, надъ тобой смѣются и велятъ тебя бросить!.. Пойдемъ лучше домой,—пора ужъ обѣдать, мачка нынче пекла пышки" (15).

Характерна также сцена, представляющая споръ деревенскаго исправнаго мужика и хорошаго семьянина—съ мужичкомъ, который испорченъ жизнью въ столицѣ... Второй издѣвается надъ простотой перваго... За разрѣшеніемъ спора, кто изъ нихъ обоихъ лучше, мужики обратились къ юнымъ путешественникамъ. Мужикъ, вкусившій сладостей городской жизни, говоритъ имъ:

„Вотъ, сударь, извольте разсудить: этотъ разгильдяй говоритъ, будто я его хуже!.. Онъ, чай, съ рода не бывалъ и въ послѣднемъ городишкѣ, а я уже годовъ десять назадъ живу почти все и лѣто, и зиму въ Москвѣ, то въ Питерѣ"...—„Что жъ такое?"—прервалъ его противоборникъ.—„что ты живешь давно въ Москвѣ и въ Питерѣ, да тянешь тамъ только сивуху?—„Только сивуху?.. вамъ она, деревенскимъ дуракамъ, въ диковину!.. Я пивалъ и сладкую водку, и аглицкое пиво, и портеръ, и пуншъ!.. А ты не только ихъ не отвѣдывалъ, да врядъ, чтобъ ихъ и слыхивалъ!.. Зналъ бы ты, лапотникъ, молчать,—жрать мякину, пахать!"—„Да заставь-ко тебя пахать, такъ ты и не знаешь, какъ приняться за соху"...—„Какъ бы не такъ?.. Мы и не видывали, какъ пашутъ!.. Эка мудрость—соха!.. Посади-ко тебя, ротозѣя, на ухарскія сани, дай-ко тебѣ править ухарскою лошадью,—ты и свалишься сразу на земь, какъ снопъ, — всѣхъ людей надсадишь со смѣху!.. ха! ха!... Ты, вотъ, деревенской пень, не умѣешь и говорить по-людски,—а я такъ мастеръ и пѣсни пѣть!"—„Пущай я не умѣю, какъ ты, пѣть пѣсни,—нѣтъ до этого дѣла: умѣлъ лишь бы я платить исправно Государю подать,—госпо-

дину—оброкъ, кормить мать-старуху, жену, шестерыхъ дѣтей!..“—„Да много ли ты своему господину платишь оброка?“—„Пять рублей!“—„Эка—пропасть!.. А я такъ—пятнадцать!!.. Жена-то у тебя, вить, одна?“—„Да развѣ десять?“—„А у меня такъ ихъ въ Питерѣ двадцать,—да не такія, какъ твоя сарафанница, — всѣ модницы-красавицы, ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ, въ волосахъ“ 616 и т. д.

Евгеній и Развратинъ принимаютъ сторону бойкаго мужика и, вмѣстѣ съ нимъ, вышучиваютъ „сѣраго“, деревенскаго...

„онъ годится только пахать землю, да развѣ—въ рекруты!..“—„Не будетъ пахатника,—не будетъ и бархатника!“ — ворчалъ сквозь зубы осмѣянный крестьянинъ“ 617.

Интересна еще одна бытовая сцена: въ Твери два друга зашли въ трактиръ; при входѣ стоялъ нищій—

„съ тремя мальчиками, — малъ-мала меньше, почти нагими.. Старикъ, опершійся объ толстую палку и трясущійся отъ жестокости бывшаго мороза и отъ тягости своихъ лѣтъ. Онъ былъ сѣдъ, какъ лунь; имѣлъ на себѣ разодранное, изъ разныхъ лоскутковъ состоящее, рубище, — на плечѣ мѣшокъ, ничѣмъ ненаполненный, — на глазахъ слезы, и на лицѣ—горесть... Деревяшка замѣняла у него правую ногу; сія заставляло думать, что онъ, можетъ быть, уже давно лишился ея на сраженіи съ непріятелями отечества. Сей нещастный взглядывалъ на плачущихъ трехъ мальчиковъ, и, отворачиваясь отъ нихъ, отиралъ свои слезы... Напереди Негодяева и Развратина шелъ туда же, куда и они, размахивая руками, въ разорванномъ байковомъ сертукѣ, съ растрепанными волосами одинъ молодой человѣкъ, лѣтъ осмнадцати,—повидимому, копеистъ изъ гражданской палаты... Едва онъ поравнялся противъ нищаго, то сей бѣдный старикъ поклонился ему въ поясъ и запинающимся голосомъ, со слезами, просилъ у него милостыни въ слѣдующихъ словахъ: „подай намъ, кормилецъ, ради самого Бога!.. Сжалься надъ сѣдыми моими волосами и надъ этими тремя малолѣтними сиротами, моими правнучатами!.. Ужъ почти сутки, какъ не было во рту крохи хлѣба ни у меня, ни у нихъ!.. подай намъ,—Богъ услышитъ молитву убогаго, низпошлетъ тебѣ здоровье и свою благость!..“ 618.

Юный канцеляристъ не далъ старику ничего, сказавъ, что у него самого въ этотъ день денегъ заработано было очень мало,—онъ заработалъ только 50 к., на которыя ему можно выпить только полпива и пунша и не хватитъ даже на билльярдъ,—

„Моли Бога, чтобъ я завтра выписалъ рубля полтора“ 619

— сказалъ онъ, пообѣщавъ старику тогда дать „пять копеекъ“.

Хуже поступили со старикомъ оба друга: Евгеній и Развратинъ—они не только ничего не дали ему, но еще надсмѣялись надъ нимъ. Евгеній посовѣтовалъ ему „работать“, а Развратинъ—

„отъ котораго не были сокрыты слабости людей всякаго состоянія промолвилъ, что нищіе бываютъ великіе пьяницы... Злополучный ста-

рикъ, взглянувъ на небо, вздохнулъ тяжело, не имѣя силы произнести ни одного слова".

„Благомыслящій читатель! прокляни Евгенія, Развратина и всѣхъ, имъ жестокосердіемъ подобныхъ" [620].

— восклицаетъ патетически авторъ.

Въ трактирѣ Евгеній подпилъ и сталъ плясать. Оступившись, онъ упалъ и ушибъ ногу. Тогда онъ сталъ плакать и высказалъ предположеніе, что это Богъ его наказалъ за то, что онъ надсмѣялся надъ нищимъ... Развратинъ высмѣялъ его „суевѣріе" и сталъ доказывать, что плакать отъ боли—малодушіе, что цѣль жизни — заключается не только въ умѣніи наслаждаться, но и въ умѣніи сносить мужественно страданія. Жестикулируя, онъ ударился рукой о столъ, и самъ, опровергая свою теорію, не вытерпѣвъ боли,—сталъ ругаться и жаловаться...

По дорогѣ, въ трактирѣ, Евгенія обыгралъ какой-то проѣзжій-шуллеръ, выманивъ у него 4.000 р. Игра описана обстоятельно и живо (вып. I, стр. 125—7). Своей неудачей Евгеній былъ смущенъ и, по совѣту Развратина, написалъ отцу письмо, въ которомъ просилъ о высылкѣ новыхъ денегъ, объясняя свою просьбу тѣмъ, что деньги, выданныя ему отцомъ, сгорѣли во время пожара.

Картинно разсказываетъ авторъ о подвигахъ Евгенія въ Петербургѣ. Прежде всего, онъ явился къ Вѣтровымъ—дворянскому семейству, проматывающему остатки своихъ денегъ въ Петербургѣ. Вѣтровы были давнишними должниками отца Евгенія... Евгеній, для визита, одѣлся щегольски: на этотъ разъ ему пригодились уроки его гувернера Pendard'a, танцмейстера Коверкина и воспитателя Езельмана. И вотъ —

„Евгеній, держа въ одной рукѣ шляпу, другою же оправляя свое жабо, входитъ, шаркая ногами и съ модными изгибаніями стана" [621].

Этой семьей Евгеній былъ встрѣченъ радушно — по костюму и по манерамъ его признали „своимъ",—Развратинъ-же, грубоватый семинаристъ, не имѣвшій хорошихъ манеръ, мрачный и сосредоточенный въ себѣ, не имѣлъ такой удачи, — онъ смѣшался и сконфузился, попавъ въ первый разъ въ жизни въ свѣтское общество и потому былъ принятъ совсѣмъ иначе...

Авторъ вводитъ насъ въ очень жизненную обстановку типичнаго дворянскаго дома: отецъ семейства—старый bon-vivant, проѣдающій и пропивающій свои средства; жена его—молодящаяся, но очень пожилая дама, — типъ увядающей щеголихи... Ярко, нѣсколькими штрихами, очерчена дѣвица Вѣтрова и ея воспитательница.

„Старшая дочь—Елизавета Викентьевна, въ бѣлой шемизѣ и съ распущенными по плечамъ локонами, сидѣла у фортепьяна. Она играла на ономъ и пѣла съ нѣжностію въ то время куплетъ изъ извѣстной пѣсни:

„Онъ сталъ бы меня, нѣжа,
Ласкать и цѣловать, —
Я бъ ласки ему тѣ же
Старалась оказать!“

„Француженка M-me Sanspudeur сидѣла и со вниманіемъ читала: „Le cou Pin de Mahomet“. „Иностранку сію любили чрезвычайно въ домѣ за ласковый и веселый ея нравъ“ 622.

Здѣсь Евгеній скоро почувствовалъ себя въ своей сферѣ, —

„Мгновенно вздорныя рѣчи полетѣли десятками и въ большемъ количествѣ изъ устъ г. Вѣтрова, его супруги и молодого Негодяева“ 623.

О Развратинѣ совсѣмъ забыли, и даже не попросили его сѣсть. Онъ —

„остался стоять противъ чаянья своей стороны“.

„Въ смущеніи перемѣнялъ онъ положеніе рукъ и ногъ своихъ,—дѣлалъ въ задъ и въ передъ по гостиной небольшіе шаги, пересматривалъ эстампы, украшающіе стѣны оной и, отъ оказываемаго ему пренебреженія, пуще сдѣлался неловкимъ“ 624.

Потомъ стали появляться гости къ Вѣтровымъ.

„Собралось къ нимъ во фракахъ, въ мундирахъ, съ галунами, въ шаляхъ, въ шляпкахъ, въ чепцахъ особъ съ двадцать, различнаго пола, различнаго возраста, различнаго званія и различнаго дурачества“ 625.

Широкими штрихами обрисовала пошлость ихъ разговоровъ, все время вертѣвшихся около сплетенъ и пересудовъ. Ярко характеризуетъ авторъ нѣкоторые типы: набожная Лицемѣркина скупа, тайно занимается ростовщичествомъ и развратомъ. Тысячниковъ—прижимистый помѣщикъ, заставляющій крестьянъ работать на себя пять дней въ недѣлю, а по воскреснымъ днямъ — молиться Богу и потомъ плясать. Жена его—отъ сытой жизни совсѣмъ изнѣжившееся существо: въ десять часовъ утра она, еле-еле, открывала глаза. Тогда къ ней—

„подбѣгала горничная и ее спрашивала: „что изволите, сударыня, приказать?“—„Ча...“—говорила госпожа, зѣвая и протирая глаза“ 626.

Иногда она, кривляясь, пила чай, — иногда, когда ей чай приносили,—

„дѣлала знакъ отверженія; голова ея упадала на подушки, отъ коихъ недавно еще отдѣлилась... глаза смыкались“

— и она опять погружалась въ сладкую дремоту.

Особенно интересно очерченъ г. Подлянковъ... Это былъ — титулярный совѣтникъ, ходившій въ свою канцелярію —

„при окончаніи каждаго мѣсяца, а къ своимъ командирамъ каждый

праздникъ. Двадцать лѣтъ находился онъ въ службѣ, и двадцать уже лѣтъ зналъ собственнымъ своимъ опытомъ, что нѣкоторые начальники примѣчаютъ подчиненныхъ болѣе въ своей передней, нежели у должности, во время часовъ присутствія... Не однимъ только своимъ начальникамъ, но и всѣмъ тѣмъ, которыхъ благосклонность могла ему быть полезна, оказывалъ онъ свое почтеніе, преданность и раболѣпство, хотя бы то былъ подлый придверникъ, или каммердинеръ его „покровителя" и „милостивца". (Такъ онъ именовалъ всѣхъ кумировъ, коимъ поклонялся!). Будучи вхожъ во многіе дома, во многихъ изъ нихъ обѣдывалъ и ужинывалъ поочередно. Онъ глядѣлъ каждое утро въ календарь собственнаго своего сочиненія, въ который внесены были дни тезоименитства и рожденія знакомыхъ ему особъ, супругъ и дѣтей ихъ. Всѣ почти его у себя терпѣли, поелику онъ, за свое насыщеніе, сносилъ терпѣливо всякія ругательныя насмѣшки и былъ угождающъ до самой забавной подлости. Когда кто ронялъ нечаянно что-нибудь близъ его, онъ увадалъ мгновенно однимъ колѣнемъ на полъ и поднималъ упавшую вещь съ удивительнымъ проворствомъ. Когда кто при немъ приказывалъ слугѣ что-нибудь себѣ принести, онъ предупреждалъ его въ исполненіи, и, получая должную передъ лакеемъ похвалу, радовался несказанно... Хотѣлось ли кому достать чего,—надлежало о семъ лишь сказать г. Подлянкову,—онъ тотчасъ съ жадностію все найдетъ, все сыщетъ... Надобно ли кому купить лошадь, человѣка,—онъ купитъ и еще хорошихъ... Надобно ли нанять карету, ложу, домъ,—онъ найметъ и самыхъ удобныхъ!.. Надобно ли кому узнать внутреннее состояніе какого семейства, его тайны,—онъ откроетъ и самыя сокровенныя!.. Надобно ли кому человѣка, женщину,—онъ представитъ и отрекомендуетъ... Дай только ему на все сіе потребное количество денегъ. Третій уже годъ получаетъ онъ по сту рублей пенсіона отъ одного щедраго графа, которому рекомендовалъ онъ родную свою племянницу" [627].

Черты Молчалина, Фамусова и Загорѣцкаго намѣчаются въ этомъ типичномъ образѣ... Реально обрисована его внѣшность.—

„Станъ его такъ же низокъ, какъ и душа". Такъ какъ онъ кланялся чрезвычайно часто и низко, то сдѣлался сутуловатымъ... „Малые свои и острые глаза потупляетъ онъ долу, когда говоритъ съ кѣмъ, и временно возводитъ ихъ съ украдкою и съ любобострастіемъ на того, кого рѣчи слушаетъ со вниманіемъ крѣпостного слуги. Носъ у него длинноватый, краснѣющійся иногда отъ щелчковъ, даваемыхъ ему молодыми шалунами, любящими, по своему малоумію, хохотать надъ болью другого, отъ которой бы сами заплакали... Голосъ у него тихъ и мягокъ, какъ у безжалованнаго писаря въ ту минуту, въ которую онъ проситъ съ учтивостію у щедраго челобитчика себѣ на пропитаніе" [628].

Живо охарактеризованъ и молодой Вѣтровъ—щеголь-гвардеецъ, ненавистникъ труда, изломанный и избалованный юноша, который занимается только собираніемъ скабрезныхъ сплетней, мотовствомъ да распутствомъ... Характерна бесѣда этого юноши со старикомъ-Подлянковымъ.

„Дай, братецъ, теперь щелкнуть мнѣ тебя въ носъ три раза!"—сказалъ ему молодой Вѣтровъ.—„Нѣтъ, сударь, ужъ сдѣлайте милость!"—„Ну, одинъ разъ!"—„Нѣтъ, сударь, сдѣлайте милость!.. Право, у меня теперь и безъ щелчковъ носъ болитъ".—„Пожалуйста!.. я тебѣ скажу за это спасибо!" — „Нѣтъ, сударь, сдѣлайте милость... Вотъ ужъ тогда, когда заживетъ онъ у меня,—пожалуй, сколько угодно" [629].

Пустота петербургской жизни заставила удивляться даже Развратина,—онъ былъ пораженъ, что здѣсь совсѣмъ не цѣнятъ литературы, не интересуются Херасковымъ, а академическими журналами пользуются для завивки волосъ... [630]. Изъ разговора съ однимъ поэтомъ Развратинъ узналъ, что въ столицѣ цѣнится поэзія только хвалебная, которая и поощряется здѣсь дорогими подарками—узналъ онъ также, что увлекаются здѣсь только французской литературой, при чемъ изъ сочиненій Вольтера особенно цѣнятъ „Орлеанскую дѣвственницу" [632]...

Въ первый же день знакомства старуха Вѣтрова сумѣла увлечь Евгенія, а Развратинъ соблазнилъ ея горничную Марфу. Потомъ авторъ вводитъ насъ въ самыя интимныя стороны жизни семьи Вѣтровыхъ,—оказывается, напримѣръ, что барышня не только беременна отъ какого-то г. Распутина, но еще и заражена имъ...

Въ столицѣ Евгеній безъ труда взялъ верхъ надъ Развратинымъ, и даже сталъ, на діалектѣ столичныхъ щеголей, вышучивать провинціальныя манеры и костюмъ своего ментора,—

„Ты—человѣкъ рѣдкой! только жаль, что манкируешь не можно юзажемъ du monde... Стишки ей твои, страхъ, какъ понравились!.. Послушай, ты спиши ихъ для нея—она мнѣ говорила объ этомъ!.. Я не думалъ, признаться тебѣ sincerement, чтобы ты могъ быть таковъ, какъ вчерась!.. Въ башмакахъ... Такъ ловокъ, такъ авантаженъ!.. Право... не флатирую нисколько" [633].

Мотовство, картежная игра, любовныя похожденія,—вотъ, чѣмъ занялся Евгеній въ Петербургѣ. Отецъ посылалъ сыну денегъ, сколько тому было угодно, и это окончательно сгубило юношу.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ старикъ Негодяевъ вспоминалъ, какъ строго держалъ его отецъ.

„Я, вить, не таковъ, какъ покойной мой батюшка, а твой дѣдушка!.. Бывало у того, когда еще былъ невеликъ, попросишь въ праздникъ: „батюшка-сударь! дай денежку на пряничекъ!"... Ино, таки, умилостивится,—дастъ денежку,—а ино такъ дастъ оплеуху!.. „Собачій сынъ!.. такой-сякой!.. лакомка!.. гдѣ у меня деньги?.. гдѣ деньги?" [634].

Изъ многочисленныхъ столичныхъ приключеній Евгенія особенно интересно одно. Евгеній рѣшился соблазнить дѣвицу-Миловзорову.

„Любовь Назарьевна Миловзорова была лѣтъ 19-ти и весьма недурна собою. Всѣ ея дѣлали ее прелестною прелестный ея взоръ

и улыбка. Съ неизъясняемою пріятностію и скоростію могла она устремлять прекрасные свои черные глаза и вмѣстѣ потупляти ихъ. Улыбка ея... Ахъ!.. надлежало получить себѣ отъ ней на щеку, хотя обыкновенный поцалуй, чтобы имѣть понятіе о сей драгоцѣнной и непринужденной ея улыбкѣ!.. Усмѣхалась же она несравненно чаще, нежели краснѣлась... Не нужно, кажется, упомянуть здѣсь о томъ, что она была лучшаго нынѣшняго воспитанія".

„Способности свои усовершенствовала она свѣтскимъ обхожденіемъ и чтеніемъ тѣхъ многочисленныхъ романовъ, которые, по словамъ злобныхъ критиковъ, суть забавою для дураковъ и ядомъ не только для дѣвицъ, но и для юношей" [635].

Отецъ ея былъ человѣкъ почтенный. Посѣщали его домъ только мужчины... Дѣло въ томъ, что и онъ, и жена, и дочь его играли въ карты, и при томъ имъ всегда очень везло (играли всѣ трое фальшиво и ловко обыгрывали гостей).

„Имя „любезнаго человѣка" справедливо было дано Назарью Антоновичу. Онъ обходился со всѣми весьма учтиво и вѣжливо": при каждомъ привѣтствіи, при каждомъ словѣ—„почтительно улыбался и потуплялъ взоръ свой" [636].

Такъ же пріятна въ обхожденіи была и жена его.—

„Хотя уже лѣта покрыли нѣсколькими морщинами лицо Анны Ивановны, однакожъ глаза ея всегда и на всѣхъ глядѣли съ пріятностію и уста ея улыбались" [637].

Евгеній сталъ посѣщать ихъ домъ и много проигрывалъ: онъ энергично ухаживалъ за Любовью Назарьевной,—пожималъ ей ручку подъ столомъ; она отвѣчала ему тѣмъ же... Ободренный такой отзывчивостью, Евгеній проситъ письмомъ свиданія... Просьба его была уважена, и къ Евгенію явилась горничная Любови Назарьевны, условиться насчетъ мѣста свиданія и часа. Живо изображается болтовня хитрой дѣвки.

„Знать, сударь, вы весьма щастливы въ дѣвицахъ!" — говорила ему сія вручительница письма. „Вы не повѣрите, сударь, какъ васъ барышня любитъ!.. Я ужъ довольно примѣтила!.. Тотъ день, въ которой вы не изволите у насъ бывать, барышня всегда изволитъ бывать невесела!.. Ночь то цѣлую не уснетъ ни на волосокъ,—все вздыхаетъ, развѣ только на зарѣ немножко забудется!.. Нынче она почти со слезами просила меня отнести къ вамъ письмо. „Смотри же, отнеси!.. не обмани меня!"—сказала мнѣ, право, разъ десять... Кабы не для ней, пошла ли бы я!.. Да ужъ нечего сказать, что ужъ и барышня!.. Такая хорошая!.. такая добродѣтельная!.. Многимъ, сказать матку-правду, хотѣлось ее...— да нѣтъ, лихъ, она не хотѣла!.. Кромѣ васъ, наплюетъ она на всякаго мущину!" [638] и пр.

Евгеній проситъ ее устроить ему свиданіе съ барышней.

„Видите, сударь, господа ее безъ себя одну никуда не отпускаютъ, а дома—всегда посторонніе, такъ они сами... Развѣ... Да нѣтъ... боюсь!"—

„Что такое?“ — „Сохрани, сударь, Господи!.. Опасно!.. Неравно, господа узнаютъ!..“—„Да скажи, что такое? сдѣлай милость, авось можно, увидимъ!“—„Въ рядъ, сударь, можно... боюсь... Я, было, думала, когда господа почиваютъ... барышня въ своей спальнѣ долго съ вечера не изволитъ почивать... Да нѣтъ!.. паче чаянія...“ 639.

Евгеній попадается въ ловушку: ловкая горничная проводитъ Евгенія въ спальню къ барышнѣ. Онъ засталъ свою Любовь Назарьевну, „спящей“ и при томъ въ одной сорочкѣ—

„Глаза ея были сомкнуты: волосы лежали нерадиво, на шеѣ и на плечахъ; полуобнаженная и прекрасная грудь воздымалась съ неизъяснимою пріятностію“ 640.

Евгеній бросился къ ней—

„вдругъ явился *нечаянно* въ сію комнату Назарій Антоновичъ, съ обыкновенной своею улыбкою, съ большимъ пистолетомъ въ правой рукѣ и съ потаеннымъ фонаремъ въ лѣвой, въ шлафоркѣ и въ колпакѣ... „Ахъ! это—вы, Евгеній Лукичъ!“—сказалъ ему г. Миловзоровъ, поклонившись, улыбнувшись и сдѣлавши приличный жестъ своимъ пистолетомъ... „Какимъ образомъ?.. Да что вы изволите безпокоиться стоять?.. прошу покорно садиться“... 641.

Любезно усадивъ Негодяева, старый плутъ заставилъ его подписать вексель на 10.000 рублей (см. выше вып. I. стр. 176).

Кончается романъ краткимъ повѣствованіемъ о томъ, какія бѣды обрушились на головы порочныхъ героевъ: послѣ смерти родителей, Евгеній сталъ жить еще шире и умеръ на 25-омъ году отъ горячки. Его пріятель Развратинъ накопилъ нѣсколько тысячъ, но всѣ эти деньги потерялъ въ пьяномъ видѣ... Чтобы не умереть съ голоду, сдѣлался онъ учителемъ, но однажды, во время грозы, пьяный, сталъ умствовать, доказывая, что нѣтъ Бога, и былъ убитъ молніей. Старики Вѣтровы совсѣмъ прожились и опустились: старшая дочь ихъ утопилась; сынъ пошелъ по статской службѣ... Лицемѣркина потеряла свое состояніе, — оно было раскрадено ея любовникомъ—крѣпостнымъ парнемъ, Степкою... У Тысячникова погорѣло все имѣніе. Г. Миловзоровъ попалъ въ тюрьму, и только дочка его, по прежнему, счастлива: она благополучно вышла замужъ за губернскаго чиновника —

„Сказываютъ, она все еще такъ же пріятно улыбается и играетъ въ бостонъ весьма счастливо“ 642.

Если мы обратимся къ мемуарамъ XVIII-го вѣка, или къ тѣмъ позднѣйшимъ, въ которыхъ намѣчаются бытовыя черты XVIII-го вѣка, мы неразъ будемъ имѣть случай убѣдиться, что романъ Измайлова, во всѣхъ своихъ мельчайшихъ деталяхъ, представляетъ собою вѣрное изображеніе очень многихъ, и при томъ типичныхъ, сторонъ русской жизни этой эпохи.

Для доказательства этой мысли, особенно драгоцѣнно показаніе Добрынина, что разбираемый романъ Измайлова даже современникамъ его казался вѣрнымъ зеркаломъ тогдашней русской дѣйствительности:

„Я люблю читать его Евгенія Лукича, представляющаго не „картину", но „*истинную исторію*" 643.

Въ мемуарахъ неразъ встрѣтимъ мы указанія на распространенность *обычая записывать дворянскихъ дѣтей со дня ихъ рожденія на военную службу*,—для скорѣйшаго производства въ офицерскій чинъ.

Кн. П. Волконскій разсказываетъ (1796):

„Въ царствованіе Екатерины II всѣ дворяне, какъ извѣстно, поступали на службу еще малолѣтними,—особенно имѣвшіе нѣкоторый, для сего случай, записывались даже со дня ихъ рожденія; такимъ образомъ, и я, по просьбѣ дяди моего, кн. Дмитрія Петровича Волконскаго (впослѣдствіи—ген.-лейт., † 1853 г.), служившаго офицеромъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку, записанъ былъ, въ день крещенія моего, въ л.-гв. Преображенскій полкъ сержантомъ и получилъ увольнительный паспортъ до окончанія наукъ" 644.

Это же подтверждаетъ и Л. Энгельгардтъ—

„Большею частію всѣ дворяне записывали своихъ дѣтей въ гвардію,—смотря по связямъ ихъ,—капралами, унтеръ-офицерами и сержантами; не имѣвшіе же случая, записавъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей „недорослями", брали ихъ къ себѣ для воспитанія до возраста. Старшинство ихъ считалось по вступленіи въ настоящую службу, а случайные вносились въ списокъ служащихъ; тогда давали имъ паспорты до окончанія наукъ. Въ одномъ Преображенскомъ полку считалось болѣе тысячи сержантовъ, а недорослямъ не было и счету!" 645.

Говоритъ объ этомъ и Левшинъ:

„Что страннѣе и удивительнѣе этого, какъ въ то время всѣ вообще отправляли дѣтей на службу! Только и помышляли объ одномъ, какъ бы скорѣе получить офицерскій чинъ, а знаетъ ли онъ, хотя бы, русскую грамоту порядочно,—о томъ не заботились!.. Выучивъ кое-какъ болтать по-французски и по-нѣмецки, полагали курсъ науки конченнымъ. Такимъ-то и я былъ ученымъ и недоученымъ, когда меня подхватили въ кибитку и—маршъ въ Петербургъ!.. Помню, какъ бы сейчасъ, какъ меня восхищали колокольчикъ ямской и безпрестанная перемѣна лошадей, ибо я понятія не имѣлъ о почтовой ѣздѣ... Дорога была предурная: ухабы меня такъ закачали, что я совсѣмъ обезпамятѣлъ... Недѣлю цѣлую мука эта продолжалась, и я въ самомъ изнеможенномъ положеніи готовился встрѣтить столицу сѣвера" 646.

Иногда такихъ маленькихъ дворянъ задерживали дома до окончанія образованія, а иногда увозили ихъ въ городъ, чтобы малолѣтній „сержантъ гвардіи" учился тамъ, находясь недалеко отъ

того полка, въ которомъ долженъ былъ служить впослѣдствіи, послѣ достиженія предѣльнаго возраста.

Поѣздка дворянина на службу — другая деталь, ярко нарисованная Измайловымъ, тоже находитъ подтвержденіе въ запискахъ того времени: въ мемуарахъ того же Левшина картинно изображенъ характерный „поѣздъ“ такого мальчика-дворянина, ѣдущаго въ городъ „служить“.

„Въ 1803 году, болѣе ради отправленія меня на службу, поднялись со всѣми домочадцами, съ тѣмъ, чтобы весновать въ Москвѣ“.

„На 80-ти лошадяхъ тянулись экипажи; тутъ весь домъ былъ: учителя, мамки, няньки, дядьки, мальчишки, дѣвочки, собачки, птицы разныя, даже былъ хорекъ — любимый звѣрекъ Екатерины Гавриловны. Всѣ благополучно, недѣли за двѣ до праздника, пріѣхали на нанятый у г. Тинькова домъ, близъ Большой Ордынки“ 647.

„Поѣздъ“ взрослаго Евгенія носитъ нѣсколько иной характеръ, но все же найдется и въ разсказѣ Измайлова кое-что общее съ этимъ любопытнымъ повѣствованіемъ Левшина.

Жизнь дворянина-подростка въ родномъ домѣ изображалась тоже неразъ въ мемуарахъ. Чаще всего встрѣчаемъ мы въ этихъ запискахъ разсказы объ *иностранцахъ-гувернерахъ*, въ руки которыхъ попадалъ дворянскій недоросль.

Въ дневникѣ Протасьева читаемъ:

„Привезли нѣмца за сто сорокъ рублей; онъ былъ плохой учитель, но славный переплетчикъ и великій мастеръ дѣлать бумажныя коробочки, баулчики и тому подобное“.

„Черезъ годъ взяли другого, за 180 рублей. Этотъ былъ великій охотникъ играть на флейтѣ и дѣлать разнаго рода сыръ; однакожъ имѣлъ и нѣкоторое понятіе объ ученіи; и если я что-нибудь понялъ въ нѣмецкомъ языкѣ и ариѳметикѣ, то это отъ него. Черезъ годъ онъ поѣхалъ въ Москву; тамъ женился и не возвращался“.

„Нашли третьяго... Но курсъ на нѣмцевъ возвысился. Ему платили 250 рублей. Онъ былъ отставной квартирмейстеръ прусской службы. Человѣкъ грубый, можно сказать, жестокой, дозволялъ себѣ бить насъ линейкой по рукамъ, щипать за уши, драть за волосы,—однимъ словомъ, былъ солдатъ и обращался по-солдатски. Ему было лѣтъ за шестьдесятъ; онъ любилъ пуншъ, а еще болѣе пиво. Ерофеичъ тогда еще не родился,—его замѣняла водка, которую нѣмецъ не браковалъ“.

„Въ небытность отца дома, этотъ нѣмецъ, разсердясь на меня, такъ больно ударилъ меня линейкой, что я выскочилъ изъ-за стола, вцѣпился ему въ волосы, повалилъ и избилъ такъ, что онъ не могъ ходить!.. Когда отецъ мой возвратился, старушка-бабушка наша, разсказала ему это происшествіе въ такомъ видѣ, что нѣмца на другой же день отправили въ Москву. Ученіе кончилось... Пользы отъ него было немного!“ 648.

Въ запискахъ Левшина встрѣчаемъ мы длинный перечень его воспитателей-иностранцевъ:

„Не зная еще отечественнаго (языка), меня, по модѣ XVIII-го столѣтія, съ самыхъ лѣтъ стали учить иностранному—по-французски и понѣмецки. Французскій языкъ знали родители мои и бабушка; говорить всѣ учили (меня), и какъ я, такъ и всѣ братья и сестры мои, какъ попугаи, выучились поговаривать изрядно; но для сихъ предметовъ браты были безпрестанно учители и учительницы, коихъ до 16-ти-лѣтняго моего возраста перемѣнено было несчетное число. Сколько упомню, 1-я была m-lle Гальценъ, 2-й—г. Гаври, чахоточный, который также училъ и танцевать!.. Смѣшно мнѣ и теперь, вспомнивъ, какъ, бывало, учили насъ танцевать „Минаветъ-а-ла-ренъ". Домашній скрипачъ и живописецъ Антонъ Трофимовъ игралъ, а одна родственница, именно Екатерина Николаевна Тургенева, бывшая въ замужествѣ за г. Веневитиновымъ, танцовала сей „Минаветъ", съ припѣвомъ слѣдующаго:

„Ты скажи, моя прекрасна,
Что я долженъ ожидать?
Неизвѣстность мнѣ ужасна,—
Заставляетъ трепетать.
Иль я тѣмъ тебя прогнѣвалъ,
Раскрасавица моя,
Что рабомъ себя содѣлалъ
Красы вѣчной твоея?"..

— и много, много еще подобнаго вздору было пѣто, что̀ намъ казалось прелестно и величайшимъ совершенствомъ!"

3-й—г-нъ Ришеръ, у котораго, какъ сейчасъ помню, во лбу была пуля... Во время варшавской революціи, когда фельдмаршалъ Суворовъ покорялъ Польшу, Ришеръ былъ солдатомъ у генерала Костюшки конфедератомъ и получилъ мѣтку сію отъ русскихъ героевъ. Лобъ крѣпокъ былъ, пуля за кожей удержалась... Впрочемъ, былъ смирный, добрый человѣкъ; науки зналъ плохо, а дѣтей рожалъ часто и всегда самъ ихъ крестилъ".

4-й—г-нъ Ранси—итальянецъ, неѣжда и неопрятный. Какъ теперь могу судить о бывшихъ моихъ учителяхъ, то онъ, вѣроятно, прибылъ въ Россію съ канарейками, суркомъ, или собаками".

5-й—г-нъ—Пине, съ женой. Сей былъ въ русской статской службѣ; имѣлъ чинъ 14-го класса, — по той, единственно, причинѣ выведенъ былъ въ чинъ, что женился на г-жѣ Адамовичевой,—Александрѣ Степановнѣ, дочери генерала Адамовича, въ Смоленскѣ. Пине былъ французъ изъ простого званія, говорилъ изрядно, а грамматики и прочихъ (наукъ) не вѣдалъ. Онъ же училъ насъ и рисовать перомъ. Не зная нисколько правилъ искусства, заставлялъ насъ чертить по бумагѣ, клѣтки городить; а какъ великъ былъ его талантъ подражать гравированнымъ эстампамъ, то можно судить по приложенной здѣсь его картинѣ подъ литерою Д. M-me Пине была безграмотная, говорила нарѣчіемъ бѣлорусскимъ, а, въ довершеніе, такъ зла, что мы ее боялись, какъ огня. Только, бывало, и слышишь, что бьетъ свою единственную крѣпостную дѣвку Марѳу и бьетъ не то, чтобы ежедневно, но, право, почти ежечасно... Насъ учащихся было семь человѣкъ, а именно: Анна Гавриловна, Екатерина Гавриловна, Николай, Петръ, Гаврилъ

Гавриловичъ, да еще два родственника: богачъ Дмитрій Ивановичъ Карповъ ѣздилъ къ намъ въ классы, и жившій въ домѣ Ардамонъ Николаевичъ Левшинъ [649].

Каковы были иностранцы, являвшіеся въ Россію устраивать здѣсь свою карьеру, видно, напримѣръ, изъ характернаго разсказа Казановы объ одной его встрѣчѣ въ Россіи съ пріѣхавшей изъ Франціи четой проходимцевъ.

„...Однажды явился ко мнѣ съ визитомъ молодой французъ, по имени Кревкёръ (Crevecoeur), въ парѣ съ миловидною и молоденькою парижанкой,—мамзель Ларивьеръ (m-lle Larivière), и вручилъ мнѣ письмо отъ принца Карла Курляндскаго, который усердно рекомендовалъ мнѣ его.

— „Потрудитесь сказать, въ чемъ же я могу быть вамъ полезенъ?"

— „Представьте меня вашимъ друзьямъ".

— „У меня здѣсь ихъ очень мало, потому что я самъ иностранецъ!.."

„...Вы не имѣете денегъ, а рѣшились безъ нихъ пріѣхать на житье въ иностранный столичный городъ?"

— „Мамзель Ларивьеръ склонила меня пуститься въ это путешествіе, увѣривъ меня, что тутъ мы добудемъ средства жить со дня на день!.. Мы выѣхали ихъ Парижа безъ копѣйки, и вотъ, до сихъ поръ еще очень удачно выпутывались сами изъ затрудненій".

— Вѣроятно, сама мамзель Ларивьеръ и хозяйничаетъ вашимъ кошелькомъ?

— „Нашъ кошелекъ",—перебила она меня смѣясь,—„въ карманахъ нашихъ друзей!"

„Тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ входомъ нѣкоего Бомбакка,—гамбургскаго уроженца, который бѣжалъ отъ долговъ изъ Англіи, гдѣ жилъ прежде, и поселился здѣсь. Этотъ господинъ устроилъ себѣ въ Петербургѣ извѣстное положеніе,—онъ занялъ мѣсто по военному вѣдомству, довольно видное: жилъ на большую ногу, и, такъ какъ былъ большой любитель игры, женщинъ и лакомаго стола, то, при настоящемъ случаѣ, я и подумалъ, что въ его особѣ, какъ разъ подоспѣваетъ готовое знакомство для оригинальныхъ странствователей, которыхъ кошелекъ находится въ карманахъ ихъ друзей... Бомбаккъ тотчасъ же разстаялъ отъ смазливой дамочки, что̀ ею принято было весьма благосклонно, и черезъ четверть часа пригласилъ ихъ на завтра къ обѣду такъ же, какъ и меня съ Заирой". [650]

Именно о такихъ иностранцахъ много говорилось въ русскихъ журналахъ XVIII-го вѣка,—типъ такого-же иностранца (Pendard) выведенъ и въ романѣ Измайлова.

Встрѣчаемъ мы неразъ въ мемуарахъ *характеристику модныхъ пансіоновъ*, въ которыхъ русскіе дворянчики въ XVIII-омъ столѣтіи обучались главнымъ наукамъ — французскому языку и манерамъ, особенно танцамъ... Описаніе Измайловымъ танцовальныхъ упражненій въ пансіонѣ Езельмана вполнѣ соотвѣтствовало

истинѣ. Таковъ, напримѣръ, былъ и пансіонъ Эллерта, о которомъ въ своихъ запискахъ вспоминаетъ Энгельгардтъ слѣдующее:

„Правду сказать, хотя онъ, касательно наукъ, былъ малосвѣдущъ, и вся учебная дѣятельность его состояла въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ, то-есть катихизиса, грамматики, исторіи, географіи, миѳологіи безъ малѣйшаго толкованія, и въ принужденіи учениковъ затверживать наизусть французскія фразы; но зато строгостію содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно военной дисциплинѣ".

„Французскій языкъ тоже шелъ хорошо по навыку, ибо никто не смѣлъ ни одного слова сказать по-русски, для чего учреждены были между учениками начальники,—младшіе означались краснымъ бантомъ въ петлицѣ и надзирали надъ четырьмя учениками, а старшіе чиновники отличались голубымъ бантомъ. 651

„Изъ учениковъ, отъ таковаго славнаго воспитанія, много было изуродовано; однакожъ пансіонъ былъ всегда полонъ. За таковое воспитаніе платили сто рублей въ годъ, на всемъ содержаніи Эллерта, кромѣ платья. Танцъ-боденъ былъ два раза въ недѣлю; много было дѣвицъ, которыя пріѣзжали учиться танцовать и за выучку платили по тридцати рублей, даже и взрослыя, однакожъ и имъ не было спуску; одна была дѣвица Лебедева очень непонятная,—одинъ разъ онъ отбилъ ей руки о спинку стула при многолюдномъ собраніи; но до совершеннаго обученія менуэта и контратанцовъ никто не бралъ своихъ дѣтей обратно. Сравните теперь воспитаніе того времени съ нынѣшнимъ, и вѣрно мало тому повѣрите! Однако-жь. касательно мальчиковъ, умѣренная строгость не лучше ли неупотребленія тѣлеснаго наказанія?.. Нужно, чтобы они съ юности попривыкли даже и къ несправедливостямъ".

„Черезъ годъ взяли меня изъ пансіона и привезли въ Полоцкъ. Въ какомъ восхищеніи были мои родители, увиди меня выправленнаго, исправившагося отъ пороковъ, танцующаго на балахъ, говорящаго изрядно по-французски и о всѣхъ наукахъ,—хотя я говорилъ, какъ попугай, ничего не понимая, и потому вскорѣ все забылъ!" 652

„Въ продолженіе зимы 1803 г. и до марта 1804 учили меня танцовать весьма пристально. Г. Меранвиль (танцмейстеръ ловкій, мужчина статный, расфранченный; вездѣ брилліанты на немъ помню: на рукахъ по перстню и въ галстукѣ большой перстень съ желтымъ камнемъ (Topase du Brésil) тысячи въ двѣ, или болѣе,—двое часовъ съ брилліантовыми цѣпочками!)—долго хлопоталъ научить меня своему искусству, но успѣхи были плохи. Этотъ г. Меранвиль былъ сынъ стараго Меранвиля, учившаго еще танцовать матушку мою. Сверхъ сего, ѣздилъ я съ сестрами моими въ танцклассъ—въ домъ, къ дядѣ Павлу Ѳеодуловичу Левшину, котораго дѣтей училъ славный г. Іогель. Сей геній танцовальнаго искусства давалъ, бывало, маскарады въ благородномъ собраніи для учениковъ своихъ по 10 руб. за билетъ, и въ эти маскарады съѣзжались тысячи по двѣ персонъ, гдѣ я [illegible]... только танцовать не пускался". 653

Авторы многихъ записокъ разсказываютъ [illegible]то съ ужасомъ и отвращеніемъ, какая жизнь ждала ихъ въ столицѣ, — среди

гвардейской молодежи,—ихъ, неподготовленныхъ къ этой жизни домашнимъ воспитаніемъ...

Такъ, напримѣръ, разсказавъ о своемъ смѣхотворномъ воспитаніи дома, Протасьевъ продолжаетъ:

„Скоро послѣ сего отправился я въ Петербургъ, на службу. Вотъ я—сержантъ гвардіи, безъ надзора, безъ руководителя,—одинъ, среди вихря столицы!.. Не знаю, какъ уцѣлѣла голова моя на плечахъ!.. Прошло пять лѣтъ буйныхъ, въ которыхъ были и такіе случаи, за которые нынѣ... Но всякій вѣкъ имѣетъ свои правила,—свой образъ мыслей и смотритъ съ разной точки". 654

Жизнь Евгенія въ Петербургѣ совершенно соотвѣтствуетъ такой характеристикѣ столичнаго прожиганія денегъ и здоровья. Можно привести еще много свидѣтельствъ, которыя подробно характеризуютъ нравы гвардейской молодежи того времени...—Мотовство и развратъ, безшабашное поведеніе,—вотъ, что характерно для этой жизни.

Винскій, напримѣръ, разсказываетъ о своей жизни въ Петербургѣ слѣдующее:

„Переведенный изъ мирной, скромной, подчиненной жизни въ мятежную, наглую, своевольную, чѣмъ могъ я сдѣлаться, какъ не самымъ несчастнѣйшимъ твореніемъ?"

„Ежели бы описывать всѣ дѣянія, учиненныя мною въ сей бѣдственный годъ,—можно бы ими наполнить нѣсколько тетрадей!.. Все то, что буйная распуста имѣетъ отвратительнѣйшаго и порочнѣйшаго, производимо было мною безъ малѣйшаго зазрѣнія!.. Ни чинъ, ни лѣта, ни родство, ни знакомство, не защищали никого отъ моего буйства!.. Дюжій самъ по себѣ и подкрѣпляемый 18-ю забіяками, на что я не отваживался?.. Сколько разъ я былъ близокъ сдѣлаться убійцею и убитымъ!" 657

Чаще всего одинокій юноша, пріѣхавшій въ столицу изъ родительскаго дома, подпадалъ здѣсь подъ вліяніе „опытныхъ" товарищей: вотъ почему, можно утверждать, что всѣ эти Бездѣльниковы, Развратины и другіе подобные типы, изображаемые въ русскихъ романахъ XVIII-го вѣка, взяты изъ жизни,—мемуары это подтверждаютъ... „Вольтерьянство", самое низкопробное—было обыкновеннымъ флагомъ, которымъ прикрывались всѣ эти учителя, своимъ „нигилизмомъ" подрывавшіе въ сердцахъ своихъ учениковъ основы вѣры и нравственности и вѣру въ авторитеты Вотъ почему авторы записокъ всѣ въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что въ тѣсной связи съ этой распущенностью мысли была и распущенность нравовъ. Тотъ же Винскій говоритъ:

„Вѣра, не тронутая въ своемъ составѣ, начинала въ сіе время нѣсколько слабѣть: несодержаніе постовъ, бывшее доселѣ въ домахъ

вельможескихъ, начинало уже показываться въ состояніяхъ низшихъ, какъ и невыполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ, съ вольными отзывами на счетъ духовенства, и самыхъ догматовъ, чему виною можно поставить тѣснѣйшее сообщеніе съ иностранцами и начавшія выходить въ свѣтъ сочиненія Вольтера, Ж. Ж. Руссо и другихъ, которыя читались съ крайнею жадностію".

„Нравы, посему же, хотя начинали умягчаться, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и распуста становилась виднѣе. Многія женщины, особливо изъ знатности, имѣли гласныхъ любовниковъ; мужчины въ семъ отъ нихъ не отставали; волокитство, хотя съ тонкостію шло своимъ чередомъ.. умножалось ненапрасно. Но, со всѣмъ тѣмъ, публичныя забавницы не смѣли еще являться подъ своею собственною вывѣскою, или помѣщаться въ порядочныхъ обществахъ: никто еще не отважился тщеславиться содержаніемъ дѣвки, кольми паче жить съ нею въ однихъ покояхъ и являть ее хозяйкою... Сіе не только было зазорно, но и подвергало молодаго человѣка отвѣтственности". [658]

„Хотя я отбѣгалъ отъ его компаніи, однако, бесѣды злы тлятъ обычаи благи: когда нѣтъ передъ глазами своими хорошаго, а все порокъ за порокомъ слѣдуетъ, то человѣкъ нечувствительно начинаетъ ослабѣваеть и подобно, какъ ко сну, склоняться станетъ! [659]

„И по чину своему, и по землячеству, онъ былъ для меня великою находкою, и ежели бы не такъ скоро выбылъ онъ въ армію, я думаю, изъ многаго худаго гораздо было бы у меня меньше!" [660]

Любопытную характеристику „нигилиста"-Пушкина дѣлаетъ Оболенскій-Нелединскій-Мелецкій:

„Вотъ также личность въ высшей степени своеобразная. Прямой сынъ Вольтера, энциклопедистъ съ русскою закваскою, воспитанникъ дяди своего Мелиссино, куратора Московскаго университета, бывшій въ военной службѣ и въ походахъ: слѣдовательно, не чуждый русской жизни и ея особенностей... Трудно опредѣлить его: одно можно сказать, что онъ былъ соблазнительно-обворожителенъ. Бывало, изъявитъ онъ мнѣніе, скажетъ мѣткое слово, — нерѣдко съ нѣкоторымъ цинизмомъ, и то и другое совершенно въ разрѣзъ мнѣніямъ общепринятымъ: и все это выразитъ съ такою энергическою и забавною мимикой, что никто не возражаетъ ему, а всѣ увлекаются взрывомъ неодержимаго смѣха!.. Онъ вообще не любилъ авторитетовъ: гораздо прежде романтической школы ругалъ онъ Расина, котораго, впрочемъ, переводилъ, и—скажемъ мимоходомъ—довольно плохо. Доставалось и солнцу, какъ авторитету, и поэтамъ, которые воспѣваютъ восхожденіе его, „а оно, радуясь этимъ похваламъ, раздувшись и раскраснѣвшись, выплываетъ на небосклонъ"... И все это было иллюстрировано живыми ухватками, игрою лица". [661]

Подъ вліяніемъ жизни, свободной и роскошной, подъ вліяніемъ проповѣди цинизма, — русская молодежь, особенно гвардейская, легко завязывала самыя откровенныя любовныя связи.

Давыдовъ въ своихъ запискахъ приводитъ нѣсколько характерныхъ эпизодовъ.

„Болѣе почувствовалъ я въ себѣ отъ сопротивленія сей страсти истомленіе, подобно пловущему человѣку, который противъ быстроты воды сначала плыветъ всѣми своими силами, покуда не станетъ ослабѣвать; а какъ почувствуетъ лишеніе силъ, то, опустя руки, отдается теченію воды на волю и не можетъ уже противиться, куда вода его несетъ. Сему я былъ тогда подобенъ, какъ нѣкоторый стихотворецъ страстнаго человѣка изображаетъ стихами:

„Я холоденъ, какъ ледъ, но въ пламени горю,
Смѣюся и грущу, о томъ и говорю!"

„Шарлотта не старалась отъ себя такъ, какъ я, скрываться отъ слѣдуемой намъ непристойности: прохаживала она, гуляючи, часто мимо нашихъ оконъ. Въ то самое время, какъ Шарлотта зачинала со мною знакомиться, въ Петербургѣ открылась нечаянно строгая коммисія о живущихъ безбрачно." 662

„Выведены мы были близъ города въ лагерь, изъ коего хаживали иногда для прогулки въ Форштатъ, въ коемъ товарищи мои имѣли такіе знакомые домы, гдѣ всѣхъ ласково принимаютъ... Завели они и меня съ собою въ одинъ домъ, въ коемъ я увидѣлъ то, чего до того времени нигдѣ видѣть мнѣ не случалось!.. Дѣвицы того дома садились на колѣни ко всѣмъ приходящимъ къ нимъ гостямъ, обнимая ихъ за шею съ непристойною рѣзвостію, не имѣя никакого, хотябы притворнаго, стыда; переходили они съ колѣней на колѣни мущинъ, которые дѣлали между собою шутку, одинъ отъ другого таковую іорзу переманивали къ себѣ". 664

Кромѣ любовныхъ авантюръ, увлекались они картами, при чемъ шуллерство было очень развито и въ XVIII-омъ, и въ XIX-омъ столѣтіяхъ.

Въ „Воспоминаніяхъ" О. Пржецлавскаго подробно разсказана исторія одной крупной шуллерской организаціи—

„Дѣло о шуллерствѣ возникло первоначально въ Москвѣ; тамъ это художество было доведено до совершенства, и дѣйствовало такъ: была организована шайка; она, помощію многихъ агентовъ, узнавала о находившихся и о вновь пребывающихъ изъ провинцій въ первопрестольную столицу богатыхъ, только что получившихъ наслѣдство, но неопытныхъ субъектахъ,—о жуирахъ, жаждавшихъ насладиться столичною жизнью. Члены шайки, люди свѣтскіе, какъ грибоѣдовскій Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій, легко достигая знакомства съ этими „пижонами", сперва вводили ихъ въ, такъ называемый, „свѣтъ", потомъ въ „полу-свѣтъ", и, такимъ образомъ, сдѣлавшись ихъ задушевными друзьями, оканчивали тѣмъ, что завлекали ихъ въ свой шуллерскій кружокъ... Тутъ были и лукулловскіе ужины съ „дамами", разливанное море шампанскаго и т. п. Все это не могло не нравиться желтоносымъ провинціаламъ. Послѣ ужина предлагалась, „для лучшаго пищеваренія", маленькая игра въ банкъ, въ штосъ, или въ кости... Пижоны, только что получившіе наслѣдственные капиталы, или заложившіе уже въ опекунскомъ совѣтѣ имѣнія на громадныя суммы, поощряемые еще присутствовавшими при игрѣ красивыми „дамами", естественно, не

отказывались отъ такого пріятнаго „препровожденія времени". Тутъ являлось опять шампанское... Банкъ метали отборные артисты. Молодые люди, разумѣется, проигрывали всѣ наличныя деньги; но этимъ дѣло не оканчивалось. Къ подносимому имъ вину шуллеры подмѣшивали какой-то составъ, не изслѣдованный еще химиками, называемый кукольванцомъ. Онъ имѣлъ такое странное свойство, что не лишалъ субъекта физическихъ силъ, но, затмѣвая разсудокъ совершенно, отнималъ сознаніе и память о томъ, что происходило въ настоящемъ. Опьяненный кукольванцомъ, дѣлался автоматомъ, безсознательно дѣлающимъ все, къ чему его понудятъ. Когда несчастная жертва доведена уже до такого положенія, тогда изъ другихъ комнатъ является, съ готовымъ заемнымъ письмомъ на разсчитанную по состоянію игравшаго сумму и съ нотаріальною книгою, какой-нибудь писецъ изъ конторы нотаріуса. Пьянаго заставляютъ подписать заемное обязательство и его копію въ книгѣ. По исполненіи сего, сонного нижона отвозятъ на его квартиру. Онъ тамъ спитъ, обыкновенно, около 24-хъ часовъ, проснувшись же, ничего не помнитъ изъ того, что съ нимъ наканунѣ было,—даже не можетъ назвать лицъ, его угощавшихъ... Онъ совершенно успокаивается и только говоритъ себѣ: „вотъ-то я славно покутилъ вчера". 665

„Кромѣ мелкихъ, трактирныхъ и кабачныхъ искусниковъ, вращавшихся въ низшихъ слояхъ населенія, всему городу были извѣстны шуллера высшаго полета, принимаемые въ обществѣ, какъ-то: гг. С., Г., Б., Л., К., Е., князь О., Г., К. и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли собственные дома и давали вечера. Они-то постоянно обыгрывали Карабагскаго хана, о которомъ выше было сказано. Всѣ они были привлечены къ слѣдствію, но никто изъ нихъ не былъ пойманъ на дѣлѣ и никто не признавался въ азартной игрѣ. А какъ это происходило въ то время, когда еще до уличенія виновнаго въ преступленіи требовалось собственное его признаніе, то слѣдствіе кончилось ничѣмъ. Въ производствѣ его наиболѣе замѣчательно было объясненіе одного изъ этихъ господъ, С., который, какъ всѣмъ было извѣстно, все свое значительное состояніе пріобрѣлъ игрою. На допросѣ онъ сказалъ что не играетъ ни въ какую игру, а карты знаетъ только по пасіансу, который часто раскладываетъ. Всѣ люди домашней прислуги подтвердили его слова. Но по обыску открытъ былъ большой сундукъ, стоявшій въ передней. Въ немъ оказалось большое количество картъ, углы и края которыхъ были загнуты въ видѣ паролей и на пе, что и составляло наглядное доказательство, что въ домѣ играли въ банкъ, или въ штосъ. Но камердинеръ и тутъ нашелся. Онъ сказалъ, что эти карты служили для чистки золоченыхъ пуговицъ на фракахъ ихъ господина и то, что имѣло видъ паролей, дѣлалось для охраненія самого платья отъ послѣдствій чистки." 666

Обирали этихъ юныхъ птенцовъ и путемъ самаго широкаго ростовщичества. Винскій, много видѣвшій видовъ въ своей жизни, разсказываетъ слѣдующее:

„Отъ векселей до закладныхъ и потомъ до банковыхъ обязательствъ, дошелъ я скорыми шагами. Описывать всѣ происшествія

тогдашняго моего времени считаю не нужнымъ; ибо они ничуть не занимательны, еще меньше поучительны... Дни проводятъ въ трактирахъ, ночи... Быть отчуждену отъ порядочныхъ обществъ, не радѣть о своей должности,—угрызенія совѣсти за учиненный поступокъ заглушать поспѣшнѣе другимъ, и такъ отъ напасти стремиться къ другой—дѣло было общее всѣмъ намъ, мотамъ!.. Худшее самое въ семъ родѣ жизни то, что мотовство не иначе останавлялося, какъ совершенно погубивши несчастнаго юношу... Бѣдность, непремѣнная спутница мотовства, скоро стала быть мнѣ знакома, и, о Боже, до какихъ униженій она меня не доводила!.. Благодарю Провидѣніе, что и плохое воспитаніе предохранило отъ злодѣяній!.. Такъ бѣдственно два года проживши, осквернившись всѣми мерзостями распутства, окончилъ я сіе поприще, заключивши себя въ магистратскую тюрьму, что при тогдашнемъ благодѣтельномъ правительствѣ было обыкновеннымъ безразсуднаго юношества удѣломъ." 667

„Банкиры для ручныхъ закладовъ находились изъ всѣхъ состояній,—отъ дворянскаго даже до полковыхъ фурлейтовъ; были самые многочисленнѣйшіе и повсемѣстные, такъ что ихъ во всѣ часы дня можно было найти вездѣ,—даже въ харчевняхъ и богадѣльняхъ... Нѣкоторые же, человѣколюбивѣйшіе, ежедневно жаловали въ трактиры, гдѣ проигравшему послѣднія деньги тотчасъ жаловали за часы, табакерку, шубу, или фракъ—продолжать окончательно раззореніе!.. Такъ я часто самъ видалъ, какъ нашея первыя роты цырюльникъ-Максимка, согибая свой хребетъ подъ ношею разновидной одежды и обременяя свою десницу узломъ вещицъ, шествовалъ медленно въ казармы, тогда какъ наша братья, весьма облегченная отъ излишняго, бѣжала туда будто въ запуски... А сколько еще невидимо скрылись облегченные до камзоловъ и рубахъ!" 668

„Банкиры вексельные были гораздо рѣже и, находясь всѣ въ купеческомъ сословіи, имѣли нѣкоторый родъ конторъ и прикащиковъ, исправляющихъ ремесло лазутчиковъ. Сіи выискивали по городу и гвардейскимъ полкамъ нуждающихся, освѣдомляясь объ ихъ состояніи и возможностяхъ; составляли предварительныя условія, т. е. сколько ихъ хозяинъ можетъ дать въ счетъ извѣстной суммы наличными деньгами, сколько товарами, вещами, мебелями, за какіе проценты и пр. Сихъ лазутчиковъ нехудо можно уподобить ищейнымъ собакамъ, пронюхивающимъ для охотника дичь,—съ тою только отмѣною, что въ охотѣ стрѣлокъ идетъ за собакою къ птицѣ, дабы ее застрѣлить, а тутъ ищейка ведетъ мота къ ростовщику, чтобы быть ограблену". 669

Ростовщичествомъ занимались и дамы-чиновницы. Винскій, напримѣръ, разсказываетъ слѣдующее:

„Я, промотавшись уже до того, что остался въ одномъ мундирѣ, принужденнымъ нашелся нанять квартиру въ сей же ротѣ, въ солдатскомъ домикѣ, по 6 рублей на мѣсяцъ съ пищею. Не могучи появиться безъ денегъ ни въ трактирахъ, ни..., я провождалъ скучные осени вечера волокитствомъ по полку, или спаньемъ дома... Въ одинъ вечеръ является ко мнѣ неожиданно нашего баталіона подлѣкарь, слегка мнѣ знакомый... Послѣ первыхъ словъ онъ мнѣ говоритъ, что идетъ отъ г-жи Стромиловой, которая спрашиваетъ меня, почему я съ нею не

познакомлюсь,—что она обо мнѣ съ нимъ говорила, что она изъ нашей стороны, знаетъ мою мать и родственниковъ и пр... Будучи вельми не мастеръ съ барынями знакомиться, я ему пробормоталъ нѣсколько словъ, на что онъ прибавилъ: она говорила, что она готова пособить мнѣ, въ чемъ нуждаюсь. Сіе, какъ запахъ похмѣльному вина, тотчасъ возбудило мое вниманіе; и онъ, выспрося у меня, что ему было надобно, обѣщалъ завтра же придти ко мнѣ съ отвѣтомъ. Отвѣтъ былъ самый благосклонный и тягостный: денегъ давали сколько угодно, но требовали на нихъ въ закладъ крестьянъ; закладную, однако, обѣщали всевозможно совершеніемъ облегчить, при пособіи супруга г-жи, который былъ самъ членъ Юстицъ-Конторы". 670

О роскошной жизни русскихъ дворянъ въ столицѣ разсказываетъ еще кн. Щербатовъ.

„Вкореняющаяся такая роскошь проникла и въ такія состоянія людей, которыя бы, по чинамъ и обстоятельствамъ своимъ, не имѣли нужду ея употреблять. Князь Борисъ Сергѣевичъ Голицинъ, сперва отбѣгающій отъ службы поручикъ, или капитанъ, а потомъ отставной маіоръ, оную въ Москвѣ, колико возможно, оказывалъ: богатыя одѣянія его и жены его, ливрея, екипажи, столъ, вины, услуга и прочее, все было великолѣпно!.. Таковое роскошное житье привлекло ему нѣкоторый родъ почтенія, но изнуряло его состояніе, какъ и дѣйствительно онъ, какъ отъ долговъ приватнымъ людямъ, такъ и отъ долговъ казнѣ разоренный умеръ, и жена его долгое время должна была страдать и претерпѣвать нужду въ платежѣ за безуміе своего мужа, для оплаты нажитыхъ долговъ". 671

„Дабы на умножающееся сластолюбіе имѣть довольно денегъ, тогда какъ другіе, взирая на недостатокъ народный, не дерзали ничего накладывать, сей, имѣя въ виду свою пышность и собственныя пользы, увеличилъ тщаніями своими доходы съ винныхъ откуповъ, а для удовольствія своего корыстолюбія, самъ участникомъ оныхъ учинился. Монополіи старался вводить, и самъ взялъ откупъ табаку, рыбныя ловли на Бѣломъ и Ледяномъ морѣ и лѣса Олонецкіе, за все получая себѣ прибыль. При милосерднѣйшей Государынѣ учредилъ родъ инквизиціи, изыскующій корчемство, и обагрилъ россійскія области кровію пытанныхъ и сѣченныхъ кнутомъ и пустыни Сибирскія и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку и на каторги; такъ что считаютъ до 15,000 человѣкъ, претерпѣвшихъ такое наказаніе". 672

„Примѣры таковые не могли не розлиться на весь народъ,—и повсюду роскошь и сластолюбіе умножились. Дамы стали великолѣпно убираться и стыдились неанглійскія мебели имѣть; столы учинились великолѣпны,—и повары, которые сперва не за перваго человѣка въ домѣ считались, стали великія деньги въ жалованье получать. Такъ что Фуксъ, бывшій поваръ Императрицынъ и служившій ей въ Цесаревнахъ, хотя имѣлъ бригадирскій чинъ, но жалованія получалъ по 800 руб. въ годъ, а уже тогда и приватные стали давать рублей по 500, окромѣ содержанія". 673

„Экипажи были умѣреннаго съ прочимъ великолѣпія,—уже русскаго дѣла карета въ презрѣніи была, и надлежало имѣть, съ заплатою нѣ-

сколькихъ тысячъ рублевъ—французскую, и съ точеными стеклами, чтобы шоры и лошади оной соотвѣтствовали и прочее". 674

На ряду съ утонченной роскошью жизни грубость нравовъ бросалась особенно въ глаза: пьянство и драки были обычнымъ тогда явленіемъ. Вотъ характерная сцена изъ офицерской жизни, разсказанная Даниловымъ.

„Они обѣдаля (какъ послѣ уже мы обстоятельно слышали) съ великимъ веселіемъ: пасынокъ мой въ столѣ раздавалъ кушать, игралъ потомъ во удовольствіе всѣмъ на скрыпкѣ; наконецъ, компанія оная, видно, что небрежно обошлась съ пуншемъ,—сдѣлались всѣ пьяные, отчего, по веселіи, произошелъ у маіора Шаховскаго съ комендантомъ оной крѣпости великій вздоръ, шумъ и драка... Комендантъ, битый и пьяный, будучи въ жару, выбѣжалъ изъ покоя на дворъ, закричалъ во весь голосъ, созывая своей команды солдатъ и приказывая всѣхъ брать подъ караулъ". 675

Въ частныхъ домахъ жизнь текла такъ же безалаберно-весело. Неразъ въ запискахъ XVIII-го вѣка мелькаютъ передъ нами картины, напоминающія жизнь семейства Вѣтровыхъ. Такъ, въ жизнеописаніи Мирковича находимъ мы характеристику одной такой семьи:

„Этотъ домъ былъ истиннымъ Эльдорадо для молодежи. Ежедневно тамъ обѣдало до 25 особъ и, несмотря на то, что скатерть иной разъ постилалась съ дырою,—что у одного изъ гостей не было стакана, у другого вилка была о двухъ зубцахъ, или ножъ — пилою, а у кого-нибудь полъ-салфетки, но всѣмъ было весело!.. Всѣ четыре дочери хозяйки были взрослыя, прекрасны собою и чрезвычайно любезны и привѣтливы".

Послѣ обѣда начиналась музыка, пѣніе, а потомъ танцы — и мы веселились до упада". 676

На службѣ многіе молодые дворяне ничего не дѣлали. Даниловъ говоритъ о себѣ и своихъ товарищахъ слѣдующее:

„Между тѣмъ находились мы иногда безъ всякаго дѣла, а праздность и бездѣліе наводятъ вымыслять, какія ни есть, веселости, смѣшенныя съ неизбѣжными пороками, которыя приступаю описывать и съ сожалѣніемъ воспоминаю, что я жилъ тогда въ отдаленности отъ команды и погруженъ былъ въ толь молодому человѣку непристойности". 677

Винскій подтверждаетъ эти слова.

„Хотя воинское званіе, по наружности, имѣетъ видъ строгаго присмотра, но въ самомъ существѣ едва-ли какое другое изъ общественныхъ состояній доставляетъ болѣе своеволія! Умѣлъ бы только опрятно одѣваться, проворно вертѣться, раболѣпнѣйше повиноваться,—вотъ и желаемыя качества въ военномъ!" 678

„Молодые шляхтичи, приписанные въ разныя присутственныя мѣста, вели жизнь, по большой части, праздную; уже ничего студентскаго

въ нихъ не было видно, а многіе и профессорами распусты могли быть названы". [679]

Чтобы прикрыть свою лѣнь, приходилось давать взятки капраламъ, фельдфебелямъ, докторамъ, во власти которыхъ была выдача отпуска, или увольнія „по болѣзни". Объ этомъ свидѣтельствуетъ И. Лукинъ.

„По прибытіи въ полкъ, опредѣленъ былъ въ роту и, короткое время обучась экзерциціи, велѣно употребить меня въ караулъ при ротѣ, тогда стоящей по казармамъ,—подъ пирамиду, гдѣ я находясь, учинилъ первый мой проступокъ противъ артикула: будучи на часахъ уснулъ,—за что, по усмотрѣнію моего капрала, къ вящему штрафу былъ назначенъ: отчего, бывъ въ немалой робости, не зналъ, что дѣлать; и, видя мое уныніе, изъ старыхъ добродушный солдатъ далъ мнѣ наставленіе, что мой капралъ отмѣнно любитъ вино. То, какъ я ни бѣденъ былъ деньгами, однако, принужденъ и послѣднихъ четырехъ копѣекъ, страха ради, лишиться, позвавъ его въ вольный домъ,—и тѣмъ та строгость кончилась". [680]

„Надель ферь (военный докторъ), узнавъ о моемъ таковомъ частомъ свидѣтельствѣ отъ прочихъ, не оставилъ и онъ, якобы по должности своей, изыскать въ болѣзни моей правду и, за вступленіе его ноги въ мою квартиру, добровольный подарокъ; не хотѣлъ упустить случай, блестящій къ его жадному интересу". [681]

Наконецъ, и бѣгло-очерченный образъ отца Евгенія находитъ себѣ цѣлый рядъ прототиповъ въ мемуарахъ и запискахъ: такъ, напримѣръ, о существованіи дворянъ изъ выслужившихся „приказныхъ" говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", А. М. Фадѣевъ.

Выше (стр. 629) изъ записокъ Болотова приводилъ я исторію одного дворянчика-щеголя, отецъ котораго изъ приказныхъ сдѣлался дворяниномъ и сыну оставилъ большое состояніе, нажитое нечестнымъ путемъ. Оно въ прокъ юношѣ не пошло. Но, не въ примѣръ Евгенію, промотавъ отцовское, онъ, благодаря своей „подъяческой крови", сумѣлъ нажить новое (ср. чулковскаго Несмысла—стр. 709—714).

3.

Обращаюсь, въ заключеніе, къ любопытной попыткѣ создать у насъ въ XVIII-омъ столѣтіи „народный романъ“ на тему изъ жизни вора и сыщика Ваньки-Каина. Личность его была очень популярна,—онъ попалъ въ „Исторію“ Соловьева, въ XVII-омъ столѣтіи, его имя въ церкви предавали анаѳемѣ... [685].

Литературная исторія произведеній, связанныхъ съ его жизнью, представляетъ большой интересъ и теоретическій, и историческій.

Если бы какимъ-нибудь чудомъ удалось разыскать фактическія подробности изъ жизни тѣхъ героевъ нашей древности, которые такъ поразили воображеніе своихъ современниковъ, что сдѣлались достояніемъ народныхъ пѣвцовъ, и дожили до нашихъ дней въ величавыхъ образахъ богатырскаго эпоса,—эта находка была бы драгоцѣнной для изслѣдователя народнаго творчества, такъ какъ дала бы возможность отъ теоретическихъ построеній, гипотезъ и догадокъ по аналогіи—сразу ступить твердою ногою на непоколебимую почву факта... Она помогла бы выяснить, въ какой мѣрѣ творчество народа преобразовываетъ жизненное явленіе, какъ эпическія традиціи обобщаютъ произведеніе, а время стираетъ однѣ краски, накладываетъ другія... Вотъ почему такъ цѣнны пѣсни, записанныя Джемсомъ,—передъ нами созданія, отъ которыхъ вѣетъ свѣжимъ фактомъ, которыя еще связаны крѣпкой нитью съ явленіями, ихъ создавшими. На нихъ нетрудно прослѣдить, какимъ путемъ шла поэтизація жизненнаго явленія, и, лишь исходя изъ такихъ наблюденій, *по аналогіи*, можно заключать о томъ, какъ созидались такія произведенія, источникъ которыхъ затерянъ безвозвратно...

Исторія Ваньки Каина, по этому самому, цѣнна для историка, интересующагося зачаточнымъ періодомъ развитія романа. Передъ нами—1) группа историческихъ фактовъ изъ жизни Каина, фактовъ, оставившихъ крупный слѣдъ въ документальной исторіи,—2) разсказъ о немъ современника,—3) автобіографія Каина, вѣроятно, записанная съ его словъ *), и—4) романъ во вкусѣ

*) Хотя въ ея заглавіи сказано что она „писана“ имъ самимъ.

XVIII-го вѣка, тѣсно связанный съ автобіографіею, но уже отошедшій отъ нея на такое разстояніе, которое позволило автору внести въ обработку взятаго сюжета всѣ пріемы литературной романической школы XVIII вѣка.

Если мы прибавимъ, что даже по печатному матеріалу можно заключить о томъ, что въ XVIII-омъ вѣкѣ существовали *двѣ редакціи* рукописнаго жизнеописанія Ваньки, что было довольно много списковъ съ варіантами, и что въ печати эти жизнеописанія выходили въ теченіе XVIII-го вѣка въ трехъ видахъ *пятнадцать* разъ [685] (два изданія безъ означенія года), а въ XIX-омъ в. въ лубочныхъ изданіяхъ выходятъ до нашихъ дней,—мы легко убѣдимся, съ какимъ цѣннымъ историко-литературнымъ матеріаломъ имѣемъ дѣло...

Изъ всей этой группы произведеній, посвященныхъ Ванькѣ, самымъ цѣннымъ надо считать его автобіографію, напечатанную подъ заглавіемъ: *„Исторія славнаго вора, разбойника и бывшаго Московскаго сыщика Ваньки-Каина, со всѣми его обстоятельствами, разными любимыми пѣснями и портретомъ, писанная имъ самимъ при Балтійскомъ портѣ въ 1764 году. 1782. 12°*, 105 стр. (портретъ и 20 №№ пѣсенъ [686]). По другому списку, менѣе совершенному, эта автобіографія была издана раньше въ 1777 году, подъ названіемъ: *„Жизнь и похожденіе россійскаго Картуша, именуемаго Каина, извѣстнаго мошенника и того ремесла людей сыщика, за раскаянье въ злодѣйствѣ получившаго отъ казни свободу; но за обращеніе въ прежній промыселъ сосланнаго вѣчно на каторжную работу прежде въ Рогервикъ, а потомъ въ Сибирь, писанная имъ самимъ при Балтійскомъ портѣ въ 1764 г. Въ Спб. 1786 г., 12°, 77 стр.* [687].

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду пользоваться преимущественно первой изъ названныхъ книгъ, какъ изданной по списку болѣе полному... Что же касается до того, дѣйствительно ли передъ нами автобіографія, *писанная рукою Ваньки Каина,*—то это вопросъ неважный, хотя бы, въ виду того противорѣчія, которое мы встрѣчаемъ между показаніями Ваньки, что онъ умѣлъ писать [688],—и увѣреніями Есипова, который изъ подлинныхъ дѣлъ Сыскнаго приказа усмотрѣлъ, что Ванька былъ неграмотенъ [689]. Самое содержаніе „исторіи" нашего героя показываетъ, что это произведеніе можетъ быть только автобіографіей, вѣроятнѣе всего, продиктованной Каиномъ какому-нибудь любителю его росказней [690]. Поддѣлать это произведеніе было бы такъ же немыслимо, какъ поддѣлать „Слово о полку Игоревѣ",—насколько оба произведенія

колоритны и насквозь пропитаны, первое—ароматомъ воровской среды, а второе—дружинной Руси...

„Иванъ Осиповъ, по прозванію Каинъ, былъ сынъ крестьянина села Иванова, Ростовскаго уѣзда; принадлежалъ онъ купцу Петру Дмитріеву Филатьеву и родился въ 1718 году[691]; тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ привезенъ онъ былъ въ Москву на господскій дворъ и очень легко и скоро поддался тлетворному вліянію крѣпостной прислуги, а затѣмъ уличной вольницы, которой въ то время въ Москвѣ было раздолье. Изо дня въ день совершенствуясь въ лукавствѣ, обманахъ и воровствѣ, Ванька скоро достигъ во всемъ этомъ виртуозности... Вотъ почему, лишь только отросли крылья у этого ястребенка, тѣснымъ показался ему господскій дворъ,—захотѣлъ онъ вкусить свободнаго житія въ бѣлокаменной!.. Безъ долгихъ колебаній, обокравъ своего барина, юный авантюристъ, съ легкимъ сердцемъ и наглымъ хохотомъ, пускается въ жизнь... Онъ бодро смотритъ впередъ,—не умолкаетъ ни на минуту его балагурство, подчасъ злое; ни на минуту не измѣняетъ ему сказочное удальство и долго тѣшитъ его необыкновенная удачливость... Отъ крупной кражи—къ злой шалости, отъ разбоя, пахнущаго кровью—къ веселой остротѣ переходитъ онъ изо дня въ день, не зная никакихъ преградъ, наполняя доверху свою безпокойную жизнь, насыщая досыта свою страсть къ воровскимъ авантюрамъ и зудъ своего чисто-скоморошескаго остроумія... То въ одиночку, то съ другомъ своимъ, бѣглымъ солдатомъ Камчаткою, то съ цѣлой бандою жуликовъ онъ „шевелитъ" Москву и ея окрестности, иногда уѣзжая въ болѣе далекія экскурсіи, въ родѣ, напримѣръ, поѣздки на Макарьевскую ярмарку... Попробовалъ онъ, было, погулять и по широкой Волгѣ, надъ которой въ живыхъ преданіяхъ и пѣсняхъ вѣяло вольнымъ духомъ разбойничества,—но шумная, грязная Москва, съ ея закоулками, чердаками, подвалами и трактирами оказалась ему болѣе по плечу: на чистомъ просторѣ великой русской рѣки ему не по себѣ—теряется онъ здѣсь, слишкомъ мельчаетъ этотъ герой фабричнаго города... Да это и понятно: Стенька Разинъ, богатырь по широкому размаху своего духа, ему не подстать,—Ванька силенъ, главнымъ образомъ, своимъ ловкимъ, проницательнымъ, изворотливымъ умомъ... Городъ, съ его сложной запутанной жизнью, — вотъ, стихія Ваньки. Несмотря на молодость лѣтъ, онъ хорошо зналъ, или точнѣе „чувствовалъ" свою эпоху и людей своего времени... Немудрено, что никогда не теряющійся, на все всегда готовый, ни во что ставя и свою жизнь, и чужую, обладая изумительной силой воли,—онъ скоро сумѣлъ создать себѣ такую широкую сферу дѣятельности, въ которой его натура, все крѣпчавшая и выроставшая, нашла, наконецъ, себѣ просторъ... Ванька изъ мелкаго вора, а за тѣмъ волжскаго разбойника, дѣлается сыщикомъ[692], отъ московскаго начальства, а потомъ дважды и отъ Сената добивается самыхъ широкихъ полномочій, и скоро дѣлается диктаторомъ Москвы... Съ этого момента начинается самая блестящая эпоха въ жизни Каина[693]: передъ нами—мастерски, созданная организація ужасающаго грабежа подъ охраной высшихъ властей и Правительствующаго Сената[694]. Ванька вступаетъ въ сдѣлку съ мелкими представителями московской полиціи и суда съ одной стороны, съ ворами и разбой-

никами — съ другой, окружаетъ себя дружиною маленькихъ каиновъ, среди которыхъ, наряду съ „подлыми“ именами, попадаются имена графовъ, офицеровъ, протопоповъ, монаховъ,—и. мало по малу, овладѣваетъ Москвой... На фонѣ пылавшей со всѣхъ сторонъ столицы [635], среди криковъ ужаса и отчаянья, въ пылу общей паники, захватившей даже Петербургъ [636], Каинъ, въ упоеньи своей власти, глумится надъ всѣмъ, вызывая на бой съ собою все, не зная удержу своей разнузданной натурѣ, не щадя ни воровъ, ни чиновниковъ, ни мирныхъ обывателей...

Чтобы положить конецъ его господству, пришлось прибѣгнуть къ осадному положенію Москвы, къ назначенію новаго градоначальника, къ помощи войскъ [637], и, наконецъ, къ многолѣтней работѣ особой Коммиссіи, все, наконецъ, распутавшей и приговорившей Каина къ „колесованію“... Приговоръ былъ смягченъ Высочайшею волей, и Каинъ, съ рваными ноздрями и позорнымъ клеймомъ, очутился въ Балтійскомъ Портѣ; вѣроятно, и тамъ онъ не угомонился, и потому былъ отправленъ въ Сибирь.

Изъ архивныхъ документовъ фигура Каина рисуется по истинѣ замѣчательной, — но не такимъ нарисовалъ онъ самъ себя въ своей автобіографіи.

Въ „автобіографію“ Каинъ съ особою любовью вноситъ лишь тѣ страницы своей жизни, которыя вполнѣ удовлетворяли его спортсменскую гордость прирожденнаго „вора-скомороха“.

Вотъ почему онъ для разсказа выбираетъ подвиги, не столько крупные, сколько, съ его точки зрѣнія, интересные, пикантные, характеризующіе, главнымъ образомъ, его ловкость, остроуміе и наглость... Изъ этихъ талантовъ онъ, повидимому, особенно дорожитъ своимъ остроуміемъ: онъ такъ имъ щеголяетъ, что приведенные имъ эпизоды часто служатъ, въ его глазахъ, лишь бытовымъ комментаріемъ къ этимъ остротамъ...

Бѣгло и небрежно говоритъ онъ о своей жизни до побѣга... Да и что занимательнаго было въ ней, съ точки зрѣнія разсказчика?—служилъ „съ усердіемъ“, бывалъ часто битъ, кралъ немного, по мелочамъ: „на одну только соль и промышлялъ, а гдѣ увижу медъ, то пальчикомъ лизалъ, и оное дѣлалъ для предковъ, чтобъ не забывали“—т. е. кралъ лишь съѣстное, и то, скорѣе, для практики,—на будущее, чтобы не разучиться красть... Но Ванька скромничаетъ!.. Уже въ эту пору онъ обзавелся закадычнымъ другомъ,—многоопытнымъ бывалымъ Камчаткою; уже тогда, на порогѣ къ его вольной жизни „слово и дѣло“, звучавшее въ ушахъ мирнаго обывателя такъ же грозно, какъ „сарынь на кичку“—въ его глазахъ потеряло все обаяніе ужаса, а было лишь испытанной „старой пѣсней“...

„Тронувъ“ у своего хозяина „ларца“ и „захвативъ оттуда денегъ столь довольно, чтобъ пити было полно“, Ванька „всталъ поранѣ и шагнулъ отъ двора подалѣ“. На воротахъ хозяйскаго дома оставилъ

онъ, на память о себѣ, веселую прибаутку: „пей воду, какъ гусь, ѣшь хлѣбъ, какъ свинья, а работай у тебя чортъ, а не я“.

Непосредственно за этимъ, въ эту же ночь, нагруженный еще добычей, Ванька съ Камчаткой залѣзаютъ во дворъ попа, но натыкаются на „человѣка, который въ колоколъ рано звонитъ“. Тотъ встрѣтилъ невѣжливо незванныхъ гостей, явившихся ночью черезъ заборъ, или, по выраженію Ваньки, „не по большой дорогѣ, но по проселочной“,— Камчатка ударилъ невѣжу „лозой, чѣмъ воду носятъ и прочиталъ нотацію: „неужели для всякаго прихожанина ворота хозяйскія отпирать, поэтому некогда будетъ и спать!..“ У попа друзья поживились немногимъ: забрали „попадьи его сарафанъ, да его долгополой кафтанъ“. Впрочемъ, платье поповское имъ, кажется, было необходимо, чтобы легче пронести краденое мимо полицейскихъ рогатокъ.

Ванька съ другомъ благополучно прошли мимо полицейскихъ заставъ и явились прямо „подъ Каменной мостъ, гдѣ воришкамъ былъ погостъ“. Новаго члена воровская компанія, тамъ пребывавшая, встрѣтила чаркой „зелена вина“ и привѣтственнымъ словомъ: „полъ да середъ самъ съѣли, печь да полати въ наемъ отдаемъ, а идущимъ по сему мосту тихую милостыню подаемъ! И ты будешь братъ нашего сукина сына!.. поживи здѣсь въ нашемъ домѣ, въ которомъ всего довольно: наготы и босоты изгнаны шесты, а голоду и холоду амбары стоятъ, пыль да копоть, при томъ нечего и лопать“... Такова мрачная увертюра предъ началомъ новой жизни нашего героя... Ничего отъ себя не прибавляетъ Ванька къ этой рѣчи,—и оттого еще мрачнѣе звучатъ ея заключительныя слова...

На слѣдующій же день Ванька попадаетъ въ руки къ своему бывшему хозяину: тотъ сажаетъ его на одну цѣпь съ медвѣдемъ и не велитъ Ваньку кормить; но пріятельница его, дворовая дѣвка, тайкомъ носитъ ему еду и, однажды бесѣдуя съ нимъ, къ большому удовольствію Ваньки, сообщаетъ, что надняхъ на дворѣ у нихъ во время драки, нечаянно убитъ былъ одинъ ландмилицкій солдатъ, и что хозяинъ, причастный этому дѣянію, скрываетъ этотъ случай отъ вѣдома властей.

Приведенный на допросъ къ хозяину и раздразнивъ его шуточками, въ родѣ слѣдующаго признанія: „хотя и тебя ночью немного окравши, попугалъ и то для того, чтобъ ты дѣлъ не спалъ“, — Ванька въ самый критическій моментъ, уже подъ занесенной розгой, „запѣлъ старую свою пѣсню“,—сказалъ, къ ужасу своихъ: „слово и дѣло“... Приватный допросъ немедленно окончился, и перепуганный хозяинъ, не смѣвшій ослушаться закона“ „по прошествіи ночи по утру, разсказываетъ Каинъ, въ полицію меня представилъ, гдѣ къ той же пѣснѣ еще голосу я прибавилъ, и пѣсня для ночи не вся была допѣта, потому что дожидался я свидѣтелей, въ результатѣ, „въ тотъ-же часъ драгуны“ къ нему „прибѣжали и въ тотъ монастырь, куда хотѣлъ, помчали“. „Монастырь“—это ужасная инквизиція XVIII-го вѣка, сыскной приказъ: веселый Ванька переименовалъ его въ „Стукаловъ монастырь, сирѣчь Тайную, гдѣ тихонько говорятъ“...

Не боится Ванька и передъ лицомъ ужасныхъ членовъ этого учрежденія. На вопросъ секретаря: „по которому пункту онъ за собою сказывалъ“, Ванька, съ обычною своею наглостью, смѣется ему въ

лицо и передразниваетъ: „ни пунктовъ, ни фунтовъ, ни вѣсу, ни похода не знаю, а о дѣлѣ моемъ скажу тому, кто на томъ стулѣ сидитъ, на которомъ собачки вырѣзаны“ (т. е. на судейскихъ креслахъ). Ванька зналъ, что секретарь знакомъ съ его хозяиномъ, и потому опасался, какъ бы онъ „лѣвой рукой“ (т. е. тайкомъ) не предупредилъ бы его. „Секретарь“, прибавляетъ съ эпическимъ спокойствіемъ Ванька, за такой отвѣтъ, „билъ меня тою дощечкою, которую на бумагу кладутъ“ (= линейкой). Не боится Ванька и пытокъ,—съ тѣмъ же юморомъ повѣствуетъ онъ, какъ повели его въ „немощную баню (=застѣнокъ), гдѣ людей вѣшатъ, сколько кто потянетъ“. Въ такой обстановкѣ веселый воръ продолжаетъ далѣе свои остроты: онъ графу С. А. Салтыкову разсказываетъ, какъ его господинъ на своемъ дворѣ „потчевалъ солдатъ деревянными кнутами, т. е. цѣпами, что рожь брюжжатъ“, —какъ „одинъ солдатъ на землю упалъ, то помѣщикъ мой, видя, что оной солдатъ по прежнему ногами не всталъ, дождавшись вечера, завернулъ его въ персидскій коверъ, что соль вѣсятъ (куль) и велѣлъ бросить въ колодезь“.

Уже изъ этой сцены Ванька рисуется во весь свой ростъ: передъ нами человѣкъ, полный самообладанія и наглости смѣющійся надъ всѣмъ: и надъ ужаснымъ „словомъ и дѣломъ“, и надъ чинами суда, и надъ убитымъ солдатомъ, и надъ самимъ собою...

На вопросъ Салтыкова, принималъ-ли онъ самъ участіе въ убійствѣ, Ванька отвѣчалъ хитрымъ сплетеніемъ поговорокъ: „какой на господинѣ мундиръ, такой и на холопѣ одинъ! Сидоръ да Карпъ въ Коломнѣ живетъ, а грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! вода чего не пойметъ, а огонь и попа сожжетъ“. Едва-ли такое разнообразное остроуміе было удовлетворительнымъ отвѣтомъ въ глазахъ суровыхъ судей, но Ванька намъ не разсказываетъ, цѣпь какихъ дальнѣйшихъ мошенничествъ ему удается выбраться „вольной птицей“ изъ Стукалова монастыря, куда онъ своимъ „словомъ и дѣломъ“ [illegible] своихъ недрутовъ. Для Ваньки, очевидно, все это уже [illegible], мелочи, недостойныя разсказа—главное: свои остроты, онъ уже объяснилъ... Теперь онъ спѣшитъ разсказать, какъ, забравшись съ [illegible]селой компаніей къ придворному доктору Елвиху и, найдя доктора и жену его, „во снѣ разметавшихся неопрятно“, онъ, со свойственнымъ ему цѣломудріемъ, „накрылъ ихъ одѣяломъ, которое сбито было имъ съ ноги“, какъ онъ отрекомендовался испуганной дѣвкѣ доктора „купцомъ для пропалыхъ вещей“, какъ они все обобрали у несчастнаго Елвиха, весело приговаривая: „бей во всѣ, колоти во всѣ и того не забудь, что въ вашу кладутъ“. Перерѣзавъ на Яузѣ канатъ парома и прервавъ такимъ образомъ сообщеніе между берегами, воры спасаются отъ погони и идутъ въ слѣдующую же ночь къ портному Рексу; обокравъ его на 300 рублей, человѣка, гнавшагося за ними, они поймали, связали и на лодкѣ пустили внизъ по теченію рѣки...

Путаясь по улицамъ, въ поискахъ „черной работы“, Ванька однажды встрѣчаетъ дѣвку, кормившую его, когда онъ сидѣлъ на цѣпи; она ему разсказываетъ, что въ амбарѣ у ея хозяина много денегъ и драгоцѣнностей,—Ванька сейчасъ-же создаетъ планъ аттаки на амбаръ: немедленно беретъ живую курицу, бросаетъ ее въ сосѣдній съ амба-

ромъ дворъ и, испросивъ у дворника разрѣшеніе поймать, яко бы, сбѣжавшую курицу, проникаетъ туда и высматриваетъ положеніе амбара,— въ результатѣ, въ ближайшую же ночь амбаръ „тронули обухомъ", влѣзли туда и начисто все обобрали, весело приговаривая: „тяпъ да ляпъ клѣтка, въ уголъ сѣлъ и печка"... Видя, что за ними учинилась „мелкая раструска" (погоня), друзья Ваньки, пользуясь тогдашнимъ состояніемъ московскихъ улицъ все награбленное добро,—золото и серебро, спрятали посередь улицы въ „великую типу", затѣмъ, благодаря ловкому обману среди бѣла дня, у генерала Шубина вывели лошадей и коляску, на фабрикѣ Милютина взяли знакомую бабу, по дорогѣ забрались на чердакъ къ какому-то купцу и стянули оттуда дамскій костюмъ; бабу нарядили дамой, посадили въ коляску и подкатили къ „типѣ", въ которой спрятана была обильная добыча, „скинули колесо, а нареченной барынѣ велѣли изъ того берлина вытти вонъ и изъ той грязи деньги и пожитки въ тотъ берлинъ переносили", а „реченная барыня бранила насъ и била по щекамъ, говоря при томъ: „что де вамъ дома смотрѣть было не можно-ли, все ли цѣло!"

Дѣвка, пріятельница Каинова, заподозрѣнная въ соучастіи, была основательно пытана, бита кошками, но никого не выдала, а потому была отпущена на волю и вскорѣ вышла замужъ за рейтара Нелидова. Ванька, желая выразить ей всю свою признательность, утаилъ у товарищей шкатулку съ драгоцѣнностями и преподнесъ ей съ прибауткой: „только и ходу, изъ воротъ да и въ воду" (т. е. чтобы никому не объявляла). Мужу своей избавительницы онъ представился такъ: „ни воръ, ни тать, только на ту же стать"; затѣмъ напился у нихъ на радостяхъ до-пьяна, улегся спать, но воровского часа не проспалъ: въ первомъ часу ночи проснувшись, слазилъ еще къ сосѣду портному,— „выработалъ у него въ маленькомъ баулѣ 310 рублей" и, чуть свѣтъ, преподнесъ ихъ своей пріятельницѣ, съ веселой присловкой: „вотъ тебѣ луковка попова, облуплена-готова; знай-почитай, а умру, поминай".

Затѣмъ мы видимъ Ваньку по дорогѣ на Макарьевскую ярмарку: онъ съ увлеченіемъ разсказываетъ намъ о своей злой продѣлкѣ съ „сырымъ" (т. е. пьянымъ) мужикомъ, который ѣхалъ на возу съ соломой и на вопросъ воровъ отвѣтилъ, на ихъ взглядъ, недостаточно вѣжливо. Ванька съ товарищами привязалъ несчастнаго къ дугѣ, а возъ съ соломой поджегъ. Испуганная лошадь съ пылающимъ возомъ понеслась въ деревню.

На ярмаркѣ Ванька имѣлъ много простору для своего остроумія и находчивости, и подвиги его слѣдуютъ за подвигами... Обокравъ, напримѣръ, армянскихъ купцовъ и, не имѣя возможности увезти украденое, онъ зарываетъ всю добычу въ песокъ и, пользуясь ярмарочнымъ временемъ, наскоро разбиваетъ на этомъ мѣстѣ шалашъ съ мелочнымъ товаромъ, торгуетъ цѣлый день, а къ ночи все краденое благополучно вывозится его друзьями.

Впрочемъ, Ванькѣ въ Нижнемъ не особенно посчастливилось: онъ уже скоро по пріѣздѣ попался въ руки купцовъ, имъ обокраденныхъ. „Взяли они у меня паспортъ, повѣствуетъ Каинъ, и, раздѣвъ, стали бить желѣзною сутугой, притомъ наложили на шею монастырскія четки" (т. е. „стулъ")—въ результатѣ,—опять „старинная пѣсня"-„слово и дѣло",

опять „каменный мѣшокъ" (тюрьма) и снова хитрое бѣгство, при помощи неизмѣннаго друга-Камчатки. Благодаря „кулачному бою", занявшему всю улицу, Ванька убѣгаетъ отъ погони и, въ поискахъ своихъ друзей, забѣгаетъ въ Татарскій станъ; здѣсь онъ видитъ мурзу, спящаго на мѣшкѣ. Ванька привязываетъ ногу спящаго къ лошади, затѣмъ бьетъ лошадь, что есть мочи коломъ, отчего она, перепуганная, несется въ поле, таща за собою и мурзу... Ванька-же, посмѣиваясь, пересчитываетъ легкимъ трудомъ доставшіяся денежки и приговариваетъ: „неужели татарскихъ денегъ на Руси брать не будутъ?"

Едва успѣлъ Ванька перемолвиться остротами со своими товарищами, какъ нагрянули драгуны, и Ванькѣ пришлось опять спасаться,— онъ забѣгаетъ въ торговую баню—драгуны за нимъ... Тогда онъ сбрасываетъ съ себя всю одежду,—„оставя одни портки", пробѣгаетъ неузнанный мимо драгунъ и въ своемъ откровенномъ костюмѣ мчится по многолюднымъ улицамъ, не болѣе не менѣе, какъ прямо на гауптвахту, съ жалобой, что его „въ банѣ обокрали и паспортъ унесли". Здѣсь Ваньку пріодѣли. Желая добыть себѣ паспортъ, онъ скоро снюхался съ подъячимъ; когда же вошелъ на гауптвахту тюремный сторожъ, Ванька, боясь, чтобъ тотъ его не призналъ, „согнулся дугой и сталъ, какъ другой,—будто и не я". Для удостовѣренія купеческаго званія и московскаго происхожденія Ваньки пошли они съ подъячимъ по купцамъ, но дошли лишь до ближайшаго погреба, хозяинъ котораго безъ труда увѣрилъ подъячаго, что Ванька—„подлинно московскій купецъ". Съ злой ироніей повѣствуетъ это Ванька и добавляетъ: „пили мы у него разные напитки, отчего сдѣлались пьяни".

Въ другой разъ отъ драгунъ спасается Ванька благодаря своей акробатической ловкости: вырвавшись отъ нихъ, прыгаетъ онъ на бочку, стоявшую у забора, съ бочки перелетаетъ черезъ заборъ во дворъ, оттуда въ садъ, въ лѣсъ—и является къ своимъ товарищамъ все такимъ-же бодрымъ и неунывающимъ, со словами: „спасибо Петру, что сберегъ сестру".

„На возвратномъ пути въ Москву одурачили они одного мужичка-простачка. Залѣзли въ пустую придорожную избу и стали изображать хлѣбопековъ: Камчатка вымазался весь мукою, друзья его стали тереть камни о камни, будто мелютъ муку. Проѣзжалъ мимо мужикъ съ мясомъ. Камчатка высунулъ въ окно голову, сторговалъ у мужика мясо, забралъ его въ окно, а затѣмъ съ мясомъ всѣ махнули заднимъ ходомъ въ лѣсъ. Мужикъ долго ждалъ платы и, „усмотрѣвъ, что никого въ той избѣ нѣтъ, разсуждалъ съ прохожими людьми, люди ли то были, или дьяволы съ нимъ говорили и говядины его лишили". Здѣсь было, конечно, не корыстное воровство, а просто веселая „воровская" шалость...

„Въ Москвѣ Ванька, послѣ ряда всевозможныхъ кражъ, опять попадаетъ въ тюрьму, но, благодаря артельной воровской организаціи, скоро опять оказывается на свободѣ и снова странствуетъ съ друзьями, въ погонѣ за мелкой наживой и веселыми приключеніями... Такъ разсказываетъ онъ, какъ они умудрились украсть изъ цыганскаго табора цѣлую кибитку съ цыганскимъ сотникомъ, какъ затѣмъ, „ѣхавши, усмотрѣли они на Макарьевскомъ лугу, незнаемо какого званія, шесть

человѣкъ спящихъ, у которыхъ, что было, обобрали, чтобы впредь такъ крѣпко не спали". Наконецъ, Ванька съ друзьями держитъ путь на Волгу, въ „Шелковый затонъ, гдѣ ворамъ былъ не малый притонъ", въ какомъто Песошномъ кабакѣ пристаетъ онъ къ семидесяти разбойникамъ, во главѣ которыхъ стоялъ атаманъ Заря.

Съ этого момента начинается новая эпоха въ жизни Ваньки: онъ—волжскій разбойникъ. Впрочемъ, какъ я уже говорилъ, среди головорѣзовъ, вооруженныхъ ножами и ружьями, онъ стушевывается. Это видно даже изъ его разсказа. Осада и штурмъ завода, грабежи цѣлыхъ селъ и другія подобныя сильныя картины проходятъ въ его разсказѣ начертанными блѣдно и вяло... За то подробно разсказываетъ онъ о томъ, какъ зло проучилъ разбойничій атаманъ за излишнее любопытство одного офицера, ѣхавшаго съ ними на паромѣ; съ восторгомъ распространяется онъ объ одной бытовой сценкѣ, гдѣ блеснулъ остроуміемъ другъ Ваньки, Камчатка. Разъ увидѣли они, какъ по улицѣ вели женщину, у которой голова была увязана простыней. Камчатка спросилъ, что это за женщина; ему отвѣчали, что „ведутъ бабушку на повой", — на что сообразительный Камчатка сейчасъ-же замѣтилъ: „видно, что въ воду головой"... Неизвѣстно, въ силу какихъ побужденій, она отбили женщину и отпустили ее на свободу...

Житье на Волгѣ, повидимому, не пришлось по вкусу Ванькѣ: здѣсь не было простора его тонкому уму, его знанію человѣческихъ слабостей, его умѣнью лукавить и проводить... И вотъ, непосредственно послѣ Волги, мы видимъ его въ роли оффиціальнаго сыщика. Теперь разсказъ его, до того живой и веселый, сбивается на реестръ пойманныхъ имъ воровъ и разбойниковъ,—реестръ длинный, краснорѣчивый даже своей лаконичностью. Имена десятковъ, сотней закоренѣлыхъ преступниковъ быстро мелькаютъ передъ нами, и, въ числѣ ихъ сообщниковъ, встрѣчаются монахини, протопопы, діаконы, полицейскіе чиновники...

Но узнаемъ мы нашего героя только тогда, когда, послѣ перечня „оффиціальныхъ" подвиговъ, переходитъ онъ опять къ разсказу о своихъ обычныхъ продѣлкахъ. Съ увлеченіемъ повѣствуетъ онъ о своемъ сватовствѣ и свадьбѣ. У его сосѣда была дочь-дѣвица, — „я съ дочерью его захотѣлъ жить еще поближе", эпически безстрастно повѣствуетъ о своей любви Ванька. „Между тѣмъ, подарилъ я ей нѣсколько подарковъ, за что попросилъ у нея нѣчего; токмо онаго отъ нея получить не могъ, кромѣ какъ обходились на однихъ разговорахъ". Такъ какъ она не соглашалась и замужъ выйти за Каина, онъ запуталъ ее въ уголовщину, подвелъ подъ „жестокое битье плетями", и, лишь подъ страхомъ пытокъ, получилъ согласіе дѣвушки. Ванька освобождаетъ свою любезную, попросивъ чиновниковъ, на прощанье, еще ее постегать, такъ какъ „сколоченная посуда два вѣка живетъ" и отдаетъ для излеченія одной просвирнѣ [698]. На свадьбѣ у Ваньки вышла непріятная заминка: онъ представилъ священнику фальшивые документы, по которымъ тотъ отказался его вѣнчать. Ванька сознается, что ему стало „стыдно", „по множеству тогда случившагося въ церкви народа",—но онъ скоро нашелся: „послалъ для сыску идущаго по улицѣ какого-нибудь попа, которой въ то же время командой моей идущій пьяный по улицѣ

взять, приведенъ въ церковь былъ. Говорилъ я ему: для чего онъ, идучи по улицѣ въ пьяномъ видѣ, пѣсни пѣлъ, за что отосланъ будетъ въ Духовную конс исторію", если не повѣнчаетъ его сейчасъ-же... Пьяный попъ согласился немедленно, при чемъ „вѣнчая, началъ кричать, что есть силы и не такъ, какъ прочіе попы обводятъ вокругъ вѣнчальнаго стола три раза, онъ обвелъ восемь разъ". На свадебномъ пиру попъ совсѣмъ захмѣлѣлъ, а потому былъ, наконецъ, съ позоромъ выведенъ вонъ. Ванька за труды далъ ему рубль, а за дурное поведеніе „завязалъ руки назадъ, повѣсилъ на шею двѣ бутылки съ простымъ виномъ, за пазуху положилъ живую курицу, при томъ подписалъ на спинѣ: „ежели изъ оныхъ бутылокъ вино выпьетъ, то и развязанъ будетъ"—и вытолкалъ его на улицу. Черезъ нѣсколько времени Ванька встрѣтилъ его на улицѣ... „Увидя и признавъ меня", разсказываетъ Каинъ, попъ „поднялъ свою рясу выше головы и, бросясь въ сторону, бѣжалъ, думая, что я всякой день вѣнчаться буду".

При помощи своей команды, Ванька собралъ на дворъ къ себѣ купцовъ и заставилъ ихъ дѣлать себѣ свадебные подарки деньгами, угощая ихъ за это изъ рукъ молодой жены сухимъ горохомъ.

На Масляной недѣлѣ Ванька устроилъ гулянье,—велѣлъ сдѣлать гору, „которая была украшена елками, болванами и краснымъ сукномъ", „и всю недѣлю происходили отъ множества народу всякія забавы. На послѣдній день собралъ я, разсказываетъ онъ, до тридцати человѣкъ комедіантовъ,—велѣлъ имъ представить на той горѣ о царѣ Соломонѣ игру, при чемъ были два шута; между прочимъ,—у того царя нарочно украдены были деньги, съ коими пойманъ былъ суконщикъ, которой мною для онаго нанятъ былъ. По приводѣ его къ царю осужденъ онъ былъ за ту кражу къ наказанію, чего для собрано было до 200 ч. и поставлены были въ строй; каждому дано было по метлѣ; раздѣвъ того суконщика, надѣли на него деревенскую шапку, на шею—галстукъ, на руки—большія рукавицы, къ спинѣ привязали маленькаго медвѣдя, пустили тѣмъ строемъ съ конца до конца той горы, при томъ били въ барабанъ; за маіора правилъ суконщикъ-Волкъ, которой ѣздилъ на лошади и тѣхъ стоящихъ въ строю принуждалъ. Реченной суконщикъ ходилъ взадъ и впередъ шесть разъ, избитъ былъ весь до крови, за что взялъ съ меня одинъ рубль, да шубу новую" [699].

Любилъ развлекаться Ванька и у себя на дому: у него для этой цѣли въ домѣ былъ устроенъ—„особливый покой для бильярда, зерни и прочихъ разныхъ игръ".

Команду Ванька подобралъ себѣ очень умѣло и воспиталъ ее въ своемъ вкусѣ,—въ результатѣ, у него въ рукахъ оказалась шайка настоящихъ разбойниковъ въ солдатскихъ мундирахъ (впрочемъ, солдатъ было 45 ч. „и при нихъ сержантъ",—„остальные были черный народъ,—хорошаго сукна 30 человѣкъ"). Всѣ они понимали другъ друга прекрасно,—немудрено, что Ванька, подъ защитой своей банды, уже не страшится властей, даже оказываетъ имъ открытое сопротивленіе. Когда, напримѣръ, какой-то совѣтникъ Казариновъ хотѣлъ Ваньку посадить подъ арестъ, Ванька „взять себя не далъ", а подчиненные его „пошевелились" въ покояхъ совѣтника такъ, что и „въ окнахъ у него стеколъ мало осталось". Проученный чиновникъ

сталъ съ Ванькой говорить „посмирняе“ [700]. Опираясь на свою банду, Ванька идетъ смѣло на беззаконія: такъ отбиваетъ онъ одного рекрута у управляющаго монастыремъ, въ наказаніе ставитъ этого управляющаго на колѣнки посередь двора, обливаетъ его съ ногъ до головы дегтемъ и глумится надъ несчастнымъ... Другой разъ Ванька, исполняя просьбу одного вора, за деньги освобождаетъ его товарища изъ рукъ правосудія, при чемъ, по собственному признанію, „пугаетъ“ дежурнаго въ палатѣ подъячаго,—сѣчетъ его плетьми, а на караульнаго солдата надѣваетъ кандалы, снятые съ вора; отбиваетъ контрабанду, захваченную солдатами; грабитъ богатаго купца, при чемъ пытаетъ его огнемъ,—и въ то же время ловитъ и представляетъ властямъ бѣглыхъ каторжниковъ, фальшивыхъ монетчиковъ, солдатъ, занимавшихся разбоемъ, помѣщиковъ, дѣлавшихъ фальшивые паспорты, бродягъ и воришекъ разной шерсти и разныхъ размѣровъ...

Изъ веселыхъ продѣлокъ Ваньки заслуживаютъ пересказа двѣ: разъ въ кабакѣ онъ увидѣлъ писаря и молодую старицу за бутылкой вина. Ванька принимаетъ охотно участіе въ пирушкѣ, при чемъ замѣчаетъ юной монахинѣ: „ты, госпожа монахиня, пошла по матери,—изъ чего видно, что въ тебѣ будетъ путь“. Вскорѣ этому самому писарю пришлось просить у Ваньки помощи, такъ какъ его молодую подругу схватили и, за вольное поведеніе, заточили въ монастырь. Каинъ, переодѣвшись въ офицерскій мундиръ, прямо явился къ игуменьѣ монастыря и, въ качествѣ должностнаго лица, потребовалъ немедленно выдачи заточенной; заполучивъ молодую грѣшницу, онъ увозитъ ее и вручаетъ ея возлюбленному, со словами: „ежели и впредь въ другой старицѣ будетъ тебѣ нужда, то я служить буду“.

Другой веселый эпизодъ произошелъ съ однимъ богатымъ московскимъ бариномъ, который имѣлъ неосторожность поднять крикъ, услыша, какъ Ванька съ командой расправляется въ сосѣднемъ домѣ. Не помогла барину его многочисленная челядь,—разбойники забрали его, связали и привезли на пустынное Гороховое поле. Здѣсь Ванька разулъ ему одну ногу и оставилъ въ снѣгу съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ онъ, какъ несчастный, „по случившемуся тогда великому морозу, подогнувъ подъ себя ту разутую ногу, сѣлъ, а мы—заканчиваетъ Ванька,—оставя его на томъ мѣстѣ, уѣхали“.

Во время гулянья въ Троицынъ день одинъ изъ Ванькиной команды „пошевелилъ“ въ карманѣ купца Колобова [701] на 20000 рублей. Купецъ былъ пріятелемъ Ваньки, и тотъ вступился за друга: деньги отобралъ, но не отдалъ ихъ прямо потерпѣвшему, а съ деньгами продѣлалъ цѣлый рядъ воровскихъ фокусовъ: самолично влѣзъ на чердакъ къ Колобову, запряталъ тамъ деньги, а затѣмъ передъ Колобовымъ и его домашними разыгралъ цѣлое представленіе, удивляя всѣхъ своими талантами.

Вступаетъ Ванька въ борьбу и съ сектантами,—благодаря ему забираютъ лжехриста-Андреюшку,—и, по мнѣнію Есипова и Мордовцева, на этомъ подвигѣ нашъ герой спотыкается; бороться съ сектой ему оказалось не подъ силу. Впрочемъ, Ванька, повидимому, считаетъ послѣдней каплей, переполнившей чашу общаго терпѣнія, увозъ жены у одного полицейскаго чиновника. Что бы тамъ ни было, Ванька по-

падаетъ подъ арестъ; не помогаетъ ему болѣе „слово и дѣло“: слишкомъ много провинностей на немъ накопилось. Въ результатѣ—назначеніе цѣлой комиссіи для разбора подвиговъ его и его соучастниковъ, судъ, приговоръ и путешествіе въ Рогервикъ, или Балтійскій портъ,—„на холодныя воды, отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ“. Такъ весело заканчиваетъ свою автобіографію нашъ неугомонный весельчакъ, не потерявшій, повидимому, бодрости духа даже съ рваными ноздрями и позорнымъ клеймомъ!

Я съ намѣреніемъ подробно пересказалъ автобіографію Каина; это было необходимо для того, чтобы дать болѣе полное представленіе о томъ, какимъ свѣтомъ хотѣлъ освѣтить себя Ванька, что въ своемъ прошломъ хотѣлъ онъ выдвинуть, что стушевать... Надо сказать, что изъ оффиціальныхъ бумагъ Ванька рисуется гораздо жестче, грознѣе,—въ его же собственномъ освѣщеніи онъ принимаетъ совсѣмъ иную окраску,—передъ нами лишь неугомонный искатель приключеній, шутникъ-скоморохъ, „веселый воръ“... Несомнѣнно, остроуміе было слабымъ мѣстомъ Ваньки, и, дѣйствительно, онъ—не только знатокъ народныхъ поговорокъ и профессіональныхъ воровскихъ прибаутокъ, но и блестящій импровизаторъ въ любой подходящій моментъ жизни. Обаяніе его остраго слова,—главная сила его, покорявшая, повидимому, его современниковъ. Но, кромѣ остроумія, Ванька, самъ по себѣ, крупная фигура, надѣленная силой воли, неистощимой энергіей... Онъ—воръ и авантюристъ по призванію,—золото для него заманчиво только потому, что его можно достать путемъ мошенничествъ, обмана,—путемъ, на который рвался съ юности его лукавый умъ[702]... И на этомъ пути онъ—сила; онъ это чувствуетъ, и самъ любуется собою... Его энергичный сжатый стиль отвѣчаетъ его подвигамъ: „пришелъ, увидѣлъ, укралъ“,—ботъ, смыслъ тѣхъ приключеній, длинный свитокъ которыхъ развернулъ передъ нами Каинъ. Его записки[703]—записки человѣка, чувствующаго себя выше судьбы: и начало, и конецъ ихъ проникнуты одинаковымъ самомнѣніемъ... Ни разу голова его не опускается,—онъ все время смотритъ на жизнь съ дерзкой усмѣшкой...

Такимъ хотѣлъ представить себя Каинъ, диктуя лѣтопись своего житія въ назиданіе потомству. И онъ былъ до нѣкоторой степени правъ, выдвигая на общее удивленіе эти отрицательныя черты своего облика,—черты эти для его времени были рѣзко типичны, и нашъ герой,—этотъ, по удачному выраженію г. Мордовцева, „микрокозмъ нашего деморализованнаго общества“[704], чувствовалъ, что онъ—одно изъ самыхъ характерныхъ созданій своего времени.

Стоитъ перелистать томы XX—XXIII „Исторіи Россіи“ Соловьева [705],—и мы въ каждомъ томѣ найдемъ яркія страницы, которыя пестрятъ словами: „разбой“, „поджогъ“, „грабежъ“... *). Имена преступниковъ: атамановъ и простыхъ рядовыхъ разбойниковъ, воровъ профессіональныхъ и любителей: фабричныхъ, бурлаковъ, крестьянъ, солдатъ, офицеровъ,— внушительныя цифры убитыхъ и ограбленныхъ, казненныхъ, клейменныхъ, битыхъ кошками и плетьми,—вотъ, чѣмъ наполнены эти скорбные листы тогдашней бытовой исторіи; вотъ, та атмосфера, которая создала Каина...

Онъ былъ, дѣйствительно, характернымъ представителемъ своей среды, соединявшимъ въ своей личности два типа того времени: „сыщика-грабителя“ и „народнаго мошенника“ [706], — немудрено, что судьба его заинтересовала многихъ современниковъ,— что къ разсказамъ его и о немъ жадно прислушивались, ихъ записывали, пересказывали... [707]. Одинъ изъ издателей его жизнеописанія Матвѣй Комаровъ въ предисловіи къ своему изданію говоритъ слѣдующее: „я еще въ 1753 году принялъ, было, намѣреніе сдѣлать описаніе дѣлъ извѣстнаго мошенника-Каина, о которомъ *я самъ слышалъ отъ него*, будучи въ 1775 году для нѣкотораго дѣла въ сыскномъ приказѣ, въ которомъ онъ, во время бывшей объ немъ коммиссіи, содержался и *разсказывалъ все свое похожденіе бывшему тогда въ томъ же приказѣ* Ѳедору Ѳедоровичу Левшину (Каинъ, по благодѣянію секретарскому, содержался въ сыскномъ приказѣ не такъ, какъ прочіе колодники никуда изъ острога не выпускаются, но онъ, имѣя только одни на ногахъ кандалы, имѣлъ вольность ходить по двору и часто прихаживалъ въ переднія сыскнаго приказа горницы и *тутъ съ подьячими и съ бывшими иногда дворянами вольно разговаривалъ*). Но какъ бы ни остра была человѣческая память, то чрезъ осьмнадцать лѣтъ всего порядочно никакъ упомнить не можно; и для того хотѣлъ я сіе предпріятіе оставить, но въ 1774 году нечаянно *попался мнѣ маленькій списокъ* о дѣлахъ сего мошенника, которой хотя *писанъ такимъ слогомъ, какъ обыкновенно подлые люди разсказываютъ, сказки*, или какія ни есть свои похожденія, при томъ же отъ переписчиковъ учинены великія ошибки, потому что одна матерія съ другою такъ смѣшана, что едва разобрать можно; однакожъ, *по содержанію онаго надобно думать, что оригиналъ того списка писанъ или самимъ Каиномъ, или другимъ-кѣмъ, по его объявленію*; сверхъ же того, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, *имѣлъ я случай говорить*

*) См. выше стр. 667—8.

съ такими людьми, которые его довольно знали, а нѣкоторые имѣли съ нимъ знакомство и о многихъ его дѣлахъ довольное имѣли свѣдѣніе" [708].

Эти слова этого Матвѣя Комарова для насъ очень цѣнны:— 1) онъ слышалъ разсказы самого Каина и въ дошедшей до него рукописи призналъ по „подлому стилю", разсказъ самого Каина,— а—2) они свидѣтельствуютъ объ интересѣ современниковъ къ Каину: разсказы о немъ, очевидно, сохранялись, передавались изъ устъ въ уста... Любопытно, что они пережили не одинъ десятокъ лѣтъ: оказывается, въ раннемъ дѣтствѣ еще г. Мордовцевъ самъ слышалъ разсказы о Каинѣ [709], слышалъ пѣсни, связанныя съ его именемъ [710]. Слышалъ эти разсказы и г. Безсоновъ: „многочисленныя похожденія, говоритъ онъ, продѣлки и дѣянія Каина, частію записанныя, доселѣ ходятъ въ разсказахъ между народомъ [711]. Популярность Каина достигла такихъ широкихъ размѣровъ, что Соловьевъ отвелъ ему мѣсто на страницахъ „Исторіи Россіи" [712]; имя его сберeглось въ географическихъ названіяхъ мѣстностей, съ нимъ связанныхъ [713]; онъ замѣнялъ одно время Арлекина въ нашихъ народныхъ арлекинадахъ [714]; его имя сдѣлалось нарицательнымъ, и, какъ таковое, попало на страницы справочныхъ словарей [715], даже дало названіе роману, впрочемъ, ничего общаго не имѣющему съ жизнью дѣйствительнаго Каина [716].

Все это говорятъ намъ о томъ, что Каинъ не былъ личностью заурядной, что этотъ человѣкъ выразилъ собой не одни только черты своей эпохи. Для такого заключенія даютъ матеріалъ архивныя дѣла, но не даетъ ничего автобіографія,—доказательство того, что самъ Ванька Каинъ не отдавалъ себѣ отчета во всѣхъ сторонахъ своего характера. Народная память внесла его имя въ ряды своихъ историческихъ героевъ, и причины такой популярности ясны. Отразивъ свою эпоху, Ванька, вышедшій изъ народа, не въ силахъ оказался порвать связей съ его вѣковыми поэтическими настроеніями и вкусами [717].

Это послѣднее обстоятельство для насъ особенно цѣнно: наряду съ рѣзкими чертами эпохи, чертами которыми Каинъ, очевидно, бравировалъ, выставляя ихъ на показъ, онъ сохранилъ глубоко въ душѣ нѣчто другое, лучшее,—то, что онъ, повидимому, бережно скрывалъ отъ нескромнаго взора: и народъ понялъ это и оцѣнилъ въ Ванькѣ его связь съ родной почвой, сохранивъ въ своей памяти цѣлый рядъ прекрасныхъ пѣсенъ [718] и лирическихъ, и эпическихъ, которыя лю-

билъ пѣть Ванька-Каинъ, сидя въ тюрьмѣ. Нѣкоторыя пѣсни сложены про него [719], возможно, что нѣкоторыя даже имъ самимъ *).

Произведеніе, судьбой котораго мы занялись, несомнѣнно, должно быть отнесено къ „поэтическимъ“ и вычеркнуто изъ разряда „историческихъ“. Документальныя дѣла о Ванькѣ Каинѣ сохранились, и мы можемъ ими провѣрить многое изъ того, о чемъ онъ разсказывалъ въ своей автобіографіи.

Къ сожалѣнію, пока эти дѣла цѣликомъ не напечатаны, приходится довольствоваться отрывками изъ нихъ и неполнымъ пересказомъ ихъ въ статьѣ г. Есипова. Но и эта статья даетъ намъ рядъ мелкихъ данныхъ, указывающихъ на то, что, съ одной стороны, отъ „правдоподобнаго вымысла“ Ванька былъ не прочь, и что, съ другой стороны, не все считалъ онъ нужнымъ разсказывать: кое-что смягчилъ,—словомъ, къ своему матеріалу относился „мудрствуя лукаво“, и оттого далъ въ своемъ произведеніи не только Wahrheit, но и Dichtung.

Есиповъ, напримѣръ, изъ дѣлъ усмотрѣлъ, что Ванька былъ неграмотенъ, — между тѣмъ, Ванька въ своей автобіографіи не прочь щегольнуть своимъ писательствомъ: такъ изъ его словъ мы знаемъ, что онъ занимался писаніемъ виршей на воротахъ барскаго дома, откуда онъ бѣжалъ,—и на пьяномъ попѣ, которымъ былъ обвѣнчанъ. Почему приписалъ себѣ Ванька знаніе того, что̀ было ему невѣдомо?.. Вѣроятно, потому, что никогда не встрѣчалъ онъ въ народной поэзіи и сказкѣ, и пѣснѣ, и былинѣ—молодца, который оказался бы неграмотнымъ,—всѣ они, обыкновенно, заявляютъ о себѣ на придорожныхъ столбахъ, у перепутья трехъ дорогъ,—или шлютъ вѣсточки о себѣ на каленой стрѣлѣ изъ тугого лука... Ванька щегольнулъ грамотой, потому что его живой разсказъ, много разъ имъ повторяемый, въ его же устахъ отливался, мало по малу, въ формы поэтическаго произведенія, сблизился съ народнымъ эпосомъ и заимствовался у него нѣкоторыми литературными пріемами. Такимъ пріемомъ было и „писательство“ Каина.

Есиповъ изъ дѣлъ извлекъ показанія, что женатъ Каинъ былъ на солдатской вдовѣ,—Каинъ же разсказываетъ намъ о дѣвицѣ... Почему здѣсь произошла замѣна „вдовы“ „дѣвушкой“?.. Опять, какъ намъ кажется, вслѣдствіе желанія, быть можетъ, инстинктивнаго, стать поближе къ народной поэзіи, гдѣ постоянно женятся добры молодцы на „красныхъ дѣвицахъ“, и гдѣ почти нѣтъ мѣста „вдовѣ“...

---

*) См. подробнѣе въ моей работѣ: „Изъ исторіи русской литературы XVIII в. (Изв. Отд. р. яз. и слов. т. VII, кн. 2).

Кромѣ того, въ автобіографіи бросается въ глаза также искусственная группировка нѣкоторыхъ событій. Ванька убѣжалъ изъ господскаго дому, и, конечно, о томъ, что случилось въ домѣ *до побѣга* онъ прекрасно знаетъ; на свободѣ онъ гулялъ только конецъ ночи и утромъ уже оказался на цѣпи у своего хозяина. Когда же было совершено убійство ландмилицкаго солдата, о которомъ ему разсказала дѣвушка, кормившая медвѣдя?.. Вѣроятнѣе всего, что объ этомъ сообщала ему не дѣвушка, а зналъ онъ самъ и, можно думать, самъ принималъ въ этомъ дѣяніи активное участіе, — иначе зачѣмъ было ему, на вопросъ Салтыкова, принималъ ли онъ участіе въ убійствѣ, отвѣчать такъ: „какой на господинѣ мундиръ, такой и на холопѣ одинъ“ и пр. Должно быть, это убійство показалось ему самымъ удобнымъ моментомъ для бѣгства, такъ какъ онъ не ожидалъ, что его хозяинъ, запутанный въ преступленьи, станетъ преслѣдовать его,—своего сообщника...

Что же касается до вопроса, былъ-ли убійцей Ванька-Каинъ, то надо сознаться, что отъ многихъ его остротъ и шалостей пахнетъ кровью. Только онъ объ этомъ старательно замалчивалъ и въ своей повинной, гдѣ онъ прямо заявилъ, что „на разбояхъ нигдѣ не бывалъ“,—и въ автобіографіи, въ которой было бы неэстетично говорить о пролитой крови. Между тѣмъ, если мы вдумаемся въ смыслъ сценки, разыгравшейся на дворѣ попа, когда Камчатка ударилъ звонаря „лозой, что воду носитъ“,—прочиталъ ему довольно обстоятельную нотацію и затѣмъ спокойно обшарилъ съ Ванькой весь поповскій домъ, — мы поймемъ, что сторожъ, а быть можетъ, и другіе въ домѣ были убиты.

То же самое и съ докторомъ Гелвихомъ... Ванька разсказываетъ, какъ онъ цѣломудренно прикрылъ доктора и докторшу одѣяломъ, какъ онъ положилъ между ними связанную дѣвку, какъ съ Камчаткой они все ломали, уносили, приговаривая: „бей во всѣ, колоти во всѣ“,—мы поймемъ, что и докторъ, и докторша прикрыты были Ванькой потому, что были предварительно зарѣзаны *).

А на Волгѣ, когда Ванькѣ пришлось штурмовать заводы и села,—тоже все сошло благополучно, безъ одной смерти?.. Нѣтъ, кровь была на совѣсти Ваньки, но онъ чувствовалъ, что ей не мѣсто въ его веселой автобіографіи. Оттого онъ не помѣщаетъ сюда и разсказа о томъ, какъ „обезславилась дѣвица“, обманутая

---

*) У Комарова есть подстрочное примѣчаніе: „нѣкоторые говорятъ, будто, Каинъ сего доктора съ женою зарѣзалъ“.

его ловкостью, какъ онъ скралъ молоденькую дочь у солдата, какъ два года держалъ свою невѣсту въ тюрьмѣ, какъ отнималъ дѣтей у раскольниковъ и требовалъ выкупа, какъ предалъ своего друга Камчатку: славѣ отвратительнаго преступника, онъ предпочиталъ славу „веселаго вора", — ради нея онъ затушевывалъ вокругъ себя все мрачное и собиралъ одно веселое... Быть можетъ, онъ даже собралъ вокругъ себя циклъ воровскихъ анекдотовъ: иначе трудно допустить, чтобы даже въ то время, удобное для воровъ, были возможны продѣлки, слѣдующія такъ быстро, одна за другою, длинной, непрерывной цѣпью,—вѣрнѣе, здѣсь мы видимъ или искусственную группировку событій, или привлеченіе къ своей личности событій, случившихся съ другими...

Конечно, провѣрить такое предположеніе нѣтъ возможности, хотя бы потому, что „воровской" эпосъ, несомнѣнно, въ то время процвѣтавшій и, вѣроятно, прозябающій и донынѣ въ грязныхъ и темныхъ притонахъ — вниманія собирателей на себя до сихъ поръ не обратилъ, а потому мы совершенно незнакомы съ его мотивами, — но, по аналогіи, нетрудно допустить въ творчествѣ Каина наличности и вымысла, и искусственной группировки фактовъ, и даже присвоенія себѣ чужихъ подвиговъ.

Оттого, повторяю, нѣкоторыя изъ его приключеній словно искусственно созданы (напр., разгромъ амбара Филатьева, прятанье награбленнаго въ грязь, кража коляски, кража женскаго платья, переодѣваніе бабы барыней и увозъ награбленнаго изъ грязи; или: бѣгство Каина отъ солдатъ, мимоходомъ продѣлка съ мурзою, свиданіе съ товарищами, снова бѣгство отъ солдатъ, спасеніе въ торговой банѣ, бѣгство нагишомъ на гауптвахту, обманъ властей, добыча паспорта и пр.), — быстрая послѣдовательность и связность ихъ прямо подозрительна.

Несомнѣнно, умолчалъ Ванька также и о томъ, что̀ нарушило бы въ его разсказѣ ту сказочную удачливость и ловкость, которыми онъ намѣренно хотѣлъ себя окружить. Если онъ нѣсколько разъ и повѣствуетъ о томъ, какъ попадалъ въ руки властей, то вѣдь это разсказывалось имъ для того, чтобы похвастаться той ловкостью, съ какою онъ умѣлъ уходить отъ рукъ правосудія... Когда похвалиться нечѣмъ, Ванька предпочитаетъ молчать,—такъ онъ ничего намъ не говоритъ о томъ, какъ онъ жестоко поплатился за свои самоуправства, — объ этомъ говорятъ намъ документы... Кажется, онъ не говоритъ намъ правды и о томъ, какъ онъ велъ себя въ „немшоной банѣ",—между тѣмъ, трудно повѣрить ему, что онъ шутилъ и тогда... Для чего же онъ разсказываетъ о своихъ

шуткахъ? — чтобы цѣльнѣе предстала его личность, чтобы выдвинуто было въ ней все характерное, отодвинуто все то случайное, что мѣшаетъ уясненію господствующей идеи этого образа... Словомъ, передъ нами въ наличности всѣ пріемы художественнаго творчества, одинаково присущіе и народному, и литературному эпосу.

Главная особенность автобіографіи Каина — изумительная эпичность разсказа,—черта, казалось-бы, менѣе всего присущая мемуарамъ, а особенно автобіографіямъ... Субъективизма, обычнаго этимъ жанрамъ, нѣтъ въ жизнеописаніи Каина: никого онъ не пускаетъ въ интимную сторону своей жизни,—ее онъ скрываетъ отъ всѣхъ, безстрастно, подробно рисуя себя лишь такимъ, какимъ онъ былъ, или *хотѣлъ* быть передъ шумною толпой, — на аренѣ житейской сутолоки... Спокойно развертываетъ Каинъ передъ изумленнымъ читателемъ длинный свитокъ своихъ позорныхъ дѣяній и ниразу не пытается онъ намъ открыть свои мысли, свои чувства, — ниразу не старается овладѣть чувствами и мыслями зрителя,—онъ безучастно приводитъ только факты, одни факты... Правда, три раза слабо пробились его чувства сквозь эту кору безучастія: онъ сознался, что ему было „стыдно“ [720], когда священникъ не захотѣлъ его вѣнчать,—проговорился онъ также, что „испугался“ предстоящихъ пытокъ [721]; что передъ побѣгомъ изъ тюрьмы онъ „для смѣлости“ выпилъ красоулю... [722]. Кромѣ этихъ мѣстъ, не увидимъ мы у него ни одного проблеска чувства... Ничего не говоритъ онъ намъ, что чувствовалъ въ первую ночь свободы, сидя одинъ подъ мостомъ и размышляя о той рѣчи, которою привѣтствовалъ его одинъ изъ воровъ [723]; спокойно повѣствуетъ онъ намъ, какъ, попавшись въ руки разъяреннаго хозяина, „старую свою пѣсню“ запѣлъ, сказалъ „слово и дѣло“ [724],—какъ очутился въ „немшоной банѣ, гдѣ людей вѣсятъ, сколько кто потянетъ“ [725]... Такъ же эпически-простъ и спокоенъ его разсказъ о томъ, какъ нижегородскіе купцы, поймавъ его и „раздѣвъ, стали бить желѣзной сутугой, притомъ наложили на шею монастырскія четки“ [726]; послѣ пытокъ Ванька такъ же невозмутимъ: „здѣсь въ полиціи,—замѣчаетъ онъ,—баня дешева, стойка по грошу, лежанка по копейкѣ“ [727]. Самое крупное событіе въ жизни Ваньки,—переходъ изъ разбойниковъ на роли сыщика разсказанъ имъ съ тою-же безоблачною невозмутимостью: „ходилъ по Москвѣ, говоритъ онъ, и провѣдывалъ воровъ и разбойниковъ, гдѣ кто пристанище имѣетъ и вздумалъ о себѣ, гдѣ надлежитъ объявить, а помянутыхъ воровъ переловить“ [728], — и

больше ничего! ни одного слова въ свое оправданіе, никакой мотивировки!.. Даже разсказъ Ваньки о своей любви все такъ-же объективенъ,—сохраняетъ все тотъ-же безстрастный колоритъ,—словно, это разсказъ о какомъ-то постороннемъ, далекомъ человѣкѣ... [729]. Съ начала своего повѣствованія: „Я, Иванъ Осиповъ, по прозванію Каинъ, родился во время царствованія Государя Императора Петра Великаго въ 1714 году, отъ подлыхъ родителей“ [730]—до конца: „...вырвавши ноздри сосланъ на каторжную работу, въ Рогервикъ, что̀ нынѣ зовется Балтійскій портъ, на холодныя воды, отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ, гдѣ и нынѣ нахожусь“ — до этого эффектнаго конца [731] его разсказъ всегда одинаково ровенъ, безстрастенъ, эпиченъ...

Будетъ-ли онъ разсказывать о чужихъ страданіяхъ, онъ, конечно, тѣмъ болѣе не сойдетъ ни на минуту съ высоты своего эпическаго безстрастія. Припомнимъ, хотя-бы, тонъ его разсказа о дѣвушкѣ, которую вели топить [732]. Въ этомъ разсказѣ не только не дрожитъ ни одной нотки состраданія, но даже и смѣха не слышится... Ванька съ пріятелемъ освобождаютъ несчастную,—и опять разсказъ Каина такъ же ровенъ, такъ же скрываетъ внутренній міръ разсказчика, его затаенныя побужденія... Что̀ заставило его вступиться за женщину? проблески ли гуманнаго чувства, или жажда приключеній, или просто позывъ подраться, и этимъ занять неугомонныя руки?.. Просто и коротко сказано въ автобіографіи: Камчатка ударилъ „гостинцемъ“ (кистенемъ) по головѣ одного изъ провожатыхъ дѣвушки, другіе убѣжали, — вотъ и все!..

Припомнимъ его постоянный припѣвъ, которымъ заключаетъ онъ свои разсказы о поимкѣ воровъ и разбойниковъ: „тогда же ихъ въ немшоной банѣ взвѣсили, и кто изъ нихъ болѣе потянулъ, узнали“ [733]—или: „отослали въ Стукаловъ монастырь, гдѣ поговорили съ нимъ противъ шерсти“ [734]—или: „привезенъ въ немшоную баню, гдѣ его взвѣсили, а сколько вѣсу въ немъ оказалось, того знать мнѣ было не можно“ [735].

Почему-же авторъ „автобіографіи“,—жанра, коему наиболѣе присущъ субъективизмъ, поднялся въ своемъ произведеніи на высоту какого-то безличнаго эпическаго творчества?

Думается мнѣ, что разгадка этой тайны заключается въ томъ, что самъ Ванька былъ недостаточно индивидуаленъ... Онъ принадлежалъ къ группѣ героевъ *стихійныхъ*,—героевъ, которые только выражаютъ настроенія, чувства массы, которые, благодаря силѣ воли, бо̀льшей впечатлительности, талантливости, являются

„собирательными личностями“, „коллективнымъ типомъ“, въ которомъ выражаются чувства, мысли, міровоззрѣнія массъ. Это — герои *безличные, пассивные* — противоположность тѣмъ героямъ *личнымъ, активнымъ*, въ которыхъ именно сильна индивидуальность, которые, поэтому, не идутъ, окруженные толпой туда, куда идетъ она, а идутъ отдѣльно отъ толпы, а часто и противъ нея... Тогда они сталкиваются съ нею и нерѣдко погибаютъ... Такими „личными“, „активными“ героями были у насъ, по отношенію къ огромной массѣ русскаго люда, *до нѣкоторой степени* Петръ Великій, Посошковъ,—„безличнымъ“ героемъ можетъ быть названъ, хотя бы, протопопъ Аввакумъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, собралось все сильное, характерное, типичное русскаго раскола. Народное творчество особенно любитъ такихъ героевъ, около нихъ оно творитъ легко, ихъ оно понимаетъ и цѣнитъ цѣликомъ съ ногъ до головы: Илья Муромецъ, Василій Буслаевичъ, вотъ, характерные результаты народнаго творчества около такихъ „безличныхъ“, „стихійныхъ“ героевъ.

Конечно, Каинъ былъ крупной фигурой въ свое время, но это — фигура чисто-эпическаго склада: въ немъ все обще съ идеями и чувствами того круга, который вызвалъ его къ существованію.

Говорятъ, онъ преклонялся передъ Петромъ Великимъ, какъ передъ сильною личностью,—но, конечно, для него образъ Петра былъ недосягаемъ въ такой же степени, какъ и широкій размахъ разбойничьяго житія на Волгѣ... Возможно, что и себя старался онъ въ своемъ разсказѣ выставить именно, какъ личность, но это ему совершенно не удалось,—нашъ Ванька—герой безвременья: онъ очутился на самомъ переломѣ отъ толпы къ личности,—оттого въ лирикѣ не возвысился онъ до личнаго творчества, оттого въ своемъ разсказѣ не могъ возвыситься онъ и надъ „эпосомъ безличнымъ“, былиной, сказкой до „эпоса личнаго“—до романа въ его полной выработанной формѣ.

Его произведеніе все заковано въ общія эпическія формулы. Самый образъ „веселаго вора“—образъ, выношенный народной сказкой: въ произведеніяхъ народнаго творчества почти нѣтъ мѣста яркому крупному преступленію, зато широкій просторъ предоставленъ разнымъ плутовскимъ продѣлкамъ воровъ, солдатъ, цыганъ, москалей... Ванька не въ силахъ былъ выбиться изъ подъ вліяній народнаго эпоса и потому въ своей автобіографіи невольно унизилъ себя до мелкаго плута. Даже начало его „признанія“—лишь варіація общаго мѣста, встрѣчающагося во многихъ разбойничьихъ

дѣлахъ XVIII в. „Что до услугъ моихъ принадлежало, говоритъ Каинъ, то со усердіемъ должность мою отправлялъ, токмо, вмѣсто награжденія и милостей, несносные отъ него побои получалъ“... Оказывается, эта фраза—обыкновенное введеніе къ разбойничьимъ признаніямъ XVIII-го вѣка: пойманные разбойники постоянно показываютъ на допросахъ, что служилъ-де у своего господина съ усердіемъ, но только бывалъ отъ него, невѣдомо за что, истязуемъ, а пить, де, ѣсть было нечего, обуться, де, одѣться не во что, отчего, де, босикомъ по морозу хаживалъ, а для своего прокормленія у сосѣдей куски стаскивалъ, а, наконецъ, де, не стерпя тяжкихъ побой, ушелъ изъ дому,—жилъ гдѣ-день, гдѣ ночь, питался милостыней и присталъ затѣмъ къ атаману Гаврилѣ Букову, или Ивану Брагину“...

Прощальная надпись на воротахъ — тоже чисто-эпическій пріемъ: мошенника-балагура, обыкновенно, тянетъ расчеркнуться при случаѣ: „Иванъ Бѣлой, писалъ рукой смѣлой“ или: „писано въ кабакѣ, сидя на сундукѣ“ [736].

Самый стиль Ваньки скованъ народными пословицами, воровскими прибаутками... Иногда изъ этихъ выраженій получается цѣлая цѣпь общихъ формулъ, за которыми совершенно меркнетъ личность Ваньки. Для примѣра, возьмемъ, хотя бы, отвѣтъ его Салтыкову: „какой на господинѣ мундиръ, такой и на холопѣ одинъ; Сидоръ да Карпъ въ Коломнѣ живетъ, а грѣхъ да бѣда ка кого не живетъ; вода чего не поймѣтъ, а огонь и попа сожжетъ“ [737]. Такова и приведенная выше привѣтственная рѣчь, сказанная Ванькѣ подъ мостомъ [738].

Поговорки и пословицы всегда къ услугамъ Ваньки, когда ему приходится изобразить свое настроеніе, или чувства,—т. е. какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда легче всего и свободнѣе выражается личность человѣка. Ванька невольно прикрываетъ ее общими формулами,—говоритъ языкомъ народа, или воровской шайки, и никогда не возвышается до своего собственнаго.

Когда, напримѣръ, ему хочется выразить восторгъ разгулявшагося громилы, который, сдѣлавшись господиномъ положенія, въ буйномъ порывѣ грабежа, все ломаетъ, хватаетъ, уноситъ,—Ванька Каинъ восклицаетъ: „бей во всѣ, колоти во всѣ и того не забудь, что и въ кашу кладутъ“ [739]—или: „тяпъ да ляпъ клѣтка, въ уголъ сѣлъ—и печка“ [740]. Изъ другихъ прибаутокъ, отмѣчу, напр., слѣдующія: „только и ходу, что изъ воротъ да въ воду“ [741], „наши вислоухи во дворѣ сторожки; а ты будь сыта грибами, и держи языкъ за зубами“ [741], „вотъ тебѣ луковка-попова, облуплена готова; знай-почитай, а умру—поминай“ [742], „на одной недѣлѣ четверга четыре; а деревенскій мѣсяцъ съ недѣлью десять“ [743], „увидится со мной на послѣднемъ ночлегѣ, какъ буду ѣхать въ телѣгѣ“ [744], „здѣсь въ полиціи баня дешева,—стойка по грошу, лежанка по копейкѣ“ [745].

Еще болѣе связанъ Ванька фигуральными выраженіями воровскаго жаргона: „проселочная дорога“ [746] (= черезъ заборъ), „лоза, что̀ воду носятъ“ [747] (= коромысло), „черная работа“ [748] (= воровство, грабежъ), „холодная изба“ [749] (= колодезь), „немпоная баня“ [750], „стукаловъ монастырь“ [751], „деревянные кнуты“ [752] (= цѣпы), „персидскій коверъ, что̀ соль вѣсятъ“ [753] (= рогожный кулы), „мелкая раструска“ [754] (= погоня), „тронуть обухомъ“ [755] (= взломать), „монастырскія четки“ [756] (= кандалы), „каменный мѣшокъ“ [757] (= тюрьма), „походъ“ [758] (= отправленіе на кражу), „гостинецъ“ [759] (= кистень), „вздуть виногъ“ [760] (зажечь огонь), „сушить“ [761] (= пытать огнемъ), „пошевелиться“ [762] въ покояхъ (= пограбить комнату), „подуть въ ухо“ [763] (= пытать), „товаръ съ безумнаго ряду“ [764] (= водка), „сырой“ (= пьяный), „писать лѣвой рукой“ (= тайно сообщить).

Къ остротамъ, чисто-воровскимъ, относятся такія: „каменный мостъ, гдѣ воришкамъ былъ погостъ“ [765], „шелковый затонъ, гдѣ ворамъ былъ немалый притонъ“ [766], „въ тотъ мѣшокъ спрятать, чтобъ никто не нашелъ“ [767] (= утопить), „полетѣлъ коршунъ за море“ [768] (= т. е. укралъ и скрылся)... Таковы-же воровскія рекомендаціи: „я—купецъ, гдѣ что̀ ни увижу, то куплю, а ежели увижу дешевое, то и ночь не сплю“ [769], „мы—купцы для пропалыхъ вещей“ [770], мы—„Донскіе казаки, а какъ увидимъ деньги, такъ не подержутъ ихъ никакіе замки“ [771], „я—ни воръ, ни тать, только на ту же стать“ [772].

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ автобіографіи встрѣчаемся мы съ настоящимъ „воровскимъ языкомъ“, понять который безъ приложенныхъ въ скобкахъ объясненій, было бы невозможно. „Тріока качь ѣла, стромыкъ сверлюкъ страктирила“ [773] (т. е. тутъ ключи въ калачѣ для отпиранія цѣпи), „у Ивана въ лавкѣ по два гроша лапти“ [774] (т. е. нельзя ли изъ подъ караула уйти?), „чай-примѣчай, куда чайки летятъ“ [775] (т. е. такъ же, какъ и товарищъ, время къ побѣгу хочу набрать), „овинъ горитъ, а молотильщики обѣдать просятъ“ [776] (т. е. надо подарить секретаря и повытчика), „шасть на кабакъ, дома-ли чумакъ, вѣритъ-ли на деньги, вѣритъ-ли въ долгъ“ [777] (предупрежденіе о засадѣ), „когда малъ нахалъ, такъ и дульясъ погасъ“ [778] (т. е. никто не шевелись!).

Приведенные образцы „языка“ Ваньки Каина, вѣроятно, ему не принадлежатъ, — это, по бо̀льшей части, ходячія выраженія, перелетавшія изъ устъ въ уста—это общее достояніе, которымъ свободно распоряжался Ванька... [779]. Къ сожалѣнію, русская пословица и прибаутка такъ мало у насъ изучены, что выдѣлить изъ приведенныхъ образцовъ то, что̀ принадлежитъ народу, что̀ Ванькѣ, пока прямо немыслимо. Но если и здѣсь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мы имѣемъ дѣло съ творчествомъ Ваньки, то оно настолько безлично, настолько подчинено вкусамъ народа, или преступныхъ слоевъ народа, что опять-таки уловить его невозможно.

Гораздо свободнѣе Ванька въ слѣдующихъ остротахъ: „затѣмъ поторопился, чтобъ онъ отъ сна не пробудился“ [780], „...я тебя ночью немножко окравши, попугалъ и то для того, чтобъ ты долго не спалъ“ [781], „по прошествіи ночи, по утру, въ полицію меня предста-

вилъ, гдѣ къ той же пѣснѣ еще голосу я прибавилъ: ибо оная для ночи не вся была допѣта, потому что дожидался я свѣта“ [782], „согнулся дугой и сталъ, какъ другой,—будто и не я; почему не призналъ онъ меня“ [783], „люди-ли то были, или дьяволы съ нимъ говорили и говядины лишили...“ [784], „что̀ было, обобрали, чтобъ впредь такъ крѣпко не спали“ [785], „взяли денегъ безъ счету, а посуды безъ вѣсу, которыя отослали къ лѣсу“ [786] и под... Въ этихъ выраженіяхъ сказался юморъ Капна по поводу отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ его жизни, а потому мы, съ нѣкоторымъ правомъ, можемъ приписать ихъ уже вполнѣ Капну. Особенность ихъ знакомитъ насъ съ характернѣйшей чертой стиля Ваньки, — съ его стремленіемъ закруглять свои предложенія и заканчивать ихъ звонкой риѳмой. Порой его разсказъ сбивается на риѳмованную прозу, иногда даже на вирши. Напр.:

„Атаманъ, услыша, закричалъ,
Чтобъ къ ружью скоро бросались
И на заводъ метались...
Тотчасъ ружья и сабли похватали
И на тотъ заводъ побѣжали“ [787].

Но и эта прелесть риѳмованныхъ окончаній, до того увлекшая Капна, что онъ иногда не можетъ устоять даже передъ очень сомнительнымъ созвучіемъ,—опять не имъ была впервые оцѣнена... Это—языкъ веселыхъ скомороховъ, разскащиковъ изъ „подлыхъ людей“ [788],—языкъ юмористовъ еще XVII-го вѣка, сохранившійся не только въ народныхъ пословицахъ, веселыхъ прибауткахъ, но и во многихъ старинныхъ рукописныхъ и лубочныхъ произведеніяхъ [789], въ шутливой бытовой сказкѣ [790]; встрѣтимъ мы его и въ литературныхъ произведеніяхъ, изображающихъ старый бытъ: напр., въ веселыхъ шуткахъ пушкинскаго старца Варлаама („Литва ли Русь-ли, что̀ гудокъ, что̀ гусли,—все намъ равно, было бы вино... да вотъ и оно!“, „выпьемъ чарочку за шинкарочку“, „пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ“), въ пушкинскихъ пробахъ переложить стихами народную сказку, въ прибауткахъ шутовъ и разбойниковъ у Островскаго [791], — словомъ вездѣ, гдѣ дѣйствуютъ „подлые“ люди стариннаго пошиба, разные веселые воры и скоморохи-остряки, не порвавшіе связи съ народомъ *)... И теперь еще балаганные „дѣды“, изъ году въ годъ, выкрики-

*) Выше мнѣ приходилось отмѣчать наличность такого стиля въ повѣстяхъ Новикова (вып. II стр. 672). Встрѣчались мы съ нимъ еще въ сочиненіяхъ Чулкова: „Пригожая повариха“ (вып. I стр. 626 и др.), въ его „Русскихъ сказкахъ“ (сказки о ворахъ), въ сборникѣ Друковцева: „Сава“, въ сборникѣ: „Старичокъ-Весельчакъ“ и мн. др. Въ рукописяхъ начала XVIII-го столѣтія, представляющихъ собою переложеніе въ вирши фацецій, употребляется та же рубленая риѳмами проза.

ваютъ риѳмованныя остроты этого-же типа на потѣху русскому люду... Такимъ образомъ, и характеръ остроумія Ваньки такъ же мало принадлежитъ ему лично, или, вѣрнѣе, принадлежитъ ему настолько же, насколько и всему русскому народу...

Изъ остротъ Ваньки надо назвать, впрочемъ, нѣсколько, которыя, пожалуй, могутъ быть приписаны цѣликомъ ему; это — напр.: „тому скажу, кто на томъ стулѣ сидитъ, на которомъ собачки вырѣзаны“ [792] (т. е. „судьѣ“)—„билъ меня дощечкой, которую на бумагу кладутъ“ [793] (т. е. „линейкой“), „человѣкъ, который по ночамъ въ доску гремитъ“ [794] (т. е. „сторожъ“), „человѣкъ, который въ колоколъ рано звонитъ“ [795] (т. е. „звонарь“) и под. Но этотъ излюбленный Ванькой способъ говорить описательно, едва-ли въ его автобіографіи далъ образцы остротъ высокой пробы.

Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ насъ видѣть въ автобіографіи Каина эпическое, почти народное произведеніе. Народность его сказалась не только въ пріемахъ творчества, не только въ обиліи народныхъ выраженій, но и въ самомъ построеніи: Безсоновъ совершенно справедливо характеризуетъ ея архитектонику слѣдующимъ образомъ: „Удалите только эти—*гдѣ, почему, который, когда* и т. п., или этотъ искусственный, внѣшній для основы, синтаксисъ фразировки,—и вы получите основу почти совершенно народную и устную, такую, какая могла только зародиться и существовать въ половинѣ XVIII-го вѣка,—сама просится въ стихи и легко въ нихъ переходитъ. Прибавьте къ ней оттѣнки книжной рѣчи,—и передъ вами писанная повѣсть; уснастите ее помянутыми частицами, мѣстоименіями и всякой пересыпкою,—чувствуете, что записывалъ и отдѣлывалъ ее подъячій, судейскій“... [796].

Прежде всего, появился въ свѣтъ краткій разсказъ о жизни Ваньки Каина, сдѣланный, очевидно, съ его словъ, какимъ-нибудь изъ его многочисленныхъ слушателей, любителей его разсказовъ:

I) „*О Ванькѣ Каинѣ, славномъ ворѣ и мошенникѣ, краткая повѣсть*“. Печатана 1775 года, 8°, 30 стр., одна страница поправокъ и гравированный портретъ (Соп. 8392, Смирд. 2913, Губ. II, № 46, прим. 3). — *Обозначаю эту редакцію буквою: „А.“*

Извѣстны три перепечатки этого изданія:

a) „*Исторія Ваньки-Каина со всѣми его сысками, розысками и сумазбродною свадьбою*“. Спб. 1815. 8°, 32 стр.

b) подъ тѣмъ-же заглавіемъ, въ Спб. 1817; у Гр. Книжника (Геннади) изд. это не указано (нах. въ Библ. Истор. Музея. Собр. Щапова, № 8916).

c) подъ тѣмъ-же заглавіемъ. Спб. 1820. 12°, 33 стр.

Вторымъ, по времени, было изданіе „автобіографіи“ Каина:

II) „Жизнь и похожденіе россійскаго Картуша, именуемаго Каина, извѣстнаго мошенника, и того ремесла людей сыщика, за раскаяніе въ злодѣйствѣ получившаго отъ казни свободу, но за обращеніе въ прежній промыселъ сосланнаго вѣчно на каторжную работу, прежде въ Рогервикъ, а потомъ въ Сибирь, писанная имъ самимъ при Балтійскомъ портѣ въ 1764 году“. Въ Спб. 1777, 12⁰, 80 стр. (*Обозначаю эту редакцію буквою: „C“*). Это изданіе не указано ни въ одной библіографіи; нашлось оно въ библіотекѣ Историческаго Музея (Собр. Щапова, № 7704) и въ библ. П. А. Ефремова.

Перепечатывалось его изданіе:

a) подъ тѣмъ-же заглавіемъ въ 1786, Спб., 12⁰, 77 стр. (Соп. 4014; Смирд. 2914), а съ этого послѣдняго,—

b) *„Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ разсказанная“*. Новое изданіе Григорія Книжника“. Спб. 1859, текстъ 82 стр. + библіографія 10 = 92 стр.

Затѣмъ въ 1779-омъ году выпустилъ свое „сочиненіе“ М. Комаровъ (иногда эта фамилія пишется: Камаровъ):

III) „Обстоятельное и вѣрное описаніе добрыхъ и злыхъ дѣлъ россійскаго мошенника, вора, разбойника и бывшаго московскаго сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странныхъ похожденій, сочиненное М. К., въ Москвѣ 1775 года“. Печатано въ Спб. 1779 года. Предувѣдомленіе 6 стр. + 104 стр. (изданіе, не отмѣченное ни въ одной библіографіи и находящееся въ Имп. П. Библ. (*Обозначаю эту редакцію буквою: „B“*).

Въ томъ-же году была издана эта книга, съ присовокупленіемъ жизнеописанія Картуша и 47 пѣсенъ Каина, подъ слѣдующимъ измѣненнымъ заглавіемъ:

„Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ: перваго россійскаго славнаго вора, разбойника и бывшаго московскаго сыщика Ваньки Каина, со всѣми его сысками, розыскими, сумазбродною свадьбою, забавными разными его пѣснопѣніями и портретомъ его. Втораго— французскаго мошенника Картуша и его сотоварищей. Спб. 1779. 8⁰, 8 + 232 стр. (Соп. 4699, Губерти II, 12). Пѣсенъ 47 №№.

Это сочиненіе перепечатывалось нѣсколько разъ:

a) подъ тѣмъ-же заглавіемъ. М. 1788. 8⁰ (Соп. 4700; См. 2917; Губ. II 126).

b) подъ тѣмъ-же заглавіемъ. Третьимъ тисненіемъ. Спб. 1793, 8⁰, 375 стр. (изданіе, не отмѣченное въ библіографіяхъ, находящееся въ библ. Ак. Наукъ $\frac{\text{VIIa}}{70}$ и въ библ. П. А. Ефремова).

c) *„Обстоятельная и вѣрная исторія россійскаго мошенника, славнаго вора, разбойника и бывшаго Московскаго сыщика Ваньки-Каина, со всѣми его сысками, розысками, сумазбродною свадьбою и разными забавными его пѣснями и его сотоварищей“*... Четвертымъ тисненіемъ... Спб. 1793. 12⁰, 240 стр. съ портр., экз. изъ библ. г. Книжника (Геннади) („Жизнь В. К.“ 1859, 86 стр.); имѣется также въ библ. Истор. Музея (собр. Щап. № 14704) и въ библ. г. Ефремова.

d) Подъ тѣмъ-же заглавіемъ, что въ 1779 г. („Обстоятельныя и вѣрныя...“) изд. въ *М. 1794*, 8⁰ 797, VIII, 398 стр. Пѣсенъ 64, съ портр. и двумя

рис. (Соп. 4702; См. 2917; Губ. II. 187). На экземплярѣ обозначеніе: „третье тисненіе“ См. экз. Истор. Муз.—собр. Щап. № 611 б). У Соп. № 4701; *Спб. 1794*, 8° показано изд. третьимъ,—№ 4702; *М. 1794 въ 12°* изданіемъ четвертымъ.

Другая, лучшая редакція автобіографіи вышла въ 1782 году:

[17] „Исторія славнаго вора, разбойника и бывшаго московскаго сыщика Ваньки Каина, со всѣми его обстоятельствами, разными и любимыми пѣснями, писанная имъ самимъ при Балт. портѣ въ 1764 году“. 1782, 12°. 105 стр. и портретъ; 20 пѣсенъ (изданіе, отмѣченное впервые Губерти (II. № 46) и находящееся въ библіотекѣ Остроглазова, нынѣ Вл. И. Рогожина). (*Обозначаю эту редакцію буквою: „C²“*).

Перепечатывалось это изданіе нѣсколько разъ:

a) подъ тѣмъ-же заглавіемъ. 1788, 8°. 96+60 стр.—50 пѣсенъ. б. о. м.

b) подъ тѣмъ-же заглавіемъ. М. 1792, 8°. 159 стр. (96+[illegible] стр.)—50 пѣсенъ.

c) подъ тѣмъ-же заглавіемъ 12° б. о. м. и г. 168 стр. 50 пѣсенъ (Смирд. 2915).

d) подъ тѣмъ-же заглавіемъ. 8°. 166 стр. безъ мѣста и года печати 49 пѣсенъ.

У Сопикова (4808) есть еще указаніе на изданіе: «*Исторія о славномъ Россійскомъ ворѣ, разбойникѣ и потомъ бывшемъ сыщикѣ Ванькѣ Каинѣ*». (М. 1785), съ указаніемъ, что это сочиненіе «неоднократно вновь было издаваемо». Вѣроятно, мы имѣемъ дѣло съ неточнымъ названіемъ втораго вида автобіографіи. Изъ всѣхъ этихъ перечисленныхъ изданій, всѣ *первыя* изданія представляютъ изъ себя такую библіографическую рѣдкость, что мы не встрѣтили ихъ въ петербургскихъ книгохранилищахъ: ни въ Имп. Публ. Библ., ни въ Библ. Имп. Ак. Наукъ [798].

Особенный интересъ представляютъ автобіографіи Ваньки Каина (C^1 и C^2); изъ нихъ бо́льшею полнотою текста отличается вторая редакція (C^2), изданная въ 1782, 1788, 1792 и др.,—въ редакціи C^1 мы имѣемъ текстъ менѣе полный, и стиль ея менѣе обработанъ, что, впрочемъ, можетъ свидѣтельствовать о близости этой редакціи къ стилю разсказовъ самого Каина.

Самое значительное различіе—въ заключеніи обѣихъ редакцій,—тогда, какъ C^1 доводитъ до конца автобіографію *отъ имени Каина*, въ C^2 мы видимъ уже разсказъ стороннаго лица о Каинѣ.

C^1:.. выпущенъ на волю. Полиціймейстерской Канцеляріи подъячій Николай Будаевъ просилъ на меня въ увозѣ жены его, почему я призванъ былъ въ Полицію, въ которой г. полиціймейстеръ Татищевъ приказалъ отдать меня подъ караулъ.

На другой день взялъ меня передъ себя, приказалъ подать кошекъ.

C^2:.. выпущенъ на волю. По прошествіи каждой зимы весною по вскрытіи рѣкъ, когда прихаживали въ Москву изъ Низовыхъ городовъ съ хлѣбомъ и прочимъ струги, то Каинъ, выѣзжая отъ Москвы за нѣсколько верстъ оные останавливалъ и пересматривалъ у бурлаковъ пашпорты, въ числѣ которыхъ много

чего я испугавшись, сказалъ за собой: *Слово и Дѣло;*—почему отосланъ былъ въ канцелярію, гдѣ посмирнѣе говорятъ, въ которой учиненные много послѣ моего раскаянія вышеописанные непорядки въ бытность сыщикомъ, графу Александру Ивановичу Шувалову показалъ, отъ чего произведена была комиссія; а по окончаніи оной, отправленъ я въ Рогервикъ, или Балтійскій Портъ, то есть на холодныя *воды, отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ,* гдѣ и нынѣ нахожусь [799].

нахаживалъ бурлаковъ бѣглыхъ съ воровскими пашпортами только никогда почти ихъ не приводилъ, куда надлежитъ, но, взявъ съ нихъ и съ ихъ хозяина подарки, оставлялъ на тѣхъ стругахъ. Сіе то подало причину къ сочиненію о Каинѣ нижеобъявленной подъ номеромъ I пѣсни.

Такимъ то образомъ, Каинъ, упражняясь то въ добрыхъ, то въ худыхъ дѣлахъ, и видя, что все благополучно съ рукъ его сходитъ, ни мало не переставалъ чинить всякія наглости; въ одинъ день отважился онъ увести жену Полицейскаго подъячего Николая Будаева, который въ томъ безчестьѣ подалъ на него въ Полицію челобитную, почему его туда и призвали, и бывшій тогда Генералъ-Полицеймейстеръ Алексѣй Даниловичъ Татищевъ спрашивалъ его самъ, для чего онъ осмѣлился дѣлать такія азарничества; и какъ Каинъ, по обыкновенію своему, сталъ запираться, то его Превосходительство приказалъ его отдать подъ караулъ, а на другой день пріѣхалъ въ Полицію и, призвавъ его опять предъ себя, приказалъ подать кошекъ. Каинъ, зная довольно, что строгой сей Генералъ умѣлъ довѣдываться правды, убоявшись жесточайшаго наказанія, закричалъ *слово* и *дѣло,* уповая чрезъ то сыскать какой ни есть способъ къ своему избавленію; но сей его вымыселъ не имѣлъ уже, какъ прежде, желаннаго успѣха; ибо тотчасъ, подъ крѣпкимъ карауломъ съ обнаженными шпагами отослали его изъ Полиціи, съ прописаніемъ челобитья Будаева въ Тайную Канцелярію, въ которой, при присутствіи главнаго члена Графа Александра Ивановича Шувалова, подъ нещаднымъ наказаніемъ допрашиванъ, и не предвидя уже болѣе къ своему избавленію никакого способа, принужденъ былъ во всѣхъ учиненныхъ имъ во время бытности его сыщикомъ воровскихъ дѣлъ принесть повинную, и потому, для вѣрнѣйшаго изслѣдованія его дѣлъ, также какъ и объ Андрюшкѣ учреждена комиссія, которая продолжалась немалое время и, по доказанію его, сысканы многіе въ воровскихъ его дѣлахъ участники, и производились немалые розыски. Наконецъ, по совершенномъ изслѣдованіи, вычесана спина его кнутомъ, поставлены на лбу и на обѣихъ щекахъ обыкновенныя такимъ людямъ литеры, и, вырвавши ноздри, сосланъ на каторжную работу въ Рогервикъ, что нынѣ называется Балтійскій портъ" [800].

Различно также начало въ обѣихъ редакціяхъ:

С[1]. Я родился въ 1714 году. Служилъ.. [801].

С[2]. „Я—Иванъ Осиповъ, по прозванію Каинъ, родился во время царствованія Государя Императора *Петра Великаго* въ 1714-мъ году

.. не получилъ; по случаю пришелъ я на дворъ того князя и, остановясь у крыльца, ожидалъ его [803].

отъ подлыхъ родителей, обитающихъ въ столичномъ Россійской Имперіи городѣ Москвѣ. Служилъ.. [802]. ...не получилъ; токмо спросилъ, гдѣ онаго князя дворъ, въ которой, по случаю пришедъ и остановясь у крыльца, ожидалъ того князя [804].

Кромѣ этихъ двухъ крупныхъ различій—остальные варіанты сводятся къ мелочамъ.

Развитіе стиля.

C¹.. секретарю для.. [805]	C²., секретарю я для.. [806]
.. конвойнымъ взять.. [807]	.. конвойнымъ я взять.. [808]
.. кабакъ, усмотрѣлъ.. [809]	.. кабакъ, гдѣ усмотрѣлъ.. [810]
.. зашли?" мы.. [811]	.. зашли? которому мы.. [812]
.. людьми. Онъ.. [813]	.. людьми, почему онъ.. [814]

Случаи подобныхъ усложненій стиля очень многочисленны: 9 стр. 8 сн.: „зачѣмъ (я) пришелъ"; стр. 11, 2 св.: „забирали (Мы) нашли"; стр. 13, 4 сн.: „воротъ (гдѣ) дождавшись"; стр. 14, 1 сн.: „часовой (ему). Мы"..; стр. 17, 4 сн.: „взяла (она) меня"; стр. 18, 8 св.; „полночь (я) вставъ"; стр. 20, 9 сн.: „на (ту) Макарьевскую", стр. 20, 5 сн.: „себѣ (мы) старались"; стр. 20, 3 сн.: „анґара (одинъ) хозяинъ"; стр. 28, 9 сн.: „избу (мы) дождавшись": стр. 31, 4 сн.: „извиненіе. (коему) Я"; стр. 35, 1 св.: „услыша (оное) закричалъ"; стр. 35, 5 сн.: „тотчасъ (онаго) князь"; стр. 37, 1 св.: „люди? (коему) Мы".. и мн. др. Благодаря этому, рѣчь въ редакціи C¹ болѣе отрывистая,—въ C², наоборотъ, стиль сложнѣе, замѣтно стремленіе самостоятельныя предложенія подчинять одно другому, при помощи мѣстоименій: *который*, *кой*, союзовъ: *гдѣ*, *потому что* и др.

Въ нѣсколькихъ, немногихъ случаяхъ мы имѣемъ, наоборотъ, сокращенія въ редакціи C²—очевидный результатъ работы надъ стилемъ.

C¹.. разуться и влѣзъ.. [815]	C²... разуться влѣзъ.. [816]
.. обухами и имѣющіяся.. [817]	.. обухами имѣющіяся.. [818]
.. печка; и вышли.. [819]	.. печка; вышли.. [820]
.. кибиткѣ на арканѣ лошади.. [821]	.. кибиткѣ лошади.. [822]
.. хозяинъ, и, оставя.. [823]	.. хозяинъ, оставя.. [824]
.. поѣхали мы Керженскимъ.. [825]	.. поѣхали Керженскимъ.. [826]
.. дня чрезъ три.. [827]	.. дня три.. [828]

Особенно часто видимъ мы въ редакціи C¹ союзъ; *и*, пропускаемый въ C², благодаря чему только улучшается стиль. Напр., стр. 37, 5 сн.: ..офицеръ (и) спрашивалъ; стр. 39, 4 сн.: Лефортовъ (и) отдали; стр. 40, 2 сн.: лодки (и) поѣхали; стр. 41, 8 сн.:

собой (и) пробираясь; стр. 42, 8 св.; пиво, (и) взявъ; стр. 43, 4 св.: „бичевкой, (и), ухватя“ и др.

Замѣна словъ другими:

C^1:	C^2:
онъ 829	оной 830
шорному 831	портному 832
поработалъ 833	выработалъ 834
заходъ 835	нужникъ 836
обстали 837	остались 838
привезли 839	привели 840
далъ 841	дѣлалъ 842
заклался 843	зарылся 844
виногоръ 845	виногъ 846
Худякова 847	Худакова 848
Колотскова 849	Колоткова 850
Кашинскаго 851	Кошинскаго 852
вы 853, для васъ 854	мы 855, для насъ 856
въ то время 857	въ оное время 858

Изъ другихъ варіантовъ отмѣчу, хотя-бы, слѣдующіе:

C^1:	C^2:
влѣзли 859	взлѣзли 860
попалась 861, попались 862	попала 863, попали 864
избравши 865, избравъ 866	изобравши 867, изобравъ 868
запѣлъ 869	запѣвъ 870
подойдя 871	подшедъ 872
въ ту же Нѣмецкую 873	въ тое же Нѣмецкую 874
нѣкоторыхъ 875	нѣкоторые 876
пришли 877	пришедъ 878
близости 879	близности 880
вошедъ 881	вшедъ 882
ярмарку 883	ярмонку 884
отомкнувъ 885	отомкнулъ 886
переѣхавъ 887	переѣхалъ 888
стоявшую 889	стоящую 890
есаула, есаулъ 891	ясаула, ясаулъ 892
голдареи 893	галлереи 894
набольшій 895	набольшей 896
случившійся 897	случившейся 898

Перестановки словъ.

C^1:	C^2:
.. подчивалъ ландмилицкихъ солдатъ.. 899	.. ландмилицкихъ солдатъ подчивалъ.. 900
.. солдатъ одинъ.. 901	.. одинъ солдатъ.. 902
.. тогда вышелъ.. 903	.. вышелъ тогда.. 904
.. одни только.. 905	.. только одни.. 906

Перечисленными варіантами исчерпываются всѣ, наиболѣе интересныя, различія между двумя редакціями C^1 Си ^{2}; несмотря на

то, что въ первой существенно сокращенъ конецъ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе ей, такъ какъ стиль ея менѣе обработанъ и потому, конечно, сохранилъ вѣрнѣе черты разсказовъ самого Каина.

Немалый интересъ представляетъ и первоначальная литературная обработка жизнеописанія Каина, появившаяся въ 1775-мъ году [907] (А). По содержанію своему, повѣсть эта совершенно сходна съ разобранными выше автобіографіями, но развитіе сюжета идетъ въ ней неравномѣрно, то сжимаясь, то расширяясь; кромѣ того, встрѣчаются довольно существенные варіанты, указывающіе на то, что анонимный авторъ ея пользовался иными источниками, чѣмъ издатели автобіографій; затѣмъ въ этомъ изданіи особенно цѣнна литературная обработка сюжета, обнаруживающая въ произведеніи проблески романическаго творчества.

Самъ авторъ указываетъ на то, что ему хорошо знакома была „повинная“ Ваньки Каина; разъ у него въ рукахъ былъ такой важный документъ, можно заключить, что зналъ онъ и другія оффиціальныя бумаги о Ванькѣ Каинѣ. Но, кромѣ того, вѣроятно, имѣлъ онъ случай бесѣдовать и съ самимъ Каинымъ, такъ какъ говоритъ, что о Ванькѣ знаетъ гораздо больше, чѣмъ пишетъ: „многое время употребить надобно на описаніе всѣхъ его мошенничествъ, изъ которыхъ многія, за краткостью сія повѣсти, пропущены“.

За то, что источникъ повѣсти—живой разсказъ самого Каина, кромѣ неровности изложенія, говоритъ еще слѣдующее обстоятельство: въ повѣсти встрѣчаемъ мы нѣкоторыя подробности, или пропущенныя, или иначе представленныя въ автобіографіи. Такъ, напримѣръ, оказывается, что надписи на воротахъ, уходя изъ дому, Ванька не дѣлалъ, а „прибилъ къ воротамъ нарочно-изготовленную бумагу, на которой написано было слѣдующее: „пей воду, какъ гусь, ѣшь хлѣбъ, какъ свинья, а работай чортъ, а не я“ [908],—что гораздо правдоподобнѣе писанія на воротахъ, которое отняло бы много времени. Встрѣчаемъ мы въ повѣсти подробность, объясняющую, зачѣмъ понадобился Ванькѣ поповскій кафтанъ: „въ семъ нарядѣ... отвѣчалъ каждому часовому, что онъ—священникъ и идетъ съ духовною потребой“ [909]. Встрѣчаемъ подробности воровства у доктора Елвиха: Каинъ, оказывается, „принудилъ чрезъ битье человѣка“ указать, гдѣ удобнѣе войти въ покои и, будучи „изо всѣхъ товарищей проворнѣй, тотчасъ вынялъ

стекло и, растворивъ окно, босыми ногами вошелъ въ спальню [910]; оказывается, дѣвка „сурово“ его встрѣтила, но онъ, „приставя къ ея груди ножъ, пригрозилъ ее зарѣзать“... [911]. Подробности встрѣчаемъ мы и въ разсказѣ о шуткѣ, сыгранной надъ пьянымъ мужикомъ: „сія безчеловѣчная шутка Каину и его товарищамъ сдѣлала не малое увеселеніе. Они, смотря на скачущую по полю при наступающей уже ночной темнотѣ съ пылающимъ возомъ лошадь, чрезвычайно смѣялись“ [912]. Встрѣчаемъ мы въ повѣсти и блѣдное отраженіе одной Ванькиной остроты, пропущенной въ автобіографіи. Дѣло идетъ о кражѣ у монаха.

С[2].. „пришли въ Греческій монастырь въ келью Грека Зефира, которой въ то время былъ въ церкви, а въ кельи былъ оставленъ одинъ его работникъ, которому мы сказали, чтобъ онъ несъ въ церковь къ хозяину своему восковыя свѣчи. Работникъ, взявъ нѣсколько, понесъ: мы, схватя его въ дверяхъ, спрашивали,—не укралъ ли онъ тѣ свѣчи, а ежели пошутилъ, чтобъ откинулъ отъ сундуковъ и ключи, и, вскоча въ келью, платье и притомъ два малыхъ пистолета взяли, и съ оными пришли близъ Убогаго дома, къ жителю, суконщику Алексѣю Нагибиву“ [913].

А.. „примѣтилъ нѣкогда въ греческомъ монастырѣ, въ кельѣ у одного монаха, многія знатныя вещи монаха..... Прие[illegible] къ той кельѣ во время обе[illegible] и, [illegible]же монахъ ушелъ тогда [illegible] божей службѣ, то Каинъ сказалъ оставшемуся келейнику, чтобъ онъ несъ въ церковь восковыя свѣчи.. [Схвативъ его].. битьемъ принудили отдать отъ сундуковъ ключи, помощью которыхъ злодѣи сіи *пожитковъ* монашескихъ весьма много *убавили*; приказали при томъ связанному келейнику объявить монаху, что они *пожитки его взяли насилу по той причинѣ, что онъ добровольно не отдалъ* бы имъ оныхъ, а не меньше и для того, *чтобъ избавить его отъ грѣха, потому что отрекшемуся отъ міра не должно скоплять имѣнія*“ [914].

Любопытно также еще одно мѣсто въ повѣсти. Авторъ разсказываетъ о кражѣ цыганскаго сотника съ кибиткой. „Приключеніе сіе, говоритъ онъ, кажется мнѣ невѣроятно тѣмъ, что цыгане въ хитрости, коварствѣ, обманахъ и проворствѣ, гораздо предъ прочими народами успѣли; но когда оно въ самое то время засвидѣтельствовано и въ самопроизвольной Каиновой повинной точно изъяснено, то нельзя не смѣяться, что мошенникъ вора и обманщика обманулъ“ [915]. Изъ этой ссылки на повинную мы видимъ, что авторъ, не довѣряя словамъ Каина, убѣдился въ ихъ истинѣ, заглянувъ въ его повинную... Какъ всѣ выше приведенныя основанія (неровность изложенія, подробности, отсутствующія, или измѣненныя въ автобіографіи), такъ и варіанты, выдѣляютъ разбираемое нами произведеніе изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ ре-

дакцій. Порядокъ изложенія повѣсти и автобіографіи не всегда совпадаетъ,—тогда, какъ въ автобіографіи хронологія событій, очевидно, строго выдержана,—въ повѣсти мы встрѣчаемъ большія перестановки. Какъ примѣръ подобныхъ перестановокъ, сдѣлаемъ, хотя-бы, такое сравненіе хода изложенія:

С[1]. — Уходъ Каина изъ дома Филатьева.	А. — тоже
Поимка его.	тоже
Кража у д-ра Елвиха	тоже
— — портнаго Рекса	тоже
— — Филатьева.	тоже
Встрѣча съ дѣвкой, уже вышедшей замужъ.	Макарьевская ярмарка.
Ночевка въ ея квартирѣ.	Взломъ амбара.
Подарки, сдѣланные ей Каиномъ.	Кража кулька съ иконами.
Встрѣча съ „сырымъ" мужикомъ.	Тюрьма и бѣгство изъ нея.
Макарьевская ярмарка.	Кража у татарскаго Мурзы.
Взломъ амбара.	Встрѣча съ дѣвкой, уже вышедшей замужъ.
Кража кулька съ иконами.	Ночевка на ея квартирѣ.
Тюрьма и бѣгство изъ нея.	Подарки, сдѣланные ей Каиномъ.
Кража у татарскаго Мурзы.	Встрѣча съ „сырымъ" мужикомъ.
Сцена въ банѣ. Добыча паспорта.	Разбойничество на Волгѣ.
Имитація пекарей.	Сцена въ банѣ. Добыча паспорта.
Кража въ монастырѣ.	Кража въ монастырѣ.
Тюрьма и освобожденіе.	Тюрьма и освобожденіе.
Разбои на Волгѣ.	Разбои на Волгѣ.
Каинъ-сыщикъ.	Каинъ-сыщикъ.

Сравнивая порядокъ изложенія въ этихъ редакціяхъ текста, мы должны будемъ отдать предпочтеніе тексту автобіографіи: въ повѣсти мы видимъ несвоевременное упоминаніе о встрѣчѣ съ дѣвкой, о встрѣчѣ съ „сырымъ" мужикомъ, двукратное упоминаніе о разбояхъ на Волгѣ,—все это ясно свидѣтельствуетъ, что текстъ повѣсти не отличается той опредѣленностью отлившагося въ точныя формы текста, какую мы наблюдаемъ въ текстѣ автобіографіи.

Вѣрно повторяя нѣкоторыя типичныя остроты Ваньки, повѣсть расходится иногда съ обѣими редакціями автобіографіи въ нѣкоторыхъ недомолвкахъ, или измѣненіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ привѣтственной рѣчи, сказанной Ванькѣ подъ мостомъ, встрѣчаемъ мы небольшой варіантъ.

С.: Выпивши, говорили: „полъ да середъ сами съѣли, печь да палати въ наемъ отдаемъ, а идущимъ по сему мосту тихую милостыню подаемъ (т. е. мы де мошенники)! ты будешь, братъ, нашего сукна епанча (т. е. такой же воръ)! поживи здѣсь въ нашемъ домѣ, въ которомъ всего довольно: наготы и босоты изнавѣшены шесты, а голоду и холоду—амбары стоятъ; пыль да копать—при томъ нечего и лопать!" [916].

А.: Бывшіе подъ мостомъ мошенники выпили прежде сами, а потомъ поднесли Камчаткѣ и Каину; и какъ Каинъ выпивши, то одинъ, ударя его по плечу, говорилъ: „видно, братъ, что ты! — нашего сукна епанча, — поживи здѣсь съ нами! у насъ всего довольно: наготы, босоты изнавѣшены шесты, а холоду и голоду полные амбары стоятъ! мы, живучи здѣсь, покой свой отдали, а проходящимъ по сему мосту ночью тихую милостыню подаемъ, а, правду-матку тебѣ сказать, такъ у насъ только пыль да копать, а иногда нечего и лопать" [917].

Несомнѣнно, на текстѣ повѣсти (А) видна довольно сильная литературная обработка, но, независимо отъ этого, мы здѣсь имѣемъ дѣло и съ варіантомъ (перестановка, прибавленіе вводнаго предложенія: „правду-матку тебѣ сказать" и пр.).

Отвѣтъ Ваньки Секретарю:

С.. а о дѣлѣ моемъ тому скажу, кто на томъ стулѣ сидитъ, на которомъ собачки вырѣзаны [918].

А... а о дѣлѣ моемъ объявлю главному сего мѣста члену, а не вамъ [919].

Пожалуй, текстъ редакціи А можетъ быть принятъ за старѣйшій. Я говорилъ уже выше, что острота Каина („тому скажу, кто..." и пр.) производитъ впечатлѣніе чего-то дѣланнаго... Не сложилась-ли она позднѣе, когда онъ диктовалъ свою автобіографію и не отсутствовала-ли она въ его прежнихъ разсказахъ?

Еще варіанты встрѣчаемъ мы, хотя-бы, въ той надписи, что́ сдѣлана была Ванькой на пьяномъ попѣ:

С: ежели изъ оныхъ бутылокъ вино выпьетъ, то и развязанъ будетъ [920].

А: когда висящее вино будетъ выпито, то да развяжется [921].

Изъ болѣе мелкихъ различій укажемъ, хотя-бы, на то, что „управитель монастыря" (ред. C^1 и C^2)—въ повѣсти (ред. А) оказывается, „управителемъ вотчины" [922]), что́ по контексту гораздо правдоподобнѣе; обливаетъ его Ванька „смолой" [923]), тогда какъ въ редакціяхъ C^1 и C^2, вмѣсто *смолы*, названъ *деготь*.

Интересна „Краткая повѣсть" и литературной стороной своего изложенія. Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ попыткой сюжетъ о Ванькѣ Каинѣ обработать въ литературное произведеніе.

Сказалось это стремленіе, прежде всего, въ томъ, что здѣсь личность Ваньки Каина выдвинулась на первый планъ: въ автобіографіи, личность Каина почти стушевывалась,—въ повѣсти передъ нами уже намѣчается *герой* произведенія: тамъ, гдѣ въ автобіографіи постоянно говорится въ 1-омъ лицѣ множ. ч. (*мы* пришли, *мы* украли), и Ванька поэтому не отдѣлялся отъ товарищей,—въ повѣсти онъ обрисовывается руководителемъ, иниціаторомъ, даже начальникомъ шайки... Такъ, въ разсказѣ о грабежѣ у доктора Елвиха автобіографія не выдѣляетъ Каина („взошли тайно въ его садъ, сѣли въ бесѣдкѣ... мы сказались господскими людьми... мы, схватя его, связали.. вырѣзали мы изъ рамокъ стекло: и пр. [924]), въ повѣсти мы видимъ иное: „пошелъ онъ къ одному доктору и принудилъ черезъ битье человѣка ему сказать... Каинъ вынялъ окно“ [925]).. Такая-же руководящая роль приписана Ванькѣ въ исторіи съ пьянымъ мужикомъ; въ автобіографіи опять имѣемъ мы дѣло съ мѣстоименіемъ 1-го лица мн. ч. (попалъ намъ навстрѣчу... спрашивали мы... мы, схватя его съ возу, привязали къ дугѣ... и пр. [926]).

Такое желаніе выдвинуть героя приводитъ, напримѣръ, къ тому, что Каину въ повѣсти приписывается сдѣланное, по тексту автобіографіи, Камчаткою: (автобіографія: „товарищъ мой Камчатка сыскалъ случай подкупить“ [927]; повѣсть: „онъ (Каинъ) сперва подкупилъ часовыхъ“ [928]).. Повѣсть приписываетъ Ванькѣ роль начальника шайки („Каинъ умножилъ шайку свою до семи человѣкъ“ [929],—въ автобіографіи нигдѣ о шайкѣ не говорится: всегда дѣйствуютъ „мы“, а соотвѣтствующее мѣсто читается такъ: „взялъ съ собою шесть человѣкъ“ [930].

Затѣмъ, что очень цѣнно, авторъ вводитъ въ свое произведеніе характеристику героя, правда, выражая ее либо въ эпитетахъ, либо въ нѣсколькихъ, мимоходомъ брошенныхъ, словахъ. Такъ, говоря о службѣ Ваньки до побѣга, онъ замѣчаетъ, что тотъ „по *природной своей остротѣ и проворности*, исполнялъ“ должность порядочно [931]; отмѣчаетъ онъ рѣшительность Каина: „дѣвка сурово его спросила, зачѣмъ онъ пришелъ, но сія суровость ни мало не поколебала *злою и смѣлаго Каина духа*“ [932]; указываетъ онъ и на страсть Ваньки къ воровскимъ авантюрамъ: „спустя нѣсколько времени, *жадный къ воровству* Каинъ укралъ“ и пр. [933]; указываетъ онъ и на находчивость Каина: „однако *злая душа и коварныя пронырства* Каиновы и тутъ сыскали средство къ спасенію“ [934]; говоритъ авторъ и о нераскаянности, неисправимости Ваньки: „сія частавшая, было, Каину за дѣла его награда не при-

чинила ни малѣйшей перемѣны въ злобномъ его духѣ“ [935]; отмѣчаетъ авторъ и лицемѣріе своего героя: „такая полезная услуга (профессія сыщика) справедливо достойна была награды, да *зараженное ядомъ плутовство и покрытое маской лицемѣрія Каиново злое* сердце весьма оныя не стоило“ [936].

Дѣлаетъ авторъ и замѣчанія, касающіяся психики героя, хотя для него, повидимому, это—подвигъ нелегкій: онъ самъ восклицаетъ: „кто-бы возмогъ отгадать чужія мысли, а кольми паче вникнуть во внутренность сердца человѣческаго?.. Для смертныхъ сіе не предоставлено!“ [937].

Однако, несмотря на такую безпомощность, онъ, напримѣръ, задумывается, почему Ванька измѣнилъ своему ремеслу и перешелъ на роли сыщика. Правда, рѣшеніе этого интереснаго психологическаго вопроса едва-ли получилось удовлетворительное: „вздумалъ онъ, по собственному-ли своему желанію, или по опасности, дабы не подвергнуться жестокому правосудія наказанію, объявить о себѣ въ надлежащемъ мѣстѣ“ [938]. Удачнѣе понялъ онъ состояніе Каина въ церкви, когда священникъ отказался его вѣнчать: „стыдно было Каину безъ успѣха оставить свое намѣреніе, а священника, возвращающагося изъ церкви, удерживать при многочисленномъ народѣ и того стыднѣе. Стоялъ съ невѣстою въ церкви, а, между тѣмъ, послалъ искать какого-нибудь попа; возрадовался онъ, когда привели какого-то пьянаго разстригу“ [939].

Объясняетъ онъ читателю, почему игуменья отдала Ванькѣ провинившуюся монахиню: „нельзя было не отдать, видя такую строгость, да нельзя было и примѣтить, что это хитрость“ [940]; старается авторъ проникнуть и въ сердце Каина, объятое любовью: разсказавъ о неудачѣ его перваго сватовства, авторъ продолжаетъ: „не зналъ, что дѣлать, а страсть отъ часу умножалась“ [941]— здѣсь попытка уяснить психику героя, несомнѣнно, исказила его черты.

Встрѣчаемъ мы въ повѣсти, правда, слабо-выраженное стремленіе оживить *діалогъ;* и внести „правдоподобный вымыселъ“ для примѣра, сдѣлаемъ слѣдующее сопоставленіе:

С.. спросила меня, зачѣмъ я пришелъ. Я сказалъ ей: „пришли въ домъ вашъ купцы для пропалыхъ вещей“ [942].	А.. спросила, зачѣмъ онъ пришелъ... „Молчи, сказалъ ей Каинъ, мы—купцы: пришли въ домъ вашъ для сысканія пропавшихъ у насъ вещей“. Потомъ, приставя къ ея груди ножъ, говорилъ: „ежели ты, хотя малое, будешь дѣлать сопротивленіе, то я тебя въ сію минуту лишу жизни“ [943].

Заключеніе повѣсти совершенно неожиданное,—если авторъ неразъ давалъ понятіе о своихъ взглядахъ на Каина и его товарищей, называя ихъ „злодѣями“, то, всетаки, читатель совсѣмъ не подготовленъ къ шуткѣ, чисто-каинскаго пошиба, которая заканчиваетъ его произведеніе: „подвергнулся правосудію и получилъ достойное возмездіе. Спину его выгладили кнутомъ, убавили многихъ ноздрей, на лбу и на щекахъ сдѣлали гербы и отправили въ Балтійскій портъ для спасенія души“ [944]. Неужели передъ нами и эти слова—лишь повтореніе рѣчей самого Каина, не сохраненныхъ въ автобіографіи?.. По крайней мѣрѣ, авторъ повѣсти нигдѣ раньше не давалъ повода подозрѣвать его въ умѣніи отпускать такія чисто-каинскія остроты!

Еще болѣе интереса, въ литературномъ отношеніи, представляетъ *„сочиненіе“* Матвѣя Комарова: *„Обстоятельное и вѣрное описаніе добрыхъ и злыхъ дѣлъ россійскаго мошенника, вора, разбойника и бывшаго московскаго сыщика Ивашки Каина, всей его жизни и странныхъ похожденій“*, сочиненное М: К: въ Москвѣ 1775 года, печ. въ Спб. 1779 г. Отдѣльные оттиски этого сочиненія были выпущены въ томъ-же году, съ присовокупленіемъ жизнеописанія Картуша [945], Каиновыхъ пѣсенъ и измѣненіемъ титула книги: *„Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ“*, и пр. Спб. 1779. Въ этомъ видѣ текстъ жизнеописанія Каина и предувѣдомленія сохранился тотъ-же, что и въ первомъ видѣ, нумерація страницъ, размѣръ, шрифтъ, опечатки тѣ же—изъ чего явствуетъ, что, выпустивъ часть своего сочиненія въ первоначальномъ видѣ, авторъ несшитые еще листы своего произведенія выпустилъ въ свѣтъ подъ измѣненнымъ титуломъ и съ прибавленіями.

„предлагая вамъ Каинову исторію,—говоритъ онъ въ предувѣдомленіи,—за долгъ почитаю объявить и причину, побудившую меня къ сему сочиненію. Многимъ, думаю я, извѣстно есть, что чтеніе книгъ, просвѣщающее разумъ человѣческой, вошло у насъ въ хорошее употребленіе, и миновалось уже то, помраченное тьмою невѣжества, время, въ которое предавали анаѳемѣ тѣхъ, кои читывали Аристотелевы и другія нѣкоторыя книги, ибо нынѣ, любезные наши граждане, не боясь за сіе пустаго древняго анаѳемическаго грому, не только благородные, но средняго и низкаго степени люди, а особливо купечество весьма охотно во чтеніи всякаго рода книгъ упражняются, съ которыми я, имѣя нерѣдкое обхожденіе, слыхалъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ молодые люди, читая переведенную съ Нѣмецкаго языка книжку о французскомъ мошенникѣ-Картушѣ, удивлялись мошенническимъ его дѣламъ, говоря при томъ, будто, у насъ въ Россіи, какъ подобныхъ ему мошенниковъ, такъ и другихъ приключеній, достойныхъ любопытнаго примѣчанія, не бывало...“

„Что несправедливо сіе мнѣніе, о томъ разумнымъ и знающимъ дѣла своего отечества людямъ довольно извѣстно, а прочимъ, въ доказательство, можно сказать слѣдующее:

„Когда Россія, по географическому исчисленію, одна обширностью своею превосходитъ всѣ Европейскія государства, вмѣстѣ совокупленныя, то нельзя статься, чтобъ въ такой пространной Имперіи не было такихъ-же приключеній, какія въ другихъ государствахъ, малѣйшихъ противъ ея частицахъ, случаются: ибо натура всѣхъ людей равнымъ образомъ на свѣтъ производитъ, какъ Россіянъ, такъ Французовъ, Нѣмцевъ и прочихъ,—и потому во всякомъ народѣ добродѣтельныхъ и порочныхъ людей сыщется довольно".

„Бывали и въ нашемъ отечествѣ въ натурѣ чудныя явленія, и въ обществѣ великія дѣла, и многія достойныя примѣчанія перемѣны; бывали и есть разумные градоначальники, великіе герои, неустрашимые полководцы, случались со многими людьми такія приключенія, которыя достойны-бы были занять мѣсто въ исторіяхъ; бывали и есть великіе мошенники, воры и разбойники; но только мало у насъ прилежныхъ писателей, а естьли бы мы столько имѣли исторій писателей, сколько нынѣ стихотворцевъ и комедій сочинителей, и нѣкоторые бы люди вели журналъ своей жизни, то бы, безъ всякаго сумнѣнія, со временемъ показалось на свѣтъ немалое количество достойныхъ любопытнаго чтенія книгъ; и потомки бъ наши съ большимъ удовольствіемъ читали въ оныхъ о дѣлахъ своихъ предковъ, нежели дѣянія иностранныхъ народовъ" [946].

Этотъ литературный „патріотизмъ"—явленіе, очень характерное для XVIII в., неразъ отмѣченное мною выше. Онъ вызвалъ у насъ появленіе „россійскихъ" Пиндаровъ, Расиновъ, Гомеровъ,—онъ заставилъ Чулкова углубляться въ фантастическое прошлое языческой Руси, подставлять на мѣсто западныхъ рыцарей славянскихъ князей,—вмѣсто боговъ греческаго Олимпа—самодѣльныхъ боговъ славянской миѳологіи... Этотъ патріотизмъ вызвалъ въ XVIII-омъ вѣкѣ появленіе трагедій, повѣстей и сказокъ, съ искусственными, мнимо-русскими, героями и героинями.. Онъ-же иногда заставлялъ даже переведенныя повѣсти и романы пріурочивать къ Россіи, замѣнять „Парижъ"—„Москвой", иностранныя села и деревни—„подмосковными".. Изъ предисловія Комарова мы видѣли, что и онъ, какъ Чулковъ, Карамзинъ, Львовъ и др., сознательно пріучалъ русскихъ людей всматриваться въ себя,—отыскивать у себя интересное: злое, или доброе...

Для насъ цѣнны всѣ эти желанія не отстать отъ запада,—всѣ эти старанія найти у себя то-же,—эти рѣчи, говорящія о пробужденіи націонализма,—такъ какъ, благодаря всему этому, историкъ русскаго романа пойметъ, почему къ концу XVIII-го вѣка у насъ уже все было подготовлено для появленія оригинальнаго русскаго реальнаго романа.

М. Комаровъ, небезызвѣстный, въ свое время, переводчикъ и сочинитель [947] народныхъ романовъ, отнесся къ своему труду очень добросовѣстно: я уже имѣлъ случай выше указывать, что для своей работы онъ пользовался тщательно-собранными списками, снабдилъ свой трудъ комментаріями, которые посвящены, главнымъ образомъ, критикѣ текста [948],—иногда носятъ бытовой [949], или историческій характеръ, иногда представляютъ собою мотивировку [950] принятаго имъ чтенія... [951]. Передъ нами, такимъ образомъ, серьезный трудъ, задуманный еще въ 1773-мъ году, написанный въ 1775-мъ и явившійся въ печати въ 1779-омъ. Очевидно, первоначальный видъ повѣсти 1773-го года представлялъ собой попытку возстановить на память устный разсказъ Каина: „я самъ отъ него слышалъ, будучи въ 1755-омъ году для нѣкотораго дѣла въ сыскномъ приказѣ". Попытка увѣнчалась малымъ успѣхомъ,—„...какъ ни остра была человѣческая память, но чрезъ осьмнадцать лѣтъ (1755—1773) всего порядочно никакъ упомнить не можно, и для того я сіе предпріятіе оставилъ"; въ 1774-омъ году опять попался ему въ руки „списокъ о дѣлахъ сего мошенника", писанный „такимъ слогомъ, какъ, обыкновенно, подлые люди разсказываютъ сказки, или какія ни есть похожденія". Ознакомившись съ содержаніемъ списка, авторъ припомнилъ разсказы самого Каина и въ спискѣ призналъ, что „оригиналъ" его „писанъ или самимъ Каиномъ, или другимъ кѣмъ—по его объявленію"; тогда авторъ сталъ собирать другіе списки, сталъ записывать устные разсказы, накопилъ много матеріала и, „не желая, по его словамъ, уподобиться лѣнивому евангельскому рабу, скрывшему данной талантъ въ землю, соображая означенной списокъ (списки?) съ моею памятью, сочинилъ сіе описаніе".

Содержаніемъ своимъ это произведеніе нисколько не превышаетъ ни краткую повѣсть, ни автобіографію, но значительно отходитъ отъ нихъ своей литературной обработкой.

Порядокъ изложенія въ этомъ произведеніи совершенно совпадаетъ съ текстомъ автобіографій и кончается, буква въ букву, согласно съ редакціею C^2.

C^2. „Такимъ то образомъ Каинъ, упражняясь то въ добрыхъ, то въ худыхъ дѣлахъ, и видя, что все благополучно съ рукъ его сходитъ... (конецъ: ...сосланъ на каторжную работу въ Рогервикъ, что нынѣ называется Балтійскій портъ): [952].

В. „Такимъ то образомъ Каинъ, упражняясь то въ добрыхъ, то въ худыхъ дѣлахъ, и видя, что все благополучно съ рукъ его сходитъ... (конецъ: сосланъ на каторжную работу въ Рогервикъ, что нынѣ называется Балтійскій портъ) [953].

Но изъ этого еще нельзя заключить, что Комаровъ предпочелъ редакцію C^2 редакціи C^1, такъ какъ, при сличеніи, оказывается, что его текстъ, во многихъ случаяхъ, отходитъ и отъ C^2—главнымъ образомъ, въ именахъ собственныхъ, географическихъ названіяхъ и числахъ.

Для образца сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій:

C^1. Столяръ, Кувай, Легастъ, Жузла[954]. Послѣ того сыскалъ разбойниковъ 72 человѣка (и при нихъ атамана Михаилу Бухтѣя), которые винились въ разбитіи Колотскова монастыря[957].	C^2. Столяръ, Кувай, Легатъ, Жузла[955]. Послѣ того сыскалъ разбойниковъ 7 человѣкъ, и при нихъ атамана Михайлу Бухтея, которые винились въ разбитіи Колоткова монастыря[958].	В. Столопъ, Кувай, Легатъ, Жузла[956]. Переловилъ еще разбойниковъ двадцать семь человѣкъ, при которыхъ былъ атаманъ Бахтей, и, по розыскамъ признались они въ разбиваніи Колюскаго монастыря[959].
Кашинскаго помѣщика Мелистина[960] ...жительство имѣлъ у гренадера Тѣлеснина... взялъ у капрала Еналина солдата Руднева[963].	Кошинскаго помѣщика Мелистина[961] ...жительство имѣлъ у Гранодера Тѣлеснина... взялъ у капрала Еналина солдата Руднева[964].	Кашинскаго помѣщика Милитина[962] ...жительство имѣетъ лейбъ-компаніи у гранодера Тѣлеснина, у котораго де въ домѣ живутъ еще порутчикъ Е, да Семеновскаго полку солдатъ Самсонъ Рудневъ[965].
Жаровъ, Кружининъ, Метлинъ, Курмилинъ[966].	Жаровъ, Кружининъ, Метлинъ, Курмилинъ[967].	Жаровъ, Кружининъ, Метлинъ, Камилинъ[968].
Лосенской перевозъ[969] къ селу Избыльцу[972] село Борятино[975] Абрама Худякова[978] всѣхъ до 20 человѣкъ[981] Якима Холщевникова съ товарищи 17 человѣкъ[984].	Лосенской перевозъ[970] къ селу Избыльцу[973] село Борятино[976] Абрама Худакова[979] всѣхъ до 20 человѣкъ[982] Екима Холщевникова съ товарищи 17 человѣкъ[985].	Лисинскій перевозъ[971] Село Избылицы[974] къ селу Барятину[977] Аврама Худякова[980] поймано сто три человѣка[983] Екима Холщевникова съ товарищи пятнадцать человѣкъ[986].
въ городѣ Старицѣ[987].	въ городѣ Старицѣ[988].	въ городѣ Старицахъ[989].

Такое обиліе разночтеній ясно говоритъ намъ о популярности въ XVIII-омъ в. автобіографіи Каина: очевидно, списковъ ходило по рукамъ много, переписывались они охотно,—оттого и получилось столько разночтеній. Такъ Комаровъ въ своихъ примѣчаніяхъ, ссылаясь на имѣющіеся у него списки, говоритъ о такихъ варіантахъ, которыхъ мы не имѣемъ ни въ текстѣ краткой повѣсти, ни въ двухъ редакціяхъ автобіографіи (C^1 и C^2). Таковы, на-

примѣръ, имена: Евлахъ—въ одной рукописи, Ялвихъ—въ другой [990], имя портного—Гецъ [991], разбойника—Пава [992].

Кромѣ рукописей, Комаровъ, вѣроятно, воспользовался еще и текстомъ „краткой повѣсти", къ которой, впрочемъ, вообще онъ относился критически.

С². ...далъ имъ двадцать копѣекъ, на которые принесли вина, притомъ напоили и меня. Выпивши, говорили: „полъ да середъ самъ съѣли" [993] и т. д.	А. ...бывшіе подъ мостомъ мошенники выпили прежде сами, а потомъ поднесли Камчаткѣ и Каину; и, какъ Каинъ *выпивши*, то одинъ, ударя его по плечу, говорилъ: „видно, братъ, что ты—нашего сукна епанча" [994].	В. ...бывшіе подъ мостомъ мошенники выпили прежде сами, а потомъ поднесли Камчаткѣ и Каину; и какъ Каинъ *выпилъ*, то одинъ, ударя его по плечу, говорилъ: „видно, братъ, что ты—нашего сукна епанча...[995] [далѣе текстъ рѣчи до конца совпадаетъ съ текстомъ А].
...Я сказалъ ей: пришли въ домъ вашъ купцы для пропалыхъ вещей [996].	„...Молчи, сказалъ ей Каинъ, мы—купцы, пришли въ домъ вашъ для *сысканія пропавшихъ* у васъ вещей; потомъ, приставя къ ея груди ножъ, говорилъ: „ежели ты, хотя малое, будешь дѣлать сопротивленіе..." [997].	...Молчи, сказалъ ей Кавчъ, мы—купцы; пришли въ домъ вашъ для *сыскиванія* пропащихъ у насъ вещей; потомъ, приставя къ ея груди ножъ, говорилъ: „ежели ты, хотя малое, будешь дѣлать супротивленіе.. [998] [далѣе текстъ рѣчи совпадаетъ съ текстомъ А].
...Какъ уже напился я пьянъ, то положенъ былъ спать. Время стало перваго часа за полночь, я, вставъ, пошелъ изъ квартиры тихимъ образомъ...къ живущему по близости ихъ квартиры портному мастеру [999].	Каинъ, хотя и былъ пьянъ, однакожъ обыкновеннаго воровскаго времени—перьваго часа по полуночи—проспать не могъ, а, перелѣзши черезъ заборъ, забрался къ шорному мастеру... [1000].	..Каинъ, хотя былъ и *очень* пьянъ, однакожъ обыкновеннаго воровскаго времени—перваго часа по полуночи—проспать не могъ, но, вставъ тихонько, вышелъ изъ горницы вонъ, перелѣзъ черезъ заборъ въ огородъ, къ живущему подлѣ квартиры Нелидовой шорному мастеру... [1001].

Подобныхъ сопоставленій можно сдѣлать еще нѣсколько. Такимъ образомъ, текстъ „сочиненія" Комарова то сближается съ текстомъ „краткой повѣсти" (рѣже), то повторяетъ текстъ автобіографіи, а чаще представляетъ собой литературную обработку послѣдняго.

Прежде всего, обработка эта сказалась на стилѣ: образный языкъ Каина былъ для Комарова языкомъ „подлыхъ“ людей,— вотъ почему, въ огромномъ числѣ случаевъ, онъ риѳмованныя остроты и прибаутки Каина, или пропускаетъ, или замѣняетъ ихъ своимъ блѣднымъ пересказомъ. Напримѣръ:

С². ..при томъ ему сказали, ежели онъ станетъ много говорить, то заставимъ его рыбу ловить,—сирѣчь утопимъ [1002].	В. ..говорили, что, ежели станетъ противиться, или кричать, то они его бросятъ въ рѣку.. [1003].
..разсуждалъ съ прохожими людьми,—люди ли то были, или дьяволы съ нимъ говорили и говядины лишили [1004].	..заключилъ, что въ избѣ были и говядину у него взяли не люди, а черти.. [1005].
..Камчатка спросилъ ихъ, кого они ведутъ, которые сказали, что они ведутъ бабушку на повой, напротивъ чего Камчатка сказалъ: „видно, что въ воду головой“.. И, остановя, сталъ ее смотрѣть [1006].	..Камчатка, догнавъ ихъ, спросилъ, что́ они за люди и куда ведутъ женщину?.. „Бабку для родильницы“ — тѣ ему отвѣчали; но онъ, остановя ту женщину, хотѣлъ для любопытства посмотрѣть [1007].
..изъ чего видно, что они намѣреніе имѣли въ тотъ мѣшокъ ее спрятать, чтобъ никто ее не нашелъ, т. е. утопить [1008].	..признавая, что они вели ее въ лѣсъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы убить до смерти [1009].
..Послѣ пришелъ тотъ часовой, у котораго прежде я ушелъ; я согнулся дугой и сталъ, какъ другой,— будто и не я, почему и не призналъ онъ меня.. [1010].	..пришелъ тутъ тотъ солдатъ, у котораго онъ изъ подъ караула бѣжалъ; страхъ Каиновъ, при входѣ сего солдата, гораздо умножился, и въ такую пришелъ онъ робость, что измѣнился въ лицѣ, думая, что онъ, конечно, его узнаетъ... [1011].
...въ тотъ-же часъ драгуны ко мнѣ прибѣжали и въ тотъ монастырь, куда хотѣлъ, помчали [1012].	..почему безъ всякаго замедленія подъ крѣпкимъ карауломъ съ обнаженными шпагами отвели его въ село Преображенское въ тайную канцелярію... [1013].
..Въ Троицынъ день съ березкой на живомъ мосту Москвы-рѣки для гулянія было множество народу... [1014].	..Въ день праздника пятидесятницы, или, какъ называется у насъ, въ Троицынъ день, у Москворѣцкихъ воротъ, на Живомъ мосту собиралось множество дѣвицъ и женщинъ, которыя, по древнему еще суевѣрному и идолопоклонническому обыкновенію, ходя съ березками, пѣли пѣсни, плясали и бросали съ головъ своихъ въ Москву

рѣку вѣнки; чего ради. для смотрѣнія сего позорища, собиралось тамъ немалое число всякаго званія народу... [1015].

Подобныхъ измѣненій встрѣчается очень много. Нерѣдки случаи и выпуска остротъ Каина. Такъ, пропущены его шутки надъ деньгами татарскаго мурзы, котораго лошадь за ногу утащила въ лѣсъ,—вычеркнуты почти всѣ шутки воровъ, выброшено все риѳмованное описаніе штурма завода и много другихъ мѣстъ, составляющихъ своеобразный интересъ автобіографіи Каина.

Удачнѣе оказались результаты литературной обработки тамъ, гдѣ авторъ развивалъ въ реальную конкретную картину одно какое нибудь, часто-загадочное, выраженіе Каина, — напримѣръ:

С². ..хотя я прежде онаго на одну только соль и промышлялъ, а гдѣ увижу медъ, то пальчикомъ лизалъ, и оное дѣлалъ для предковъ, чтобъ не забывалъ... [1016].

В. ..нерѣдко дѣлалъ, какъ въ домѣ своего господина, такъ и у ближнихъ сосѣдей небольшія покражи, т. е. прибиралъ просто лежащія оловянныя блюда, тарелки, мѣдную посуду и прочія, не очень дорогія вещи; притомъ-же не лѣнился онъ, вставая поутру гораздо ранѣе другихъ, относить въ охотный рядъ разную живность, а именно: гусей, утокъ и разнаго роду куръ, которыхъ кралъ онъ иногда у сосѣдей, а иногда у своего господина и у его домашнихъ, и часто, напиваясь пьяной, не ночевывалъ дома, и производилъ ссоры и драки... [1017].

Передъ нами, въ данномъ случаѣ, уже творчество Комарова. Образцовъ подобнаго сочинительства можно привести множество: Каинъ, напримѣръ, въ своей автобіографіи ничего не говоритъ намъ о знакомствѣ своемъ съ Камчаткой: онъ прямо заявляетъ: „вѣто время товарищъ мой Камчатка дожидался меня у двора“ [1018],—Комаровъ же подробно разсказываетъ о знакомствѣ ихъ и даже о предварительномъ совѣщаніи касательно бѣгства Каина: „будучи они въ одно время въ кабакѣ, между прочими разговорами Каинъ открылъ Камчаткѣ вышеупомянутое свое намѣреніе, которой, похваля его вымыселъ, совѣтовалъ ему, чтобъ онъ, не продолжая время, исполнилъ свое предпріятіе; и такъ, выпивъ по хорошей мѣркѣ вина, повторили свою дружбу и утвердили другъ друга клятвами въ томъ, что, есть ли одинъ изъ нихъ попадется въ какое несчастіе, то дру-

гому къ освобожденію своего товарища, изыскивать всевозможные способы“ [1019]. Такое-же обогащеніе деталями встрѣчаемъ мы въ описаніи посѣщенія Каиномъ и Камчаткой поповскаго двора [1020], въ разсказѣ о поведеніи Каина въ полиціи послѣ объявленія имъ „слова и дѣла“ [1021]; къ поэтическому вымыслу должно быть отнесено описаніе радостной встрѣчи Каина ворами послѣ его освобожденія,—автобіографія для этой картинки не даетъ матеріала [1022]; детально разработана встрѣча дѣвки съ Каиномъ, при чемъ мы встрѣчаемъ опять измышленіе автора: дѣвка, разсказавъ подробно о богатствахъ кладовой, спрашиваетъ Каина, „не хочетъ-ли онъ отвѣдать своего счастья, оныя (кладовыя) посѣтить; Каинъ, усмѣхнувшись, отвѣчалъ ей, что онъ подумаетъ о томъ со своими товарищами“ [1023]—для этой детали автобіографія также не даетъ ничего; вымысломъ является и сцена въ погребѣ, гдѣ, для спасенія Каина, подъячаго подкупаютъ воры [1024]; сочинена, и не особенно удачно, сцена, какъ Каинъ на колѣняхъ и со слезами выпрашиваетъ себѣ новый паспортъ [1025]; выдумана авторомъ покаянная рѣчь Каина, якобы сказанная имъ князю Крапоткину [1026].

Иногда измышленія автора имѣютъ цѣлью объяснить поведеніе героя. Такъ самъ Каинъ просто говоритъ, что, взявъ денегъ у своей пріятельницы, пожилъ немного на квартирѣ, а затѣмъ пошелъ съ шестью товарищами на Макарьевскую ярмарку [1027]. Комаровъ же вводитъ длинный разсказъ о томъ, какъ, послѣ дерзкихъ грабежей Ваньки, московская полиція была поднята на ноги, какъ опасно сдѣлалось для Ваньки пребываніе въ Москвѣ и какъ поэтому онъ рѣшилъ съ товарищами уйти на время изъ Москвы [1028]. Такимъ-же прибавленіемъ надо счесть и размышленія Каина передъ переходомъ его въ сыщики:

„ѣдучи дорогою, пришелъ Каинъ въ раскаяніе, размышляя самъ съ собой, что, хотя ему по сіе время счастье во всѣхъ воровскихъ дѣлахъ много способствовало, но, можетъ статься, когда ни есть, оставя его, предастъ достойному жребію; [ибо нѣтъ на свѣтѣ ничего непоколебимаго и твердаго, нѣтъ постояннаго, а только однѣ превратности и суеты его составляютъ!]; при томъ же приходило ему на мысль и то, что многіе славные разбойники, какъ-то Стенька Разинъ, Сѣнной и Гаврюшка и другіе, сколько ни имѣли успѣховъ въ воровскихъ дѣлахъ, но, наконецъ, прекратили жизнь свою, по достоинству своихъ дѣлъ, позорною смертью... И такъ, для сихъ резоновъ, разсудилъ онъ воровской свой промыселъ оставить“ [1029].

Подобныхъ прибавленій, ради осмысленія, можно найти еще нѣсколько.

„Пропусковъ“ въ сочиненіи Комарова гораздо меньше. Мы говорили уже выше, что выпущены нѣкоторыя остроты Каина и прибаутки, слишкомъ отзывавшіяся „подлымъ“ духомъ; но, кромѣ такого „облагороженія“ содержанія, авторъ смягчилъ почти всѣ „жестокія“ картины: пытки, битье кошками и пр.; выброшена бытовая картина дѣлежа судейскими секретарями и подъячими добра, отобраннаго отъ воровъ; непонятно, почему опущенъ разсказъ о веселомъ представленіи „хлѣбопекарни“ въ пустой придорожной избѣ...

Всѣ приведенныя нами особенности работы Комарова говорятъ намъ объ его литературчыхъ вкусахъ: прежде всего, онъ постарался „облагородить“ произведеніе Каина, — отчего колоритъ рѣчей и мыслей Каина въ его разсказѣ оказался обезцвѣченнымъ; затѣмъ онъ расширилъ отдѣльные, иногда чуть намѣченные, наброски въ цѣлыя картины реалистическаго пошиба; это послѣднее обстоятельство очень интересно,—въ исторіи романа этотъ процессъ (расширеніе картины и усиленіе реализаціи)—несомнѣнный признакъ эволюціи...

Собственно-литературное вліяніе вѣка въ переработкѣ Комарова сказалось, прежде всего, на введеніи въ жизнь Каина роли „фортуны“, „судьбы“, „рока“... Мы видѣли уже, что эта „судьба“, тяготѣвшая надъ героями греческаго романа, вмѣстѣ съ этимъ романомъ, дожила до XVII—XVIII-го вѣка и, своею жестокостью и капризами, немало горя принесла добродѣтельнымъ романическимъ героямъ. Очевидно, подъ вліяніемъ общихъ литературныхъ пріемовъ, Комаровъ нѣсколько разъ говоритъ о томъ, какъ „фортуна“ Каину много „способствовала и неоднократно извлекала изъ самыхъ несчастливѣйшихъ случаевъ, отъ которыхъ онъ иногда и самъ никакъ избавиться не чаялъ“ [1030]. Такъ, напримѣръ, разсказавъ о томъ, какъ Каинъ сдѣлался сыщикомъ, авторъ заключаетъ разсказъ патетическимъ восклицаніемъ:

„Вотъ, какъ судьба играетъ счастьемъ человѣческимъ: вора и разбойника, котораго, по силѣ законовъ, должно лишить жизни, или сослать въ тяжчайшую каторжную работу, дѣлаетъ благополучнымъ человѣкомъ!.. Подлинно, что превратное есть счастье человѣческое, въ рукахъ котораго имѣются несправедливые вѣсы, ибо, на которую сторону человѣкъ ни положитъ свою надежду, нигдѣ равновѣсія сыскать не можетъ; оно, стенящую и облеченную въ худую одежду, добродѣтель безразсудно топчетъ и попираетъ своими ногами, а на безчестныхъ и разными пороками наполненныхъ людей, смотритъ пріятными глазами и, награждая великимъ богатствомъ, возводитъ на вышнія степени“ [1031] и т. д.“

Въ другой разъ, говоря о свадьбѣ Каина, авторъ опять упрекаетъ фортуну за то, что она —

„часто веселится, дѣлая добрыхъ людей злосчастными и помрачая блистаніе справедливыхъ... Подлинно, что сокровенны отъ насъ таинства непостижимыя судьбы"... [1032].

Мы видѣли уже, что подобнаго рода „умствованія" и „морализація"—тоже неизбѣжная особенность многихъ романовъ той эпохи: авторъ считалъ своимъ долгомъ, прежде всего, поучать читателя и для этого пользовался отдѣльными характерными эпизодами изъ своего произведенія. Комаровъ внесъ эту особенность въ свое „сочиненіе" и далъ цѣлый рядъ подобныхъ отступленій, типичныхъ для романа XVIII-го вѣка. Таковы разсужденія автора о воспитаніи [1033], о счастьѣ-судьбѣ [1034], объ откровенности добродѣтельныхъ и скрытности порочныхъ [1035], о любви [1036], о могуществѣ невѣжества... [1037]. Кромѣ такихъ разсужденій общаго характера, авторъ иногда допускаетъ разсужденія по поводу разныхъ отрицательныхъ явленій русской жизни, — таковы его замѣчанія о русскомъ судѣ [1038], о подъячихъ [1039], о секретаряхъ [1040], о пьянствѣ духовенства... [1041].

Герой повѣсти у Комарова выдвигается на первый планъ еще энергичнѣе, чѣмъ въ „краткой повѣсти". Такая индивидуализація героя, конечно, была однимъ изъ главныхъ основаній романической техники, и Комаровъ инстинктивно пошелъ въ этомъ направленіи дальше своего предшественника: у него Каинъ уже названъ прямо „предводителемъ" воровъ [1042]. Для примѣра, сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій:

C² . . . мы, схватя, привели... и связавъ, въ... лодку положили [1043].	A. . . . связали, и, положивъ въ лодку... [1044].	B. Каинъ велѣлъ его связаннаго положить въ стоящую подлѣ берега лодку... [1045].
. . . реченная барыня бранила... [1046].	. . . наученная (кѣмъ—несказано) баба бранила... [1047].	. . . нареченная боярыня, по наученію Каинову, бранила"... [1048].
C² . . . мы велѣли одному изъ насъ... закричать на него „караулъ" [1049].	A. . . . одинъ изъ общества сихъ мошенниковъ закричалъ на него „караулъ"... [1050].	B. . . Каинъ послалъ за нимъ во слѣдъ одного изъ своихъ товарищей и приказалъ на него закричать: „караулъ" [1051].
C² . . притомъ спросили бывшаго тутъ калмыка, чьего оное господина...? Неужели у		B. . . .Каинъ, подошедъ къ бывшему съ управителемъ калмыку, спросилъ, котораго го-

него, сказали мы, лѣтней одежды нѣтъ... [1052].		сподина оное село... Каинъ, усмѣхнувшись, продолжалъ свою рѣчь: „неужли вашъ Генералъ всегда ходитъ въ шубѣ?..“ [1053].

Комаровъ, усиленно выдвигая своего героя, слѣдовалъ, въ данномъ случаѣ, по тому пути, на который вышелъ уже анонимный авторъ „краткой повѣсти“—это видно изъ того, что онъ повторилъ въ своемъ „сочиненіи“ всѣ тѣ случаи, когда авторъ „краткой повѣсти“ выдвигалъ Каина впередъ, отходя отъ текста автобіографіи. Напр. —

С[2] . . .мы, схватя его съ возу, привязали къ дугѣ... [1054].	А. Каину показалось сіе нѣсколько досадно. Велѣлъ онъ его съ воза стащить и привязать возжами къ дугѣ... [1055].	В . . .Каину показалось сіе нѣсколько досадно,—велѣлъ онъ его съ воза стащить и привязать возжами къ дугѣ... [1056].
С[2] . . . которому мы сказали, чтобъ онъ несъ въ церковь къ хозяину своему восковыя свѣчи [1057].	А. Каинъ сказалъ оставшемуся келейнику, чтобъ онъ несъ въ церковь восковыя свѣчи... [1058].	В. „. . .хозяинъ твой приказалъ тебѣ принесть въ церковь восковыхъ свѣчъ“, — отвѣчалъ Каинъ [1059].

Вводитъ Комаровъ въ свое произведеніе и „психологическій“ элементъ,—въ этомъ отношеніи онъ несравненно смѣлѣе автора „краткой повѣсти“, такъ какъ отваживается толковать почти всѣ побужденія Каина; къ сожалѣнію, толкованія эти настолько обезличиваютъ, а порою даже извращаютъ, образъ героя, что отъ настоящаго Каина остается такъ же мало, какъ и отъ его стиля.

Въ толкованіи автора Каинъ, напримѣръ, приходитъ въ „отчаяніе“ [1060], падаетъ духомъ до того, что „жалостнѣйшимъ образомъ“ проситъ хлѣба [1061], — труситъ до того, что блѣднѣетъ до неузнаваемости [1062], приходитъ въ „несказанную радость“ [1063], унижается до колѣнопреклоненій и слезъ [1064]; отказъ дѣвушки выйти за него замужъ „поражаетъ героя пуще громоваго удара“ и „чрезмѣрно огорчаетъ“ его, „сгараемаго любовною страстью“ [1065]... Всѣ эти попытки заглянуть въ душу героя, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, совершенно исказили тотъ могучій образъ, который рисуется изъ архивныхъ данныхъ и автобіографіи.

Болѣе удались автору толкованія души героя въ тѣ моменты, когда онъ освобождается отъ опасности. Конечно, Каинъ „обрадовался“, если, дѣйствительно, узналъ отъ дѣвушки, кормившей

медвѣдя, что у нихъ въ домѣ несчастье, для него очень выгодное [1065]; вѣроятно, получивъ вольную, выходя изъ Преображенскаго въ Москву, Каинъ чувствовалъ „неописанную радость“ [1066]; несомнѣнно, чувство опасенія владѣло Каинымъ и товарищами, когда они, спасаясь отъ погони, бросали въ грязь свою добычу... [1067].

Такъ какъ ни одинъ романъ того времени не обходился безъ „любви“, то Комаровъ счелъ своимъ долгомъ выдвинуть, насколько можно, болѣе впередъ этотъ любовный элементъ и „героиню“. Въ своей автобіографіи Каинъ оставилъ свою подругу въ тѣни, исторію своей любви обрисовавъ, съ присущимъ ему цинизмомъ и сжатостью, эпически-спокойно. Не то мы видимъ у Комарова: небольшой вставной эпизодъ, о которомъ Каинъ и упомянулъ, очевидно, только для того, чтобы порисоваться своею изобрѣтательностью, — онъ развилъ въ цѣлую картину преслѣдованья добродѣтели порокомъ,—общее мѣсто въ романѣ XVIII-го вѣка:

„...злосчастная и безвинно-страждущая дѣвица, какъ скоро о томъ увѣдомилась, полились источники горчайшихъ слезъ изъ глазъ ея; и, упавши въ обморокъ, лежала нѣсколько времени безъ всякаго чувства; а какъ натура преодолѣла тѣлесныя человѣческія слабости, и пришла она въ прежнюю память, разсуждала о своемъ горестномъ состояніи, и, не находя никакого къ своему избавленію средства, принуждена была принять прибѣжище къ своему злодѣю и склониться на его требованіе... Безчеловѣчный мошенникъ, услыша сіе, несказанно обрадовался, и тужъ минуту подобно, какъ голодной хищный ястребъ на незлобиваго голубя, бросился къ ней въ тюрьму съ великимъ восторгомъ. По приходѣ его туда, говорила она ему, обливаяся сама горькими слезами: „я вижу, что судьба опредѣлила мнѣ быть несчастливѣйшею навѣки, и, ежели ты можешь избавить меня отъ угрожающаго мнѣ напраснаго мученія, то я соглашаюсь, противъ воли моего сердца, быть законною твоею супругою, а инакъ лучше хочу умереть, нежели лишиться дѣвической чести“. Каинъ, слыша сіе, не зналъ, что отъ радости дѣлать, клялся ей разными клятвами, что онъ непремѣнно на ней женится“ [1068].

Въ приведенной цитатѣ—передъ нами прекрасный образчикъ „романизаціи“. Каинъ въ своей автобіографіи далъ автору очень скудный матеріалъ, сказавъ только: „почему она увѣдомилась, прислала по меня, чему я былъ радъ,—тотъ часъ-же пришелъ къ ней; тогда услышалъ отъ нея, что ужеза меня замужъ итти желаетъ“ [1069],— Комаровъ изъ этихъ словъ создалъ цѣлую картину, съ традиціоннымъ „романическимъ“ обморокомъ дѣвицы, размышленіями, слезами, угрозами кончить жизнь самоубійствомъ, жалобой на „судьбу“... Простая сдѣлка, подъ его перомъ, обратилась въ трагическую страницу изъ романа, кончающуюся шаблонными размышленіями о слѣпой „фортунѣ“, управляющей жизнью людей [1070].

Въ широкихъ размѣрахъ вводитъ Комаровъ и разговорную рѣчь: и въ этомъ отношеніи идетъ онъ опять гораздо дальше автора „краткой повѣсти“. Конечно, діалогическая форма изложенія должна была внести больше живости въ разсказъ, сблизить съ жизнью и этимъ поспособствовать бо́льшей реализаціи. Мнѣ приходилось выше неразъ дѣлать сопоставленія, изъ которыхъ видно было это стремеціе Комарова къ діалогу. Припомнимъ, хотя-бы, бесѣду Каина съ слугою грека-Зефира [1071], со слугою генерала Шубина [1072], разговоръ преступника Скоробогатаго съ секретаремъ [1073], показанія одной женщины на лжехриста-Андрюшку [1074] и много другихъ. Всѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи авторомъ „краткой повѣсти“, Комаровъ сохранилъ въ своемъ сочиненіи.

Наконецъ, надо отмѣтить еще одну особенность „сочиненія“ Комарова: по примѣру многихъ романистовъ своего времени, онъ вноситъ въ свое произведеніе нѣкоторый лиризмъ, выражающійся то въ восклицаніяхъ [1075], то въ эпитетахъ [1076], то въ обращеніяхъ къ читателю [1077]; не удерживается онъ и отъ попутныхъ остротъ: такъ, напримѣръ, ухаживанье Каина, сначала неудачное, вызываетъ автора на такую шутку: „и такъ сей мошенническій купидонъ, какъ ни старался напрягать слабой свой лукъ, съ тупыми стрѣлами противъ постояннаго сердца сержантской дочери, но все его стараніе осталось тщетно“ [1078]; шутитъ авторъ и относительно проницательности секретарской [1079]; остритъ даже по поводу того барина, котораго Каинъ оставилъ на морозѣ съ голыми ногами среди поля: „то принужденъ былъ сей господинъ, на подобіе гуся, поджавши подъ себя босую ногу, сидѣть на дорогѣ“ [1080] и пр.

Къ попыткамъ создать „народный романъ“ („Völksbücher“), отнесъ я разбираемое произведеніе потому, что оно, и по содержанію, и по духу, очень близко къ этой своеобразной литературной группѣ.

У насъ, въ XVIII-омъ вѣкѣ, два такія переводныя произведенія были извѣстны даже въ печати: „Похожденіе оживщаго новаго увеселительнаго и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута и шута Совѣстдрала, большого носа“, пер. съ польск. 3 ч. Спб. и М. 1781 № 547: (2-ое изд. — 1793; 3-ье изд.—1798 *) и „Итальянской

*) Отрывки изъ этого же произведенія, съ болѣе точнымъ наименованіемъ героя („Совья-Зеркало“), помѣщены въ „Библіотекѣ нѣмецкихъ романовъ“ (3 ч. М 1780, № 449).

Езопъ, или сатирическое повѣствованіе о Бертольдѣ"..., пер. съ фр. Спб. 1778—№ 355 (2-ое изд.—1782 г.).

Первое произведеніе есть переводъ извѣстнаго съ XV-го столѣтія въ нѣмецкой литературѣ романа о продѣлкахъ Эйленшпигеля **). Прежде, чѣмъ попасть въ нашу печатную литературу въ 1781-омъ году, это популярное сочиненіе, несомнѣнно, было распространено у насъ или въ видѣ рукописнаго перевода, или въ видѣ устныхъ пересказовъ,—по крайней мѣрѣ, слѣды вліянія этой старинной книги можно отыскать и въ русской сказкѣ о похожденіяхъ плутовъ, прикидывающихся дураками, и въ сборникахъ фацецій. Возможно, что знакомство съ продѣлками Эйленшпигеля, передѣланнаго у насъ въ „Совѣстдрала", въ свое время оказало вліяніе и на Ваньку-Каина,—такъ сказать, воспитало его злую волю и умъ...

Быть можетъ, поэтому въ лицѣ „Совѣстдрала" передъ нами мелькаютъ нѣкоторыя черты, роднящія этотъ образъ съ каиновымъ: передъ нами—злостный шутъ, пройдоха, который съ особымъ увлеченіемъ „пакоститъ" всѣмъ, то прикидываясь дуракомъ, то обнаруживая на „испытаніяхъ мудрости" (быстрое рѣшеніе загадокъ и отвѣты на трудные вопросы) и остроуміе, и проницательность...

Правда, въ деталяхъ между продѣлками „Совѣстдрала" и Каина нѣтъ ничего общаго, но духъ обоихъ героевъ—одинъ и тотъ же... Оба они—родные братья... Выше я показалъ, что въ своей автобіографіи Каинъ особенно подчеркнулъ въ себѣ черты именно „совѣстдраловскія"... Литературная форма обоихъ произведеній также сходна: если въ автобіографіи Ваньки-Каина его подвиги и не занумерованы, какъ въ повѣсти о „Совѣстдралѣ", то все же, даже подъ перомъ Комарова, романъ о Ванькѣ-Каинѣ скорѣе напоминаетъ собой „собраніе анекдотовъ" о героѣ, чѣмъ связное изложеніе его жизни.

**) По поводу „Эйленшпигеля" Шереръ въ своей „Исторіи нѣмецкой литературы" говоритъ слѣдующее: „весьма возможно, что въ четырнадцатомъ вѣкѣ, дѣйствительно, жилъ человѣкъ, по имени Эйленшпигель,—что онъ родился въ Кнейтлингенѣ, около Брауншвейга и похороненъ въ Мелльнѣ, какъ о томъ говоритъ его исторія, которая была написана уже только въ 1483 г., и около 1550 была въ первый разъ напечатана. Но мы уже не можемъ рѣшить, какія выходки онъ дѣйствительно, производилъ и какія только были отнесены къ его имени. Онъ сталъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ исторій, въ которыхъ человѣкъ вредитъ окружающимъ безъ малѣйшаго повода, а изъ одной любви ко злу". Приблизительно то же сказалъ я о „Ванькѣ-Каинѣ. (См. выше стр. 845).

Герой второго переводнаго романа „Итальянскій Езопъ“ — Бертольдъ,—фигура, менѣе у насъ популярная и замѣтная,—тоже сродни обоимъ названнымъ. Передъ нами — „умный шутъ“-пройдоха, который тоже, съ особой любовью, преслѣдуетъ людей своими злобными продѣлками: впрочемъ, въ нравственномъ отношеніи, онъ все же сортомъ повыше и Эйленшпигеля, и Ваньки Каина: часто своимъ злымъ, безпощаднымъ словомъ онъ обличаетъ порокъ... Подобно Эйленшпигелю, онъ—мудрецъ и блестяще выдерживаетъ „испытанія“ на мудрость, разрѣшая трудныя загадки, давая быстрые, остроумные отвѣты на трудные вопросы. У него, какъ у Эйленшпигеля и Ваньки-Каина, тоже есть наклонность говорить метафорами, пословицами и прибаутками,—черта, очевидно существенная для всѣхъ „народныхъ“ героевъ этого пошиба.

Литературная исторія романа о Ванькѣ-Каинѣ была бы не полна, если бы я, хотя не надолго, не задержался на характеристикѣ похожденій того французскаго мошенника Картуша, который сдѣлался почетнымъ прозвищемъ нашего вора Ваньки-Каина („Россійскій Картушъ“),—разсказъ о которомъ, переведенный съ нѣмецкаго, вызвалъ, въ свое время, обнародованіе повѣсти о Каинѣ и этимъ, конечно, еще поднялъ его популярность... Картушъ—тоже родной братъ Каина: мошенникъ, надѣленный огромной энергіей, геніальной находчивостью и неутомимостью,—онъ созидаетъ великія преступныя организаціи; онъ терроризуетъ весь Парижъ, и, въ концѣ концовъ, вызываетъ на борьбу съ собой правительство... На толпу и онъ, и Ванька-Каинъ имѣютъ огромное вліяніе: обаяніе мощи ихъ зла побѣждаетъ всѣхъ,—и обоихъ героевъ дѣлаетъ „интересными“ въ глазахъ не только современниковъ, но и послѣдующихъ поколѣній...

Въ деталяхъ сходства между продѣлками обоихъ мошенниковъ нѣтъ *),—но духъ у нихъ одинъ и тотъ же—злостный и наглый,

---

*) Несущественными являются, въ моихъ глазахъ, слѣдующія совпаденія: оба воруютъ не въ одиночку, а въ компаніи; оба издѣваются надъ своими жертвами... Такіе факты, какъ переходъ изъ воровъ на роли недобросовѣстныхъ сыщиковъ и диктатура надъ Парижемъ—Картуша, Ваньки—надъ Москвой—сходства жизненныя, но не литературныя. Кромѣ того, въ разсказѣ о Картушѣ встрѣчаемъ мы остроты, по духу приближающіяся къ каиновымъ, хотя, по качеству, далеко имъ уступающія. („Опредѣлено было отослать ихъ въ публичный наказательный домъ, въ коемъ довольно награждаютъ за усердные труды“; „послали противъ воли его, на галеры учиться мореплаванью“; потомъ спустили его въ окошко по веревкѣ такъ легко, что всѣ кости, чрезъ сію новую анатомію, переломались“ и пр.

ищущій преступной авантюры, какъ *спорта*... Тѣмъ не менѣе, говорить о заимствованіи составителями жизнеописанія Каина фактовъ изъ повѣсти о Картушѣ, — нѣтъ серьезныхъ никакихъ основаній.

Какъ въ наши дни, подъ вліяніемъ наплыва литературы о похожденіяхъ Шерлока-Холмса, Натъ-Пинкертона, французы вспомнили о своемъ Лекокѣ и Видокѣ и стали издавать книги объ ихъ похожденіяхъ, такъ у насъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, появился въ печати разсказъ о подвигахъ Путилина,—„геніальнаго" „русскаго" сыщика. На такихъ же психологическихъ основаніяхъ интересъ къ Картушу вызвалъ въ XVIII-омъ вѣкѣ появленіе въ печати сочиненія Комарова и автобіографіи Каина...

Вообще между этой литературой, недавно еще модной у насъ, и увлеченіемъ XVIII-го вѣка подвигами Ваньки-Каина много общаго: какъ въ нашей рыночной литературѣ „героями дня" еще недавно были „сыщики",—такъ въ XVIII-омъ вѣкѣ въ кругахъ малокультурной, но многочисленной, публики зачитывались разсказами о Ванькѣ-Каинѣ...

Изъ пересказа всѣхъ этихъ произведеній, отнесенныхъ мною къ группѣ романовъ „оригинальныхъ", нетрудно усмотрѣть, что— a) при всемъ разнообразіи ихъ содержанія, характера и настроеній,—b) при наличности въ нихъ нѣкоторыхъ типичныхъ литературныхъ шаблоновъ, характерныхъ для романовъ чисто-подражательныхъ,—есть въ нихъ, кромѣ того, нѣчто своеобразное, заставляющее выдѣлять эту романическую группу изъ ряда всѣхъ прочихъ произведеній, разобранныхъ мною выше.

Они—или связаны съ литературной традиціей, унаслѣдованной отъ старинной повѣсти. Это сказалось—a) въ пользованьи старыми сюжетами и подражательнымъ творчествомъ въ духѣ этой старины—b) въ характерѣ того реализма, которымъ они всѣ проникнуты: это не циничный реализмъ испанскаго романа, (отчасти, впрочемъ, этотъ характеръ, правда, въ смягченномъ видѣ, удержанъ въ повѣстяхъ Чулкова), — это не тенденціозный реализмъ Лесажа, пародирующаго героическій романъ,—это и не дидактическій реализмъ англійскаго романа,—въ которомъ не прикрыто нравоученіе, ясно сквозитъ проповѣдь морали и чувствуется пропаганда идеи,—реализмъ нашего оригинальнаго романа сохраняетъ черты того „инстинктивнаго" реализма, съ которымъ раньше мы встрѣтились въ старой русской повѣсти XVII-го вѣка и который позднѣе

русскую литературу XIX-го вѣка сдѣлалъ „зеркаломъ“ „дѣйствительной жизни“ Эта характерная особенность русскаго реализма даже изъ нашихъ „дидактиковъ“ XVIII-го вѣка—А. Л., съ его романомъ „Неонила“, и А. Измайлова, съ его „Евгеніемъ“, а въ XIX-омъ столѣтіи изъ Гоголя и Гончарова, — сдѣлала, прежде всего, правдивыхъ художниковъ жизни, лишивъ ихъ произведенія той тенденціозности, которую они сами, повидимому, сознательно хотѣли навязать своимъ созданіямъ...

„Ближе къ жизни!“—къ дѣйствительности,—къ пріемамъ *свободнаго* реалистическаго письма,—дѣлается лозунгомъ русскихъ передовыхъ литераторовъ XVIII-го столѣтія *), искавшихъ новыхъ путей... Отсюда отрицательное отношеніе къ фабулезному, „авантюрному“ роману, къ произведеніямъ - исключительно эротическимъ,—отсюда стремленіе къ психологическимъ проблемамъ и къ реальному изображенію жизни... Именно это стремленіе и сказалось вполнѣ опредѣленно въ произведеніяхъ разбираемой группы: отъ надуманныхъ литературныхъ образовъ и чужихъ, подсказанныхъ идей русскій романистъ, мало-по-малу, начинаетъ обращать свой пытливый взглядъ на явленія и факты современной ему жизни и пытается зарисовывать наиболѣе типичное, интересное, при томъ затрагивающее мысль и чувство гуманнаго человѣка...

Этотъ духъ „гуманности“ тоже является характерной чертой очень многихъ произведеній, повѣстушекъ, или просто очерковъ, разобранныхъ мною въ этой главѣ. Въ нихъ писатель XVIII-го столѣтія подошелъ вплотную къ темамъ, сюжетамъ и образамъ, которые впослѣдствіи дали содержаніе лучшимъ русскимъ романамъ XIX-го столѣтія. Такое „органическое“ родство этой группы съ послѣдующимъ русскимъ творчествомъ—тоже ихъ интересная черта. Изъ романовъ другихъ группъ только отчасти романы „англійскаго типа“ отличаются этой же особенностью.

До какой степени широко и разнообразно захвачена была русская жизнь въ произведеніяхъ этой группы, видно, хотя бы, изъ того, что передъ нами, въ лицѣ Никанора—предстало мелкое служилое дворянство, изображенное на широкомъ фонѣ русской жизни; въ лицѣ Ваньки-Каина—кругъ пониже: дворовое крестьянство, зараженное городской „культурой“; въ повѣстяхъ Новикова, собранныхъ подъ общимъ названіемъ: „Похожденія Ивана, гости-

*) Эта тенденція сказалась ясно и въ предисловіяхъ къ оригинальнымъ русскимъ романамъ (см. выше вып. I стр. 72).

наго сына“—изображено русское купечество; въ романахъ: „Евгеній“ и „Неонила“—русское помѣстное дворянство; въ произведеніяхъ Чулкова—деревенское крестьянство, мелкое чиновничество, отчасти даже провинціальное духовенство... Словомъ, всѣ слои русской жизни, (кромѣ высшаго дворянства и придворныхъ круговъ), нашли въ романѣ XVIII-го вѣка свое воплощеніе... Вотъ почему, для оцѣнки русскаго романа *XIX-го столѣтія*, надо внимательно всмотрѣться въ романъ *XVIII-го столѣтія* (особенно въ произведенія той группы, въ которой я охарактеризовалъ русскій „*оригинальный*“ романъ). Здѣсь, въ этихъ произведеніяхъ,—эмбріонъ будущаго русскаго художественно-реалистическаго романа,—здѣсь—начало русскаго историческаго романа,—здѣсь—первая попытка создать „народный романъ“!..

Примѣчанія и ссылки, относящіяся къ VIII-ой главѣ.

1—Текстъ напечатанъ въ моемъ сборникѣ: „Русскія повѣсти XVII ст." стр. 59. 2—Болотовъ, I, 10, 25, 61, 686 и др. 3—ib., 99. 4—ib. 690, 14, 15, 17; 5—напр. ib. II, 142, 143 6—ib. 14-5, 801, 806; 7—ib. 16, 805-6, 836-7; 8—ib., 13-14 9—Винскій, Р. Арх. 1877, I, 79. 10—Дѣянія кн. Шаховскаго, 41. 11—Кичеевъ, 163. 12—Н. О. Острогожскій-Лохвицкій, 31. 13—В. Сиповскій, op. cit. 59. 14—Новиковъ, 112-4. 15—Сиповскій, 61. 16—Новиковъ, ib. 116-7. 17—Сиповскій, 61. 18—Новиковъ, ib. 117-9. 19—Сиповскій 64-5. 20—Новиковъ, 129-134. 21—ib., 1. 22—1-2. 23—3. 24—4. 25—5. 26—6-7. 27—10. 28—10. 29—ib. 11. 30—10-11. 31—ib. 11-12. 32—ib. 14. 33—11-8. 34—20. 35—21. 36—22. 37—24. 38—27. 39—39-40. 40—42-4. 41—43-4. 42—45. 43—46. 44—47. 45—48. 46—49. 47—ib. 48—50. 49—52. 50—52. 51—52-3. 52—53. 53—53. 54—54. 55—164. 56—165. 57—166. 58—166. 59—166-7. 60—167. 61—168

62—ib.; 63—169. 64—170. 65—181. 66—184. 67—185. 68—185. 69—188. 70—189. 71—190. 72—191. 73—192. 74—193. 75—194. 76—15. 77—ib. 78—16. 79—17. 80—ib. 81—19. 82—20. 83—ib. 84—21. 85—24-5. 86—28-31. 87—32. 88—34. 89—34-5. 90—37. 91—39. 92—40. 93—41. 94—Добрынинъ, op. cit. 81. 95—ib. 79. 96—Вагинаковъ, op. cit. 57. 97—81. 98—81. 99—ib., 9. 100—16. 101—18. 102—76. 103—42. 104—91. 105—39. 106—117. 107—119-120. 108—Болотовъ, op. cit. I. 9. 162; II, 575, 585, 813; III. 62. 321 и др. 109—II, 585. 110—II, 813; 111—Д. Ростиславовъ, Р. Стар. 1880, XXVIII, 45. 112)—37. 113—Памятныя записки княгини Н. Б. Долгорукой, ib. 1867, 55-6; „Исторія моей жизни" Ник. Шикова, Спб. 1881, 6—7; Записки М. В. Данилова, ib. 1842, 20-2, 38, 44; „Воспоминанія А. Е. Лабзиной, Спб. 1903, 24-6; „Воспоминанія объ адмиралѣ" Н. С. Мордвиновѣ Н. Н. Мордвиновой. Спб. 1873.

114—op. cit. 22. 115—ib. 116—Щербань, op. cit. Р. В., 1877, № 9, 481. 117—50. 118—50. 119—op. cit. 50. 120—28, 50. 121—50. 122—50. 123—31. 124—Даниловъ, 38. 125—40-1. 126—Р. Арх. 1872, 810-11. 127—Р. Арх. 1877, I. 81-2. 128—Р. Стар. 1880 XXVII, 683-5. 129—Р. Стар. 1873, VIII, 828. 130—Энгельгардтъ op. cit. 6. 131—В. Сиповскій, „Русскія повѣсти". 132—Ив. Новиковъ. op. cit. I, 2, 13, 49, 52; II, 24. 133—II, 23-4, 25. 134—I, 1, 45 и др. 135—I, 27-41. 136—I, 15, 16, 41-2, 50-1; II, 25. 137—I, 18; II, 24, 40. 138—I, 3-4, 20, 26, 52, 5—6, 10, 11, 12, 14, 15, 18, 19. 139—II, 19. 140—I, 21, 25; II, 16; 141—21. 142—22. 143—23. 144—24. 145—53. 146—54.

147—*М. Комаровъ, „Несчастной Никаноръ"*, I, 3. 148—op. cit. 4. 149—ib.; 150—III, 4. 151—III, 9. 152—III, 12. 153—III, 16. 154—II, 51. 155—III, 169. 156—ib. 152. 157—I, 156. 158—I, 151. 159—153. 160—ib. 161—I, 12. 162—I, 32-3. 163—I, 46-7. 164—I, 48. 165—I, 64-5. 166—I, 94-5. 167—I, 120-1. 168—I, 132-3. 169—I, 135. 170—I, 167-8. 171—I, 170. 172—I, 176. 173—II, 22-3. 174—II, 97. 175—97, 170. 176—II, 110. 177—III, 49. 178—III, 49. 179—III, 66. 180—III, 78-80. 181—III, 87. 182—III, 90. 183—ib. 184—III, 96. 185—III, 119. 186—III, 124. 187—III, 123. 188—III, 139. 189—ib. 190—III, 178. 191—III, 194. 192—III, 206-7. 193—ib. 216. 194—220. 195—225. 196—231. 197—238. 198—Болотовъ, op. cit. I, 258—9; еще: II, 711, 717; III. 85; II. 1003. 199—III, 85. 200—I, 156—7; I, 155—6; 201—156-7. 202—„Семейныя записки" Тольчевой, 95, 96. 97-8. 203—Н. Ч. „Изъ моихъ воспоминаній". Русск. В., 1873, № 6, 598—9. 204—Левшинъ, „Домашній памятникъ", Русск. В., 1873, № 8; 836-7.

205—Кичеевъ, op. cit. 168; Свербеевъ, 129—131. 206—Щербань, op. cit., Р. В. 1877, № 7, 326. 207—Ростиславовъ. op. cit., Р. Ст. 1880, XXVIII, 205-6. 208—Ѳ. М. Невѣровъ, op. cit. Р. Стар. 1883, XL, 436—7; Еще: записки Ѳ. Леонтьева, (Р. В. 1883, № 10, 843—4); Н. Ч., „Махонины" Р. В. 1873, 229-30). 209—op. cit. I, 58 210—147. 211—ib. еще: 15, 67; „злой рокъ": 21, 68, 32, 74, 133 212—174; 213—66

214—*М. Чулковъ*, „*Досадное пробужденіе*", „Русск. Ск."—VI, 265, 215—op. cit, 266. 216—267. 217—268. 218—269. 219—271. 220—ib. 221—273. 222—274. 223—275. 224—283. 225—285. 226—286. 227—*М. Чулковъ*, „*Горькая участь*", 188—190. 228—190; 229—ib.; 230—191. 231—192. 232—192-3. 233—193. 234—194. 235—ib.; 236—195-6. 237—197. 238—ib.; 239—198. 240—ib.; 241—201. 242—ib.; 243—Геттунъ, op. cit. Истор. В., 1880 № 1, 29. 244—П. Назаровъ, Записки, Р. Стар. 1878, XXII, 22, 532. 245—Ив. Меньшой, op. cit. Р. Стар. 1874, X, 49.

246—*М. Чулковъ*, „*Новоиспеченный скоморохъ*", op. cit. 32-3. 247—ib. 33-4. 248—89. 249—35-6. 257—37. 258—84. 259—ib.; 260—89. 261—87. 262—89. 263—84-5. 264—85. 265—86. 266—94. 267—94. 268—94-5; 269—95. 270—op., cit. 116-8. 271—op. cit. 8-9. 272—Болотовъ,—I, 240. 273—ib. 226. 274—II, 669. 275—Даниловъ, op. cit., 15. 276—ib. 57. 277—op. cit. 21.

278—*Чулковъ*, „*Повѣсть о новомодномъ Дворянинѣ*", „Русск. сказки" IV, 83. 279—83-4. 280—84-5. 281—85. 282—119. 283—85. 284—86-7. 285—90. 286—93. 287—95-6. 288—97. 289—97-8. 290—99. 291—ib. 292—102. 293—103. 294—108. 295—109. 296—113-4. 297—118. 298—120. 299—122. 300—123. 301—124. 302—op. cit Ист. В, 1887, № 10, 409. 303—op. cit., Р. Арх. 1877, 87. 304—ib., 86. 305—ib. 107. 306—op. cit., 31-2, 43, 44, 49, 71, 76, 88, 103, 93, 62, 63-4, 93, 111, 116, 120. 307—ib. 38. 308—Лукинъ, Р. Арх., 1865, 451.

309—„*Кривоносъ домовладѣлецъ страдалецъ мозоли*", Спб. 1789. 310—op. cit. 311—4. 312—5. 313—ib. 314—6. 315—ib. 316—8. 317—9. 318—11. 319—11-12. 320—13. 321—ib. 322—14 323—15 324—16. 325—19. 326—20. 327—21. 328—22. 329—25. 330—27. 331—31. 332—32.

333—*Н. Карамзинъ*, „Наталья, боярская дочь", VIII, 13. 334—op. cit. 43-4. 335—14-5. 336—69. 337—29 338—31. 339—ib. 56—(прим.). 340—24. 341—23-4. 342—ib. 31-3. 343—33. 344—34-5. 345—35-6. 346—25. 347—26-28. 348—40. 349—41-2. 350—42-3. 351—43. 352—44. 353—45. 354—47. 355—47. 356—49. 357—51. 358—51-3. 359—54-5. 360—59-60. 361—66 362—ib. 363—245. 364—269. 365—239. 366—А. С—въ, „Записки отжившаго человѣка", Вѣстн. Евр. 1871 т. IV, 604-5. 367—Моск. Журн., VIII, 17-18. 368—А. Д. Боровковъ, «Автобіогр. Записки», Спб., 399, стр. 20.

369—*Н. Карамзинъ*, „*Флоръ Силинъ*", М. Ж., III, 31. 370—ib. 31. 371—ib. 31. 372—ib. 33. 373—34. 374—35. 375—36. 376—М. Дмитріевъ, „Мелочи изъ запаса моей памяти". 377—„Вѣстн. Евр." 1802, № 3, 52. 378—„Вѣстн. Евр." 1802, № 5, 139. 379—„Спб. Меркурій", 1793, I, 82-3. 380—„Муза", 1796, III, 265, еще: „Другъ просв.", 1804, I, 29, „Любит. Словесности", 1806, I, 66; весь журналъ С. Глинки «Русскій Вѣстникъ» проникнутъ этими идеями. О Парашѣ Луиаловой («Параша Сибирячка») первое извѣстіе въ „Сѣв. Вѣстн.", V, 75. 381—*Иванъ Варѳоломеичъ*, Пр. и пол. пр. вр., I, 11. 382—ib. 13. 383—15. 384—ib.; 385—ib.; 386—„*Извощикъ*", пр. и пол. препр. вр. XIX, 401. 387—ib. 388—403. 389—404-5. 390—406. 391—407. 392—408. 393—409. 394—410. 395—410. 396—403.

397—*А***

475—„*Филонъ*“, Муза, I и II, 1796. 476—op. cit. III, 232. 477—II, 237. 478—III, 225. 479—I, 74. 480—I, 75. 481—ib. 482—I, 76. 483—I, 77. 484—I, 79-80. 485—I, 81-2. 486—I, 84. 487—I, 85. 488—I, 85-86. 489—I, 87-8. 490—144-5. 491—II, 58-9. 492—II, 65. 493—III, 214. 494—II, 216. 495—II, 2[illegible]6—II, 69-71. 497—II, 72. 498—II, 220—1. 499—II, 224. 500—II, 232. 501—II, 233. 502—II, 238. 503—III, 136. 504—III, 137. 505—III, 151. 506—III, 1[illegible]. 507—III, 151. 508—219. 509—IV, 62. 510—IV, 68-9. 511—69. 512—71. 513—IV, 71-72. 514—157. 515—IV, 170-171.

516 „*Письмо къ Б. и къ его семейству*“, Пр. и пол. препр. вр., XVIII, 145. 517—op. cit. 146. 518—147. 519—151. 520—152. 521—„*Вояжъ моего друга*“, пр. и пол. пр. вр. 1798. XVII, 97. 522—97. 523—98. 524—ib. 525—99. 526—ib. 527—ib. 528—101. 529—102. 530—103. 531—104-5. 532—106. 533—108. 534—113-4. 535—114. 536—115. 537—*Пилимонъ*, „*Разговоръ*“. Пр. и пол. препр. вр., 1798, XVIII, 17. 538—17-18. 539—18-19. 540—21-2. 541-22. 542—23. 543—27. 544—28. 545—39. 546—„*Моя спасибыня прохожденія*“, „Магазинъ общеполезныхъ свѣдѣній“, ч. II, 1795. 547—29. 548—30-31. 549—32-3. 550—33. 551—33-4. 552—34. 553—ib. 554—35. 555—ib. 556—36-7. 557—58. 558—39. 559—40. 560—41. 561—42. 562—43. 563—115. 564—116. 565—ib. 566—117. 567—118. 568—119. 569—119-120. 570—120. 571—121. 572—123. 573—124-5. 574—125. 575—125-9. 576—Винскій, Р. Арх., 1877, № 1, 195. 577—Щербовъ, op. cit. 133. 578—Мордвинова, op. cit. 41. 579—Герковъ, op. cit. II, 15.

580—*А. Измайловъ*, „*Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества*“, 2 ч. Спб., 1799—1801. 581—ib. 1-2. 582—3. 583—5; 584—8. 585—29-30. 586—32. 587—32-4. 588—34. 589—39. 590—37-9. 591—43-4. 592—48. 593—49. 594—50. 595—51. 596—55. 597—55-6. 598—6[illegible]-62. 599—63. 600—66. 601—67. 602—ib. 603—68-69. 604—70. 605—74. 606—77. 607—78-9. 608—82. 609—91. 610—92. 611—93. 612—94. 613—95. 614—97-8. 615—112-3. 616—114-5. 617—116. 618—117-8. 619—118. 620—119. 621—II, 7. 622—9. 623—10. 624—11. 625—12. 626—17. 627—21-2. 628—22-3. 629—41. 630—49-50. 631—53. 632—55. 633—65. 634—200. 635—148. 636—149. 637—150. 638—155-6. 639—ib. 640—160. 641—161. 642—224.

643—Г. Добрынинъ, „Истинное повѣствованіе“—66-7. 644—Кн. П. Волконскій, „Разсказы“ Р. Стар., 1876, XVI, № 5, 176. 645—Д. Энгельгардтъ, „Записки“, 9. 646—Н. Левшинъ, „Дохашній Памятникъ“. Русск. Стар. 1873 стр. 851. 847—ib. 848; 648—Протасьевъ, „Дневникъ“, „Истор. В.“ 1887, 409 стр.; 649—Левшинъ, op. cit. 850-1. 650—Казанова, op. cit. Р. Ст., 1874, № 9, 550-1. 651—ib. Энгельгардтъ, op. cit. 8. 652—ib. 9. 653—Левшинъ, 850. 654—Протасьевъ, op. cit. 4[illegible]. 655—Винскій, op. cit. Р. Арх. 1877 № 1, 86. 656—ib. 87. 657—107. 658—ib. 1[illegible]-4. 659—Даниловъ, op. cit. 61. 660—Винскій, op. cit. 94. 661—Арх. кн. Оболенскаго-Нелединскаго, 315-316. 662—Даниловъ, 65. 663—Винскій, 89. 664—Даниловъ, 69. 665—О. А. Пржецлавскій, „Воспоминанія“. Р. Стар., 1883, XXXIX, 477-8.

666—ib. 481-2. 667—Винскій, 95. 668—ib. 669—ib. 670—ib. 96. 671—Щербатовъ, op. cit. 56. 672—57-8. 673—ib. 64. 674—ib. 65. 675—Даниловъ, 125. 676—Мирковичъ, Жизнеописаніе—5. 677—Даниловъ, op. cit. 63. 678—Винскій, 91. 679—ib. 85. 680—Лукинъ, Записки. Р. Арх. 1865, 447-8. 681—Даниловъ, 108. 682—А. Фадѣевъ, op. cit. 43—55. 683—Вишняковъ, Свѣдѣнія о куп. родѣ Вишняковыхъ, 184-5; 684—Пазиновъ, „Изъ воспоминаній старожила“, Р. В. 1876, № 7, 74. 685—В. П. Аскоченскій, „Дневникъ“, Ист. В., 1882, № 7, 331. Ростиславовъ, op. cit. Р. Ст. XXVIII, 45, 48—9 и Голохвастова: „Ванька Каинъ, знаменитый московскій сыщикъ“, Спб., 1901. Въ позднѣйшей литературѣ Ванька-Каинъ выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ въ романѣ Загоскина: „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“,—героемъ въ произведеніи Потапова: „Ванька-Каинъ“, сказка въ стихахъ, 2 ч. М. 1847. Часть дѣла Ваньки Каина напечатана у Кашпирева въ сб.: „Памятники новой русской исторіи“, Спб., 1883 III т. 288.

685—Г. Кивелюкъ (Геннади) въ библіографіи жизнеописаній Канна насчиталъ за XVIII в. только *десять* нумеровъ. (См. Приложеніе къ его изданію „Жизнь В. Каина“, 1859). 686—Этого любопытнаго изданія, указаннаго Губерти (II. № 46), нѣтъ въ петербургскихъ книгохранилищахъ; нѣтъ и второго изданія его, а потому мы будемъ пользоваться *третьимъ* (М. 1792. 8°. 159 стр. 50 №№ пѣсенъ). 687—Этого изданія, не отмѣченнаго библіографами, въ петербургскихъ книгохранилищахъ нѣтъ. Оно имѣется въ библіотекѣ Историческаго Музея (Собр. Щапова, № 7704) и указа-

но намъ А. И. Станкевичемъ, за что считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить ему свою признательность. *Второго* изданія въ Петербургѣ тоже нѣтъ,—*третье* сдѣлано Книжникомъ (Геннади), подъ заглавіемъ: „Жизнь Ваньки Каина“ (Спб., 1859, 12°, 92 стр.); второй титулъ этого третьяго изданія воспроизводитъ заглавную страницу второго изданія. Мы пользовались изданіемъ Книжника.

688—„Исторія славнаго вора“, 1792, 8, 66; впрочемъ, на стр. 89, Каинъ отговаривается передъ совѣтникомъ Казариновымъ неумѣніемъ писать; въ заглавіи обѣихъ редакцій автобіографіи сказано, что она „писана“ имъ самимъ и даже указаны дата (1764 г.) и мѣсто (Балтійскій портъ). 689—«По архивнымъ дѣламъ оказывается, Ванька Каинъ не умѣлъ даже подписывать своего имени» (Есиповъ, «Ванька Каинъ», «Осмнадцатой вѣкъ», 295). Не входили ли въ программу дѣйствій Каина эти отговорки неграмотностью, когда ему приходилось имѣть дѣло съ судьями? 690—Такихъ любителей было довольно, судя по указанію М. Комарова. («Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ.. Каина.. и Картуша». Спб. 1777. Предувѣдомленіе).

691—Есиповъ, op. cit., стр. 2[illegible]4. Каинъ показываетъ годъ рожденія 1714. («Исторія славнаго вора», 1792, 1[illegible]. 692—ib. 280—94. 692—Челобитная его и повинная напечатана у Есипова (тамъ же, 303—4). Къ ней приложенъ реестръ воровъ, числомъ 32; между ними значится имя Камчатки. «Въ разспросѣ Каинъ разсказалъ о своемъ происхожденіи, о побѣгѣ отъ помѣщика, о воровствахъ въ Москвѣ. Такъ, по его словамъ, для мошенничества былъ онъ на Макарьевской ярмаркѣ 4 раза, въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ 5 разъ, въ Дмитровѣ 2 раза, и по одному разу: въ Кашинѣ, въ Устюжнѣ, Гороховцѣ, въ Вязникахъ, въ Нижнемъ Новгородѣ и во Владимірѣ.Ворованныя вещи продавалъ въ городахъ и по дорогамъ. «На разбояхъ нигдѣ не бывалъ и убійствъ не чинивалъ». Съ 28-го декабря 1741 г. по ноябрь 1743 г. Каинъ переловилъ—мошенниковъ 109 человѣкъ, воровъ 37, становщиковъ 50 ч., покупщиковъ 60 ч., бѣглыхъ солдатъ 42. (Есиповъ, ib., 308). И много изловилъ безпаспортныхъ. Съ 1741 года по 1744, по его счету, онъ изловилъ до 500 преступниковъ (ib., 312).

693—Въ дѣлахъ сохранилось любопытное описаніе обстановки дома Ваньки Каина, костюмевъ его жены и его самого. Домъ, построенный роскошно, окруженъ былъ хозяйственными постройками; покои въ домѣ были изразцовыя; комнаты нѣкоторыя въ 4 окна. Вездѣ были богатые образа,—«въ спальнѣ въ кіотѣ стоялъ образъ св. Іоанна Милостиваго, съ серебряными гривенками, съ убрусомъ, низаннымъ жемчугомъ и дорогими камнями. На стѣнахъ, обитыхъ клеенкою травчатою, висѣли зеркала въ золоченыхъ рамахъ, печатныя картины и портретъ Петра I. Богатые ковры, обиліе посуды (тарелокъ 18 дюжинъ), серебряной и золотой,—все это говоритъ о благоденствіи Каина».

694—Каинъ обращается къ Сенату въ сентябрѣ 1744 г. съ запиской, въ которой предупреждаетъ, что для поимки воровъ, онъ долженъ съ ними водить знакомство, а потому проситъ не довѣрять компрометтирующимъ его доносамъ и показаніямъ преступниковъ. Сенатъ издалъ указъ, чтобы Сыскной Приказъ не принималъ обвиненій на Каина (указъ Сената Сыскному Приказу отъ 3 октября 1744 г. за № 11491). Въ ноябрѣ 1741, Каинъ подаетъ новое прошеніе, въ которомъ ходатайствуетъ о дарованіи ему болѣе широкихъ полномочій въ поимкѣ воровъ. Сенатъ указалъ 9 декабря 1744 г., что, кто не будетъ оказывать содѣйствія Каину, тотъ, «яко преступникъ, жестоко истязанъ будетъ». Лишь съ 12 сентября 1795 г. Каинъ попалъ подъ надзоръ властей (Есиповъ, стр. 311—315).

695—Есиповъ, 315. «Подъ покровительствомъ Ваньки Каина число бѣглыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей увеличивалось въ Москвѣ съ каждымъ днемъ. Это стеченіе огромнаго числа людей, жившихъ воровствомъ, грабежомъ, а иногда и убійствами, должно было, наконецъ, выразиться проявленіемъ какого-нибудь общественнаго бѣдствія, и, дѣйствительно, весною 1748 года начала ходить по Москвѣ молва о грабежахъ, о предстоящихъ пожарахъ; по обыкновенію, явились подметныя письма». «Во всѣ четыре пожара 10-го, 23-го, 24-го и 25-го мая истреблено пожаромъ 1883 дома. Сгорѣло много церквей. 696—Есиповъ, 318—320. 697—ib.—320—321, 326.

698—На основаніи архивныхъ дѣлъ Есиповъ рисуетъ нѣсколько иначе картину любви Каина. Героиня его романа—солдатская вдова, женка Архипа Иванова. Послѣ отказа выйти замужъ за Ваньку она была захвачена имъ въ первую же ночь его сыщическихъ подвиговъ (28 дек. 1741 г.) и сидѣла въ тюрьмѣ до *1743* года (Есиповъ, 308—9). 699—Объ этой «Каиновой игрѣ» см. подробно у Безсонова («Пѣсни

Кирѣевскаго», вып. IX, 49—55). 700—Другой характерный эпизодъ, не вошедшій въ автобіографію, сохранился въ архивныхъ дѣлахъ. За одну провинность Каина подъ конвоемъ команды повели для допроса, прочитавъ ему предварительно указъ— «но какъ отошли отъ двора Каина сажень съ пять, то онъ, Каинъ, вырвался, сбросил съ себя сюртукъ и плащъ и ушелъ, и, бѣжавъ, кричалъ неизвѣстнымъ людямъ: «дай дубья!» По этому зову набѣжало неизвѣстныхъ людей человѣкъ съ 20-ть въ сѣрыхъ кафтанахъ, и подъ'ячаго, и капрала, и солдатъ били смертнымъ боемъ: двумъ солдатамъ дубьями пробили головы, Каина отбили» (Есиповъ, 325).

701—Судя по архивнымъ даннымъ, этотъ Колобовъ—одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Каина въ его воровскихъ подвигахъ (Есиповъ, 316). 702—Онъ любитъ дѣлать щедрые подарки,—шкатулку съ драгоцѣнностями отдаетъ дѣвкѣ, его кормилицѣ, ей-же даетъ цѣликомъ 340 руб., только что украденныя; живетъ онъ широко, дѣлаетъ щедрыя подачки (напр., людямъ Колобову). 703—Любопытная психологическая черта: преступникъ съ наслажденіемъ и гордостью вспоминаетъ свои позорныя дѣянія: въ дѣлахъ о Ванькѣ сохранился еще болѣе курсивный фактъ того-же рода: Ванька заимствовалъ вора, который скрывался подъ мостомъ и съ воровскою гордостью записывалъ подвигъ, это—бѣглый солдатъ Алексѣй Соловьевъ. Вотъ отрывокъ изъ этой дѣловой записи: «въ понедѣльникъ взято въ воскресенской банѣ 7 рубленъ, въ четвергъ 50 к., штаны васильковые: въ кузнецкой банѣ взялъ въ четвергъ рубаху тафтяную, штаны, камзолъ китайчатый» и пр. (Есиповъ).

704—Мордовцевъ, «Ванька Каинъ», 18. 705—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XX, 217—20; XXI, 302—4; XXII, 228—9; XXIII, 17—21. Есиповъ, 280—94. 706—Есиповъ, 294. 707—Безсоновъ, «Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ», вып. IX, 15, 49. 708—«Обстоятельное и вѣрное описаніе добрыхъ и злыхъ дѣлъ россійскаго мошенника вора, разбойника и бывшаго московскаго сыщика Ваньки Каина всей его жизни и странныхъ похожденій», сочиненное М. К. въ Москвѣ 1775 года, печат. въ Спб. 1779 года. Предубѣжденіе. 709—Мордовцевъ, «Ванька Каинъ», 8. 710—ib., 189.

711—Пѣсни, собр. В. Кирѣевскимъ, вып. IX, 49 («Восьмнадц. вѣкъ въ русск. нар. пѣсн. послѣ Петра I. «Краткое по годамъ, но много трудное и полное приключеній, поприще жизни его было неостываемымъ предметомъ и его собственныхъ, хвастливыхъ разсказовъ, и Московскихъ разсказовъ о немъ: краснобай и на дружескихъ бесѣдахъ, и на многочисленныхъ допросахъ, которымъ подвергался онъ въ Тайной Канцеляріи, Сыскномъ Приказѣ, полиціи и разныхъ Коммиссіяхъ, излагалъ онъ подвиги свои такъ, что его подлинныя рѣчи заучивали и записывали, по рукамъ ходили объ немъ краткія повѣсти, многіе списки разныхъ рукъ и выдержки изъ оффиціальныхъ показаній» (Пѣсни Кирѣевскаго, вып. IX, 15). 712—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXII, 255—7.

713—Каинова гора» (Комаровъ, ib., 78. Безсоновъ, «Пѣсни Кирѣевскаго», вып. IX, 53 примѣч.). 714—Безсоновъ 55. 715—Напр. «Словарь Толля». 716—П. С. Васильевъ, «Ванька Каинъ, историч. повѣсть». Спб. 1893. 717—Ванька совмѣщалъ въ себѣ и извѣстнаго чиновника по службѣ и весьма народнаго человѣка, но ко всему притомъ относился съ величайшей, ему только свойственной, виртуозностью. Онъ водился здѣсь и народнымъ обычаемъ, обставлялъ все это обрядностью, отъ вѣка сложившейся, украшалъ краснымъ словомъ, поговорками и пословицами, разъигрывалъ пѣсенки. Понятно, что, при всемъ отвращеніи, и самъ народъ относился къ нему съ невольнымъ любопытствомъ и удивленіемъ. Каинъ участвовалъ въ народныхъ играхъ и увеселеніяхъ: самъ возбуждалъ ихъ, создавалъ, развивалъ» (Пѣсни Кирѣевскаго, вып. IX, 49).

718—Пѣсни эти впервые изданы М. Комаровымъ подъ названіемъ «любимыхъ Каиновыхъ». Мы убѣждены, что это указаніе Комарова заслуживаетъ полнаго довѣрія. Стоитъ припомнить только, какъ добросовѣстно отнесся онъ въ своемъ «сочиненіи» къ Ванькѣ: собиралъ сцены его автобіографіи, сверялъ тексты, выбиралъ лучшіе; какъ собиралъ устные разсказы о немъ.. Кромѣ того, онъ зналъ лично Каина, его слушалъ. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что Ванька много пѣлъ, сидя въ тюрьмѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ думать, что Комаровъ не наобумъ приписалъ Каину пѣсни, а, дѣйствительно, выбралъ тѣ, которыя пѣлись имъ съ особенной охотою.

719—Любопытно, что творчество народное, излюбивъ какую-нибудь личность, всегда идеализируетъ ее, возводитъ не на высоту эпическаго героя, уже недостаемаго для упрековъ и обвиненій,—оттого о преступленіяхъ такого лица эпосъ разсказываетъ намъ спокойно и безстрастно: «даже такой опредѣленный образъ, какъ Ваньки Каина, является нѣсколько инымъ и даже иногда совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ

практикѣ жизни положительной и въ политическихъ документахъ исторіи. Здѣсь онъ—также герой, молодецъ, лицо эпическое своего рода» («Пѣсни Кирѣевскаго». IX, 15). 726—«Исторія славн. вора», 1792, 61. 721—«Жизнь Ваньки Каина», 1859, 81. 722—«Исторія...» 1792, 27. 723—ibid., 5. 724—6. 725—8. 726—26. 727—36. 728—14. 729—61—4. 730—1.731—«Жизнь Ваньки Каина», 1859, 82. 732—«Исторія славн. вора...», 44—5. 733—ibid. 83—4. 734—90—91. 735—92.

736—Напр., въ сказкахъ Чулкова, собранныхъ въ XVIII в.—Тимоѳея, (Русскія сказки ч. II, 3—24), Ѳомка (тамъ-же, 32—53) и др. 736—Мордовцевъ,—Ib. 737—«Исторіи славн. вора...», 10. 738—ib., 4-5. 739—ib.—12. 740—16. 741—20. 742—21. 742—21—2; 743—28. 744—ib. 745—36. 746—3. 747—ib. 748—5. 749—6. 750—8, 84, 92. 751—7, 90—1. 752—9. 753—ib. 754—16. 755—15. 756—25. 757—26. 758—37. 759—45. 760—49. 761—ib. 762—69, 84, 89. 763—90. 764—27. 765—22. 766—9. 767—4. 768—id., 37. 769—45. 770—78. 771—62. 772—12. 773—42. 774—20. 775—26. 776—35. 777—ibid. 778—48.

779—Въ собраніи повѣстей, изд. подъ назв.: «Похожденіе Ивана гостинаго сына», (2 ч. Спб. 1785) мы встрѣчаемъ поговорки, подобныя Каиновымъ (напр.: «О луканомъ нищемъ», II, 91—94); нищій «вздумалъ съ товарищами другое набожное рукомесло: по ночамъ уже сбирать съ прохожихъ подать и ходить по дворамъ, въ покои и въ чердаки за милостынею. Но сіе мастерство не долго имъ исполнять удалось, потому что есть чернецы и на Симоновѣ,—такъ и въ Москвѣ не всѣ простаки. Какъ-то ненарокомъ попали въ такую западню, изъ которой трудненько было и вылѣзть; отведены были въ сыскной приказъ, къ суду, гдѣ мазали ихъ по спинамъ долгою объ одномъ концѣ плетью, а послѣ парили сухими вѣниками и трусили зажженныя на тѣла листья, и хотя баня была и не топлена, но вельми жарка показалась» (93); «отвели въ такое мѣсто, гдѣ роютъ землю и ищутъ того, изъ чего дѣлаются деньги и откуда никто не возвращается» (94) и др.

780—ibid., 2. 781—6. 782—7. 783—30. 784—32-3. 785—38. 786—41. 787—39. Безсоновъ рискнулъ всю автобіографію Каина разбить на стихи и въ такомъ видѣ помѣстилъ ее въ IX-омъ выпускѣ «Пѣсенъ собр. Кирѣевскимъ». 788—Комаровъ, тамъ-же. Предувѣдомленіе. 789—См. напр., Ровинскаго: «Русскія Народныя Картинки», кн. I. Тексты къ картинамъ: «Опетухе и о курахъ» (232 стр.), «О лепатомъ волоките» (241 стр.), «Безстыдный въ трактирѣ зашелъ» (255 стр.), «Разговоръ дворянина съ крестьяниномъ и лукавая жена» (256 стр.), «Притча о скупомъ: ї о жене его сребролюбивой» (263 стр.), «Повѣсть о курѣ и о льстивой лисицѣ» (272 стр.), «Знай себя, указывай въ своемъ домѣ» (310 стр.), «О мастеровомъ, продавшемся бѣсу» (335 стр.), «Блинщица» (344 стр.), «Старикъ на колѣнахъ у молодой» (352 стр.), «Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро» (354 стр.), «Двѣ молодки на одного молодца» (356 стр.), «Роспись приданому» (367 стр.), «Мыши кота погребаютъ» (391 стр.), «Просьба Кашинскому архіепископу отъ монаховъ Калязинскаго монастыря» (405 стр.), «Похожденіе о посе и о сильномъ Морозѣ» (421 стр.), «Захарка, Пантюха и Филатъ» (423 стр.) и др.

790—«Русскія завѣтныя сказки». Genève, 2-е изд., стр. 5, 8, 9, 11—3, 27, 30, 39, 57, 58, 62 и др. 791—Островскій, Соч. IV, 1896, 338—9 (поется даже одна изъ Каиновыхъ пѣсенъ 363). 792—ib. 8. 793—ib. 794—17. 795—3. 796—Безсоновъ (Пѣсни Кирѣевскаго, вып. IX, 63). 797—У Смирд. показанъ форматъ 12, но мѣсто и годъ тѣ же: М. 1794. 798—Въ Публ. библ. изъ *первыхъ* изданій есть только изд. М. Комарова (В.) «Обстоятельное и вѣрное описаніе» (1779) и «Обстоятельныя и вѣрныя исторіи» (1779).

О существованіи многихъ списковъ, различныхъ между собою, свидѣтельствуетъ М. Комаровъ въ примѣчаніяхъ къ своему роману: стр. 14, прим. «Имя сего Доктора *въ одномъ спискѣ* написано Елвахъ, *въ другомъ*—Ялвихъ» (въ редакціи C^1; Елвихъ—слѣд., эта редакція издана по 3-ьему списку, оставшемуся неизвѣстнымъ М. Комарову). См. стр. 15. прим.: «нѣкоторые говорятъ, будто Каинъ сего доктора и съ женою зарѣзалъ, только *въ имѣющихся у меня спискахъ* ни въ одномъ о томъ не написано. Стр. 16. прим.: «имя сего портнаго, или прозваніе въ одномъ спискѣ написано—Гецъ, въ другомъ—Рексъ». Стр. 37 прим.: «*во всѣхъ имѣющихся у меня спискахъ*, полученныхъ изъ разныхъ рукъ, ни въ одномъ оной монахомъ не именуется». Стр. 67, прим.: «*въ одномъ спискѣ* написано Пава». Стр. 80 прим.: «во всѣхъ *имѣющихся у меня спискахъ* написано, что Каинъ сего управителя облилъ дехтемъ». Стр. 92, прим.: «въ одномъ имѣющемся у меня спискѣ написано Колобову» (въ другихъ Колосову).

«Жизнеописаніе Капна», *числомъ своихъ изданій у насъ въ XVIII в.* (болѣе 10) *превзошло всѣ другія популярныя книги*: «Телемакъ» намъ извѣстенъ въ 10-ти изд., «Велизарій» въ 9-ти изд., «Тысяча и одна ночь» — въ 7-ми: «Жизнь Робинзона Крузе» — въ 5-ти. «Повѣсть забавная о двухъ туркахъ» — въ 6-ти. «Гузаратскія султанши», «Приключенія Маркиза Г.», «Исторія о кн. Іеронимѣ», «Злосчастное замужество дѣвица Гарви», «Вавилонская принцесса» — въ 4-хъ. 799 — «Жизнь и похожд. росс. Картуша», 2-е изд. Григор. Книжника («Жизнь Ваньки Капна» Спб. 1859, стр. 7—2). 800 — «Исторія славнаго вора, разбойника» М. 1792, 93—96 стр. 801 — «Жизнь и похожденіе». 1859, стр. 1. 802 — «Исторія славнаго вора», 1792. 1 стр. 803—C¹, 45. 804—C², 51. 805—C¹, 7. 806—C², 9. 807—C¹, 8. 808—C², 10. 809—C¹, 9. 810—C², 11. 811—C¹, 9. 812—C², 11. 813—C¹, 9, 814—C², 11. 815—C¹, 10. 816—C², 12. 817—C¹, 14. 818—C², 16. 819—C¹, 14. 820—C², 16. 821—C¹, 24. 822—C², 27. 823—C¹, 33. 824—C², 37. 825—C¹, 36. 826—C², 41. 827—C¹, 36. 828—C² 41, 829—C¹, 15. 830—C², 17. 831—C¹, 18. 832—C², 21. 833—C¹, 18. 834—C², 21. 835—C¹, 23, 35. 836—C², 27, 40. 837—C¹, 25. 838—C², 29. 839—C¹, 30. 840—C², 34. 841—C¹ 36. 842—C², 41. 843—C¹, 43. 844—C², 48. 845—C¹, 43. 846—C², 49. 847—C², 47. 848—C², 53. 849—C¹, 50. 850—C², 57. 851—C¹, 51. 852—C², 58. 853—C¹, 9. 854—C², 11. 855—C¹, 41. 856—C², 47. 857—C¹, 44. 858—C², 50. 859—C¹, 15. 860—C², 17. 861—C¹, 17, 862—C¹, 33. 863—C², 19. 864—C², 37. 865—C¹, 22. 866—C¹, 36. 867—C², 25. 868—C², 41. 869—C¹, 5. 870—C², 6. 871—C¹, 9. 872—C², 11. 873—C¹, 11. 874—C², 13. 875—C¹, 14. 876—C², 16, 877—C¹, 14. 878—C², 17. 879—C¹, 15. 880—C², 17. 881—C¹, 15. 882—C², 17. 883—C¹, 19. 884—C¹, 22. 885—C¹, 23. 886—C², 27. 887—C¹, 25. 888—C², 28. 889—C¹, 28. 890—C², 31. 891—C¹, 34. 892—C² 39. 893—C¹, 34. 894—C², 39. 894—C², 39.

895—C¹, 35. 896—C², 40. 897—C¹ 35. 898—C², 40. 899—C¹, 7. 900—C², 9. 901—C¹, 7. 902—C², 9. 903—C¹, 13. 904—C², 15. 905—C¹, 25. 906—C², 29. 907—0 Ванькѣ Капнѣ, славномъ ворѣ и мошенникѣ краткая повѣсть», 1775; пользуемся *второмъ* изд. см: Исторія Ваньки Капна. Спб. 1815. 908—ibid., 3. 909—4. 910—, 6. 911—6—7. 912—15—16. 913—«Исторія славн. вора» 1792. стр. 33. 914—Исторія В. Капна» 1815. 18 стр.; курсивомъ обозначили мы тѣ слова, которыя кажутся намъ отраженіемъ острота Капна. 915—10. 916—«Исторія славн. вора» 1792. 1—5. 917—Исторія В. Капна». 1815, 4. 918—Истор. славн. вора», 1792. 8. 919—Ист. В. К.» 1815, 5. 920—Истор. славн. вора», 1792, 66. 921—«Ист. В. К.», 1815, 23. 922—29 923—ib. 924—«Исторія славн. вора» 1792, 11. 925—Исторія В. К.» 1815, 6. 926—Истор. славн вора» 1772, 22. 927—ib.—36. 928—«Исторія В. К.» 1815, 19. 929—ibid., 10. 930—Истор. славн. вора» 22. 931—Истор. В. К. 3. 932—6—7. 933—11. 934—19. 935—19. 936—24. 937—24. 938—ib.—23. 939—27 940—30. 941—26. 942—12. 943—6—7. 944—32.

945—Переводъ жизнеописанія Картуша напечатанъ впервые въ русскомъ переводѣ Матвѣя Нейлова въ 1771 г., подъ назв.: «Подлинное описаніе жизни французскаго мошенника Картуша (у Сопн. 7684 годъ показанъ: 1777). Въ библ. Н. А. Ефремова есть еще рукописный переводъ этого произведенія, сдѣланный Ѳед. Коржавинымъ еще въ 1766 г. 946—Предувѣдомленіе. 947—Привожу списокъ извѣстныхъ мнѣ его работъ (переводовъ, изданій и сочиненій). Невидимка, исторія о Фецкомъ Королевичѣ Арадесѣ, и о братѣ его Полимедесѣ, съ разными любопытными повѣствованіями; М. 1789—8° (соч.). Описаніе тринадцати старинныхъ свадебъ Росс. Князей и Государей. М. 1785—8°. Письмо Князю А. Б. Хованскому, въ стихахъ. М. 1771. 4°. Повѣсть о приключеніи Англійскаго Милорда Георга и Брандебургской Марграфини Фредерики Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго Турецкаго Виціра Маримирпса и Сардинской Королевы Терезіи 3 ч. съ карт. Спб. 1782. Спутникъ и собесѣдникъ веселыхъ людей, или собраніе пріятныхъ и благопріятныхъ шутокъ, острыхъ и замысловатыхъ рѣчей и забавныхъ повѣстей; выписано изъ лучшихъ сочинителей, а на Русскій языкъ перевед. Московскимъ мѣщаниномъ, Хрстфрм. Дѣрердвм (Матвѣемъ Комаровымъ), 3 ч. М. 1773—74—76—12°. Старинныя письма Китайскихъ Императоровъ, къ Росс. Государю отъ нынѣшняго времени за 150 лѣтъ. М. 1787. 8°. Нещастный Никаноръ, или приключенія Росс. Дворянина Г., Спб. 1775. Генн. «Апоп. книги», стр. 23; Губерти, т. I, № 1966. Разныя письменныя матеріи, собранныя для удовольствія любопытныхъ читателей 7 (собр. М. К.). М. 1791—8°. Геннади, Словарь, II, 155). 948—Напр., «Имя сего Доктора въ одномъ спискѣ написано Елвахъ, въ другомъ Ялвихъ,

но я думаю, что оба оныя наименованія несправедливы, ибо у насъ, обыкновенно, подлые люди, какъ пишутъ, такъ и выговариваютъ иностранныя имена несправедливо» (C^2, 14 прим.). «Въ одномъ спискѣ написано Пава». (ibid. 67). «Есть-ли Колюской монастырь, того мнѣ слышать не случилось, развѣ не Колоцкой-ли, что на Можайской дорогѣ». (ibid. 69) и др.

949—Напр., «По мнѣнію честныхъ людей, у полудюжины самыхъ лучшихъ подъячихъ, не болѣе пяти золотниковъ, имѣется хорошей совѣсти». (Тамъ-же, 33). «Многимъ, думаю я, покажутся сіи слова за пустую подлую выдумку, но кто имѣлъ дѣло съ лошадиными барышниками, тотъ довольно знаетъ, что они во время покупки и продажи лошадей, между собой употребляютъ такія слова, которыхъ и другіе никакъ разумѣть не могутъ, напримѣръ: у нихъ называется рубль: бирсъ; полтина «деръ»; полполтины: «секана», «секисъ»; гривна: «жирмаха» и пр. Подобно сему и у мошенниковъ есть многія выдуманныя ими слова, которыхъ, кромѣ нихъ, никто не разумѣетъ». (ibid., 28). Объясненіе словъ: гость (стр. 3), «огневщикъ» (стр. 42), «Китай-городъ» (стр. 8); эпизодъ, свидѣтельствующій о грубости судей (стр. 55); дѣлежъ между секретарями и подъячими отобраннаго отъ воровъ (стр. 73); объясненіе «вѣнчальной памяти» (стр. 75), о пьянствѣ духовныхъ (стр. 75).

950—Напр., примѣчаніе о полковникѣ Редкинѣ (стр. 27); о сектантѣ Андрюшкѣ (стр. 100). **951**.—Напр.: «нѣкоторые говорятъ, будто Каинъ сего Доктора и съ женою зарѣзалъ, только въ имѣющихся у меня спискахъ ни въ одномъ о томъ не написано» (стр. 15). «Справедливоль сіе имя, или прозваніе, того такъ же, какъ Докторскаго и портнаго, утвердить не могу, а что одинъ неизвѣстной сочинитель „краткой Каиновой повѣсти“ называетъ сего Грека „монахомъ“, то весьма несправедливо, потому что, какъ самъ Каинъ его монахомъ не называлъ, такъ и во всѣхъ имѣющихся у меня спискахъ, полученныхъ изъ разныхъ рукъ, ни въ одномъ оной монахомъ не именуется, но просто Грекомъ; да и взятые Каиномъ пистолеты свидѣтельствуютъ, что онъ былъ не монахъ, ибо чернецу на малой нѣтъ нужды и пристойности держать у себя огненное оружіе, притомъ-же и платье монашеское Каину брать не великая бы была прибыль. Видно, что сему автору неизвѣстно, что въ Греческомъ монастырѣ многія кельи нанимаютъ и живутъ въ нихъ Греческіе купцы, почему и сей обкраденный Каиномъ Грекъ былъ, дѣйствительно, купецъ, а не монахъ, въ чемъ думаю я, всякой здраво-разсуждающій со мною согласится» (стр. 37).

«Въ всѣхъ имѣющихся у меня спискахъ написано, что Каинъ сего управителя облилъ дегтемъ, а вышеупомянутой мною на страницѣ 38-ой безъименной авторъ написалъ: смолою», и сіе не только невѣроятно, но совсѣмъ противно здравому разсудку, потому что смола—такая матерія, которая и въ самые лѣтніе, жаркіе дни безъ прикосновенія (?) огня такъ жидка не бываетъ, чтобы можно было оную разливать, а на растопленіе оной надобно употребить немалое время, къ чему Каинъ никакого тогда не имѣлъ резону и др. (стр. 80). **952**—«Исторія славнаго вора», 1792, 93—6. **953**— Обстоятельныя и вѣрныя исторіи», 1779, 102—104. **954**—«Жизнь Ваньки Каина; 1859 (C^1), 32». **955** – Исторія славнаго вора» 1792 (C^2), 37. **956**— Обстоятельныя и вѣрныя исторіи» 1779, (B), 41. **957**—C^1, 50. **958**—C^2, 57, **959**—B, 64. **960**—C^1, 51. **961**—C^2, 58. **962**—B, 61. **963**—C^1 62. **964**—C^2, 72. **965**—B, 82. **966**—C^1, 11. **967**—C^2, 13. **968**—B, 16. **969**—C^1, 37. **970**—C^2, 42. **971**—B, 45. **972**—C^1, 38. **973**—C^2, 45. **974**—B, 46. **975**—C^1, 43. **976**—C^2, 49. **977**—B, 51. **978**—C^1, 47. **979**—C^2, 53. **980**—B, 57. **981**—C^1, 47. **982**—C^2, 54. **983**—B, 57. **984**—C^1, 48. **985**—C^1, 62. **986**—B, 62.

987—C^1, 51. **988**—C^2, 58. **989**—B. 65. **990**—B, 14 **991**—ibid, 16. **992**—67. **993**—C^2, 4. **994**—A. 4. **995**—B, 8. **996**—C^2, 12. **997**—A. 6—7. **998**—B, 15. **999**—C^2, 20—1. **1000**—A, 13—14. **1001**—B, 22. **1002**—C^2, 14, **1003**—B, 17. **1004**—C^2, 33. **1005**—B, 37. **1006**—C^2, 44. **1007**—B, 46—7. **1008**—C^2, 45. **1009**—B, 47. **1010**—C^2, 30. **1011**—B, 32. **1012**—C^2, 7. **1013**—B, 10. **1014**—C^2, 84. **1015**—B, 91—2. **1016**—C^2, 7. **1017**—B, 3—4. **1018**—C^2, 8. **1019**—B, 4—5. **1020**—C^2, 8=B, 7. **1021**—C^2, 7=B,11. **1022**—C^2, 11=B, 14. **1023**—C^2, 14—15=B, 18. **1024**—C^2, 30=B, 33. **1025**—C^2, 34=B, 31. **1026**—C^2, 52=B, 56. **1027**—C^2, 22. **1028**—B, 23. **1029**—B, 52. **1030**—B, 1. **1031**—ib. **1032**—ib. **1033**—1—2. 60—1. **1034**—9. 10, 31, 85. **1035**—34—5. **1036** – 67—8. **1037**—100. **1038**—54—5.

1039— 32—33. **1040**— 71 73. **1041**—40. **1042**— C^2, 14. **1043**—A. 8. **1044**—B, 17. **1045**—C^2, 22. **1046**—C^2, 18. **1047**—A, 9. **1048**—B, 20—21. **1049**—

А, 10. 1050—В, 26. 1051—В, 26. 1052—С², 42. 1053—В, 45. 1054—С², 22. 1055—А, 14—15. 1056—В, 24. 1057—С², 33. 1058—А, 17. 1059—В, 38. 1060—В, 9. 1061—ib.—10. 1062—В, 30, 32. 1063—33, 72. 1064—34. 1064—70. 1065—10. 1066—14. 1067—21. 1068—В, 72—3. 1069—С², 63. 1070—74. 1071—В, 38. 1072—46. 1073—71. 1074—36. 1075—В, 51. 1076—50, 51. 1077—31. 1078—В, 69. 1079—71.

Добавленія и исправленія.

1) Уже оканчивая свою работу, я замѣтилъ нѣсколько существенныхъ промаховъ въ своемъ Указателѣ романовъ („Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти", Спб. 1903),—промаховъ, которые не были исправлены мною при печатаніи статьи: „Изъ исторіи русской литературы XVIII в." (Опытъ статистическихъ наблюденій), безъ исправленія перепечатанной въ I-омъ выпускѣ настоящаго сочиненія *) (I-ая глава).

Промахи эти заключаются въ томъ, что—а) нѣкоторыя *переводныя* произведенія мною были отнесены къ числу *„оригинальныхъ"* **).

в) Ошибочно къ романамъ *XVIII-го столѣтія* отнесено нѣкоторыя произведенія *XIX-го*: Напр.,

„Александръ и Юлія", истор. нов. соч. Павла Львова (№ 1992) отд. изд. вышло въ *1801 г.* „Несчастная Маргарита", соч. кн. Н. Долгорукаго (№ 2016)—въ *1803 г.*

Вслѣдствіе этого, въ работѣ моей должны быть сдѣланы слѣдующія исправленія: а) въ таблицѣ, на стр. 43 (вып. I), подъ

---

*) Въ приложенной графической таблицѣ необходимыя исправленія сдѣланы.

**) Отчасти подъ вліяніемъ библіографическихъ указателей (напр., Сопикова). Къ таковымъ относятся, напримѣръ, слѣдующія: „Басня о бѣлой кошкѣ", соч. Алексѣя Павлова, Спб. 1779. (Соп. 2167; № 387), „Отрывки изъ новаго Иорика". 1794. В. Измайлова (№ 1601). „Нищіе на мосту", 1795. (№ 1703); „Отрывокъ", 1796 (№ 1794), „Странныя приключенія Дмитрія Магушкина, Россійскаго дворянина". М. 1796 (№ 1811), „Егорушка, или человѣкъ самъ собою довольный", соч. Як. Благодарова, 1797 (№ 1836), „Лина", К. Э. Сибирскаго, 1800 (№ 2012); „Торжество Амура надъ цѣломудріемъ, или змѣй..." соч. П. Андреева, 1799 (№ 1982) и др.

1779-ымъ годомъ въ первой графѣ вм. $^{5}/_{2}$ — слѣд. $^{4}/_{2}$, во второй вм. $^{18}/_{3}$ — $^{19}/_{3}$; подъ *1780*-ымъ годомъ въ первой графѣ цифры $^{2}/_{2}$ должны быть передѣланы въ $^{2}/_{1}$; въ пятой графѣ $^{57}/_{9}$ д. б. передѣланы въ $^{57}/_{8}$; общій итогъ вмѣсто 66—*65*; подъ *1788*-ымъ годомъ въ первой графѣ цифры $^{4}/_{8}$ д. б. передѣланы въ $^{4}/_{7}$; въ пятой графѣ: $^{70}/_{39}$ — въ $^{70}/_{38}$; общій итогъ вмѣсто 109 — *108*; подъ *1793*-ымъ годомъ вм. $^{4}/_{9}$ надо $^{2}/_{11}$; въ третьей графѣ вм. 2—надо: 3; въ пятой графѣ вм. $^{95}/_{33}$ надо: $^{94}/_{35}$; общій итогъ—вм. 128—*129*. Подъ *1794*-ымъ годомъ въ третьей графѣ вм. 7 надо: 5; въ четвертой вм. $^{66}/_{2}$ надо: $^{68}/_{2}$; подъ *1795*-ымъ годомъ въ третьей графѣ вм. 8 надо: 7 въ четвертой графѣ вм. $^{55}/_{2}$ надо: $^{56}/_{2}$; подъ *1796*-ымъ годомъ въ третьей графѣ вм. 12 надо: 8, въ четвертой графѣ вм. $^{20}/_{2}$ надо: $^{22}/_{2}$; общій итогъ вм. 70 надо: *68*; подъ *1797*-ымъ годомъ въ пятой графѣ вм. $^{31}/_{8}$ надо: $^{32}/_{8}$; общій итогъ вм. 39 надо: 40. Подъ *1798*-ымъ годомъ въ третьей графѣ вм. 12 надо: 8; въ четвертой—вм. $^{38}/_{2}$ надо: $^{39}/_{2}$; въ пятой—вм. $^{62}/_{13}$ надо: $^{59}/_{13}$; общій итогъ вм. 75 надо: *72;* подъ *1799*-ымъ годомъ въ первой графѣ вм. 7—надо: 6; во второй—вм. $^{10}/_{9}$ надо: $^{11}/_{9}$; подъ *1800*-ымъ годомъ въ первой графѣ вм. $^{3}/_{4}$ надо: $^{3}/_{2}$; въ пятой графѣ вм. $^{48}/_{16}$ надо: $^{47}/_{15}$; общій итогъ вм. 63—надо: *64*.

На стр. 179—180 (вып. I) взяты цитаты (№ 79—84) изъ произведенія *XIX-го стол.* („Храбрый Философъ", Бранкевича); на стр. 182 (вып. I.) взяты цитаты (№ 91—93) изъ произведеній *XIX-го в.* („Несчастная Маргарита"); на стр. 199—200 цитата (№ 199) взята изъ переводнаго произведенія („Странныя приключенія Дм. Магушкина"). Всѣ эти цитаты подлежатъ выключенію.

2) Въ главѣ *седьмой* (англійскій романъ) не указано одно изъ русскихъ подражаній роману Ричардсона: „Памела" — вводный эпизодъ: „Исторія Ульянушки" изъ романа „Неопила".

3) Въ главѣ *пятой*, при разборѣ повѣсти Карамзина: „Юлія", слѣдовало упомянуть, что раньше этой повѣсти была напечатана у насъ повѣсть П. Львова: „Софія" (II, 542—7), близкая, по содержанію и характеру, къ указаннымъ въ пятой главѣ мармонтелевскимъ повѣстямъ. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, что Карамзинъ въ своей „Юліи" подражалъ Львову, — вѣроятнѣе, предположить, что оба русскія произведенія восходятъ къ общему прототипу—произведеніямъ Мармонтеля.

4) Въ главѣ *восьмой* при разборѣ романа Измайлова, слѣдовало

указать слѣды вліянія романа Лесажа: „Похожденія Жилблаза“. Впрочемъ, эти вліянія слишкомъ малозначительны, чтобы подорвать мое утвержденіе, что романъ Измайлова—„оригинальный“ бытовой русскій романъ, но, тѣмъ не менѣе, такое указаніе сдѣлать слѣдовало: „дурное воспитаніе дворянчика дома“, „выступленіе его въ свѣтъ“ (проигрышъ въ карты, посѣщеніе трактировъ и гостепріимныхъ дѣвицъ) — всѣ эти бытовые эпизоды, изображенные у обоихъ писателей въ одинаковыхъ краскахъ сближаютъ ихъ произведенія.

5) Когда уже кончалось печатаніе моей работы, я познакомился съ содержаніемъ недавно-вышедшей въ свѣтъ книги: Wilhelm Dibellius, „Englische Romankunst, die Technik des englischen Romans im achtzehnten und zu Anfang des neunzehnten Jahrhunderts“, erster Band., Berl. 1910. При нѣкоторыхъ недостаткахъ (главный заключается въ томъ, что авторъ, повидимому, кромѣ „англійскаго“ романа, не знаетъ другихъ, болѣе раннихъ видовъ этого жанра), сочиненіе это очень любопытно: авторъ его, опредѣляя существенныя черты *техники* „англійскаго романа“, формулируетъ и систематизируетъ, въ общемъ, довольно удачно, существенные признаки этого романическаго вида. Впрочемъ, ничего „новаго“ сравнительно съ тѣмъ, что̀ сказано въ моей книгѣ, я не нашелъ, и, въ сущности, для главы VII-ой („англійскій романъ“) книга Dibellius'а ничѣмъ существенно служить не можетъ. Но она заставила меня пересмотрѣть нѣкоторыя мои заключенія, касающіяся произведеній, разобранныхъ въ VIII-ой главѣ („оригинальный русскій романъ“),—въ частности относительно „Неонилы“ и „Евгенія“. Выше (I-ый вып. стр. 69, II-ой вып.—407) мнѣ приходилось говорить о большомъ интересѣ русской публики къ сочиненіямъ Фильдинга, и я отмѣтилъ характерное явленіе, что, при такомъ повышенномъ интересѣ къ этому писателю, на подражательныхъ русскихъ произведеніяхъ нѣтъ слѣдовъ вліянія этого писателя. Dibellius въ главѣ, посвященной характеристикѣ Фильдинга, отмѣчаетъ такія черты его творчества, которыя отчасти свойственны указаннымъ русскимъ произведеніямъ,—и это обстоятельство заставляетъ меня пересмотрѣть рѣшенный вопросъ.

Фильдингъ, ученикъ Лесажа, въ своихъ романахъ скрещиваетъ типъ стараго „авантюрнаго“ романа (сохраненіе роли „судьбы“) „плутовскаго“ романа (типа Жилблазъ)—съ романомъ новымъ, отчасти ричардсоновскаго типа (новые пріемы письма, новый герой). По словамъ автора, въ его романахъ жизнь предстала не въ трагическомъ освѣщеніи (какъ у Ричардсона), а въ комическомъ:

онъ рисуетъ „комедію жизни“; герой его—средній человѣкъ, съ широкой душой, въ которой есть мѣсто и добру, и злу; онъ богатъ оптимизмомъ и жизнерадостной вѣрой въ merry England; онъ скитается по свѣту, въ поискахъ за счастьемъ, и любовь въ жизни его играетъ видную роль. Таковы, въ общихъ чертахъ, главныя, типичныя особенности большинства романовъ Фильдинга.

Нетрудно замѣтить, что, *въ этомъ отношеніи*, сходства съ его произведеніями, указанные русскіе романы не имѣютъ: въ нашихъ произведеніяхъ совершенно затерты слѣды романовъ „picaresco“, и „авантюрными“ назвать русскія произведенія тоже нельзя; цѣли русскихъ авторовъ иныя: съ негодованіемъ и волненіемъ оба то „обличаютъ“, то „сквозь слезы“ высмѣиваютъ русскую жизнь... Такимъ образомъ, у нихъ отношеніе къ жизни трагичнѣе, чѣмъ у Фильдинга, а потому между героями сходства еще меньше... Элементъ „любви“ вовсе отсутствуетъ въ обоихъ русскихъ произведеніяхъ, и скитаній по свѣту ихъ герои тоже не знаютъ; сложностью и шириной, присущей міропониманію фильдинговскихъ героевъ, они не отличаются. Такимъ образомъ, въ *главныхъ* „типовыхъ“ чертахъ сходства нѣтъ никакого...

Обращаюсь къ деталямъ. Вотъ здѣсь, во многихъ отношеніяхъ, указанныя русскія произведенія могутъ быть сближены съ фильдинговыми, но опять таки, и здѣсь найдемъ мы отличія. И въ русскихъ произведеніяхъ, и въ англійскихъ передъ нами, въ сущности, — галлерея типовъ; есть юморъ въ характеристикахъ нѣкоторыхъ типовъ и въ описаніяхъ сценъ; разработаны сходно вопросы о домашнемъ воспитаніи героя; имѣется характеристика семейныхъ условій жизни героевъ; разсказъ начинается съ исторіи родителей героя; изображается герой въ сутолокѣ большого города, повѣствуются приключенія его во время пути, во время пребыванія на военной службѣ; разсказаны его любовныя приключенія; въ жизнь героя введено воздѣйствіе друзей-развратителей (Blifil-Развратинъ и под.); наконецъ, есть примѣсь субъективизма при разсказѣ о различныхъ событіяхъ.

Изъ всего этого видно, что сходство между русскими произведеніями и англійскими, почти исключительно, выразилось въ *деталяхъ* (ср. выше примѣч. 4, о вліяніи Жилблаза) и почти нѣтъ ни одной общей черты—существенной: и герои русскіе, по существу, не похожи на англійскихъ, и даже типы второстепенные выведены не тѣ. Наконецъ, цѣли авторовъ, ихъ міросозерцанія совершенно различны...

Dibellius различаетъ два вида дидактизма: „положитель-

ный" (у Ричардсона), указывающій дороги, по которымъ надо идти, и „отрицательный", указывающій, куда идти не слѣдуетъ, такъ какъ тамъ—„зло жизни". Такой дидактизмъ легко переходитъ въ „сатиру". Въ этомъ отношеніи, авторы обоихъ нашихъ произведеній опять приближаются къ Фильдингу. Но вѣдь передъ глазами нашихъ романистовъ были уже свои собственные, русскіе сатирики, въ родѣ Новикова, Фонвизина, — а потому и въ данномъ случаѣ нѣтъ основаній навязывать русскимъ романистамъ вліяніе Фильдинга.

Совершенно въ такомъ же отношеніи находятся оба русскія произведенія къ роману Смолетта, — опять сходство въ деталяхъ: (воспитаніе героя, его учителя, герой въ университетѣ, герой, легкомысленно относящійся къ жизни и пр.)—и различіе въ основахъ: романъ Смоллета носитъ авантюрный характеръ и близокъ, подобно большинству романовъ Фильдинга, къ типу „плутовскаго".

Мнѣ кажется, что сдѣланное сопоставленіе позволяетъ удержать за обоими русскими романами названіе „оригинальныхъ" и „бытовыхъ"; русскіе авторы могли сдѣлать нѣкоторыя заимствованія у Фильдинга, Смолетта и у другихъ романистовъ (напр. у Лесажа), но это не ослабило ихъ авторской самостоятельности...

6) Въ главѣ *пятой*, при разборѣ произведеній Ѳ. Эмина: „Награжденная постоянность" и „Приключенія Мирамонда", я не обратилъ должнаго вниманія на *переводные* его романы; между тѣмъ, для болѣе точнаго опредѣленія источниковъ литературнаго творчества необходимо, по возможности, полнѣе выяснить, какія сочиненія онъ зналъ, какими увлекался до такой степени, что считалъ необходимымъ съ ними знакомить русскую публику.

Изъ трехъ переводныхъ романовъ Эмина: „Любовный вертоградъ" (1763. № 103), „Бещастной Флоридоръ" (1763 № 95) и „Горѣстная любовь Маркиза де-Толедо" (1764 № 126) первый — переводъ съ португальскаго: второй—съ итальянскаго; третій—съ испанскаго. Въ предисловіи къ первому изъ названныхъ произведеній Эминъ говоритъ, что, въ бытность свою въ Португаліи, онъ получилъ, въ подарокъ отъ одного португальца, двѣ рукописи, на испанскомъ и португальскомъ языкахъ,—одну изъ нихъ онъ, по его словамъ, и перевелъ на русскій языкъ. Можетъ быть, и другой его романъ такого же происхожденія?

Не имѣя никакой возможности опредѣлить испанскій и португальскій оригиналы этихъ переводовъ, я поэтому не могу съ увѣренностью сказать, представляютъ-ли собой названные романы

Эмина подлинные „переводы“, или онъ „передѣлывалъ“ текстъ доставшихся ему рукописей, или, наконецъ, словомъ „*переводъ*“ онъ прикрылъ, изъ скромности, свое авторство, и вся исторія о полученіи имъ рукописей есть вымыселъ. Одно ясно, что—1) оба „переводные“ романы Эмина, испанскій и португальскій, очень близки, по содержанію и характеру, къ его „оригинальнымъ“ романамъ. 2) По типу своему, они относятся къ „галантнымъ повѣстямъ“ — жанру, очень близкому къ героически-придворному роману (см. выше вып. I, стр. 308—309, 382-4).

Первое произведеніе („*Любовный вертоградъ*“) — есть сухой „конспективный“ разсказъ объ авантюрахъ героя: но кромѣ того встрѣчаемъ мы здѣсь сплошные романическіе шаблоны, патетическія жалобы на „фортуну“, монологи (герои всегда „вопятъ“). Дѣйствующія лица тоже шаблонны: идеальный любовникъ и любовница, вѣрные другъ другу, выносятъ свое чувство незапятнаннымъ изъ всѣхъ испытаній; на пути герою стоитъ коварная героиня, ему мстящая клеветой за отвергнутую любовь... Психологическій элементъ въ повѣсти тоже несложенъ: радость отъ раздѣленной любви, горе при разлукѣ, ревность, ненависть и жажда мести... Встрѣчаемся мы тутъ и съ самымъ грубымъ толкованіемъ психики (любовь и связанныя съ ней чувства) дѣйствующихъ лицъ (отъ имени автора). Содержаніе романа гораздо бѣднѣе, напримѣръ, „Мирамонда“, въ которомъ, помимо „личной“ исторіи героя, много „философской“ и „политической“ матеріи,— здѣсь, передъ нами, *только любовная исторія* героя... Въ этомъ отношеніи, указанный романъ очень близокъ къ первому „оригинальному“ произведенію Эмина: „Награжденная постоянность“— и по формѣ, и по содержанію, и по характеру... Быть можетъ, поэтому „переводный“ романъ Эмина кажется первымъ „неудачнымъ“ *наброскомъ* авантюрнаго героически-галантнаго *романа* (вѣрнѣе: героической авантюрной повѣсти)—какимъ то „конспектомъ“ будущаго романа...

Второй изъ названныхъ романъ Эмина: „*Бещастный Флоридоръ*“ 1763 г.—отличается болѣе яснымъ „переводнымъ“ характеромъ *): по типу, это—„историческая, героическая повѣсть“.

Дѣйствіе произведенія пріурочено къ эпохѣ борьбы Сициліи съ испанскимъ вліяніемъ; есть точное указаніе географическихъ

---

*) Дѣйствуетъ въ ней, напримѣръ, „вицерой“,—очевидно, „vice-roix“ (вице-король).

мѣстъ, вводятся историческія имена, почти нѣтъ патетическихъ монологовъ, нѣкоторая роль судьбѣ предоставлена... Авантюрный и эротическій элементъ вводится лишь съ половины повѣсти; между авантюрами встрѣчаемъ мы самыя шаблонныя: бури, кораблекрушенія, нападенія разбойниковъ... Любовная исторія кончается неудачно,—герой уходитъ въ монастырь... Произведеніе это, среди „оригинальныхъ" эминовскихъ, стоитъ совсѣмъ особнякомъ и связи между ними нѣтъ никакой...

„*Горьстная любовь маркиза де Толедо*"—опять очень приближается, своимъ характеромъ къ „оригинальнымъ" эминовскимъ романамъ. Передаю вкратцѣ содержаніе этого произведенія. Героиню романа, невѣсту идеальнаго героя, изнасиловалъ одинъ коварный офицеръ; послѣ этого ее бросилъ женихъ, но влюбился въ нее вельможа, маркизъ-де-Толедо: узнавъ, кто виновникъ ея несчастья, онъ убиваетъ коварнаго, но героиня по прежнему любитъ своего жениха и отвергаетъ любовь маркиза. Является ея женихъ, который, оказывается, ее покинулъ, вовсе не по своей волѣ... Героиню похищаютъ.. Оба героя-соперники ищутъ ее. Маркизъ-де-Толедо оказался болѣе настойчивымъ искателемъ, и судьба награждаетъ его, въ концѣ концовъ, счастьемъ. Другія дѣйствующія лица,—и положительныя, и отрицательныя—совершенно шаблонны, авантюры точно такъ же всѣ избиты (тюрьма, плѣнъ, рабство, бой съ морскими разбойниками, борьба съ морскими бурями и пр.); введено много патетическихъ монологовъ, жалобъ на „судьбу", писемъ и пр. Психика дѣйствующихъ лицъ такъ же несложна и пріемы анализа остались тѣ же.

Такъ какъ и это произведеніе мало-чѣмъ отличается отъ „оригинальныхъ" романовъ Эмина, то, вмѣстѣ съ первымъ, оно могло сыграть въ творчествѣ Эмина видную роль: оба эти романа—или—a) первые опыты его творчества (если они оригинальны)—или—b) образцы, которымъ онъ подражалъ (если они переводны); въ первомъ своемъ „*оригинальномъ*" *романѣ онъ, по существу, не ушелъ далеко отъ этихъ двухъ переводныхъ*: построеніе, техника и характеръ содержанія остались тѣ же; богаче, развитѣе сдѣлался разсказъ и разнообразнѣе стиль...

Даже съ „Мирамондомъ" найдется сходство въ этихъ „переводныхъ" романахъ Эмина: герой послѣдняго романа, какъ Мирамондъ, тоже попадаетъ въ Англію.

Сближаетъ эти „переводныя" эминовскія произведенія съ его оригинальными также обиліе тѣхъ сентенцій, психологическаго и этногра-

фическаго характера, которыя такъ характерны для „оригинальныхъ“ романовъ Эмина *).

Я отнесъ первый оригинальный его романъ къ группѣ „героически-галантнаго романа“ (второй—къ группѣ произведеній въ духѣ Прево),—но, конечно, оба они (особенно первый) ближе къ этимъ двумъ—„гишпанской“ и „португальской“ галантнымъ авантюрнымъ повѣстямъ, чѣмъ къ произведеніямъ Кальпренеда и Скюдери. Впрочемъ, существо дѣла не мѣняется отъ такого, болѣе точнаго, ихъ пріуроченія: я указывалъ уже выше, что испанскія, итальянскія, французскія героическія повѣсти, по существу своему, близки къ героическому придворно-галантному роману. *Такимъ образомъ, знакомство съ „переводами“ по существу, не нарушая моей классификаціи, Эминъ позволяетъ точнѣе опредѣлить тѣ вліянія, которыя испыталъ нашъ романистъ,—тѣ литературные прототипы, которые могли послужить ему образцомъ.*

7) Выше неразъ приходилось мнѣ говорить, что нашъ бытовой романъ, во многихъ отношеніяхъ, близокъ къ бытовой комедіи XVIII-го вѣка. Я не берусь утверждать, что нашъ „оригинальный“ романъ сложился *подъ вліяніемъ* комедіи, но что онъ отразилъ тѣ же явленія русской жизни и отвѣтилъ на тѣ же вопросы, что̀ поставлены были въ комедіи—это несомнѣнно. Правда, авторы комедіи обращали часто особое вниманіе на тѣ явленія, на которыхъ лишь мелькомъ останавливались романисты,—и наоборотъ, часто послѣдніе фиксировали свое вниманіе именно на томъ, что не интересовали драматурговъ, — тѣмъ не менѣе, тотъ фактъ, что тѣ и другіе отмѣтили однѣ и тѣ же черты (хотя и въ разной мѣрѣ) въ русской жизни, говоритъ намъ—a) о близости русскаго творчества къ дѣйствительной жизни—b) о характерности и существенности тѣхъ явленій, которыя отмѣчены и въ романѣ, и въ драмѣ.

---

*) Привожу, для курьеза, слѣдующее разсужденіе, отличающееся совершенно-эминовскимъ духомъ: „предъ простымъ народомъ едва что̀ утаить можно: не успѣетъ Министерство какую-либо вещь выдумать, какъ о содержаніи оной, и едва не о слѣдствіи, простой народъ по своимъ избушкамъ разговариваетъ. Такое неученаго народа проницаніе, откуда бы оно ни рождалось,—отъ случая, или отъ сверхестественныхъ одареній, довольно намъ доказываетъ, что и простые мужички имѣютъ свое право въ обществѣ, и что̀ предъ ними хитрые разумы закрываютъ, то ихъ намъ непонятное существо явствуетъ такъ, что мы чудимся проворными нашими разумами ихъ проницательной пустотѣ.

Такъ, напримѣръ, въ обоихъ жанрахъ ярко подчеркнуто сосуществованіе у насъ въ XVIII-мъ в. двухъ яркихъ бытовыхъ противоположностей—Скотининыхъ, грубыхъ захолустныхъ „медвѣдей“*), которые въ юности забавляются самыми примитивными деревенскими развлеченіями**)—и щеголей-вольтерьянцевъ, презирающихъ Россію и деревню, интересующихся только городомъ, свѣтской жизнью,—мотовъ и развратниковъ,—людей, лишенныхъ всякихъ принциповъ морали **)... Неразъ изображался щеголь-офицеръ, который отлыниваетъ отъ службы, распутничаетъ и мотаетъ деньги въ столицѣ. ***)

---

*) Ср. чулковскаго Балабана (вып. I. стр. 618, вып. II, стр. 705—708), чулковскихъ грубыхъ помѣщиковъ-обжоръ и пьяницъ (вып. I, стр. 590—597). Съ такими захолустными помѣщиками-медвѣдями встрѣчаемся мы въ комедіи: „Хвастунъ“ (1786) Княжнина; въ комедіи императрицы Екатерины, „О время“ (1772) въ комедіи: „Русской парижанецъ“ (1783); въ комедіи: „Приданое обманомъ“ (1759); „Рогоносецъ по воображенію (1786); „Мать-совмѣстница дочери“ (1786); „Недоросль“ (1782); „Обращенный Мизантропъ“ (1794); „Ѳомушка, бабушкинъ внучекъ“ (1785); „Женихъ битъ и доволенъ“ (1795); „Походъ подъ шведа“ (1790); „Митрофанушка въ отставкѣ“ (1800); „Раздраженный мужъ“ (1797) и др. „Пустая ссора“ (1786); въ ком. „Ошибка, или утро вечера мудренѣе“ (1794)—дѣйствуетъ Степанъ *Балабанычъ*. Отчество это указываетъ на несомнѣнное вліяніе чулковскаго Балабана.

**) „Щеголей“ русская бытовая комедія, какъ и журнальная сатира, казнила гораздо больнѣе, чѣмъ романъ. Этотъ типъ въ нашей комедіи освѣщенъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ и поставленъ во всевозможныя обстоятельства тогдашней русской жизни. Ср. измайловскаго Евгенія (вып. II, стр. 797—815), его же Вѣтровыхъ, (вып. II, стр. 810—813), львовскаго кн. Вѣтрогона (вып. I, стр. 190; вып. II, стр. 542) и др. Съ щеголями встрѣчаемся мы въ слѣдующихъ комедіяхъ: въ комедіи Екатерины: „Именины госпожи Ворчалкиной (1774); въ комедіи: „Самолюбивый стихотворецъ“ (1775); „Русскій парижанецъ) (1783); „Чудовищи“ ком. Сумарокова (1750); „Свадьба господина Промоталова“ (1774); „Купецкая кампанія“ (1780); „Пустая ссора“ (1750); „Воспитаніе“ (1774); „Смѣхъ и горе“ (1793); „Проказникъ“ (1793); „Чудаки“ (1793); „Побѣгъ отъ долговъ“ (1792); „Неудачный заговоръ“ (1794): „Наказанная Вертопрашка“ (1781); „Чадолюбіе“ (1788); „Философъ по неволѣ“ (1787); „Мнимый счастливецъ“ (1786); „Любовныя шутки“ (1800); „Бригадиръ“ (1766); „Попытка не шутка“ (1774); „Щепетильникъ“ (1765); „Награжденное постоянство (1765); „Перемѣна нравовъ“ (1789); „Опасная шутка“ (1793).

***) Этотъ образъ мы встрѣчаемъ въ комедіяхъ: „Подражатель“ (1779); „Мотъ, любовью исправленный“ (1765), „Разстроенная семья острожками“ (1788); „Отгадай не скажу“ (1772); „Воспитаніе“ (1774); „Попытка не шутка“ (1774), „Что наше, тово намъ и не надо“ (1794); „Отецъ-невидимка“ (1799); „Преступникъ отъ игры“ (1790); „Походъ подъ Шведа“ (1790).

Образъ модницы, ведущій вольный образъ жизни—дѣвицы, или замужней дамы, тоже часто выводится въ комедіяхъ. (Ср. Неонилу въ романѣ А Л* (вып. II, 743—762) старуху Вѣтрову, въ романѣ Измайлова (вып. II, 813), нѣкоторыхъ героинь Чулкова (вып. I, 599—600, 631) *).

Нерѣдко этотъ образъ модной распутницы связывается съ образомъ „старухи-щеголихи" (ср. г-жу Вѣтрову и героиню Чулкова) **).

Въ указанномъ противорѣчіи россійскаго тупого невѣжества и ложно-понятого просвѣщенія очевидно, былъ, извѣстнаго рода, драматизмъ, съ которымъ пришлось считаться русскимъ людямъ XVIII-го столѣтія. Этотъ разладъ шелъ въ самую глубь русской жизни и приводилъ, между прочимъ, не только къ столкновенію „отцовъ" и „дѣтей", но и къ борьбѣ „города" съ „деревней"... Какъ въ романѣ, такъ и въ комедіи жизнь деревни, чаще всего, представлялась въ „апоѳеозѣ": ***) восхваляютъ русскіе драматурги крестьянина-пахаря ****) и осмѣиваютъ двороваго, испорченнаго городской жизнью *****) Припомнимъ въ романѣ Измайлова разговоръ деревенскаго мужика, привязаннаго къ землѣ и труду—съ мужикомъ, испорченнымъ городской жизнью (вып. II, стр. 808—309),—комедія русская неразъ ставила этотъ-же вопросъ и разрѣшала его въ томъ же смыслѣ.

Изъ типовъ, характерныхъ для жизни XVIII-го вѣка, отмѣчу еще типъ свободомыслящаго и злобнаго вольнодумца, развра-

---

*) Ближе къ Неонилѣ подходитъ героиня ком.: „Ненавистникъ" (1779); „Имянины г-жи Ворчалкиной" (1774); „Недоразумѣніе" (1789); „Свадьба г. Волдырева" (1793); „Невѣрность женская" (1788); „Походъ подъ Шведа" (1790); „Наказанная Вертопрашка" (1781);—сходство съ романомъ въ этой комедіи простирается на такую деталь: тетушка читаетъ героинѣ нравоученія, но она ихъ не слушаетъ; „Раздраженный мужъ" (1797); „Философъ по неволѣ" (1787).

**) Въ комедіяхъ: „Мать—совмѣстница дочери" (1786); „Мотъ, любовью исправленный" (1765); „Чудовищи" Сумарокова (1750); „Бригадиръ" (1766); „Мнимый счастливецъ" (1786); „Награжденное постоянство" (1765); „Смѣшное сборище" (1787); „Бѣшеная семья" (1786); „Благовременное вспоможеніе" (1794); „Услужливой" (1796); „Новые чудаки" (1798); „Истинный другъ" (1795).

*** Ср. комед.: „Подражатель" (1779), „Анюта" (1772); „Судьба деревенская" (1782); „Неудача въ любви" (1795); „Обращенной Мизантропъ" (1794); „Бобыль" (1790).

****) „Опасная шутка" (1793); „Своя ноша не тянетъ" (1794); „Бобыль" (1790).

*****) „Опасная шутка" (1793); „По одежкѣ протягивай ножки" (1790).

щающаго своими рѣчами молодежь, нетвердую въ нравственныхъ устояхъ *).

Отмѣтили и авторы комедій тѣ черты купеческой жизни, которыя указаны были Новиковымъ (вып. II, стр. 656—663) (жизнь купеческихъ женъ и дочерей взаперти, пьянство купчихъ и пр.) **), выдача замужъ купеческихъ дѣвицъ противъ ихъ воли...

Отмѣченъ въ комедіи образъ старухи, зараженной сословными предразсудками и ищущей знатнаго мужа для своей дочери, полюбившей простого дворянина.

Неразъ, съ различныхъ сторонъ, русская комедія освѣщаетъ отмѣченный въ романѣ типъ подъячаго,—кляузника, ростовщика и взяточника ***).

Отмѣченъ въ комедіяхъ и характерный образъ Подлянкова, выведенный въ романѣ Измайлова ****).

Вопросы воспитанія, неразъ подымаемые романистами, въ такой же мѣрѣ интересовали и драматурговъ-комиковъ *****).

На тяжелое положеніе крѣпостныхъ указывалось и въ романѣ, и въ комедіяхъ ******).

---

*) Ср. Руфина въ комед. Хераскова: „Безбожникъ“ (1761); Злорадова—(„Мотъ, любовью исправленный“—1765); Ядона („Злоумный“—1781), Злотвора („Обманъ на обманъ“—1790), Развратева („Благовременное вспоможеніе“—1794) и др.

**) Ср. „Подражатель“ (1779); „Купецкая кампанія“ (1780)—купеческихъ женъ мужья держатъ взаперти; онѣ пьянствуютъ; „Сбитеньщикъ“—въ купеческомъ домѣ жизнь на запорѣ; воспитаніе купеческихъ дѣвицъ; за ними смотрятъ строгія старухи. „Челобитчики“, (1797),—жизнь на запорѣ; „Невѣста подъ фатой“ (1789)—купеческую дочь выдаютъ замужъ противъ воли; „С.-Петербургскій гостинный дворъ“ (1791),—купчихи пьянствуютъ.

***) Ср. въ романѣ Измайлова отецъ Евгенія (вып. II, стр. 796—797), въ повѣстяхъ Чулкова: Брагинъ (вып, II, стр. 697—699). „Трисотиніусъ“ (1750); „Чудовищи“ (1750); „Ядовитый“ (1769); „Свадьба г. Промоталова“ (1774); „Челобитчики“ (1797); „Бригадиръ“ (1776); „Точь въ точь“ (1785); „Чувствованія благотвореній“ (1787); „Судейскія имянины“ (1781); „Обманъ на обманъ“ (1790); „Перемѣна въ нравахъ“ (1789); „Своя ноша не тянетъ“ (1794); „Услужливый“ (1796),—пьянство мелкихъ чиновниковъ; „С.-Петербургскій гостиный дворъ“ (1791); „Митрофанушка въ отставкѣ“ (1800); „Наказанная Вертопрашка“ (1781); „Чадолюбіе“ (1788),—даетъ деньги въ долгъ; „Философъ по неволѣ“ (1787); „Ябеда“ (1798).

****) „Услужливой“ (1796), „Такъ и должно“ (1773), „Чудаки“ (1793).

*****) Въ комед. Екатерины: „Госпожа Вѣстникова“ (1774); „Збитеньщикъ“(1789); „Недоросль“(1782); „Недоразумѣніе“(1789); „Олинька“(1796).

******) „Недоросль“, „Бригадиръ“, „Женихъ битъ и доволенъ“ (1795); „Самохвалъ“ (1773); „Митрофанушка въ отставкѣ“ (1800).

Семейный гнетъ, вносившій драму въ жизнь дѣвушки, выдаваемой противъ воли за нелюбимаго—тоже въ одинаковой мѣрѣ осуждался въ комедіяхъ, какъ и въ романахъ *).

8) Я не отмѣтилъ на стр. 672, въ концѣ характеристики повѣстей Новикова, что онѣ на себѣ отразили сильное вліяніе произведеній Чулкова. Это вліяніе выразилось, между прочимъ, и въ общемъ тонѣ, и въ заимствованіи нѣсколькихъ образовъ и положеній. Ср. приключеніе монаха, попавшаго въ руки къ разбойникамъ и поселившагося у гостепріимнаго атамана (вып. I, стр. 594)—съ приключеніями Ивана (вып. II, 654); любовное приключеніе, по своей завязкѣ, (вып. I, 599) напоминаетъ исторію того же Ивана (вып. II, 660) и др.

---

*) Ср. „Невѣста-невидимка“ (1786); „Недоразумѣніе“ (1789).

Выводы.

Къ главѣ первой.

1) Въ XVIII-омъ столѣтіи, изъ всѣхъ литературныхъ жанровъ, романъ у насъ былъ самымъ популярнымъ; что доказывается показаніями—a) мемуаровъ—b) самихъ романовъ—c) журналистики—d) книжной статистики. Статистика русскаго романа особенно убѣдительно доказываетъ, что никакимъ другимъ литературнымъ жанромъ въ XVIII-омъ столѣтіи въ такой мѣрѣ не интересовались русскіе люди, какъ романомъ: — α) въ ряду всѣхъ другихъ печатныхъ произведеній романы занимаютъ выдающееся мѣсто (почти 14%), а въ ряду беллетристическихъ—даже—32% *).

2) Моментомъ особаго процвѣтанія русской литературы XVIII-го вѣка вообще, а романа, въ частности, надо признать годы *1788—1794*, а моментомъ паденія — послѣдніе годы царствованія Екатерины (1794 — 1797). Любопытно при этомъ, что — a) паденіе числа романовъ, сравнительно съ числомъ другихъ жанровъ, совершалось менѣе замѣтно,—очевидно, изъ всѣхъ литературныхъ жанровъ вѣка романъ оказался однимъ изъ наиболѣе устойчивыхъ, что́, конечно, лишній разъ свидѣтельствуетъ объ его популярности—и—в) что къ концу XVIII-го вѣка (съ 1791 года) замѣтно выростаетъ число *журнальнаго романа* (повѣсти типа карамзинскихъ).

---

*) Если принять въ соображеніе, что, по размѣрамъ, романы являются самыми крупными произведеніями. Такъ какъ, при подсчетѣ, за „единицу" приходилось считать „названія" сочиненій, то, напримѣръ, небольшая „ода", появившаяся въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, и многотомный романъ считались мною за отдѣльныя и равноправныя единицы.

Къ главѣ второй.

3) При отсутствіи у насъ въ XVIII-омъ столѣтіи сколько-нибудь серьезной и систематической критики, сущность литературнаго и историческаго значенія романа опредѣляется—a) показаніями, извлеченными изъ мемуаровъ, журналовъ, самихъ романовъ, и—b) изъ предисловій къ романамъ. Изъ предисловій мы узнаемъ, что—α) въ первой половинѣ и въ серединѣ вѣка цѣнились у насъ особенно „нравоучительные" романы—β) рядомъ съ такимъ утилитарнымъ пониманіемъ цѣлей романа, уже въ XVIII-омъ вѣкѣ у насъ опредѣляется художественно-реалистическое пониманіе его цѣлей; оно приводитъ, прежде всего, къ ослабленію дидактизма, а затѣмъ и къ борьбѣ съ нимъ во имя требованій чисто-художественнаго характера—γ) предисловія къ русскимъ „оригинальнымъ" романамъ обнаруживаютъ преимущественное тяготѣніе русскихъ романистовъ именно къ такому реалистическому міросозерцанію—δ). Въ общемъ, можно сказать что „предисловія" представляютъ собою „апологію" новаго романа—„англійскаго", или—съ нимъ сходнаго,—ε) Благодаря этому, предисловія помогаютъ опредѣлить доминирующія (въ смыслѣ художественной прогрессивности) теченія въ нашей массовой романической литературѣ XVIII-го столѣтія.

4) Анализъ идейнаго содержанія русскаго романа XVIII-го столѣтія позволяетъ утверждать, что философскія и политическія идеи вѣка въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ были распространены шире и глубже, чѣмъ это вообще принято думать. Особенно замѣтную роль въ дѣлѣ воспитанія русскаго общества сыграли Вольтеръ и Фенелонъ — писатели, принадлежащіе, судя по ихъ распространенности у насъ, къ числу наиболѣе чтебныхъ. Это видно—a) изъ появленія произведеній, близкихъ къ ихъ твореніямъ въ литературномъ и идейномъ отношеніяхъ,—b) изъ широкаго распространенія въ русскомъ обществѣ ходячихъ—освободительныхъ и гуманныхъ, критическихъ и утопическихъ идей вѣка, литературными выразителями которыхъ, главнымъ образомъ, были оба названные писателя.

Романъ, въ этомъ отношеніи, является особенно цѣннымъ показателемъ популярности этихъ идей у насъ.

Къ главѣ третьей.

5) Бытовыя черты русской жизни, отмѣченныя въ русскомъ романѣ XVIII-го столѣтія, отличаются разнообразіемъ и яркостью. Отмѣчая *типическія* черты этой жизни, наши романисты

въ такой мѣрѣ захватываютъ всевозможныя стороны ея, въ какой этого не находимъ у авторовъ „мемуаровъ“ XVIII-го в.

6) Если показанія, извлеченныя изъ романовъ и повѣстей, въ глазахъ историка, не представляютъ, сами по себѣ, особенной убѣдительности для характеристики быта, то, провѣренныя и подтвержденныя другими литературными фактами (взятыми изъ драмы, сатиры и другихъ литературныхъ видовъ) и историческими данными (мемуары), они пріобрѣтаютъ и убѣдительность, и документальность.

Къ главѣ четвертой.

7) Греческій романъ возникъ и развивался въ эпоху перелома отъ античнаго міросозерцанія къ христіанскому; компромиссомъ, къ которому онъ пришелъ, были—идеализированный эротизмъ и морализація, уже приближающаяся, по духу, къ христіанской.

8) „Передѣлки“, которымъ, при переводѣ, подвергались греческіе романы, сводились,—a) къ измѣненіямъ стилистическимъ (усиленіе реторизма и сентиментализма),—иногда — b) къ сглаживанію нѣкоторыхъ рѣзкостей и къ измѣненію характера тѣхъ картинъ и положеній, которыя изысканному вкусу XVII-го и XVIII-го столѣтій казались грубыми и—c) къ усиленію роли „судьбы“. Характеръ этихъ передѣлокъ интересенъ въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ основныя черты *псевдоклассическаго* романа: „характерное“ греческаго романа въ этихъ передѣлкахъ и подражаніяхъ замѣтно превращалось въ „типичное“,—дѣлалось требованіемъ „теоріи“, обращалось въ „литературную систему.

9) Въ отношеніяхъ формальномъ (построеніе, пріемы психологическаго анализа, стиль и пр.) и въ идейномъ („фатализмъ“, идеализмъ, морализація и пр.) „греческій романъ“ имѣлъ рѣшающее вліяніе на исторію всего западно-европейскаго романа (особенно, „героически-придворно-галантнаго“ типа *); только развитіе романа „англійскаго“ сократило размѣры этого вліянія, низведя его до самыхъ скромныхъ размѣровъ.

10) Непосредственнаго вліянія на судьбы русскаго романа этотъ старый „греческій“ имѣть не могъ, такъ какъ—a) прежде знакомства съ нимъ русскіе литераторы узнали романъ „псевдо-

*) Поэтому въ наслѣдованіи я, ради краткости, именую его условно: „псевдоклассическимъ“.

классическій", въ которомъ всѣ характерныя черты романа греческаго сдѣлались уже ярко-типичными, возведены были въ „теорію"—b) съ греческимъ романомъ русскіе читатели знакомились, главнымъ образомъ, чрезъ посредство его французскихъ и нѣмецкихъ переводчиковъ (или даже „передѣлывателей").

11) Классификація видовъ романическаго творчества должна быть произведена на двухъ основаніяхъ—a) по признакамъ внѣшнимъ и—b) внутреннимъ. Къ *первымъ* отношу я чисто-литературныя особенности, въ произведеніяхъ каждой группы обращающіяся въ „общія мѣста" (стиль, типы героевъ, темы и сюжеты, литературная форма и пр.),—ко *вторымъ*—тѣ философскія начала, которыя (сознательно, или безсознательно) положены въ основу развитія различныхъ романовъ (фатализмъ, дуализмъ, индивидуализмъ).

12) Личность человѣка во всѣхъ романахъ является центромъ, на который обращено главное вниманіе писателя, но въ романѣ греческомъ и псевдоклассическомъ она подавлена властью „судьбы": въ романѣ волшебно-рыцарскомъ она является игрушкой въ рукахъ таинственныхъ началъ жизни—добрыхъ и злыхъ (добрыя и злыя феи и чародѣи, чудеса); въ романѣ „англійскомъ" эта „личность" впервые является силой самодовлѣющей, отвѣчающей сама за себя. Въ этомъ романѣ „ирраціональное" начало, связывающее, или направляющее жизнь человѣка, выражается—или въ волѣ Бога, испытывающаго человѣка во время его земной жизни, или въ инстинктахъ его натуры, или въ запутанности моральныхъ и умозрительныхъ отношеній человѣка къ ближнему и къ самому себѣ...

13) Хотя группа тѣхъ романовъ, которые объединены мною подъ однимъ общимъ (условнымъ) названіемъ „псевдоклассическаго", тѣсно примыкаетъ, особенно въ формальномъ отношеніи, къ роману греческому (построеніе, стиль, роль „судьбы"), но въ то же время она существенно отличается отъ него въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—a) въ новомъ романѣ мы встрѣчаемъ дифференціацію элементовъ идеалистическаго и реалистическаго (образуется группа романа типа „Жилблазъ"),—b) въ большинствѣ романовъ (кромѣ произведеній группы „Жилблазъ") вліяніе эпохи сказывается въ усиленіи отвлеченности характера любви, въ усиленіи элемента галантности, во внесеніи элементовъ рыцарства, въ усложненіи психологическаго анализа, въ усиленіи индивидуали-

зація героевъ и, наконецъ (особенно у Фенелона и Прево), въ стремленіи новое христіанское міросозерцаніе помирить съ языческимъ (усиленіе элемента личной воли; въ зависимости отъ этого нѣкоторое ослабленіе роли „судьбы“, сгущеніе элементовъ сентиментализма).

14) Романъ Лесажа (и произведенія его школы) должны быть отнесены къ разряду „псевдоклассическихъ“; представляя, по моему, быть можетъ, безсознательную *пародію* на героическій романъ, они повторяютъ всѣ типичныя черты романа героическаго.

15) Романы Прево (и произведенія его школы) представляютъ собою литературный компромиссъ между романомъ псевдоклассическимъ-героическимъ и псевдоклассическимъ-плутовскимъ. Отъ обоихъ видовъ они отличаются бо́льшею свободою художественнаго реализма,—что́ выразилось, главнымъ образомъ, въ усиленіи объективизма при изображеніи дѣйствительности.

16) Какъ исторія греческаго романа, составленная изъ разрозненныхъ случайныхъ явленій отъ Ямвлиха до Харитона, такъ и богатая исторія романа псевдоклассическаго, героически-галантнаго, отъ Гомбревиля до послѣднихъ произведеній Скюдери и Лафайетъ—являетъ собою фактъ тяготѣнія отъ аристократизма и изображенія грандіозныхъ фантастическихъ образовъ и событій къ интересамъ обыденной, даже буржуазной, жизни.

17) Поэтому отъ Лафайетъ и произведеній ея школы, а затѣмъ отъ романовъ Прево—одинъ шагъ къ роману „англійскому“. Такимъ образомъ, торжество этого романа въ европейской литературѣ подготовлено было любопытной и самобытной эволюціей французскаго романа.

18) „Псевдоклассическій“ романъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на весь романъ (европейскій и русскій) XVIII-го столѣтія; главнымъ образомъ, въ отношеніи стиля, манеры письма и пріемовъ психологическаго анализа. Даже англійскій романъ, внесшій переворотъ въ исторію европейскаго романа, сохранилъ, правда, въ очень слабой степени, слѣды вліянія этого романа. Тѣмъ не менѣе, въ то время, когда началась исторія литературнаго русскаго романа (60-ые годы XVIII ст.), судя по предисловіямъ, старый „псевдоклассическій“, равно какъ и „волшебно-рыцарскій романъ“, уже не интересовалъ передовое, въ литературномъ отношеніи, общество, за-

падной Европы и Россіи*); если, тѣмъ не менѣе, оба эти литературные вида не умирали, а жили на западѣ и у насъ, — то это объясняется тѣмъ, что ихъ поддерживали средніе слои читающей публики...

19) „Псевдоклассицизмъ“ западно-европейскаго романа вызываетъ въ русской литературѣ появленіе „псевдославянизма“. Такъ же и вліяніе „рыцарства“ привноситъ свои характерныя черты въ русскій народный богатырскій эпосъ,—создаетъ изъ героическихъ элементовъ былины—„псевдо-славянское рыцарство“.

20) Въ русской литературѣ XVIII-го вѣка можно найти всѣ разновидности „псевдоклассическаго“ романа (героическій романъ типа произведеній Кальпренеда, героическая, миѳологическая, восточная, наконецъ—исключительно-психологическая повѣсть типа произведеній Лафайетъ). Но всѣ эти „исканія“ образцовъ для подражанія не создали у насъ литературной „школы“, — они остались разрозненными, одиночными и случайными литературными явленіями и потому легко уступили мѣсто вліяніямъ другихъ романическихъ направленій, привившихся у насъ болѣе прочно и оставившихъ болѣе замѣтные слѣды.

21) Подсчетъ романовъ, отнесенныхъ мною къ *первой* группѣ (псевдоклассическій романъ, или героическій-придворно-авантюрный), показываетъ, что въ русской переводной и подражательной литературѣ этого типа сказалось—a) ясное и опредѣленное стремленіе не къ роману типа произведеній Кальпренеда, а къ героической повѣсти (сокращеніе размѣра произведеній) — b) ясно сказались художественно-реалистическія тенденціи и, по преимуществу, психологическіе интересы. Такимъ образомъ, русскій романъ этой группы опредѣляется, главнымъ образомъ, произведеніями типа повѣсти Лафайетъ, Лесажа и Прево. Вліяніе романа Фенелона объяснимо захватывающимъ интересомъ его политическаго содержанія, въ которомъ люди XVIII-го вѣка находили отвѣтъ на многіе мучительные вопросы въ острый моментъ вызрѣванія и проясненія ихъ политическаго міросозерцанія.

22) Русскіе „реалисты“ XVIII-го ст. не только „подражали“ чужимъ образцамъ, но они—иногда—a) чужія заимствованныя

---

*) Оттого западно-европейскій псевдоклассическій романъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей (Кальпренедъ, Скюдери), почти не былъ извѣстенъ русскимъ людямъ XVIII-го в., — въ русской литературѣ не существуетъ даже ихъ полныхъ переводовъ.

идеи перерабатывали по своему, иногда — b) вносили въ свое творчество и черты своего самостоятельнаго міропониманія (напр.,— критическое отношеніе къ „фортунѣ“ и др.)—c) вообще стремились къ руссификаціи содержанія.

23) Даже на небольшомъ числѣ существующихъ русскихъ романовъ XVIII-го в. можно прослѣдить ту же эволюцію литературнаго вкуса, что́ и на западноевропейскомъ романѣ: наиболѣе ранніе образцы псевдоклассическаго романа сохраняютъ и у насъ черты авантюрности и героизма, — наиболѣе поздніе приближаются къ реалистическимъ повѣстямъ, съ содержаніемъ изъ современнаго быта. Изъ писателей первой группы особенно интересны Ѳ. Эминъ и Херасковъ. Первый — является писателемъ „ищущимъ“ и потому не имѣющимъ опредѣленной литературной физіономіи (отъ героическаго романа онъ переходитъ къ подражаніямъ Прево и даже Руссо). Херасковъ—вполнѣ опредѣленная литературная величина: вѣрный ученикъ Фенелона, онъ въ своихъ романахъ сумѣлъ, однако, подняться до извѣстной литературной самобытности.

Къ главѣ пятой.

24) Если романъ псевдоклассическій, путемъ долгой вѣковой эволюціи, трансформовался въ видъ, приближающійся къ роману типа „англійскаго“ (Лафайетъ, Прево),—то волшебно-рыцарскій романъ, кромѣ такой прямой и органической эволюціи, тоже приведшей его къ типу „англійскаго“ (сказки Мармонтеля)—знаетъ рядъ скрещеній съ цѣлымъ рядомъ другихъ романическихъ типовъ (восточная сказка, народная сказка о феяхъ). Такая „воспріимчивость“ вида объясняется тѣмъ, что, обладая бо́льшею живучестью, свидѣтельствующей о большой приспособляемости этого вида къ преходящимъ интересамъ массы, онъ менѣе былъ устойчивъ въ своихъ типичныхъ чертахъ, чѣмъ, напримѣръ, романъ псевдоклассическій. Оттого онъ не отличается такимъ литературнымъ аристократизмомъ, легко опрощается—питая собою творчество вульгарное и, въ свою очередь, питаясь этимъ творчествомъ.

25) Тѣмъ не менѣе, въ идейномъ отношеніи, наиболѣе типичные представители этого вида, существеннымъ образомъ, отличаются отъ романа греческаго и псевдоклассическаго, построеннаго на „фатализмѣ“ (роль „судьбы“). Въ волшебно-рыцарскомъ романѣ-сказкѣ мы встрѣчаемся съ иною силой—„дуализмомъ“—

борьбой добраго начала съ злымъ... Конечно, какъ въ псевдоклассическомъ романѣ „фатализмъ"—такъ здѣсь „дуализмъ" далеко не всегда являются міросозерцаніями вполнѣ ясными и проводимыми послѣдовательно. Благодаря всевозможнымъ скрещивающимся вліяніямъ, это дуалистическое міросозерцаніе въ романѣ волшебно-рыцарскомъ часто является довольно затуманеннымъ и потому—

26) Между „псевдоклассическимъ" и „волшебно-рыцарскимъ" романомъ (начиная съ „Амадисовъ" до „сказокъ о феяхъ„ включительно), въ сущности, очень много сходства: оба вида—по характеру своему, авантюрны. Интересы въ нихъ, главнымъ образомъ, внѣшняго характера; сходство наблюдается и въ построеніи (цѣпь приключеній, вставные эпизоды, письма, въ пріемахъ изображать душу героевъ (отъ лица автора, или въ монологахъ), и въ характерѣ стиля (паѳосъ), въ идеализаціи героевъ и въ моральныхъ тенденціяхъ (добро побѣждаетъ). Отличіе—во внесеніи новаго ирраціональнаго начала (дуализмъ) и во введеніи разнообразныхъ описаній волшебнаго элемента (чудеса).

27) Волшебно-рыцарскіе романы первой и второй группы никакого рѣшающаго значенія на русскій романъ XVIII-го в. не имѣли,—они даже не были переведены на русскій языкъ За то романы третьей и четвертой группы (рыцарскія поэмы и фантастическія сказки), имѣли большое значеніе,—между прочимъ, они заставили русскихъ писателей XVIII в. оглянуться на народное творчество (сказки, былины) и на старую рукописную повѣсть XVIII в., а этимъ дали толчокъ органическому развитію самобытнаго русскаго творчества...

28) Если, говоря о судьбахъ псевдоклассическаго романа въ русской литературѣ, приходилось указывать, что „школы" литературной этотъ видъ у насъ не создалъ, и вліяніе его выразилось только, такъ сказать, въ „пробахъ пера", то волшебно-рыцарскому роману, въ этомъ отношеніи, болѣе посчастливилось: Чулковъ своими „волшебно-рыцарскими" романами—a) создалъ цѣлое литературное направленіе: подъ вліяніемъ его произведеній опредѣлилось у насъ въ романѣ и въ эпопеѣ цѣлое народническое направленіе, которое захватило даже начало XIX-го столѣтія — b) онъ привлекъ вниманіе русскихъ литераторовъ вообще къ народной поэзіи: появленіе въ печати первыхъ сборниковъ русскихъ сказокъ можетъ быть объяснено, между прочимъ, его вліяніемъ.

29) Русскій „подражательный“ волшебно-рыцарскій романъ XVIII-го столѣтія много имѣетъ въ себѣ „своего“, оригинальнаго—такъ—a) замѣчается стремленіе руссифицировать героевъ и дѣйствіе романа—b) въ русскихъ волшебныхъ сказкахъ и романахъ преимущественнымъ содержаніемъ является не борьба героя съ злыми началами жизни, а исканіе похищенной красавицы. Въ такомъ видоизмѣненіи содержанія,—вѣрнѣе болѣе одностороннемъ и исключительномъ трактованіи темы, въ западноевропейскомъ романѣ играющей второстепенное значеніе — сказалось, можно думать, вліяніе русской народной волшебной сказки.

30) Если исторія волшебно-рыцарскаго романа и въ западной литературѣ, вслѣдствіе своей хронологической широты, отличается характеромъ очень сложнымъ, то въ русской литературѣ она, будучи сбита въ XVIII-омъ столѣтіи на какіе нибудь 50 лѣтъ, носитъ черты еще болѣе смѣшаннаго творчества: оттого въ русскомъ романѣ этого типа всѣ видовыя черты менѣе ясны, болѣе стерты. Такъ, въ русской литературѣ мы встрѣчаемъ произведенія, въ которыхъ—a) скрещиваются вліянія разныхъ видовъ волшебно-рыцарскихъ произведеній,—b) ясно сказываются и вліянія стараго псевдо-классическаго, авантюрнаго романа. Поэтому очень часто распредѣленіе русскихъ произведеній этого вида по группамъ возможно сдѣлать только приблизительно—лишь по преобладанію характерныхъ особенностей. При недостаточной проясненности основного принципа (дуализмъ), такое смѣшеніе типовыхъ особенностей, блѣдное отраженіе „рыцарства“ и сближеніе съ псевдоклассическимъ романомъ создали изъ русскаго волшебно-рыцарскаго романа литературный типъ эклектическаго характера.

31) Благодаря пріобрѣтенію такого эклектическаго характера и потерѣ яркихъ индивидуальныхъ чертъ, волшебно-рыцарскій романъ свойственную ему типичную черту—наклонность къ вульгаризаціи,—у насъ, въ русской литературѣ, выразилъ еще ярче. Вотъ почему, произведенія Чулкова (и его школы) стали обслуживать низшіе (хотя и не простонародные) слои русской читающей публики. Опростившись легче „псевдоклассическаго“, волшебно-рыцарскій романъ задѣлъ таившіяся въ среднемъ русскомъ читателѣ народническія тенденціи и въ литературѣ создалъ своеобразное „народническое направленіе“. Вѣроятно поэтому, нашъ волшебно-рыцарскій романъ оказался тѣмъ посредствующимъ звеномъ, которое соединило искусственную

литературу XVIII-го вѣка съ народнымъ творчествомъ. Исключительный интересъ этой литературы сосредоточился на „фабулѣ“. Идейная сторона, даже въ лучшихъ русскихъ произведеніяхъ этого типа, почти отсутствуетъ, или,—по крайней мѣрѣ, занимаетъ второе мѣсто; даже моральныя тенденціи выразились слабо. Понятно поэтому, что, при большой распространенности, эта литература со стороны литераторовъ высшаго круга подверглась самой суровой критикѣ: показанія статистики и критики разошлись самымъ кореннымъ образомъ,—жанръ, популярный въ массѣ, былъ осужденъ критикой.

32) Какъ въ исторіи русскаго псевдо-классическаго романа, такъ и въ судьбѣ русскаго волшебно-рыцарскаго можно отмѣтить еще одно характерное сходство: въ своемъ развитіи они подходятъ къ англійскому роману, къ реальной психологической повѣсти. Процессъ, который на западѣ совершался въ теченіе вѣка, у насъ сосредоточился въ предѣлахъ 50 лѣтъ. Понятно, что у насъ это развитіе потеряло значительную долю самостоятельности.

33) У насъ Чулковъ является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ представителей творчества въ этой области волшебно-рыцарскаго романа: его произведенія доказываютъ, что у него были всѣ данныя для того, чтобы создать народную эпопею. Но онъ былъ писателемъ „не ко времени“. Скептицизмъ эпохи лишилъ его вѣры и уваженія къ народному творчеству и потому обезсилилъ его блестящій талантъ.

34) Какъ во французской литературѣ Мармонтель, такъ у насъ Карамзинъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ результатъ эволюціи псевдо-классическаго и волшебно-рыцарскаго романа заразъ: въ ихъ дѣятельности опредѣляется: a) итогъ развитія двухъ самостоятельныхъ направленій романическихъ;—b) начало новаго творчества, уже „въ духѣ“ англійскаго романа.

Къ главѣ шестой.

35) Романъ англійскій, существеннымъ образомъ, отличается отъ „псевдоклассическаго“ и „волшебно-рыцарскаго“ во многихъ отношеніяхъ—a) прежде всего въ романахъ этого вида все вниманіе устремлено на проявленіе въ жизни свободной личности героя: Ричардсонъ выступилъ съ проповѣдью христіанскаго аскетизма; суровый и стойкій проповѣдникъ пуританизма, онъ вос-

пѣлъ торжество моральной личности. β) Руссо, вслѣдъ за нимъ, особенное вниманіе устремилъ на соціальную сторону жизни человѣка, указавъ на то, что смыслъ жизни надо опредѣлять во взаимоотношеніи личности и общества и въ работѣ отдѣльной личности надъ своей свободной душой. γ) Гёте своимъ „Вертеромъ“ освободилъ личность отъ тѣхъ вѣковыхъ узъ, которыми связана была мысль, искавшая, подъ вліяніемъ вѣры въ различныя умозрительныя теоріи, смыслъ человѣческаго существованія въ различныхъ компромиссахъ личности съ условіями реальной жизни...

b) Если романы „псевдоклассическій“ и „волшебно-рыцарскій“ свой интересъ сосредоточивали, главнымъ образомъ, на явленіяхъ жизни „внѣшней“ („авантюры“), — то романъ „англійскій“ обратилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на явленія и событія внутренняго порядка.

37. Такъ какъ лишь въ романѣ „англійскомъ“ впервые проведена была идея о свободѣ воли человѣка и стали разрѣшаться вопросы христіанской морали,—то этотъ романъ, въ отличіе отъ „псевдо-классическаго“ и „волшебно-рыцарскаго“, слѣдуетъ назвать „христіанскимъ“, по преимуществу. Вотъ почему всеевропейское торжество „англійскаго романа“ въ XVIII-омъ вѣкѣ знаменуетъ собою въ исторіи европейскаго міросозерцанія моментъ подъема интересовъ къ мудрости Христа.

38. Можно думать, что это торжество „англійскаго“ романа въ европейской литературѣ подготовлено было тѣмъ компромиссомъ язычества съ христіанствомъ, который эволюцію „псевдоклассическаго“ романа и „волшебно-рыцарскаго“ привелъ, въ концѣ концовъ, къ жанру, близкому, по своей сущности, къ роману „англійскому“.

39. Отличіе „англійскаго“ романа отъ этого жанра, близкаго къ нему по своему существу, заключается: во внесеніи новыхъ мотивовъ („смерть“, „природа“ и др.), въ расширеніи и углубленіи наблюденій надъ душевной жизнью человѣка, въ коренномъ измѣненіи формы романа (напр., появленіе романа въ „письмахъ“ и пр.).

40. Судя по предисловіямъ, съ середины XVIII-го вѣка, особымъ сочувствіемъ на западѣ и у насъ пользовался „англійскій“ романъ за его художественный реализмъ, правдивое изображеніе добра и зла человѣческой жизни, тонкій психологическій анализъ и христіанскій идеализмъ общаго настроенія.

41. Ричардсона уважали у насъ въ XVIII-омъ вѣкѣ, но онъ не только не создалъ у насъ школы, но даже ни одного чистаго подражанія. Причину этого, на мой взглядъ, надо искать въ наличности въ русской литературѣ болѣе сильныхъ и яркихъ вліяній Руссо и Гёте.

42. Если старый псевдо-классическій романъ, пересаженный къ намъ, сохранилъ, въ общемъ, свой интернаціональный характеръ, то англійскій романъ, съ его характерной наклонностью къ индивидуализаціи жизни, попавъ къ намъ, сразу окрасился русскими бытовыми чертами. Стремленіе къ „руссификаціи" чужого, заимствованнаго, ясно сказалась у насъ уже на судьбѣ романа „псевдоклассическаго" и „волшебно-рыцарскаго"—но лишь въ подражаніяхъ „англійскому" роману оно привело къ правдивому изображенію русской жизни.. Излюбленными героями нашего „англійскаго" романа оказались—Памела, Ловласъ, Юлія, С-Прё и Вертеръ; почти незамѣтны слѣды интереса къ Клариссѣ и Грандисону; демоническій образъ Ловласа, — этого предшественника байроновскихъ героевъ,—тоже не нашелъ въ русской литературѣ XVIII-го вѣка никакого соотвѣтствія съ русской жизнью и опошлился въ ничтожномъ образѣ щеголя-вольтерьянца, или слабовольнаго юноши, лишеннаго ясныхъ индивидуальныхъ чертъ.

43. Многими своими чертами, образами героевъ, манерой письма, темами и сюжетами „англійскій" романъ, даже русскаго издѣлья, тѣсно связанъ съ характерными явленіями русской романической литературы *XIX-го вѣка*. Отсюда ясно его историческое значеніе.

44. Съ полнымъ правомъ можно утверждать о существованіи у насъ литературной школы „англійскаго" романа, особенно типа „Вертеръ". Карамзинъ долженъ быть поставленъ во главѣ этой школы, хотя надо признаться, что нѣкоторые его „ученики" ближе его подошли къ гётевскому Вертеру.

45. Кромѣ созданія романовъ и повѣстей, вліяніе „англійскаго" романа (типа „Новая Элоиза" и „Вертеръ") сказалось на сочиненіи у насъ своеобразныхъ лиро-эпическихъ произведеній,—повѣстей-элегій, которыя, содержа въ себѣ элементы повѣсти, по этому самому могутъ быть внесены въ списокъ произведеній повѣствовательныхъ.

46. Хронологія и статистика доказываютъ, что, несмотря на нѣкоторыя немногія исключенія, англійскій романъ былъ у насъ

въ XVIII-омъ вѣкѣ позднѣйшимъ романическимъ видомъ и притомъ, въ высшихъ литературныхъ кругахъ, наиболѣе популярнымъ.

Къ главѣ восьмой.

47. Въ русской литературѣ XVIII-го столѣтія встрѣчаемся мы съ интересными фактами, характерными для исторіи зарожденія и развитія русскаго оригинальнаго романа. Къ такимъ фактамъ относятся слѣдующіе: а) возрожденіе старинной повѣсти и, въ связи съ этимъ,—попытка создать изъ нея и по ея образцу рядъ произведеній однородныхъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что старыя литературныя традиціи не умерли у насъ въ XVIII-омъ столѣтіи—b) появленіе произведеній, которые могутъ быть разсматриваемы, какъ, эмбріоны романическаго жанра. Эти произведенія представляютъ собою романизацію: α) мемуаровъ („Несчастный Никаноръ", „Похожденіе нѣкотораго россіянина"); β) отдѣльныхъ фактовъ и впечатлѣній дѣйствительности („Флоръ Силинъ", „Мои свадебныя приключенія", „Филонъ" и др.); γ) историческаго преданія („Наталья-боярская дочь"): δ) элементовъ „народнаго романа" (литературная обработка автобіографіи „Ваньки-Каина").

48. Всѣ произведенія, отнесенныя мною къ группѣ романовъ „оригинальныхъ", имѣютъ большую бытовую цѣнность. Для характеристики эпохи они значительнѣе мемуаровъ, такъ какъ рисуютъ „типичное" въ жизни. Особенно всесторонне обрисованъ въ этой литературѣ типъ „щеголя".

49. „Неопила" и „Евгеній", романы дидактическіе по замысламъ ихъ авторовъ, на самомъ дѣлѣ, далеко вышли за узкіе предѣлы дидактизма и должны быть признаны художественными „бытовыми романами"; при этомъ романъ Измайлова особенно интересенъ, благодаря яркой типичности дѣйствующихъ лицъ и правдивой обрисовкѣ жизни той эпохи.

50. Въ ряду многочисленныхъ писателей XVIII-го столѣтія, съ произведеніями которыхъ я ознакомился, два имени замѣтно выдвигаются на первое мѣсто—Чулкова и Карамзина. Подобно многимъ своимъ предшественникамъ и современникамъ (О. Эминъ, Ив. Крыловъ, П. Львовъ и др.), они „искали" новыхъ литературныхъ путей,—оттого произведенія ихъ заняли мѣста въ разныхъ

главахъ моего изслѣдованія, но, въ отличіе отъ другихъ романистовъ вѣка, единственно они оба создали „литературныя школы“.

51. „Общее мнѣніе“ признало Карамзина „отцомъ русскаго романа“. Настоящее изслѣдованіе не подрываетъ этого убѣжденія: Чулковъ, съ его яркимъ и сильнымъ талантомъ, не былъ настоящимъ „литераторомъ“: онъ неровенъ и въ стилѣ, и въ содержаніи своихъ произведеній,—рядомъ съ яркими образами и проблесками глубокой мысли встрѣчаемъ мы у него вялое изложеніе, шаблонное содержаніе; къ тому же онъ самъ несерьезно смотрѣлъ на свое творчество. Всего этого нѣтъ у Карамзина: онъ—первый нашъ беллетристъ, съ опредѣленными вкусами, съ литературной школой и серьезнымъ отношеніемъ къ себѣ и къ своей литературной дѣятельности. Поэтому мы имѣемъ право сказать, что Карамзинъ — основатель русскаго психологическаго бытового романа и исторической повѣсти, — литературныхъ видовъ, которые, въ конечномъ своемъ развитіи, въ XIX-омъ столѣтіи, приводятъ къ творчеству Пушкина, отчасти Тургенева, Л. Толстого... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя отрицать, что Чулковъ—первый у насъ далъ удачные опыты того субъективно-художественнаго бытового романа, который, въ конечномъ своемъ развитіи, привелъ, въ XIX-омъ столѣтіи, къ творчеству Гоголя, Гончарова, отчасти Достоевскаго.

52. Автобіографія „Ваньки-Каина“ — замѣчательное литературное явленіе, которое съ полнымъ правомъ должно занять видное мѣсто въ исторіи нашего оригинальнаго романическаго творчества. Поэтому оно заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія. Анализъ группы произведеній, связанныхъ съ этой основной темой, приводитъ меня къ слѣдующимъ заключеніямъ:

a) автобіографія его — не историческое сочиненіе, а поэтическое. Поэтизація сказалась въ вымыслахъ, въ свободномъ распоряженіи матеріаломъ, въ своеобразной художественности стиля.

b) автобіографія его — чисто-эпическое произведеніе. Объясняется это тѣмъ, что личность Каина очень слабо индивидуализирована. Онъ — герой „безличный“. Вполнѣ, самъ по себѣ, пригодный на роли героевъ народнаго эпоса, — онъ появился во время упадка народнаго творчества, а потому остался между народной словесностью и литературой, слабо примыкая къ той и къ другой. Его можно назвать „героемъ безвременья“.

c) автобіографія дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ.

d) Главный источникъ „краткой повѣсти“ —несомнѣнно, устный разсказъ,—можетъ быть, самого Канна. На это указываютъ неровность изложенія, подробности, варіанты, не оправдываемые ни одной изъ дошедшихъ до насъ редакцій.

e) „Краткая повѣсть“ есть первая ступень „романизаціи“, еще безсознательной и отнюдь не связанной пріемами какой-нибудь опредѣленной литературной школы (выдвиганіе личности героя, психологія его и слабо-выраженное стремленіе къ діалогу).

f) Сочиненіе Комарова есть слѣдующая ступень „романизаціи“ даннаго сюжета [болѣе свободное пользованіе матеріаломъ, болѣе сильное выдвиганіе личности героя, богаче разработанная психологія его, вполнѣ опредѣленное стремленіе къ діалогической формѣ]. Но, кромѣ того, это—уже сознательная обработка сюжета, согласно пріемамъ романической литературы „псевдоклассическаго“ типа [введеніе руководящей роли „фортуны“, расширеніе и идеализація любовнаго матеріала, субъективизмъ, выразившійся въ „разсужденіяхъ“ автора, въ морализаціи, въ лирическихъ воззваніяхъ].

Выводы общаго характера.

53. Настоящее изслѣдованіе доказываетъ, что романы всѣхъ четырехъ группъ являются, по существу своему, произведеніями „реалистическими“—конечно, въ различной степени. Они являются—или воплощеніемъ идей, созданныхъ запросами дѣйствительности, или изображаютъ характерныя, конкретныя проявленія этой дѣйствительности... Вотъ почему „идеалистическимъ“ романъ кажется только въ перспективѣ прошлаго, съ точки зрѣнія людей позднѣйшаго времени. То, что казалось реальнымъ одному поколѣнію, то кажется „идеальнымъ“ позднѣйшимъ...

54. Всякое повѣствовательное произведеніе, разъ оно находится въ рукахъ народа, построено, главнымъ образомъ, на фабулѣ (народная авантюрная сказка, народный романъ),—разъ оно переходитъ въ руки личности, интересы сейчасъ же въ немъ перемѣщаются отъ факта къ анализу тѣхъ настроеній, которыя явились результатомъ душевныхъ переживаній героя по поводу этого факта. Иначе: всякій „литературный“ романъ *всегда психологическій*. Различіе между разными видами его — не качественное, а, такъ сказать, количественное: съ теченіемъ времени расширяются предѣлы наблюденій, увеличивается сумма матеріала, разнообразится его

характеръ, глубже дѣлается анализъ, шире захватывается жизнь... Усложняется міросозерцаніе наблюдателя, ставятся передъ нимъ на разрѣшеніе все болѣе и болѣе сложныя проблемы.

55. Если въ опредѣленіи сущности художественнаго реализма исходить изъ характерныхъ особенностей литературы XIX-го столѣтія, то мы должны будемъ признать, что упорное тяготѣніе всѣхъ видовъ европейскаго романа именно къ такому реализму является проявленіемъ одного изъ важнѣйшихъ законовъ литературной эволюціи вообще.

56. Статистическія данныя, почерпнутыя изъ наблюденій надъ судьбами русскаго романа, говорятъ, на первый взглядъ, о полной спутанности литературныхъ вкусовъ нашей читающей публики XVIII-аго вѣка, но эта видимая „спутанность" объяснима тѣмъ, что—a) у насъ было нѣсколько культурныхъ слоевъ читающей публики, и верхній, наиболѣе интеллигентный, очевидно, не былъ самымъ многочисленнымъ,—b) благодаря нашей запоздалости въ литературномъ отношеніи, намъ пришлось разбираться въ различныхъ литературныхъ вліяніяхъ, нахлынувшихъ на насъ съ 60-хъ годовъ XVIII-го вѣка; лишь ко второй половинѣ вѣка у насъ складывается опредѣленное тяготѣніе къ опредѣленнымъ романическимъ типамъ (англійскій романъ).

57. Несмотря на такую растерянность, русская читающая публика XVIII-го вѣка, въ выборѣ чтебныхъ романовъ, показала суровую чистоплотность,—ни одно изъ характерныхъ нецензурныхъ западныхъ произведеній не появилось у насъ въ печати,—русскіе люди выбирали для переводовъ самое лучшее, самое содержательное и серьезное; переведены были и особенно часто переиздавались, дѣйствительно, только лучшія произведенія: Фенелонъ, Лесажъ и Прево—сдѣлались на все XVIII столѣтіе любимцами русской литературной публики. Вкусы русской публики, судя по печатному роману XVIII-го вѣка, оказались, въ достаточной степени умственно- и художественно-зрѣлыми и нравственно-чистоплотными.

58. Наши общіе курсы по исторіи литературы (труды А. Н. Пыпина, А. Порфирьева и др.) даютъ одностороннее понятіе только о самыхъ „аристократическихъ" теченіяхъ русской литературной жизни XVIII-го вѣка (псевдо-классическая ода, драма, эпопея).

Изученіе романа значительно расширяетъ такое одностороннее пониманіе русскаго творчества за это столѣтіе.

59. По опредѣленію А. Н. Веселовскаго, романъ—это „Ich-epos“,—вотъ почему для исторіи романа важно уловить и опредѣлить тотъ культурно-психологическій моментъ, когда въ обществѣ явится у отдѣльныхъ личностей желаніе раскрыть свою личную жизнь, вынести на свѣтъ Божій свои личныя страданія и радости... Если, въ первой стадіи развитія, это желаніе выразится въ писаніи „мемуаровъ“, которыя составляются *для себя*, для своего потомства,—то, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, это желаніе приведетъ къ автобіографической повѣсти: она предназначается *для всѣхъ*. Естественно, что здѣсь начинается *сознательное* Dichtung, которое, въ „мемуарахъ“, обыкновенно, является явленіемъ непроизвольнымъ. Это Dichtung прикрываетъ дѣйствительные факты пеленою фантазіи, отчасти, служитъ цѣлямъ самооправданія, самовозвеличиванья, рисовки... У насъ начинается такое творчество въ XVII-омъ вѣкѣ, — въ эпоху пробужденія „личности“ въ русскомъ обществѣ („Савва Грудцынъ“, „Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи“, „Флоръ Скобѣевъ“) и выростаетъ въ XVIII в. (въ началѣ вѣка, „Романъ въ стихахъ, затѣмъ „Ванька-Каинъ“). Поэтому XVIII-ый вѣкъ,—вѣкъ, когда личное самосознаніе въ нашемъ обществѣ развернулось во всемъ разнообразіи индивидуальныхъ особенностей — былъ эпохой, особенно благодарной для развитія романа и, дѣйствительно, нашъ романъ XVIII-го вѣка прекрасно иллюстрируетъ собою ростъ самосознанія русской личности: онъ откликается на всѣ идеи вѣка, отражаетъ самыя разнообразныя индивидуальности писателей, ихъ міросозерцанія, настроенія и чувства, изображаетъ самыя различныя стороны разныхъ слоевъ русскаго общества...

Алфавитный указатель.

Аблесимовъ—I, 157, 158, 233.
«Августъ Саксонскій и Меландра»—I, 382.
«Les aventures de Jacques Sadeur»—I, 153.
Авдѣевъ—I, 44, 229, 230, 231.
«Агатонъ»—II, 417.
«Agesilaus»—II, 18, 19, 20.
«Adèle et Théodore»—I, 12.
Аддисонъ—II, 376, 410.
«Аделенда Африканская»—I, 382.
«Адельсонъ и Сальвини»—II, 406.
«Adolphe»—I, 287.
«Азіатская Баниза»—I, 22, 382.
«Acajou et Liriphile»—II, 67.
«Акатъ и Аластина»—I, 382.
Акимовъ, Ив.—I, 216.
Аксаковъ, С.—I, 12, 13, 45; II, 622, 635.
А.* Л.*—II, 89, 639, 743, 880, 883, 899.
Albertazzi—I, 709.
«Александръ и Лодвикъ»—I, 380.
***«Александръ и Юлія»** — I, 45, 221, 222; II, 428, 584, 890.
Алексисъ»—I, 17.
Алеманъ, Матео—I, 346.
«Алкеменесъ»—I, 382.
«Алкивіадъ, раздѣленный на 4 части, соотвѣтственно 4-мъ возрастамъ человѣка»—I, 502.
«Almahide ou l'esclave reine» — I, 308.
«Алонсо, слуга многихъ господъ» («Alonzo, moco de muches amos»)—I, 346.
«Альфонзъ Аррагонскій»—I, 382.
«Alfred»—I, 153.
«Амадисъ» (Гальскій) (**Amadis**) — I, 277, 285, 286, 287, 288, 290, 296, 297, 325, 326, 327, 328, 330, 331, 347, 389, 701; II, 1, 7, 17, 18, 19, 20, 27, 39, 43, 45, 69, 71, 75, 81, 83, 84, 87, 119, 366, 367, 912.
«Amadis de Grecia»—II, 17, 18, 20.
«Амелія»—I, 53; II, 107, 415.
«Amours de Catulle et Tibulle»—I, 710.
«Amours de Chilpéric de Merovée, son fils, de Frédégonde et de Brunehaut»—II, 158.
«Les amours de Théagenes et de Chariclée»—I, 279, 331.
«Amours des grands hommes»—I, 457.
«Amuseriens sérieux et comiques»—I, 705.
Amyot—I, 247, 248, 279.
***«Анакреонтъ, или могущество любви»**—I, 390, 453, 710.
Анакреонъ—I, 187, 457, 458, 461, 710.
Анастасевичъ—I, 32; II, 425.
«Анахарсисъ»—I, 559.
«Англинскія письма, или исторія кавалера Грандиссона» — I, 148, II, 406.
«Англія»—II, 67, 79.
«L'an deux mille quatre cent quarante»—I, 29, 153.
Андерсенъ—I, 620.
«L'âne d'or»—II, 87.
Andreae—I, 153.
Андреевъ II.—II, 890.
***«Анекдоты древнихъ пошехонцевъ»**—I, 150, 588, 710.
«Анекдоты любопытные о любви супружеской»—I, 149, 150, 480, 481, 710.
«Anecdotes de la cour de France sous le regne de Childéric»—II, 158.
«Анекдотъ о великодушномъ работникѣ»—II, 737.
«Анекдотъ»—II, 738.
***«Анна Каренина»**—I, 360.
Анненковъ—I, 48.
d'Anneuil—II, 62, 64, 257.
Anton le Grand—I, 153.
Аполлодоръ—I, 33, 47.
Аполлосъ—I, 152.
«Апофеегмата»—I, 33, 47.

*«Аптекарскій островъ, или бѣдствія любви»—II, 128, 594, 634.
Апулей (Apulée)—II, 87.
«A quel conte»—II, 67.
«Арсенида» (Арсенида)—I, 3, 11; II, 141, 148, 149.
д'Аржансъ—II, 75.
«Аристей и Телазія»—I, 382.
«Аристидъ или истинный патріотъ»—I, 502, 507.
«Аристоноевы приключенія»—I, 157.
Аристотель—I, 319, 321, 569, 701.
Ариосто (Arioste)—I, VIII, 318, 472; II, 2, 7, 21, 22, 43, 46, 59, 69, 70, 76, 84, 86, 108, 109, 119, 120, 127, 139, 156, 213, 223, 238, 367, 369.
Арно (Арнодъ, Арнудъ, Арнау)—I, 29, 71, 194; II, 406, 408.
Арсеньевъ—I, 224, 225.
«Artamène, ou le grand Cyrus»—I, 304, 305, 307, 322, 702, 703.
«Артуръ Бретанскій (Artus de la Bretagne)»—II, 7, 9, 10, 15, 16, 87.
*«Арфаксадъ, халдейская повѣсть, содержащая въ себѣ образъ жизни и нравовъ древнихъ восточныхъ народовъ»—I, 141, 152, 155, 391, 570, 571, 572, 713.
Аскоченскій, В. П.—I, 156, 157, 158, 223, 228, 235; II, 884.
«Астрея» (Astrée)—I, 285, 701; II, 87.
«Les Astuces de Paris, anecdotes parisiennes»—I, 623.
«Athalie»—II, 158.
«Athis et Prophilias»—II, 4.
«Les Augustins»—I, 621.
Аксаковъ, А.—I, 14, 158, 222, 223, 229, 232, 620, 621; II, 226, 227, 283, 286, 287, 288, 305, 373, 374, 629, 670.
Аксаковъ—I, 710.
А. Э.—II, 4[illegible], 598, 631.

*«Бабушкины сказки»—II, 79, 232.
*«Бабьи увертки»—I, 17.
Баконъ (Bacon)—I, 153.
«Баккалавръ Саламанкскій»—I, 621, 623, 636, 638, 713, 714.
Балдей—II, 139, 193.
Barbier—I, 507.
Baret—II, 366.
Barine, Arvide—II, 366.
Барклай—I, 141.
Бартелеми—I, 559.
Басаргинъ—I, 160.
*«Бахаріана»—II, 140.
Башиловъ, А.—I, 160.
Б—е, М—я—II, 617, 635.
*«Бездѣлки, или нѣкоторыя сочиненія и переводы—II, 365.
«Безсмысленный, или исторія Кеайлуна»—II, 297.
Безсоновъ—II, 842, 885, 886, 887.
Bekker—I, 259.
«Le Belier»—II, 65.
«Belle-belle ou le Chevalier Fortuné»—II, 87.
Березинъ-Ширяевъ—I, 32.
«Le Berger extravagant»—I, 342, 701.
Бернарденъ-де-С.-Пьеръ—II, 108.
Берни—II, 84.
Bernigton—I, 153.
Бестужевъ, М.—II, 622.
Betz, Louis P.—I, 278.
„Бешастный Флориндоръ"—II, 894, 895.
Бибиковъ, А. П.—I, 160, 224, 225, 230.
«Библіотека нѣмецкихъ романовъ»—I, 54, 148, 149; II, 75, 81, 86, 88, 107, 162, 235.
«Bibliothèque Bleue»—II, 22, 86, 88, 107, 108, 162.
«Bibliotèque universelle des romans» (Парижская Всеобщая Библіотека романовъ)—II, 22, 86, 87, 88, 108, 137, 158, 162, 235, 370, 371.
Бигеръ-Стоу—II, 518.
Благодаровъ—I, 226, 232; II, 890.
«Благодарный жидъ»—II, 738.
* Благодѣтельный Псковской помѣщикъ Иванъ Макарьевичъ Вороновъ—II, 737.
*«Благородный поступокъ»—II, 737.
*«Благородный поступокъ Муромской купеческой жены Зворыкиной»—II, 738.
*«Благородство духа въ самомъ низкомъ состояніи»—II, 738.
Благосвѣтловъ—I, 513, 527, 528, 529, 530, 531, 668, 669, 670, 711, 719.
«Бліомберисъ»—II, 87.
Б. удова—II, 622.
Bobertag—I, 700.
*«Бова Королевичъ»—I, 16, 22, 23, 46, 50, 380, 381; II, 73, 108, 136, 228, 714.
Богдановичъ, П.—I, 48.
Богдановичъ, Ип.—I, 162, 163, 223, 229.
*«Бодрый крестьянинъ»—II, 305.
«Божественная комедія»—II, 133.
Боккачіо (Boccacio)—I, 309, 345; II, 61, 611.
Болотовъ—I, 3, 4, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 16, 156, 157, 158, 159, 161, 163, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 673, II, 628, 629, 635, 638, 667, 690, 708, 709, 715, 828, 882, 883.

«Le bon mari»—I, 497.
Боровковъ, А-ръ Дм. — I, 44, 156, 158, 223, 225, 229, 231, 232, 233; II, 668, 883.
Боровковъ, Н.—I, 158.
*«Борьба честности съ бѣдствіями»—II, 738.
Beauchamps, P—II, 66.
Боярдо (Boyardo)—I, VIII, 318, 472; II, 2, 7, 13, 21, 22, 23, 43, 56, 69, 70, 76, 86, 108, 109, 119, 127, 139, 156, 213, 223, 238, 367, 369.
Брадке, Е., фонъ—I, 44, 227, 229; II, 409.
*«Братская любовь»—II, 737.
Braunfels—II, 366.
Браунъ, Ѳ. А.—II, 229.
Брейткопфъ—I, 48.
Le Breton—I, 281, 290, 349, 361, 364, 365, 700, 705, 706, 707.
«Брунцвикъ»—I, 380; II, 71, 73, 156, 282.
Брусиловъ, Н.—II, 365.
«Брю» (le roman de Brut)—I, 63.
Брюнетьеръ (F. Brunetière)—I, 281, 343, 344, 351, 700, 705, 706, 707; II, 366.
Буало (Boileau)—I, 9, 187, 290, 318, 321, 324, 325, 365, 700, 705.
Булгаковъ, Ѳ. Н.—I, 48.
Булгаринъ—I, 588.
Bulvé—I, 705.
Буслаевъ, Ѳ. И.—I, 621.
Бутеневъ—I, 44, 223, 228; II, 370.
Бутурлинъ, М.—I, 44, 45, 156, 161, 162, 223, 227.
Бушюль—II, 214.
Бюфонъ—I, 366; II, 214.
*«Бѣглецъ»—I, 221; II, 613, 635.
Бѣгичевъ — I, 158, 224, 225, 230, 232, 233.
*«Бѣдная Лиза»—I, 3, 7, 11, 213; II, 427, 512, 518, 519, 530, 542, 546, 547, 552, 594, 605, 614, 619, 633, 703, 730.
«Бѣлая кошка» (La Chatte blanche)—I, 29; II, 77, 79, 890.
Бѣлинскій—I, 366; II, 426, 427, 632.
Бѣлозерская, Н.—I, 44; II, 631.
Бѣляевъ—I, 156, 160, 161, 222, 224, 230, 235.
«Бѣсъ-пустынникъ»—I, 621.
Бычковъ, Ал. Ѳ.—I, 33, 47; II, 75.

«Вадимъ»—I, 143, 160, 163.
«Вадины сказки»—I, 71.
*«Валерія, или дѣйствіе души великой и благородной» — I, 150, 152, 160, 390, 406, 410, 411, 501, 509, 708.
Waldberg—I, 399, 704, 705; II, 366.
Walkenaer—II, 366.
Вальтеръ-Скоттъ—II, 81, 83, 237, 408.
«Вакефильдскій священникъ» — I, 62, 148, 149; II, 380, 423, 739.
*«Ванька-Каинъ»—I, 71, 201; II, 610, 829, 830, 840, 846, 852, 853, 854, 861, 864, 884, 885, 886, 887, 889, 914, 915, 916, 918.
«Варбекъ»—II, 408.
«Wahrheit und Dichtung»—I, 164.
*«Василій, королевичъ златовласый»—I, 380; II, 72.
«Вдова, оплакивающая мужа» — I, 622.
«Великое Зерцало»—II, 135.
*«Великодушная сестра»—II, 738.
*«Великодушной крестьянинъ»—II, 738.
*«Великодушной поступокъ русскаго гренадера»—II, 738.
*«Великодушный пастухъ»—II, 737.
*«Великодушный солдатъ»—II, 738.
*«Великодушный поступокъ покойнаго Вологодскаго Преосвященнаго Прикея»—II, 738.
«Великій обманщикъ» («Gran Tacano»)—I, 346.
«Велисарій» (Велизеръ)—I, 115, 148, 406, 410, 501, 506, 509; II, 888.
Венгеровъ—I, 32.
Vairasse—I, 153.
Веревкинъ, М.—I, 47, 157, 158, 222, 223, 224, 225, 226, 230, 231, 234, 392, 618, 715.
Вернъ—I, 17.
Вернъ, Ж.—I, 361.
Версиловъ—I, 44, 156.
«Вертеръ»—I, VII, VIII, 1, 7, 14, 15, 17, 18, 284, 285, 360; II, 363, 377, 387, 388, 396, 401, 404, 407, 422, 465, 471, 487, 518, 519, 520, 523, 524, 527, 531, 533, 538, 540, 541, 542, 551, 557, 561, 562, 563, 566, 573, 576, 577, 579, 584, 597, 619, 621, 631, 632, 730, 779, 912, 913.
«Vertueux»—II, 738.
*«Веселая бесѣда»—I, 222.
*«Веселая старушка, забавница дѣтей, разсказывающая старинныя были и небылицы»—II, 233.
Веселовскій, Ал-ндръ Ник. —I, 236, 241, 278, 320, 376; II, 44, 46, 366, 369, 635, 918.
«Вечернія бесѣды въ хижинѣ»—I, 149.
*«Вечерніе часы, или древнія сказанія Славянъ Древлянскихъ»—II, 89, 236, 237, 238, 245, 249, 252, 372.
Вейтбрехтъ—I, 48.

Вигель—I. 12, 13, 45, 163; II, 623, 635.
Vigny—II, 401.
«Викторъ»—I, 149.
Виландъ—I. 18, 187; II, 21, 43, 66, 367, 368, 417.
Villedieu. m-me—I. 344. 457.
Villeneuve, m-me—II, 306.
Вильковскій—I, 18.
Виноградовъ. I.—I. 223.
Винскій. Гр.—I, 44, 45, 156, 158, 160, 163, 222, 223, 224, 225, 227, 229, 230, 232, 233, 235, 385, 708, 714; II, 410, 638, 679, 693, 715, 794, 821, 824, 825, 827, 882, 884.
Виргилій — I. 186, 334, 345, 528, 535, 569, 612; II. 134, 423.
Вишняковъ—I, 156, 158, 159, 161, 222, 224, 225, 227, 232, 233; II. 665, 669, 882, 884.
Владиміровъ—II, 135, 226, 227.
«Влюбленный Роландъ»—II. 76, 367.
*«Вовнъ-Философъ»—I, 64, 148, 149; II, 411, 414.
«Der Wohleingerichtete Staat des Königreiches Ophir»—I, 153.
Волковъ. А.—I, 226. 227. 232, 234.
Волковъ. Д.—I, 47, 158, 224, 225, 230, 232.
Волынскій, II., кн.—II, 846. 884.
Вольтеръ—I, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 105, 112, 113, 118, 125, 128, 134, 145, 146, 150, 151, 155, 156, 157, 186, 187, 189, 217, 385, 637; II, 137, 231, 243, 805, 829, 903.
Востоковъ. Андѣй—I. 162.
*«Вояжъ моего друга»—I, 221; II, 640, 779, 780, 884.
*«Война и Миръ»—I, 189; II, 734.
В... II...—I, 246.
«Всемірный путешественникъ»—I, 5.
Второвъ—I, 3, 7, 11, 12, 45, 227; II. 624. 738.
Voisenon—I, 495; II, 67.
«Voyage en Icarie»—I, 153.
«Les voyages de Cyrus»—I, 153.
«Вѣкъ рыцарства и царство духовъ»—I, 6.
«Вѣрный Калоандръ»—I. 434, 709.
«Вѣщаніе глупости»—II. 721.
Вяземскій. кн.—I, 14, 156, 159, 160, 161, 163, 228, 232.
Вязмитиновъ—I, 225, 233.

«Галантъ Саксонскій»—I, 382.
Галинковскій—I, 46; II, 428, 577, 584, 634.
Галланъ (Галландъ. Galland)—II, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 54, 55, 369.
Галлеръ—I, 115, 122, 153, 154.
Гамильтонъ—I. 344; II, 65. 66. 70, 77, 82, 87, 257.
Гартунгъ—I, 18.
Гвидо ди Колонна (Guido di Colonna)—I, 448, 449.
Гезара—I, 346.
«Гедвигъ»—I, 382.
Гевскій. Ст.—I. 44, 221.
Гесіодъ—I. 320. 334, 560.
Гекъ—I. 48.
Геліодоръ—I, 237, 238, 239, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 251, 252, 279, 280, 304, 331, 332.
Гельвецій—I. 145. 155, 217. 794.
Gueulette—II. 57. 64.
Гендрикъ и Меленда—I. 382.
Геннади—I. 32, 47, 392; II, 89, 236, 881.
«Генріетта, или гусарское похищеніе»—I, 10, 698.
Генріяда—I. 186, 187.
Герановъ—I, 44, 156, 161, 229, 235, 385, 708; II. 370, 794, 884.
Guerin de Montglave—II, 13.
Гермесіонаксъ—I, 458, 710.
Геродотъ—I, 304, 320, 561, 568, 569; II. 122. 135. 161.
* Геронимъ—II, 738.
* Герой-крестьянинъ»—II. 738.
«Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа»—I, 119, 148, 153, 154, 506.
«Героическій духъ»—I. 148.
«Les héros de roman»—I. 318. 321.
«Guerrin Meraquin»—II. 87.
Геснеръ—II, 607.
Гёте—I. 71, 360, 362, 385, 389, 492; II, 337, 344, 377, 363, 383, 387, 388, 391. 396, 399, 400, 402, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 422, 423, 426, 427, 473, 474, 481, 489, 490, 514, 518, 523, 524, 529, 530, 547, 566, 574, 584, 597, 632, 730, 912.
Геттунъ—I, 223, 229, 704. 779; II, 883.
* Гисторія королевича Архилабона»—II, 71, 74.
«Гисторія о великомочномъ рыцарѣ Индрике»—II, 74.
«Гисторія о преславномъ нѣкоемъ рыцарѣ, именемъ Виргиліусѣ»—II, 74.
«Гисторія о принце Адолфе Лампадинскомъ и о островѣ вѣчнаго веселія»—II, 74, 75.
«Гисторія о принцѣ Военномъ и о принцессѣ Желанной»—II, 74, 75.

«Гистория о скифскомъ принцѣ Любимѣ» (Le prince Cherl)—II, 74, 75.
«Гистория о скифскомъ принце Милобразѣ»—II, 74.
«Гистория о французской королевнѣ Оларенте і королевиче Георгіи італіанскомъ»—II, 74
«Гистория о французскомъ купце и о дочери его, имяуемой Красавицею»—II, 74, 75
Гитлодэ (Гитлодъ)—I, 119, 153.
Гіоленъ—II, 76.
Глинка, С.—I, 7, 8, 44, 45, 152, 155, 163; II, 89, 259, 344, 359, 623, 635, 738.
Гонардъ—I, 110, 487, 493, 568, 588; II, 426.
Гоголь — I, VII, 487, 493, 568, 588; II, 426, 703, 704, 796, 797, 880, 915.
Godard de Beauchamps—I, 249, 279.
Голицынъ, А—н, кн.—I, 158, 224, 226, 227, 232, 234.
Голландъ—I, 710.
Головина, В. Н. — I, 44, 156, 161, 227; II, 370, 409, 632, 635.
«Голубиная книга»—II, 51.
Гольбергъ (Holberg)—I, 115, 123, 124, 153, 154.
Гольдсмитъ—I, 30, 69; II, 380, 409, 506, 739.
Гомбервиль (Gomberville) — I, 277, 285, 287, 288, 289, 290, 297, 304, 332, 333, 384, 387, 700, 701, 906,
Гомеръ—I, 115, 186, 334, 335, 336, 337, 385, 387, 529, 533, 535, 552, 558, 559, 560, 569, 612.
*«Гонима»—I, 155, 391, 464, 710.
*«Гонимая невинность, или обманутой надеждою любомудръ»—I, 150, 152, 229, 392, 694, 715.
Гончаровъ—I, VII, 880, 915.
Горацій (Horace)—I, 186, 319, 334, 569.
Городчаниновъ—I, 158, 222, 223, 224, 229, 234.
Горчаковъ, кн. Д.—I, 45, 152, 163, 234; II, 428, 562, 634, 889, 915.
*«Горькая участь»—I, 639; II, 639, 699, 883.
«Горѣстная любовь маркиза де-Толедо»—II, 894, 896.
*«Горячее сердце»—I, 241.
Gossmeyer, Max.—II, 631.
«Грааль, св.»—II, 87.
«Грандиссонъ» (Grandisson)—I, 18, 29, 30, 51, 65, 148, 149; II, 379, 380, 399, 406, 409, 422, 423, 465, 631.
«Графъ Вальмонтъ»—I, 148, 149.
«Греческіе анекдоты»—I, 502.
Гречъ, Н.—I, 7, 44, 45.
Грибовскій, А.—I, 44, 156, 162, 385, 708, 714.
Грибоѣдовъ—I, 493; II, 796.
Григоровичъ—II, 703.
«Григорій Яковлевичъ Трембицкій, ходатай за утѣсненныхъ»—II, 739.
*«Громобой»—I, 391, 464, 470, 710; II, 228.
Громовъ—I, 220.
Gross—II, 631.
Грязевъ—I, 156, 158, 161; II, 410.
«Гуакъ, или непреоборимая вѣрность»—II, 75.
Губерти—I, 32, 47; II, 884.
«Гузаратскія султанши» (Les sultanes de Gouzaratte, ou les songes des hommes eveillés. Contes mogols)—II, 58, 65, 67, 888.
«Гусманъ изъ Альфараче» (La vida de Guzman de Alfarache»)—I, 346.
Гюго—I, 365.
«Гюонъ Бордосскій» (Huon de Bordeaux)—II, 11, 13, 14, 75, 87.

«Дапра, восточная повѣсть»—I, 4, 10.
«Les dangers de la seduction et les faux-pas de la beauté, ou les aventures d'une Villageoise et de son Amant»—I, 636.
Данилевскій, Г.—I, 44, 152, 228, 232.
Даниловъ—I, 157, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234; II, 670, 822, 827, 882, 884.
Данте—II, 133, 134.
Darembert—I, 560.
Darville—I; 279.
«Le Dauphin»—II, 87.
Даудовъ—I, 231, 235.
Дашкова—I, 223, 233.
*«Два брата-соперники» (II т. Русскія сказки)—II, 162.
*«Дворянинъ-Философъ»—I, 85, 150.
«Decameron»—II, 61.
«La découverte australe par un homme volant ou le Dedale français»—I, 153.
Делапортъ, абб. (Delaporte)—I, 5; II, 4, 5, 58, 77, 245, 366.
«Делюксъ»—I, 382.
Demogeot—I, 700.
Денисовъ—I, 44, 222.
«De optimo Reipublicae statu deque nova insula Utopia libri duo»—I, 153.
Де-Пулэ, М.—I, 45; II, 624, 635.
Державинъ—I, 564, 714.
«Les Désordres de l'Amour»—I, 705.
Дестунисъ—I, 411.
*«Дешевый подарокъ суепѣрамъ, состоящій изъ разсужденій о домовомъ»—I, 588; II, 233.

Джамбатиста (Giambatista, Basile)—II, 61.
Джонсъ, Томъ—II, 417, 422.
Diffellus—II, 892, 893.
* Диво дивное, чудо чудное, сказка русская»—II, 232.
Dieser—II, 399.
«Дикій человѣкъ»—I, 119.
Діодоръ Сицилійскій—I, 287.
Діонисій Галикарнасскій — I, 403, 411.
Дмитріевъ, И.—I, 6, 8, 44, 45, 156, 159, 161, 223, 224, 225, 233; II, 85, 320, 321, 374.
Дмитріевъ, М.—I, 5, 44, 45, 156, 159, 223, 225, 228, 230, 231; II, 736, 882.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Ѳ.—I, 85, 86, 90, 93, 159.
Дмитровъ—I, 47, 157, 231.
* Добрада-Волшебница»—II, 78, 89, 321, 374.
* Добро, во зло употребленное»—II, 237.
* Добродѣтельная Розана»—I, 156, 152, 201, 464, 710.
«Добродѣтельная женщина»—II, 738.
«Добродушной дикой»—II, 738.
«Доброе сердце»—II, 738.
«Добросердечный разбойникъ»—II, 738.
«Добрый крестьянинъ»—II, 738.
Добрынинъ, Г.—I, 44, 46, 156, 157, 161, 162, 223, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 385, 708, 711; II, 627, 628, 635, 882, 884.
«Добрый Браминъ»—I, 74, 81, 159.
Долгорукая, кн. Н. Б.—I, 223, 228, 230, 231; II, 882.
«Долгоруки»—I, 380; II, 356.
«Домъ молчанія»—I, 457.
«Донъ-Кихотъ» («Донъ Кихотъ»)—I, 5, 16, 21, 25, 29, 46, 51, 318, 346; II, 44, 231, 238, 326, 540.
«Донъ Рамиръ Деразасъ и донна Леонора Демендосъ»—I, 382.
«Don Sylvio von Rosalva»—II, 66.
Доненмайеръ—II, 366, 369.
* Дорога къ селу»—I, 46; II, 617, 635.
* Досадное пробужденіе» (II т. «Русскія сказки»)—I, 639; II, 162, 639, 697, 703, 883.
Достоевскій — I, VIII; II, 376, 695, 703, 704, 915.
«Достопамятная жизнь Дѣвицы Клариссы Гарловъ»—II, 406.
«Древняя Библіотека»—I, 5.
«Древняя Россійская Исторія»—II, 121, 122, 129.
* Дремучій лѣсъ»—II, 89, 321, 331.
«Другъ человѣчества»—II, 737.
* Дружескія письма Истинской желѣзной заводъ»—II, 608, 635.
Друзья-Соперники»—I, 148.
Друковцевъ, С.—I, 151, 152, 220, 221, 588, 622; II, 232, 851.
Дубровскій (секретарь русскаго посольства въ Парижѣ)—I, 48.
Дюкре-Дюмениль—I, 6.
Duclos—II, 67.
Дюма—I, 361.
Dunlop—I, 278, 447, 448, 700, 705; II, 3, 62, 64, 69, 70, 366, 370.
Dufresny—I, 344, 701.
* Дѣвушкины прогулки и молодкины увертки, или Лавриновъ женскихъ коварствъ»—I, 47, 151, 588, 620, 626; II, 89, 300, 305.
* Дѣдушкины прогулки, или продолженіе настоящихъ русскихъ сказокъ»—II, 232.
«Дѣянія Іоанафана Вилда»—I, 53, 148, 149; II, 67.
«Дѣйствія страшныя и благотворительности»—II, 737.

* Евгеній»—I, 150, 151, 220, 221, II, 78, 540, 715, 791, 889, 881, 914.
* Евгеній и Юлія»—II, 693, 694, 635.
Евриципъ—I, 186.
Евстафій—I, 236, 243, 244, 249.
Евтихій—I, 237, 238, 244, 245, 259, 278.
Егоровъ, И. В.—II, 75.
Егорушка, или человѣкъ, самъ собой довольный»—II, 890.
«Едуардъ и Клеомелія»—I, 382.
Екатерина II, имп.—I, 35, 36, 37, 38, 44, 46, 47, 48, 90, 121, 128, 140, 142, 143, 144, 147, 151, 152, 155, 156, 157, 158, 161, 162, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 231, 232, 234, 384, 385, 513, 618, 661, 708; II, 89, 236, 253, 313, 314, 315, 321, 324, 326, 374, 409, 479, 898, 900.
«L'écumoir»—II, 67.
«Les Exiles»—I, 457.
Елагинъ, Ив. Перф.—I, 5, 8.
«Élève de la nature»—I, 29.
Елизавета, имп. (Елисавета)—I, 8, 34, 48.
Елисѣевъ, Н. Г.—II, 374.
* Емеля-Дурачекъ»—I, 46.
* Емилія или материнская любовь»—II, 614, 635.
«Емиль и Софія, или хорошо воспитанные любовники»—II, 406.
«Entretien d'un Européen avec un insulaire du royaume de Dimocala»—I, 153.

«Eraclius»—II, 4.
«Erec»—II, 87.
* Еруланъ Лазаревичъ»—I, 23, 46, 50, 380, 381; II, 73, 108, 136, 228, 805.
Есиповъ—II, 813, 885, 886.
«Esplandian»—II, 17, 18, 19, 20.
«Eumenie et Gondamir»—II, 158.
Ефимьевъ—I, 226, 227, 228, 231, 235.
* Ефимъ Именовъ, или рѣдкій примѣръ братской любви»—II, 738.
Ешардъ—I, 509, 514.

«Jean de la Chapelle»—I, 710.
«Жанетта»—I, 382.
Жанлисъ (Genlis, m-me de)—I, 5, 8, 12, 385, 703; II, 77, 78.
«Жанотъ и Колинъ»—I, 71.
«Жебукоръ»—I, 382.
Le jeune Alcidiane»—I, 285.
«Женская уборная комната»—I, 149.
«Жизнь и приключенія пажа Марка де Обрегона (La vidad de lo Escudiero Dom Marcos de Obregon»)—I, 346.
«Жизнь Лазарильо изъ Тормеса (La vida da Lasarilla de Tormes»)—I, 346.
«Жизнь Маріанны»—I, 148, 149.
* Жизнь нѣкотораго мужа»—I, 94.
«Жизнь Олимпы»—I, 52, 148, 149.
«Жизнь Эстеванильо Гонзалеса (Vida y hechos de Estevanillo Gonzalez, hombre de bulu humor compuesta por el mismo)»—I, 346.
«Жилблазъ» (Жильблазъ-де-Сантиланъ, Gil-Blas)—I, VII, VIII, 3, 5, 9, 10, 11, 25, 63, 284, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 363, 365, 381, 385, 386, 588, 608, 615, 616, 619, 623, 636, 638, 641, 646, 706, 713, 714; II, 230, 231, 417, 893, 905.
Giraud, Ch.—II, 366.
Gyon le Courtois—II, 16.
* Житіе господина NN, служащее введеніемъ въ исторію его въ Царствѣ мертвыхъ»—I, 91, 151, 625, 711.
«Житіе Клевеланда, побочнаго сына Кромвеля»—I, 8, 10, 51.
«Житіе Павла Опвейскаго»—I, 591.
Жихаревъ—II, 622, 635.
Жуковскій, В. А.—I, 12, 15; II, 228, 231, 622, 635.
Jourdan, J.—I, 248.
«Jourdain de Blaves»—II, 13, 14.

«Забавной Философъ»—I, 148, 149.
* Забавный разсказщикъ, повѣствующій разныя исторіи, сказки и веселыя повѣсти»—I, 588, 625; II, 305, 312, 365, 374.
«Заблужденіе отъ любви»—I, 149.
Забѣлинъ—II, 140.
Загоскинъ—II, 884.
«Задигъ»—I, 74, 79, 150.
«Заида, прекрасная Россіянка, или низверженіе съ трона Магомета IV»—I, 311, 387, 698.
«Записки барона фонъ-Тренка»—I, 698.
* Записки охотника»—II, 518, 703, 743, 803, 815, 817, 819.
Запольскій—II, 640, 740.
Захарьинъ, Ив.—I, 140, 143, 144, 152, 155, 390, 391, 413, 433, 434, 435, 441, 570, 571, 572, 573, 575, 583, 586, 670, 709, 713; II, 364.
«Зеленая птица» (L'oiseau bleu)—II, 63, 74, 75.
Зеленниковъ—I, 48.
«Зенократъ или истинный любитель отечества»—II, 737.
«Зеркало дѣвицъ»—I, 56, 148, 149.
«Зеркало восточныхъ принцессъ»—II, 74.
Зейдлицъ—I, 45.
Зиновьевъ, Д.—I, 155, 391, 710.
«Злосчастное замужество дѣвицы Гарви»—II, 888.
*«Злосчастный дворянинъ» («Никаноръ»)—I, 30.
Злоумный»—I, 47, 160, 163.
Золотой прутъ»(«Le Rameau d'or»)—II, 77.
Зотовъ—I, 228.
«Зритель міра»—I, 148, 149, 220; II, 410.
*«Зубоскалъ, или новый Пересмѣшникъ, Египетскія сказки»—I, 159, 152; II, 86, 89, 259, 269, 271, 272, 285, 286, 289, 292, 296, 297, 298, 299, 312, 365, 373, 374.
«Зулима»—I, 149.

«Ibrahim, ou l'illustre Bassa»—I, 304.

Ивановъ, Ив.—I, 220.
*«Иванъ Варооломеичъ»—II, 738, 740, 883.
* Иванъ Васильевичъ Ѳоминъ»—II, [illegible] 8.
* Игра судьбы»—I, 45, 46, 152, 220, II, 427, 477, 633.
«Изабелла Мендоза»—I, 382.
*«Извощикъ»—I, 221; II, 640, 738, 740, 741, 883.
«Извѣстіе о болѣзни, о исповѣди, о смерти и о явленіи по смерти Евгенія Берфіера»—I, 96.
Измайловъ, А.—I, 151, 152, 220, 221, 391, 710; II, 78, 640, 715, 791, 880, 891, 892, 899, 900, 914.

Измайловъ, В.—II, 547, 605, 606, 631, 635, 890.
«Илья Муромецъ —I, 46.
Индѣйская повѣсть —I, 71.
Инсарскій, В. А.—I, 156, 161, 227, 228, 232, 233, 234.
«L'infante jaune»—II, 67.
«Ипполитъ, англійскій кавалеръ» (Histoire d'Hippolite, comte de Duglas)—I, 382; II, 71, 75.
«Isaie le Triste»—II, 7, 9, 10, 87.
Исмайловъ (авторъ мемуаровъ)—I, 156, 158, 161, 229.
«Исповѣданіе Жанъ-Жака Руссо, въ которомъ описаны всѣ приключенія собственной его жизни (Confessions)—II, 406, 410, 638.
Истинное великодушіе —II, 738.
Истинные честолюбцы»—II, 737.
«Истинный благодѣтель»—II, 738.
Истинный другъ, или житіе Давида Симпеля —I, 222; II, 406.
* Историческія сказки»—I, 140, 155; II, 233.
«Исторія Абдеритовъ»—I, 149.
«Исторія благопріятная о благородной и прекрасной Мелюзинѣ (Histoire de Melusine)—II, 62, 72, 74, 87.
«Исторія Галешальбе и неизвѣстной госпожи»—II, 297.
«Исторія дѣвицы Стерингеймъ» — I, 51, 148.
«Исторія Каскаса, или упрямый — II, 57.
«Исторія Левкиппы и Клитофона» — I, 256.
«Исторія лорда X.»—I, 1.
«Исторія о Алфонзе Рамире, королѣ гишпанскомъ и о прекрасной Ангелике, принцессе лонгабардской, именуемая Неистовый Роландъ —II, 71.
«Исторія о Арсасѣ и Размѣрѣ» — I, 23, 382.
«Исторія о Барбосѣ-Разбойникѣ»—I, 23.
«Исторія объ Александрѣ Македонскомъ —I, 32, 47; II, 3, 71, 136, 228.
«Исторія объ Аполлоніи Тирскомъ»—II, 14, 136.
«Исторія о взятіи Іерусалима» — I, 33, 47.
«Исторія о взятіи Трои, о Троянской войнѣ» (Historia de bello Trojano)—I, 33, 46, 47, 418, 419; II, 3, 72.
«Исторія о Виголеѣ, рыцарѣ Колеса и Круглаго стола»—II, 75.
«Исторія о Герсонѣ милордѣ»—I, 23, 382; II, 71.
«Исторія о греческомъ цесаревичѣ Колеандрѣ і о трепизонской цесаревнѣ Неотилдѣ» (переведена съ греческаго на славянскій языкъ)—I, 709.
«Исторія о Евдонѣ и Берфѣ»—I, 23, 380; II, 75, 556, 558.
«Исторія о кн. Іеронимѣ »—II, 888.
«Исторія о королѣ онванскомъ Антонинѣ и Луцыи королевнѣ» — II, 74.
«Исторія о некоторомъ хивинскомъ императоре, именемъ Дежорѣ и Шехарисъ царице»—II, 74.
«Исторія о принцѣ Бедерѣ»—II, 54.
«Исторія о славномъ рыцарѣ Полиціонѣ —I, 149, 380; II, 75.
«Исторія о славномъ саксонскомъ королѣ Ефродитѣ и о сынѣ его, славномъ и великомъ кавалерѣ Максіонѣ»—II, 74.
*«Исторія о славномъ и сильномъ Витязѣ Еруланѣ Лазаревичѣ» — II, 233.
«Исторія о странствіяхъ вообще»—I, 5.
«Исторія о трехъ Календерахъ—царевичахъ и о 5 женщинахъ багдадскихъ»—I, 710.
«Исторія о Францѣ Венеціянинѣ» (Францель Венеціанъ) —I, 23, 46, 380; II, 75.
«Исторія путешествій Скарментадовыхъ»—I, 74, 78, 150.
«Исторія султана Гебранла и его сына, или предопредѣленный» — II, 57.
«Исторія третьяго Календера, сына царскаго»—I, 710.
«Исторія Трояндитовъ» — I, 119, 134, 153, 154.
«Итальянскій Эзопъ или сатирическое повѣствованіе о Бертольдѣ» —II, [illegible], 878.

Cabet—I, 153.
«Cabinet des fées»—II, 374.
«Le cabinet facétieux, morale des femmes»—I, 627.
*«Кадмъ и Гармонія»—I, 124, 128, 152, 154, 155, 222, 391, 515, 711; II, 361.
Казанова—I, 156, 157, 223, 229, 230; II, 819, 884.
Казотъ (Cazotte)—II, 67, 70.
*«Канбъ»—II, 89, 321, 326, 374.
«Календръ, царевичъ Греческій»—I, 382.
Каллашъ, В.,—I, 711.

Кальдеронъ—I, 9.
«Калифъ-воръ», или приключенія Гаруна-Альрашида съ принцессою персидскою и прекрасною Зюлтольбо—II, 297.
Кальпренедъ (Calprénède)—I, VIII, 277, 289, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 303, 304, 305, 307, 308, 311, 318, 325, 332, 333, 343, 347, 348, 360, 361, 362, 364, 369, 381, 382, 384, 386, 387, 388, 389, 430, 433, 563, 608, 668, 709, 702, 703; II, 426, 897, 907.
*«**Калязинская челобитная**»—I, 621; II, 665.
Каменевъ—II, 428, 557, 631.
Campanella—I, 153.
Камюсъ—I, 289.
«**Кандидомантеръ**»—I, 149.
«**Кандидъ**»—I, 74, 80, 150, 151.
Кантемиръ—I, 621; II, 707.
Кантъ—I, 73.
«**Капитанская дочка**»—II, 734.
Капнистъ—I, 229, 233, 231.
La «Capucinade»—I, 621, 622, 623.
«**Les caractères**» (La Brujére)—I, 314.
Карамзинъ, Н. М.—I, 3, 4, 7, 11, 17, 30, 44, 45, 47, 48, 152, 163, 213, 222, 391, 474, 475, 482, 486, 487, 491, 492, 493, 494, 495, 497, 710, 711; II, 89, 233, 316, 319, 320, 321, 331, 332, 371, 423, 426, 427, 457, 512, 513, 515, 517, 518, 519, 520, 521, 523, 521, 530, 533, 542, 546, 547, 548, 552, 575, 598, 603, 604, 605, 610, 621, 623, 631, 633, 635, 639, 703, 721, 723, 724, 726, 727, 728, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 743, 772, 779, 865, 883, 891, 913, 914, 915.
Каратыгинъ II, А.—I, 227, 324.
«Carithée»—I, 285, 286, 701.
«**Карлъ Орлеанскій и Анабелла**»—I, 382.
«**Картина всевозможнаго лучшаго правленія, или Утопія**»—I, 149, 154.
«**Картина нравовъ**»—I, 149.
«**Кассандра**» (Cassandre)—I, 289, 291, 298, 371, 701, 702.
«**Катерина**»—I, 382.
Катуллъ—I, 457, 710.
Кашаровъ—I, 220, 221.
Каширевъ, В.—I, 44, 157, 158, 161, 162, 225, 227, 228, 231, 232, 234; II, 883, 884.
Кайлюсъ, гр.—I, 433, 434, 435, 441, 709; II, 58, 60, 66, 315.
Kayser—I, 279.
Кеведо—I, 346.
Квинтиліанъ—I, 319.
Keightley—II, 3, 366.
«**Кенигъ, графскій сынъ**»—I, 382.
Keiter—II, 366; 621.
Kellen—II, 366, 621.
Querard—I, 247, 248, 249, 279, 507, 512.
«**Касминдра и Рейнальдъ**»—I, 382.
Koerting—I, 278, 281, 283, 286, 325, 474, 700, 701, 702, 703, 704, 705; II, 370.
«**Кильпаръ**»—I, 53; II, 45.
«**Киропедія**»—I, 121, 153, 304, 501, 506.
Кирпичниковъ, А. И.—I, 278.
«**Киръ Великій**»—I, 374.
Кирѣевскій—II, 886.
Кичеевъ, И.—I, 45, 156, 157, 158, 161, 227, 229, 230, 231, 232, 234; II, 626, 635, 883.
Claretie—I, 349, 350, 705, 706.
«**Клари**»—I, 149.
«**Клариса-Гарловъ**» (Clarisse Harlowe)—I, 12, 29, 66; II, 378, 398, 399, 402, 403, 406, 409, 419, 423, 474, 475, 520, 631.
Kleinwechter—I, 153.
«**Clélie, ou l'histoire romaine**»—I, 290, 305, 308, 324.
«**Клеонтъ и Рамира**»—I, 382.
«**Клеопатра**» (Cléopatre, la belle Egyptienne)—I, 289, 296, 297, 374, 701, 702.
«**Клеріадусъ**» (Clerladus)—I, 7, 9, 87.
Клеонъ—I, 32.
Клингеръ—II, 135, 136, 137, 161, 229, 372.
Клопштокъ—I, 186.
Клостерманъ—I, 32.
Клушинъ—I, 223, 225, 226, 232, 234, II, 427, 524, 526, 633, 738.
Ключаревъ—I, 157, 161, 162, 163, 229.
Ключевскій, В.—I, 44.
«**Книга Квінта Курціа о дѣлахъ, содѣянныхъ Александра Великаго**»—I, 47.
Княжнинъ, Я. Б.—I, 36, 47, 143, 158, 159, 160, 162, 163, 223, 224, 225, 226, 230, 232, 233, 234, 622; II, 525, 898.
Козельскій, О.—I, 162, 163.
«**Кольцо Гигесово**» (L'anneau de Hygès)—II, 77.
Комаровъ, Матвѣй—I, 220, 390; II, 89, 259, 344, 345, 356, 358, 639, 672, 695, 811, 812, 844, 853, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 879, 882, 886, 887, 888, 916.
Константиновъ—I, 159, 227.
«**Contes Chinois**»—II, 58.

«Contes moraux»—I, 491, 495; II, 67.
«Contenr amusant»—II, 305.
«Contes de la mère l'oye»—II, 11.
Коперникъ—I, 86.
Копіева—II, 621.
Копіевъ—I, 222, 225, 226, 227, 228, 229, 232, 233.
«Коріоланъ»—I, 410.
Корнель—I, 186, 299, 332, 351, 703; II, 422.
Котенъ—I, 8.
Кочебу—I, 5, 231, 698; II, 622.
Кочубей, Арк.—I, 15, 158, 160, 222, 223, 227, 229, 231, 232, 233, 234.
Кожинъ, Ив.—I, 226, 227, 234.
Крамеръ—II, 409.
Красицкій—II, 82.
* Краткое описаніе славянскаго баснословія —II, 122.
* Краткій баснословный словарь —II, 122.
* Краткой Миѳологическій Лексиконъ —II, 121, 127.
* Краткой Россійской лѣтописецъ II, 110.
Крейльсенъ-сынъ—II, 67, 70.
*«Кривоносъ-домосѣдъ, страдалецъ модной»—I, 220; II, 639, 716, 883.
Кровосмѣситель, зажигатель и смертоубійца по силѣ законовъ, но отъ природы не къ тому опредѣленный молодой человѣкъ — II, 409.
Кропотовъ—I, 47, 222, 223, 225, 235.
«Круглый столъ»—I, 447; II, 75, 87.
Крыловъ, Ив. А.—I, 47, 152, 227, 228, 233, 321, 330, 331, 391, 641, 645, 646, 647, 648, 714; II, 233, 321, 721, 914.
Ксенофонтъ—I, 121, 153, 237, 238, 239, 243, 244, 245, 246, 248, 255, 262, 279, 280, 304, 334, 501, 506, 507.
Кутузовъ—I, 227.
«Кульма Петровичъ Мирошевъ»—II, 884.
Куперъ, Фениморъ—II, 108.
Курнин, Кн.—I, 289.
Cousin—I, 326, 700.
*«Къ чему можетъ служить досужее время»—I, 152, 622; II, 305.
Лабзина—I, 156, 161, 222, 229, 230, 232, 710; II, 626, 635, 882.
«Лабиринтъ волшебства»—I, 150.
«Лабиринтъ моды»—I, 613.
Лабрюнеръ—I, 344, 352.
Лагарпъ—I, 5.
Лажечниковъ—II, 410.
Лазаревичъ, В.—I, 152, 391, 710.
Ла-Кроцъ—II, 139, 193.
Ламартинъ—II, 734.
Ламбертъ-де—I, 52.
Ламеттри—I, 155.
Langbein—II, 318, 374.
Ланнель—I, 342.
«Ланселотъ» (Lancelot du Lac)—II, 7, 9, 10, 15, 16, 74, 75, 83, 87.
«Лафарій, французскій графъ»—I, 382.
Лафаетъ—I, VIII, 311, 312, 313, 314, 315, 325, 326, 329, 330, 332, 333, 341, 344, 360, 361, 362, 364, 378, 379, 382, 383, 384, 387, 389, 475, 480, 482, 487, 491, 495; II, 70, 333, 336, 344, 375, 426, 700, 704, 906, 907, 908.
Лафонтенъ, (де-ла Фонтенъ)—I, 8, 9, 85, 449; II, 409, 417, 622.
«Леандръ и Лювиза»—I, 382.
Лепшинъ, В.—I, 90, 92, 93, 133, 134, 150, 151, 154, 158, 160, 162, 163, 225, 226, 227, 228, 230, 232, 233, 234; II, 89, 236, 427, 451, 459, 633, 671, 816, 817, 882, 884.
Лепшинъ, Н.—I, 11, 159, 222, 223, 228, 230, 232.
«Легенда о Плакидѣ»—II, 136, 228.
Лезинъ—I, 705.
Lemonnyer—I, 710; II, 305.
Lenel—I, 496, 710; II, 67, 68, 370.
Lintilhac—I, 352, 706.
Lesesinsky, Stan.—I, 153.
Леонтьевъ—I, 223, 227, 231; II, 883.
Лермонтовъ—I, 481.
Лесажъ—I, 29, 63, 68, 69, 341, 343, 344, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 356, 357, 358, 359, 360, 362, 363, 364, 379, 382, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 587, 588, 607, 608, 613, 615, 616, 617, 619, 620, 621, 623, 624, 633, 634, 636, 638, 645, 646, 697, 706; II, 70, 230, 324, 369, 398, 414, 417, 499, 879, 892, 894, 906, 917.
Lefevre, André—II, 366.
*«Леннардъ и Термилія, или злощастная судьба двухъ любовниковъ»—I, 392, 681, 715.
«Lettre contre un Liseurs de Romans»—I, 705.
«Lettres portugaise»—I, 310.
Lhéritier—II, 61, 62, 63, 69, 87.
«L'heureuse nation, ou relations du gouvernement des Félicieus» — I, 153.
Ливій, Титъ—I, 406, 411, 513.
«Лина»—I, 15; II, 890.
«Lisart de Grecia»—II, 18.
*«Лишенный зрѣнія Ураній»—I, 152

*«Ліодоръ»—I, 222; II, 427, 512, 520, 527, 531, 533, 538, 548, 575, 633.
Логиновъ—I, 32.
Лоенъ, фонъ—I, 54.
Локкъ—I, 73, 724.
«Лолотта и Фанъ-Фанъ»—I, 6.
Ломоносовъ—I, 5, 162, 163; II, 110, 121, 122, 123, 124, 687.
Лопецъ-де-Вега (Лопе-де-Вега)—I,9.
Лопухинъ, Ив. — I, 48, 163, 227, 228, 229, 234.
Lotheissen—II, 366.
Л. Т.—I, 158, 159.
Лубяновскій, О.—I, 44, 154, 160, 225, 227, 228, 233, 385.
Луветъ-да-Кувре—I, 68.
Лукинъ, В.—I, 47, 161, 222, 224, 225, 226, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 618.
Лукинъ, И. — I, 223; II, 828, 883, 884.
Лукіанъ—I, 101, 102.
Лукрецій—II, 773.
*«Любимъ и Роза»—I, 220.
Lübeker—I, 551, 711.
*«Любовники-супруги»—I, 220, 588.
«Любовный вертоградъ» — II, 894, 895.
«Любовь Исмены и Исменіаса»—I, 246.
«Любовь Психи и Купидона»—I, 85, 449.
«Любовь Сафои и Фаона»—I, 457, 458, 710.
«Людвикъ и Палтусъ»—I, 382.
«Lucette, ou les Progrès de libertinage»—I, 623, 636.
«Ляцыона, баронская дочь»—I, 382.
Лященко, А.—I, 508, 711.
*«Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы, или настоящія русскія сказки»—II, 232.
Лѣсковъ, Н. С.—I, 699, 715.
Львовъ, Н.—I, 45, 46.
Львовъ, П.—I, 135, 143, 144, 152, 154, 155, 220, 221, 391, 563, 564, 565, 567, 568, 570, 713; II, 233, 416, 424, 425, 427, 428, 491, 505, 506, 509, 510, 512, 517, 519, 542, 546, 584, 633, 634, 695, 890, 891, 914.
Лэже, Л.—II, 122.

Мабли—II, 794.
Мавроурбинъ—II, 122.
«Магхабарата»—II, 158.
«Магометъ Второй и Іеронима»—I, 382.
Макарова, Наталія—I, 392, 681, 683.
Макаровъ, Н.—I, 6, 45.
Максимовичъ—I, 156, 158, 161.
Макферсонъ—II, 394.
«Мальчикъ у ручья»—I, 5, 6.
Марини—I, 433, 435, 441.
Marivaux—I, 363, 441.
Маркъ Аврелій—I, 696.
Мармонтель—I, VIII, 18, 29, 71, 115, 119, 406, 410, 411, 494, 495, 497, 501, 502, 506, 509, 707; II, 2, 67, 68, 69, 70, 77, 78, 86, 235, 319, 332, 333, 336, 344, 375, 424, 505, 520, 542, 546, 891, 908, 911.
Мартыновъ—I, 158, 223.
*«Мароа Посадница»—I, 474.
«Мать-россіянка»—II, 739.
«Mathilde»—I, 308.
Маттисонъ—II, 622.
Майковъ, А.—I, 225.
Майковъ, В.—I, 159, 160, 162, 232; II, 127.
Майковъ, Л. Н.—I, V, 709.
Maigron—I, 474, 710.
«Меліадусъ (Melladus de Leonnoys)—II, 7, 15, 17, 87.
«Мелентесъ и Аріанна»—I, 382.
«Мелитея»—I, 382.
«Мемнонъ»—I, 74.
«Mémoires de Gaudence de Lucques»—I, 153.
«Mémoires secrètes de la cour de Charles VII, Roy de France»—I, 474.
«Меморіялъ милорда Де»—II, 406.
Меньшой—I, 223; II, 883.
Meriant, J.—II, 621.
«Merlin»—II, 7, 9, 15, 16, 17, 20, 87.
«Мерлинъ и Вифіана»—II, 75.
Мерсье—I, 153; II, 794.
Мертваго, Б.—I, 156, 159, 227, 235.
«Мертвыя души»,—I, 187, 493, 588, 796.
Метаморфозы (Овидія)—I, 527, 529, 558, 559; II, 36, 128, 134.
Метафрастъ—I, 320.
Мещерскій, А. В.—I, 44, 222, 223, 224, 225, 228, 230, 232.
Мейеръ—I, 48, 700.
Мейснеръ—I, 71, 494, 502; II. 408.
Мигринъ, Ив.—I, 223.
«Микромегасъ» — I, 74, 79, 86, 93, 150, 151.
«Милитинская царевна»—I, 46.
Миллеръ (книгопродавецъ)—I, 32.
«Mille et une fadaises, contes à dormir debout»—II, 58, 67.
«Milles et Amys»—II, 13.
*«Милыя, нѣжныя сердца»—I, 221; II, 428, 598, 604, 605, 634.
Милюковъ, П.—I, 708.
Мильтонъ—II, 231.
«Minet bleu et Louvette»—II, 318.

* «Минутное блаженство» —I, 45; II, 606, 635.
* «Мирамондъ»—I, 4, 10, 714; II, 894, 895, 896.
Мирковичъ, Ф.—I, 41, 158, 162, 222, 224, 227, 228, 229, 231, 233; II, 827.
«Михаилъ Алексѣевъ, священникъ села Воронина —II, 739.
Михайловскій-Данилевскій, А.—I, 156, 161, 162.
«Могущество сострадавія» — II, 737.
* «Модная жена»—II, 85.
«Можисъ и Вивіана (Maugis et Viviane)—II, 13, 87.
* «Мои свадебныя приключенія — I, 224; II, 639, 787, 884, 914.
«Мои путешествія по пропастьмъ злосчастія —I, 6.
Моль (Mohl)—I, 152, 153.
Мольеръ—I, 9, 28, 341, 352, 388.
Мондрусъ—II, 47.
Монжонъ—II, 608.
Монтескье—I, 90, 92, 93, 114, 118, 133, 134, 150, 151, 153, 154; II, 366.
Монассанъ—I, 365.
Мордвинова, гр. Н. Н.—I, 156, 161, 221, 227, 229, 231; II, 882, 884.
Мордовневъ—II, 840, 842, 887.
Morelly—I, 153.
Morillot—282, 283, 290, 342, 350, 351, 362, 363, 157, 700, 701, 703, 705, 706, 707; II, 59, 60, 366, 370.
Морусъ, Томасъ (Моръ, Морисъ, Morus)—I, 115, 119, 153, 154; II, 724.
Мошковъ, Иванъ—I, 246, 247.
«Музаріонъ —I, 187.
«Мулзай и Царанда —I, 382.
* Муму —II, 614.
Муравьевъ, Н. Н.—I, 44, 47, 158, 159, 160, 161, 222, 227, 229, 230; II, 409.
«Мурадъ и Туркія —I, 382.
Муханова—I, 44, 162, 228.
Мюстръ, Ксавье де—II, 737.
Мюра (Muraty— II, 61, 62, 63, 77, 87.
* «Мѣдь звѣнящая —I, 151, 152.

* Награжденная постоянность, или приключенія Лизарка и Сарманды — I, 399, 393, 708; II, 256, 894, 895.
Назаровъ—I, 332; II, 883.
Назимовъ—I, 44, 159, 161, 222, 223, 227, 232, 233, 235, II, 884.
«Наида» (Naïde)—II, 77.
Нарѣжный—I, 391, 588; II, 44, 159, 391, 473, 710.
* «Наталья, боярская дочь —II, 639, 648, 721, 734, 883, 914.
Natchéz—I, 287.
«Natti piacevoli —II, 61.
«Нахлѣбникъ»—II, 694.
«Найденышъ —I, 53; II, 415.
* Начало Ливонина повѣствованія» (изъ сборника Чулкова: «Переимѣнникъ»)—II, 90.
* «Небылица»—I, 392, 678, 715.
Незоровъ -I, 159, 228, 230, 231, 232.
* Невидимка, исторія о Фецкомъ королевичѣ Аридесѣ и о братѣ его Полумедесѣ, съ разными любопытными повѣстями —I, 150, 390, II, 89, 259, 345, 888.
Нейѣровъ—II, 883.
«Негръ, или черный, какихъ мало бываетъ бѣлыхъ —II, 120.
Незеленовъ—II, 629.
«Незнакомка»—I, 149.
«Неистовый Роландъ (Orlando Furioso)—I, 29; II, 46, 74, 76, 367.
Некрасовъ—I, 459.
* Неожиданное счастье, или притворный дуракъ —II, 301.
* «Неонила»—I, 15, 19, 46, 151, 152, 221; II, 639, 716, 743, 889, 881, 883, 891, 892, 914.
* Непостоянная фортуна, или похожденія Мирамондовы»—I, 15, 46, 151, 152, 392, 622, 649, 714.
«Непредвидимая благотворительность —II, 737.
* Не прямо въ глазъ, а въ самую бровь —I, 46, 588, 622; II, 365.
Несельроде, К.—I, 156
«Несчастіе отъ женъ —I, 149, II, 412.
«Несчастія отъ непостоянства»—I, 149.
* Несчастная Маргарита»—I, 220; II, 890.
* Несчастныя приключенія Василія Баранщикова —I, 699, 715.
* «Несчастный М—въ»—II, 427, 524, 634.
* «Несчастный Никаноръ» — I, 30, 220, 221, 698, 715; II, 638, 639, 672, 673, 695, 697, 882, 888, 914.
Неустроевъ—I, 710.
Нехачинъ—I, 159, 234.
* Нечаянное превращеніе»—II, 300.
«Нещастія отъ чувствительности»—I, 149; II, 107.
Нѣдовъ, М.—II, 888.

*«Иниверженный Зелулъ, — образецъ злобы, или жизнь восточнаго принца Клеандра и принцессы Зефиры»—I, 140, 155; II, 89, 140, 155, 259, 274, 284, 287, 290, 292, 373.
«Николая Клима Подземное путешествіе (Nic. Climi iter Subterraneum novam telluris theoriam ac historiam quintae Monarchiae exhibens) — I, 123, 153.
«Николай и Николка»—I, 620.
Николевъ, Н.—I, 47, 157, 158, 160, 163, 221, 226, 228, 231.
Н. М.—I, 160.
«Нищіе на мосту —II, 890.
«Nova Atlantis»—I, 153.
«Новая сельская библіотека»—II, 76.
«Новая 1001 ночь»—I, 148, 149; II, 369.
«Новая Элоиза»—(La Nouvelle Héloise) — I, VII, VIII, 12, 14, 15, 148, 284, 285, 489; II, 363, 377, 383, 386, 387, 401, 404, 406, 409, 410, 428, 440, 447, 449, 455, 481, 487, 531, 538, 548, 550, 551, 553, 566, 573, 576, 631, 632, 913.
*«Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ, сыгранной въ Москвѣ свадебными» (изъ сборника Новикова: «Похожденія Ивана гостинаго сына»)—II, 639, 643.
Новиковъ, Ив. — I, 151, 220, 221, 588, 621, 624, 668, 714; II, 78, 365, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 647, 648, 651, 665, 667, 668, 669, 671, 672, 727, 730, 851, 880, 882, 900, 901.
Новиковъ, Н.—I, 5, 10, 23, 44, 48, 105, 147, 891.
*«Новоиспеченной скоморохъ, страдалецъ модной» (изъ сборника Чулкова: «Пересмѣшникъ»)—II, 639, 705.
«Новое Кипронаставленіе» — I, 121, 153, 154, 501, 506, 528.
«Новый Абеллярдъ»—I, 18.
«Новый анекдотъ»—II, 738.
«Новыя Гулливеръ»—I, 149.
«Новый Жилблазъ»—I, 621, 636, 714.
«Новыя арабскія сказки»—II, 369.
«Новыя Мармонтелевы повѣсти»—I, 495.
*«Новѣйшее путешествіе» — I, 90, 133, 150.
*«Ночи» — I, 152, 391, 641, 714; II, 159, 557.
«Naufrages des îles flottantes, ou Basiliade de Bilpai»—I, 153.
«Нравоучительныя сказки»—I, 149.
«Nouveaux contes orientaux»—II, 58.
Нугаретъ—I, 620, 621, 622, 623, 624, 636, 645.
*«Нума, или процвѣтающій Римъ»—I, 124, 143, 151, 152, 154, 391, 410, 508, 711.
«Нума Помпилій»—I, 472, 502, 512.
*«Нѣсколько писемъ моего друга»—I, 46, 152, 155; II. 427, 533, 633.
Ньютонъ—I, 73.

«Оберонъ, царь волшебниковъ»—II, 75, 367.
«Обломовъ»—II, 796.
Оболенскій - Пелединскій - Мелецкій — I, 156, 223, 227, 229, 230; II, 635, 822, 881.
«Образъ невинной любви, или странныя приключенія еолонской царевны Хариклеи и Ѳеогена Ѳесселянина»—I, 216.
«Обращеніе свѣта, или видѣніе Бабука»—I, 74.
* «Обстоятельныя и вѣрныя исторіи...» (Ванька-Каинъ) — I, 150; II, 853.
«О великодушномъ поступкѣ сына» —II, 738.
Овидій — I, 33, 47, 457, 512, 526, 529, 551, 558, 559, 560, 563; II, 36, 128, 131, 136.
* «О ворѣ Ѳомкѣ»—II, 162.
«Огіеръ Датскій»—II, 75.
«О графѣ Оксфордскомъ»—I, 149.
Одинцовъ, А.—I, 44, 156.
Одоевскій, А.—II, 622, 635.
* «Одушевленная статуя, или приключенія Маркиза-де-Альфонса и Луизы —II, 89, 258, 259, 280, 281, 288, 289, 292, 373.
Oeftering—I, 278.
«Oeuvres badines complettes du Comte de Caylus, feeries nouvelles» — II, 315.
«Ожье» «Ogier le Danois, «Огіеръ-датчанинъ»)—II, 13, 87.
*«Озеро, или чувство природы, побѣжденное отчаяньемъ»—II, 617, 635.
Олай Великій (Olaus Magnus)—II, 195, 229.
* «О нещастныхъ приключеніяхъ купецкой дочери Аннушки» (изъ сборника Новикова)—II, 639, 656.
Опчуковъ—I, 620,
д'Онэ (d'Aulnoy)—II, 61, 62, 63, 75, 77, 87, 305.
«Опасность отъ чтенія романовъ»—I, 26.
* «О побѣгѣ изъ пушкарскихъ улицъ пѣтуха отъ курицъ»—I, 22.

«Опытъ объ истинномъ великодушіи»—II, 738.
«Опытъ сыновней любви»—II, 737.
«Oceana»—I, 153.
«Освобожденный Іерусалимъ» (Jérusalem délivré)—II, 23, 76, 367.
Осиповъ, Н.—I, 588.
Оссіанъ—I, 472, 621; II, 394, 520, 521, 538, 580, 588, 621, 779.
Островскій—I, 219; II, 211, 887.
Остроглазовъ—I, 32; II, 854.
Острожскій-Лохвицкій—I, 162, 222, 225, 231, 233, 234; II, 882.
Отрощенко—I, 11, 222, 223, 714.
«Отрывки изъ новаго Перика»—II, 889.
*«Отрывокъ»—II, 128, 554, 634, 890.
«Очарованная красавица»—II, 309.

П. А.—II, 89, 258.
Павлишева—I, 45.
Павловъ, А.—II, 890.
«Page disgracié»—I, 342, 704.
Pajon, H.—II, 66, 318.
«Le Palais de la Vengeance»—II, 87.
«Пальмеринъ»—I, 347; II, 1, 17, 43, 83.
Palmerin de England—18, 19, 20.
«Palmerin de Oliva»—II, 17, 18, 19.
«Памела, или награжденная добродѣтель» (Pamela)—I, 58, 59, 60, 61, 66, 148, 149; II, 377, 399, 404, 406, 407, 409, 420, 425, 504, 505, 508, 520, 632, 891.
Панаевъ, В.—I, 8, 45, 163.
* Парамонъ и Варенька»—II, 610, 635.
«Параша-Сибирячка»—II, 737, 883.
Парижская дура»—I, 620.
Рашу—I, 334.
Пассекъ, Т.—I, 44, 156, 160, 161, 162, 233; II, 409.
Пекарскій, П.—I, 33, 45, 47, 48; II, 75.
«Пентамеронъ» (Pentamerone)—II, 61, 87.
Перепелицынъ—I, 224.
«Переписка двухъ адскихъ вельможъ»—I, 697, 715.
*«Пересмѣшникъ, или Славенскія сказки»—I, 46, 150, 151, 152, 155, 220, 221, 391, 589, 713; II, 86, 88, 90, 108, 109, 110, 121, 125, 126, 128, 136, 137, 138, 139, 140, 151, 157, 158, 159, 160, 201, 206, 208, 214, 216, 217, 219, 221, 222, 223, 234, 236, 255, 269, 271, 272, 295, 312, 370, 639, 701.
Перель-де-Леонъ—I, 346.
*«Переяславское озеро»—II, 428, 575, 634.
Pernety—I, 565, 568.
Перро (Perrault)—I, 44, 62, 63, 366, 367; II, 2, 44, 61, 68, 77, 87, 305, 306, 318, 320, 366.
«Персеваль» (Perceval)—II, 7, 9, 11, 15, 16, 87.
«Perceforest»—II, 7, 9, 10.
«Персидскія письма»—I, 92, 114, 118, 133, 134, 150, 151, 153, 154.
«Le petit Poucet»—II, 59, 305.
Petit de Julleville—I, 320, 701, 707; II, 366.
Petit-de-la-Croix—II, 41.
Петрарка—II, 697.
Петровскій, Н. М.—I, 33, 47.
Петровъ, Д. К.—I, vi; II, 366.
Петръ Златые Ключи» — (Histoire du Noble et Vaillant Chevalier Pierre de Provence et aussi de la belle Maguelone) — I, 22, 23, 46, 50, 389; II, 72, 75, 87, 88.
«Петръ-портной»—II, 738.
Печеринъ, О.—I, 45, 223.
Пешуровъ—I, 222, 232.
«Paysanne pervertie, ou les Moeurs des grandes villes»—I, 623.
Picard—II, 366.
«Пикартусъ»—I, 10.
Pineau—II, 631.
Pingaud—I, 163.
Пиндаръ—I, 186, 569.
Писаревъ, А.—I, 697.
* Письмо къ другу ихъ столицы»—II, 425.
* Письмо къ Б*. и его семейству»—I, 220; II, 610, 779, 780.
Письма нещастнаго Маркиза К... къ прекрасной графинѣ У..»—I, 24.
«Письма отъ г-жи Монтіеръ»—I, 51, 148, 149.
* Письма русскаго Путешественника»—I, 3; II, 518, 608, 610, 619, 621, 623, 631, 767, 779.
* Письма Эрнеста и Доравры»—I, 48, 150, 152, 155; II, 113, 427, 428, 440, 632.
Пипичевичъ—I, 158, 160, 227, 229, 231, 232, 233, 234; II, 628, 635, 716, 766, 883.
«Пиѳагоровы ученицы»—I, 457.
Плавильщиковъ—I, 32, 157, 159, 160, 163, 225, 228, 232, 233.
*«Пламиръ и Ранда»—I, 45, 152; II, 428, 562, 635.
Платонъ—I, 124, 153, 334, 529, 530, 551, 560, 696.
*«Плодъ свободныхъ чувствованій»—II, 428, 568, 634.
«Плоды свободнаго времени»—I, 148.
Плоды трудовъ прозаическихъ сочиненій»—I, 122, 153, 154.

Плутархъ—I, 101, 286, 289, 319, 332, 406, 411, 412, 502, 509, 512, 513, 514.
«Плутовка-Хустина» («Picara Justina»)—I, 346, 637.
* Повѣствователь русскихъ сказокъ и продолженіе повѣствователя русскихъ сказокъ»—II, 232.
* «Повѣсть Всекраса, принца Египетскаго» (изъ сборн.: «Зубоскалъ»)—II, 273.
«Повѣсть Донбурга, приратника Картезіанскаго монастыря» (Histoire de dom B., portier des Chartreux)—I, 621.
* «Повѣсть египетскаго мѣщанина Абдулла» (изъ сборн. «Зубоскалъ»)—II, 273.
«Повѣсть забавная о двухъ туркахъ»—II, 888.
* «Повѣсть купца Мезалима» (изъ сборн. «Зубоскалъ»)—II, 274.
* Повѣсть персидскаго принца Шлембуя (тоже)—II, 274.
* «Повѣсть объ Александрѣ, кавалерѣ Россійскомъ»—I, 23, 435; II, 71, 73, 358, 678.
* «Повѣсть о Вавилонѣ»—I, 760; II, 228.
* «Повѣсть объ Аскалонѣ» (изъ сборн. Чулкова: „Пересмѣшникъ“)—II, 90, 120.
* «Повѣсть о Василіи-матросѣ»—I, 435; II, 358, 678.
* «Повѣсть о Василіи Богуславичѣ» (изъ сборн. Чулкова: «Русскія Сказки»)—II, 185, 219.
«Повѣсть о г. де-ла Бедуаерѣ»—I, 139.
* «Повѣсть о Геродѣ»—I, 155, 391, 464, 468, 710.
* «Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи»—II, 661, 918.
* «Повѣсть о дворянинѣ Заолешанинѣ, богатырѣ, служившемъ князю Владиміру» (изъ сборн. Чулкова: Русскія Сказки»)—II, 185.
«Повѣсть о Девгеніи-Акритѣ»—II, 72.
* «Повѣсть одного россійскаго дворянина, удалившагося отъ свѣта»—I, 152, 221, 392, 684, 715.
«Повѣсть о Заидѣ»—I, 150.
* «Повѣсть о Миловидѣ» (изъ сборн.: «Зубоскалъ»)—II, 273.
* «Повѣсть о Муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи»—II, 223.
* «Повѣсть о непреоборимой любви Адаманта къ Дафнисѣ»—I, 150, 390, 411, 709.
* «Повѣсть о новомодномъ дворянинѣ» (II т. «Русскія сказки»)—II, 162, 639, 705, 709, 883.
«Повѣсть о приключеніи Англинскаго Милорда Георга и Брандебургской Марграфини Фредерики Луизы»—II, 888.
«Повѣсть о приключеніяхъ Кавалера Р.»—I, 149.
* «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ»—II, 136, 228, 918.
* «Повѣсть о Силеславѣ» (изъ сборн. Чулкова „Пересмѣшникъ“)—II, 90.
«Повѣсть о страстяхъ»—I, 149.
«Повѣсть о Томасѣ Іонесѣ»—I, 6; II, 407.
* «Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ»—I, 22, 23; II, 235, 636, 642, 643, 644, 645, 646, 671, 723, 727, 730, 731.
«Повѣсть о Храбродѣлѣ» (изъ сборн. „Зубоскалъ“)—II, 272.
«Повѣсть о хромоногомъ бѣсѣ»—I, 620, 623; II, 231.
«Повѣсть Славурона» (изъ сборн. Чулкова „Пересмѣшникъ“)—II, 90, 93, 120.
«Подлинное описаніе жизни Картуша»—I, 149; II, 853, 864, 879.
«Подлинныя письма несчастныхъ людей»—I, 149.
Подшиваловъ—II, 737.
Poetzsche—II, 631.
«Поизмятая Роза, или забавное похожденіе прекрасной Ангелики съ двумя удальцами»—II, 76.
Полежаевъ—I, 32.
«Polexandre»—I, 285, 286, 287, 701.
Поливановъ, Н.—I, 153.
* «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи»—I, 124, 129, 151, 152, 154, 222, 391, 553, 563, 568; II, 364.
Политковскій—I, 230.
Pauly—I, 551, 711.
Полонскій, Я.—I, 44, 229, 231; II, 370, 410.
«Польницъ, баронъ»—I, 382.
Пономаревъ—I, 48.
Понтанъ (J. J. Pontanus)—II, 195, 229.
Попе (Попъ)—I, 564, 567, 568, 570, II, 608.
Поповъ—I, 143, 151, 155, 158, 159, 234, 472, 621; II, 88, 122, 140, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 219, 220, 234, 235, 237, 238, 249, 250, 251, 252, 257, 272, 281, 367, 371, 420.
Попугаевъ, В.—II, 428, 594, 634.
Порфирьевъ, А.—II, 917.

«Посланіе въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь —II, 665.
«Послѣдованіе Силославовыхъ похожденій (изъ сборн. Чулкова «Пересмѣшникъ»)—II, 90.
«Portraits des faiblesses humaines»—I, 457.
Постоловскій—I, 223.
Потемкинъ—I, 160.
«Потерянный Рай —II, 231.
*«Похожденіе Алима и Аскліады (изъ сборн. «Пересмѣшникъ»—II, 90, 96.
*«Похожденіе Ахиллесово, подъ именемъ Пирры до Троянскія осады —I, 152, 390, 449, 709.
«Похожденіе Карла Орлеанскаго —I, 149.
«Похожденіе Керея и Каллирои —I, 149, 246, 249.
*«Похожденіе Куртозара» (сборн. «Забавн. разсказчикъ —II, 308.
*«Похожденіе Лафера съ волшебникомъ (тамъ же)—II, 307.
*«Похожденіе названнаго брата Ивана, купецкаго сына (сборн. Новикова)—II, 639, 659.
*«Похожденіе Исонтолема, сына Ахиллесова —I, 148, 149.
*«Похожденіе нѣкотораго Россіянина, истинная повѣсть, имъ самимъ писанная —I, 229, 232, 392, 588, 625, 638, 671, 715; II, 668, 673.
«Похожденіе ожившаго новаго увеселительнаго и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута и шута, Совѣстдрала, большого носа —I, 29; II, 876, 877.
«Похожденіе Родрика Рандома —I, 62, 148, 149; II, 89, 111.
«Похожденіе Телемака» (Les aventures de Télémaque) — I, VII, VIII, 4, 5, 15, 16, 114, 128, 131, 133, 135, 144, 153, 154, 333, 334, 362, 373, 383, 384, 385, 386, 387, 389, 439, 449, 515, 545, 529, 534, 551, 570, 705; II, 364, 707, 888.
«Похожденіе Улисса —I, 449.
*«Похожденія Ивана гостинаго сына —I, 151, 152, 220, 221, 588, 621, 624; II, 365, 639, 640, 648, 880.
Пракудинъ, М.—I, 46, 152, 157, 159, 222, 224, 226, 228, 231, 232, 390, 403, 410, 411, 413, 501, 509, 708.
Прево (Prévost)—I, VIII, 8, 29, 341, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 370, 374, 377, 378, 379, 382, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 503, 649, 665, 666, 667, 668, 669, 677, 678, 683, 684, 687, 688, 698, 699, 707; II, 70, 332, 333, 337, 344, 355, 407, 638, 673, 678, 807, 906, 907, 908, 917.
«Превратная любовь —I, 382.
Превратность щастія, или удивительныя приключенія графа Турвиля —I, 698.
«Преданіе объ Индѣйскомъ Браминѣ —I, 74.
Прекрасная Россіянка»—I, 382, 698.
* Прекрасная Царевна и щастливый Карла —II, 89, 316, 457.
Прессъ-де-Бемонтъ (Le-Prince-de Beaumont)—II, 66, 75, 77, 78, 318.
Le prince Marcassin —II, 305.
Préséhac—II, 64
Прженцлавскій, О. А.—I, 160, 227, 229; II, 822, 884.
* Пригожая новариха, или похожденіе развратной женщины —I, 75, 220, 221, 391, 625, 637, 714; II, 659, 671, 851.
«Признательность за благодѣяніе» II, 739.
Приключеніе графа фонъ-Ривера —I, 54.
Приключенія Іосифа Андревса» — I, 138, 149; II, [illegible]
* Приключенія Казаловы (Пересмѣшникъ) [illegible], 90, 104.
*«Приключенія Александра, храбраго царевича Лакедемонскаго и Піотильды, Королевны Оракійской — I, 138, 15[illegible], [illegible]13, 433, 435, 438, 570, 670, 7[illegible]; II, 364.
«Приключенія Маркиза Г.»—I, 5, 8, 9, 10, 55, 148, 149, 284, 360, 366, 383, 384, 387, 392, 649, 671, 678, 683, 706; II, 673, 695, 707, 888.
* Приключенія Роксолановы (тамъ же)—II, 90, 92, 120.
«Приключенія Сиданданала (изъ сборн. «Забавн. разсказчикъ)— II, 3[illegible]7.
* Приключенія Симустафы —II, 53.
* Приключенія Честомысла —I, 68.
* Приключенія Ѳемистокла и разныя политическія, гражданскія, философическія, физическія и военныя его съ сыномъ разговоры — I, 131, 143, 151, 341, 497, 509.
«Primaléon»—II, 18.
«Примѣръ сыновняго усердія»—II, 738.
Примѣръ честности главнаго Визиря —II, 737.
«Принцесса Вавилонская» — I, 74, 82, 85, 150; II, 330, 888.
«Принцесса Клевъ» (La princesse de Clèves)—I, 287, 311, 315, 315, 373 387.

«Принцъ Бретаньскій»—II, 408.
«Prinz Kalloandro» (см. «Вѣрный Каллоандръ»)—I, 434.
«Притчи Эссоповы»—I, 47.
* Продолженіе Кидалозыхъ приключеній («Пересмѣшникъ»)—II, 90.
* Продолженіе Славуроновыхъ приключеній (тамъ же)—II, 90.
«Продолженіе тысячи и одной ночи. Арабскія сказки»—II, 78, 369.
«Произведеніе разума, или нравственныя, замысловатыя и пріятныя сказки»—II, 75.
Прокоповичъ, Ѳ.—I, 621.
«Promenades de la Guinguette» — I, 627.
«Простодушный суевѣръ или посланникъ боговъ (изъ сборн.: Дѣвушкины прогулки)» — II, 391.
Протасова, Е. А.—I, 12.
Протасьевъ—I, 44, 161, 222, 223, 225 II, 715, 817, 821, 884.
Протопоповъ, В.—I, 152; II, 365.
Прудонъ—I, 347.
Poullain-de-St.-Foix—I, 247, 248, 279.
Пульчи—II, 87.
«Путешествіе Гумфрія Клингера»—II, 407.
«Путешествіе добродѣтели»—I, 148.
* Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (Радищева)—I, 143; II, 779.
* Путь къ спасенію»—I, 103.
Пушкинъ, А.—I, VII, 2, 12, 44, 45, 91, 215, 332, 179, 670; II, 68, 231, 240, 426, 463, 475, 701, 734, 915.
П. Х.—I, 392, 588, 671.
Пыпинъ, А. Н.—I, 21, 48, 380, 621, 708, 709; II, 71, 74, 370, 406, 632, 917.
«Pucelle»—I, 186.

Рабле—I, 81.
Радищевъ—I, 36, 105, 143, 147, 156; II, 233, 701, 768, 779.
Радклифъ—I, 5, 17, 19, 47.
Раевскій—I, 332.
Раевскій, Гр. Ильичъ—II, 621.
«Разбойникъ по неволѣ, или ужасы лѣсовъ Шварцвальдскихъ»—I, 6.
«Разговоръ»—II, 779, 784.
«Разговоръ дикаго съ баккалавромъ»—I, 71.
*«Разныя повѣствованія» — I, 152, 155, 221, 392, 688, 715; II, 365.
Raleigh—II, 631.
Рамзей (Ramsay)—I, 115, 121, 124, 13[illegible], 132, 153, 154, 501, 506, 529.
Расинъ—I, 9, 24, 186, 332, 378; II, 78, 158, 794, 822.
Рахманиновъ, Н. Г.—I, 48, 156.
«Reipublicae Christianopolitanae descriptio»—I, 153.
Reyssié—I, 705.
Рональ—I, 110.
«Ренальдъ»—I, 16; II, 76, 87.
«Ренконете и Кортадильо»—I, 346.
«La république des philosophes ou histoire des Ajaoiens»—I, 153.
Ретифъ-де-ля-Бретонъ—I, 133, 153.
Riquet à la Houppe—II, 318.
Рикобони, г-жа—I, 18.
Римскія Дѣянія—I, 622; II, 72, 228.
Рихардетъ»—II, 76.
«Ринальдо-Ринальдини»—I, 6.
Ричардсонъ (Рихардсонъ, Richardson)—I, VIII, 30, 53, 54, 55, 58, 65, 69, 71, 284, 332, 360, 366, 385, 390, 492; II, 70, 337, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 383, 386, 387, 388, 396, 397, 398, 399, 400, 402, 404, 406, 407, 408, 409, 411, 422, 423, 427, 460, 473, 474, 487, 504, 505, 506, 514, 518, 619, 631, 632, 695, 891, 892, 894, 911, 913.
«Робинзонъ-Крузе (похожденія Робинзона Крузо)—I, 5, 9; II, 888.
Ровинскій—II, 887.
«Рогвольдъ»—I, 391, 464, 473, 710.
Гогожинъ—I, 33; II, 854.
Rohde—I, 236, 241, 242, 245, 278, 447, 457.
* Роза и Любимъ»—I, 150, 152, 220, 221.
«Розана и Любимъ»—I, 158.
*«Роза, полусправедливая повѣсть»—I, 15, 15, 16, 152, 220, 221; II, 427, 460, 633.
Рознотовскій, Ефимъ—I, 150, 154.
«Роландъ»—I, 16, 346; II, 11, 23, 25, 26, 29, 31, 32, 34, 36, 37, 87.
Роллень (Ролленъ)—I, 406, 564, 568.
«Roman bourgeois»—I, 342, 705.
Romans historiques rélatifs à l'Histoire de France»—II, 158.
Романы Карловингскаго цикла» — II, 1, 11, 13, 14, 18, 21.
«Романы Круглаго стола»—II, 1, 6, 11, 13, 14, 17, 18, 23, 25, 26, 29, 31, 32, 34, 36, 37, 43, 68, 71, 918.
* Романъ въ стихахъ»—II, 671.
«Roman comique»—I, 342, 705.
«Романъ о Каллимахѣ и Хризорроѣ»—II, 1.
«Романъ о панѣ Твардовскомъ»—II, 228.
«Roman satyrique»—I, 342, 704.
* Россійская Памела» (Новая Памела)—I, 45, 46, 150, 152, 155, 220, 221, 222; II, 416, 424, 427, 491, 501, 512, 519, 542, 546, 633, 695.

Ростиславъ—I, 156, 158, 161, 222, 230, 231; II. 668, 695, 882, 883.
* **Ростовское озеро**—I, 45, 46, 152, 221, 222; II, 428, 547, 634, 671.
Рошефукольтъ—I, 25.
Рунилъ—I, 158, 160, 162, 714.
«Ruodlieb»—II, 1.
* **Русланъ и Людмила**—II, 234, 704.
„Der Russische Avanturier, oder sonderbare Begebenheiten eines edlen Russen. Demetrius Maroushyn genannt" aus dem Spanischen ins Deutsche übersetzt (см. «Странныя приключенія Дм. Маруцинина»)—I, 698.
«**Русская честность**»—II, 738.
«**Русскія завѣтныя сказки**»—I, 621; II, 242, 867.
* **Русскія сказки**—I, 150, 151, 152, 155, 220, 221; II, 86, 87, 89, 107, 108, 128, 139, 162, 204, 206, 207, 208, 211, 213, 214, 216, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 227, 230, 231, 232, 234, 236, 252, 295, 332, 371, 372, 639, 704, 851, 883.
«**Русской крестьянинъ**»—II, 738.
Руссо, Жанъ-Жакъ (Rousseau)—I, 12, 17, 18, 30, 71, 73, 92, 109, 110, 115, 155, 360, 362, 364, 366, 385, 389, 405, 492, 498, 553, 578, 707, II, 316, 337, 341, 344, 363, 377, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 393; 396, 397, 399, 402, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 413, 422, 423, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 434, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 444, 448, 449, 450, 451, 452, 454, 459, 461, 463, 473, 474, 481, 487, 489, 514, 520, 526, 533, 539, 547, 548, 607, 608, 619, 631, 632, 638, 724, 730, 764, 805, 908, 912, 913.
* **Рыцарь нашего времени**—I, 4.
«**Рѣчной карась**» (сборн.: «Забавный разсказникъ»)—II, 310.
Рѣпетниковъ—I, 48.
«**Les ruses d'amour**»—I, 627.

Сабанѣева—I, 158, 223, 232; II, 621, 635.
* **Сава, ночная птица, повѣствующія русскія сказки**—I, 151, 152, 220, 221, 588, 622; II, 232, 851.
Saglio—I, 560.
Сади—II, 3.
Садовниковъ—I, 620; II, 257.
Сантогъ, В. Н.—I, 32.
Саксъ (Саксонъ)—II, 195, 229.
С-а, К-а (Сушкова)—II, 128, 575, 634.
«**Салисбурн**»—II, 408.
* **Самоубійца**—II, 518.
Самчевскій—I, 223.
«**Les cent Nouvelles nouvelles**»—II, 87.
«**Sangreal**»—II, 7, 9, 11.
«**Cendrillon**»—II, 59.
Санѣлинъ, В. А.—I, 156, 161.
«**Сара Т*.***»—I, 149.
«**La Satyre de Petrone**»—II, 87.
Сафо—I, 158, 159, 160, 461, 702, 710.
Сахаровъ—II, 139, 140.
Свербеевъ, Д.—I, 44, 156, 158, 160, 161, 162, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234; II, 370, 635, 709, 766, 767, 791.
Светоній—I, 289.
Свиньинъ, Павелъ—I, 44, 156, 157, 231.
Свифтъ—I, 81.
Свиньинъ, Ал-ій—I, 709.
«**Свойство великой души**»—II, 738.
«**Свѣтъ, каковъ онъ есть**»—I, 150.
Сѣдлинниковъ—I, 32.
Селивановскій—I, 48.
Селивановъ—I, 232.
«**Селимъ и Дамасина**»—I, 1, 10, 152.
* **Селимъ и Роксана, или превратность жизни человѣческой**—I, 152, 155, 221; II, 89, 259, 359.
Selis—II, 66.
Селянинъ—I, 224, 225.
«**Семеро сватаются, а одному достанется, или удивительныя приключенія и благополучный бракъ Альфонса Рамира съ Ангеликой и трагическая смерть Роланда**»—II, 76.
* **Семь Симеоновъ**—I, 46; II, 53.
Сенека—I, 636.
«**Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи**»—II, 381.
Sepet—I, 520.
Сервантесъ—I, 69, 318, 346; II, 44, 80, 82, 84, 326, 333.
«**Le serpentin vert**»—II, 305.
Сибирскій, К. О.—II, 614, 635, 890.
* **Сивка-Бурка**—II, 311.
Сивилле, ле—I, 51, 378.
Сиамъ—I, 149.
«**Silves de la Selva**»—II, 18, 20.
Сиконисъ—II, 121, 122, 123.
Синоевскій, В. В.—I, 41, 148, 150, 152, 163, 220, 278, 279, 707, 708, 709, 711; II, 370, 404, 631, 632, 882.
Сирано де-Бержеракъ (Syrano de Bergerac)—I, 133, 386, 705.
«**Сирота Англинская**»—I, 51, 148.
Sismondi—II, 14.
«**Cythérée**»—I, 285, 288, 701.
«**Сициліанка добродѣтельная**»—I, 382.

*«Сказаніе объ Индіи богатой»—II, 72.
*«Сказаніе объ Іуліаніи Лазаревской»—I, 479; II, 380.
*«Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ»—II, 72, 136, 228.
*«Сказаніе о гордомъ царѣ Аггеѣ»—II, 136.
*«Сказаніе о Мароѣ и Маріи»—II, 380.
*«Сказка объ Ершѣ»—II, 235, 642.
*«Сказка о Горѣ-богатырѣ Косометовичѣ»—I, 151, 221; II, 89, 321, 321.
*«Сказка о 12 бутылкахъ, прохожемъ мальчикѣ и вѣдьмѣ, о купцѣ и прохожемъ»—II, 233.
*«Сказка о загадывальщикѣ и отгадывальщикѣ»—II, 233.
*«Сказка о золотой горѣ, или чудныя приключенія Идана восточнаго Царевича»—II, 258, 263, 282, 288, 289, 373.
*«Сказка о Кузьмѣ Скоробогатомъ»—II, 305.
*«Сказка о мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ царствѣ» (о трехъ царствахъ)—II, 282, 283.
*«Сказка о медвѣдѣ, мѣдномъ зубѣ»—II, 233.
*«Сказка о нѣкоторомъ богатырѣ Будѣ Жигуловичѣ»—II, 233.
«Сказка о померанцевомъ деревѣ» (L'oranger et l'abeille)—II, 77.
*«Сказка о славномъ и храбромъ витязѣ Бовѣ-Королевичѣ»—II, 233.
*«Сказка о тридцатитрехлѣтнемъ сиднѣ Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ»—II, 232.
*«Сказка о уткѣ съ золотыми яичками»—II, 233.
*«Сказка о царевичѣ Февеѣ»—I, 155, 220, 222; II, 89, 313, 314.
*«Сказка о царевичѣ Хлорѣ»—I, 152; II, 313.
*«Сказка о царѣ Сидорѣ и дѣвицѣ-Орлицѣ, созрѣлои ягодкѣ, съ приданымъ»—II, 233.
«Сказки Духовъ»—I, 149.
*«Сказки русскія, содержащія въ себѣ 10 различныхъ сказокъ»—II, 232.
Скарронъ—I, 9, 342, 344, 346, 700.
Скюдери—I, vii, 277, 290, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 311, 343, 360, 361, 262, 364, 369, 384, 387, 388, 406, 413, 669, 700, 703; II, 426, 897, 906, 907.
«Славныя волшебницы»—II, 85.
*«Словарь русскихъ суевѣрій»—II, 122.
«Славные язычники, или весьма достойнѣйшія любопытства приключенія Керея и Каллирои, знатнѣйшихъ Сиракузянъ...»—I, 249, 279.
*«Славенскія древности, или приключенія славенскихъ князей»—II, 88, 140, 158, 219, 231, 371.
«Слуга-герой»—II, 737.
«Смертоубійство за умышленное вѣроломство»—II, 409.
«Смертоубійство изъ фанатизма»—II, 409.
Смирдинъ—I, 453; II, 852.
Смирнова—I, 12, 45.
«Смоленской доброй крестьянинъ»—II, 739.
Смолеттъ—II, 80, 399, 891.
*«Собраніе нѣкоторыхъ сочиненій, подражаній и переводовъ»—I, 365.
*«Собраніе простонародныхъ русскихъ сказокъ, служащихъ увеселеніемъ и забавою любителямъ простого слова»—II, 223.
«Совершенная любовь» (L'amour parfait)—II, 77.
Соколовъ—I, 158, 224, 228, 232, 233, 234; II, 122.
Сократъ—I, 696.
*«Сокровище полезныхъ увеселеній»—I, 152; II, 365.
Соловьевъ, С. М.—II, 829, 841, 842, 886.
Сопиковъ—I, 32, 33, 47, 453, 697; II, 77, 428, 449, 852, 853, 854.
Сорель—I, 342, 344, 347, 700, 704.
«Le Sopha»—II, 67.
*«Софія»—I, 221; II, 427, 542, 634, 891.
«Софія и Емилій»—I, 18.
Софоклъ—I, 334.
«Софониба»—I, 163.
*«Софья»—I, 220; II, 428, 557, 631.
«Спокойствіе Кирово, или повѣствованіе его жизни»—I, 501.
«Способъ быть добродѣтельнымъ»—I, 53, 148; II, 407.
«Спутникъ и собесѣдникъ веселыхъ людей»—II, 888.
Срезневскій—II, 122.
Stael, m-me de—I, 2; II, 8, 402, 404.
Станкевичъ А. Н.—II, 885.
Страпарола—I, 61.
*«Старая погудка на новый ладъ, или сказокъ древнихъ, простонародныхъ, полное собраніе»—II, 233.
*«Старичокъ-весельчакъ»—I, 588; II, 232, 751.
Стернъ—I, 17, 18; II, 381, 382, 387, 404, 410, 414, 417, 427, 603, 603, 619, 638, 768, 772.

Стиль—II, 376, 410.
Стоговъ—I, 158, 224.
Стольнинъ Арк.—II, 428, 554, 634.
Стороженко—I, 346, 705.
«Страданіе молодой Емиліи»—I, 62, 148.
«Страданія Ортенберговой фамиліи»—I, 5.
*«Странность любви»—II, 320.
«Странныя приключенія Дим. Магубкина»—I, 150, 151, 221, 697, 698, 715, 890, 891.
Стрижекін—I, 48.
Ступинъ—I, 32.
Ступишина—II, 623.
«Soirées Bretonnes»—II, 58.
«Сугубое благодѣяніе»—II, 738.
«Султанъ Милапуфъ» (Sultan Misapouff)—II, 97, 76, 85.
Сумароковъ, А.—I, 5, 8, 23, 24, 27, 29, 46, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 192, 222, 223, 224, 226, 228, 229, 230, 232, 234, 387—II, 78.
Сумароковъ, Панкр.—II, 365, 765.
«Супружеская вѣрность»—I, 622, 688.
«Счастливый разводъ» (L'heureux divorce)—I, 495, 710.
«Suzette et Perrin»—I, 623.
«Сыновняя любовь»—II, 737.

«Tableau de la vie»—I, 29.
Тамченко-Рубанъ—I, 161, 163.
Тассо—II, 21, 22, 23, 37, 43, 76, 111, 156, 213, 223, 367.
Татлина, Н.—I, 44, 156, 158, 161.
Тацитъ—I, 289.
Тацій, Ахиллъ—I, 237, 238, 243, 244, 245, 246.
«Театръ свѣта»—I, 148, 149.
«Телемахида»—I, 153, 515.
*«Темная роща, или памятникъ нѣжности»—II, 428, 568.
*«Темной лѣсъ»—I, 152.
*«Темный лѣсъ, или чувство бѣдствій человѣческихъ и благотворенія»—II, 615, 635.
Тейльсъ—I, 46, 225.
Texte—II, 376, 377, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 410, 631, 632.
Тэнъ—II, 631.
Теокритъ (Феокритъ)—I, 186, 187, 457.
Терленкій, архим., В.—I, 156.
Террасонъ—I, 115, 119, 124, 129, 131, 132, 153, 154, 505, 528, 529, 533.
Тибуль—I, 457, 710.
Тикноръ—I, 344, 705.
Тимковскій, Илья—II, 613, 614, 635.
Тимофеевъ, И.—II, 232.
Титовъ—I, 222, 227, 231.
Тихонравовъ, Н. С.—II, 635.
Толль—II, 886.
Толстой, гр. Л. Н.—I, VII, 350, 360, 365, 479; II, 376, 731, 713, 915.
Толстой, гр. О.—I, 226, 229; II, 376.
Толубѣевъ, Н. Н.—I, 222, 224, 228, 229, 231, 232, 708.
Толычева, Т.—I, 44, 156, 158, 161, 222, 224, 228, 229, 230, 231, 234, 704, 883.
«Торжество добродѣтели»—I, 155.
«Торжество Амура надъ цѣломудріемъ»—II, 898.
«Торжество невинности»—I, 56, 148, 149.
«Торжество немилосердія, или повѣсть о жизни Амвросія Борели»—I, 71.
«Торжество супружеской любви надъ злосчастіями, или приключенія Аврокома и Анѳіи»—I, 216.
*«Торжествующая добродѣтель, или жизнь и приключенія гонимаго фортуною Селина»—I, 391, 461, 710; II, 296.
Тредіаковскій, В. К.—I, 46, 153, 333, 385, 386, 452, 453; II, 122.
«Le Triomphe des Neuf-Preux»—II, 87.
«Тристанъ»—I, 704—II, 7, 9, 15, 16, 87.
«Тристанъ и Изольда»—II, 74.
«Тристанъ л'Эрмитъ»—I, 342.
«Тристрамъ Шарди»—II, 410, 638.
«Трогательныя воспоминанія»—II, 638.
«Les trois moines»—I, 621.
«Les Trois Mousquétaires»—I, 287.
Тумашкій—I, 156, 157, 161, 230, 235.
Тургеневъ, Ив. С.—I, VII, 479; II, 566, 518, 614, 630, 694, 703, 915.
Тургеневъ, Ник.—I, 159, 160, 161, 224, 235.
«Тысяча и одинъ день» (Mille et un jour)—II, 14, 76.
«Тысяча и одинъ часъ»—I, 149.
«1001 дурачество» (Mille et une folies)—I, 620, 621, 623, 636, 714; II, 76.
«Тысяча и Одна Ночь» (Les Mille et une Nuit)—I, VIII, 9, 24, 149, 284, 461; II, 41, 45, 46, 54, 57, 58, 74, 77, 78, 229, 235, 259, 269, 295, 296, 297, 298, 299, 305, 366, 369, 374, 888.
«Тысяча и одна четверть часа» (Mille et une quart d'heures, les contes Tartares)—II, 57, 64, 74, 76.

*«Тяжба и судъ ерша съ лещомъ»—II, 233.
I. Вас. Иног.—I, 155; II, 89, 259.

«Увѣнчанные подвиги людей мудрыхъ и великихъ»—I, 151.
«Удивительныя крылья и фонарь» (изъ сборн. «Забавный разскащикъ»)—II, 306.
«Усердный прикащикъ Фирсъ Петровъ»—II, 739.
«Usong»—I, 153.
* Утренники влюбленнаго»—I, 221; II, 427, 451, 577, 598, 633.
Ушаковъ, О.—I, 156.
«Уши графа Честерфильда и деревенскій попъ Гудманъ»—I, 76.

Фаго (Faguet)—I, 281, 282, 317, 343, 344, 350, 700, 705, 706.
Fagnan—II, 318.
Фадѣевъ—I, 41, 157, 158, 223, 224, 225, 225, 227, 228, 229, 230, 232, 234, 235; II, 635, 828.
«Fabius und Cato»—I, 153.
«Фарамондъ»—I, 289, 296, 297, 701, 702.
«Les Faiblesses d'une jolie femme»—I, 623.
Федръ—I, 101.
Фенелонъ—I, 56, 71, 114, 115, 116, 117, 118, 121, 125, 128, 130, 132, 133, 134, 135, 141, 153, 154, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 343, 360, 362, 363, 369, 382, 383, 385, 386, 389, 449, 497, 501, 503, 509, 513, 515, 527, 528, 529, 530, 533, 534, 551, 558, 560, 563, 567, 570, 573, 705; II, 70, 599, 903, 906, 908, 917.
«Фердинандъ, англійскій посолъ»—I, 382.
«Физіологъ»—II, 136.
Филатовъ, А.—II, 369.
*«Филонъ»—I, 151, 152, 220, 321; II, 428, 561, 634, 640, 767, 884, 914.
«Философъ Англинской»—I, 50, 148, 149, 387.
Филостратъ—I, 320
Фильдингъ (Фельдингъ)—I, 6, 18, 29, 30, 45, 52, 53, 55, 68, 69, 389, II, 387, 399, 406, 407, 409, 411, 413, 414, 415, 417, 422, 892, 893, 894.
Фирдуси—II, 3.
Флавій, Іос.—I, 289.
«Фларента королевна и Георгій королевичъ»—I, 382.
*«Флейта»—II, 428, 573, 634.
«Fleur d'Epine»—II, 65.
Флоберъ—I, 365.
Флоріанъ—I, 472, 494, 502, 512; II, 80, 708.
«Florine ou la belle Italienne, nouveau Conte de Fées»—II, 313.
«Florisel de Nikea»—II, 18, 19.
*«Флоръ Силинъ»—II, 639, 734, 737, 739, 741, 743, 914, 918.
«Floire et Blanceflor»—II, 4.
«Фоблазъ» (Приключенія Фобласа)—I, 68, 149; II, 422.
Фонвизинъ, Д.—I, 45, 47, 156, 161, 216, 222, 223, 224, 225, 226, 229, 234, 618; II, 510, 894.
Фонтенель—I, 53, II, 599.
«La Forêt»—I, 19.
Форсъ, де-ла (de-la-Force)—II, 64, 87.
«Фортигверръ»—II, 76.
«Francion»—I, 312, 701.
«Францъ Имензоліусъ гишпанскій»—I, 382.
«Frauenzimmer-Belustigungen» — I, 627.
Foigny, Gabriel—I, 153.
Fumée, Mart.—I, 331.
Фюретьеръ (Furetière)—I, 342, 344, 347, 700.
Фюрстъ (Fürst)—II, 61, 62, 63, 67, 305, 311, 316, 326, 366, 370, 374, 631.

Haas—II, 631.
Haller—I, 153.
Hamilton—I, 344.
Харитонъ—I, 237, 240, 243, 244, 245, 246, 248, 258, 279, 280, 289, 332, 386, 906.
Харламовъ—I, 8.
Harrington—I, 153.
Хвостовъ, Дм.—I, 157, 161, 222, 234, 225, 226, 229, 231, 233.
Heine, C.—II, 631.
Hermenjat, L.—II, 631.
Херасковъ—I, 5, 23, 25, 71, 124, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 143, 144, 151, 152, 154, 155, 157, 160, 161, 162, 163, 221, 222, 228, 229, 230, 231, 333, 391, 410, 411, 508, 509, 511, 512, 513, 514, 515, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 550, 551, 552, 553, 554, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 568, 669, 711, 713; II, 140, 233, 364, 805, 908.
«Hercules»—I, 448.
Hercher—I, 279.
«Les heros de roman»—I, 318, 321.
«Heuresement»—I, 495.
«Hydromedia, seu sermo, quem Alphonsus de la Vita habuit coram

comite de Falmouth de monarchia»—I, 153.
«Хижина дяди Тома»—II, 518.
Histoire Aethiopique de Heliodorus, contenant dix livres, traitant des loyales et publiques amours de Théagenes Thessalien et Chariclea Aethiopienne —I, 279, 331.
«Histoire de Barlaam et de Josaphat, roi des Indes —II, 87.
«Histoire de la Félicité —I, 495.
«Histoire de Sevarambes —I, 153.
«Histoire d'Odine, conquerant, legislateur, enfin Dieu des anciens Scandinaves —II, 158.
«Histoire de Robert le Diable, duc de Normandie —II, 88.
«Histoire de Richard Sansperur» — II, 88.
«Histoire Celtique, où sous les noms d'Amendroix et de Célamire sont comprises les principales actions des nos Rois et les differentes fortunes de la Gaule et de la France —II, 158.
Хомяковъ, Евгр.—II, 305, 312, 313.
Hovey Stoddard—II, 631.
«Храбрый и смѣлой витязь Архидѣлчъ»—I, 222.
Храбрый философъ —I, 220, 221.
Храмъ добродѣтели»—I, 568.
* Храмъ истины, или видѣніе Сезостриса, царя Египетскаго —I, 144, 152, 154, 391, 563, 567, 713; II, 512.
Храмъ моды —I, 568.
«Храмъ славы (Le temple de la Renommée)—I, 564, 567, 568; II, 363.
Храмъ смерти —I, 568.
Храмъ фортуны —I, 568.
Храбровицкій—II, 374.
«Хромой бѣсъ»—I, 617, 638, 646, 697; II, 423.
«Хромой нищій —I, 149.
«Хроника Турнина» (Тюрненя)—II, 11, 83, 84, 158.
Цицеронъ—I, 318, 319, 320, 321, 325, 333, 334, 381, 709, 701; II, 45.

Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона»—II, 533.
Цвѣтъ пчеламъ —I, 140, 155, 620, 625.
«Целестина»—I, 149.
«Целина, или дитя тайны»—I, 6.
Цицеронъ—I, 569.
«Цыплодонъ и Цыцылія»—I, 382.

Чаадаевъ, С.—II, 410.
«Часовой —II, 738.
*«Часы задумчивости»—I, 46; II, 128, 577, 598.
Челищевъ—I, 157.
«Человѣколюбіе и мужество» — II, 738.
«Человѣкъ съ латынью»—I, 74, 83, 159.
Чемезова, Е. Н.—I, 231.
Черневской, Р.—I, 47, 226, 227, 233, 234, 390, 447, 709.
«Честной крестьянинъ»—II, 738.
Честной человѣкъ и плутъ»—I, 148.
* Четыре года жизни княгини К., или образецъ супружеской вѣрности —I, 391, 475, 489, 481, 710.
Чечулинъ, Н. Д.—I, 153.
«Civitas Solis, vel de reipublicae idea dialogus poeticus—I, 153.
Чичаговъ, Н. В.—I, 156, 160, 161, 223, 224.
* Чувства мои надъ гробомъ доброй Маріи —I, 151, 605; II, 605, 635.
«Чувствительный солдатъ»—II, 738.
«Чувствованіе благотвореній» — I, 46, 222.
* Чудныя похожденія Израда —II, 259, 265, 285, 287, 290, 292, 373.
Чулковъ — I, 16, 46, 109, 136, 140, 141, 142, 143, 144, 151, 152, 155, 220, 221, 231, 390, 391, 449, 450, 452, 453, 472, 560, 588, 589, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 627, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 640, 641, 647, 648, 709, 713, 714; II, 86, 87, 88, 89, 90, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 116, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 151, 152, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 178, 184, 185, 186, 187, 189, 191, 193, 195, 197, 198, 199, 201, 204, 205, 209, 211, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 245, 249, 250, 251, 252, 255, 256, 257, 258, 259, 265, 269, 272, 281, 305, 312, 332, 333, 336, 338, 340, 341, 342, 344, 358, 365, 367, 370, 371, 372, 639, 642, 648, 659, 671, 672, 697, 700, 703, 704, 705, 707, 708, 709, 714, 715, 716, 721, 851, 865, 880, 898, 901, 909, 910, 911, 914, 915.

Шависъ, Денисъ (Шовисъ)—II, 54, 56, 369.
Шаликовъ, князь—I, 17, 19, 46; II, 428, 568.

Шалимовъ—II, 784, 884.
Chapelain—II, 5.
Chassang—I, 278.
Шатобріанъ—I, 2, 334, 365.
Шаховской, Як., кн.—I, 44, 163, 224, 231; II, 882.
«**Шведская графиня, или жизнь госпожи де-Ге**»—II, 406.
«**Chevalier à la Charette**»—II, 87.
Шекспиръ—I, 410.
* **Шемякинъ судъ**»—I, 22.
Шепелевичъ—II, 366.
Шерръ—II, 877.
Шиповъ, Н.—I, 231, 232; II, 882.
Schmidt, Er.—II, 376, 377, 403, 410, 631, 632.
Шноръ—I, 48.
Шофенъ—I, 508.
Schroeder—I, 360, 363, 707.
Штерингеймъ—I, 18.
Schwartz—I, 278.
«**Шутливыя повѣсти**»—I, 9.

«**Щастливый несчастливецъ, или достопамятныя приключенія одного Австрійскаго офицера**» — I, 698.
Щегловъ, Н.—I, 153; II, 233.
Щепкина, Е.—I, 44.
Щербань, Н. — I, 44, 46, 159, 222, 228, 230, 231, 232, 233; II, 668, 882, 883.
Щербатовъ, М. М. кн.—I, 156, 157, 161, 163, 225, 227, 229, 230, 235; II, 251, 826, 883.

«**Ѣзда въ островъ любви**»—I, 148.

Эзопъ—I, 33.
«**Эмиль**»—II, 724.
Эминъ, Н.—I, 45, 46, 143, 152, 220, 221, 232, 234; II, 427, 460, 473, 474, 475, 476, 477, 488, 489, 507, 512, 517, 512, 633.
Эминъ, Ѳ.—I, 8, 45, 46, 131, 132, 143, 144, 151, 152, 154, 155, 390, 391, 392, 398, 399, 402, 403, 404, 405, 406, 497, 498, 501, 502, 503, 504, 507, 508, 509, 622, 619, 661, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 708, 711, 714; II, 256, 413, 427, 428, 429, 430, 432, 434, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 449, 450, 451, 453, 454, 459, 463, 487, 632, 695, 894, 895, 896, 897, 908, 914.
Энгельгардтъ, Л.—I, 159, 163, 222, 224, 225, 227, 231, 714; II, 671, 816, 821, 881.
«**Энни, или мудрецъ и Атеистъ**»—I, 74.
«**Эпаменондъ и Пелеріана**»—I, 8, 382, II, 74.
Эспинель—I, 346.
«**Эстелла**»—I, 148, 149; II, 80.
«**Эйленшпигель**»—II, 877.

«**Ювенальъ**»—II, 402.
Юкинъ—I, 157, 231, 233.
«Юлія» — I, 149, 391, 475, 482, 495, 710; II, 520, 891.
Юнгъ—I, 14, 18, 103; II, 459, 462, 463, 465, 470, 474, 490, 556, 557, 574, 578, 623, 646, 778, 779.
Юрфэ (d'Urfé)—I, 284, 285, 286, 287, 301, 387, 700, 701.
Юстинъ—I, 289.

«**Iason et Medea**»—I, 448.
Яносъ-и-Ривера—I, 346.
Языковъ, Д.—I, 74, 150.
«**Яшенька и Жеоржетта**»—I, 9.
Ямвлихъ—I, 236, 238, 240, 243, 244, 245, 332, 906.
«**Осатръ чрезвычайныхъ происшествій**»—I, 588, 620, 621.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава VI . . . . . 1—374

Волшебно-рыцарскій романъ — 1-365; отношеніе къ нему русской публики—71-86; библіографія русскаго волшебно-рыцарскаго романа—87-89.

1) *Рыцарскій романъ* — 6-44. Чулковъ: „Пересмѣшникъ"—90-140; М. Поповъ: „Славенскія древности"—140—161; Чулковъ: „Русскія сказки"—162-236; „Вечерніе часы"—236-258; „Одушевленная статуя"—259-263; „Сказка о Золотой Горѣ"—263-265; „Чудныя похожденія Израда"—265-269; „Зубоскалъ"—269-274; „Низверженный Зелулъ"—274-289.

2) *Восточная сказка (типа «Сказокъ 1001 ночи»)* — 44-58; „Зубоскалъ" 295-300.

3) *Сказки о феяхъ* — 58-68. A) „Дѣвушкины прогулки"—300-305; Е. Хомяковъ: „Забавный разсказщикъ"—305-313. B) Имп. Екатерина: „Сказка о царевичѣ Хлорѣ"—313-314; ея же—„Сказка о царевичѣ Февеѣ"—314-316; Карамзинъ: „Прекрасная царевна и счастливый Карла"—316-321. C) „Добрада-волшебница" — 321-324; Имп. Екатерина: „Сказка о Горѣ-богатырѣ Косометовичѣ"—324-326; Крыловъ: „Канбъ"—326-331; „Дремучій лѣсъ"—331-332. D) Чулковъ: „Приключенія Любомира и Гремиславы"—332-344.

Добавленіе: М. Комаровъ: „Невидимка"—345-359; С. Глинка: „Селимъ и Роксана"—359-365.

Примѣчанія и ссылки, относящіяся къ VI главѣ—366-374.

Глава VII . . . . . 375—635

Англійскій романъ—375-630; отношеніе къ нему русской публики и критики—409-426; библіографія русскихъ подражаній „англійскому" роману—427-428

1) *Романъ типа произведеній Ричардсона*—377-383;

2) *Романъ типа «Новой Элоизы»* — 383-387. Ѳ. Эминъ: „Письма Эрнеста и Доравры"—428-454; В. Левшинъ: „Утренники влюбленнаго"—454-460; Н. Эминъ: „Роза"—460-477; его же: „Игра судьбы"—477-491; Н. Львовъ: „Россійская Памела"—491-512.

стр.

3) *Романъ типа „Вертера“*—387-396. Н. Карамзинъ: „Бѣдная Лиза“—512-520, его же: „Ліодоръ“—520-524; Клушинъ: „Несчастный М-въ“—521-532; „Нѣсколько писемъ моего друга“—533-542; П. Львовъ: „Софія“—542-546; В. Измайловъ: „Ростовское озеро“—547-554; Арк. Столыпинъ: „Отрывокъ“—554-557; Каменевъ: „Софья“—557-560; „Филонъ“—561-562; кн. Д. Горчаковъ: „Пламиръ и Раида“—562-568; „Темная роща“—568-572; „Флейта“—573-575; К—а С—а. „Переяславское озеро“—575-577; І. Галиновскій: „Часы задумчивости“—577-584; П. Львовъ: „Александръ и Юлія“—584-594; В. Попугаевъ: „Аптекарскій островъ“ 594-597; А.* Я.* „Милыя, нѣжныя сердца“—598-603; Карамзинъ: „Евгеній и Юлія“—604-605; В. Измайловъ: „Чувства мои надъ гробомъ доброй Маріи“—605-606; его же: „Минутное блаженство“—606-610; „Парамонъ и Варенька“—611-613; Н. Тимковскій: „Бѣглецъ“—613-614; К. Ѳ. Спб.: „Емилія“—614-615; П—й „Темный лѣсъ“—615-617; М. Б.: „Дорога къ селу“—617; „Озеро“—618.

Примѣчанія и ссылки, относящіяся къ VII главѣ—631-635

Глава VIII 635-890

Русскій оригинальный романъ — 636-881; его библіографія—639-640. „Приключенія Ивана Гостинаго Сына“—640-672. М. Комаровъ: „Несчастный Никаноръ“—672-696; Чулковъ: „Досадное пробужденіе“—697-699; его же:—„Горькая участь“ 699-704; его же: „Новоиспеченный скоморохъ“—705-709; его же: „Повѣсть о новомодномъ дворянинѣ“—709-716; „Кривоносъ-домосѣдъ, страдалецъ модной“ — 716-721; Карамзинъ: „Наталья, боярская дочь“ — 721-734; его же: „Флоръ Силинъ“ — 734-740; „Иванъ Варѳоломеичъ“—740-741; „Извозчикъ“—741-743; А. Л.: „Неонила“—743-767; „Филонъ“—767-779; „Письмо къ Б.“—780; „Разговоръ“—780-784; „Вояжъ моего друга 784-786; „Мои свадебныя приключенія“—787-794; А. Измайловъ: „Евгеній“—794-828. „Исторія Ваньки-Каина“—829-879.

Примѣчанія и ссылки, относящіяся къ VIII главѣ—882-890.

Добавленія и исправленія—890-901.

Выводы 902-918.

Алфавитный указатель —919-941.

Главнѣйшія опечатки.

Приложеніе.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Вып. I-й.

Напечатано:	*Должно быть:*
стр. VII, 10 стр. снизу—epochenmachend	Epoche machend
„ VII, стр. 8 сверху: значенія	значеніе
„ X, стр. 14 сверху: 2) для	3) для
„ 2 „ 9 снизу: XVIII—I	XVIII-го в.
„ 16, стр. 8 сверху: Роландъ, Ренальдъ,—имена	Роландъ,—имена
„ 27, стр. 6 сверху: нихь	нихъ
„ 28, стр. 14 снизу: Но что непохвально для книгъ хорошаго содержанія. Романы для того читаютъ.	Но, что непохвально для книгъ хорошаго содержанія, романы
„ 32, стр. 4 снизу: заглавіе было	заглавіе которыхъ было
„ 33 „ 4 сверху: Изъ исторій	Изъ исторіи
„ 39 „ 7 снизу: II-ой и IV-ой	II-мъ и IV-мъ
„ 50 „ 2 сверху: моральныя, философскія и политическіе	моральные, философскіе и политическіе
„ 55 стр. 2 сверху: Рихардсона	Ричардсона
„ 68 „ 13 „ Филдингъ	Фильдингъ
„ 69 „ 18 „ Гольсмитта	Гольдсмитта
„ 92 „ 2 снизу: христьянъ	Христіанъ
„ 95 „ 16 „ переправивъ	переправилъ
„ 102 „ 19 „ говорнтъ	говоритъ
„ 111 „ 19 „ бощества	общества
„ 116 „ 11 „ доносщиками	доносчиками
„ 124 „ 4 „ Хараскова	Хераскова
„ 128 „ 6 сверху: Фонелона	Фенелона
„ 132 „ 14 снизу: французскихъ	французскихъ
„ 156 „ 22 „ Грабовскаго	Грибовскаго
„ „ „ 28 „ Аскочинскаго	Аскоченскаго
„ 168 „ 13 „ людьми	людьми
„ 181 „ 5 „ наукамъ	наукамъ
„ 189 „ 14 „ Скотининымъ	Скотининими
„ 188 „ 12 сверху: охъ	ахъ
„ 190 „ 6 „ креетьянинъ	крестьянинъ
„ 191 „ 2 „ безпокоются болѣзнью	безпокоится по поводу болѣзни
„ 199 „ 1 „ источникоъ	источниковъ
„ 200 „ 13 снизу: женнину	женину
„ 203 „ 12 сверху: щеголихи, рѣдко	щеголихи, сравнительно рѣдко
„ 213 „ 15 „ людйе	людей
„ 218 „ 10 „ пляски, разбойничество	пляски, самое широкое и организованное разбойничество

Напечатано.	*Должно быть.*
стр. 223 стр. 17 снизу 66	6
„ „ „ „ Муркуріи	Меркуріи
229—231 нумерація ссылокъ на одинъ № повышена (вм. 316 надо 315 и т. д.).	
„ 236 стр. 31/9 сверху: Rhode	Rohde
„ 239 „ 1 снизу: еллина	эллина
„ 241 „ 17 „ была только литературнымъ	была литературнымъ
„ 242 „ 12 снизу: письмахъ, сентенціи и изреченія	письмахъ, наклонность къ сентенціямъ и изреченіямъ
„ 245 „ 24 сверху: замѣчается уже замѣтный уклонъ	наблюдаемъ уже замѣтный уклонъ
„ 249 „ 8 снизу: коимъ	моимъ
„ 250 „ 19 сверху: ressembent	ressemblent
„ 251 „ 11 „ касаются	касается
„ 257 „ 16 снизу: великое трепетаніе	великое волненіе
„ 261, „ 5 сверху: сказатъ	сказать
„ 262 „ 11 снизу: далеко отошедшія	нѣсколько отошедшія
„ 279 „ 18 сверху: Guerard'y	Querard'y
„ „ „ 16 снизу: Guerard'омъ	Querard'омъ
„ 281 „ 9 сверху: наоборотъ	потому
„ 296 „ 22 „ къ греческимъ еще	къ греческимъ (Харитона) еще
„ 313 „ 2 снизу: elles	elle
„ 316 „ 3 „ сумазбродный	сумасбродный
„ 321 „ 14 „ Еллады	Эллады
„ 323 „ 10 „ sera	fera
„ 326 „ 3 „ ceur	cour
„ 336 „ 13 сверху: связываются	связывается
„ 343 „ 14 „ keepsakes	keepsakes
„ 343 „ 10 сверху: sentiment	sentiment
„ 344 „ 13 „ Лабрюэйера	Лабрюйера
„ 344 „ 13 „ Charactères	Caractères
„ 348 „ 14 „ Gil Bras	Gil-Blas
„ 350 „ 18 „ возвышеностью	возвышенностью
„ 352 „ 5 „ Лабрюэйра	Лабрюйера
„ 358 „ 13 „ инквизаціей	инквизиціей
„ 365 „ 1 „ divine	divin
„ 368 „ 8—5 снизу: Разгнѣванное небо... sortir jamaïs	*(Эти строки должны быть опущены).*
„ 371 „ 23 сверху: любовниня	любовница
„ 381 „ 19 снизу: великокультивирующее	великое культивирующее
„ 382 „ 3 сверху: Едуардъ	Едуардъ
„ 382 „ 3 „ Жонетта	Жанетта
„ 382 „ 13 „ Зелимъ	Селимъ
„ 394 „ 20 „ пишетъ	пишетъ
„ „ „ 10 снизу: Мемфитъ	Мемфисъ
„ 394 „ 15 снизу: сердрѣ	сердцѣ
„ 395 „ 1 сверху: заявилетъ	заявляетъ
„ 396 „ 19 снизу: на казнь за кражу	(не объявлено, что онъ былъ обвиненъ ложно)
„ 397 „ 14 сверху: безъвнѣстно	безъизвѣстно
„ 399 „ 5 „ аристокротизмомъ	аристократизмомъ

Напечатано.				*Должно быть.*
стр. 405	стр. 13	снизу:	передъ которой	надъ которой
„ „	„ 8	„	переходитъ	словно переходитъ
„ 407	„ 6	„	разстрогается	растрогается
„ 409	„ 8	сверху:	матеря	матери
„ 409	„ 2	„	противорѣчія	противорѣчіе
„ 413	„ 1	„	(подстрочное примѣчаніе должно быть перенесено на стр. 412).	
„ 425	„ 6	снизу:	дочери	племянницѣ
„ 431	„ 13	сверху:	имъ	дамамъ
„ 436	„ 19	„	убъетъ	убьетъ
„ 437	„ 2[illegible] и 19	снизу:	Сасаръ	Саваръ
„ 441	„ 13	„	судьба	судьбы
„ „	„ 7	„	Кайлуса	Кайлюса
„ 443	„ 7	снизу:	упалъ на	упалъ какъ
„ 457	„ 6	снизу:	литератцрѣ	литературѣ
„ 457	„ 3	снизу:	Аристонаевы	Аристоноевы
„ 462	„ 10	сверху:	желанія	желаніе
„ 466	„ 24	сверху:	Любочества	Любочеста
„ 483	„ 13	„	мущинъ	мужчинъ
„ 490	„ 13	сверху:	покидала	покинула
„ 494	„ 13	снизу:	Contes mo-	Contes moraux
„ 495	„ 11	сверху:	rales	
„ 496	„ 21	„	jotie	jolie
„ 509	„ 4	„	автора	авторовъ
„ 514	„ 18	„	Егеры	Егерли
„ 516	„ 19	„	Эвіонъ	Эхіонъ
„ 518	„ 19	„	Гармоніи	Гармонію
„ 519	„ 16	„	Какъ онъ достигъ прорицалища Фива и, на его вопросъ, гдѣ Европа, прорицатель сказалъ, что боги запрещаютъ ему это сказать.	Онъ достигъ прорицалища Фива, и, на его вопросъ, гдѣ Европа, прорицатель отвѣтилъ, что боги...
„ 524	стр. 10	сверху:	Салгеса	Самгеса
„ 524	„ 16	„	Кадмъ его онъ не убережетъ.	Если Кадмъ его не убережетъ
„ 526	„ 6	сверху:	побожителямъ	небожителямъ
„ 532	„ 12	„	природы	природы
„ 537	„ 20	сверху:	къ ихъ разуму	ихъ къ разуму
„ 537	„ 20	снизу:	объясняетъ	объясняетъ
„ 538	„ 16	сверху:	померъ	умеръ
„ 636	„ 22	снизу:		
„ 538	„ 21	„	Ликаста	Полидора
„ 539	„ 21	сверху:	Сіанту	Сіянту
„ 558	„ 2	„	Ахеронта	Ахерона
„ 559	„ 3	„	миѣ „Делсѣ"	миѣ о Делосѣ
„ 570	„ 19	сверху	мѣстомъ	мѣстамъ
„ 602	„ 5	„	Вадимиры	Владимиры
„ 605	„ 4	„	любовники	любовники
„ 607	„ 7	„	достаточнаго	достаточно
„ 613	„ 5	снизу	удалось. Равно	удалось, равно

Напечатано:	*Должно быть:*
стр. 616 стр. 11 снизу: Ададуронъ	Ададуровъ
„ 627 „ 1 „ фацецей	фацеціи
„ 650 „ 17 сверху: по адресу къ устамъ и рукамъ	по адресу устъ и рукъ
„ 698 „ 5 сверху: Могушкинъ	Магушкинъ
„ 710 „ 15 и 21 св.: Анакреонтомъ	Анакреономъ

Вып. II-й.

стр. 2 стр. 7 сверху: генеологіей	генеалогіей
„ 3 „ 13 снизу: Андромахъ	Андромеды
„ 4 „ 14 „ Athis и Prophilias	Athis et Prophilias
„ 8 „ 16 сверху: элленизма	эллинизма
„ 8 „ 19 „ незнающій	не знающій
„ 9 „ 10 „ Совокупленіе демона съ земной женщиной („Merlin"). Оборотничество	Совокупленіе демона съ земной женщиной („Merlin"), оборотничество
„ 11 стр. 9 сверху: Цесарь	Цезаря
„ 11 „ 5 снизу: старые	старыя
„ 11 „ 13 „ Дуриндана	Дурандаль
„ 28 „ 1 снизу: Пасифея	Пасифая
„ 45 „ 13 сверху: передь	передъ
„ 51 „ 22 „ острову	островѣ
„ 53 „ 22 снизу: Гарунъ	Гаруна
„ 64 „ 11 сверху: элементъ чудеснаго представленъ у ближайшей ея ученицы de la Force	элементъ чудеснаго представленъ у ближайшей ученицы d'Aulnoy—de la Force
„ 66 „ 16 „ Prence	Prince
„ 69 „ 1 снизу: исключащихъ	исключающихъ
„ 70 „ 13 „ правоучительскаго	правоучительнаго
„ 74 „ 3 „ нѣкоторыя	нѣкоторые
„ 74 „ 4 „ онѣ	они
„ 75 „ 20 „ Villneuve	Villeneuve
„ 83 „ 18 „ простолюдномъ	простолюдинкомъ
„ 89 „ 5 снизу: Екатерины	Екатерины
„ 90 „ 3 сверху: Славянскія	Славенскія
„ 91 „ 11 „ Надь	Надъ
„ 94 „ 25 „ мущинамъ	мужчинамъ
„ 99 „ 23 сверху: лице	лицо
„ 104 „ 3 снизу: Хотыня	Хотынь
„ 104 „ 18 „ } Хотыня	Хотыни
„ 105 „ 9 сверху: }	
„ 117 „ 12 „ Прелѣна	Прелѣпа
„ 120 „ 16 „ незналъ	не зналъ
„ 126 „ 4 снизу: Чулковъ	Чулковымъ
„ 126 „ 4 „ соприкосаются	соприкасаются
„ 133 „ 13 сверху: Ноѣ	Іонѣ
„ 136 „ 7 сверху: Аггѣѣ	Аггеѣ
„ 146 „ 3 „ потерянный	потерянный
„ 148 „ 16 „ померъ	умеръ
„ 148 „ 17 „ обряду	обряду"
„ 148 „ 3 снизу: Въ другомъ прелестномъ живутъ	Въ другомъ прелестномъ замкѣ живутъ
„ 153 „ 10 снизу: Но онъ является	но является

Напечатано:				*Должно быть:*
стр. 153	стр. 11	снизу:	гумманности	гуманности
„ 157	„ 15	„	красавицамн	красавицами
„ 158	„ 20	„	напримѣръ онъ, слѣдуя за Чулковымъ Поповъ однако	напримѣръ, слѣдуя за Чулковымъ, Поповъ, однако,
„ 158	„ 19	снизу:	Свѣтлосава	Свѣтлосана
„ 161	„ 1	„	Когда три сына Таргитая не могли подѣлить престола. Дѣдъ нашъ	Когда три сына Таргитая не могли подѣлить престола,—дѣдъ нашъ
„ 171	„ 18	снизу	видя ея упорство	видя упорство Прелѣпы
„ 171	„ 17	„	и отцу Прелѣпы	и ея отцу
„ 173	„ 5	сверху:	Вейдевутъ	Вайдевутъ
„ 176	„ 22	снизу:	Абака	Абакая
„ 176	„ 4	„	учинилл	учинила
„ 180	„ 2	сверху:	настоящія	настоящія ночи
„ 185	„ 11	снизу:	Васильѣ	Василіи
„ 191	„ 9	„	мущина	мужчина
„ 197	„ 6	„	Любимира и Гориславы	Любомира и Гремиславы
„ 201	„ 16	снизу:	Усладъ	Булатъ
„ 205	„ 1	сверху:	составляютъ собою	составляютъ между собою
„ 212	„ 23	снизу:	пособлящаго	пособляющаго
„ 214	„ 1	сверху:	быль	былъ
„ 273	„ 14	сверху:	ищущую	ищущимъ
„ 274	„ 23	сверху:	приводитъ	проводить
„ „	„ 13	снизу:	сынъ будетъ этотъ	сынъ этотъ будетъ
„ 301	„ 17	снизу:	фалелея	Фалалея
„ 303	„ 8	„	непреодолимомую	непреодолимую
„ 305	„ 11	„	носящитъ	носящихъ
„ „	„ 3	„	отвѣчаетъ	отмѣчаетъ
„ 310	„ 1	„	оживляющіе	оживляющія
„ 314	„ 10	„	Лѣнь-тяѣ	Лѣньтяѣ
„ 315	„ 19	„	убѣждаютъ	убѣждать
„ 318	„ 10	снизу:	премыкаетъ	примыкаетъ
„ „	„ 6	„	госпожи	г-жи
„ 321	„ 10	сверху:	воопоминанія	воспоминанія
„ „	„ 11	„	идеѣ	идеи
„ 337	„ 9	„	произведенія	произведеніе
„ 340	„ 16	„	эпи-зоды	эпизоды
„ 363	„ 18	„	состредоточились	сосредоточились
„ 366	„ 1	„	ссыли	ссылки
„ 368	„ 1	снизу:	предисловіи	предисловій
„ 370	„ 30	„	Свербѣева	Свербеева
„ 371	„ 20	„	Славянскія	Славенскія
„ „	„ 1	„	situationux	situations
„ 413	„ 6	снизу:	Сліянія	Сіянія
„ 414	„ 17	сверху:	говорѣ	говора
„ 422	„ 8	сверху:	О восторженномъ отношеніи	Восторженное отношеніе

				Напечатано.	*Должно быть.*
стр.	431	стр.	10 сверху:	средство	средству
„	443	„	17 „	бысъ	бы съ
„	444	„	9 снизу:	Ипполитъ пишетъ Ернесту	Ернестъ пишетъ Ипполиту
„	456	„	5 сверху:	упѣхи	утѣхи
„	459	„	23—24 св.:	это произведеніе по формѣ есть	это произведеніе есть
„	468	„	23 сверху:	Софья!	Роза!
„	473	„	8 „	Вождь, знаменитый	Вождь знаменитый
„	489	„	19 снизу:	Ѳ. Эминъ	Н. Эминъ
„	492	„	20 „	ебъятія	объятія
„	500	„	14 снизу:	мущины	мужчины
„	504	„	7 снизу:	Російскою	Россійскою
„	596	„	5 сверху:	Гольсмитта	Гольдсмитта
„	506	„	12 снизу:	поэтому	по этому
„	512	„	1 сверху:	острову	островѣ
„	513	„	5 снизу:	приведеннномъ	приведенномъ
„	514	„	14 „	Си*нова	Симонова
„	515	„	9 сверху:	продаетъ его дѣвушка	продаетъ его, дѣвушка
„	534	„	5 снизу:	временной	временный
„	566	„	7 „	войнѣ	войнѣ)
„	575	„	8 сверху:	Переславское	Переяславское
„	580	„	1 сверху:	сердце	сердце
„	583	„	11 снизу:	требованья, Елиза	требованія, Элиза
„	583	„	7 снизу:	Елизу	Элизу
„	584	„	3 сверху:	Елиза	Элиза
„	601	„	18 снизу:	Евгеній	Евгенія
„	—	„	10 „	бозсмертія	безсмертія
„	615	„	14 сверху:	Эмиліи	Эмиліи
„	620	„	4 снизу:	„вертерахъ“	„Вертерахъ“
„	621	„	10 сверху:	нехотѣлъ	не хотѣлъ
„	624	„	13 снизу:	егоизмъ	эгоизмъ.
„	626	„	19 сверху:	воридкамъ	порядкамъ
„	631	„	18 „	И. Н. Карамзинъ... нутешественника	Н. М. Карамзинъ... путешественника
„	—	„	15 „	свадьбой	свадебнымъ
„		„	17 снизу:	„Пересмѣшникъ“	„Пересмѣшникъ“
„	641	„	1 сверху:	распустнаго	распутнаго
„	644	„	22 снизу:	Новикоеа	Новикова
„	660	„	7 сверху:	присащикомъ	приказчикомъ
„	683	„	5 „	герсемъ	горемъ
„	685	„	11 сверху:	сестрица	супруга
„	686	„	17 „	нектоpомъ	нектаромъ
„	697	„	4 снизу:	протяжнаго	продолжительнаго
„	706	„	15 сверху:	врютался	втюрился
„	734	„	9 „	Сскобѣевѣ	Скобѣевѣ
„	„	„	17 снизу:	столѣтіи	столѣтіи
„	739	„	15 сверху:	Гольсмитта... Священникъ	Гольдсмитта... Священникъ
„	756	„	22 сверху:	завѣдованіе	завѣдываніе
„	827	„	15 снизу:	слѣдующен	слѣдующее
„	828	„	5 сверху:	увольнія	увольненія

Напечатано.	*Должно быть.*
стр. 858 стр. 14 снизу: нѣкоторыл	нѣкоторыя
„ 897 „ 12 сверху: знакомство съ переводами по существу не нарушая моей классификаціи, Эминъ	знакомство съ переводами Эмина, по существу не нарушая моей классификаціи,
„ 906 стр. 4 снизу: литературнаго	литературная
„ 909 „ 4 сверху: всовозможными	всевозможными

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3095
S55
1909a
t.1
vyp.2
no.2

Sipovskii, Vasilii Vasil'evich
Ocherki iz istorii russkago romana